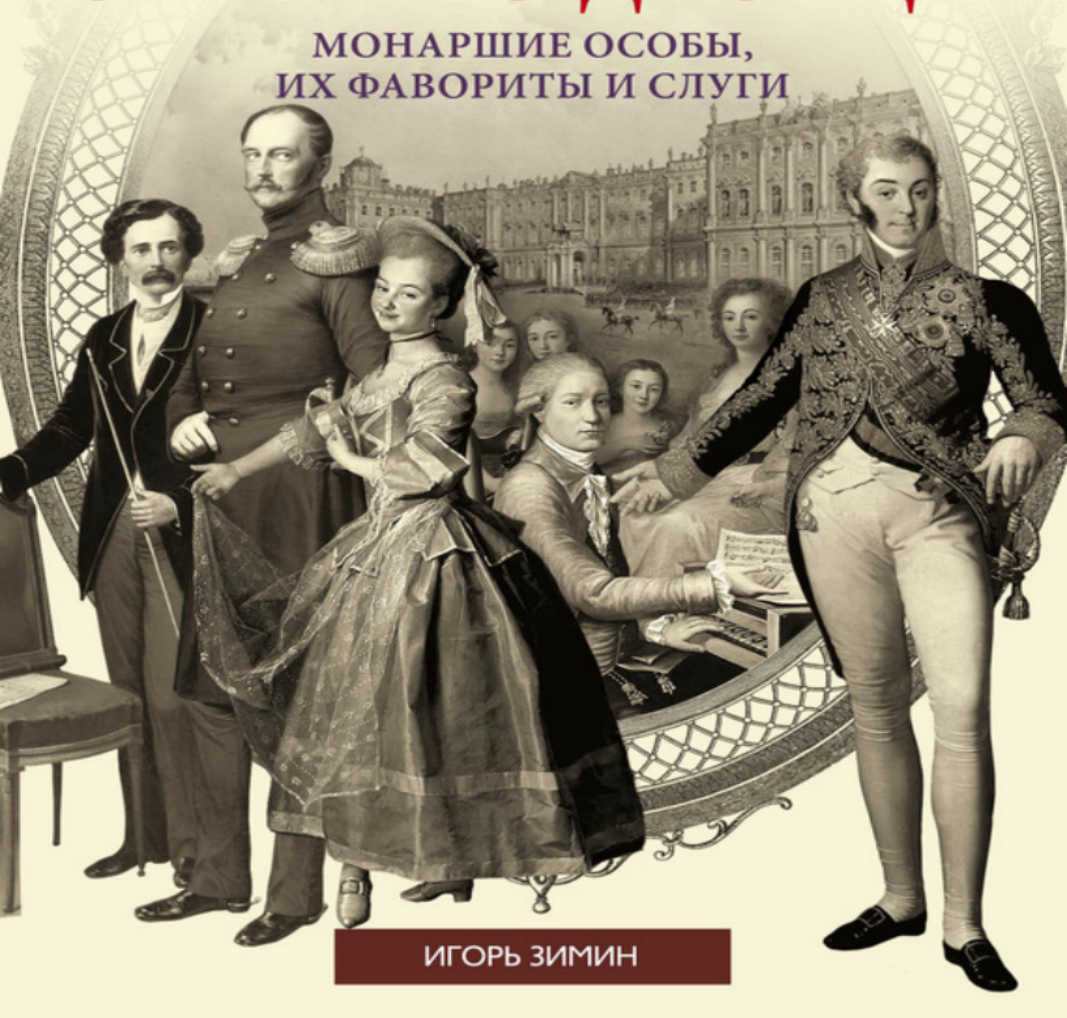
400 лет ДОМУ РОМАНОВЫХ

ЛЮДИ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

МОНАРШИЕ ОСОБЫ, ИХ ФАВОРИТЫ И СЛУГИ



ИГОРЬ ЗИМИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В предлагаемой книге профессор И. В. Зимин приводит результаты своих очередных исследований повседневных аспектов жизни российских монархов в Зимнем дворце. Кроме того, он обстоятельно рассказывает о традиционных церемониалах, праздниках и развлечениях в монаршем доме, о медиках, обслуживавших государей, об организации охраны Зимнего дворца в различные периоды его истории, о том, что происходило во дворце в революционном 1917 году.

- Игорь Зимин
  -
  - Введение
  - Глава 1. Монаршие особы зимнего дворца
    - Екатерина II
    - Павел I
    - Александр I
    - Николай I
      -
      - Ноябрь-декабрь 1825 г. в Зимнем дворце
      - Семья Николая I
    - Александр II и его семья
    - Александр III
    - Николай II
  - Глава 2. Церемониалы зимнего дворца
    -
    - Большой и малый выходы в зимнем дворце
    - Представления императорской чете
    - Свадьбы
    - Парадные трапезы
    - Выход к иордани
    - Дворцовые парады
      -
      - Парады на площадях у Зимнего дворца
  - Глава 3. Праздники и развлечения в зимнем дворце
    -
    - Рождество, новый год, масленица
    - Балы и маскарады
    - Эрмитажный театр
    - Музыка в зимнем дворце
    - Игра в бильярд
  - Глава 4. Организация охраны зимнего дворца в

различные периоды его истории
- 1762–1861 годы
- 1861–1904 годы
- 1904–1917 годы

- Глава 5. Медицинское обслуживание государей и их семейств
  - Врачи Екатерины II
  - Врачи Павла I
  - Врачи Александра I
  - Врачи Николая I
  - Врачи Александра II
  - Врачи Николая II
  - Санитария, гигиена и профилактика заболеваний в стенах зимнего дворца
- Глава 6. Российское общество красного креста создавалось в зимнем дворце
- Глава 7. Пестрые факты и легенды из истории зимнего дворца
  - «Люди» Зимнего
  - Придворные художники
  - Дворцовый криминал[1002]
  - Легенды и мифы зимнего
  - Туристы в Зимнем
  - Мохнатая и пернатая живность в Зимнем[1046]
- Глава 8. Зимний дворец в 1917 году
- Заключение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325

- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369

- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413

- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457

- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501

- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545

- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589

- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633

- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677

- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721

- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765

- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809

- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853

- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897

- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941

- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985

- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029

- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073

- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110
- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117

Игорь Зимин
Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги

© Зимин И.В., 2014
© ООО «Рт-СПб», 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Введение

С 1762 по 1917 г. Зимний дворец оставался главной резиденцией императорской семьи. В 1762-м началась его «биография», которую в первую очередь «делали» первые лица государства, жившие в нем. Но, кроме первых лиц, как правило, располагавшихся на втором, парадном этаже, в огромном дворце жили сотни других людей. Они селились как во вполне благоустроенных квартирах на третьем этаже резиденции, так и в дворцовых подвалах, каморках и на чердаках. Многие из этих людей также оставили свой след в «биографии» Зимнего дворца.

Отсвет этого бесчисленного множества судеб до сих пор хранят стены Зимнего дворца, в его прошлом неразрывно сплавились «люди и стены», и настоящая книга не претендует на какое-либо полное изложение истории проживания здесь многих поколений Романовых и их окружения – слишком эта история пестра и многогранна. Кроме того, многие события и факты затрагивались в наших предыдущих работах, посвященных повседневной жизни Романовых[1].

В настоящей книге рассматриваются только некоторые сюжеты, что происходили либо в самом Зимнем дворце, либо в непосредственной близости от него, поскольку главным героем книги является сам Зимний дворец.

По словам В. А. Жуковского, «Зимний дворец как здание, как царское жилище, может быть, не имел подобного в целой Европе. своею огромностью, своею архитектурою изображал он могущественный народ, столь недавно вступивший в среду образованных наций, а внутренним своим великолепием напоминал о той неисчерпаемой жизни, которая кипит во внутренности России… Зимний дворец был для нас представителем всего отечественного, русского, нашего».

Глава 1. Монаршие особы зимнего дворца

Екатерина II

Екатерина II прожила в Зимнем дворце все свое царствование, с 1762 по 1796 г. – 34 года. Конечно, она весной выезжала в Царское Село, затем переезжала в Петергоф, опять возвращалась в Царское Село и только в середине сентября – в октябре возвращалась на зиму в любимый ею дворец. Живя зиму в Петербурге, она довольно редко покидала свой дом, где имелось все необходимое для комфортной и спокойной жизни. Поскольку многообразие жизни неисчерпаемо, обратимся лишь к некоторым сюжетам из жизни императрицы «на фоне» Зимнего дворца…

Екатерина II въехала в Зимний дворец в апреле 1762 г., накануне Пасхи, как супруга императора Петра III Федоровича. В статусе супруги императора она пребывала в Зимнем дворце очень недолго – с начала апреля по конец июня 1762 г. В этот срок она родила от Григория Орлова ребенка, обустроилась в новых покоях, организовала и успешно осуществила государственный переворот и короновалась, превратившись из супруги императора в полноправную хозяйку огромной империи. Для Екатерины Алексеевны это было действительно очень горячее время…

Тогда, весной 1762 г., современники, впервые оказавшиеся в Зимнем дворце, с любопытством осматривали огромное, еще недостроенное и необжитое здание. Даже в необустроенном виде Зимний дворец производил огромное впечатление на всех видящих его. Одним из таких свидетелей начала «жизни» Зимнего дворца стал А. Т. Болотов. Будучи адъютантом высокопоставленного лица, он регулярно в апреле-июне 1862 г. бывал в императорской резиденции, впоследствии подробно описав увиденное.

Мемуарист отмечал, что «самая уже огромность и пышность здания сего приводила меня в некоторое приятное изумление, а когда вошел я с генералом внутрь сих новых императорских чертогов и увидел впервые еще от роду всю пышность и великолепие дворца нашего, то пришел в такое приятное восхищение, что сам себя почти не вспомнил от удовольствия.

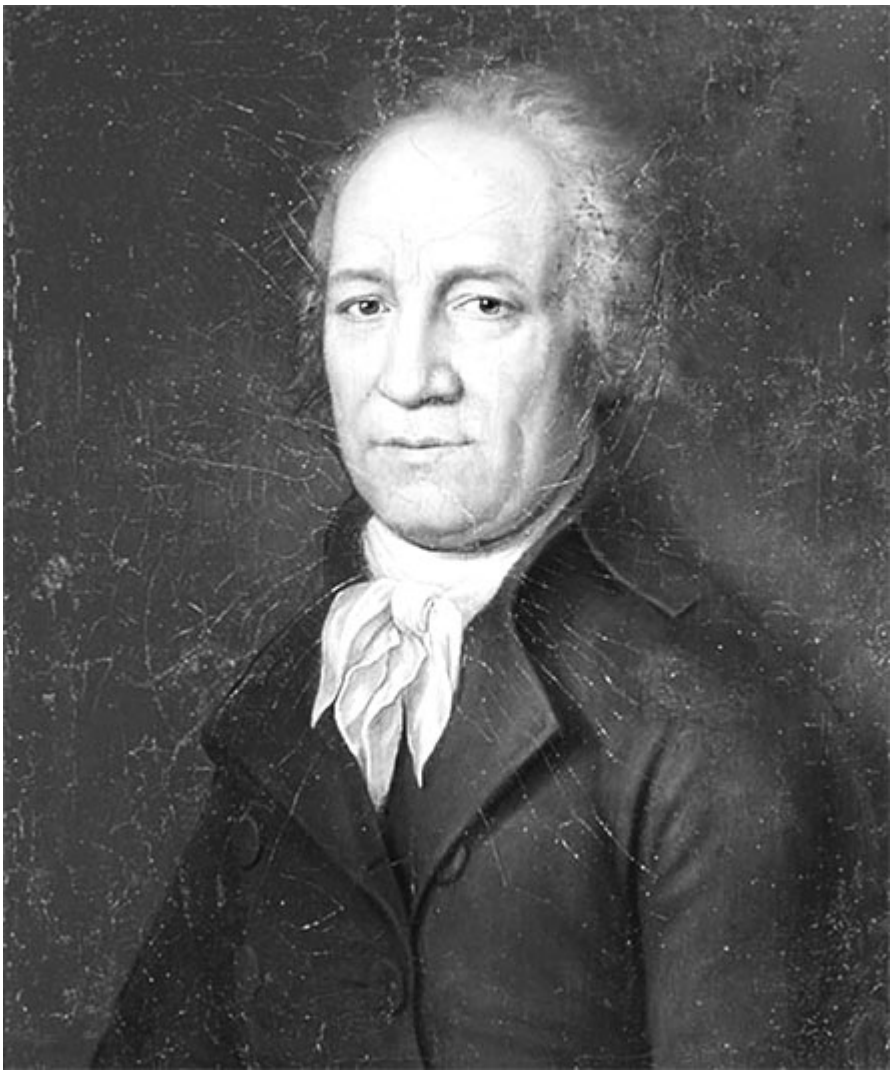
Г. Гроот. Цесаревич Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. 1740-е гг.

Ф. С. Рокотов. Портрет Алексея Бобринского в младенчестве. Ок. 1763 г.

Все комнаты, чрез которые мы проходили, набиты были несметным множеством народа и людей разных чинов и достоинств. Все одеты и разряжены были в прах, и все в наилучшем своем платье и убранствах»[2].

В Зимнем дворце А. Т. Болотов впервые увидел императрицу Екатерину Алексеевну, которая тогда, казалось бы, совершенно смирилась со своей второстепенной ролью в женском окружении

императора Петра III. Болотов пишет, что он «увидел двух женщин в черном платье, и обеих в Екатерининских алых кавалериях, идущих друг за другом из отдаленных покоев в комнату к государю». Ранее он видел только портрет Екатерины Алексеевны и не узнал ее, поскольку перед ним предстала «женщина низкая, дородная и совсем не такая». Кстати, второй дамой, следовавшей за императрицей, оказалась фаворитка Петра III – Елизавета Воронцова, мемуаристу она показалась совершенно безобразной.



Портрет Андрея Тимофеевича Болотова

Екатерина II в коронационном уборе

А. П. Антропов. Портрет Елизаветы Романовны Воронцовой. 1762 г.

Екатерина II в профиль. Эриксен Вигилиус. До 1762 г.

Свита и императорская семья быстро обжились в Зимнем дворце, и императорский двор зажил привычной жизнью в новых покоях. Мемуарист пишет: «Видел, как тут играли в карты и как танцевали, наслушался прекрасной музыки, в которой государь сам брал соучастие и играл на скрипице вместе с прочими концерты, и довольно хорошо и бегло; наконец за большим столом и со многими, с превеликим хохотанием и криком, забавлялся он в любимую свою игру кампию…»[3].

Ф. С. Рокотов. Портрет Петра III

Однако прежде всего приводили в должный вид императорский юго-восточный ризалит. Остальные же помещения дворца, частично отделанные, стояли в буквальном смысле пустыми, не обставленными мебелью. По воспоминаниям Болотова, «во всех тех комнатах, где мы бывали, не было тогда ни единого стульца, а стояли только в одной проходной комнате одни канапе, но и те были обиты богатым штофом, и таким, на каких мы сначала не смели и помыслить, чтоб садиться…»[4].

Отметим и то, что столь краткое царствование

эксцентричного внука Петра I имело и вполне объективные причины, поскольку молодой император фактически не занимался делами, положенными ему по должности. Так, А. Т. Болотов с горечью вспоминает, что «редко стали уже мы заставать государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок английского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опорознившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровию от стыда пред иностранными министрами, видящими и слышащими то и бессомненно смеющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа так поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового! – так больно было все-то видеть и слышать.

А. П. Антропов. Портрет Петра III в мундире лейб-гвардии Преображенского полка. 1762 г.

Не успеют, бывало сесть за стол, как и загремят рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все, как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что, вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать: „Ну! Ну! братцы кто удалее, кто сшибет с ног кого первый!“, и так далее. А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих? Хохот, крик, шум, биение в ладоши раздавались только всюду, а бокалы только что гремели. Они должны были служить наказанием тому, кто не мог удержаться на ногах и упадал на землю. Однако все сие было еще ничто против тех разнообразных сцен, какие бывали после того и когда дохаживало до того, что продукты бахусовы оглумляли всех пирующих даже до такой степени, что у иного наконец и сил не было выйти и сесть в линию, а гренадеры выносили уже туда на руках своих»[5]. Естественно, на фоне своего беспутного 34-летнего мужа будущая Екатерина II выглядела как светоч благоразумия и мудрости. Чем она и не преминула воспользоваться…

Когда 30 апреля 1762 г. в Зимнем дворце канцлер граф М. И. Воронцов объявил об окончании войны с Пруссией, императорская резиденция немедленно превратилась в главную площадку для пышных празднеств: «Для обеда и бала после оного приготовлен и с великою поспешностию отделан был большой зал во дворце, в том фасе оного, который был окнами на Неву реку». Это был самый большой зал Зимнего дворца – Тронный, занимавший весь объем второго этажа северо-западного ризалита, окнами выходивший на Неву. Впоследствии на месте этого огромного зала сформировалась анфилада парадных гостиных императриц (включая Малахитовую гостиную) и череда парадных залов: Концертного, Николаевского и Аванзала.

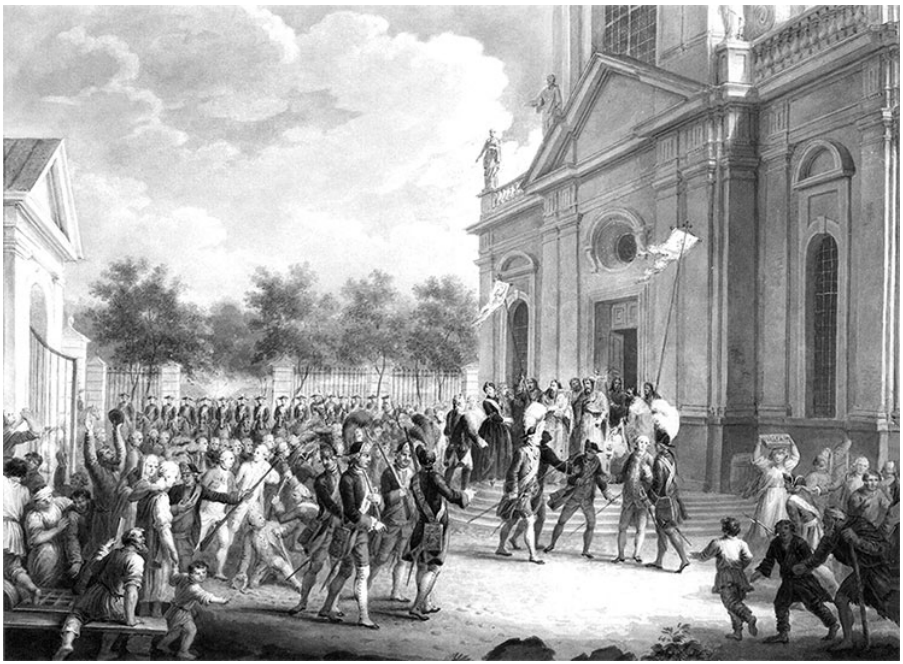
Судя по воспоминаниям Болотова, на этом торжестве Петр III вел себя в привычной манере: «…Государь, опорожнив, может быть, во время стола излишнюю рюмку вина и в энтузиазме своем к королю прусскому дошел до такого, забывая самого себя, что

публично, при всем великом множестве придворных и других знатных особ и при всех иностранных министрах, стал пред портретом короля прусского на колени и, воздавая оному непомерное уже почтение, называл его своим государем: происшествие, покрывшее всех присутствовавших при том стыдом неизъяснимым и сделавшееся столь громким, что молва о том на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела в сердцах всех россиян и во всем народе крайне неприятные впечатления»[6]. Негативизм мемуариста вполне понятен, поскольку Фридрих II с 1756 г. был главным врагом России в ходе Семилетней войны (1756–1763 гг.) и русские хорошо помнили победы над пруссаками на полях Гросс-Егерсдорфа (1757 г.), Цорндофа (1758 г.) и Кунерсдорфа (1759 г.).

А. фон Менцелъ. Концерты в Сан-Суси. Фрагмент. Фридрих II играет на флейте

В ходе апрельских празднеств по окончании войны с пруссаками еще не оформленную стрелку Васильевского острова использовали для театрализованных действ «с фейерверком». Во время праздника на стрелке возвели гигантские щиты «против дворца и окон самой оной залы, где отправлялось тогда торжество. Впереди, против сих щитов, поделаны были другие движущиеся колоссальные фигуры, изображающие Пруссию и Россию, которые, будучи сдвигаемы по склизам и загоревшись, сходились издалека вместе и, схватившись над жертвенником руками, означали примирение. Не успело сего произойти, как

произросло вдруг на сем месте пальмовое дерево, горевшее наипрекраснейшим зеленым и таким огнем, какого я никогда до того не видывал. А вслед за сим выросли тут же и многие другие такие же деревья и составили власно как амфитеатр кругом сего места»[7].



Екатерина II на ступенях Казанского собора 28 июня 1762 г.

Подобные праздники, глубоко оскорблявшие национальные чувства продолжались очень недолго. В мае 1762 г. Петр III навсегда покинул Зимний дворец, а Екатерина Алексеевна в это время активно собирала сторонников, для того чтобы 28 июня 1762 г., в день переворота, хозяйкой въехать в Зимний дворец. А. Т. Болотов, бывший очевидцем событий, вспоминал, что «шествие ее простиралось прямо к Казанской соборной церкви, и тут провозглашается она императрицею и самодержицею всероссийскою и принимает первую, от случившихся при ней, присягу; а потом, при провождении своей гвардии и множества бегущего вслед народа, шествует в Зимний дворец и окружается там гвардиею и бесчисленным множеством всякого звания людей, радующихся и кричащих: „Да здравствует мать наша, императрица Екатерина!“».

Сама же императрица вспоминала, что она «отправилась в новый Зимний дворец, где Синод и Сенат были в сборе. Тут наскоро составили манифест и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пешком войска, которых было более 14 000 человек

гвардии и полевых полков. Едва увидали меня, как поднялись радостные крики, которые повторялись бесчисленной толпой».

Далее Болотов писал: «Самый народ, наполняющий всю площадь и все улицы кругом дворца и восклицающий во все горло, не знал ничего о самых обстоятельствах всего дела. Тотчас привезены были и поставлены, для защищения входа во дворец, заряженные ядрами и картечами пушки, расстановлены по всем улицам солдаты и распущен слух, что государь, будучи на охоте, упал с лошади и убился до смерти и что государыня как опекунша великого князя, ее сына, принимает присягу. В самое то же время приказано было всем полкам, всему духовенству, всем коллегиям и другим чиновникам собраться к Зимнему дворцу для учинения присяги императрице, которая и учинена всеми не только без всякого прекословия, но всеми охотно и с радостию превеликою»[8]. Так началось новое царствование…

Утвердившись во власти, Екатерина II быстро привыкла к своему новому дому и делала все для того, чтобы ее новая резиденция оказалась в одном ряду с известнейшими резиденциями европейских монархов. Поэтому, кроме принимаемых архитектурно-планировочных решений, императрицу в немалой степени заботил и окружающий дворцец «ландшафт». Именно при Екатерине II набережные Невы одели в гранит. При этом по-немецки педантичная и аккуратная императрица требовала соблюдать порядок на строительной площадке. Именно с этим связана ее записка к обер-полицмейстеру Петербурга Н. И. Рылееву: «Чево вы смотрите? К Эрмитажу ни с которой стороны приезда и проезда нет, для чего вы не требуете, как от конторы строений, так и от Карадыкина[9], чтоб строили не заваля берега пешаходна и улицу, по крайной мере, чтоб проезд остался»[10].

Обустраивалась императрица и в своих личных комнатах. В их классицистических интерьерах отражались и личные вкусовые пристрастия императрицы, и ее интеллектуальный уровень. По свидетельству «допожарных» авторов, которые могли видеть сохранявшиеся до 1837 г. антресоли императрицы, «в ея внутренних комнатах изображалась простота со вкусом; в них мало было позолоты, резьбы, дорогих тканей. Отличныя только картины и обширное книгохранилище составляли лучшия убранства»[11].

В. С. Садовников. Вид набережной и Мраморного дворца

Как известно, короля делает свита. Екатерина II на протяжении своей жизни окружала себя разными людьми. Кадровая политика императрицы была небесспорной, но чаще всего выбор ее оказывался удачным. Со сподвижниками ее связывали отношения разного уровня. Некоторых она любила. Просто любила, как любит женщина. Некоторые вызывали ее неприкрытое раздражение, как амбициозная, но столь необходимая в 1762 г. сподвижница по перевороту Е. Р. Дашкова. Но чаще, понимая слабости и сильные стороны сподвижников, она как прагматичный политик использовала их. Все эти люди из года в год посещали рабочий кабинет императрицы в Зимнем дворце, а некоторые из фаворитов, сумевших выйти на уровень государственных деятелей, жили непосредственно в Зимнем дворце.

Особенно тяжело Екатерине II пришлось в первые годы царствования, когда ей приходилось доказывать, что она в состоянии не только удержать власть, но и провести реформы в интересах всего дворянства. Очень понятна ее фраза, оброненная в письме, датированном 2 июля 1762 г., к своему бывшему «другу сердечному» графу С. Понятовскому: «Я завалена делами и не могу сообщить вам подробную реляцию»[12]. Тогда после переворота прошло менее недели.

Со временем у императрицы выработался собственный ритм работы, оставлявшей ей время для светских, представительских мероприятий и развлечений. Хотя и эти «мероприятия», и

«развлечения» тоже были важной частью ее работы. Этот «рабочий ритм» определял расписание дня Екатерины II. Кстати, следует иметь в виду, что она была классическим «жаворонком», рано начинавшим свой рабочий день.

О ритме своего рабочего дня в Зимнем дворце императрица писала одному из своих французских корреспондентов: «Я встаю аккуратно в 6 часов утра, читаю и пишу одна до 8, потом приходят мне читать разные дела; всякий, кому нужно говорить со мною, входит поочередно один за другим; так продолжается до 11 часов и долее, потом я одеваюсь. По воскресеньям и праздникам иду к обедне, в другие же дни иду в приемную залу, где обыкновенно дожидается меня множество народа; поговорив полчаса или $^3/_4$ часа, я сажусь за стол; по выходе из-за стола является гадкий генерал[13], чтобы читать мне наставления; он берет книгу, а я свою работу. Чтение наше, если его не прерывают пакеты с письмами и другие помехи, длится до шести часов с половиною; тогда или я еду в театр, или играю, или болтаю с кем-нибудь до ужина, который кончается до 11 часов. Затем я ложусь и на другой день повторяю то же самое, как по нотам»[14].

Д. Г. Левицкий. Портрет Е. Р. Дашковой. 1784 г.

Конечно, рабочий график императрицы менялся в зависимости от состояния здоровья, времени года и возраста. Упоминая о том, что она жаворонок, вставая «аккуратно в 6 часов утра», императрица весной 1774 г. могла отметить, что «встала… в осьмом часу, потом пошла в бани», а в августе того же года – что «спала до десятого часа, а вставши… здорова, но слаба из меры вон». Эта умная, проницательная и волевая женщина, конечно, не была неким запрограммированным механизмом. Иногда ей хотелось полежать в постели подольше, иногда она болела, все у нее было, «как у людей»…

В последующие годы противоречивый образ императрицы идеализировался, слившись с мифологизированным образом «Екатерины II Великой». Но имелись и бытовые зарисовки, почерпнутые из очень устойчивой дворцовой мифологии, хранившейся в виде преданий в императорских резиденциях на разных уровнях, от лакеев до сановников. Так, по этим преданиям, в последние годы жизни «она требовала уже вспоможения. Колокольчик давал знак, и Марья Савишна Перекусихина первая ей представала. Иногда сия находила ее паки погруженною в сладкой дремоте; не желая же прервать оной, часто сама на софе против ея засыпала, и тогда уже Екатерина ее пробуждала. В один день, предавшись сну до 7 часов, сказала она: „О какое услаждение! Для чего не могу и я, как другие, пользоваться таким успокоением?“. Встав с постели, она немедленно шла в уборную, где находила теплую воду для полоскания рта и лед к обтиранию лица»[15].

В своей «царской работе» Екатерине II необходимо было держать в памяти множество деталей и быть компетентной в самых разных вопросах, принимая «окончательные решения». Об уровне компетентности и осведомленности императрицы сохранилось множество свидетельств. Например, граф Рожер Дама свидетельствовал, как однажды в своем доме, в кабинете, будучи совершенно один, он, глядя на проходившие мимо два гвардейских батальона, обронил: «„Если бы шведский король увидел это войско, я думаю, он заключил бы мир“. Я ни к кому не обращал этих слов, так как считал, что я был один. Два дня спустя, когда я явился на поклон к императрице, она нагнулась и сказала мне на ухо: „Итак, вы думаете, что если бы шведский король осмотрел мою гвардию, он заключил бы мир?“».[16] Этот эпизод наглядно свидетельствует, насколько плотно велся надзор за иностранными дипломатами, работавшими в России. Императрица не считала нужным это скрывать, демонстративно

давая понять, что все «они» «под колпаком» ее тайной полиции.

По свидетельству современников, первым утренним докладчиком императрицы был петербургский обер-полицмейстер, который сообщал о «происшествиях, состоянии цен на жизненные припасы в городе, о молвах народных. Самые неважные обстоятельства доводились до ее сведения. Екатерина была любопытна, желая знать о своих чадах, и речи их много действовали над ее умом»[17].

В результате многолетних «кадровых перестановок» императрице удалось создать вокруг себя окружение, довольно успешно отвечавшее на вызовы времени, закрепляя за Россией статус великой державы. Безусловно, с одной стороны, Екатерина II была многогранной личностью, чье образование удачно легло на природный интуитивный ум и женскую прагматичность. С другой стороны, все знать невозможно, и со временем у императрицы появились профессиональные уловки, ставившие в тупик мало знавших ее людей.

Например, у императрицы имелся сервиз с картами России, по одной губернии на тарелку. По одной из легенд Зимнего дворца, «бывало, военные люди, или губернаторы, или предводители выходили после обеденного стола у Императрицы Екатерины в изумлении от знания ею каждой крепостцы, каждой местности, отличительной ее особенности, множества имен, словом, от разнообразия тех вопросов, которые она задавала своим гостям относительно России. Объяснялось это, между прочим, и секретом ее сервиза. Когда у Императрицы обедали военные люди, то она имела перед собою во время обеда тарелки, на которых со всеми подробностями обозначены были крепости или военные карты; когда обедали губернаторы, то ей подавали тарелки с картами тех губерний, коих губернаторы перед нею сидели, карты, на которых обозначились не только города, но ярмарки, фабрики, количество населения и тому подобные сведения, значительно облегчавшие ей труд памяти припоминать все, что она узнавала из рапортов и донесений»[18]. Вероятнее всего, мемуарист утрирует столь прагматичное использование сервизов, но подобный «географический» сервиз, действительно, имеется в коллекции Государственного Эрмитажа.

Многие годы, проживая в Зимнем дворце, окруженная не слишком часто менявшимся штатом слуг, императрица выстроила с ними достаточно своеобразные отношения, малотипичные для XVIII в.

Императрица Екатерина II, как умный человек, прекрасно понимала, какие последствия могут иметь ее слова, сказанные в запальчивости. Поэтому даже тогда, когда для гнева были все

основания, она старалась не давать волю чувствам. Она «редко приходила ко гневу, и, когда увеличивался в ея щеках румянец, она засучивала в верх рукава, расхаживала по комнате, пила воду и никогда в первом движении ничего не определяла»[19]. (Наверное, она мысленно считала до десяти, как советуют психологи, а затем принимала решение.) Это правило – не рубить с плеча – распространялось как на сановников, так и на слуг.

А. А. Безбродко и И. И. Бецкой

В. Я. Чичагов и А. Г. Орлов-Чесменский

Г. Р. Державин и Е. Р. Дашкова

П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин и А. В. Суворов

В «командный состав» личного штата императрицы входили пять камердинеров: три при ней в Зимнем дворце и два при Малом Эрмитаже. Те, кто находился «при особе», имели свои специализации: «Первый смотрел за гардеробом и готовил платья для следующего дня. Второй надзирал за порядком в личных покоях. Третий возглавлял кладовую, в которой хранились парча, бархат, полотно и другие вещи. Он еженедельно представлял Екатерине II ведомость „О выдаче всего в неделю“ даже до мелочей, как-то: ленточек, тесемок, и она всегда помечала своею рукою: „записать в расход“»[20]. Немецкая системность Екатерины II проявлялась и в таких житейских мелочах.

Впрочем, императрица иногда позволяла себе раздражаться,

когда «по работе» не могла найти ту или иную бумагу. Естественно, гнев выплескивался на ближний круг – камердинеров, о чем свидетельствует эпизод с одним из них, А. С. Поповым: «Ища на своем бюро какую-то бумагу и не находя ее, Екатерина, за ропот с его стороны и оправдания, выслала его от себя. Но, оставшись одна, нашла свою пропажу в ящике и приказала позвать Попова[21]. Тот не шел, говоря: „Зачем я к ней пойду, когда она меня выгнала!“ Это сказали Государыне, и она вышла в переднюю, и сказала ему: „Прости меня, Алексей Семенович. Я перед тобою виновата“. Но не знакомый с утонченностями обращения Попов и на это заявление милости Государыни не удержался, чтобы не сказать: „Да ведь это не в первый раз; вы часто от торопливости своей на других нападаете, Бог с вами. Я на вас не сержусь!“. Екатерина II только улыбнулась»[22].

Подчас своеобразный либерализм императрицы мешал ее работе. Мемуарист свидетельствует, что «однажды г. Козицкий[23] читал пред нею бумаги, а в другой комнате придворные играли в волан и заглушали его слова. – Не прикажете ли, сказал он, пребыть им в тишине? От них ничего не слышно. – Нет, отвечала она, у всякаго свои занятия; мы судим рядим с тобою о делах, они же в забавах, которых я нарушить не желаю. Возвысь ты голос, и оставим их веселиться»[24]. Конечно, подобные сцены отчасти были спектаклем, квалифицированно разыгранным Екатериной, но так бывало далеко не всегда, и изредка выведенная из себя императрица очень по-женски «нападала» на своих подданных…

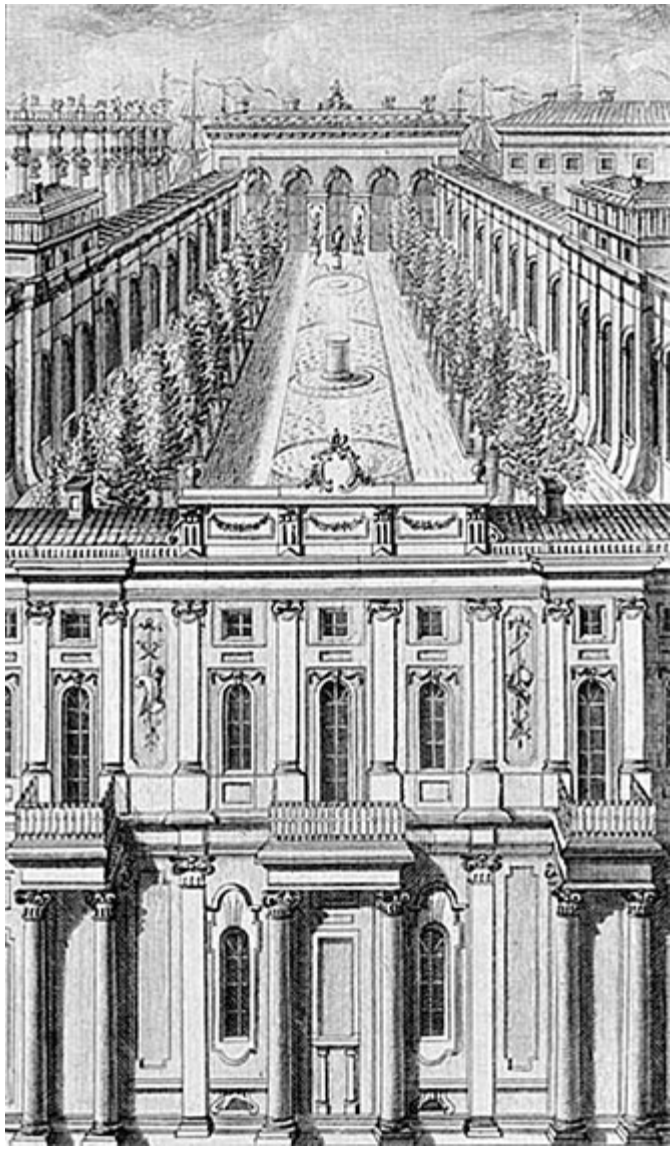
Хотя, случалось, что нерадение слуг вполне расчетливо прощалось императрицей, хорошо понимавшей значение дворцовых легенд и историй в формировании облика «просвещенной» правительницы. Князь Ф. Н. Голицын приводит одно из таких преданий Зимнего дворца: «Государыня была очень терпелива и до служащих в ея комнатах очень милостива. Вот сему пример. Однажды, после обеда, она, сидя в кабинете, изволила написать записку и позвонила, чтобы вошел камердинер; но никто не входит. Она в другой раз, но также никого. Подождавши немного, она уже изволила встать, пошла к ним в комнату и с удивлением, но без гнева, им сказала, что она несколько раз звонила, но никто не идет. Они, оробевши, извинились, что не слыхали. „А что вы делаете?“ – изволила Государыня спросить. „Мы между собою играли в карты по обыкновению“. – „Так вот тебе, Михайла, письмецо; отнеси его к князю Потемкину; а чтоб не останавливать вашу игру, я, покуда ты ходишь, сяду за тебя“. – Какая милость и какое снисхождение!»[25]. Можно сомневаться в достоверности

подобных легенд, но фактом является то, что императрица указом запретила пороть провинившихся слуг Зимнего дворца. Для ее преемников, особенно для Николая I, указ его бабушки превратился в серьезную «дисциплинарную проблему».

Отчетливо понимая груз ответственности, который она несла, Екатерина II жестко следовала правилу «делу – время, потехе – час». Даже пребывая в состоянии очередной влюбленности, она не позволяла фаворитам посягать на ее рабочие часы. Так, в 1775 г. императрица писала П. В. Завадовскому: «Я повадила себя быть прилежна к делам, терять прямо как возможно менее, но как необходимо надобно для жизни и здоровья прямо отдохновения, то сии часы тебя посвящены, а прочее время не мне принадлежит, но Империи, и буде сие время не употреблю как должно, то во мне родится будет на себя и на других собственное мое негодование, неудовольствие и mauvaise humeur от чувствие, что время провождаю в праздность и не так, как должна. Спроси у кня[зя] Ор[лова], не исстари ли я такова. А ты тотчас и раскричися, и ставишь сие, будто от неласки. Оно не оттого, но от порядочного разделения прямо между дел и тобою. Смотри сам, какая иная забава, разве что прохаживаюсь. Сие я должна делать для здоровья»[26].

Таким образом, светские развлечения императрицы в Зимнем дворце устраивались, в том числе, и «для здоровья». В целом развлечения императрицы укладывались в стандарты XVIII в. Даже ее склонность к работе своими руками не выходила за рамки обычаев, укоренившихся в императорских резиденциях со времен Петра I. Так, Екатерина II «точила из кости, дерева, янтаря, переводила на стекла антики, играла по одной партии в биллиард и возвращалась после на свою половину»[27]. Упомянем и то, что на крыше Фонарика над личной половиной Екатерины II появилась астрономическая башенка, оснащенная телескопом.

И. Б. Лампи. Портрет П. В. Завадовского. 1795 г.



Малый Эрмитаж. Вид на Южный павильон и перспектива Висячего сада в сторону Северного павильона. Гравюра Н. Саблина. 1773 г.

Об этой астрономической башенке упоминает в записках воспитатель великого князя Павла Петровича С. А. Порошин (9 октября 1765 г. Воскресенье): «Пришел к Государю Цесаревичу граф Григорий Григорьевич Орлов от Ея Величества звать Великого Князя на обсерваторию, которая построена вверху над покоями Ея Величества. Пошел туда Его Высочество, и Государыня быть там изволила. Весь город виден». Добавим, что эту астрономическую башенку, устроенную над личными покоями

Екатерины II, в совсем ветхом состоянии снесли по распоряжению Николая I в 1826 г., она отслужила, по крайней мере, 61 год.

Висячий сад Малого Эрмитажа сегодня

Место для приватного отдыха императрицы было вынесено за стены «каменного Зимнего дома» и находилось в Малом Эрмитаже. Там имелось несколько «зон отдыха». Северный павильон, выходящий окнами на Неву, именовался «Оранжерейным домом». Южный павильон, выходивший окнами на Миллионную улицу и Дворцовую площадь, соединенный коридором с покоями императрицы, за глаза именовался «Фаворитским корпусом». Эти два корпуса соединял висячий сад, уже при Екатерине II затянутый металлической сеткой, для того чтобы не разлетались населявшие его птицы.

Так называемые эрмитажные собрания проводились в Оранжерейном павильоне, где имелись роскошно убранные комнаты и залы. Собственно, эти собрания гостей в Оранжерейном павильоне и стали поводом для переименования всего корпуса в Малый Эрмитаж.

Склонная к регламентации всего и вся, императрица разделяла и круг своего общения даже в развлечениях. Наиболее известны ее эрмитажные собрания – большие и малые.

Большие эрмитажные собрания проходили по воскресеньям. На них допускался весь дипломатический корпус и особы первых двух классов по Табели о рангах. Императрица, сопрягая отдых с работой, беседовала с вельможами и дипломатами. Наверное, такие собрания для нее были больше работой, чем отдыхом.

Малые эрмитажные собрания проводились по четвергам. В

этот день в Малом Эрмитаже собирался только очень узкий круг «своих». Во время собраний танцевали, смотрели небольшие спектакли и ужинали. Одной из таких «своих», допущенных в святая святых, оказалась будущая фрейлина императрицы, тогда 15-летняя княжна В. Н. Шувалова (в замужестве графиня В. Н. Головина). Ее еще дебютанткой на придворной сцене, в начале 1780-х гг., допустили к такому собранию: «Императрица велела дяде привезти меня в собрание малого Эрмитажа. Мы отправились туда с дядей и матушкой. Собиравшееся там общество состояло из фельдмаршалов и генерал-адъютантов, которые почти все были старики, статс-дамы графини Брюс, подруги императрицы, из фрейлин, дежурных камергеров и камер-юнкеров. Мы ужинали за механическим столом: тарелки спускались по особому шнурку, прикрепленному к столу, а под тарелками лежала грифельная доска, на которой писали название того кушанья, которое желали получить. Затем дергали за шнурок, и через некоторое время тарелка возвращалась с требуемым блюдом. Я была в восхищении от этой маленькой забавы и не переставала тянуть за шнурок»[28]. Уточним, что дядей юной дебютантки был влиятельный обер-камергер И. И. Шувалов, в молодости многолетний фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

Портрет В. Н. Головиной. Нач. XIX в.

Ф. С. Рокотов. Портрет И. И. Шувалова. 1760 г.

В начале 1780-х гг. на эти эрмитажные собрания часто приводили маленьких великих князей Александра и Константина, столь любимых царственной бабушкой. Мемуаристка упоминает, что будущему Александру I тогда было четыре года, а Константину – три. Маленькие мальчики под звуки скрипки «танцевали» с молоденькими фрейлинами. При этом танцевали они полонез![29]

Императрица Екатерина II в окружении членов семьи и придворных. С гравюры Ф. Г. Сидо. 1784 г.

По вторникам императрица Екатерина II играла в карты в Бриллиантовой комнате, окруженная не только своими придворными, но и блеском бесчисленных драгоценных камней.

Естественно, на придворные собрания Екатерина II являлась одетой в соответствии со своим статусом. Как женщина и императрица, Екатерина II могла позволить себе иметь богатейший гардероб. Тем более что она постоянно пребывала «в состоянии любви». О масштабах закупок деликатных женских мелочей свидетельствует «Реестр купленным по комнате Ея Императорского Величества» за 1767 г.: «360 пар чулок шелковых белых дамских по 6 р. пара – 2160 р.; 50 дамских перчаток льняных белых по 6 р. пара – 300 р.»[30].

Значительное место в истории Зимнего дворца занимают истории, связанные с фаворитами Екатерины II. Литературы на эту тему множество, но для нас главным является именно Зимний дворец и все происходящее «на его фоне».

Все фавориты императрицы Екатерины II то или иное время жили в Зимнем дворце. Постепенно сложились некие традиции, связанные с «географией» Зимнего дворца. Со времен графа Григория Орлова, первого фаворита-«жильца» Зимнего дворца, рядом с покоями императрицы постепенно сформировался комплекс покоев ее фаворитов. Фавориты менялись, а комнаты переходили от одного сердечного друга к другому. Как мы уже упоминали, они «географически» располагались в южном павильоне Малого Эрмитажа, связанного коридором с покоями

императрицы в юго-восточном ризалите Зимнего дворца. Впрочем, иногда фаворитов могли поселить на антресолях первого этажа, прямо под покоями императрицы. Это позволяло совершенно приватно обставить взаимные визиты по внутренним лестницам ризалита.

Фаворитизм был обычным явлением при всех европейских дворах XVIII в., фактически превратившись в государственный институт, что воспринималось аристократией совершенно спокойно, поскольку для монархов-мужчин это считалось нормой. Особенностью России стало то, что институт фаворитизма со времен Екатерины I (и даже со времен царевны Софьи) складывался, когда на российском троне царствовали женщины. Впрочем, за долгие годы «бабьего царствования» привыкли и к этому. В результате при Екатерине II фаворитизм приобрел черты почти узаконенного государственного института.

Для самой Екатерины II (кстати – вдовы) институт фаворитизма, кроме естественного для каждой женщины желания опереться на крепкое мужское плечо, превратился в своеобразный «кадровый кастинг», поскольку каждого из своих фаворитов Екатерина II старалась «подтянуть» к своим государственным занятиям, стараясь разделить с ними не только ложе, но и груз государственных забот. Многие из фаворитов оказывались «пустышками», и им на смену приходили другие. Некоторые из этих «других» охотно разделяли труды императрицы по управлению огромной Империей и оставались на значительных должностях, даже перестав бывать в спальне своей повелительницы.

Другими словами, спальня императрицы в юго-восточном ризалите Зимнего дворца была неким «отделом кадров», через него она «прокачивала» кандидатов, пыталась отыскать «крепкое мужское плечо», на которое можно опираться в делах государственных. В случае очередной «кадровой находки» императрица не стеснялась оповестить об этом весь свет. Нельзя забывать, что Екатерина II была женщиной, причем женщиной одинокой, и, как любая женщина, она нуждалась в мужском внимании, ласке и любви. Надо признать, что при всем уме, таланте, интуиции и потрясающей работоспособности Екатерина II вряд ли смогла бы добиться таких успехов в государственной деятельности без опоры на своих соратников, которыми она сумела себя окружить.

Екатерина II и Г. А. Потемкин на памятнике «Тысячелетие России». Новгород Великий

М. О. Микешин. Памятник Екатерине II в Петербурге. 1873 г.

Зная эти личностные особенности императрицы, ее окружение ожесточенно боролось за то, чтобы «подставить» императрице «своего» кандидата, понимая, что «свой», при удаче, превратится во влиятельную фигуру на шахматной доске власти. Например, столь удачную «кадровую находку», как Г. А. Потемкина, «подвела» к императрице ее доверенная приспешница Прасковья Александровна Брюс, которую императрица попросту называла «Брюсшей». Одна из завсегдатаев

вечеров в Зимнем дворце писала мужу (20 марта 1774 г.): «Не поверишь, батюшка, сколько интриг и обманов в людях увидишь; кажется, друзья душевные, целуются, уверяют, а тут-то и друг другу злодействуют…».

Если «случай» удавался, то императрица держала своего любовника на «коротком поводке». Так, один из таких кратковременных «случаев» – П. В. Завадовский – описывал свой распорядок дня в Зимнем дворце следующим образом: «Надобно тебе знать, что я утром от 9 часов до обеда при лице государыни; после обеда почти до 4 часов у нее ж: 7-й и 8-й часы провождаются в большом собрании, где все играют, а я не всякой же день. По окончании сего я опять бываю у государыни, и от 10-го часа уже не выхожу из комнаты своей».

Портрет Г. А. Потемкина-Таврического

Жан де Самсуа. Портрет П. А. Брюс «Весна». Ок. 1756 г.

Фаворитам запрещалось покидать Зимний дворец без разрешения императрицы. Даже ее последний фаворит Платон Зубов, поселившийся в Зимнем дворце, по примеру прочих, «в первом этаже в отдельных комнатах, над которыми были спальня и кабинет Государыни с маленькою потаенною лестницею, сообщающею верх с низом», «не мог без доклада отлучиться из дворца; ему воспрещалось разговаривать с женщинами; и если он приглашался кем-нибудь женатым на обед, то хозяйка должна была выезжать из дому»[31]. Напомним, что 24-летний князь Платон Александрович Зубов поселился в Зимнем дворце в 1791 г., когда императрице было 62 года. Упомянем и о том, что рядом с комнатами Екатерины II проживала камер-юнгфера Мария Саввична Перекусихина (1739–1824). При Екатерине II она заняла совершенно особое положение. Через нее ходатайствовали о самых деликатных делах, добиваясь милостей императрицы. При этом как доверенное лицо императрицы М. С. Перекусихина не «гребла под себя», и о ней современники вспоминали, по большей части, добрыми словами. Так, Ф. В. Ростопчин писал о ней: «Будучи достойно уважена всеми, пользуясь неограниченною

доверенностию Екатерины и не употребляя оной никогда во зло…»[32]. Как камер-фрау Перекусихина первой входила в спальню императрицы по ее звонку, чтобы помочь одеваться.

И. Б. Лампи. Портрет светлейшего князя П. А. Зубова. 1793 г.

М. С. Перекусихина

М. С. Перекусихина родилась в небогатой дворянской семье в Рязанской губернии. Ее старший брат был крупным гражданским чиновником, получив должность сенатора в 1788 г. Императрица привязалась к этой женщине, не имевшей серьезного образования, не знавшей иностранных языков, но безусловно преданной ей. Екатерина II высоко ценила преданность Перекусихиной, называя ее своим другом.

Уверенность в преданности слуги появилась у императрицы не на пустом месте. Дело в том, что именно в комнатах М. С. Перекусихиной кандидаты в фавориты проходили своеобразные смотрины: «Когда Государыня намеревалась возвысить кого на степень своего любовника, тогда приказывала наперснице своей Марьи Саввичне Перекусихиной позвать его к себе обедать, куда приходила Государыня как бы нечаянно. Там разговаривала она с гостем и старалась изведать: достоин <ли> был он того высокого предпочтения, которое ему предназначалось. Когда обращал он на себя внимание Государыни, тогда давала она глазами знать Марьи Савичне, которая по уходе Ея сообщала о сем тому, кто понравился. Рано на другой день являлся к нему придворный доктор, который свидетельствовал состояние здоровья его. В тот же вечер с новым званием камергера или флигель-адъютанта сопровождал он Государыню в Эрмитаж и переходил в приготовленные для него комнаты. Порядок сей завелся с Потемкина и продолжался

неизменно».

Современники оставили несколько историй, живописующих отношения этих очень разных женщин: «Случилось Императрице занемочь в одно время с госпожею Перекусихиною, и каждая безпокоилась о состоянии другой. Екатерина при всей слабости напрягала силы и с помощию вожатых являлась всякой день к навещению усердной своей служительницы. Болезнь Императрицы увеличилась, она готовилась к смерти, но и в сей трепетный час не забывает о приверженной к себе, кладет 25.000 рублей в пакет с надписью: *Марье Савишне после моей смерти.* Небо сжалилось над Россиею, прошла опасность, и Екатерина возвращена к жизни. Тогда она призывает ту к себе и, вруча ей пакет, говорит так: „Мне было очень тяжко, не думала я опять жить с тобою, однако все помышляла о тебе, и вот тому доказательство. Возьми это как залог моей к тебе дружбы и пользуйся при мне здравствующей тем, что я после себя тебе приготовила“. Г. Перекусихина упала в слезах к ея ногам, вся душа ея изливалась в благодарности. И кто бы не отдал всей жизни при уверенности, что каждый подвиг оценится и что жертва такою самодержицею приемлется?»[33].

Или еще одна симпатичная история, в которой проглядывает самоирония, столь свойственная Екатерине II: «Однажды во время ея отдохновения с г. Перекусихиной на железном канапе, проходящий петербургский франт, взглянув на них весьма спесиво, не скинул шляпы и, насвистывая, продолжал прогулку. – „Знаешь ли, сказала она, как мне досадно на этаго шалуна? Я в состоянии приказать его остановить и вымыть за то голову“. – „Ведь он не узнал вас, матушка“, – отвечала та. – „Да я не об том говорю, конечно, не узнал; но мы с тобою одеты порядочно, еще и с галунчиком, щеголевато: так он обязан был иметь к нам, как к дамам, уважение“. Наконец она засмеялась и заключила неудовольствие следующими словами: „И то сказать, Марья Савишна, устарели мы с тобою; а когда бы были помоложе, поклонился бы он и нам“»[34].

Когда Екатерина II умирала в своей спальне Зимнего дворца, Мария Саввична безотлучно находилась рядом со своей умирающей хозяйкой до самого ее конца.

Благодарная память о М. С. Перекусихиной[35] сохранялась в Зимнем дворце довольно долго, хотя ее по указу Павла I и удалили из резиденции: «Уволить от двора девицу Марию Перекусихину и производить ей по службе пенсию из Кабинета по тысячи двести рублей в год». Павел I пожаловал ей дом на Английской набережной и имение в Рязанской губернии. Ее часто посещали те, кто помнил блестящий век Екатерины II. Так,

оказавшись в 1810 г. в Петербурге, графиня В. Н. Головина сочла нужным навестить ее как «особу, замечательную и по своему уму, и по той привязанности, которую она сохранила к государыне, другом которой была целые тридцать лет»[36].

Еще одной камер-фрейлиной императрицы была графиня Анна Степановна Протасова. Она оказалась в Зимнем дворце благодаря своему родственнику Г. Г. Орлову. Поскольку внешность молоденькой девушки оказалась своеобразной, то женихов для нее, несмотря на всю заинтересованность императрицы, не нашлось, Екатерина II взяла А. С. Протасову к себе на должность камер-фрейлины. По свидетельству графини В. Н. Головиной, «графиня Протасова, безобразная и черная, как королева островов Таити, постоянно жила во дворце»[37].

Со временем Протасова перетянула во дворец и племянниц. Императрица, согласно дворцовым легендам, терпеливо сносила непростой характер своей камер-фрейлины, называя Протасову «моей королевой». В. Н. Головина приводит следующую сценку, рисующую некую принципиальную позицию Екатерины II в отношении ближайшего окружения: «Однажды, когда Протасова была особенно не в духе, ее величество, заметив это, сказала ей: – Я уверена, моя королева, – она так называла ее в шутку, – что вы нынче утром прибили свою горничную и потому как будто в дурном расположении. А вот я, встав в пять часов утра и решив дела в пользу одних и во вред другим, оставила все дурные впечатления и беспокойства в своем кабинете и прихожу сюда, моя прекрасная королева, в самом лучшем настроении»[38].

Портрет А. С. Протасовой (?). Кон. 1790-х гг.

По свидетельству Карла Массона, служившего некоторое время при великом князе Александре Павловиче и, безусловно, знакомого со многими дворцовыми легендами, именно через комнаты камер-фрейлины А. С. Протасовой в последние годы жизни Екатерины II проходили кандидаты «на должность» фаворита: «Зубова испробовали и направили к m-elle Протасовой и к лейб-медику для более подробного освидетельствования. Они, очевидно, дали благоприятный отзыв»[39]. Собственно, такие фразы мемуаристов и устойчивые легенды Зимнего дворца приписывали этим двум камер-фрейлинам Екатерины II некие обязанности «пробирдам».

Мы не будем касаться истории и деталей взаимоотношений

Екатерины II с ее фаворитами, поскольку нас главным образом интересует Зимний дворец, в стенах которого и происходили все эти истории. В обширной переписке императрицы следы этой «географической составляющей» Зимнего дворца встречаются довольно часто. Например, в феврале 1774 г. Екатерина II писала ГА. Потемкину: «Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику (библиотеку. – *И.* З.) к дверям, чтоб Вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна…». Из письма предстает удивительный образ 45-летней женщины, два часа простоявшей на сквозняке в ожидании любимого человека.

В записке от 1 марта 1774 г. императрица упоминает об «Алмазном покое»: «Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение-обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный, а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей. Прощай, голубчик».

А. С. Протасова с племянницами. 1792 г.

В обширной переписке Екатерины II с Г. А. Потемкиным и другими фаворитами многократно упоминается «мыленка», входившая в комплекс личных покоев императрицы. 15 марта 1774 г. Екатерина II обращается в Г. А. Потемкину с вопросом: «Здравствуй, Господин подполковник. Каково Вам после мыльни?». Принимала императрица фаворита и в своем будуаре: «Сегодня, если лихорадка тебя не принудит остаться дома и ты вздумаешь ко мне прийти, то увидишь новое учреждение. Во-первых, приму тебя в будуаре, посажу тебя возле стола, и тут Вам будет теплее и не простудитесь, ибо тут из подпола не несет».

Несмотря на довольно свободные нравы того времени, Екатерина II старалась локализовать встречи с любимым человеком комнатами личной половины в юго-восточном ризалите Зимнего дворца. В апреле 1774 г. она сообщала фавориту: «Я пишу из Эрмитажа, где нет камер-пажа. У меня ночию колика была. Здесь неловко, Гришенька, к тебе приходить по утрам».

Письма Екатерины II к Г. А. Потемкину буквально дышат страстью: «Право, пора и великая пора за ум приняться. Стыдно, дурно, грех, Ек[атерине] Вт[орой] давать властвовать над собою безумной страсти» (после 19 марта 1774 г.); «Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю душою и телом, му[ж] доро[гой]» (после 8 июня 1774 г.). И таких записок очень много.

Был у влюбленных и свой «язык». Тогда, в 1774 г., 45-летняя императрица, искреннее любившая 35-летнего Потемкина, называла его «золотым фазаном», «юлой», «дорогим мужем», «миленьким», а себя «служанкой» и «любящей верной женой»: «С[упруг] м[ой] ми[лый] остаюсь в[сегда] л[юбящей] в[ас] в[ерной] ж[еной] я буду также или вашей покорнейшей служанкой, или вашим покорнейшим слугою, или также обоими сразу».

Любопытно, что исследователи не прошли мимо любовных писем императрицы, сделав их основой для составления некоего словаря любовных словечек, бывших в ходу у несомненно одаренной литературным даром Екатерины II[40].

Впрочем, на следующий, 1775 г., императрица не менее искреннее писала очередному любовнику – графу П. В. Завадовскому: «Петруса, ты смеесся надо мною, а я от тебя без ума. Я же улыбку твою люблю беспамятно. Петруса милой, все пройдет, окромя моей к тебе страсти. Петруса, мне оставляешь одной тогда, когда его хочется видит. Петруса, Петруса, прейди

ко мне! Сердце мое тебя кличет. Петруса, где ты? Куда ты поехал? Бесценные часы проходят без тебя. Душа мая, Петруса, прейди скорее! Обнимать тебя хочу. Душа моя, ласка моя всегда одинака; я тебя люблю, как душу; я спала слишком много и от того голова болит; нога же, кажется, не в пример луче вчерашнего. Прощай, душатка»[41].

Портрет великих князей Александра и Константина. Работа цесаревны Марии Федоровны. 1791 г.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Константина Павловича. Пастель. ГРМ

Самыми большими и постоянными фаворитами Екатерины были ее внуки – Александр и Константин. Их она любила, как любит всякая бабушка. Она их растила, воспитывала, выбирала им жен и строила в отношении них далеко идущие планы.

При этом внуки, даже повзрослев, продолжали оставаться для императрицы детьми, и все связанное с их детством она бережно хранила. Когда в 1831 г. вскрыли один из опечатанных комодов императрицы, хранившийся в дворцовой кладовой с 1796 г., то там среди прочего нашли детские вещи, столь дорогие для бабушки: «В узелке детское белье и именно: три пеленки, два бархатных пунцовых свивальника, бумажное одеяло, одна подвязочка и пять ветошечек… В узелке же: детский шелковый шлафрок, одна пара детских бумажных чулок, батистовый фартучек, бумажный нагрудничек, вязаная бумажная фуфаечка, три шапочки»[42].

Павел I

Будущий император Павел I впервые оказался в Зимнем дворе в дни переворота, возведшего на трон Екатерину II. В ночь на 27 июня 1762 г. маленького 8-летнего Павла внезапно разбудили и под охраной отряда войск перевезли из Летнего (что на Фонтанке) в Зимний дворец. Рядом с наследником неотлучно находился его воспитатель Никита Иванович Панин, который руководил его воспитанием со времен Елизаветы Петровны.

Окончательно в Зимний дворец наследник-цесаревич великий князь Павел Петрович переехал вместе с матерью весной 1763 г., когда позади остались коронационные торжества. Для наследника выделили комнаты, ранее предназначавшиеся самой императрице, находившиеся на втором этаже западного фасада Зимнего дворца, окнами на Адмиралтейство.

Для наследника обустроили комнаты, из них главными стали учебная и библиотека, поскольку мальчику старались дать добротное образование в соответствии с веяниями века просвещения. До 14-летнего возраста Павлу преподавали Закон Божий, математику, историю, географию, физику, языки: русский, французский и немецкий, астрономию. Учебный процесс велся отрывочно, без определенной программы.

Эриксен Виргилиус. Портрет великого князя Павла Петровича в учебной комнате Зимнего дворца. 1766 г.

Большую роль в воспитательном процессе сыграла сформировавшаяся в Зимнем дворце библиотека великого князя, постоянно пополнявшаяся в последующие годы. Эта библиотека погибла во время пожара 1837 г., но остались ее каталоги, перечисляющее 1150 наименований книг в 1697 томах. Исследователи утверждают, что библиотека «работала», поскольку наследник-цесаревич любил читать. Основой для таких выводов стали записки учителя арифметики наследника

С. А. Порошина[43], охватывающие несколько лет середины 1760-х гг. Судя по запискам С. А. Порошина, это было ознакомительное чтение, поскольку большинство книг упоминается один, много, два раза. Однако список книг, с которыми знакомился 10-11-летний великий князь, впечатляет: Монтескье, Руссо, Д'Аламбер, Гельвеций, труды римских классиков, исторические сочинения западноевропейских авторов, произведения Сервантеса, Буало, Лафонтена.

Заметим, что вряд ли наследника подобное чтение увлекало, поскольку книги были явно не по возрасту. Однако чтение подобных книг также являлось частью образовательного процесса, приучая наследника к мысли о том, что к нему вполне обоснованно предъявляются более жесткие требования, чем к его ровесникам.

Более предметно великого князя в Зимнем дворце знакомили с произведениями Вольтера. Конечно, в этом факте отчетливо просматривается влияние Екатерины II, которая высоко ценила писателя и философа. Так, в записках Порошина говорится о чтении «вольтеровой Истории Петра Великого», семь раз о Вольтеровой Генриаде, шесть раз о чтении «Задига», неоднократно упоминаются также драматические произведения Вольтера. Но наряду со «взрослыми», серьезными книгами, мальчишка читал не менее серьезные «детские книги». Например, любимые бесчисленными поколениями «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо упомянуты в записках шесть раз.

Портрет Н. И. Панина

С. А. Порошин

Как всякий мальчишка его возраста, великий князь любил разглядывать разные книжные «картинки» и эстампы. В записи Порошина от 23 октября 1764 г. упоминается: «После стола изволил Его Высочество в опочивальне своей, сидя на канапе, смотреть со мною эстампы, принадлежащие энциклопедическому лексикону». Под «лексиконом» имеется в виду знаменитая энциклопедия Дидро и Д'Аламбера, имевшаяся в библиотеке Павла Петровича в Зимнем дворце.

В библиотеке Зимнего дворца имелись и картографические материалы. По воспоминаниям С. А. Порошина (1 ноября 1764 г.), наследник, «рассматривая генеральную карту Российской империи, сказать изволил: „Эдакая землища, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтоб оба концы высмотреть“».

Задавал мальчик вопросы и о недавнем прошлом. Иногда речь заходила и о его отце – императоре Петре III Федоровиче. Как-то речь зашла о Тайной канцелярии (8 октября 1764 г.). Когда наследник поинтересовался у С. А. Порошина, где теперь Тайная канцелярия, учитель ответил: «„Она отменена Государем Петром Третьим“. На сие изволил сказать мне: – „Так поэтому покойный Государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее“». Я ответствовал, что, конечно, много то честным людям сделало удовольствия и что многие непорядки отвращены тем.

Впрочем, переоценивать интеллектуальные забавы цесаревича не следует. Хотя Порошин и отмечал в «Записках», что, по большей части, Павел Петрович учился с большим желанием, но когда на Пасху наследника на неделю освободили от занятий, то «радость была превеликая». Возраст есть возраст, и мальчик с удовольствием играл на бильярде, в воланы и шахматы, ставил опыты с электричеством, «забавлялся» у токарного станка. А после Пасхи в 1765 г. «попрыгивал и яйцами бился и катал в спальне»[44]. Мальчик любил поглазеть из окна, часто проводил время на балконе над Салтыковским подъездом, наблюдая жизнь горожан. Наследник большую часть времени проводил в стенах Зимнего дворца, который был для него целым миром. Но и эти родные для него стены надоедали. Поэтому Порошин отметил в записках, что даже прогулка вокруг Зимнего дворца доставила наследнику большое удовольствие и он «рад очень был».

Уже в детстве у Павла Петровича обозначились черты характера, которые отчетливо проявились, когда он повзрослел. Например, торопливость во всем и навязчивая пунктуальность. Так, С. А. Порошин упоминает, как мальчик болезненно переживал малейшие отклонения от дневного графика: «В девятом часу сели ужинать. За столом говорили по большей части о здешних комедиянтах. Его Высочество в неудовольствии был, что уже поздненько становится, и он принужден будет лечь опочивать несколько минут позже обыкновенного. После стола чуть было о сем до великих слез не дошло, за что и достойной выговор сделан. Наконец лег опочивать в десятом часу в исходе».

Будили наследника по утрам его камердинеры. Если мальчик по каким-то причинам ложился спать позже 10 часов вечера, то они его утром не трогали, давая выспаться. Когда мальчишка просыпался и понимал, что «проспал», он сердился: «Встал в почти половине восьмого и нахмурился, что поздно»; «Встал в 8-м часов. Сердился, что проспал и кричал на камердинера, для чего не разбудил» (27 апреля 1765 г.). Потом, когда Павел Петрович вырос, современники в один голос подчеркивали его

пунктуальность.

Что касается торопливости, то вот еще один характерный отрывок из записок С. А. Порошина (7 декабря 1764 г.), который отчетливо перекликается с воспоминаниями об императоре Павле I: «У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом <…> за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т. е. в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурьера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. О ужине такие же заботы <…>. После ужина камердинерам повторительные наказы, чтоб как возможно они скоряй ужинали с тем намерением, что как камердинеры отужинают скоряе, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась, заботится, чтоб поутру не проспать долго. И сие всякой день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от того отвадить».

И действительно, когда 42-летний Павел Петрович взошел на императорский трон, эта судорожная торопливость в делах бросалась в глаза очень многим. Казалось, император предчувствовал свою недалекую кончину и торопился изменить страну своими бесчисленными указами и распоряжениями.

Как известно, Павел I очень серьезно относился к воинской службе и ношению военной формы. Пожалуй, именно Павел Петрович столь отчетливо обозначил эту наследственную черту Романовых, устойчиво воспроизводившуюся вплоть до Николая II. А начало этому «процессу», видимо, было положено 27 июля 1765 г.: «Сего утра прислал Захар Григорьевич Чернышов[45] к Его Высочеству книжку „Описание и изображение всех здешних мундиров“. Сей книжке весьма рад был Его Высочество. Перебирал ее раз десять». Так или иначе, в последующие годы Павел Петрович получил хорошую военную подготовку. В 1772 г., в 18 лет, он начал исполнять обязанности генерал-адмирала и фактически командовал Кирасирским полком, полковником которого являлся с 1762 г.

Из детства Павла I и его увлечение Мальтийским орденом. После воцарения оно привело его не только к тому, что император стал гроссмейстером Мальтийского ордена, но и к далеко идущим планам личной встречи с папой Римским. Мы можем даже привести точную дату, когда в стенах Зимнего дворца 10-летний мальчик впервые услышал о Мальтийском ордене, – 28 февраля 1765 г. В этот день С. А. Порошин читал будущему императору «Вертотову Историю об Ордене

Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавляться и, привязав к кавалерии своей флаг адмиральской, представлять себя кавалером Мальтийским». А через несколько дней Павел Петрович «по окончании учения забавлялся, привеся к кавалерии своей флаг адмиральской. Представлял себя послом Мальтийским и говорил перед маленьким князем Куракиным речь».

А. Рослин. Портрет графа З. Г. Чернышева. 1776 г.

Кроме чтения, в воспитательном процессе великого князя предусмотрели и трудовое воспитание. Это решение могла принять только Екатерина II, последовательно реализовывавшая в стенах Зимнего дворца воспитательные идеи просветителей. В результате в покоях наследника установили токарный станок, и он по примеру своего великого прадеда обучился работать на нем. Кстати говоря, эта традиция обучения работе на токарном станке с большим или меньшим успехом реализовывалась вплоть до начала XX в. С. А. Порошин записал в дневнике 2 ноября 1765 г.: «Его высочество, побегавши, изволил забавляться около токарного станка, потом играть на серинетах[46] и смотреть

книгу, где разные изображены птицы»[47].

Поскольку мальчика окружал круг учителей, старавшихся развлекать юного наследника познавательными разговорами, то мнения его о жизни вне Зимнего дворца формировались во многом благодаря этим беседам. Когда в апреле 1765 г. 10-летнему Павлу сообщили о смерти М. В. Ломоносова, то явно с чужих слов последовал следующий пассаж: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал»[48]. Эта фраза отражала подспудную борьбу, которая велась между русскими и немецкими учителями за влияние на наследника. В результате этой борьбы добросовестного наставника великого князя С. А. Порошина «съели», удалив его из Зимнего дворца.

С. Тончи. Портрет императора Павла I в короне гроссмейстера Мальтийского ордена. 1798–1801 гг.

Согласно педагогическим воззрениям Екатерины II, наследника держали в строгости. Стандартный режим для наследника в стенах Зимнего дворца включал подъем в шесть часов утра, туалет, завтрак и занятия до часу дня. Потом следовали обед, небольшой отдых и снова занятия. Это не был жесткий, раз и навсегда установленный режим. Серьезные коррективы в него вносили обязательные представительские обязанности и возрастные болезни.

По традиции покои матери и сына располагались в разных концах Зимнего дворца. Тем не менее цесаревич Павел Петрович постоянно бывал на половине матери, как правило, вечером. В комнатах императрицы он играл в карты, бильярд, шахматы, дурачился с молодыми фрейлинами. Его учитель записал в дневнике 10 апреля 1765 г.: «Государыня в фонарике, не очень была здорова. Пришед окно отворили. Не отходил от окна и поскакивал. Черни много зевало. Нищему рубль дал»[49]. Так и видится в этих коротких строках, залитый огнями Зимний дворец, толпа черни, глазеющая на окна покоев императрицы и подпрыгивавший мальчишка-наследник, бросающий из окна рубль нищему.

Кроме визитов к матери, вечерние часы отводились для представительских обязанностей, что тоже было очень важной частью воспитательного процесса. Наследник не только присутствовал на придворных спектаклях, но сам несколько раз выступал на сцене придворного театра в юго-западном ризалите Зимнего дворца.

Как правило, в десять часов мальчик укладывался спать. Подобный режим для подраставших великих князей воспроизводился вплоть до Александра III. Можно констатировать, что наследник Павел Петрович рос в окружении взрослых и с детства очень серьезно относился ко всем своим обязанностям.

Несомненной душевной травмой для взрослеющего мальчика стала история гибели его отца – императора Петра III Федоровича, шепотом рассказанная «в подлинной версии» наследнику престола «доброжелателями». Мать и сын очень рано душевно отдалились друг от друга и их отношения приняли характер подспудного неприятия друг друга. Проще говоря, ни мать, ни сын не любили друг друга. И это мягко сказано. По словам В. О. Ключевского, «мать не любила сына. У нее всегда для него вид государыни, холодность, невнимательность – никогда матерью не являлась».

Поскольку мальчика воспитывали «на французский манер», а, кроме этого, окружавшие мальчика взрослые не стеснялись обсуждать в его присутствии собственные любовные приключения, то довольно рано у мальчика появились «нежные мысли». С. А. Порошин упоминает, что Павел Петрович влюбился во фрейлину Екатерины II Веру Николаевну Чоглокову в 10-летнем возрасте (1 сентября 1765 г.): «Государь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он тотчас стереть изволил». Следует упомянуть, что фрейлина была

только на 2 года старше наследника. Через несколько недель уже 11-летний Павел на маскараде ухаживал за фрейлиной (как тогда выражались – «махал изрядно»): «Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была, и приступы Его Высочества не отбивала суровостью».

По свидетельству Порошина, «шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснел он и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: „Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв: намедни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит“. Смеялись много о сей его высочества заботливости». В 1769 г. Вера Николаевна Чоглокова вышла замуж за графа Антона Миниха, внука фельдмаршала. Забегая вперед, заметим, что «рогами» наследник обзавелся сразу же после первой женитьбы и, действительно, их веса совершенно не почувствовал.

После 14 лет в образовательной программе великого князя появились взрослые науки: коммерция, казенные дела, политика внутренняя и внешняя, войны морские и сухопутные, «учреждение мануфактур и фабрик и прочих частей, составляющих правление государства».

В 1772 г. Павле Петрович стал совершеннолетним, ему исполнилось 18 лет. Тогда ходили подспудные разговоры, что Екатерина II должна передать власть своему совершеннолетнему сыну, но все те, кто хорошо знал императрицу, только улыбались, слыша эти разговоры. Поэтому 20 сентября 1772 г. прошло в Зимнем дворце как совершенно обычный день, и фактически положение великого князя осталось прежним. К делам его не призвали, а только начали искать ему невесту[50].

Свадьба наследника стала завершением почти двух лет забот императрицы Екатерины II. Жену своему сыну императрица подбирала тщательнейшим образом. В результате в Россию «на кастинг» приехали три кандидатки: принцессы дармштадские Амалия, Вильгельмина и Луиза. Павел Петрович выбрал принцессу Вильгельмину, которая после миропомазания 15 августа 1773 г. превратилась в великую княжну Наталию Алексеевну (1755–1776). Екатерина II писала: «…Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер… старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен…».

29 сентября 1773 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба 19-летнего цесаревича Павла Петровича с Наталией Алексеевной. После венчания вельможи собрались в Тронном зале Зимнего дворца, где находился сервированный стол. Далее последовал бал, открытый новобрачными. Платье невесты по традиции было буквально усыпано бриллиантами. Так в Зимнем дворце начался новый этап в жизни наследника Павла Петровича.

Отдельного двора для великокняжеской четы не образовали, поскольку молодая семья осталась жить в Зимнем дворце под плотным контролем императрицы. У Екатерины II, конечно, имелась вся необходимая информация о положении дел на половине молодой семьи, поскольку буквально после свадьбы сына она определила к его условному двору «своего» человека – генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова. 5 ноября 1773 г. она писала генералу: «Николай Иванович! Я вас избрала, чтобы быть при сыне моем, а на какой ноге и в какой должности, о сем завтра поутру в десятом часу, когда вы ко мне придете, я сама с вами изъяснюсь. Впрочем, остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина»[51].

А. Рослин. Портрет великой княгини Наталии Алексеевны. 1776 г.

Поскольку все отчетливо понимали, что Салтыков будет «глазами» Екатерины II при молодом дворе, то положение генерала оказалось очень сложным. В инструкции, написанной Екатериной II, Салтыкову предписывалось: «1. Старайтесь понравиться моему сыну. 2. Оказываете ему возможную предупредительность, соединенную с большим уважением. 3. Старайтесь приобрести его доверие, но не спешите в сем и без всякой суеты, ибо сначала думать надлежит, что по молодости и по другим побочным причинам он несколько дичиться станет. Но вы на сие не смотрите, и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведение».

В этом же документе императрица оговорила, что Салтыков

будет жить «при дворе». Генералу выделили огромную квартиру для его семьи, находившуюся прямо над покоями цесаревича Павла Петровича. Очень важным было то, что в инструкции императрица четко оговорила свободный доступ Салтыкова на свою половину: «Вам можно говорить со мною и советоваться сколько угодно: можете являться ко мне, когда вздумается… В случае нужды, когда вам нужно будет настаивать, опирайтесь на мою волю».

Одновременно с инструкцией, данной Салтыкову, императрица написала письмо и своему сыну: «Любезный сын! Я назначила к тебе генерала Салтыкова. Таким образом при тебе будет лицо значительное, и не для того только, чтобы придать важности твоим выходам, но и для того, чтобы держать в порядке людей, назначенных к твоему двору, чего требует твое звание… Это человек исполненный честности и кротости, и везде, где он ни служил, им были довольны; поэтому, я не сомневаюсь, что вы поладите… С женитьбою кончилось твое воспитание, невозможно долее оставлять тебя на положении ребенка и в двадцать лет держать под опекою. Перед публикою ответственность теперь падет на тебя одного, и она жадно будет следить за твоими поступками. Эти люди все подсматривают, все подвергают критике, и не думай, чтобы оказана была пощада тебе, как и мне»[52]. Надо заметить, что это более чем трезвая оценка отношения высшего света как к самой императрице, так и к наследнику. Иллюзий по поводу «любви» ближайшего окружения Екатерина II лишилась очень давно…

М. Ф. Квадаль. Портрет графа Н. И. Салтыкова. Германия

И. С. Саблуков. Портрет Екатерины II

Несмотря на вполне зрелый возраст Павла Петровича, Екатерина II не торопилась подключать его к деловым заботам по управлению страной. В 1773 г. она предложила сыну назначить для того «час или два в неделю, по утрам, в которые ты будешь приходить ко мне один для выслушания бумаг. Таким образом, ты ознакомишься с ходом дел, с законами страны и моими правительственными началами. Согласен?». Тем не менее даже это скромное знакомство с непарадной стороной государственной деятельности принесло свои плоды.

С оригинала П. Батони. Портрет великого князя Павла Петровича. 1782–1787 гг.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Павла Петровича. 1780-е гг.

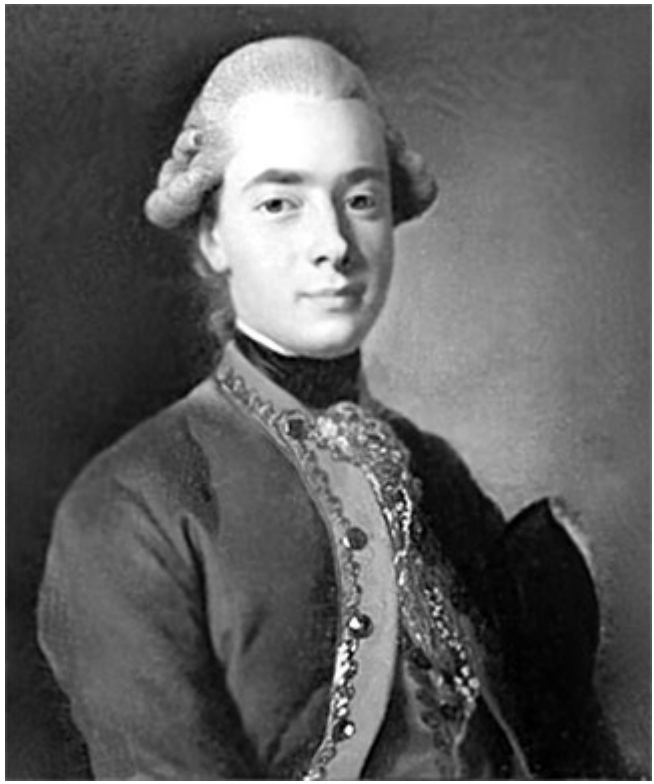
В 1774 г. наследник представил матери документ под названием «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов».

Говоря о семейной жизни цесаревича, заметим, что Екатерина II обманулась в своих надеждах, поскольку невестка оказалась совсем не той кроткой девочкой, какой казалась до

замужества. Во-первых, Наталья Алексеевна сумела сразу же поставить вспыльчивого Павла Петровича под свой жесткий контроль. Английский посланник Д. Харрис отмечал, что она «управляла мужем деспотически. Не давая себе даже труда выказать малейшей к нему привязанности». Во-вторых, невестка императрицы отчетливо и постоянно пыталась обозначить некую свою «оппозицию» к «большому двору». В результате между западным фасадом и юго-восточным ризалитом Зимнего дворца обозначилось нешуточное охлаждение отношений. И это происходило на фоне застарелых обид между сыном и матерью. О таланте к интригам красноречиво говорит то, что великой княгине Наталии Алексеевне, несмотря на десятки внимательных глаз, удавалось скрывать свою любовную связь с другом цесаревича – графом Андреем Разумовским.

Екатерина II давала невестке следующую, не без яда написанную характеристику: «…Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле. Не слушаем ни хороших, ни худых советов. До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и все хотят делать по-своему. Спустя полтора года и более мы еще не говорим по-русски, хотим, чтобы нас учили, но не хотим быть прилежными. Долгов у нас вдвое больше, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает». Таковы были обстоятельства первого брака Павла I, который начался и завершился в стенах Зимнего дворца.

К весне 1776 г. отношения между старым и молодым двором обострились до крайности. Однако затянувшийся конфликт между свекровью и невесткой, сыном и матерью прервала трагедия – 15 апреля 1776 г. в Зимнем дворце во время родов, после пяти дней мучений, умерла 20-летняя жена Павла Петровича – великая княгиня Наталья Алексеевна. Первым погиб ребенок. Во время этих трагических событий Екатерина II и Павел Петрович неотлучно находились в комнатах наследника, поблизости от рожавшей великой княгини. Но в день смерти великой княгини Екатерина II уехала в Царское Село, увезя с собой сына[53].



А. Рослин. Портрет князя Андрея Кирилловича Разумовского. 1776 г.

Курировали роды врачи Роджерсон и Крузе. Когда стало ясно, что великая княгиня родить не в состоянии, встал вопрос о кесаревом сечении или о плодоразрушающей операции с помощью акушерских щипцов. Решение должна была принять императрица. Пока принималось непростое решение, ребенок погиб, а вскоре у роженицы начался сепсис, приведший к ее смерти.

Для того чтобы пресечь слухи[54], начавшиеся распространяться по Петербургу, в Зимнем дворце провели вскрытие умершей великой княгини. Как выяснилось, великая княгиня не могла родить, поскольку имела дефекты в развитии тазовых костей[55]. Тут возникают вопросы к врачам, следившим за развитием беременности, но об этом речь пойдет ниже…

Императрица писала своим европейским корреспондентам: «Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать и мы с нею. У меня сердце истерзалось; я не имела ни минуты отдыха в эти пять дней и не покидала великой княгини ни днем, ни ночью до самой кончины. Она говорила мне: „Вы отличная сиделка“. Вообразите мое положение: надо одного утешать, другую

ободрять. Я изнемогла и телом и душой…».

Для цесаревича одновременная утрата жены и ребенка оказались потрясением. Не менее тяжелым ударом для него стала обнаруженная в бумагах жены любовная переписка Натальи Алексеевны с его другом – графом Андреем Разумовским, чью подлинность подтвердил духовник императрицы. Поэтому Павел Петрович не присутствовал на похоронах супруги и через несколько дней после траурной церемонии принял решение о новой женитьбе.

Запасная кандидатура на роль невестки у Екатерины II уже имелась, да и Фридрих II, «подсунувший» к Императорскому двору «бракованную» принцессу, стремился помочь матримониальным планам Екатерины II. Это была 17-летняя вюртембергская принцесса София-Доротея, правда, помолвленная с одним из немецких принцев. Уже 18 апреля 1776 г. Екатерина писала: «Я сомневаюсь, чтобы он (принц Людвиг. – *И. З.)* женился на принцессе виртембергской, несмотря на то, что они уже помолвлены: он совсем не стоит ее».

Екатерина II была человеком дела и 13 июня 1776 г. Павел Петрович отправился в Берлин[56], для того чтобы повидаться с принцессой. Конечно, банальная история с предательством жены и лучшего друга и смерть ребенка тяжело отразилась на характере великого князя, усилив его негативные стороны.

Пока сын сватался, Екатерина II решала не менее серьезные вопросы. Например, она немедленно оплатила все долги, которые успела набрать за очень короткое время ее покойная невестка: «О заплате по шести счетам долгов по комнатам Его Императорского Высочества и покойной великой княгини 200 250 р. 36 к. и 400 червонных»[57] (1 мая 1776 г.). Затем она распорядилась привести половину сына в Зимнем дворце в соответствующий вид: «Об отпуске на позолоту столовой Его Высочества. 1746 р.» (16 августа 1776 г.).

События развивались молниеносно. К сентябрю очередная немецкая принцесса прибыла в Зимний дворец. 14 сентября 1776 г. в Большом соборе Зимнего дворца состоялось миропомазание принцессы, ее нарекли Марией Федоровной. 15 сентября 1776 г. там же состоялось обручение Марии Федоровны с Павлом Петровичем. 26 сентября 1776 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба, и женой Павла Петровича стала София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, в православии Мария Федоровна. В результате цесаревич, овдовев в апреле 1776 г., уже через пять месяцев вновь женился.

Через год после заключения брака, 12 декабря 1777 г., великая княгиня родила в Зимнем дворце первенца – будущего

Александра I. Тогда любящая бабушка немедленно озаботилась ванночкой для младенца, заказав ее «серебрянику Кепингу», уплатив за нее из «комнатной суммы»: «Употреблено на дело ванны 1 пуд 35 фунтов 62 золотника и 95 доль на 1721 р.».

Вскоре дворец наполнился детскими голосами, поскольку дети рождались буквально один за другим. Всего в семье Павла I родилось четыре мальчика: Александр (12 декабря 1777); Константин (27 апреля 1779); Николай (25 июня 1796); Михаил (28 января 1798) и шесть девочек: Александра (29 июля 1783); Елена (13 декабря 1784); Мария (4 февраля 1786); Екатерина (10 мая 1788); Ольга (11 июля 1792) и Анна (7 января 1795). Для детей отвели комнаты второго этажа юго-западного ризалита Зимнего дворца.

Следует подчеркнуть, что молодая супружеская чета так укрепила генетический фундамент правящей императорской фамилии, что вплоть до 1917 г. в ней не было даже намека на угрозу династического кризиса, вызванного отсутствием наследников мужского пола.

К началу второго брака характер наследника Павла Петровича вполне определился – мнительный и недоверчивый, торопливый и непредсказуемый, моментально вспыхивавший по пустяковому поводу, готовый «сдать» свои недавние искренние привязанности. И это в сочетании с живым и любознательным умом, благородством и рыцарственностью, стремлением принести пользу стране. Эти противоречивые начала вполне уживались в одном человеке. Особенности характера цесаревича в первую очередь отражались на Марии Федоровне, отношения с которой, несмотря на обилие детей, не выглядели безоблачными, хотя с ее стороны к тому поводов не было. Например, в одном из писем, датированных сентябрем 1796 г., она писала мужу: «Обнимаю вас от всего сердца и прошу вас хотя немного думать о вашей Маше»[58].

А. Рослин. Портрет великой княгини Марии Федоровны. 1777 г.

Пока великий князь Павел Петрович не отъехал в Гатчину, он вел образ жизни, соответствующий его статусу наследника. Он виделся с матерью-императрицей ежедневно, утром и вечером, и допускался «в совет императрицы». В его комнатах в Зимнем дворце регулярно устраивались праздники, сопровождавшиеся танцами и трапезами. В воспоминаниях графини В. Н. Головиной упоминается, что в середине 1780-х гг. по понедельникам в Зимнем дворце на половине наследника устраивались балы и

ужины[59]. Она же писала, что по субботам «у наследника устраивался прелестный праздник, который начинался прямо со спектакля. Бал, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, подававшегося в той же зале, где играли спектакль. Большой стол ставился посреди залы, а маленькие столы в ложах. Великий князь и его супруга ужинали на ходу, принимая своих гостей в высшей степени любезно. После ужина бал возобновлялся и заканчивался очень поздно. Гости разъезжались при свете факелов, что производило очаровательный и своеобразный эффект на ледяной поверхности красавицы Невы»[60].

Что касается мнительности цесаревича, то одно из происшествий в Зимнем дворце он принял за попытку его отравления. Однажды ему подали за ужином сосиски – немецкое кушанье, которое он очень любил. Когда великий князь приступил к трапезе, он нашел в сосисках несколько осколков стекла. Надо признать, что это был действительно серьезный повод, для того чтобы вспылить. Цесаревич встал из-за стола, взял блюдо и отправился с ним на половину матери, в запальчивости заявляя, что его хотели отравить. Это очень характерный маршрут в поисках отравителя – на половину Екатерины II. Императрицу взволновало происшествие, и она немедленно увезла Павла Петровича с собой в Царское Село. Произошедшее вполне можно расценить как попытку покушения на жизнь цесаревича.

Разрыв между Павлом и Екатериной II вышел на новый уровень после того, как императрица фактически забрала у молодых родителей их первенцев – Александра и Константина. Цесаревича не подпускали к серьезным делам, у него отняли детей, его взгляды на государственное устройство и политику игнорировались, фавориты императрицы смотрели на него сверху вниз. В начале 1780-х гг. западный фасад и юго-восточный ризалит Зимнего дворца уже тихо ненавидели друг друга.

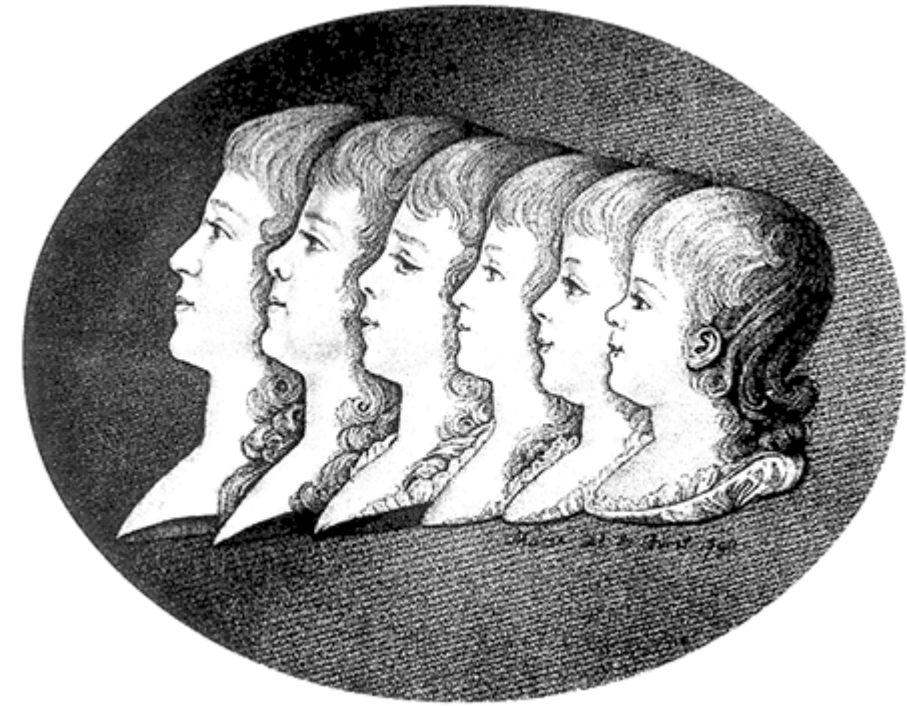
А. Белюкин. Прогулка императрицы Екатерины II с великими князьями Александром и Константином в Царском Селе

Рождение детей еще больше осложнило отношения Екатерины II с сыном. В качестве примера приведем то, что всем (!!! – *И. З.)* детям молодой супружеской четы имена давала именно Екатерина II. По воспоминаниям сына духовника Екатерины II протоирея Ивана Ивановича Панфилова, служившего при императрице 24 года, она «отдавала духовнику записку, в коей собственной рукой обозначала имя младенца». На этих записках, по сей день хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, рукой императрицы написано: «Александр 12 декабря 1777 г. в Петербурге – крещен 20 декабря»; «Константин 27 апреля 1779 г. в Царском Селе – крещен 5 мая»; «Александра 29 июля 1783 г. в Царском Селе – крещена 6 августа»; «Елена 13 декабря 1784 г. в Петербурге – крещена 22 декабря»[61]; «Мария 4 февраля 1786 г. в Петербурге – крещена 12 февраля»[62]; «Ольга[63] 11 июля 1792 г. в Царском Селе – крещена 18 июля»[64]. Как мы видим, при жизни Екатерины II в Зимнем дворце Мария Федоровна родила 3 детей.

Английский посланник Гаррис писал: «Охлаждение между императрицей и великим князем увеличивается со дня на день. Она обращается с ним с полнейшим равнодушием, можно сказать, с пренебрежением; он же не дает труда скрывать свое неудовольствие и, когда смеет, выражает его свободно и в самых резких словах… С великим князем и с великой княгиней Потемкин и его партия обращаются как с лицами, не имеющими никакого значения. Цесаревич чувствует это пренебрежение и имеет слабость высказывать это в разговорах, хотя не властен сделать ничего более. Вследствие природной застенчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается с летами, он не

может оправдать опасений, внушаемых императрице Потемкиным». Об отношениях с матерью свидетельствует неосторожный ответ Павла Петровича на вопрос французского короля, который поинтересовался – правда ли, что в его свите нет никого, на кого он мог бы положиться. Наследник с горечью ответил: «Ах, я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился самый маленький пудель, ко мне привязанный: мать моя велела бы бросить его в воду прежде, чем мы оставили бы Париж».

20 ноября 1782 г. великокняжеская чета возвратилась из путешествия по Европе в Зимний дворец. К этому времени мать и сын окончательно определились в своем отношении друг к другу. Именно тогда у Екатерины II вызревает решение передать трон своему любимому внуку – великому князю Александру Павловичу. Однако этот семейный нарыв был купирован, когда 6 августа 1783 г. Екатерина II подарила Павлу Петровичу мызу Гатчину, куда он и переехал на жительство из Зимнего дворца.



Великие князья Александр, Константин и великие княжны Александра, Елена, Мария и Екатерина. С камеи, выполненной великой княгиней Марией Федоровной. 1790 г.

Медальон с портретом графа и графини Северных. 2-я пол. XVIII в. Россия

С той поры Павел Петрович сравнительно редко посещал свою половину в Зимнем дворце. Как правило, в главную императорскую резиденцию он приезжал к 24 ноября, дню тезоименитства Екатерины, и уезжал в начале февраля. Но, даже живя в Зимнем дворце, наследник старался не принимать участия не только в официальных праздниках, но и уклонялся от встреч с императрицей. Екатерина II писала Салтыкову: «Великий князь прислал сказать, что у него лихорадка и что он в постели лежит. Я бы желала знать, что о сем докторы говорят. Буде знаете, прошу мне сказать». Думается, что императрицу беспокоило не только здоровье сына… Об отношениях в императорской семье красноречиво говорит и то, что в обширной иконографии Екатерины II, Павла I и Марии Федоровны нет ни одного совместного портрета…

Случались годы, когда наследник вообще не жил в Зимнем дворце, а бывал в нем только наездами, но не реже раза в неделю. Как вспоминал один из очевидцев, «он приезжал с почтеньем раз в неделю, в назначенные дни. Приезд его вселял почтение и

страх, когда, впрочем, страх не имел никогда места при императрице; но для Павла Петровича все в струнку. Мы хотя и птенцы еще были, и нам политика не была известна, однако же ожиданное прибытие заставляло нас держать, как ныне говорят, руки по швам. Должность пажей состояла еще двери отворять; следовательно, мы были первые видимы, и вы можете судить, как мы оправлялись, оглядывались, боялись и цепенели»[65].

Старшие сыновья Павла Петровича продолжали жить в Зимнем дворце в комнатах, расположенных по западному фасаду. Следовательно, с родителями они виделись не чаще одного раза в неделю. Только с весны 1795 г. великие князья Александр и Константин стали ездить к родителям в Гатчину и Павловск четыре раза еженедельно, занимаясь там маневрами, ученьями и парадами.

Судьбоносным для 42-летнего цесаревича стал день 5 ноября 1796 г., когда курьер принес в Гатчину первое известие о смертельной болезни Екатерины II. Потом это сообщение подтвердила целая череда посланных. Примечательно, что одного из них послал великий князь Александр Павлович. Его депеша, написанная по-французски, сохранилась: «Она очень плоха. Если будет что-то еще, я немедленно сообщу Вам»[66]. Очень характерно, что любимую бабушку в записке, адресованной отцу, Александр Павлович называет обезличенно – «Она».

Поскольку ситуация могла повернуться по-разному, сам Павел Петрович набросал императрице записку, полную показного лицемерия: «Гатчина, 5 ноября 1796 г. Моя дражайшая матушка! Я осмеливаюсь засвидетельствовать Вам свое почтение, равно как и таковое же моей супруги, и назваться Вашего императорского величества послушнейшим сыном и покорнейшим слугой. Павел». Затем, в пятом часу пополудни, сопровождаемый Марией Федоровной и некоторыми из своих верных гатчинцев, цесаревич выехал в Зимний дворец. Фактически «послушнейший и покорнейший» сын ехал брать власть.

В Зимний дворец великокняжеская чета прибыла в 8 часов 30 минут вечера. В главной императорской резиденции, буквально забитой собравшимися придворными и высшими правительственными лицами, Павла Петровича встречали уже как государя, а не наследника. Пример для всех подали великие князья Александр и Константин Павловичи, явившиеся к отцу в гатчинских мундирах, в которых они не показывались при Дворе императрицы. Екатерина II еще была жива, но без сознания.

А. Орловский. Великий князь Константин Павлович. 1802 г.

В. Л. Боровиковский. Портрет императора Александра I

Прибыв в Зимний дворец, Павел Петрович прежде всего отправился к умирающей матери. В миг встречи все обиды забылись: Павел плакал, целовал руки матери и искренне

горевал. Думается, что тогда его чувства были подлинными. В то же время наверняка он уже почувствовал себя императором, проведя ночь на половине умирающей императрицы, в комнате, смежной с ее спальней. Туда, гремя ботфортами, подходили мимо умиравшей императрицы гатчинские офицеры, бравшие Зимний дворец и всю столицу под свой контроль.

Совершенно новые для Зимнего дворца фигуры гатчинских офицеров-строевиков в незнакомых мундирах вызвали тихую панику не только среди окружения императрицы, но и у холеных гвардейских офицеров, давно забывших не только что такое штыковые атаки под картечью врага, но и простую службу, согласно уставам.

К утру 6 ноября 1796 г. все встало на свои места. Планы Екатерины II по передаче власти внуку оказались «похоронены». Павел I распорядился передать ему императорскую печать и разобрать в присутствии великих князей Александра и Константина документы, находившиеся в кабинете императрицы. Более того, Павел I сам взял последнюю рабочую тетрадь Екатерины II, уложил ее на скатерть, куда начали складывать и все бумаги, извлекаемые из шкафов и ящиков. Когда все было собрано, скатерть увязали лентами и получившийся узел опечатали.

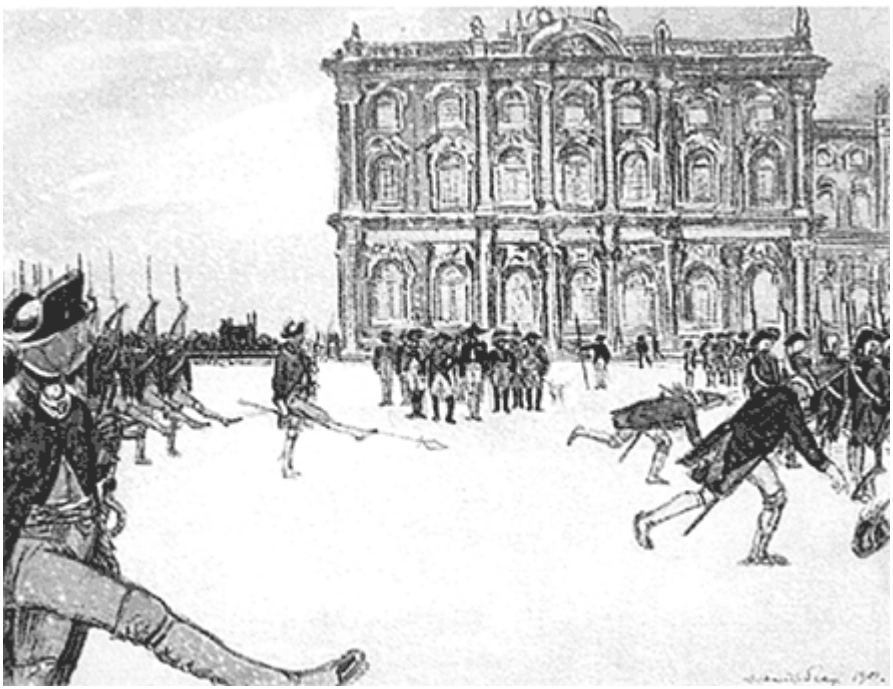
Только вечером 6 ноября, в 21 час 45 минут, Екатерина II Великая «почила в Бозе». Около полуночи в Большой церкви Зимнего дворца состоялась церемония принятия всеми сановниками и придворными чинами присяги на верность императору Павлу I и его наследнику, великому князю Александру Павловичу.

В очень короткие сроки не только Зимний дворец, но и вся столица изменили свой облик. На современников изменения произвели оглушающее впечатление. По словам Г. Р. Державина, «повсюду загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом». Другой очевидец вспоминал: «Все чрез сутки приняло совсем новый вид. Перемена мундиров в полках гвардии, вахт-парады, новые правила в военном учении; одним словом, кто бы за неделю до того уехал, по возвращении ничего бы не узнал, что со мною и случилось по моем приезде из Москвы. Дворец как будто обратился весь в казармы: внутренние бекеты[67], беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо поутру. Стук их сапогов, шпор и тростей, все сие представляло совсем новую картину, к которой мы не привыкли»[68].

Комендантом Зимнего дворца Павел I назначил

надежнейшего А. А. Аракчеева, произведенного в генерал-майоры и занявшего в императорской резиденции покои фаворита Екатерины II Платона Зубова, которого буквально выкинули из резиденции[69].

Первый вахт-парад на Дворцовой площади состоялся уже 7 ноября 1796 г. 10 ноября 1796 г. к Зимнему дворцу подошли гатчинские войска. Император сразу расставил акценты. Гвардейские полки по приказанию Павла I выстроились на Дворцовой площади. Встречая гатчинцев, император поблагодарил их за службу и распределил побатальонно по всем гвардейским полкам. Офицеры-гатчинцы переводились в гвардию чин в чин. Таким образом, гвардия оказалась под полным контролем императора, чем исключалась вероятность дворцового переворота.



Вахт-парад у Зимнего дворца при Павле I

Гренадерки 1797–1807 годов

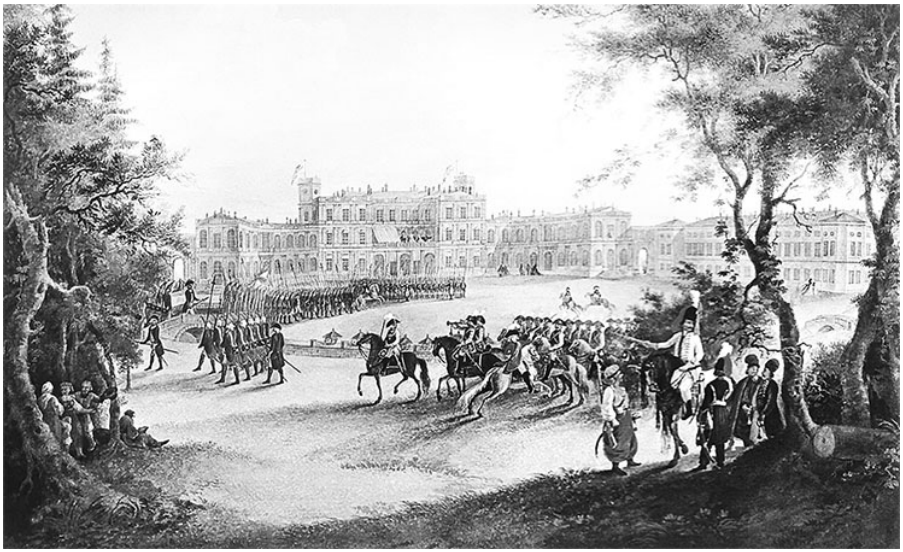
Фузелерная шапка гренадерского полка 1796–1801 годов

Гренадерка Лейб гвардии Измайловского полка 1800–1801 годов

Гренадерка Лейб гвардии Павловского полка

Гренадерки времен Павла I и Александра I

Император немедленно покончил с теми беспорядками, которые царили в гвардии в последние годы екатерининского правления. Он решительно дал понять, что главной обязанностью офицера является служба, а не посещение театров и балов. Очевидец вспоминал: «При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрут». Император лично на Большом дворе Зимнего дворца обучал солдат заступать в караул, а на Дворцовой площади регулярно устраивал вахт-парады. Упомянем и о том, что Павел I восстановил порядок обязательной службы дворян и телесные для них наказания. Это буквально повергло дворян в шок.



Г. С. Сергеев. На плацу перед Гатчинским дворцом. 1798 г.

Изменился и ритм жизни в самом Зимнем дворце, немедленно подстроившийся под привычки Павла I. Поскольку император поднимался в 5 часов утра, то первые доклады сановников он начинал принимать уже в 6 часов. Соответственно с этим, и свет в окнах в Зимнем дворце, как и во всем Петербурге, гасили в 10 часов вечера, поскольку все стали очень рано отходить ко сну.

Новые порядки в Зимнем дворце немедленно положили начало так называемым павловским анекдотам. Князь Ф. Н. Голицын в воспоминаниях приводит один из таких анекдотов: «При начале царствования его постановлены были во дворце в передних комнатах внутренние бекеты и переменено слово, вместо, как прежде, командовали „к ружью“, велено кричать „вон“! В одно утро г. прокурор граф Самойлов, проходя с делами к Государю мимо бекета, и караульный офицер, желая отдать ему честь, закричал вон, граф, не поняв, что это значит, вздумал, что всех из комнаты выгоняют, поворотяся уехал домой»[70].

Еще одна «павловская» история связана с тем, что император, стоя у окна Зимнего дворца, увидел прохожего и обронил: «Вот, идет мимо царского дворца и шапки не ломает». Из этой походя оброненной фразы моментально сочинили высочайшее повеление. С этого времени всем горожанам, проходящим или проезжающим мимо Зимнего дворца, было велено снимать шапки при любой погоде.

Став императором, Павел I немедленно возвратил из небытия своего убитого отца – Петра III Федоровича. Он приказал в один

день захоронить Петра III и Екатерину II в Петропавловском соборе, перевезя прах отца из склепа Благовещенского собора Александро-Невской лавры. Тогда же он приказал достать из дворцовых запасников сохранившиеся портреты Петра III. Один из них – парадный портрет Петра III – повесили в кабинете Павла I.

Император Павел Петрович стремился установить четкий военный порядок и в придворной жизни. Графиня В. Н. Головина вспоминала, что «Император строго придерживался этикета: в глубокий траур не допускал ни балов, ни спектаклей – никаких удовольствий, кроме малых собраний, официальных приемов, тихих игр и ужинов»[71]. Об этом же писал К. Массон: «Внутри дворца был введен столь же строгий и страшный этикет. Горе тому, кто при целовании руки не стукался коленом об пол с такой силой, как солдат ударяет ружейным прикладом. Губами при этом полагалось чмокать так, чтобы звук, как и коленопреклонение, подтверждал поцелуй. За слишком небрежный поклон и целование камергер кн. Георгий Голицын был немедленно послан под арест самим Его Величеством»[72].

Самая известная история, связывающая имя Павла I с Зимним дворцом, повествует о некоем ящике, куда подданные могли опускать прошения на имя императора. Сведения о местоположении этого ящика разнятся. По одной версии, роль ящика играла целая «секретная комната» в подвале Зимнего дворца, ключи от которой находились только у самого императора. Прошения попадали в комнату по специальному желобу, выведенному на Дворцовую площадь. В комнате имелся стол со всеми необходимыми письменными принадлежностями, за которым император работал, разбирая накопившуюся за неделю корреспонденцию. По второй версии, специальный желтый ящик поставили у больших ворот Зимнего дворца. Третья версия утверждает, что ящик находился «на лестнице дворца»[73]. Так или иначе, этот ящик действительно имелся.

Разнятся также версии о мотивах установки ящика для прошений. Одни мемуаристы утверждают, что мотивом для этого решения было стремление императора получить объективную информацию о злоупотреблениях в стране и в столице. По версии других – это стремление Павла I обезопасить свою персону. Дело в том, что, по древней традиции, ходатаи всеми правдами и неправдами старались передать свои прошения лично в руки императора. С этим боролись как могли, поскольку среди подателей могли оказаться и потенциальные убийцы. Но получалось это не всегда удачно, что вредило имиджу монарха. К. Массон упоминает, что Павел I «объявил, что сам будет их

читать и, после необходимых справок, класть свою резолюцию. Вследствие этого он запретил впредь беспокоить его подачею просьб на вахт-параде и велел арестовывать смельчаков, приближавшихся к нему с бумагою в руках»[74].

Ничего путного из этой затеи не вышло. Поначалу Павел I добросовестно, раз в неделю, несколько часов работал в подвале, читая прошения, и либо отвечал подданным через газету, либо лично разбирал их дела. Впрочем, прямой канал «связи» с народом вскоре разочаровал императора, поскольку в потоке прошений все чаще стали встречаться ложные доносы, пасквили и даже карикатуры на самого царя.

Например, «одна из знатной фамилии госпожа положила в тот ящик просьбу, которой содержание состояло в том, что так как она происходит из знатной фамилии, почему и не желает по смерти быть погребенною на общем кладбище и просит, чтобы государь повелел своим указом отвести особое место для погребения, в случае смерти, тела ее и всех ее родственников. Снисходительный и милосердый император написал на то в ответ: „Что так, как люди по смерти, не взирая на породу и чины, бывают все равны, и более когда она умрет, то тогда не будет уже знать, кто она такова и какого звания человек будет положен рядом с нею; почему прошение и возвращается ей с наддранием обратно“»[75].

В. Л. Боровиковский. Портрет императора Павла I

Памятник Павлу I во дворе Михайловского замка

Б. Патерсен. Михайловский замок с набережной Фонтанки. 1801 г.

Император Павел I, переехав из Гатчины в Петербург, не собирался жить в Зимнем дворце. Указ о строительстве новой резиденции был издан в первый же месяц царствования Павла I – 28 ноября 1796 г. 26 февраля 1797 г. началось торжественное шествие из Зимнего дворца к месту закладки будущего

Михайловского замка. 8 ноября 1800 г., в день святого Архангела Михаила, замок торжественно освятили, а 1 февраля 1801 г. император Павел I с семьей торжественно выехал из Зимнего дворца в новую резиденцию. На всем пути его следования стояли гвардейские полки. Торжественная процессия сопровождалась пальбой пушек и музыкой полковых оркестров. В Зимнем дворце в качестве императора Павел I прожил с ноября 1796 по февраль 1801 г. В Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. императора Павла I убили заговорщики.

Что же касается окружения императора, то немедленно после гибели Павла I «все население дворца кинулось еще до рассвета переезжать в Зимний дворец, откуда еще не успели убрать мебелей»[76].

Память о пребывании Павла I в стенах Зимнего дворца сохранялась в виде вещей, находившихся в его комнатах. По уже сложившейся традиции, «внутренние комнаты в Бозе почивающего императора Павла Петровича» на некоторое время приобрели мемориальный характер. Об этом свидетельствует опись мебели и «прочих вещей», составленная в апреле 1820 г. В документе перечисляются следующие «внутренние комнаты» покойного императора: Библиотека[77], Кабинет[78], Будуар[79], Почивальня[80], Уборная[81], Серебряный кабинет, Кавалерская[82], Фонарик[83], Палевой покой, Ковровая («что перед Бриллиантовой»), Передние[84].

Позже, в начале 1826 г., большую часть этих вещей передали на хранение в дворцовые кладовые. В ноябре 1828 г. император Николай I, просмотрев представленные ему описи вещей покойного отца, выбрал некоторые из них[85] и распорядился «доставить сии вещи в Зимний Дворец на половину Его Величества в Аванзал»[86]. Судя по всему, Николай Павлович хорошо помнил все, что стояло в этих мемориальных комнатах, поскольку поинтересовался у должностных лиц, где находятся 11 мраморных бюстов. На что ему ответили, что все бюсты «находятся на своих местах на шкапах в библиотеке императора Павла Петровича, что ныне библиотека прусско-королевских комнат».

Александр I

Александр I родился 12 декабря 1777 г., в понедельник, в 9 ч. 45 мин. утра, в спальне великой княгини Марии Федоровны в Зимнем дворце. Он стал первым императором, родившимся и прожившим в Зимнем дворце всю свою жизнь. Именно из Зимнего дворца император выехал 1 сентября 1825 г., для того чтобы отправиться в свое последнее путешествие и умереть в Таганроге 19 ноября 1825 г.

По традиции, по случаю рождения великого князя окна Зимнего дворца содрогнулись от пушечных залпов. Молодым родителям императрица подарила 362 десятины земли с двумя небольшими деревнями близ Царского Села. Со временем на этом месте вырос город Павловск. С 1778 г. там началось строительство первых парковых павильонов и обустройство самого парка.

Когда в семье Павла Петровича родился первенец, то повторился сценарий 1754 г., по которому младенца немедленно забрала на свою половину царствующая императрица. В 1754 г. это был будущий Павел I, которого взяла Елизавета Петровна, а в 1777 г. – будущий Александр I, которого забрала Екатерина II. После рождения второго ребенка – Константина Павловича – история повторилась. Впрочем, после крещения младенца его детскую устроили на половине матери – цесаревны Марии Федоровны.

20 декабря 1777 г. будущего Александра I окрестили в Большом соборе Зимнего дворца, и его заочными восприемниками стали австрийский император Иосиф II и король Пруссии Фридрих II Великий. Начало 1778 г. ознаменовалось в Зимнем дворце чередой непрерывных праздников. Императрица искренне радовалась рождению внука, уже тогда она, также по сценарию Елизаветы Петровны, прочила его в свои преемники. В феврале 1778 г. Екатерина II писала барону М. Гримму: «До поста осталось каких-нибудь две недели, между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию».

С. Торелли. Портрет великого князя Александра Павловича. 1778 г.

Екатерина II с внуками Александром и Константином, внучками Александрой и Еленой на прогулке в Царском Селе

Воспитывали мальчиков в Зимнем дворце по уже сложившимся стандартам. Сначала они попадали в женские руки. До 1783 г. за их воспитание отвечала «генеральша», вдова коменданта г. Ревеля Софья Ивановна Бенкендорф (урожд. Левенштерн)[87]. Няней-англичанкой к младенцу назначили Прасковью Ивановну Гесслер, опекавшую будущего императора до семи лет.

Стратегию воспитания внуков, буквально с первых дней их жизни, определяла сама императрица. Собственными педагогическими новациями в духе передовых идей века Просвещения она охотно делилась со своими европейскими корреспондентами. Приводимая ниже обширная цитата рисует первые дни жизни будущего императора в Зимнем дворце: «Как только господин Александр родился, я взяла его на руки, и после того как его вымыли, унесли в другую комнату, где и положили на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, как посылаемая при сем кукла. Когда это было сделано, то господина Александра положили в ту корзину, где кукла, чтобы женщина, при нем находившаяся, не имела никакого искушения его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на канапе. Убранный таким образом господин Александр был передан генеральше Бенкендорф; в кормилицы ему была назначена жена молодца садовника из Царского Села, и после крещения своего он был перенесен на половину его матери, в назначенную для него комнату». Очень характерны эти «руководящие указания» Екатерины II, и в грош не ставившей желания родителей младенца.

Еще раз отметим, что детская Александра Павловича в Зимнем дворце находилась на половине его матери. Екатерина II описывала ее следующим образом: «Это – обширная комната, посреди которой расположен на четырех столбах и прикреплен к потолку балдахин, и занавесы, под которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы за спинкой балдахина. Комната обширна, для того чтобы воздух в ней был лучше; балдахин посреди комнаты, против окон, для того чтобы воздух мог обращаться свободнее вокруг балдахина и занавесок. Балюстрада препятствует приближаться к постели ребенка многим особам за раз; скопление народа в комнате избегается и не зажигается более двух свечей, чтобы воздух вокруг него не был слишком

душным; маленькая кровать господина Александра, так как он не знает ни люльки, ни укачивания, – железная без полога; он спит на кожаном матрасе, покрытом простыней, у него есть подушечка и легкое английское одеяло; всякие оглушительные заигрывания с ним избегаются, но в комнате всегда говорят громко, даже во время его сна. Тщательно следят, чтобы термометр в его комнате не подымался никогда свыше 14 или 15 градусов тепла. Каждый день, когда выметают в его комнате, ребенка выносят в другую комнату, а в спальне его открывают окна для возобновления воздуха; когда комната согреется, господина Александра снова приносят в его комнату. С самого рождения его приучили к ежедневному обмыванию в ванне, если он здоров… Как скоро только весною воздух сделался сносным, то сняли чепчик с головы господина Александра и вынесли его на воздух; мало-помалу приучили его сидеть на траве и на песке безразлично, и даже спать тут несколько часов в хорошую погоду, в тени, защищенный от солнца. Тогда кладут его на подушку, и он отлично отдыхает таким образом. Он не знает и не терпит на ножках чулок, и на него не надевают ничего такого, что могло бы малейше стеснять его в какой-нибудь части тела. Когда ему минуло четыре месяца, то, чтобы его поменьше носили на руках, я дала ему ковер… который расстилается в его комнате… здесь-то он барахтается, так что весело смотреть. Любимое платьице его, это – очень коротенькая рубашечка и маленький вязаный очень широкий жилетик; когда его выносят гулять, то сверх этого надевают на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Он не знает простуды».

Когда умерла СИ. Бенкендорф, воспитателем к мальчикам в сентябре 1783 г. назначили все того же Н. И. Салтыкова. Воспитателю предписывалось руководствоваться так называемой Бабушкиной азбукой, написанной Екатериной II. Отметим, что это произведение императрицы переиздается до сегодняшнего дня. То была действительно азбука, но вместе с тем и книга для чтения, формировавшая характер, основанный на человеколюбии, идеях века Просвещения, уважении к достоинству каждого человека.

Бабушкина азбука, изучавшаяся мальчиками в Зимнем дворце, состояла из восьми разделов: 1. Азбука с гражданским начальным устроением; 2. Китайские мысли; 3. Сказка о царевиче Хлоре; 4. Разговор и рассказы; 5. Записки; 6. Выбранные российские пословицы; 7. Продолжение начального учения; 8. Сказка о царевиче Фивее.

Если обратиться к пословицам, выбранным императрицей, можно привести некоторые из них: «Беда – глупости сосед»;

«Горду быть, глупым слыть»; «Кто открывает тайну, тот нарушает верность» и т. д. Императрица настоятельно рекомендовала нянькам воспитывать великих князей на основании ее педагогических воззрений. Позже она неоднократно вмешивалась в педагогический процесс, настаивая на реализации своего педагогического плана. Так, оторвавшись от внуков на время поездки в Крым, она писала Салтыкову (5 января 1787 г.): «Вы о сем именем моим, подтвердите господам Протасову и Сакену, и вообще всем, при внуках моих находящихся, прикажите им снова прочесть, для памяти, мной подписанной наказ, и скажите всем, что я ожидаю от всех непременного и усердного выполнения мною предписанного…»[88].

В своих письмах императрица постоянно обращается к внукам, радуется их успехам и печалится над их неудачами. Так она продолжала контролировать процесс обучения мальчиков (15 марта 1787 г. Киев): «Присланную роспись учения великих князей, сочиненную господином Лагарпом, я показать велела Фицгерберту[89], и он, так, как и я, находит, что лучше выдумать нельзя, и об успехах не сомневаюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствие».

Напомним, что Фредерик Сезар Лагарп, республиканец по убеждениям и бернский адвокат по профессии, был рекомендован Екатерине II бароном Ф. М. Гриммом в качестве учителя для ее внуков Александра и Константина, коим он оставался с 1784 по 1795 г. В 1783 г. Лагарп прибыл в Петербург, где ему предложили поначалу занять место учителя французского языка. Но постепенно он стал заниматься со своими воспитанниками всеобщей историей, географией и математикой, а позднее – философией и законоведением. В своих воспоминаниях Лагарп упоминает, что Екатерина II пожелала, чтобы ее внуки «были воспитаны, как люди».

Фредерик Сезар Лагарп

Фридрих Мельхиор фон Гримм

Назначение сомнительного швейцарца-адвоката наставником цесаревича петербургский бомонд воспринял с подозрением. Эти настроения выразил баснописец Крылов в басне «Воспитание льва», в которой льва воспитывает орел:

Пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кому зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей
Знать свойства своего народа
И выгоды земли своей.

С настороженностью воспринял появление Лагарпа и отец будущего Александра I – великий князь Павел Петрович. И тем не менее накануне отъезда из России Лагарпу удалось объясниться с Павлом Петровичем. В мае 1795 г., во время двухчасовой беседы в кабинете Павла, Лагарпу удалось, по его словам, «излить свое сердце», что великого князя глубоко тронуло. Примирение было достигнуто, и, когда Мария Федоровна пригласила Лагарпа на тур полонеза, Павел даже подарил ему свои перчатки, а Лагарп сохранил их как память о России.

Бабушка искренне любила внуков. При этом она оставалась императрицей и пыталась быть к ним строга. Однажды расшалившегося Александра, в наказание, Екатерина II оставила одного в своих комнатах, а сама пошла на заседание Совета. Однако на делах она так и не смогла сосредоточиться, поскольку, по ее словам, «этот мальчик не выходит у меня из головы, и я не могу заниматься делом, наказавши его».

Бабушка любила первых внуков всей своей нерастраченной материнской любовью. Поскольку императрица шла в ногу со временем просвещенного XVIII в., то она соответствующим образом стремилась развивать своих внуков. В числе прочих забав она в октябре 1782 г. распорядилась сделать для внуков Александра и Константина «балкон с перильцами и лесенкой, которая могла бы подвигаться во все стороны, ибо она будет в употреблении во время бала или куртага, на которой стоять будут вместо стульев»[90]. Видимо, под «балконом» имелась в виду маленькая передвижная сцена, на которой тщеславная бабушка собиралась демонстрировать «во время бала или куртага» своих совершенно необыкновенных внуков. В марте 1782 г. по повелению императрицы на половине внуков устроили качели.

Позаботилась царственная бабушка и о зимних забавах для своих маленьких внуков. По ее именному устному указу в марте 1783 г. выстроили две деревянные, «покрытые льдом катальные горы для Александра и Константина Павловичей». Горы эти поставили «на садике, что против Эрмитажа»[91].

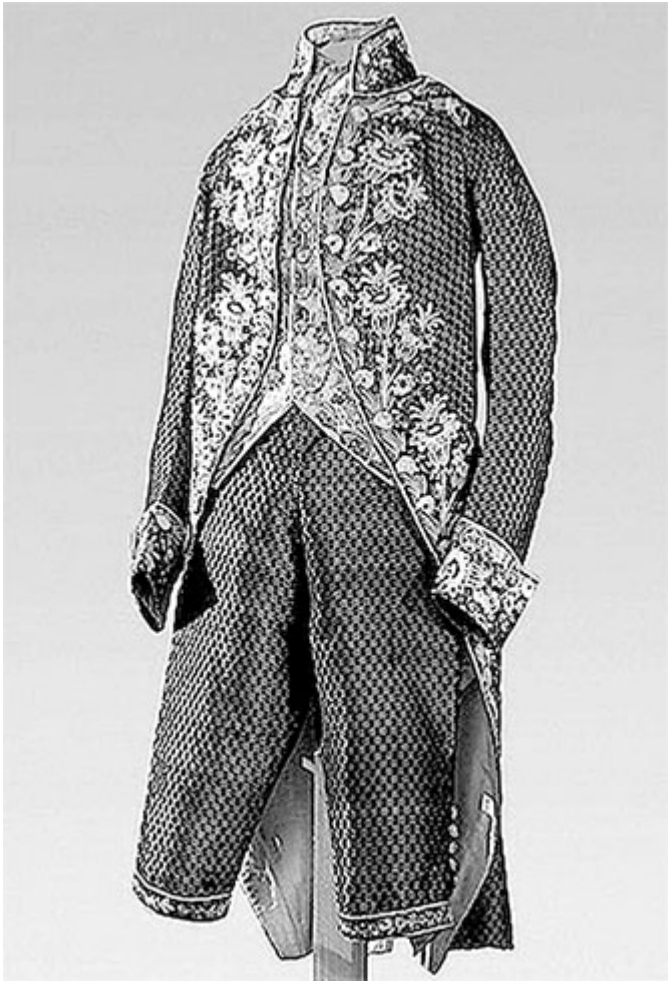
Именно Екатерина II заложила фундамент традиции «трудового воспитания» подрастающих великих князей, когда в апреле 1784 г. для великих князей Александра и Константина сделали и установили в Зимнем дворце небольшие столярные верстаки и один токарный станок.

Мы упоминали о том, что довольно рано мальчиков начали приводить на собрания бабушки в Малом Эрмитаже. В 1789 г. великие князья впервые обедали в Александров день за кавалерским столом. Александру шел тогда 12-й, а Константину 10-й год от роду[92]. Кстати, императрица принимала участие в

«проектировании» костюмов для своих внуков.

Когда мальчики подросли, им начали преподавать «взрослые предметы». Например, в 1791 г. академик Паллас читал им «натуральную историю» в одном из залов Малого Эрмитажа. Впрочем, образовательный процесс Александра Павловича закончился с его ранним браком в сентябре 1793 г., когда юному мужу шел только 17-й год. Однако даже после увольнения со службы Лагарп, не имея возможности уехать из Петербурга до весны 1794 г., получил разрешение «продолжать уроки с великим князем и даже с княгиней, его супругой».

Детский костюм великого князя Александра Павловича. 1784 г.



Костюм парадный великого князя Александра Павловича. 1780-е гг.

Жену для любимого внука императрица Екатерина II выбрала сама. Ею стала одна из баденских принцесс – Луиза Мария Августа. О том, как зависит от случая судьба человека, свидетельствует то, что императрица поначалу желала видеть в роли жены внука старшую из трех баденских принцесс, но во время первого представления императрице в Зимнем дворце старшая принцесса, приближаясь к трону, споткнулась и упала во весь рост. Подобным «конфузам» при Императорском дворе всегда придавалось большое значение. Произошедшее сочли плохой приметой, и невестой Александра императрица Екатерина II «назначила» Луизу Марию Августу, в православии – великую княгиню Елизавету Алексеевну[93].

Одной из близких подруг великой княгини Елизаветы

Алексеевны стала графиня В. Н. Головина, которая оставила в мемуарах многочисленные упоминания о жизни молодой четы в Зимнем дворце. Она пишет, как осенью 1794 г. в угловом кабинете Елизаветы Алексеевны «лучшие музыканты, и во главе их Диц, исполняли симфонии Гайдна и Моцарта. Великий князь играл на скрипке, а мы слушали эту прекрасную музыку из соседней комнаты, где почти всегда бывали вдвоем с великой княгиней»[94]. Кстати, «соседней комнатой» была спальня молодой четы. Упомянем, что музицировали и сами молодые женщины: Елизавета Алексеевна играла на арфе, а графиня Головина – на фортепиано.

Принцесса Луиза Мария Августа. Скульптура в Бадене

Великий князь Александр Павлович и великая княгиня Елизавета Алексеевна

Со своей подругой графиней В. Н. Головиной великая княгиня расставалась буквально перед сном: «Великий князь удалялся с моим мужем в кабинет для совершения своего ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой, я расчесывала ей волосы, заплетала в косу. Первая камер-фрау Геслер ее раздевала. Она переходила в спальню, чтобы лечь в постель, и звала меня туда, чтобы попрощаться. Я становилась на колени на ступени кровати, целовала ее руку и удалялась».

К концу жизни Екатерины II количество грандиозных развлекательных мероприятий в Зимнем дворце постепенно сокращалось. Например, в течение зимы 1794/95 г. лишь «часто бывали маленькие балы и спектакли в Эрмитаже, а также иной раз и в Тронной зале»[95].

После воцарения Павла I великий князь Александр Павлович проживал в Зимнем дворце уже как наследник. Образ его жизни совершенно изменился: «Не было установленного распорядка дня, время проходило в настороженном ожидании. Еще до рассвета Александр Павлович был в приемной императора, а часто случалось, что до этого он уже проводил не меньше часа в

казармах своего полка. Развод и учение занимали все утро. Александр даже обедал наедине с женой, лишь изредка с одним или двумя посторонними лицами. После обеда следовали вновь или посещения казарм, или осмотр караулов, или исполнение приказаний государя. В семь часов вечера нужно было снова отправляться в приемную его величества и ждать там, хотя император иногда появлялся лишь к девяти часам, к самому ужину. После ужина Александр отправлялся к императору с рапортом, а Елисавета, в ожидании его возвращения, присутствовала при ночном туалете императрицы, которая удерживала ее у себя, пока великий князь, освободившись, не приходил к матери пожелать ей спокойной ночи и отвести жену к себе»[96].

Своя жизнь текла на половине молодых великих князей Александра и Константина. Так, на глазах мемуаристки начался роман великой княгини Елизаветы Алексеевны и князя Адама Чарторыйского, одного из друзей Александра Павловича. В. Н. Головина вспоминала, что князь «не мог смотреть на нее, не испытывая чувства, которое начала нравственности, благодарность и уважение должны были бы погасить в самом зародыше». Этот роман закончился рождением в Зимнем дворце великой княжны Марии Александровны (29.05.1799-08.07.1800).

Вокруг рождения ребенка немедленно закрутилась классическая придворная интрига с целью очернить великую княгиню в глазах императора Павла I. В результате А. Чарторыйского выслали из России. Но Елизавета Алексеевна забывала о наветах, занимаясь своей маленькой «Мышкой». Великая княгиня писала матери: «Моя малышка Мари, наконец, имеет зуб, одни утверждают, что глазной, другие – что это один из первых резцов. Все, что знаю я, – это то, что дети начинают обычно не с передних зубов. Однако она почти не болела, сейчас, кажется, появляется второй. Это такая славная девочка: даже если ей нездоровится, об этом нельзя догадаться по ее настроению. Только бы она сохранила этот характер!». Елизавета Алексеевна уже видела свою девочку большой и в письмах задавала своей матери непростые вопросы (21 января 1800 г.): «Вы у меня спрашиваете, дорогая Мама, обнаруживает ли моя крошка в отношении меня какую-либо предпочтительность. Что до предпочтительности – нет, но надо видеть ее радость ко всем, кого она видит постоянно. Мне очень хочется задать вам один сложный вопрос, моя любимая Мама, и задать его вполне серьезно: как вы так устроили, что заставили своих детей любить вас и считать за счастье быть рядом с вами. Могу поклясться, что, сколько я себя помню, у меня не было большего удовольствия,

чем сидеть возле вас. И то же было со всеми нами – вы не могли ничем нас больше обрадовать, чем выйти на прогулку, обедать с нами, играть в прятки. Дорогая Мама, скажите мне, как вам удалось этого добиться? Я так бы хотела, чтобы моя маленькая Мария любила меня так же».

Л.-Э. Виже Лебрен. Портрет великой княгини Елизаветы Алексеевны. 1798 г.

Портрет князя Адама Чарторыйского. 1808 г.

Несмотря на все заботы матери, нянек и придворных врачей, маленькая девочка умерла в Зимнем дворце 27 июня 1800 г., прожив чуть более года. Убитая горем молодая мать писала своей матери: «О, Мама, как ужасна непоправимая потеря: я первый раз переношу нечто подобное. Вы легко можете понять, какая пустота, какая смерть распространилась в моем существовании. Вы теряли ребенка, но у вас оставались другие дети, а у меня их нет, и я даже теряю надежду иметь детей в будущем. Но даже если б у меня и был другой ребенок, то ее, моей обожаемой Mauschen более не существует». Маленькую «Mauschen» похоронили в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры.

На короткое время Александр Павлович переселился в Михайловский замок. Сразу же после убийства отца – императора Павла I – 11 марта 1801 г. Александр I немедленно уехал в Зимний дворец. Вслед за ним, «между шестью и семью часами утра, императрица Елисавета в сопровождении своей камер-фрау Геслер оставила это место ужаса и отправилась в Зимний дворец. Прибыв в свои покои, ее величество увидала императора

Александра, лежавшего на диване, бледного, расстроенного, подавленного горестью».

Это было трудное для императора Александра I утро. Ему, фактически давшему карт-бланш на убийство отца, предстояло объяснение с матерью. Он не чувствовал в себе сил взвалить на себя обязанности императора Российской империи. Внешне тонкая и трепетная Елизавета Алексеевна всячески пыталась пробудить в супруге твердость и мужество.

Надгробие великой княжны Марии Александровны

К 10 часам утра в Зимний дворец прибыла из Михайловского

замка императрица Мария Федоровна и немедленно прошла на половину сына. Как пишет мемуаристка, «свидание с ней Александра было раздирающим душу. По-видимому, государь гораздо более отчаивался, чем его мать. Невозможно было смотреть на него без содрогания»[97].

Вместе с тем не следует преувеличивать горя императрицы Марии Федоровны. Слишком недолгое время провела она как императрица. Слишком сложными были отношения с убитым супругом в последние годы их семейной жизни. Тем не менее еще в Михайловском замке она рвалась в покои убитого мужа с криком: «Я хочу царствовать!». Когда этого не случилась, по окончании шестинедельного траура Мария Федоровна возобновила придворную жизнь во всем ее многообразии.

Весной 1801 г. в Петербург приехала наследная принцесса Баденская, мать императрицы Елизаветы Алексеевны, со своими двумя дочерьми: Амалией и Марией. Амалия поселилась на третьем этаже северо-западного ризалита, и ее комнаты в Зимнем дворце еще долгое время именовали покоями «принцессы Амалии».

О реалиях жизни в Зимнем дворце начала правления Александра I повествуют записи в камер-фурьерском журнале за 1 января 1806 г. Так, еще 28 декабря 1805 г. петербургскому бомонду разослали повестки, извещавшие о «большом съезде в Зимнем дворце», намеченном на понедельник 1 января 1806 г. Дамам предписывалось явиться в Большую церковь Зимнего дворца на литургию «в русском платье». После чего все присутствующие на службе придворные «приносили поздравление Его Императорскому Величеству и всей императорской фамилии… со днем праздника Нового года». Затем император выехал прокатиться по городу на санях. После прогулки по Петербургу «в половине 4 часа пополудни» в Зимнем дворце император Александр I «соизволили кушать обеденное кушанье в Желтой комнате на 50-ти кувертах».

Портрет принцессы Амалии Баденской

Вечером 1 января 1806 г. в парадных залах Зимнего дворца прошел традиционный маскарад. В камер-фурьерском журнале записано: «А сего числа ввечеру, по соизволению Его Императорского Величества, для всего дворянства, знатного российского и иностранного купечества, назначен быть… публичный маскарад… в 6 часов начали собираться по билетам, но не имея никто масок… Около 8 часов вечера в оркестрах открыта бальная музыка»[98].

В маскараде приняли участие все Романовы. Александр I танцевал менуэт, вдовствующая императрица Мария Федоровна играла в карты в Георгиевском зале. Около 24 часов аристократический бомонд во главе с императором проследовал в Эрмитаж, где «за приуготовленными разными круглыми и овальными продолговатыми столами, кушать вечернее кушанье до 200 кувертов и за поставленным между потир и оркестра круглым столом присутствовать изволили на 11 кувертах»: Александр I, императрица Елизавета Алексеевна, императрица Мария Федоровна, великая княгиня Екатерина Павловна. Также за императорским столом находились статс-дамы – графиня Ливен, графиня де Литта, фон Рене, принцесса де Тарант, княгиня Прозоровская, камер-фрейлина Протасова. Любопытно, что «Его Величество, присутствовав во время ужина в театре, за стол садиться не соблаговолил», то есть император продолжал работать, обходя гостей. После ужина хозяева Зимнего дворца и

гости вновь проследовали на маскарад, где Александр I и Елизавета Алексеевна пробыли «до начала 2 часа пополуночи. В четверть третьего прекращена музыка и последовал разъезд с маскарада. Было дворянства обоего пола – 10 273, купечества – 2689. Всего 12 962 чел. С маскарада вышла последняя маска – английский купец Партер»[99].

Алексей Григорьевич Бобринский в маскарадном костюме (сын Екатерины II и Григория Орлова). Конец 1770-х гг.

На Пасху 1 апреля 1806 г. большой выход в Большой собор Зимнего дворца начался в 10 мин пополуночи. После Всенощного бдения Александр I по традиции христосовался «со знатными особами». Затем Романовы проследовали на разговление в столовую. В 8 часов утра состоялся малый выход в Малую церковь Зимнего дворца. Императорская чета удалилась на свою половину в 10-м часу утра. В этот же день императрице Марии Федоровне, после Пасхи, был «подан в Кабинет фрыштык, приуготовленный из горячего кушанья, который Ея Величество изволила кушать… токмо Своею Особою».

Периодически покои императора Александра I в Зимнем дворце ремонтировались. Преобладали косметические ремонты или «поправки», как их тогда называли. Например, летом 1821 г.

состоялись такие поправки «в Собственных комнатах Их Императорских Величеств». Ремонт свелся к тому, что в гостиной «вновь» переделали две печи. Перед Малой церковью сняли паркет, вычистили его и вновь сделали печь перед церковью[100].

Александр I, имея прочную репутацию дамского любимца, всегда тщательно заботился о своей внешности. Мемуарных свидетельств тому множество. Но о том, какой размах принимала эта забота, свидетельствуют архивные документы. На протяжении многих лет фельдъегеря везли из Парижа для императора любимые им духи. Объемы были просто колоссальны. Например, в начале 1823 г. кн. П. М. Волконский писал в Париж, чтобы посол во Франции прислал «с первым курьером из Парижа, хотя бы 12 бутылок духов Eau de Portugal, а с первою навигациею прислал бы несколько дюжин сих же духов».

И действительно, с началом навигации в Петербург для императора доставили 48 бутылок этих духов. Общий вес «посылки» составил почти 20 кг, поскольку каждый из флаконов весил «по фунту», то есть 400 г. Кстати говоря, за все товары, поступавшие в Зимний дворец, аккуратно платились все таможенные сборы. За посылку уплатили 172 руб. 80 коп. таможенных пошлин[101]. К осени эти запасы были исчерпаны, и в ноябре в Зимний дворец доставили новый груз, состоявший из трех ящиков. В первом находились 72 бутылки любимых духов «Eau de Portugal», во втором – 72 бутылки духов «Eau de Mul d'Angleterre» и в третьем – 72 бутылки духов «Eau de Juare».

Современный флакон одеколона «Баи de Portugal»

Таким образом, только за 1823 г. императору Александру I прислали из Парижа 264 бутылки духов весом по «фунту» каждая, обошедшиеся в 4334 руб. Следовательно, общий вес посылок составил более 100 кг при средней стоимости одной бутылки духов в 16 руб. 41 коп.

Попутно упомянем и о том, что младший брат Александра I, император Николай Павлович, предпочитал духи «Parfum de la Cour», склянка которых всегда стояла на его туалетном столе[102].

Кроме духов, императору дюжинами везли из Парижа перчатки и другие детали туалета.

1 сентября 1825 г. Александр I выехал из Зимнего дворца, заехал в Александро-Невскую лавру, где помолился перед мощами св. князя Александра Невского и навсегда покинул Петербург, для того чтобы умереть в Таганроге 25 ноября 1825 г.

Николай I

Николай Павлович родился летом 1796 г. в Царском Селе, но фактически всю жизнь провел в Зимнем дворце, где и умер зимой 1855 г. Естественно, Николай Павлович периодически жил и в других императорских резиденциях, включая Михайловский замок, откуда его, четырехлетнего ребенка, вернули в Зимний дворец наутро после убийства отца, 12 марта 1801 г.

Время от времени Николая и его младшего брата Михаила забирали в Гатчину, которую так любили их родители, но главным своим домом младшие сыновья Павла I считали Зимний дворец. Именно в этом дворце в немалой степени сформировалась личность будущего императора и его представление о своем месте в иерархии власти.

После женитьбы, с 1817 и по конец 1825 г., Николай Павлович с семьей жил в Аничковом дворце, бывая в Зимнем дворце на обязательных дворцовых церемониях и по делам службы.

Начало семейной жизни для будущего императора совпало с началом его военной службы. Сам Николай Павлович писал спустя многие годы: «Осенью 1818 года Государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады I гвардейской дивизии, то есть Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил я в управление Инженерною частию»[103].

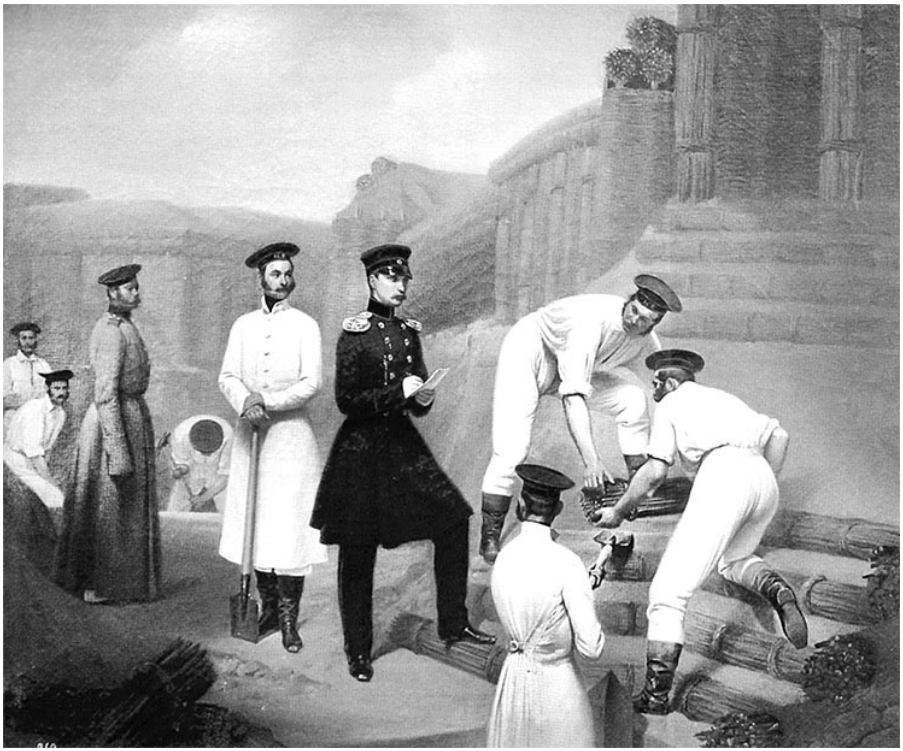
О порядке военной службы у Николая Павловича имелись собственные четкие представления, но они совершенно не стыковались с теми порядками, которые сложились в гвардейских частях при Екатерине II и продолжали бытовать при Александре I. Многие из офицеров гвардейских полков, прошедшие через огонь сражений войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., считали, что как дворяне и офицеры они «могут себе позволить» нести службу далеко не так, как того требовали уставы. Николай Павлович вспоминал: «В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день».

Попытки молодого великого князя «подтянуть» службу в соответствии с уставными требованиями вызывали только раздражение среди офицеров императорской гвардии. Поэтому великого князя в гвардии не любили. Отметим, что у Николая I, третьего сына Павла I, не было иллюзий по поводу своей будущности. Он собирался честно служить стране на высших офицерских должностях и ни о каком троне даже не думал, хотя к этому времени и Александр I, и великий князь Константин уже достигли договоренности о передаче трона младшему брату.

Отношения Николая Павловича с Александром I носили сугубо официальный характер, и великий князь подолгу сидел в приемной Зимнего дворца, перед кабинетом старшего брата, ожидая выхода императора. После часов ожидания он говорил со старшим братом исключительно о служебных делах. В записной книжке будущий император конспективно описал подробности своего пребывания на втором этаже западного фасада Зимнего дворца: «Поехал в одноконных санях к Ангелу[104], ждал выход, говорил о делах и о назначении в дивизию, долго ждал, Ангел одобрил все, Михаил и я просили у него шевроны, обещал их к Пасхе»[105].

Л. Фаврен. Портрет великого князя Николая Павловича. 1815 г.

Л. Фаврен. Портрет великого князя Михаила Павловича. 1815 г.



А. М. Гебенс. Группа чинов 1-й саперной роты лейб-гвардии Саперного батальона. 1851 г.

Впоследствии, вспоминая молодость, Николай I оценит свое пребывание в передних брата следующим образом: «…все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к Государю. В сем шумном собрании проводили мы час, иногда и более, доколь не призывался к Государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частию время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство.

Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял, многих узнал – и в редком обманулся. Время сие

было потерей времени, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался»[106].

Однако летом 1819 г. перед великим князем Николаем Павловичем открылись совершенно иные перспективы. Дело в том, что император Александр I сообщил младшему брату о своих намерениях передать ему престол. Как вспоминала императрица Александра Федоровна: «Тогда же (в бытность мою в Красном летом 1819 г.) Император Александр, отобедав однажды у нас, сел между нами обоими и, беседуя дружески, переменил вдруг тон и, сделавшись весьма серьезным, стал в следующих приблизительно выражениях говорить нам, что он „остался доволен поутру командованием над войсками Николая и вдвойне радуется, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, ибо на него со временем ляжет большое бремя, так как Император смотрит на него как на своего наследника, и это произойдет гораздо скорее, нежели можно ожидать, так как Николай заступит его место еще при его жизни“»[107]. Вскоре император Александр I оформил соответствующие документы, регламентирующие новый порядок наследования, но их не огласили. Согласно воле императора, три пакета с текстом завещания хранились в Успенском соборе Московского Кремля, в Петербурге в Сенате и Синоде и должны были быть немедленно вскрыты после кончины Александра I.

Это событие мало что изменило в жизни Николая Павловича и Александры Федоровны. Они продолжали жить в Аничковом дворце, время от времени нанося служебные и личные визиты в Зимний дворец. Все изменилось после смерти Александра I в ноябре 1825 г. в Таганроге, когда возникла ситуация междуцарствия.

После трагических событий 14 декабря 1825 г. Николай I с семьей переехал в Зимний дворец. Вплоть до смерти императора в феврале 1855 г. он оставался его главным домом. С Зимним дворцом у императора связаны тяжелые воспоминания о трагических событиях 14 декабря 1825 г., в этом доме рождались и росли его дети, в нем же они выходили замуж и женились. В этот дом приходили радостные и трагические известия. Другими словами, все было, как и в любом большом доме, в котором жила большая дружная семья. Мы остановимся только на некоторых эпизодах из жизни Зимнего дворца в период тридцатилетнего царствования Николая Павловича.

Ноябрь-декабрь 1825 г. в Зимнем дворце

Для Николая Павловича 14 декабря 1825 г. стало не только днем начала его царствования, но днем тяжких испытаний, значительная часть которых прошла «на фоне» Зимнего дворца. История восшествия на трон Николая Павловича хорошо известна, поэтому мы сосредоточимся только на том, что происходило в Зимнем дворце и вокруг него в эти трагические дни. Опираться мы будем прежде всего на свидетельства очевидцев – Николая I, императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны.

1 сентября 1825 г. Александр I уехал из Зимнего дворца, 3 сентября за ним последовала императрица Елизавета Алексеевна. Предполагалось, что императорская чета проведет зиму на юге России, чего требовало хрупкое здоровье постоянно недомогавшей императрицы. Местом пребывания выбрали Таганрог. Это странное для лечения место назначили придворные врачи, поскольку Елизавета Алексеевна отказалась уезжать «ради лечения» из России.

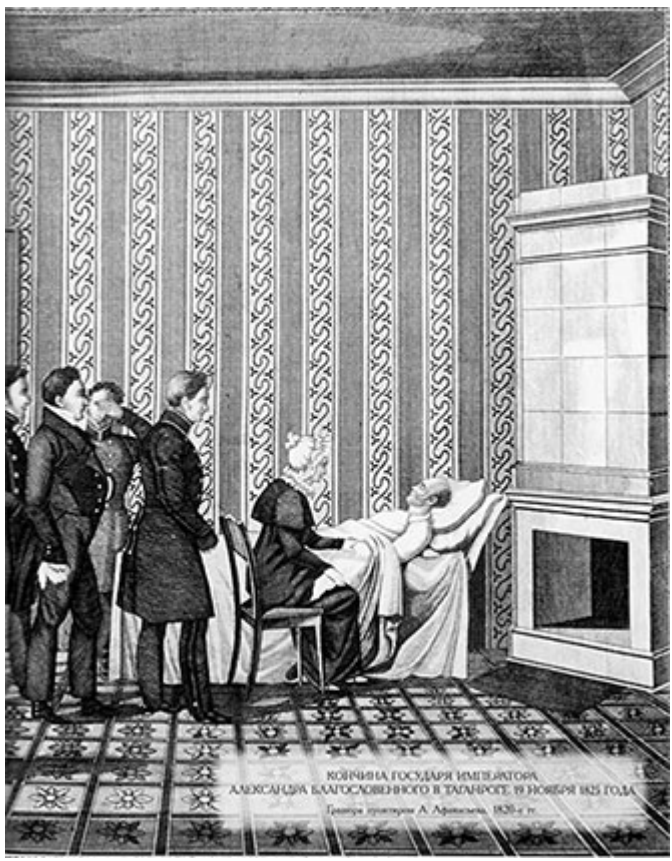
19 ноября 1825 г. 48-летний Александр I скончался в Таганроге. Известие о смерти императора доставили в Петербург 27 ноября (где уже знали о его заболевании). К этому времени, по традиции, в Большой церкви Зимнего дворца шли молебствия во здравие заболевшего императора, на которых присутствовало все наличное императорское семейство.

Императрица Мария Федоровна описала эти дни в дневнике следующим образом.

Вторник, 24 ноября 1825 г.: «Так как я по-прежнему находилась в смертельной тревоге, мои дети провели этот день у меня; я не выходила, каждое движение заставляло меня вздрагивать в ожидании известий». Императрице с учетом сложной ситуации требовалось постоянно «держать лицо» и ничем не выдавать своего волнения. Это было очень непросто, императрица писала: «Какой ужасный день! Я была на панихиде по моей дочери Екатерине[108]; вышла на минуту на воздух в сад Эрмитажа и немного успокоилась»[109]. На следующий день, в среду, 25 ноября, из Таганрога в Зимний дворец пришли новые известия об ухудшавшемся состоянии здоровья Александра I. Мария Федоровна пишет: «Меня охватило отчаяние; перо не в силах выразить эту скорбь. Ко мне прибежали Николай и Александрина, также пришел граф Милорадович. Этот ужасный вечер был предвестником страшного утра 27-го; я не в состоянии его передать. Николай хотел быть около меня и остался во

дворце. Я провела ночь в моем кабинете, на диване, ожидая и в то же время страшась получения известий; ужасный отдых! Но я не роптала; я была в отчаянии, вручая себя воле Божией и воссылая из глубины моего сердца, от всей моей опечаленной души молитвы к милосердному Господу, чья десница тяжело простерлась над нами. Я написала Императрице»[110].

В четверг, 26 ноября, в Большой церкви Зимнего дворца продолжились службы во здравие императора: «Мы были в церкви, в нашей обычной комнате, молились милосердному Богу о выздоровлении нашего ангела, моего сына, моего ребенка; во время службы в самом конце молебна, когда мы все стояли на коленях… Короче говоря, Виллие в заключение давал понять, что Государь при смерти».



Кончина императора Александра I в Таганроге

Э. П. Гау Собор Спаса Нерукотворного образа в Зимнем дворце (Большой собор). 1866 г.

Последняя из таких служб состоялась 27 ноября 1825 г. В Большом соборе Зимнего дворца находились члены императорской семьи и немногочисленные сановники. Императрица Мария Федоровна с сыном и невесткой стояли возле алтаря, в ризнице, откуда стеклянная дверь вела в переднюю Второй запасной половины. Поскольку семья жила от приезда одного фельдъегеря до другого, то великий князь Николай Павлович приказал камердинеру императрицы Марии Федоровны подать ему знак через стеклянную дверь, если приедет новый

фельдъегерь из Таганрога.

Знак был подан, когда закончилась обедня и начался молебен. Николай Павлович тихо вышел из ризницы через стеклянную дверь («Фонарик»), и в библиотеке Второй запасной половины граф М. А. Милорадович сообщил ему о смерти Александра I: «Все кончено, Ваше Высочество… Покажите теперь пример мужества»[111].

Хотя печальное известие было ожидаемо, но потрясение оказалось столь велико, что силы оставили Николая Павловича. Он буквально упал на стул (за Кавалергардским залом), почти дамский обморок не был позой. От молодого наследника (а об этом знали только считанные единицы, поскольку решение Александра I не было официально обнародовано) требовались немедленные действия, поэтому граф Милорадович немедленно послал за лейб-медиком императрицы Марии Федоровны Рюлем, понимая, что медицинская помощь может понадобиться и для вдовствующей императрицы.

После того как Николай Павлович оправился, они втроем направились в Большую церковь. Войдя в ризницу, Николай Павлович опустился перед матерью на колени. Все присутствовавшие в церкви поняли, что император Александр I умер.

Службу остановили, к императрице подвели ее духовника Кривицкого с крестом. Только тогда Мария Федоровна заплакала. Один из очевидцев описал произошедшее следующим образом: «Вдруг, когда после громкого пения певчих в церкви сделалось тихо и слышалась только молитва, вполголоса произносимая священником, раздался какой-то легкий стук за дверями – отчего он произошел, не знаю; помню только то, что я вздрогнул и что все, находившиеся в церкви, с беспокойством оборотили глаза на двери; никто не вошел в них; это не нарушило моления, но оно продолжалось недолго – отворяются северные двери: из алтаря выходит Великий Князь Николай Павлович, бледный; Он подает знак рукою к молчанию; все умолкло, оцепенев от недоумения; но вдруг все разом поняли, что Императора не стало; церковь глубоко охнула. И через минуту все пришло в волнение; все слилось в один говор криков, рыдания и плача. Мало-помалу молившиеся разошлись, я остался один; в смятении мыслей я не знал, куда идти, и наконец машинально, вместо того чтобы выйти общими дверями из церкви, вошел северными дверями в алтарь. Что же я увидел? Дверь в боковую горницу отворена; там Императрица Мария Феодоровна, почти бесчувственная, лежит на руках Великого Князя; перед Нею, на коленах, Великая Княгиня Александра Феодоровна, умоляющая Ее успокоиться: „Maman,

chere maman, au nom de Dieu, calmez-vous! [„Маменька, дорогая маменька, ради Бога успокойтесь!“ – *фр.*]“. В эту минуту священник берет с престола крест и, возвысив его, приближается к дверям; увидя крест, Императрица падает пред ним на землю, притиснув голову к полу почти у самых ног священника. Несказанное величие этого зрелища меня сразило; увлеченный им, я стал на колена перед святынею материнской скорби, перед головою Царицы, лежащей в прахе под крестом испытующего Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, подняли, посадили в кресла, понесли во внутренние покои; двери за Нею затворились…»[112]. Так началось в Зимнем дворце утро 27 ноября 1825 г.

После смерти монарха, первое, что делалось всегда и везде – принесение присяги новому монарху по традиционной схеме: «Король умер! Да здравствует король!». Поэтому Николай Павлович, оставив мать и жену, немедленно направился на дворцовую гауптвахту, ко внутреннему дворцовому караулу (первый этаж западного фасада, окнами на внутренний двор), в этот день его выполняла рота его величества лейб-гвардии Преображенского полка под командой поручика В. Х. Граве[113].

В помещении дворцового караула Николай Павлович объявил преображенцам о смерти Александра I и распорядился о немедленном приведении гвардейцев к присяге новому государю Константину Павловичу. Затем великий князь обошел все внутренние дворцовые караулы, которые несли чины Кавалергардского и Конногвардейского полков, отдав те же приказания. Следуя распоряжениям великого князя, немедленно начали приводить к присяге нижних чинов и офицеров главного дворцового караула.

Это очень характерные шаги. Немедленное приведение к присяге гвардейских полков гарантировало спокойную передачу власти. Великий князь, зная о трех пакетах с завещанием Александра I, где речь шла о передаче власти Николаю, минуя Константина, ни словом не упомянул о них, не желая бросить на себя даже тень нелегитимных претензий на власть.

Сам Николай Павлович со своим ближайшим окружением сначала намеревался принести присягу новому императору Константину Павловичу в Малой церкви Зимнего дворца, но около церкви ему сообщили, что храм еще не освящен после ремонта. Поэтому все придворные и офицеры вновь направились в Большую церковь Зимнего дворца, в которой и принесли присягу новому императору, подписав присяжные листы. Только после этого Николай Павлович вернулся на половину матери, где находилась и его жена Александра Федоровна.

Без промедления в Зимний дворец начали съезжаться сановники. Ситуация была непростой. С одной стороны, Константин многие годы считался преемником Александра I – как в силу традиции, так и в силу статей «Учреждения об императорской фамилии», оглашенных Павлом I во время коронации в Успенском соборе Московского Кремля в апреле 1797 г. С другой стороны, имелось письменное завещание императора Александра I, предполагавшее иную схему передачи власти. К тому же все знали, что великий князь Константин состоял в морганатическом браке.

Когда завещание императора Александра I доставили из Сената, его зачитали сановникам. Для очень многих из них это стало неожиданностью. Ситуация была действительно противоречивой, давшей повод к немедленному формированию различных группировок в правящей элите. Таким образом, сложилось положение междуцарствия, описанное во множестве исторических трудов. Именно этим решили воспользоваться заговорщики.

О сложности ситуации косвенно говорит и то, как «перемещались» главные действующие лица по Зимнему дворцу. Обсуждение сложившегося положения первоначально началось в комнатах Государственного совета, располагавшихся на первом этаже западного фасада дворца, затем, кулуарно, продолжилось в Большой церкви Зимнего дворца, где продолжали подписывать присяжные листы на верность императору Константину I высшие сановники империи. В конце концов в середине дня 27 ноября дискуссия о том, как выходить из династического кризиса, завершилась в комнатах императрицы Марии Федоровны. В результате сановники решили выдержать паузу при соблюдении строжайшей тайны о завещании Александра I до тех пор, пока великий князь Константин Павлович не выразит четко свои намерения.

Попутно упомянем, что тело Александра I находилось в Таганроге, великий князь Константин Павлович – в Варшаве, а великий князь Николай Павлович – в Петербурге. Скорость прохождения информации в то время зависела от скорости лошади и выносливости фельдъегеря. Напомним и о том, что расстояние от Петербурга до Варшавы превышало 1200 км, и это по «русским дорогам».

В свете принятого решения Николай Павлович вновь прошел в Большую церковь Зимнего дворца, где убедил митрополита С.-Петербургского Серафима оставить хранившийся в Синоде пакет с завещанием Александра I, впредь до повеления, нераспечатанным. Там же он выслушал короткий молебен с

провозглашением многолетия императору Константину и панихиду по усопшему императору Александру.

Великая княгиня Александра Федоровна, также бывшая 27 ноября в Зимнем дворце, записала в дневнике: «Пятница, вечером. Ужаснейшее совершилось! С утра я опять поехала к императрице-матери; мы говорили обо всем, что могло произойти; после 10 часов мы опять пошли в церковь, снова те же молитвы, снова под конец вызвали Николая. Ах, на этот раз он так долго не возвращался! Непередаваемый страх охватил нас. Я была одна с матушкой, она отправила даже камердинера, чтобы скорей получить известия; я стояла около стеклянной двери; наконец я увидела Рюля; по тому, как он шел, нельзя было ожидать ничего хорошего. Выражение его лица досказало все. Свершилось! Удар разразился! Матушка стояла с одной стороны, я – с другой. Николай вошел и упал на колени; я чуть было не лишилась сознания, но пересилила себя, чтобы поддержать бедную матушку. Она открыла дверь, которая ведет к алтарю, и прислонилась к ней, не произнеся ни слова. Она приложилась к распятию, которое ей протянул священник, я тоже поцеловала крест нашего Спасителя, который один может даровать утешение. Войдя к себе в комнату, она села; мы прочли письма бедной императрицы Елизаветы, несчастнейшей из всех женщин на земле.

Он распорядился принести Константину присягу, несмотря на то что в Совете было вскрыто завещание государя, где находилась бумага, в которой Константин формально передавал свои права наследования своему брату Николаю. Все устремились к нему, указывая на то, что он имеет право, что он должен его принять; но так как Константин никогда не говорил с ним об этом и никогда не высказывался по этому поводу в письмах, то он решил поступить так, как ему приказывала его совесть и его долг: он отклонил от себя эту честь и это бремя, которое, конечно, все же через несколько дней падет на него»[114].

Одновременно с этими событиями «отметились» в Зимнем дворце и будущие декабристы. Поскольку традиционной биржей дворцовых новостей служила в Зимнем дворце так называемая Конногвардейская комната, находившаяся поблизости от главного караула на первом этаже западного фасада, туда по обыкновению сходились сменившиеся после развода офицеры для того, чтобы обменяться новостями и сплетнями. Поскольку эта часть дворца являлась открытой для любого гвардейского офицера, то побывали в этой комнате 27 ноября и некоторые из офицеров-декабристов, собирая в Зимнем дворце «оперативную информацию».

Нарастание напряжения чувствовалось в императорской резиденции совершенно отчетливо. Чувствовалось и то, что это напряжение может разрядиться страшной политической бурей. Великая княгиня Александра Федоровна 29 ноября 1825 г. записала в дневнике: «Посмотрим только, захочет ли Константин признать все это. Как все запуталось! Бедная Россия представляется пораженной, убитой молнией, покрытой траурным флером. Повсюду царит зловещая тишина и оцепенение; все ждут того, что должны принести с собой ближайшие дни»[115].

К началу декабря стало ясно, что Константин трон не примет, но тому требовались письменные с его стороны подтверждения. Александра Федоровна отчетливо осознавала, что для нее и ее мужа начинается новый этап жизни, в нем будет гораздо меньше возможностей для той приватной жизни, которую они оба столь ценили. Конечно, великая княгиня страстно желала превратиться в императрицу. Ведь в этом и заключается одна из главных жизненных задач любой принцессы.

3 декабря 1825 г. Александра Федоровна записала в дневнике: «Какие решающие дни! Я уже грущу при мысли о том, что мы больше не сможем жить в нашем доме, где мне придется покинуть мой милый кабинет, что наша прекрасная частная жизнь должна окончиться. Мы были так тесно связаны друг с другом, мы так неизменно делили друг с другом все наши горести, печали и заботы! Ах, это горе, эта боль в сердце – она все не прекращается, не прекращается также и тревога, ожидание этого неизбежного будущего! Я не ошиблась в Константине: я была убеждена, что он так поступит; все-таки это радостно не ошибиться в мнении о человеке. Императрица-мать, несмотря на все переживаемое ею волнение, от всего сердца благодарит Бога за то, что он дал ей таких благородных сыновей. Ах! это пример для всей Европы, великий пример! И каждая семья может почерпнуть из этого урок для себя! Мой жребий все же прекрасен. Я буду и на троне только его подругой! И в этом для меня все!»[116].

К началу декабря Николай Павлович и Александра Федоровна фактически переехали на жительство в Зимний дворец, бывая у себя в Аничковом дворце только наездами. Так, в воскресенье 6 декабря 1825 г. Александра Федоровна писала: «Сейчас 7 часов; мы вернулись из нашего дома, где мы спали в течение получаса в моем милом кабинете на старом [*нрзб.*]. Отдых Николая был, однако, скоро прерван. В дальнейшем это будет повторяться все чаще и чаще»[117].

Окончательно ситуация определилась в субботу, 12 декабря

1825 г. Во-первых, Николай Павлович рано утром получил достоверную информацию о готовящемся дворцовом перевороте. Тогда же было принято решение о начале арестов известных заговорщиков. Императрица Александра Федоровна записала в дневнике: «…12 декабря из Таганрога прибыл Александр Фредерикс с важными бумагами от Дибича, которыми устанавливалось, что против императора Александра и всей семьи существовал целый заговор. Николай сообщил это мне, но я должна была хранить это в тайне»[118]. Во-вторых, в обед великий князь получил письмо из Варшавы (оно датировано 8 декабря) от старшего брата Константина, который решительно отказывался от трона[119]. Николай Павлович немедленно отправился к матери, сообщив ей решение Константина. Тогда же, 12 декабря 1825 г., принимается решение о переприсяге новому императору Николаю I.

12 декабря 1825 г. великая княгиня Александра Федоровна впервые ощутила себя императрицей. Она писала в дневнике: «Итак, впервые пишу в этом дневнике как императрица. Мой Николай возвратился и стал передо мною на колени, чтобы первым приветствовать меня как императрицу. Константин не хочет дать манифеста и остается при старом решении, так что манифест должен быть дан Николаем»[120].

После обеда молодая императорская чета нашла несколько минут, чтобы съездить в Аничков дворец к детям. Там, в маленьком кабинете, Александра Федоровна, уже знавшая и судьбу Петра III, и судьбу Павла I, молилась за мужа…

В Зимнем дворце Николай Павлович расположился в комнатах второго этажа западного фасада Зимнего дворца, в так называемых детских комнатах Александра I. Временный кабинет императора Николая I находился в нынешнем зале № 172. Работа в этих комнатах не прекращалась до позднего вечера, пока М. М. Сперанский не подготовил проект Манифеста. О настроении самого Николая I свидетельствует записка, написанная поздно вечером 12 декабря к князю П. М. Волконскому: «Воля Божия и приговор братний надо Мной свершаются. 14-го числа Я буду или Государь – или мертв! Что во Мне происходит, описать нельзя; вы верно надо Мной сжалитесь: да, мы все несчастливы, но нет никого несчастливее Меня. Да будет воля Божия!». Далее он писал: «Я, слава Богу, покуда еще на ногах, но, судя по первым дням, не знаю, что после будет, ибо уже теперь Я начинаю быть прозрачным. Да не оставит Меня Бог, и душевно, и телесно!».

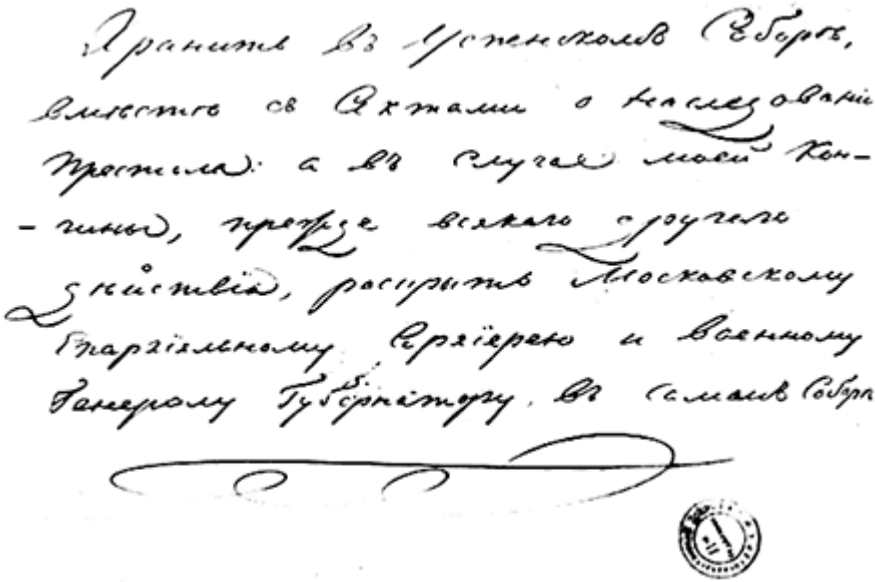
Рано утром 13 декабря 1825 г. придворным в Зимнем дворце объявили о воцарении Николая I. Об этом вплоть до

официального объявления Манифеста запрещалось сообщать кому бы то ни было. Конечно, новость немедленно разнеслась по аристократическим салонам Петербурга.

К 8 часам вечера в воскресенье, 13 декабря 1825 г., в Зимнем дворце на чрезвычайное совещание вновь собрались члены Государственного совета. Съезжались сановники долго, и только за полночь заседание началось. Столь позднее начало связано с тем, что вся семья с минуты на минуту ожидала приезда из Варшавы великого князя Михаила Николаевича, тот должен был лично подтвердить письменное отречение Константина Павловича. Когда откладывать заседание стало уже невозможно, а от Михаила не поступало никаких вестей, Николай Павлович, обняв по очереди мать и жену, один отправился к членам Государственного совета. По воспоминаниям Марии Федоровны, «к чтению манифеста в Совете в полночь Михаил не приехал. Все спокойно. Перед уходом Николая мы помолились втроем Богу: Александра, Николай и я. Благословение. Это длилось добрых полчаса»[121].

Войдя в зал заседаний Совета, Николай Павлович сам зачитал Манифест о принятии им императорского сана вследствие отречения великого князя Константина Павловича. Заседание закончилось в Зимнем дворце около часу ночи 14 декабря 1825 г. Затем молодой император вернулся в свои комнаты, где его ожидали мать и жена. Через некоторое время супруги проводили Марию Федоровну на ее половину. Там комнатная прислуга вдовствующей императрицы с ее разрешения первая поздравила молодую императорскую чету с началом царствования. Александра Федоровна в своем дневнике отметила, что их следовало бы не поздравлять, а скорее утешать и сожалеть о них. Затем, как писал Николай I, «мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу»[122].

В этот длинный день императорская чета сумела заехать в Аничков дворец, для того чтобы повидать детей. Там они все вместе пообедали. Ночевали супруги уже в Зимнем дворце. Ночью, когда императрица осталась одна, она «плакала в своем маленьком кабинете, ко мне вошел Николай, стал на колени, молился Богу и заклинал меня обещать ему мужественно перенести все, что может еще произойти. „Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, и если придется умереть – умереть с честью“»[123]. Они прекрасно осознавали, что угроза насильственной смерти вполне реальна, что прежняя жизнь закончилась, но не знали, что их ждет на следующий день…



Конверт с надписью рукой Александра I о новом порядке престолонаследия

А. В. Поляков. Портрет великого князя Николая Павловича. 1820 г.

Повторим: возможность смерти была суровой реальностью, и иллюзий по этому поводу супруги не имели, поскольку о возможности выступления «декабристов» императору Николаю Павловичу было прекрасно известно. В данном контексте возникает вопрос, почему Николай I не принял мер превентивного характера для предотвращения выступления заговорщиков. Можно, конечно, рассуждать о недостатке оперативной информации, не позволявшей с уверенностью опереться на те или иные гвардейские части, но император знал о безусловно верных ему саперах и офицерах гвардии, которым он доверял. Так или иначе, но верных императору частей гвардии и офицеров не собрали в эту ночь в Зимнем дворце.

Любопытно, что в ночь с 13 на 14 декабря у покоев Марии Федоровны во внутреннем карауле от Конной гвардии стоял поэт князь А. И. Одоевский, один из тех, кто через несколько часов выйдет на Сенатскую площадь. Следовательно, у декабристов буквально до самого начала их попытки переворота имелись свои люди в Зимнем дворце, собиравшие самую последнюю информацию.

Позже Николай I описал события, происходившие с раннего утра 14 декабря 1825 г. Эти записи мы дополним цитатами из дневников императриц – Марии Федоровны и Александры Федоровны, сосредоточившись на событиях, происходивших в стенах Зимнего дворца. Итак…

К утру 14 декабря 1825 г. ситуация в столице сложилась настолько тревожной и неопределенной, что, памятуя о судьбе своего отца, Николай I, встав рано утром и одевая мундир в присутствии графа А. Х. Бенкендорфа, обронил: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете; но по крайней мере мы умрем, исполнив наш долг». Как видим, мысль о возможной смерти тревожила Николая I уже несколько дней, и основания для тревоги имелись очень серьезные…

Утром 14 декабря ключевым фигурам политического бомонда Петербурга стало ясно, что объявление Манифеста о восшествии на престол императора Николая I и присяга ему вызовут попытку дворцового переворота. Поэтому царь приказал собрать рано утром в Зимнем дворце всех командиров гвардейских полков. Он желал лично проинструктировать их на случай нештатных ситуаций, которые всеми ожидались. Уже в 7 часов утра Николай I вышел к собравшимся начальникам дивизий и командирам бригад, полков и отдельных батальонов

Гвардейского корпуса. Инструктаж состоялся на втором этаже западного фасада Зимнего дворца в комнатах императора (зал № 173), рядом с его временным кабинетом (зал № 172).

Сначала император объяснил ситуацию, а затем прочел офицерам Манифест и приложенные к нему акты. Николай Павлович предложил офицерам высказываться и услышал слова безоговорочной поддержки и признания его своим императором. В ответ Николай I, вживаясь в роль самодержца, приказал: «После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы; а что до меня, если буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин». После чего офицеры отправились присягать Николаю I в помещении библиотеки Главного штаба, а затем разъехались по своим частям для приведения войск к присяге.

Поскольку в этот день с утра события развивались очень динамично, то для всех «имеющих приезд ко Двору» последовало распоряжение собраться в Зимний дворец к 11 часам утра для торжественного молебна в Большом соборе. Однако несколько позже время молебствия перенесли на 2 часа пополудни, чтобы дать офицерам спокойно завершить церемонию приведения к присяге воинских частей. Но это распоряжение многих не застало дома, и Зимний дворец начал наполняться сановниками уже к 11 часам.

Уже к 10 часам утра в Зимний дворец стали поступать сообщения о взбунтовавшихся частях, отказывавшихся приносить присягу Николаю Павловичу. Причем колебания имели место как среди нижних чинов, так и офицеров. Примерно в это же время в Зимний дворец наконец приехал из Варшавы младший брат Николая I, великий князь Михаил Павлович.

Император, наряду с приказами по наведению порядка в колеблющихся частях, принял меры для усиления охраны Зимнего дворца. Так, генерал-майору С. С. Стрекалову было приказано привести к Зимнему дворцу 1-й батальон Преображенского полка, расквартированный в казарме на Миллионной улице.

Своего адъютанта А. А. Кавелина Николай Павлович отправил в Аничков дворец, для того чтобы немедленно перевезти детей царя в Зимний дворец. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «14 декабря мы покинули Аничков дворец, чтобы переехать в Зимний, входы которого можно было лучше защищать в случае опасности. Я вспоминаю, что в тот день мы остались без еды, вспоминаю озадаченные лица людей, празднично одетых, наполнявших коридоры, Бабушку с сильно покрасневшими щеками»[124]. Примечательно, что сначала из Аничкова дворца в Зимний перевезли трех дочерей царя, опробуя

безопасность маршрута. Только после этого в императорскую резиденцию, отдельно, в простой наемной карете, перевезли наследника, великого князя Александра Николаевича.

Поскольку император должен был лично выйти к войскам с непредсказуемым исходом, то проходя через комнаты супруги, обронил: «Il y a hesitation a 1'artillerie [Артиллерия колеблется. – *фр*.]» и добавил: «Il y a du bruit au regiment de Moscou; je veux y aller [В Московском полку волнение; я отправляюсь туда. – *фр*.]». Александра Федоровна начала одеваться к молебну, назначенному на 11 часов, когда вошедшая к ней императрица Мария Федоровна сообщила ей более жесткую версию событий: «Pas de toilette, mon enfant, Il y a desordre, revoke… [Не рядись, мое дитя, в городе беспорядок, бунт… – *фр*.]»[125].

Николай I, в мундире Измайловского полка, с лентою через плечо, без шинели, спустился по Салтыковской лестнице к главной дворцовой гауптвахте. Перед Салтыковской лестницей царю встретился командир Кавалергардского полка флигель-адъютант граф С. Ф. Апраксин, а на самой лестнице – командир Гвардейского корпуса генерал А. Л. Воинов, который был, по словам императора, в «совершенном расстройстве». Первому он приказал привести полк, а второму царь напомнил, что место его среди вышедших из повиновения войск, вверенных ему в подчинение.

Рано утром 14 декабря 1825 г. в караул на главную дворцовую гауптвахту Зимнего дворца заступила 6-я егерская рота лейб-гвардии Финляндского полка со штабс-капитаном Прибытковым, поручиком Гречем и прапорщиком Боасселем[126]. Они меняли карабинерную роту того же полка. В своих воспоминаниях царь подчеркнул: «Полк сей был в моей дивизии».

А. А. Кавелин. 1850 г.

С. Ф. Апраксин (1792–1862). 1817 г.

Еще не завершился развод нижних чинов по постам вокруг дворца, поэтому в караульном помещении находилась только часть караула. Николай I приказал выстроить весь наличный состав караула в Большом дворе Зимнего дворца перед крыльцом гауптвахты и приказал при отдании чести салютовать знамени и

бить поход. Там царя нашел граф Милорадович, доложил ему, что восставшие собираются у здания Сената, и затем уехал туда. Фактически этот караул стал первой воинской частью, подчиненной лично императору. Николай I спросил солдат, присягнули ли они ему, на что получил утвердительный ответ. Действительно, лейб-гвардии Финляндский полк принес присягу Николаю Павловичу еще до заступления в караул.

Николай I так описывал свои дальнейшие действия: «„Ребята, московские шалят; не перенимать у них и свое дело делать молодцами!“ Велел зарядить ружья и сам, скомандовав: „Дивизия, вперед, скорым шагом марш!“ – повел караул левым плечом вперед к главным воротам Дворца»[127]. Заметим, что егерская рота того времени включала от 80 до 100 чел.

К этому времени Дворцовую площадь заполнили аристократы в экипажах и простолюдины. Многие заглядывали во двор дворца. Выводя караул за главные ворота Зимнего дворца, Николай Павлович увидел полковника лейб-гвардии Московского полка П. К. Хвощинского[128], залитого кровью. Царь велел ему укрыться во дворце, для того чтобы не обострять ситуацию.

А. Л. Воинов (1770–1832)

По приказу императора 6-я егерская рота встала поперек ворот Зимнего дворца, с внешней их стороны. Затем Николай Павлович «пошел в народ». По его же словам, надо было «выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным – все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал»[129]. Одновременно Николай Павлович отправил своего адъютанта В. Ф. Адлерберга в казармы Преображенского полка на Миллионной улице, чтобы тот ускорил приход расквартированного там 1-го батальона. Фактически в это время огромной толпе с непредсказуемым настроением противостояло лишь около сотни вооруженных

солдат, при этом император находился без всякой охраны в центре толпы.

Эту сцену из окон своих комнат, выходивших на Дворцовую площадь, наблюдала императрица Мария Федоровна: «Вдруг раздаются крики „ура“. Я спрашиваю, в чем дело, – мне говорят, что Государь на площади, окружен народом. Подхожу, вижу, что он окружен, что он говорит с ними, временами слышны отдельные голоса: все мои плакали от умиления при виде такой преданности народа. Через несколько времени после этого до меня донеслись снова крики „ура“; я опять подхожу, вижу Государя читающим народу манифест, это меня поразило и испугало…»[130]. Царь, завоевывая симпатии толпы, даже перецеловал тех, кто стоял поблизости от него, а затем попросил народ очистить площадь.

На этот момент 1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка уже принял присягу буквально напротив Зимнего дворца – в дворцовом экзерциргаузе. Поскольку терпение царя иссякло, он сам направился от главных ворот дворца навстречу преображенцам, колонну которых встретил в самом начале Миллионной улицы, приказав им расположиться спиной к Комендантскому подъезду, левым флангом к экзерциргаузу, правым же почти дотянувшись до главных ворот Зимнего дворца. Когда батальон единодушно выразил готовность выполнять приказы царя, он понял, что у него появились новые верные ему войска: «Минуты, единственные в моей жизни! Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете в столь критическую минуту»[131].

Императрица Мария Федоровна, не отходившая от окон, выходивших на Дворцовую площадь, так описала увиденное: «Тут я увидела батальон Преображенского полка в шинелях, выстроившийся перед воротами. Это меня удивило, и удивление мое возросло, когда я увидела, что они двинулись по направлению к Адмиралтейству и остановились, чтобы зарядить ружья; затем они снова пошли в ту сторону; Император следовал за ними. Я недоумевала, чем все это вызвано. На площади было сильное движение; вскоре мы увидели, что на этой стороне выстроились конногвардейцы. Наконец Государь прислал ко мне Евгения с сообщением о том, что две роты Московского полка отказались принести присягу и призывали к возмущению. Вернувшись к себе, мы увидели, что войска все прибывали; Павловский полк также прошел перед дворцом. Государь, чтобы успокоить нас, прислал ко мне Трубецкого и Фредерикса…»[132].

Примечательно, что возле строящегося тогда здания Главного

штаба император мельком увидел полковника князя С. П. Трубецкого, известного храбреца, участника сражений при Бородине, Малоярославце, Люцене, Кульме, Лейпциге. Тогда Николай I еще не знал, что тот – «диктатор» переворота и его напрасно ожидали выстроившиеся в каре на Сенатской площади мятежники.

Беннер Жан Анри. Великая княгиня Александра Федоровна. 1821 г.

Дж. Доу. Императрица Мария Федоровна в трауре. 1825–1827 гг.

К. Кольман. Восстание декабристов. 1830-е гг.

Императрица Александра Федоровна записала в дневнике: «Михаил приехал в 12 часов и тотчас же поспешил к артиллерии.

Я сидела одна, когда ко мне вошел Николай со словами: „Мне необходимо выйти“. Голос его не предвещал ничего хорошего; я знала, что он не намеревался выходить; я почувствовала сильное волнение, но затаила его в себе и принялась за свой туалет, так как в два часа должен был состояться большой выход и молебен. Вдруг отворилась дверь, и в кабинет вошла императрица-мать с крайне расстроенным лицом; она сказала:

– Дорогая, все идет не так, как должно бы идти; дело плохо, беспорядки, бунт!

Я, не произнеся ни слова, мертвенно бледная, окаменелая, набросила платье и с императрицей-матерью – к ней. Мы прошли мимо караула, который в доказательство своей верности крикнул: „Здравия желаем!“. Из маленького кабинета императрицы мы увидели, что вся площадь до самого Сената заполнена людьми. Государь был во главе Преображенского полка, вскоре к нему приблизилась Конная гвардия; все же нам ничего не было известно, – говорили только, что Московский полк возмутился»[133].

Именно в это время к Салтыковскому подъезду Зимнего дворца подъехала простая карета. В ней привезли в Зимний дворец из Аничкова дворца наследника Александра Николаевича и его воспитателя К. К. Мердера. Уловка с наемной каретой должна была защитить наследника от возможного покушения, а дочерей царя уже ранее перевезли в Зимний дворец. Подчеркнем, предпринятые меры безопасности были совершенно оправданны, поскольку позже в ходе следствия над декабристами выяснилось их твердое намерение ликвидировать в ходе переворота всю императорскую семью, списав убийства на неизбежные «эксцессы исполнителей».

Выполнившего ответственное поручение А. А. Кавелина царь немедленно отправил в казармы лейб-гвардии Павловского полка, чтобы привести роты полка к Зимнему дворцу. Когда три роты полка подошли к Зимнему дворцу, две из них поставили на Миллионной улице, у моста через Зимнюю канавку, а третью – у наплавного моста через Неву, на Дворцовой набережной.

Когда Николай I подошел к Преображенскому батальону, нижние чины отдали царю честь. Царь обратился к преображенцам: «После отречения брата Константина Павловича вы присягнули Мне, как законному своему Государю, и поклялись стоять за Меня и Мой Дом до последней капли крови. Помните, присяга – дело великое. Я требую теперь исполнения. Знаю, что у Меня есть враги, но Бог поможет с ними управиться». После этого Николай Павлович направил преображенцев к Адмиралтейской площади, прикрыв двумя взводами западный фасад Зимнего

дворца.

Самого Николая Павловича, подъехавшего к Сенатской площади, мятежники встретили пулями. Поскольку ситуация продолжала оставаться очень шаткой, царь распорядился «приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село»[134]. Затем он сам направился обратно к Зимнему дворцу, «дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам – Гвардейскому и Учебному».

По дороге ко дворцу Николай Павлович наткнулся на шедший «в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров Лейбгренадерский полк… Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое „Стой!“ отвечали мне: „Мы – за Константина!“. Я указал им на Сенатскую площадь и сказал:

„Когда так – то вот вам дорога“. И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинаково заблужденным товарищам. К щастию, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца и участь бы наша была более чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются после; тогда же один Бог меня наставил на сию мысль»[135].

К этому времени к Зимнему дворцу подошли лично преданные Николаю Павловичу два саперных батальона – Гвардейский и Учебный. Учитывая ситуацию, ротные командиры еще утром приказали раздать нижним чинам боевые патроны и бегом повели батальон с Кирочной улицы, где находились казармы, к Зимнему дворцу. Офицеры батальонов, кроме ротных командиров, были с 11 часов утра в Зимнем дворце, приехав на богослужение. Там командир батальона полковник А. К. Геруа, услышав о начавшихся беспорядках, распорядился выдвинуть подразделение к Зимнему дворцу, построив солдат в Большом дворе резиденции.

Саперы подошли вовремя. Буквально чрез несколько минут в Большой двор Зимнего дворца вошли восставшие роты лейб-гвардии Гренадерского полка под командованием поручика Н. А. Панова. Двигаясь с Петроградской стороны по льду Невы, гренадеры прошли по Миллионной улице и вышли на Дворцовую площадь. Там Панову пришла мысль сходу овладеть Зимним дворцом и в случае сопротивления перебить всю царскую семью. Николай I отметил в воспоминаниях, что «толпа лейб-гренадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть

дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство»[136].

Майор П. Я. Башуцкий, стоявший около ворот Зимнего дворца принял гренадеров за новую часть, присланную царем для охраны Зимнего дворца, и даже велел караулу лейб-гвардии Финляндского полка расступиться и пропустить пришедших.

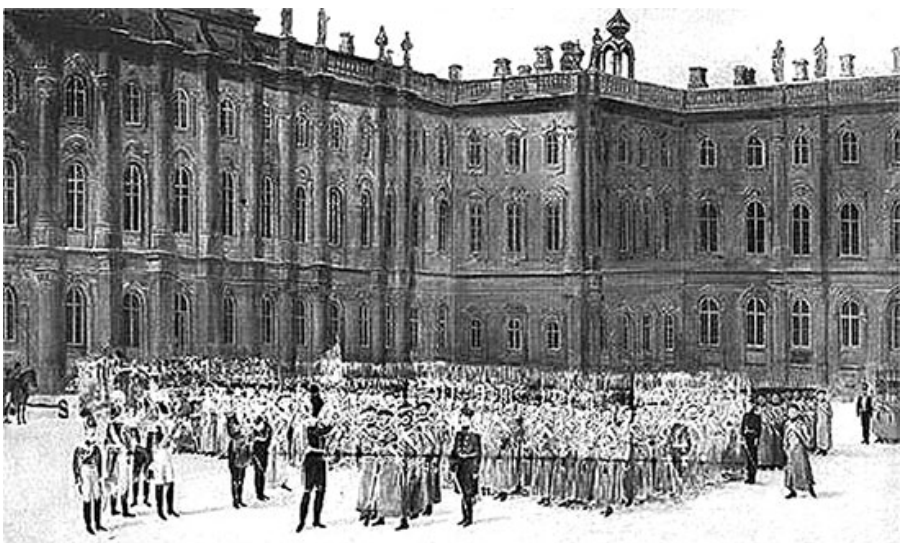
Мятежники во главе с Пановым прошли в Большой двор Зимнего дворца, там они натолкнулись на колонну гвардейского Саперного батальона. Гренадеров увидел из окна один из офицеров полка (поручик барон Зальц), приехавший во дворец к 11 часам утра на богослужение, который и вышел на двор. Сам Панов в это время принимал тяжелое решение. На настойчивые вопросы Зальца, на чей стороне гренадеры, он ответил: «Если ты от меня не отстанешь, я велю прикладами тебя убить». Затем, подняв шпагу, Панов закричал: «Да это не наши, ребята, за мною!» – и увел солдат через главные ворота Зимнего дворца в сторону Сенатской площади.

Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Императрица Мария Федоровна из окон своей половины, выходившей на Большой двор, видела и эту сцену: «Наконец мы увидели, как в совершенном беспорядке прошло двести-полтораста человек из Гренадерского полка; они как будто хотели остановиться перед дворцом; с ними было лишь двое офицеров; они направились к Адмиралтейству. То, как они шли, малочисленность офицеров и беспорядок в их рядах заставили меня сначала предположить, что [*нрзб.*]. В это самое время ко мне пришел Евгений и сказал, что он считает своим долгом предупредить меня, что дело принимает скверный оборот, что к

мятежникам присоединились моряки и часть гренадерского корпуса. Это ужасное состояние продолжалось два или три часа»[137].

Сам царь оценил этот эпизод следующим образом: «Ежели б саперный батальон опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были б в руках мятежников, тогда как занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе безызвестный об угрожавшей с тылу оной важнейшей опасности, я бы лишен был всякой возможности сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, ни кто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию Божию не угодно было всем править к лучшему»[138].



Николай I перед строем лейб-гвардии Саперного батальона во дворе Зимнего дворца

Буквально чудом уцелела царская семья, ведь только лейб-гвардии Саперный батальон предупредил захват восставшими дворца. Именно Саперный батальон, которым некоторое время командовал Николай Павлович, сосредоточившись в Большом дворе Зимнего дворца, стал ядром, вокруг которого постепенно «наросли» верные Николаю I войска. Один из мемуаристов, передавая семейные предания, писал: «Во время декабрьского бунта в 1825 году флигель-адъютант полковник Геруа ввел свой лейб-гвардии Саперный батальон во двор Зимнего дворца и занял его как раз в ту минуту, когда бунтовщики готовы были туда ворваться. Батальон не пришел, а прибежал с Кирочной, где были его казармы. Император Николай I вынес к саперам маленького наследника – будущего Царя-Освободителя – и передал его на

руки старым ветеранам солдатам, спасшим Царскую семью. Момент этот был запечатлен в картине, помещенной в собрании батальона, и на одном из барельефов памятника Императору Николаю I. Дед изображен стоящим в мундире, с обнаженной шпагою у ноги».

Таким образом, «штурм Зимнего дворца» мятежниками не удался. Заметим, что это был один из ключевых пунктов их плана захвата власти, обозначенный еще 12 и 13 декабря 1825 г. на совещании у К. Ф. Рылеева. Следует иметь в виду и то, что рано утром 14 декабря 1825 г. Рылеев просил П. Г. Каховского проникнуть в Зимний дворец и попытаться убить Николая Павловича. Каховский после некоторых колебаний отказался это сделать. Через час после его отказа А. И. Якубович также отказался вести матросов Гвардейского экипажа и солдат Измайловского полка на Зимний дворец. Отметим, что и Каховский, и Якубович были боевыми офицерами, имевшими серьезный личный опыт войны на Кавказе.

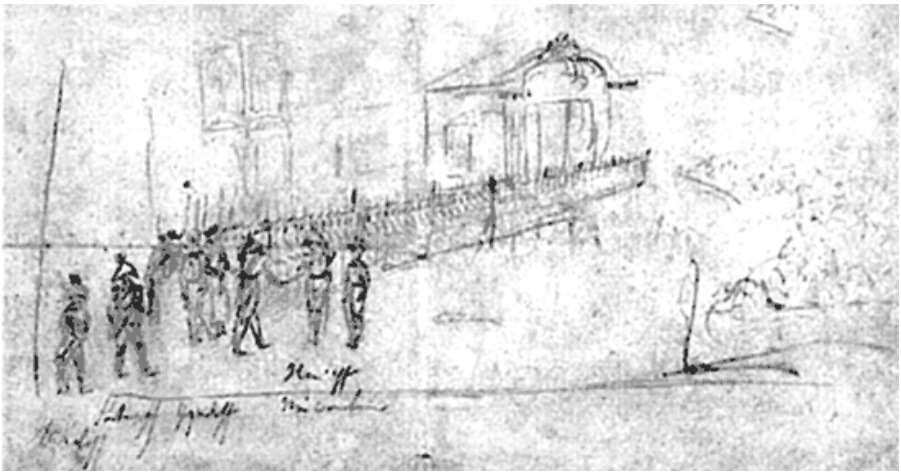
После ухода мятежных лейб-гренадер все наружные выходы Зимнего дворца немедленно заняли усиленные посты от лейб-гвардии Саперного батальона, кроме этого, 1-я Минерная рота стала у главных ворот резиденции, 1-й взвод 1-й Саперной роты – на Салтыковском подъезде, 2-й взвод 2-й Саперной роты – на Посольском (Иорданском) подъезде.

Как мы видим, все решили минуты. Удача оказалась на стороне Николая I в лице верных ему саперов. Если бы не они, то гренадеры легко бы смяли неполную караульную роту лейб-гвардии Финляндского полка. А затем начались бы кровавые «эксцессы исполнителей».

Позже, на допросе в Следственной комиссии, Панов показывал: «Мы прошли наискось к Мраморному дворцу, зашли во дворец Зимний, думая, что тут Московцы, но, найдя на дворе саперов, вернулись назад вдоль бульвара на площадь, и, встретив кавалерию, нас останавливавшую, я выбежал вперед и закричал людям „За мною“ и пробился штыками». Отметим, что в опубликованных материалах по следственному делу декабристов, где приведены и тексты допросов Панова, его вообще не спрашивали о намерениях, которые привели его на Большой двор Зимнего дворца. При этом у современников особых сомнений по поводу возможного характера действий со стороны Панова не было.

В. Ф. Адлерберга, отправленного царем в Зимний дворец подготовить выезд членов императорской семьи в Царское Село, немедленно вытребовали императрицы. Властная и всегда демонстративно величественная Мария Федоровна впала в

истерику. На ее веку это была уже третья смена верховной власти, причем вторая из них закончилась гибелью ее мужа. Она хорошо представляла возможные последствия очередного бунта и для себя, и для семьи своего сына. Александра Федоровна была гораздо спокойнее, то ли по безграничной вере в «звезду» своего мужа, то ли просто не представляя последствий таких ситуаций. При этом Адлерберг умолчал о поручении императора по подготовке «экстренной эвакуации».



1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка перед Комендатским подъездом Зимнего дворца 14 декабря 1825 г. Рисунок Николая I

Когда на Сенатской площади по мятежникам ударили картечью пушки, то в Зимнем дворце поднялась легкая паника, поскольку стало понятно, что «дело» перешло в пиковую фазу и может решиться как в ту, так и в другую сторону А в это время съехавшиеся к 11 часам утра в Зимний дворец придворные, военные и чиновники продолжали ожидать исхода событий. Думается, многие из них провели эти долгие 4 часа (с 11.00 до 15.00), просчитывая свое поведение при различных вариантах исхода событий, готовясь примкнуть к победившей стороне. И уж, конечно, мужская половина не только сановников, но и офицеров, совершенно не предполагала своего активного участия в происходивших событиях. Вся придворная публика толпилась на половине императрицы Марии Федоровны[139], жадно слушая отрывочные новости, поступавшие в Сенатской площади. Из окон они видели, как на Большой двор Зимнего дворца внезапно вошли и так же внезапно ушли лейб-гренадеры.

Вместе с императрицами весь день пробыл брат Марии Федоровны – герцог Александр Вюртембергский[140] со своими

взрослыми сыновьями, Александром[141] и Евгением[142]. Николай Павлович старался держать их «в курсе», время от времени присылая к императрицам то принца Евгения Вюртембергского, то генерал-адъютанта князя Трубецкого, то генерал-лейтенанта Демидова.

Обе императрицы провели все утро в маленьком кабинете[143] Марии Федоровны, его окна выходили на Адмиралтейскую площадь. Оттуда они слышали ружейную канонаду на Сенатской площади и отблески картечных залпов. В своем дневнике Мария Федоровна записала: «После того как были испробованы все средства, была вызвана артиллерия. Мятежникам было сделано предупреждение, что если они не сдадутся, то по ним будет сделан залп картечью, и после того как это повторное предупреждение не возымело никакого результата, Государь был вынужден во избежание еще больших бедствий, раз что несчастные не могли или не желали [*нрзб.*], приказать сделать несколько пушечных залпов. Из моего кабинета был виден огонь»[144].

Александра Федоровна в дневнике тоже упомянула об этом важнейшем событии дня – расстреле картечью мятежников: «При первом залпе я упала в маленьком кабинете на колени (Саша[145] был со мною). Ах, как я молилась тогда, – так я еще никогда не молилась! Я видела пушечный огонь: было лишь 4 или 5 выстрелов, в течение еще нескольких минут мы не имели известий. Наконец наш посланный влетел к нам, задыхаясь, и объявил, что враги рассеялись и обратились в бегство»[146]. Вскоре в Зимний дворец прискакал В. Ф. Адлерберг и сообщил императрицам, что бунт подавлен.

Поскольку в Петербурге в середине декабря к 15 часам уже темнело, то принимается решение усилить охрану Зимнего дворца во избежание случайностей. О важности этого действия свидетельствует то, что Николай Павлович сам расставлял войска вокруг своей резиденции.

Во-первых, главные силы были сосредоточены на Дворцовой площади: Преображенский полк и две роты 1-го батальона лейб-гвардии Егерского полка при 10 орудиях 1-й и 2-й батарейных рот стояли спиной к резиденции. На площади также стояли три эскадрона Кавалергардского полка.

Во-вторых, на Миллионной улице, у моста через Зимнюю канавку, стояла рота лейб-гвардии Егерского полка, при восьми орудиях.

В-третьих, на Дворцовой набережной, у моста через Зимнюю канавку, стояла другая рота Егерского полка при четырех орудиях.

В-четвертых, 1-й батальон Измайловского полка стоял на Дворцовой набережной у Иорданского подъезда и два эскадрона кавалергардов стояли на набережной на углу северо-западного ризалита Зимнего дворца.

На Большом дворе Зимнего дворца всю ночь горели костры, около них в полной выкладке с ружьями, заряженными боевыми патронами, стояли верные царю гвардейский Саперный и Учебный батальоны с 1-й ротой лейб-гвардии Гренадерского полка, присягнувшей новому императору. Дворец имел вид осажденной крепости.

Кроме окрестностей Зимнего дворца, военные части контролировали и другие ключевые районы Петербурга. На Адмиралтейской площади занял посты 2-й батальон лейб-гвардии Егерского полка. На Сенатской, под командой генерал-адъютанта Васильчикова, стояли батальоны Семеновского и Московского полков, усиленные 2-м батальоном Измайловского полка при четырех орудиях. Там же стояла и кавалерия – четыре эскадрона Конной гвардии. На Васильевском острове, под командой генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, стоял батальон лейб-гвардии Финляндского полка при четырех конных орудиях, а также два эскадрона Конной гвардии и Конно-пионерный эскадрон. Остальные районы города контролировались разъездами лейб-гвардии Казачьего полка.

Для петербуржцев все произошедшее стало настоящим потрясением, поскольку за многие годы практика удалых дворцовых переворотов прочно забылась. Поэтому костры на Дворцовой площади, войска при заряженных пушках остались в памяти очень надолго. Один из очевидцев произошедшего вспоминал: «Ночью на Сенатской и Дворцовой площади зажжены были костры, и некоторые части войска оставались там до утра; около дворца ночевала артиллерия с заряженными пушками, по другим улицам расставлены были пикеты»[147].

В. Ф. Адлерберг. Не ранее 1865 г.

После того как вокруг Зимнего дворца расставили воинские части, Николай I отправился к семье. Он спешился у подъезда под аркой главных ворот и по лестнице поднялся на половину Марии Федоровны. Для него «царская работа» только начиналась. Там, на деревянной лестнице, ведшей в дежурную комнату возле почивальни императрицы Марии Федоровны, он встретил мать, жену и старшего сына. Перед ними предстал уже другой человек – император Российской империи. Императрица Мария Федоровна вспоминала: «Около 6 часов Государь поднялся к нам по маленькой лестнице, где я встретила его с его женой и его сыном; я бросилась ему на шею счастливая тем, что снова вижу его здоровым и невредимым после всех волнений той ужасной бури, среди которой он находился, после такого горя, такого невыразимого потрясения. Эта ужасная катастрофа придала его лицу совсем другое выражение»[148]. Александра Федоровна тоже отметила новый облик мужа: «О, Господи, когда я услышала, как он внизу отдавал распоряжения, при звуке его голоса сердце мое забилось! Почувствовав себя в его объятиях, я заплакала, впервые за этот день. Я увидела в нем как бы совсем нового человека. Он вкратце рассказал обо всем происшедшем; он первый сказал нам, что Милорадович смертельно ранен, может быть, даже уже умер.

Это было ужасно! Увидев, что Саша плачет, он сказал ему, что ему должно быть стыдно…»[149].

Нанесение смертельной раны М. А. Милорадовичу 14 декабря 1825 г.

Увидев сына, Николай Павлович принял спонтанное решение, ставшее одним из символических событий этого дня. Взяв за руку восьмилетнего мальчишку, одетого в парадный мундир с лентой ордена Андрея Первозванного через плечо, он вывел его на Большой двор Зимнего дворца к своим верным саперам. Обратившись к солдатам, царь сказал им: «Я не нуждаюсь в защите, но его я вверяю вашей охране!»[150].

Подняв мальчишку на руки, царь передал сына на руки георгиевским кавалерам, стоявшим в строю. Затем царь приказал

правофланговому от каждой роты подойти и поцеловать наследника.

Сам Николай Павлович вспоминал об этом эпизоде очень сдержанно: «Едва воротились мы из церкви, я сошел, как сказано в первой части, к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести и сына, а священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска»[151].

Спонтанное решение, моментально ставшее известным всем войскам, окружавшим Зимний дворец, подтвердило врожденную способность молодого императора к «царской работе», неизбежно сопряженной с подобными пафосными жестами, сразу и навсегда завоевывавшими сердца подданных.

Мундир генерала М. А. Милорадовича, в котором он был смертельно ранен 14 декабря 1825 г.

Барельеф на памятнике Николаю I в память о событиях 14 декабря 1825 г.

Вернувшись во дворец, Николай I наконец принял участие в церемонии молебна в Большом соборе Зимнего дворца. Напомним, что сначала он был назначен на 11 часов утра 14 декабря, затем его перенесли на 14 часов. К моменту начала молебна уже наступило 19 часов вечера. За эти часы пролилась кровь и окончательно стало ясно, что Россия обрела нового императора.

Александра Федоровна описала посещение Большого собора Зимнего дворца следующим образом: «Мы все же должны были идти в церковь, хотя вместо двух часов было уже 7 и все большое светское общество ожидало нас там в течение пяти часов. Я, как была, в утреннем платье, прошла твердым шагом через передние комнаты; огромная толпа расступилась, чтобы дать дорогу мне, спасенной императрице. Я обняла Елену[152], которая еще ничего не знала о происшедшем; надевая на себя креповое белоснежное русское платье, я рассказывала, плакала, все наспех и торопясь. Вскоре пришел и Михаил.

Вернулся и Николай; в сущности говоря, он не выглядел усталым, напротив, он выглядел особенно благородным, лицо его как-то светилось, на нем лежал отпечаток смирения, но вместе с тем и сознания собственного достоинства. Об руку с ним вошла я наконец в зал, полный празднично одетых людей. Все взволнованно склонились при виде молодого государя,

подвергшего свою жизнь такой большой опасности. Catiche приветствовала его очень сердечно; государь высказал благодарность караулу; мы вошли в церковь. Митрополит вышел нам навстречу с распятием и святой водой; пройдя на свое место, мы оба стали на колени и в таком положении молились Богу в течение всей недолгой службы. Саша тоже был в церкви, впервые с орденской повязкой. Таким же образом мы возвратились к себе. На глазах у Николая стояли слезы»[153].

После молебна императорская семья, следуя процедуре Большого выхода, вернулась на свои половины. Характерно, что, оказавшись в своем кабинете, Николай I немедленно написал и отправил письмо со словами ободрения и надежды смертельно раненному графу М. А. Милорадовичу. Только после этого, впервые за весь длинный день, император пообедал с женой и матерью.

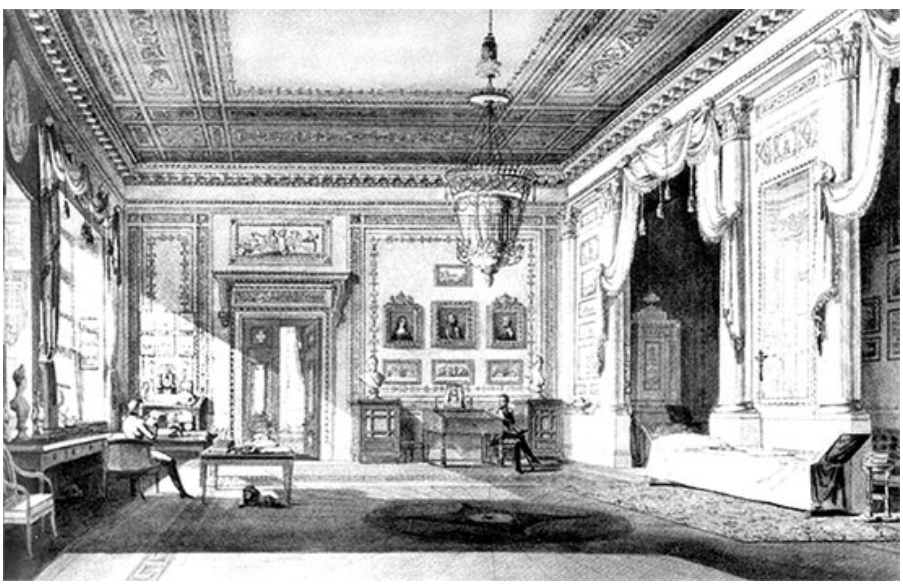
Дочерей царя устроили в двух комнатах юго-западного ризалита буквально «по-походному». Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Для нас устроили наспех ночлег: Мэри и мне у Мама на стульях. Ночью Папа на мгновение вошел к нам, заключил Мама в свои объятья и разговаривал с ней взволнованным и хриплым голосом. Он был необычайно бледен. Вокруг меня шептали: „Пришел Император, достойный трона“. Я чувствовала, что произошло что-то значительное, и с почтением смотрела на отца»[154].

Вспоминала эту ночь и императрица Александра Федоровна: «Боже, что за день! Каким памятным останется он на всю жизнь! Я была совсем без сил, не могла есть, не могла спать; лишь совсем поздно, после того как Николай успокоил меня, сказав, что все тихо, я легла и спала, окруженная детьми, которые тоже провели эту ночь как бы на бивуаках. Три раза в течение ночи Николай приходил ко мне сообщить, что приводят одного арестованного за другим и что теперь открывается, что все это – тот самый заговор, о котором нам писал Дибич. В 3 часа Милорадович скончался»[155].

И действительно, всю ночь Николай I, в парадном мундире, в шарфе и ленте, сам принимал участие в первых допросах. Это тоже было частью «царской работы», поскольку в Зимний дворец начали привозить первых арестованных офицеров. Некоторые из офицеров явились сами.

Уже первые допросы красноречиво показали, что события 14 декабря имели и глубокие корни, и обстоятельно спланированные намерения. Николай I вспоминал: «Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно

за другим ко мне приходили. Везде сбирали разбежавшихся солдат Гренадерского полка и часть Московских. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц… приведен был Бестужев Московского полка, и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежом. Генерал-адъютанту графу Толю поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра… Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у Лейб-гвардии Московских, Лейб-гвардии гренадер и Гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем Лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона Конной гвардии проведены в крепость.



Кабинет-спальня Николая I в Зимнем дворце

…Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев. В эту же ночь объяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров Гвардейского экипажа.

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только что не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на

тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться»[156].

Рано утром 15 декабря 1825 г., в первый день своего царствования, Николай I объехал войска, всю ночь охранявшие Зимний дворец: «Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но, прежде роспуска их, я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть гвардейский экипаж и возвратить ему знамя. Часов около десяти, надев в первый раз Преображенский мундир, выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг против Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привесть батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Английской набережной. Осмотр войск кончил я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска»[157].

Когда Николай I возвращался в Зимний дворец, мимо него провезли арестованного князя Е. П. Оболенского: «Возвратясь к себе, я нашел его в той передней комнате, в которой теперь у Наследника бильярд. Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозвавшийся Марлинским. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендантский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошед в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал: „Преступный Александр Бестужев приносит Вашему Величеству свою повинную голову“. Я ему отвечал: „Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажите искренность вашего раскаяния“»[158].

Портрет императора Николая I. 2-я пол. 1820-х гг.

Поскольку все значимые арестованные доставлялись в Зимний дворец, то уже к середине дня 15 декабря стихийно сложилась некая процедура их прохождения «по инстанциям». Всех арестованных привозили к Салтыковскому подъезду и препровождали по коридору на главную гауптвахту Зимнего дворца. Затем генерал В. В. Левашов докладывал императору об арестованном, и, если следовало повеление, его под конвоем вели в кабинет царя на втором этаже Зимнего дворца (№ 172). По воспоминаниям императора: «Доколь жил я в комнатах, где теперь сын живет, допросы делались, как в первую ночь, – в

гостиной. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра… Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства, более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского, Никиты Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михаилы Орлова.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг»[159].

14 декабря в ходе допросов выяснилось, что некоторые из тех, кто поддержал Николая I, являлись членами тайного общества. Император тогда отчетливо осознал насколько шаткой была ситуация, когда малейшая слабость с его стороны могла поколебать соратников, укрепить противников и оттолкнуть колеблющихся.

Дж. Доу. Портрет В. В. Левашова

Сам Николай I упоминал, что «между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника Лейб-гвардии Финляндского полка фон Моллера, что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в Главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел. Сперва улики на него казались важными – в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил»[160]. Надо заметить, что карьеры А. Ф. фон Моллеру (1796–1862) император не сломал и тот дослужился до чина генерала от инфантерии.

В этот день, 15 декабря 1825 г., оценивая произошедшее, Александра Федоровна записала в дневнике: «Вчерашний день был самый ужасный из всех, когда-либо мною пережитых. И это был день восшествия на престол моего мужа!.. Совсем с новым чувством проснулась я на другое утро, с новым чувством смотрела я на моего Николая, как он проходил по рядам солдат и благодарил их за верную службу; затем он покинул Дворцовую площадь, и все вернулись к своему обычному спокойному состоянию; внутренне же ужас этого дня еще долгое время не будет изжит. Мне день 14-го представляется днем промысла

Божия, так как эта открытая вспышка даст возможность скорее и вернее установить как участников, так и самые размеры заговора»[161]. Императрица умолчала о том, что со дня столь потрясшего ее 14 декабря у нее при малейшем волнении начинала непроизвольно дрожать голова, а тогда ей шел всего 28 год.

А. Ф. Моллер

Мятеж декабристов, прекрасно задуманный и бездарно проваленный, стал первым днем царствования Николая I. Для самого царя день 14 декабря навсегда остался важнейшим событием его жизни. И не только потому, что это был день вступления на престол, а потому, что в этот день он отчетливо ощутил, как неустойчиво покачиваются чаши весов его судьбы и судеб его близких. В этот день все лица, прямо или косвенно принимавшие участие в событиях 14 декабря на стороне государя, приглашались в Зимний дворец, где в Малой церкви совершалось благодарственное молебствие. Во время службы сначала провозглашалась вечная память «рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу. – *И. З.)* и всем, в день сей за веру, царя и Отечество убиенным», а в заключение многолетие «храброму всероссийскому воинству». Затем все присутствовавшие

допускались к руке императрицы Александры Федоровны и целовались с Николаем I, как на Пасху. Ежегодно в этот день, после завершения церковной службы, Николай I отправлялся в Конногвардейский и в Преображенский полки, которые первыми прибыли на Дворцовую площадь. Эта традиция пресеклась со временем, когда в этих полках уже не осталось ветеранов 14 декабря[162].

Мало кто знает, что Николай Павлович платил пенсии из своей экономической суммы («императорского жалованья») как вдовам декабристов, так и вдовам нижних чинов, погибших, сражаясь на стороне императора. Например, в его личных бухгалтерских книгах по «Гардеробной сумме», упоминается, что в декабре 1845 г. император выплатил «Вдовам матросов Пелагее Дорофеевой и Дарье Федоровой ежегодной награды за подвиги убитых их мужей 14 декабря 1825 года каждой по 100 руб. ассигнациями, а обоим серебром 57 руб. 30 коп.». Такие же суммы выплачивались вдовам матросов с 1846 по 1848 гг.[163] Вплоть до 1863 г. платились пенсии женам и матерям некоторых из декабристов.

Семья Николая I

Начало нового царствования повлекло за собой существенные изменения в размещении царской семьи в Зимнем дворце. Вдовствующая императрица Мария Федоровна продолжала занимать комнаты по южному фасаду, выходившие окнами на Дворцовую площадь и Большой двор Зимнего дворца. Семья Николая I заняла все три этажа северо-западного ризалита резиденции.

Зима 1825/26 гг. стала первой, проведенной семьей Николая I в Зимнем дворце. Детей царя поначалу оставили в комнатах, расположенных на втором этаже в западной части дворца. Император Николай Павлович с Александрой Федоровной поселились в комнатах Малого Эрмитажа. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «В течение этой зимы нас два раза в день водили через длинные коридоры в покои, которые занимали наши Родители в Эрмитаже. Мы видели их лишь изредка на короткие мгновения. Затем нас опять уводили. Это было время допросов. С одной стороны приводили арестованных, с другой приезжали послы и Высочайшие особы, чтобы выразить соболезнование и принести свои поздравления. Мы же, бедные, маленькие, очень страдали оттого, что были так неожиданно удалены от жизни Родителей, с которыми до того разделяли ее ежедневно. Это было как бы предвкушение жертв, которые накладываются жизнью на тех, кто стоит на высоком посту служения своему народу»[164].

Наконец в Зимнем дворце поселилась первая царская семья, скрепленная любовью и искренней привязанностью. На момент вселения в Зимний дворец старшему из детей царя – Александру – шел восьмой год, дочерям – Марии и Ольге – было 6 лет и 4 года, младшей, Александре, – год.

П. Ф. Соколов. Цесаревич Александр Николаевич. 1829 г.

А. Брюллов. Цесаревич Александр и Мария Николаевна. Нач. 1830-х гг.

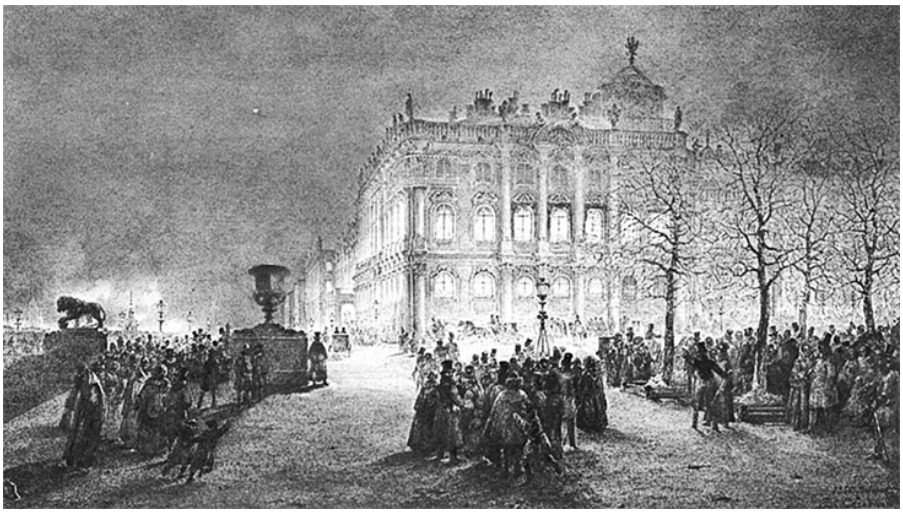
Весной 1826 г. семья Николая I, по традиции, уехала «на дачу», сначала в Царское Село, а затем в Петергоф, рассчитывая вернуться в Зимний дворец поздней осенью. Все это время в главной императорской резиденции шел капитальный ремонт, в ходе которого в северо-западном ризалите дворца формировались императорские половины.

Семья Николая I въехала в свои новые комнаты в северо-западном ризалите Зимнего дворца в декабре 1826 г., заняв все три его этажа. На первом этаже разместили дочерей императора, сыновья заняли комнаты по западному фасаду, обращенные окнами как на Адмиралтейство, так и на Большой двор. На втором этаже ризалита разместились комнаты и парадные гостиные императрицы Александры Федоровны. На третьем этаже ризалита была устроена половина императора Николая Павловича, к которой примыкали комнаты его младшего брата – великого князя Михаила Павловича. Так впервые в истории Зимнего дворца императорская семья заняла целый ризалит – от первого до третьего этажа.

Когда у младшего брата императора, великого князя Михаила Павловича, одна за другой стали рождаться дочери, в Зимнем дворце для них по распоряжению Николая I немедленно отвели соответствующие их статусу комнаты. Работы по оборудованию комнат для племянниц императора: Марии (1825 г.), Елизаветы (1826 г.) и Екатерины (1827 г.) начались весной 1828 г. Михайловский дворец как жилая резиденция великого князя Михаила Павловича был освящен в августе 1825 г. Однако молодая чета с разрешения императора решила разместить своих маленьких дочерей в обжитом Зимнем дворце.

Портрет великой княжны Александры Николаевны. 2-я пол. 1830-х гг. Италия

А. Брюллов. Великая княжна Ольга Николаевна. 1837 г.

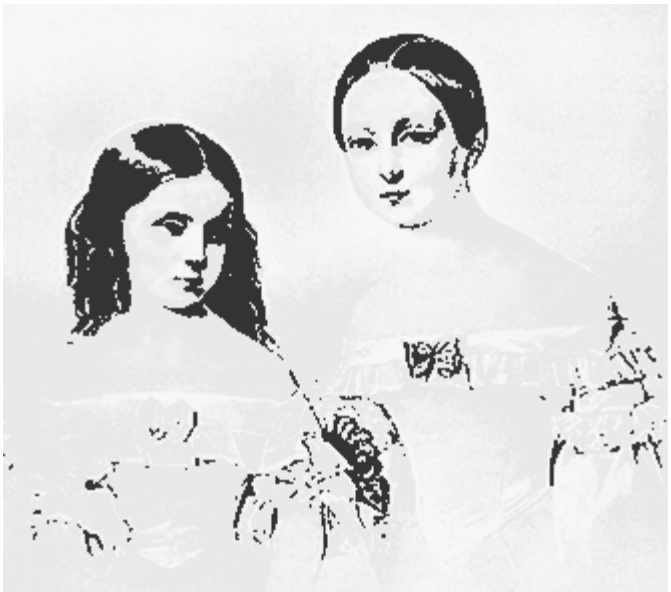


В. А. Садовников. Вид северо-западного ризалита в ночное время. Вид Зимнего дворца. 1855 г.

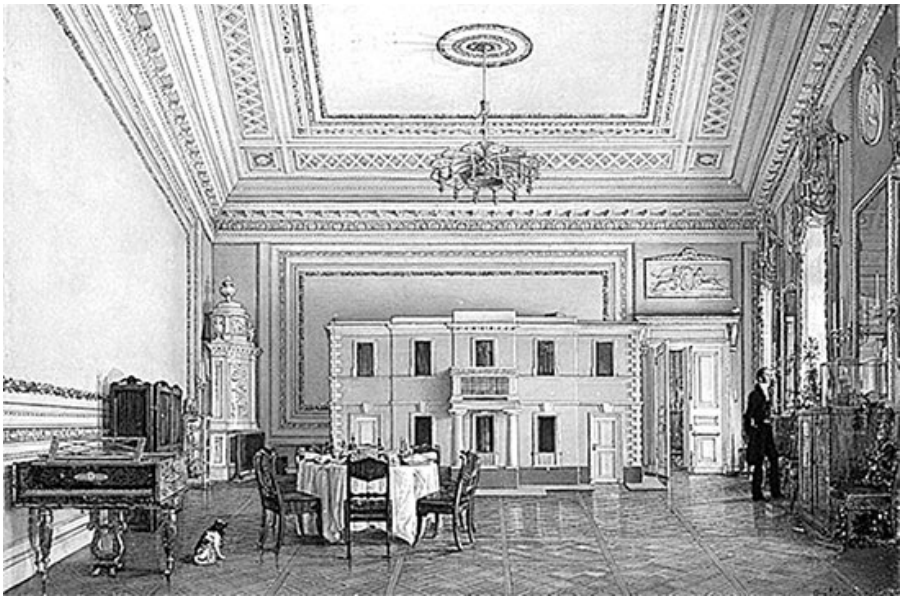
Маленьких великих княжон разместили в комнатах, которые ранее занимала сестра императора – великая княгиня Елена Павловна, на втором этаже юго-западного ризалита. Для свиты

маленьких великих княжон отвели комнаты покойной княгини Ш. К. Ливен[165], воспитательницы Николая и Михаила. Они находились на третьем этаже юго-западного ризалита.

Для детей в Зимнем дворце, так же, как и для внуков Екатерины II, создавались детские уголки. Дочерям Николая I на всю жизнь запомнилась их игровая комната, где в 1833 г. для них устроили двухэтажный домик: «В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру.



В. И. Гау. Портрет великих княжон Екатерины Михайловны и Марии Михайловны. 1837 г.



Ухтомский. Детская великих княжон Марии, Ольги и Александры, дочерей Николая I. 1837 г.

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин, и вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились, оттого что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты»[166].

Одной из любимых игрушек для детей стала деревянная горка, поставленная для детей в одном из залов Зимнего дворца. Огромные залы Зимнего двора позволяли устроить такую «забаву».

Эта забава выросла из традиционных зимних, ледяных гор. В XVIII в. катание на горках было не только частью зимнего досуга простолюдинов, но и рафинированной аристократии. Во времена Елизаветы Петровны в парке, при Большом Царскосельском дворце, соорудили «Катальную гору». В Ораниенбауме при Екатерине II также построили павильон «Катальная горка». Судя по чертежам, это не только зимняя, но и летняя забава самодержцев. Летом по «трассе» катались на специальных тележках. Это был, безусловно, экстремальный вид отдыха, поскольку высота ораниенбаумского павильона «Катальная горка» составляет тридцать три метра – высота современного двенадцатиэтажного дома. Правда, скат горки находился на

высоте двадцати метров, но и этого для «экстрима» вполне достаточно.

Деревянные горки в залах Зимнего дворца появлялись при всех царствованиях, начиная с Екатерины II и заканчивая Николаем II. Когда дети были маленькими, для них ставилась горка. Когда они вырастали, деревянную горку разбирали и хранили в дворцовых кладовых, до «следующих детей».

Первая из таких деревянных гор появилась в Зимнем дворце в марте 1781 г. Тогда для великих князей Александра и Константина сделали «дубовую гору с панелями и поручнями длиной в 3 аршина, шириной в 14 вершков за 15 руб.»[167].

Вторая деревянная горка в Зимнем дворце была устроена в декабре 1824 г. Гору установили в комнате, где ранее находился Кабинет великой княгини Елены Павловны (второй этаж юго-западного ризалита). Под «катальную гору» отвели комнату площадью в «21 квадратную сажень и 7 аршин»[168]. Эту «катальную гору» подарила внукам императрица Мария Федоровна. Тогда на ней катались маленький великий князь Александр Николаевич и его младшие сестры – великие княжны Мария и Ольга Николаевны. Этой горкой можно было пользоваться зимой и летом: подстелив под себя коврик, скатывались по полированному склону. Однако в начале 1826 г., после воцарения Николая I, «катальную детскую гору ясеневого дерева… со всеми к оной принадлежностями», перенесли в Аничков дворец[169].

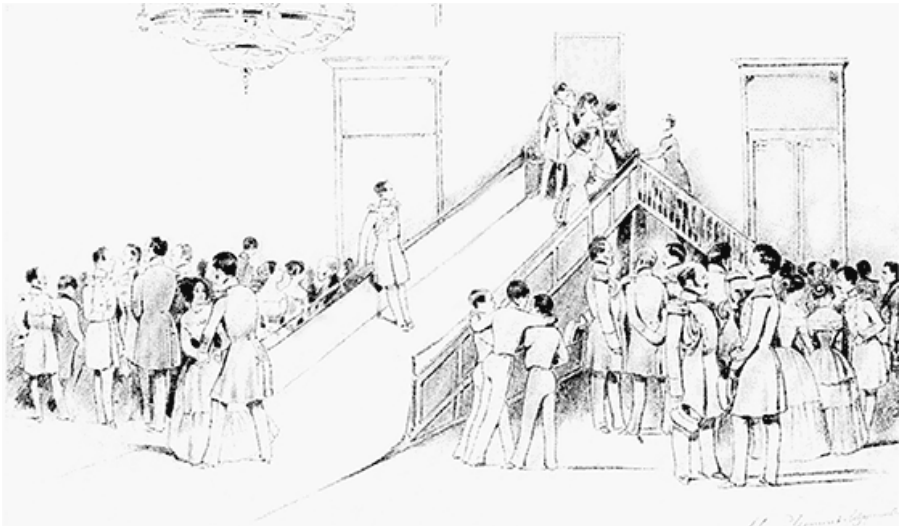
Павильон «Катальная горка» в Ораниенбауме. Реконструкция

Видимо, воспоминания о горке были столь упоительны, что дети упросили отца о «возобновлении» горы. В результате в январе 1829 г. министр Императорского двора князь П. М. Волконский распорядился «заказать вновь подобную гору, и что будет стоить представить мне счет». Через некоторое время князь получил счет на «сделание» «двойной горы из ясеневого дерева» за 1475 руб. с установкой ее в зале Зимнего дворца к 13 февраля 1829 г.

Эта катальная гора «пожила» в Зимнем дворце очень недолго, только до лета 1831 г. Именно тогда Николай I принял решение: «Комнаты в среднем этаже Зимнего дворца, занимаемые бильярдом и детскими играми, назначить для Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича, и в одной из них снять обои и покрыть стены светло-перловою краскою, а в другой сделать… перегородку до потолка с полукруглым альковом… покрыв стены светло-голубой краскою; в передней же сих комнат поставить небольшую перегородку и пробить окно на маленький дворик»[170]. Примечательно, что катальную гору не сломали, а, разобрав, поместили в одну из дворцовых кладовых. Бильярд же переставили в Эрмитаж, в одну из свободных комнат.

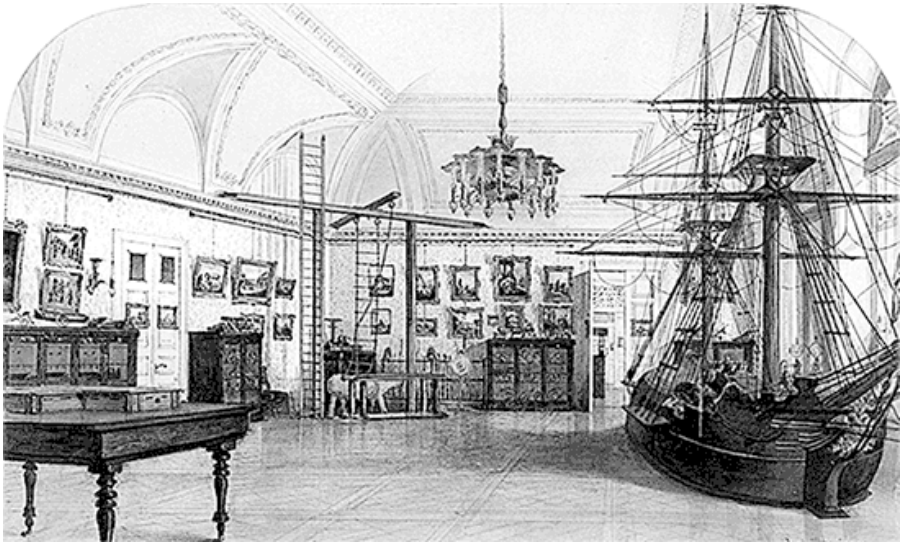
Деревянную горку в Зимнем дворце в очередной раз восстановили, когда у Александра II подросли его дети. Судя по упоминанию великого князя Александра Михайловича, на этой горке он катался в 1880 г. в компании будущего Николая II и сына княгини Е. М. Юрьевской: «После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с русских гор. Мальчуган старался подружиться со всеми нами, и, в особенности, с моим двоюродным племянником Никки (будущим Императором Николаем II)…».

Вполне возможно, что именно эту деревянную гору восстановили в Зимнем дворце, когда подросли старшие дочери Николая II. По крайней мере, о существовании деревянной горки в Зимнем дворце мы узнаем из воспоминаний английской няни Маргарет Эггер, опекавшей детей Николая II. Она упоминает, что на первом этаже Зимнего дворца на детской половине, в одном из залов, «обитом красной материей, в котором царских детей учили танцам», находилась огромная горка из полированного дерева, с нее дети катались на войлочных ковриках.



А. Чернышев. Развлечения при Высочайшем дворе в Царском Селе в 1846 г.

После пожара 1837 г., когда семья Николая I переехала во вновь отстроенный Зимний дворец, в нем появилась совершенно уникальная игрушка – учебная яхта. Игровая комната «для мальчиков», где установили яхту, получила название Корабельной. Отвечал за строительство учебной яхты подполковник М. Н. Гринвальд[171], с лучшими корабельными мастерами он строил яхту в Адмиралтействе специально «под комнату» в Зимнем дворце. Изначально эта яхта предполагалась для обучения азам морского дела великого князя Константина Николаевича. Мальчик «планировался» отцом в первое лицо Российского военно-морского флота. Поэтому все его игрушки носили «профильный характер».



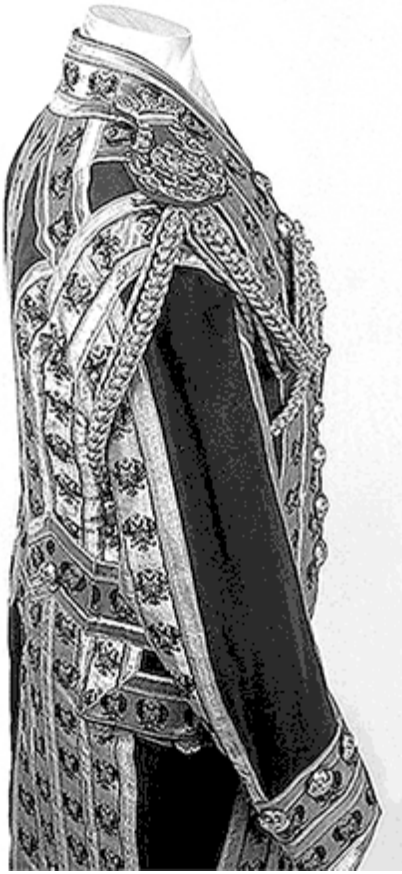
И. И. Шарлемань. Детская сыновей Николая I, или Корабельная. 1856 г.

К октябрю 1839 г. яхту вчерне закончили, разобрали и начали переносить по частям из Адмиралтейства в Зимний дворец, собирая ее «по месту». Кроме этого, яхта «доводилась» – ее зачищали, красили и полировали. Для этого мастерам-корабелам позволили не только установить в Зимнем дворце два верстака, но и даже «производить некоторый звук»[172]. Николай I держал эти работы «на контроле», повелев в октябре 1839 г. «поспешить с устройством яхты».

Когда у Александра II подросли старшие сыновья – Николай, Александр, Владимир и Алексей, для них зимой 1861/62 гг. стали заливать два катка и две ледяные горы в Таврическом саду, где соблюдался особый режим допуска публики. А для младших сыновей Александра II – Сергея и Павла – «на большом дворе Императорского Зимнего Дворца в январе месяце 1866 г. по высочайшему повелению были устроены… ледяная гора и каток…»[173].

Форма камер-казака парадная. Кон. XIX в.

Форма камер-фуръера парадная. 1912–1913 гг.



Форма придворного камер-лакея. Кон. XIX в.

Возвращаясь к началу правления Николая I, отметим, что, став императором, наряду со сложнейшими государственными проблемами, обрушившимися на него после подавления восстания декабристов, Николай Павлович начал наводить «свой порядок» в Зимнем дворце. С присущей ему педантичностью он не делил свои заботы на масштабные и мелочные. Он просто наводил порядок в своем доме.

Частью этого порядка стала новая форма для дворцовых слуг. Император в полной мере унаследовал от своего отца любовь к единообразию во всех его проявлениях. Он справедливо считал, что форма дисциплинирует, и все решения, лежащие в этой сфере, «пропускал» через себя. Это касалось и придворных сановников, и придворных слуг. Так, 30 января 1827 г. Николай I «высочайше повелеть соизволил… обмундировать в новое платье одного из придворных истопников, сделать вместо панталонов зеленые брюки, сверх сапог и представить Его Величеству»[174]. А в марте 1827 г. царь повелел «придворным истопникам и

работникам, вместо двух красных суконных жилетов, впредь строить по два белых, один из пике и один из канифаса»[175].

Зимний дворец для Николая I был главным «рабочим местом», куда стекались все нити управления огромной империей. Те, кто регулярно бывали в Зимнем дворце, прекрасно знали обстановку рабочего кабинета императора, но для тех, кто видел рабочий кабинет царя впервые, – осознание того, что именно здесь принимаются окончательные решения по управлению огромной страной, было сродни потрясению.

Так, один из провинциальных генералов в 1833 г. был принят царем в его рабочем кабинете. Судя по воспоминаниям, порядок допуска к государю был следующим: «Без десяти минут 3 часа я был уже во дворце. Меня провели наверх камер-фурьеры, сдавая один другому и, наконец, привели в ротонду, откуда открывался превосходный вид на Адмиралтейство и на взморье. Здесь ожидал представления также и министр финансов царства Польского Фурман. Ко мне подошел человек в денщичьем мундире и, подробно распрося фамилию, чин, место служения, сказал, что тотчас доложит государю. Я не видел ни дежурных генерал-адъютантов, ни флигель-адъютантов. Минут через пять явился тот же денщик, прося следовать за ним, и повел меня опять вниз, в довольно темную комнату, слабо освещенную лампами и топившимся камином. Здесь, из-за ширм, вышел дежурный камердинер, опять опросивший меня и доложивший обо мне. У дверей стояли арабы и дворцовые гренадеры. Вся прислуга показалась мне чрезвычайно вежливою и предупредительною. За этой прихожей был небольшой зал, из которого шли двери в кабинет государя: двери кабинета были заставлены ширмами, и в этот зал никто не смел войти без доклада камердинера.

Вскоре меня потребовали к государю. Только что я переступил порог зала, как его величество показался из кабинета. Он был в Измайловском сюртуке, застегнутом только на верхнюю пуговицу, без эполет. Мерными шагами государь прошел по залу в амбразуру окна. Ласково ответив на мой поклон, он прислонился спиною к углу амбразуры и начал меня расспрашивать о состоянии войск, о корпусном командире, собирается ли он приехать сюда, о ружьях и этапах, – исправно ли водит партии ссыльных. При этом государь рассказал, как здесь на заставе поймали каторжника, бежавшего из Сибири. Я отвечал, что с этапов бежать почти невозможно и что каторжник сбежал, вероятно, с заводских работ.

– Каково ведут себя государственные преступники[176]? – спросил государь.

– Очень одобрительно, ваше величество, – отвечал я: – ни

один ни в чем предосудительном не замечен; а что у них на сердце, от нас закрыто.

– Прощай! – С этими словами государь изволил было направиться к дверям кабинета, но вдруг, остановясь посредине зала, проговорил: – Я, может быть, у вас буду, это оттуда зависит, – и показал при этом рукою на небо. – Может быть, суждено и моему Александру Николаевичу…»[177].

Из этого эпизода следует, что рабочий кабинет императора располагался на первом этаже северо-западного ризалита уже в 1833 г.

Подчеркнем, что император, замкнувший на себя рычаги власти, по собственной воле буквально завалил себя работой. Он прекрасно понимал порочность такого метода ведения дел, иронично называя себя «каторжником Зимнего дворца» и «рабом на галерах», но при этом искренне считал, что «должность требует» и до конца жизни добросовестно тащил неподъемный груз нескончаемых дел. В 1835 г. в письме к И. Ф. Паскевичу император писал: «Поверишь ли, любезный Иван Федорович, что до сего дня не нашел время тебе отвечать, меня так завалили бумагами, столько было разной возни; приезд сестры жены моей, наконец маневры, все это меня совершенно замучило».

К бесконечным бумагам периодически добавлялись многочисленные европейские визитеры, родственники и не только. Следовательно, количество представительских мероприятий все возрастало, а время на каждодневную продуктивную работу сокращалось. При всем уважении к гостям Николай Павлович отчетливо представлял, на сколько уплотнится его рабочий график. В 1842 г. он писал И. Ф. Паскевичу: «Ждем на днях сестру жены с мужем; потом принца Прусского, за ним короля, потом герцога Нассауского с братом и моего племянника, младшего сына Анны Павловны; так что скоро придется мне петь: Княже людеские собрашася… ох тих-тих-тих-ти!».

К. А. Ухтомский. Малый кабинет императора Николая I на первом этаже северо-западного ризалита. Середина XIX в.

Вместе с тем Зимний дворец являлся обычным, хотя и очень большим, домом, в котором жила необычная семьи, но в котором все было, «как у людей». Например, протечки потолка. В июле 1850 г. в кабинете императора на первом этаже на потолке появилось сырое пятно. В результате исследования хозяйственники пришли к выводу, что «оно произошло от воды, которая прососалась из фонтана в садике на половине Государыни Императрицы, мимо водосточной трубы, тут проведенной»[178]. Действительно, выше этажом, на антресолях первого этажа, располагался фонтан, к которому вела лестница из зимнего сада Александры Федоровны. В ходе ремонта выяснили, что протечка произошла «от того, что в чаше фонтана садика на половине Государыни Императрицы замазка около медной гайки водосточной трубы размокла»[179].

Николай I проложил свои маршруты вокруг дворца для обязательных ежедневных прогулок. По этим маршрутам два раза в день – рано утром перед завтраком и докладами министров и

после обеда – прогуливался Николай I. По давней традиции, ежедневные прогулки проходили в Летнем саду, куда он неспешно шел по Дворцовой набережной. Император гулял в Летнем саду круглый год. Весной там прокладывали по привычному императорскому маршруту дощатые тротуары, а зимой расчищалась от снега дорожка, шедшая вокруг всего сада[180]. Мог пройтись император и по Разводной площадке и Дворцовой площади. Приватности в этих прогулках, конечно, не было, но для императора это – привычный фон его жизни. Подлинно приватные прогулки, во время которых он мог остаться наедине с собой, Николай Павлович мог себе позволить только за границей, да и то с известными ограничениями.

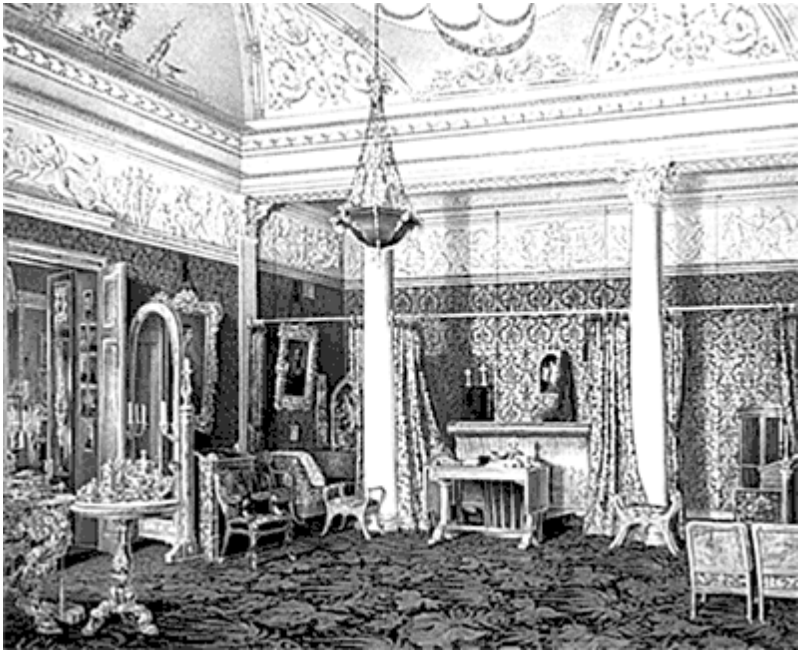
Э. П. Гау. Зимний сад императрицы Александры Федоровны. 1871 г.

И. Е. Репин. Николай I на прогулке в горах Швейцарии

Николай I сопровождает гроб бедного чиновника

У императрицы Александры Федоровны и Николая Павловича вплоть до конца 1840-х гг. была одна спальня – на половине императрицы, на втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца (ныне это зал № 184). Только спали они на разных кроватях: императрица – в алькове за колоннами, а Николай Павлович – на походной кровати (некий современный аналог раскладушки), рядом. Император любил свою «птичку», о чем свидетельствуют в том числе и весьма фривольные зарисовки

Николая Павловича.



Э. П. Гау. Спальня императрицы Александры Федоровны. 1859 г.

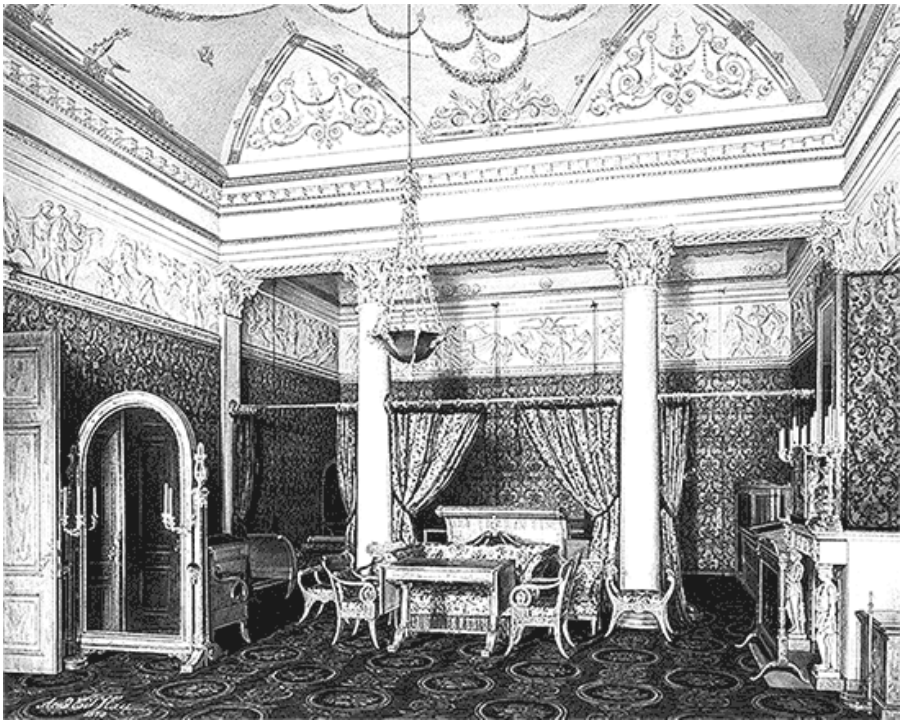
Походная кровать Николая I

Императрица Александра Федоровна в парадной кавалергардской форме. Рис. Николая I. 1829 г.

В этой же спальне «по утрам и вечерам Николай Павлович всегда долго молился, стоя на коленях, на коврике, вышитом императрицей»[181]. Когда коврик износился, второй вышила фрейлина М. П. Фредерикс.

Здесь же находился на одной из стен портрет великой княгини Ольги Николаевны в гусарском мундире[182]. В начале 1850-х гг. император «отселился» от супруги, сделав своей спальней нижний кабинет на первом этаже северо-западного ризалита, где почивал на той же походной кровати.

Великая княжна Ольга Николаевна в форме 3-го гусарского Елисаветградского Ее Имени полка



Э. П. Гау. Спальня императрицы Александры Федоровны. 1870 г.

Николай I все свое царствование стремился окружать жену вниманием и поистине царской роскошью. После пожара Зимнего дворца в ходе отделки личных комнат императрицы Александры Федоровны Николай I распорядился включить в перечень вещей, размещаемых на половине супруги, знаменитый золотой «нахтышный» (то есть вседневный) туалет императрицы Анны Иоанновны[183]. Уникальный золотой туалетный набор был изготовлен во второй половине 1730-х гг. в аугсбургской мастерской Иоганна Людвига Биллера. Этот туалет по традиции переходил от императрицы к императрице, размещаясь в их опочивальнях. Со времен императрицы Елизаветы Петровны драгоценный золотой туалет постоянно использовался во время свадеб «дворцового масштаба». Именно перед золотым зеркалом этого туалета невестам делали свадебную прическу и надевали коронные бриллианты. При необходимости золотой туалет «совершал путешествия» из Зимнего дворца в другие императорские резиденции, в которых по тем или иным причинам проводилась церемония бракосочетания. После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. золотой туалет передали на хранение в Бриллиантовую комнату Зимнего дворца, где он находился вплоть до 1839 г.

18 марта 1839 г. министр Императорского двора князь П. М. Волконский направил обер-гофмаршалу письмо, в котором сообщал, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил золотой туалет покойной Императрицы Марии Федоровны иметь впредь в опочивальной комнате Ея Величества в Зимнем Дворце, для чего и сдать оный по описи под присмотр Роты дворцовых гренадер полковника Лаврентьева и дежурных камердинеров с тем, чтобы каждый из них, ответствуя за целостность всех вещей туалета в продолжении своего дежурства, передавал их сменяющему его; по окончании же в Зимнем Дворце присутствия впредь до следующего, туалет сей хранить в сундуке за печатью в Бриллиантовой комнате»[184]. Во время передачи вещей, входивших в туалетный набор, составили подробную опись «золотому туалету, бывшему в опочивальне Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны с принадлежащему к оному вещами». Итак, «нахтышный сервиз, сделанный мастером Доном в 1736 г.», включал:

1. «Рама зеркальная, при ней: наверху накладная бляха, семь подвесок на подобие кисточек с двумя коронами; из них на одной яблоко с крестом, а на другой маленькое яблочко с крестиком же, под ним вензель и ветви финифтяные, по сторонам их отливные статуйчики с крыльями, в руках имеют ветви и по трубе, из коих конец одной трубы отломан, под ними на раме отливные 2 личины и 2 накладки, на коих 2 цветника, а на цветниках по две статуйки поясные; при них на плечах по 4 лопаточки и 2 накладки на подобие шишаков, а внизу рамы по углам 2 личины с крыльями; в середине рамы накладная бляха; на ней Российский черный финифтяный герб с 3 коронами, скипетром и державою и крессом; в середине герба финифтяная накладка и вокруг всей рамы 64 винта малых и больших 56 гаек с 30 колечками пробы 76 и стекло шлифованное». Общий вес зеркала с золотой рамой составил 20 фунтов 5 золотников, то есть 8 кг 211 г;

Нахтышный сервиз

2. «Блюдо рукомойное продолговатое граненое, пробы 76», весом 5 фунтов 40 $^{3}/_{4}$ золотника, то есть 2 кг 217 г.

3. «Рукомойник с крышкой и ручкой на поддоне привинченном, под ним сверх поддона яблочком, пробы 76», весом в 3 фунта 74 $^{1}/_{2}$ золотника, то есть 1 кг 545 г.

Кроме этого, в описи подробно перечисляются многочисленные коробочки, лоточки, колокольчик, «ручка с долгою щеткою» (весом 24 золотника, т. е. 102 г), накладка с платяною щеткою, крышка с хрустального штофика, «у ней винт,

два шандала, поддон под щипцы на четырех ножках с одною ручкой» (87 золотников, т. е. 371 г); щипцы (39 золотников, т. е. 166 г); кофейник на поддоне (3 фунта 20 золотников, т. е. 1 кг 308 г); чайник на поддоне (2 фунта 42 золотника, т. е. 998 г); чашка на сахар граненая на поддоне, на ней вверху привинченная пирамидка, на которую вкладываются чайные ложечки (2 фунта 5 золотников); ложечка прорезная; ложки чайные. Всего в описи перечислено 47 предметов.

Тогда же передали в покои императрицы Александры Федоровны (видимо, на всякий случай, поскольку император не указал, какой конкретно туалетный золотой набор передать в спальню императрицы) и второй золотой нахтышный сервиз, изготовленный при Екатерине II, включавший 61 предмет, общим весом в 3 пуда 2 фунта 41 золотник, т. е. 50 кг 133 г.

В числе предметов в реестре упоминается «конфорка с ручкой и решеткою на ножках»; золотая «кастрюля с ручкою» 91 пробы, весом в 1 фунт 33 золотника (549 г); чернильный прибор, весом в 1 фунт 46 золотников; два «мыльника с крышками круглых в прорезных накладках»; «крышка на кастрюлю серебряно-золоченая»; «поддонов круглых золотых с вензелем императрицы Екатерины II, из коих 2 побольше и 1 малый», весом в 2 фунта 12 золотников.

Эти уникальные вещи с 1839 по 1881 г. хранились на втором этаже северо-западного ризалита в покоях императрицы Александры Федоровны. Если точнее, они находились в ее спальне. На акварели Э. П. Гау «Спальня императрицы Александры Федоровны», выполненной в 1859 г., хорошо виден столик, на котором тесно стоят предметы из золотых нахтышных туалетов.

Со временем золотой туалет императрицы Анны Иоанновны стали именовать в хозяйственных документах «коронным золотым туалетом Императрицы Александры Федоровны», а сам туалет после смерти Александры Федоровны в 1860 г. передали в Сервизную кладовую Зимнего дворца.

Периодически предметы туалета, прежде всего зеркало в золотой раме, изымали из Сервизной кладовой и отправляли на очередную великокняжескую свадьбу. Так, когда осенью 1866 г. женился наследник-цесаревич великий князь Александр Александрович, то для церемонии одевания великой княжны Марии Федоровны туалет вновь извлекли из Сервизной кладовой.

В марте 1867 г. императрица Мария Александровна решила передать во временное пользование своей молодой невестке золотой туалет: «Высочайше назначенный, для пользования Ея Императорским Высочеством Государыней Цесаревной Марией

Федоровной, золотого коронного туалета, находившегося у Императрицы Александры Федоровны». В результате этого распоряжения золотой туалет некоторое время находился в туалетной комнате Марии Федоровны в Аничковом дворце.

Вскоре на 19 января 1868 г. назначили свадьбу княжны Евгении Максимилиановны Романовской, герцогини Лейхтенбергской, выходившей замуж за А. П. Ольденбургского[185]. Поэтому 6 января 1868 г. по высочайшему повелению императрицы Марии Александровны состоялось распоряжение о немедленном «доставлении из Аничкового в Зимний дворец золотого туалета, который и предоставлен новобрачной для церемонии ее торжественного одевания в Малахитовом зале Зимнего дворца». После этой свадьбы золотой туалет вернули в Сервизную кладовую Зимнего дворца, где он и оставался вплоть до начала 1882 г.

Осенью 1881 г., когда сменился не только император, но и министр Императорского двора, директор Императорского Эрмитажа князь А. А. Васильчиков направил в адрес министра Императорского двора рапорт, в котором просил передать нахтышные сервизы в Эрмитаж. Он писал: «В Николаевском зале Зимнего дворца, а равно в придворных сервизных и серебряных кладовых находится много предметов, представляющих огромный художественный интерес и почти баснословную денежную ценность. Предметы эти или скрыты от взоров в пыли кладовых, или же, затерянные в массе менее ценных вещей, ускользают от наблюдения ценителей»[186]. Директор Эрмитажа обращал внимание, что в дворцовых буфетах выставлены «великолепные серебряные, выпуклые блюда, а также стопы и кубки отменной английской, немецкой и итальянской работы XVI, XVII, XVIII столетий. Блюда эти расставлены на больших горах по стенам Николаевской залы вперемежку с весьма эффектными блюдами новейшего времени, представляющими одну только ценность металла. Ко времени скоро имеющей быть коронации… целая масса новых блюд и солонок… с лихвой могли бы заменить те, которые по своей художественной ценности достойны украшать Императорский Эрмитаж».

Особо А. А. Васильчиков писал о желании получить для Эрмитажа золотой туалет императрицы Анны Иоанновны: «Рядом с блюдами не могу не упомянуть о великолепном и вовсе не известном золотом туалете Императрицы Анны Иоанновны, которым прошлой осенью возбудил восторг посетивших кладовые дворца директора и экспертов Лондонского Кензингстонского музея. Туалет этот употребляется только в случае августейших бракосочетаний, точно так же как и золотой с бриллиантами

сосуд, хранящийся в галерее драгоценностей Императорского Эрмитажа»[187].

Результатом рапорта стало то, что директору Эрмитажа позволили «покопаться» в кладовых Зимнего дворца. И А. А. Васильчиков, как настоящий музейщик, с наслаждением погрузился в отбор предметов для коллекций Эрмитажа. В результате в Серебряной сервизной кладовой «из всей массы драгоценностей» он отобрал для Эрмитажа 35 предметов. В их числе были: огромная «серебряная чаша (ваза для охлаждения вин) английского дела самой лучшей и самой ценной эпохи, именно времен английской королевы Анны, я отложил еще для Эрмитажа блюда, кубки, стопы, рукомойники и фляги, большей частью аугсбургского и нюренбергского дела XVII столетия… Серебряные вызолоченные суповые чаши с подносами так называемого „парижского сервиза“ – 8 шт. Великолепные суповые чаши эти, заказанные в 1767 г. Императрицей Екатериной Великой в Париже носят полную надпись знаменитого серебряника французского двора Петра Жерменя. Они в наши дни представляют почти баснословную стоимость. Я не решился, однако, включить их в список отобранных мною для Императорского Эрмитажа предметов, так как чаши эти часто употребляются для парадных обедов». Однако разрешения на передачу в Эрмитаж золотого туалета императрицы Анны Иоанновны князь А. А. Васильчиков тогда не получил.

Тем не менее, как истинный музейщик князь, А. А. Васильчиков проявил настойчивость и 30 декабря 1881 г. вновь обратился к министру Двора графу И. И. Воронцову-Дашкову с просьбой передать золотой туалет в Императорский Эрмитаж. Он писал: «Туалет этот, отличающийся необыкновенною красотою форм и отделки, употребляется только во дни бракосочетаний Особ Августейшего Дома. Ничто не помешает выдавать его из Эрмитажа Придворной конторе при всяком подобном случае, точно так, как это происходит с другими предметами, уже находящимися в Галерее драгоценностей, так, например, с золотым сосудом, украшенным бриллиантами, времен Екатерины Великой – тоже постоянно употребляется при Августейших бракосочетаниях… беру смелость возобновить о том свое ходатайство»[188].

Кроме этого, во время больших январских балов в Зимнем дворце А. А. Васильчикову, видимо, удалось лично переговорить по этому предмету с Александром III. И 24 февраля 1882 г. директор Эрмитажа пишет в рапорте, что императору Александру III «благоугодно было разрешить, вместе с другими предметами, выбранными мною в сервизной кладовой Зимнего

Дворца, перенесение в Галерею драгоценностей Императорского Эрмитажа золотого туалета Императрицы Анны Иоанновны»[189]. Таким образом, знаменитый нахтышный золотой туалет императрицы Анны Иоанновны оказался в Галерее драгоценностей Императорского Эрмитажа, где он пребывает и поныне…

Возвращаясь ко временам императора Николая I, отметим, что стремление окружать императрицу Александру Федоровну роскошью во всех ее проявлениях приводило к тому, что петербургские ювелиры и художники всегда имели множество крупных и мелких заказов со стороны Высочайшего двора. И каждый из этих императорских заказов, даже самых незначительных, имел свою историю.

Например, когда в 1849 г. для императрицы Александры Федоровны был заказан новый молитвенник[190], в качестве возможных исполнителей престижного заказа рассматривались академик Ф. Г. Солнцев[191] и архитектор И. А. Монигетти[192]. Академик Императорской академии художеств Солнцев уже выполнял подобный заказ в 1841 г., когда за молитвенник, выполненный для Александры Федоровны, он получил подарок – перстень в 207 руб. сер. (декабрь 1841 г.), за молитвенник для великой княжны Ольги Николаевны – перстень в 138 руб. сер. (декабрь 1842 г.)[193]. В 1849 г. Ф. Г. Солнцев оценил свою работу в 2500 руб. ассигнациями.

Однако выполнение заказа на молитвенник объемом в «118 страниц, не считая образов», передали известному архитектору И. А. Монигетти, тот брался выполнить заказ за два месяца (август – 1 ноября 1849 г.), обозначив его стоимость «не менее 1000 руб. сер.»[194]. Однако усилиями дворцовых хозяйственников конечную стоимость заказа снизили до 714 руб. сер. 30 коп. Переплет для молитвенника заказывался в английском магазине «Никольс и Плинке» отдельно (225 руб. сер.).

Монигетти не сумел выполнить заказ вовремя. В объяснительной записке он оправдывался тем, что «рисование и тщательная отделка мелких украшений» оказывает «весьма вредное влияние на мое зрение», поэтому, учитывая «краткость осенних дней», он обязывался доставить заказ только к 21 ноября 1849 г. Потом он заболел, и срок сдачи молитвенника вновь перенесли – на 6 декабря 1849 г. Так или иначе, изготовление молитвенника с авторскими рисунками Монигетти завершилось в декабре 1849 г. и его стоимость, с учетом переплета, составила 940 руб. сер.

Поскольку мы заговорили о драгоценных вещах, находившихся на половине императрицы Александры Федоровны,

то уместно упомянуть и об одном из эпизодов бытования Бриллиантовой комнаты[195], находившейся на половине императрицы.

Эта история случилась во время Крымской войны (1853–1856 гг.). Война началась в сентябре 1853 г. и поначалу была успешной для России, воевавшей с Османской империей. Черноморский флот под командованием вице-адмирала Нахимова 18 ноября 1853 г. уничтожил турецкую эскадру Османа-паши, стоявшую на синопском рейде. Однако после того как Османскую империю поддержали Великобритания и Франция, ситуация начала меняться, и не в лучшую для России сторону. К апрелю 1854 г. Россия находилась в состоянии войны с двумя супердержавами того времени.

В результате весной 1854 г. Англо-французский флот (80 судов) вошел в Балтику. Флоту англичан и французов противостояли Балтийский флот, Свеаборгская крепость и кронштадтские форты. По берегам Финского залива располагались береговые батареи. Император Николай I из окон своего Морского кабинета в Коттедже, расположенном парке Александрия в Петергофе, в подзорную трубу наблюдал за маневрами флота противников. В этой ситуации царь был просто обязан предусмотреть самый негативный исход возможного развития событий.

В этом случае требовалось подготовить к эвакуации императорские регалии и коронные бриллианты. Реализацию подобной задачи император начал еще в марте 1854 г., когда дипломатические отношения с Англией и Францией были уже разорваны, но официально война еще не началась.

Сначала министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг запросил камер-фрау А. А. Эллис, отвечавшую за хранение регалий и коронных бриллиантов, о наличии «укупорки» на случай возможной эвакуации императорских регалий. 6 марта 1854 г. камер-фрау доносила, что «в комнате, где хранятся казенные бриллианты, находится ящик красного дерева с 4 футлярами: для короны большой; для короны маленькой; для скипетра; для державы. Кроме того, три футляра для жемчугов, 1 футляр для бриллиантов, 10 картонок плоских для укладки бриллиантов»[196].

Буквально на следующий день, «совершенно случайно», Николай I в сопровождении министра Императорского двора посетил Бриллиантовую комнату. По итогам этого визита министр двора В. Ф. Адлерберг предписал камер-фрау А. А. Эллис: «Милостивая государыня Анастасия Александровна. Государь Император при посещении комнаты, в которой хранятся

коронные и Ея Императорского Величества бриллианты, изволил заметить, что витрины, в коих бриллианты разложены, наружностью ветхи и бархат в них полинял, и потому Высочайше повелеть соизволил: командировать чиновников Кабинета Его Величества для укладки всех бриллиантов в сундуки, которые, по приложении к ним печати, оставить в той же комнате, а витрины и прочее передать г. Обер-гофмаршалу графу Шувалову для восстановления позолоты и бархата». Кроме того, министр поинтересовался, «нет ли у Вас свободных для сего сундуков, хотя бы и для другого предназначаемых, но обитых железом и с крепкими замками. Граф Адлерберг. 8 марта»[197].

Наверное, в Бриллиантовой комнате витрины действительно обветшали и бархат выцвел. Но главным было не это. Под предлогом ремонта витрин регалии и бриллианты упаковали, опечатали и оставили в охраняемой Бриллиантовой комнате на случай срочной их эвакуации. Для этого нашелся и надежный сундук. 9 марта 1854 г. камер-фрау А. А. Эллис писала В. Ф. Адлербергу, что «в гардеробе Его Величества есть сундук, обитый медными обручами, который может быть употреблен для укладки картонов, в которые обыкновенно укладывались бриллианты. Висячих же замков не имеется, и еще нужны замшевые подушки по величине картонок»[198].

Однако все исполненные предосторожности оказались излишними. Британско-французский флот вскоре ушел от Кронштадта, а Бриллиантовая комната в Зимнем дворце получила новые витрины.

За время жизни семьи Николая I в Зимнем дворце произошло множество событий. Обычная мозаика складывалась из значимых событий общегосударственного характера и мелких «осколков», присутствующих в жизни каждой семьи. Говоря о «мелочах», обратимся к довольно актуальному ныне вопросу: какую воду пили в Зимнем дворце?

Это далеко не праздный по тем временам вопрос, поскольку, как это ни удивительно, но брюшным тифом переболели почти все Романовы. Некоторые и умерли от этой болезни, которая сегодня считается болезнью военного времени или болезнью «немытых рук». Как правило, источником заражения становилась вода. Если в XVIII в. Нева еще справлялась с отходами растущего города, то в XIX в., с учетом того, что все отходы и нечистоты без всякой очистки сбрасывались в Неву и каналы, употребление невской воды становится важнейшим фактором риска.

Стакан некипяченой воды, видимо, привел к смерти императора Александра I, много позже та же некипяченая вода стала причиной смерти П. И. Чайковского и сестры В. И. Ленина

Ольги Ильиничны. Именно вода, насыщенная болезнетворными организмами, наряду с пресловутым питерским климатом, становилась причиной множества смертей в городе. Кроме этого, с 1831 г. ситуация в Петербурге усугубилась периодическими эпидемиями холеры.

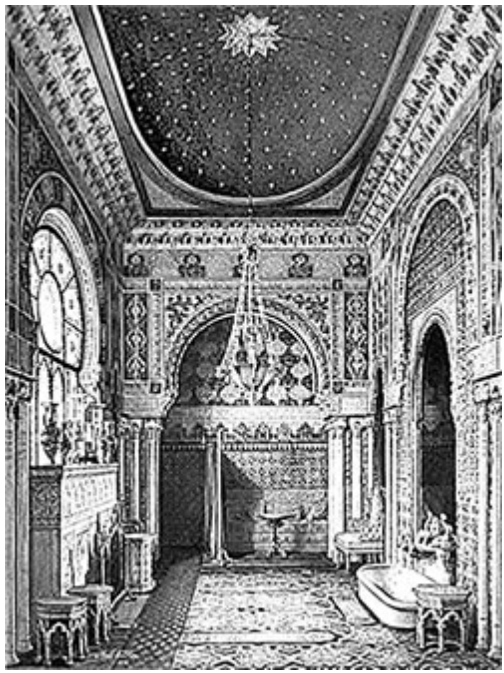
Что касается воды, которую пили в Зимнем дворце первые лица, то имеются два взаимоисключающих свидетельства. Так, в воспоминаниях современника упоминается, что императрице Александре Федоровне регулярно привозили в Ниццу, где она проходила очередной курс лечения, бочонки с невской водой, поскольку ее не устраивала местная вода: «…из Петербурга каждый день особые курьеры привозили бочонки невской воды, уложенные в особые ящики, наполненные льдом»[199]. С другой стороны, эту версию опровергает фрейлина М. П. Фредерикс, утверждавшая, что бочонки с невской водой не присылались императрице из Петербурга, поскольку она «ее никогда в рот не брала, живя даже в Петербурге. Ее Величество употребляла постоянно зельтерскую воду – здоровья ради»[200]. То есть мы имеем одно из самых ранних свидетельств об употреблении первыми лицами империи ныне столь привычной бутилированной воды.

Архивные документы подтверждают версию М. П. Фредерикс. К концу 1830-х гг., видимо, сложилась устойчивая практика оптовых закупок питьевой воды во Франции, которую ежегодно бутылками упаковывали в ящики и доставляли в Зимний дворец. Согласно справке, «ежегодно для Государя Императора выписывалось из Парижа по 24 дюжины „Альпийской воды“, которая доставлялась сюда с открытием навигации. Вода хранилась в кладовой П. М. Волконского, откуда и выдавалась по требованиям камердинера Его Величества Гримма»[201]. Очень характерная деталь – «личная вода» императора хранилась «в кладовой» министра Императорского двора в стеклянных бутылках. Эта вода поступала в Зимний дворец несколькими партиями. Например, в апреле 1847 г. заказали 12 дюжин бутылок «Альпийской воды», потребовав «выслать сие первым пароходом из Гавра». 27 мая 1847 г. заказали еще 12 дюжин бутылок воды с требованием доставить ее в Петергоф. В декабре 1848 г. заказали 20 дюжин бутылок «Альпийской воды».

Подобные заказы поступали и на половину императрицы Александры Федоровны. Например, в марте 1855 г. вдовствующая императрица повелела передать на ее половину «весь запас альпийской воды, оставшийся после Государя Императора», составлявший «67 дюжин и 8 флаконов альпийской воды», то есть всего 812 бутылок («флаконов»)[202]. Таким образом, уже в то

время «из-под крана» российские императоры воду не пили.

Кроме питьевой воды, в Зимний дворец доставляли и специально приготовленную для Александры Федоровны морскую соль, которую добавляли в воду во время приема ванн. Соль стали выписывать после посещения императрицей в 1845 г. Италии. За 1848 г. «по высочайшему повелению» в Петербург из Палермо доставили «по прежним примерам» 2800 фунтов морской соли (1145 кг), приготовленной «доктором Баталья для ванн Государыни Императрицы».



Э. П. Гау. Ванная императрицы Александры Федоровны. 1870 г.

Соль для императрицы обошлась в 658 неаполитанских дукатов[203]. В 1849 г. заказали еще 2500 фунтов соли (1022 кг).

Настоящим потрясением для всей семьи Николая I, да и для сотен людей, населявших императорскую резиденцию, стал пожар Зимнего дворца 17–18 декабря 1837 г. О причинах пожара и попытках его тушения написано в другой моей книге[204]. А мы обратимся к камерфурьерскому журналу «по половине Государя Императора Николая Павловича» за декабрь 1837 г., где в деталях зафиксированы все обстоятельства тех трагических дней.

9 декабря 1837 г. семья Николая I на санях возвратилась из Москвы, с радостью оказавшись в своих комнатах в северо-западном ризалите резиденции. Началась обычная размеренная жизнь, с многочисленными обязанностями, суетой, радостями и

печалями. 12 декабря император отправился в Царское Село «к слушанию панихиды по Государю Императору Александру I». На обратном пути он заехал в Казанский собор, где приложился к иконе «Казанской Божией Матери», после чего вернулся в Зимний дворец. В 10 часов вечера в Зимний дворец приехал великий князь Михаил Павлович, он остался к ужину, поданному «в Розовой комнате». Вместе с родителями на ужине присутствовали старшие дочери – великие княжны Мария и Ольга и подруга императрицы баронесса С. Фредерикс. 14 декабря состоялся традиционный высочайший выход в Малую церковь «к слушанию молебна с коленопреклонением за прекращение бунта бывшего 14 декабря 1825 г.»[205].

А. Х. Бенкендорф

А. И. Чернышев

Утро в пятницу 17 декабря 1837 г. для Николая I началось как обычно. В 9 часов он начал принимать доклады. Сначала докладывали «силовики»: военный министр граф А. И. Чернышев и начальник III Отделения и Отдельного корпуса жандармов генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф, а затем император принял доклад министра Императорского двора П. М. Волконского.

Далее последовали рапорты военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа П. К. Эссена, коменданта П. П. Мартынова и обер-полицмейстера С. А. Кокошкина.

Далее, «во 2 часу Его Величество выезд имел в санях прогуливаться несколько по городу». Обед на 8 персон подавался «в библиотеке Государыни Императрицы». Вечером (19 ч. 35 мин.) Николай I с супругой «выезд имел в Большой Каменный театр, в ложе при представлении российскими актерами пьесы». Шла опера «с балетом» «Баядерка», в спектакле танцевала знаменитая Тальони. Однако привычная жизнь в «старых стенах» закончилась вечером 17 декабря 1837 г., когда, как записано в камер-

фурьерском журнале, «Зимний дворец начал гореть»[206].

П. М. Волконский

П. К. Эссен

По свидетельству начальника внутреннего караула по Зимнему дворцу корнета лейб-гвардии Конного полка барона Э. И. Мирбаха, уже в 8 часов вечера в Фельдмаршальском зале стоял такой дым, что он приказал караульным, которые не имели права покидать посты, присесть на корточки и закрыть двери в Петровский зал и в Малый аванзал: «В зале стояла такая мгла, что сквозь нее не видно было даже уже лампы, и люди, одною рукою отмахиваясь от дыма, другою зажимали себе рот, ожидая дальнейших приказаний»[207]. Тем не менее караульные постов не покидали, пока их не вывели в Малый Аванзал, но и оттуда пришлось уйти, поскольку на чердаке уже горел потолок.

Именно в театре «Государя Императора известили через дежурного флигель-адъютанта Лужина, что в Зимнем Дворце

Фельдмаршальское зало начало 25 минут 9 часа гореть, по каковому случаю Его Величество прибыл из театра в 9 часов во дворец и проходил к обозрению пожара»[208].

Император Николай Павлович, прибыв в Зимний дворец, прежде всего прошел в детские комнаты и приказал немедля вывезти из Зимнего дворца своих детей. Затем он направился к эпицентру пожара, для того чтобы лично составить представление о его масштабах.

С. А. Кокошкин

Клод-Жозеф Верне. Пожар в Зимнем дворце. 1838 г.

По воспоминаниям «майора от ворот» Зимнего дворца (1839–1845 гг.) Л. Р. Барановича император «в сопровождении Волконского прошел Ротонду, Концертную залу и большую Аванзалу (ныне Николаевскую); но, вступив в малую Аванзалу, был уже встречен стремительным потоком огня, проникшим в нее через потолок».

По воспоминаниям Э. И. Мирбаха, именно в Малой Аванзале он увидел царя: «…около 9 часов, я заслышал из большой аванзалы мерную поступь государя и звонкий его голос, так врезывавшийся в память. С ним шли Великий князь Михаил Павлович и Наследник. Все в надетых по форме шляпах и с биноклями в руках, как приехали из театра… он подошел к дверям Фельдмаршальской залы и, при хлынувшем оттуда густом дыме, закричал: „Разбить окна“. В ту же минуту послышался звук падающих стекол… Ветер со двора произвел сильный сквозняк, и в том месте, где прежде была зеркальная дверь, неожиданно сверкнул огненный змей, в одну минуту, точно молния, осветивший всю залу»[209]. Так начался большой пожар, не оставлявший Зимнему дворцу никаких шансов.

Тем не менее Николай I с сопровождавшими его офицерами прошел через уже горевшие Фельдмаршальский и Петровский залы: «Несмотря на явную опасность, Государь с хладнокровным спокойствием прошел отсюда через Фельдмаршальскую и Петровскую залы, первые добычи огня, и, наконец, вступил в Белую (Гербовую). Здесь, казалось, уже не было возможности идти далее: густо клубящийся дым занимал дыхание, а карнизы и потолки, по которым вилось пламя, грозили всякую минуту падением; но и в этом критическом положении Государь не потерял присутствия духа: с помощью Божиею он успел пройти в Статс-дамскую (Гренадерскую) залу… Достигнув таким образом части дворца, еще не тронутой огнем, и убедясь в возможности спасти из нее, по крайней мере, движимость особой ценности, Государь велел полкам Преображенскому и Павловскому и командам гоф-интендантского ведомства выносить мебель и прочие вещи и складывать на Дворцовой площади»[210].

«Когда начало гореть малое Мраморное зало, в то время Государь Император Высочайше повелеть соизволил выносить из всех имеющих в Зимнем дворце комнат мебели и вещи, для чего наряжены были от Военного начальства из разных лейб-гвардии полков рядовые, которые носили вещи и мебели в Адмиралтейство и Главный штаб и во дворцовый Экзерциз-гауз».

Вслед за императором, «по окончании в театре представления», вернулась в Зимний дворец и императрица

Александра Федоровна «в 11 часу и проходила в комнаты великого князя Константина Николаевича, где изволила смотреть горевшие залы: Фельдмаршальское, Петра Великого и Белое, а также и другие прикосновенные к оным комнаты, потом с великою княжною Мариею Николаевной отсутствовала из Зимнего дворца в карете в Собственный, куда приехала в час пополуночи».

Сохранился и «детский взгляд» на пожар 17 декабря. Этот день запомнился дочерям царя и тем, что в Зимнем дворце поставили «детские елки». Вечером, пока родители были в театре, дети пили чай, который разливала англичанка Мими – Мария Васильевна Кайсовская. «Она была в большом почете у императорской фамилии, вынянчив всех царских детей, начиная с великого князя Александра Николаевича»[211]. В эту ночь дети Николая I потеряли не только любимый дом, но и все столь любимые ими игрушки. Все это детское великолепие – и детский домик, и любимую деревянную горку – в одночасье уничтожил пожар. На детей Николая I, ставших очевидцами начала пожара, огненная стихия произвела тяжелое впечатление. Они навсегда запомнили буйство огня, в считанные часы уничтожившего их любимый дом.

Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Это случилось вечером. У нас была зажжена по обыкновению елка в Малом зале, где мы одаривали друг друга мелочами, купленными на наши карманные деньги. Родители были в театре, где давали „Бог и баядерка“ с Тальони. В половине десятого, когда мы как раз собирались ложиться спать, Папа неожиданно появился у нас с каской на голове и с саблей, вынутой из ножен. „Одевайтесь скорей, вы едете в Аничков“, – сказал он поспешно. В то же время взволнованный камер-лакей застучал в дверь и закричал: „Горит!.. Горит!..“. Мы раздвинули портьеры и увидели, что как раз против нас клубы дыма и пламени вырываются из Петровского зала. В несколько минут мы оделись, и сани были поданы. Я еще побежала в мою классную, чтобы бросить прощальный взгляд на все, что мне было дорого. С собою я захватила фарфоровую собаку, которую спрятала в шубу, и бросилась на улицу. Там меня впихнули в сани вместе с маленькими братьями, и мы понеслись в Аничков. Нас устроили там наспех, где придется. О том, чтобы спать, не могло быть и речи. Между часом и двумя приехала Мама и рассказала, что есть надежда спасти флигель с покоями Их Величеств. Когда Мама приехала из театра, ей сказали, что мы в безопасности. Тогда она сейчас же прошла к несчастной Софи Кутузовой (дочь петербургского генерал-губернатора, которая была очень слаба

после несчастного случая) и очень осторожно сказала ей, что ей придется переехать. Она оставалась при ней, пока та перенесла вызванный этой новостью нервный припадок, и не оставила ее, пока не приехал доктор. Только после этого она прошла к себе, где Папа уже распорядился всем. Книги и бумаги запаковывались, и старая камер-фрау Клюгель заботилась о том, чтобы не оставить безделушек и драгоценностей. Отсюда Мама поехала к Нессельроде, где был приемный день и где весь петербургский свет столпился у окон, чтобы видеть пламя пожара»[212].

По свидетельству М. П. Фредерикс, императрица Александра Федоровна собирала вещи буквально до того времени, пока пожар не подступил к ее покоям в северо-западном ризалите. Очевидец вспоминал: «Императрица думала только о том, как бы охранить от опасности тех из живших во дворце, которых лета и недуги могли бы в нем задержать и лишить в общем замешательстве нужной помощи. Она успокоилась лишь тогда, когда убедилась, что все спасены и что никто не забыт в этих огромных чертогах, в которых три царствования так радушно призревали под своим кровом старых слуг и честную бедность, словом, в которых три тысячи человек имели себе приют»[213]. По свидетельству майора от ворот Л. Р. Барановича, императрица поднялась во Фрейлинский коридор и находилась около кровати больной фрейлины С. П. Голенищевой-Кутузовой, пока ее не вынесли из дворца[214]. По дороге в Аничков дворец, где уже находились дети, императрица заехала на квартиру супругов Нессельроде, находившуюся в здании Министерства иностранных дел, и оттуда через Дворцовую площадь некоторое время смотрела как гибнет Зимний дворец.

Очевидцы вспоминали непоколебимое спокойствие Николая I («нисколько не казался встревоженным»), его стремление прекратить паническую суету. Генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов вспоминал: «Около 11 часов ночи опасность стала принимать самые ужасавшие размеры. Тогда я счел обязанностью доложить Государю, не нужно ли вынести бумаги из его кабинета, к которому огонь приближался со всех сторон. „У меня нет там никаких бумаг, – отвечал он с дивным хладнокровием: – Я оканчиваю свою работу изо дня в день, и все мои решения повеления тогда же передаю министрам. Из кабинета остается взять всего только три портфеля, в которых собраны дорогие моему сердцу воспоминания“»[215].

В час ночи 18 декабря предпринимается последняя попытка отстоять половину императрицы в северо-западном ризалите. Генерал-адъютант П. А. Клейнмихель, стоявший тогда во главе лейб-гвардии Егерского полка, приказал закладывать кирпичом

все дверные проемы Концертного зала. Кирпичами закладывали дверные проемы еще в трех местах дворца. Граф В. Ф. Адлерберг, по приказу Николая Павловича, взяв батальон лейб-гвардии Семеновского полка, попытался взломать крышу, для того чтобы возвести кирпичный брандмауэр. Но уже горел Аванзал, и огонь начал распространяться на Белый (Николаевский) зал. Время уже упустили, загорелся потолок этого зала, да и на чердак можно было подняться только по одной узкой деревянной лестнице. В. Ф. Адлерберг прошел по обледеневшей крыше до угла ризалита и увидел, что «телеграф[216] уже объят пламенем». В это время генерала нашел вестовой, сообщивший, что император отменил свое приказание и распорядился вывести батальон из горящего дворца.

Судя по воспоминаниям, император был буквально везде. Его видели в церкви, когда снимали с иконостаса иконы. Он был на Дворцовой площади и Разводной площадке, куда сносили вещи из дворца. В Арапской комнате корнет Э. И. Мирбах слышал рассказ самого императора, как он, пройдя в спальню императрицы, увидел ящик из-под бриллиантов, раскрытым и пустым: «По выражению его лица видно было, сколько это обстоятельство его огорчило, но он не высказал ни одним словом неудовольствия»[217]. Как выяснилось позже, камер-фрау императрицы Рорбек вынесла все бриллианты, оставив тяжелый ящик.

Все воинские знамена, хранившиеся в резиденции, вывезли в Аничков дворец. Когда их выносили из помещения гауптвахты, на ее крыльце, обращенном в Большой двор, стоял император, наблюдая, как рушатся своды Белого (Гербового) зала. Как это ни удивительно, именно тогда император для себя впервые определил сроки восстановления дворца: «Все части дворца, обращенные во двор, пылали. „Больно, – сказал Государь, – видеть разрушение отцовского дома; но, с помощь Божиею, мы в год снова его поднимем“»[218].

Примечательно, что резкий и порывистый ветер в эту ночь дул со стороны Финского залива, но огонь распространялся навстречу ветру. Отметим, что в западном крыле Зимнего дворца, напротив гауптвахты, хранился архив Государственного совета, документы которого начинались с 1768 г. Спасли и эти бумаги. Когда к 4 часам утра запылали комнаты архива, все документы (из 69 больших шкафов) вынесли на Разводную площадку. Отдельные сотрудники архива провели эту ночь в подвале под раскаленными сводами.

Во втором часу ночи император приказал прекратить эвакуацию вещей из северо-западного ризалита и начать

выводить людей из Зимнего дворца: «Сбор людей был произведен в величайшем порядке, и едва верилось тому величайшему спокойствию и той тишине и сноровке, с которыми массы старых солдат выпутывались из этого лабиринта галерей, переходов и зал, где всех их ожидала верная могила, если б предусмотрительность их повелителя не положила конец борьбе, становившейся уже напрасною»[219].

Очевидцам пожара запомнились совершенно разные его эпизоды, но на многих произвело особое впечатление обрушение телеграфной башенки, расположенной над кабинетом Николая I: «Падение телеграфной каланчи над Государевым кабинетом было особенно поразительно: она провалилась вовнутрь дворца с таким грохотом, как будто бы разрушался целый дом»[220].

По словам очевидца, около 3 часов ночи Николай I оставил Зимний дворец и перешел в Малый Эрмитаж. К этому времени барон Корф уже полным ходом вел эвакуацию бумаг Государственного совета, а нижние чины гвардии под командой великого князя Михаила Павловича уже заложили все дверные проемы кирпичом, разрушив переходы, соединявшие Малый Эрмитаж с Зимним дворцом. Раскаленные стены Малого Эрмитажа без перерыва поливали ледяной водой из Невы. По свидетельству Барановича, Михаил Павлович покинул пожарище только в 11 часов утра.

Когда стало ясно, что пожар не остановить, «Его Величество по обозрении в Зимнем дворце пожара изволил приехать в Собственный дворец в санях с Государем Наследником 30 минут 2 часа пополуночи». Следовательно, на пожаре царь пробыл четыре с половиной часа. К этому времени «пожаром в Зимнем дворце истреблены все залы и комнаты среднего и верхнего этажей, а также в некоторых местах и в нижнем, в том числе Большая и Малая церкви, из коих церковная утварь и ризничие были спасены до начала в оных пожара».

Утром детям императора сказали: «Сгорел весь дворец. В обеденное время мы поехали туда и увидели, что огонь вырывается вдоль крыши, как раз над комнатами Папа. Окна лопнули, и посреди пламени виден был темный силуэт статуи Мама, единственной вещи, которую не смогли спасти, так как она придерживалась железной скобой, замурованной в стене.

Когда Папа в театре узнал о пожаре, он сначала подумал, что горит на нашей половине, – он всегда был против елок. Когда же он увидел размер пожара, то сейчас же понял опасность. Со своим никогда не изменявшим ему присутствием духа он вызвал Преображенский полк, казармы которого расположены ближе

всех к Зимнему дворцу, чтобы они помогли дворцовым служащим спасти картины из галерей. Великому князю Михаилу Павловичу он отдал распоряжение следить за Эрмитажем, и, чтобы уберечь последний, в несколько часов была сооружена стена, единственное, что можно было сделать, чтобы спасти сокровища, так как нельзя было и думать о том, чтобы выносить их.

Мы опять оказались сбитыми в тесную кучу в любимом гнезде нашего детства Аничковом дворце. Это был счастливейший период моей юности. Мы жили, как в русской поговорке: в тесноте, да не в обиде. Теснота делала совместную жизнь более интимной, чем в Зимнем дворце, где квартиры были разделены громадными коридорами. Там невозможно было между двумя уроками быстро пожелать друг другу доброго утра: следующий преподаватель уже ждал с уроком. И так было во всем»[221].

В субботу 18 декабря Николай I трижды выезжал на пожар. Первый раз рано утром (7 ч 30 мин.) «выезд имел один в санях к Зимнему дворцу для обозрения в оном пожара и потом прибыл обратно в Собственный дворец»[222]. Вторично на пожар император выехал с наследником-цесаревичем (11.40) и вернулся «в Собственный дворец 55 мин 1 часа пополудни». В этот день царь также принимал обычные доклады «силовиков» (военный министр Чернышев, генерал-адъютант Бенкендорф, военный генерал-губернатор граф Эссен и комендант Мартынов). В третий раз – вечером (21.30–22.05) «Его Величество выезд имел один в санях к Зимнему дворцу для обозрения не погасшего в оном пожара».

В воскресенье 19 декабря с 9 утра император принимал обычные доклады и рапорты (Чернышева и Голицына). После церковной службы Николай Павлович продолжил работу, приняв доклады Бенкендорфа, Волконского, генерал-адъютанта князя Меншикова, графа Толя и Клейнмихеля. Затем последовали «приватная аудиенция голландского посланника», «приватная отпускная аудиенция французского посла» и многочисленные представления. В этот день царь только один раз съездил на пожарище (14.15–15.25): «Его Величество выезд имел один в санях к Зимнему дворцу, где изволил смотреть снаружи обгоревшие в оном залы и комнаты»[223]. Отметим, что граф К. Ф. Толь и П. А. Клейнмихель представили императору доклад о предварительных «итогах» пожара Зимнего дворца.

Распорядок этого дня, с небольшими изменениями, стал типичным для последующих рабочих дней Николая I. Император в Аничковом дворце с утра принимал доклады и рапорты. Перед обедом он посещал пожарище. В камер-фурьерском журнале это

фиксировалось устоявшимися фразами: «25 минут 2 часа Его Величество выезд имел один в санях к Зимнему дворцу для обозрения снаружи его обгоревших в оном комнат и потом прибыл обратно в Собственный дворец 15 минут 4 часа» (20 декабря, понедельник); «15 минут 2 часа Его Величество с великим князем Михаилом Павловичем выезд имел в санях к Зимнему дворцу для обозрения снаружи обгоревших в оном Комнат, потом прибыл обратно в Собственный дворец один 15 мин. 4 часа» (21 декабря, вторник); «25 минут 2 часу Его Величество с великим князем Михаилом Павловичем выезд имел в санях к Зимнему дворцу для обозрения снаружи сгоревших в оном комнат, обратно 30 мин. 4 часа» (22 декабря, среда).

Н. Сверчков. Николай I в санях

Конечно, эти краткие записи оставили «за бортом» ту огромную организаторскую работу, которая начала разворачиваться вокруг Зимнего дворца уже с первых дней. Ежедневно приезжая на пожарище, император лично инспектировал (1,5–2 часа) ход работ, принимая «окончательные решения». Кроме этого, в Аничковом дворце он регулярно заслушивал доклады лиц, отвечавших за восстановление Зимнего дворца.

В последующие дни Николай I, совершая перед обедом традиционную 15-минутную «инспекторскую» прогулку в санях по

Петербургу, обязательно проезжал мимо сгоревшего Зимнего дворца.

Аничков дворец, который при Николае Павловиче называли «Собственным», временно стал главной резиденцией императора. Поэтому императорский двор, оправившись от потрясения, возобновил привычный круговорот светской жизни. Вечером 23 декабря Николай I посетил Михайловский театр, посмотрев французскую пьесу. Ранее, в 3 часа пополудни, протопресвитер Музовский освятил походную церковь, поставленную в зале Шепелевского дома. Тогда же состоялась панихида о погибших на пожаре.

Жизнь продолжалась, и церемонии, по традиции проводившиеся в Зимнем дворце, перенесли в чудом уцелевший Малый Эрмитаж. 23 декабря по Петербургу разослали «Повестку от Двора» следующего содержания: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: сего 25 числа в день праздника Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления России от нашествия неприятеля в 1812 г. съезжаться всем знатным обоего пола особам… в Эрмитаж по утру в 11 часов для слушания божественной литургии и Благодарственного молебна… и собираться всем имеющим вход за Кавалергардов в Италианском зале, а генералам, штаб и обер-офицерам и прочим особам в комнатах под № 1 и 2 и в Рафаиловой зале. Камер-фурьер Гримм».

В сочельник 24 декабря в Аничковом дворце «приготовлены были в Большой столовой комнате убранные конфектами, золочеными орехами и яблоками елки, которые и поставлены были на 9 круглых столах, на коих так же находились и разные вещи». Как вспоминала фрейлина М. П. Фредерикс, эта елка была «грустная».

В рождественскую субботу 25 декабря Николай I, после утренних рапортов и докладов, отправился в Малый Эрмитаж на литургию. К торжеству император и члены его семьи переодевались «в боковых комнатах». В 11.15 царская семья вышла «в Италианский зал… проходили в Большой зал Шепелевского дома». В этот же день под пушечную пальбу открыли монументы князю Кутузову и Барклаюде-Толли у Казанского собора.

В начале января 1838 г. Николай I в письме к И. Ф. Паскевичу оценивал произошедшую трагедию следующим образом: «Надо благодарить Бога, что пожар случился не ночью и что, благодаря общему усердию гвардии, Эрмитаж мы отстояли и спасли почти все из горевшего дворца. Жаль старика, хорош был; но подобные потери можно исправить, и с помощью Божиею надеюсь к

будущему году его возобновить не хуже прошедшего и надеюсь без больших издержек. Усердие общее и трогательное. Одно здешнее дворянство на другой же день хотело мне представить 13 миллионов, тоже купечество и даже бедные люди. Эти чувства для меня дороже Зимнего дворца, разумеется, однако, что я ничего не принял и не приму: у Русского Царя довольно и своего: но память этого подвига для меня новое драгоценное добро».

Когда Зимний дворец восстановили, на Пасху 1839 г. освятили Большой собор Зимнего дворца. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Я упустила упомянуть, что мы снова жили в Зимнем дворце. В Страстную субботу 1838 года (мемуаристка ошибается, Большой собор Зимнего дворца освятили 25 марта 1839 г., в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. – *И. З.)* там была освящена церковь. В день свадьбы Мэри мы провели в Зимнем дворце одну ночь и переехали туда окончательно в ноябре.

Помещения для нас, детей, были в нижнем этаже, под апартаментами Родителей. Из комнат, расположенных на юг, открывался чудесный вид на Неву, крепость и Биржу. Своды с колоннами помогали приспособить для жилья интерьер этих громадных комнат, и мы чувствовали себя очень уютно. Наши спальни были низкими, моя рабочая комната, с четырьмя окнами, очень большой и не слишком теплой; я предпочитала ей библиотеку, где стояли мои шкафы и мой рояль. Мой рабочий стол стоял между двумя колоннами, очень укромно и приятно. Для этого помещения я получила от Папа прекрасные картины, частью те, которые принадлежали еще Бабушке, частью же копии из Эрмитажа»[224].

Когда в 1841 г. супругой великого князя Александра Николаевича стала Мария Александровна, сопровождавшие ее лица с огромным интересом осматривали парадные залы и личные половины членов императорской семьи. О степени критичности этого взгляда дает представление фрагмент из воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны: «В один прекрасный день она пожелала видеть мои комнаты. Она критически осмотрела лестницу, множество балконов и дверей, которые все выходили в переднюю, и наконец сказала неожиданно: „Неужели у вас здесь нет ни одной комнаты, в которой нельзя было бы подслушивать?“».[225]

Р. Юшков. Рабочий кабинет великой княжны Ольги Николаевны

За достойное состояние императорских половин отвечали чины гофмаршальской части. Именно они принимали решения о необходимости косметических и капитальных ремонтов, своевременной замене мебели и т. п. Поскольку Зимний дворец был огромен и в нем жило несколько тысяч человек, эти хозяйственно-строительные работы велись постоянно. В качестве примера приведем переписку «О перемене полузанавесок у окон комнат Зимнего дворца», датированную осенью 1841 г.

В рапорте президента Гофинтендантской конторы обер-гофмейстера Ф. П. Опочинина[226] на имя министра Двора П. М. Волконского, датированном 23 сентября 1841 г., отмечается, что «полузанавески разных цветов, полинявшие и имеющие пятна», поэтому чиновник рачительно предлагает перекрасить занавески «по роду первоначальных цветов». Вместе с тем Опочинин указывает, что «совершенно выгоревшие (занавески. – *И. З.*), с желтыми по низам от сырости пятнами, крайне неудобно, потому, что пятна желтые не примут краски», и предлагает «оставить до будущего года, исправив в них полинявшие полотнища по возможности теми полузанавесками, которые останутся от ремонта половин Их Высочеств Наследника Цесаревича и Великих Князей»[227]. В ответ П. М. Волконский предписал: «Находящиеся у окон в комнатах Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств в Зимнем Дворце полузанавески… заменить новыми, в других же комнатах Зимнего Дворца полинявшие полузанавески перебрать из старых или перекрасить их в зеленую краску»[228]. О предполагаемых расходах и объемах работ говорит то, что предполагалось

декорировать 28 окон и одну дверь зеленой тафтой на 176 аршин.

Последние два месяца жизни (январь-февраль 1855 г.) Николая I в Зимнем дворце прошли в давным-давно устоявшемся ритме. В 8 час. 50 мин. император выходил из Салтыковского подъезда и гулял пешком по Дворцовой набережной на протяжении 30–40 мин. Затем начинался обычный рабочий день, когда Николай Павлович начинал принимать доклады своих министров.

Семья не всегда собиралась вместе на обед, например 3 января 1855 г. Николай I обедал с цесаревичем и цесаревной в «Белой комнате», при этом недомогавшая императрица Александра Федоровна «кушала в уборной комнате в постели», и вечером «Ея Величество ела у себя в Малиновой комнате»[229].

Если все были здоровы, то вечером император и императрица не ужинали: «Вечернего стола Их Величества иметь не изволили, а кушали тартинки и мороженo». Надо сказать, что мороженое, общее любимое лакомство, подавалось к столу каждый вечер.

Э. П. Гау. Император Николай I на смертном одре

С середины января 1855 г. у императора начал развиваться грипп, но свой обычный рабочий график, несмотря на недомогание, он старался не нарушать. Однако болезнь давала

себя знать, и 12 января он на прогулку не вышел. Обедал в это время Николай I один, в своем нижнем кабинете на первом этаже северо-западного ризалита, куда ему подавали суп с картофелем. 5 февраля император вновь «по нездоровью не прогуливался», но доклады принимал, придерживаясь порядка обычного рабочего дня. С 6 февраля 1855 г. началась официальная история болезни Николая Павловича. В этот день в камер-фурьерском журнале записали, что император не прогуливался и доклады не принимал «по несовершенному здоровью»[230]. 18 февраля император Николай Павлович скончался в нижнем кабинете Зимнего дворца.

Александр II и его семья

Александр II всю жизнь прожил в Зимнем дворце, куда его младенцем привезли из Москвы, где он родился 17 апреля 1818 г. Александр II стал вторым императором, для которого Зимний дворец был не только главной резиденцией, но и главным домом. Там он рос в окружении любящих родителей, сестер и братьев. Там он пережил первую юношескую влюбленность. Там сложилась его семья, рождались его дети. В мае 1880 г. в Зимнем дворце умерла императрица Мария Александровна, а менее чем через год, 1 марта 1881 г., туда привезли умирать и Александра II.

Среди череды дней, проведенных в Зимнем дворце, случались дни, ставшие важной вехой в истории России. Так, 19 февраля 1861 г. в своем кабинете Александр II подписал судьбоносный для России Манифест об отмене крепостного права. Хотя ближайшее окружение прекрасно понимало все значение этого документа, должного изменить облик России, в самом Зимнем дворце этот день прошел как обычно. Баронесса М. П. Фредерикс вспоминала: «День 19 февраля прошел при Дворе совсем тихо, как будто ничего такого особого и важного не свершилось»[231].

С Зимним дворцом и прилегающими территориями связано несколько покушений на жизнь императора. Одним из таких дней стало 4 апреля 1866 г., когда выстрел Д. Каракозова положил начало времени политического терроризма в истории России. Сюжет самого покушения у ворот Летнего сада хорошо известен[232], поэтому мы остановимся только на том, что происходило в этот день в самом Зимнем дворце.

Апрель 1866 г. для Александра II начался как обычно. В пятницу 1 апреля он в 7 часов утра возвратился в Зимний дворец с охоты в Осиновой роще и в 11 часов начал принимать доклады. Для императора Александра II понедельник 4 апреля 1866 г. был обычным рабочим днем. Как следует из записи в камер-фурьерском журнале, утро царя началось прогулкой по Дворцовой набережной (с 8.40 до 9.00); с 10.00 он принимал доклады в своем рабочем кабинете. Затем, после завтрака (13.00–13.50), Александр II вновь погулял рядом с Зимним дворцом (13.50–14.10), от Салтыковского подъезда до Зимней канавки, далее по набережной Мойки до Певческого моста и через Дворцовую площадь к Салтыковскому подъезду. После часа работы состоялся «выезд для прогулки в Летний сад» (в 15.15). К приезду царя чины Дворцовой полиции, сформированной в декабре 1861 г., уже очистили Летний сад от посторонней

публики. Снаружи, по периметру, сад охраняли жандармы и чины полиции.

О прогулках царя петербуржцы хорошо знали, и к моменту окончания прогулки любопытные всегда толпились у ворот Летнего сада, выходивших на набережную. В воспоминаниях князь В. П. Мещерский писал: «Стоять около коляски при выходе Государя дозволялось всякому: были тут обычный жандарм, обычный полицейский городовой и обычный сторож сада. Все они, при приближении Государя становясь во фронт, *стояли к нему лицом и спиною* (курсив мой. – *И. З.*), увы, к той кучке, где был злоумышленник Каракозов»[233]. Когда Александр II садился в коляску, Каракозов почти в упор выстрелил в императора, но промахнулся.

Покушение на царя описано в камер-фурьерском журнале следующим образом: «Его Величество, через несколько время по прогулки в саду возвращаясь в Средние ворота к Набережной реки Невы к Экипажу, одел поданную шинель, намереваясь вступить в коляску, как в ту минуту из окружавшей Экипаж толпы народа мгновенно отделился человек и направил пистолет в Особу Его Величества, злодей уже спускал курок, но промысел Божий не дал исполниться гнусному предприятию, крестьянин Костромской губернии Осип Комиссаров (Комиссаров находился впереди толпы и заметил усиленное желание человека выбиться вперед, пропустил его вперед себя, но когда тот отдалился ближе к Государю и вынул пистолет, Комиссаров бросился к нему) в этот момент ударил в локоть злодея, выстрел раздался, и пуля пролетела над головою Государя Императора. Преступник был задержан»[234].

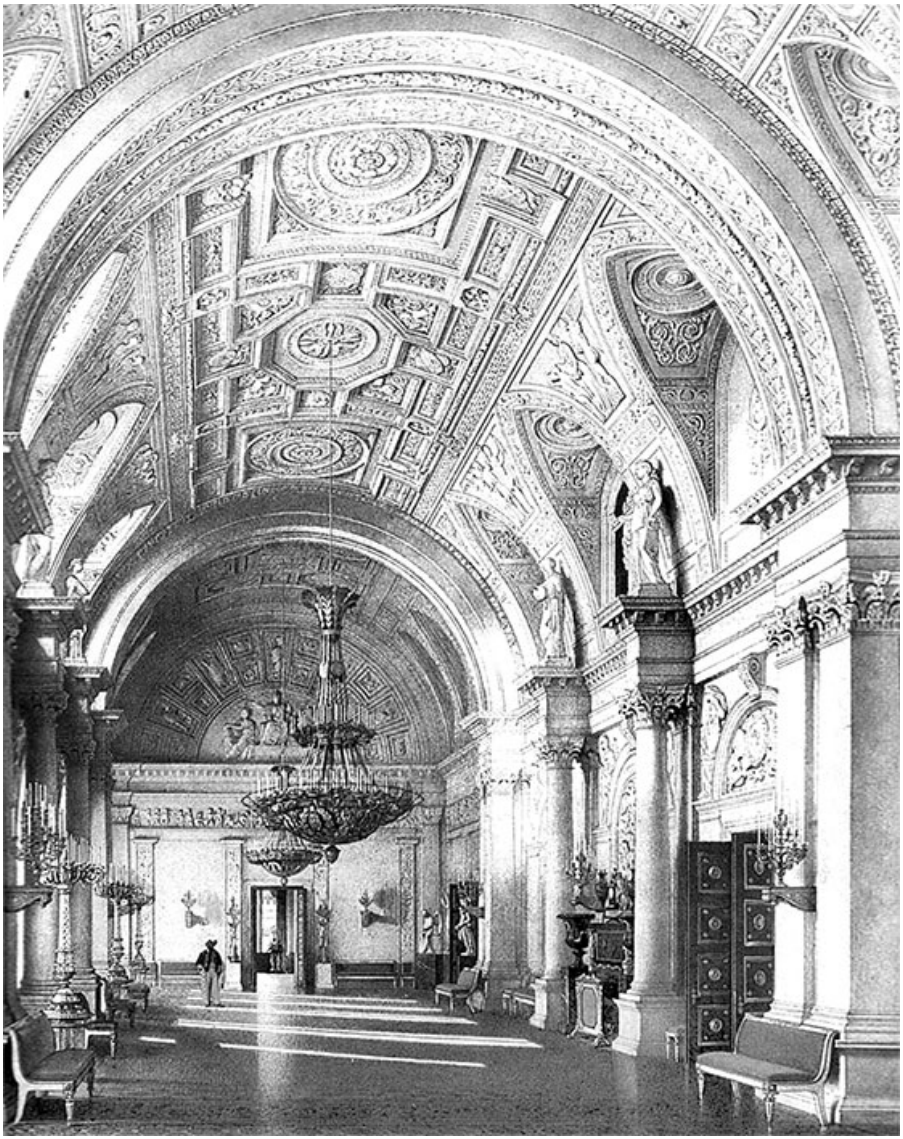
Покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. у Летнего сада в Петербурге

После неудачного выстрела Каракозов бросился бежать в сторону Прачечного моста, вдоль ограды Летнего сада, где его и задержала охрана. Унтер-офицер жандармского эскадрона Лукьян Слесарчук дал показания, что он заступил в наряд в 12 часов у Летнего сада и дважды обошел его. В 4 часа пополудни он стоял у ворот Летнего сада, держа в руках полость коляски, в которую должен был сесть царь. Стрелявшего он не видел, но после выстрела унтер сразу же бросил полость и «сейчас побежал за выстрелившим, а он, как только сделал выстрел, сейчас побежал через дорогу по Невке»[235].

Второй участник задержания Каракозова – унтер-офицер команды дворцовых городовых Степан Заболотин – рассказывал, что в момент выстрела он держал в руках шинель царя. После выстрела, раздавшегося «с левой стороны», он тоже бросился за террористом. Унтера схватили Каракозова, когда тот подбежал к Прачечному мосту. Охранники отобрали у Каракозова двуствольный пистолет, один из его стволов оставался заряженным. Заболотин передал этот пистолет Александру II и

«сказал, что еще заряжен был один ствол и не спущен курок»[236].

Патриархальный непрофессионализм охраны очевиден. Чины охраны стояли спиной к публике, жандарм, как слуга, держал полость коляски, дворцовый городовой – шинель императора. Эти профессиональные и психологические «проколы» нарождавшейся дворцовой спецслужбы показывали, какой путь им предстояло пройти в деле налаживания профессиональной охраны первых лиц государства.



Белый зал Зимнего дворца

Героем этого дня стал не только Александр II, но и

крестьянин Костромской губернии Осип Иванович Комиссаров. С места покушения Александр II поехал в Казанский собор, где приложился к иконе Казанской Божией Матери, а затем вернулся в Зимний дворец (16.20). Вскоре там состоялся «выход» в Малую церковь (около 17.00), в котором приняли участие все Романовы, успевшие приехать во дворец «к слушанию благодарственного молебна с коленопреклонением». Вечером в Зимний дворец начал съезжаться весь столичный бомонд. В это время Александр II с женой и сыновьями вновь посетили Казанский собор (18.50–20.15).

Когда Осипа Комиссарова привезли в Зимний дворец из III Отделения (19.00), его приняла императрица Мария Александровна и сестра царя – великая княгиня Ольга Николаевна. Императрица «ободрила Комиссарова, благодаря за спасение Царя, „за это наградит тебя Бог и Государь“». Можно себе представить, что пережил в этот день Комиссаров, оказавшийся после допроса в III Отделении в стенах императорской резиденции.

Наконец к собравшимся вышел император (20.20). Несколько минут в Белом зале Зимнего дворца гремело нескончаемое «ура». В камер-фурьерском журнале отмечено, что «Ея Величество необходимо принуждена была отойти и сесть». Затем в зал ввели Осипа Комиссарова. Александр II обнял и поцеловал своего спасителя и «потом в Общем собрании поздравил его дворянином». С этого момента крестьянин Осип Комиссаров превратился в дворянина Комиссарова-Костромского[237].

О. Комиссаров

Поскольку всю Дворцовую площадь заполнил народ, Александр II с Марией Александровной сочли своим долгом выехать в коляске на площадь. Народ встретил царя пением национального гимна.

Затем император отправился «в Институт Общества благородных девиц» и только после этого вернулся в Зимний дворец (21.40). Дело в том, что Александр II счел необходимым встретиться с юной смолянкой Е. М. Долгоруковой. Именно с ней он гулял в Летнем саду перед покушением. Очередной роман императора был в разгаре, и в июле 1866 г. Е. М. Долгорукова стала фавориткой императора.[238] Любопытно, что все перипетии этого насыщенного дня не помешали царю совершить вечернюю прогулку близ дворца (23.10–23.40).

Пистолет, из которого Каракозов стрелял в Александра II, все

последующие годы хранился в рабочем кабинете императора в Зимнем дворце. Один из германских корреспондентов, принятых Александром II в его рабочем кабинете, обратил внимание, что «под стеклянными колпаками, рядом с казачьими киверами покойных императора Николая I и цесаревича Николая Александровича» хранится «пистолет, оказавшийся тем самым, из которого Каракозов выстрелил в государя 4 апреля 1866 г. Пистолет был двуствольный, и один из стволов оставался заряженным»[239].

На следующий день, 5 апреля 1866 г., когда в 9 часов утра Александр II вышел из Салтыковского подъезда на традиционную прогулку по Дворцовой площади, он был «перед подъездом встречен народом». В этот же день, уже в Большой церкви Зимнего дворца, состоялся молебен. Судя по тому, что в 12 часов император вышел «на балкон дворца и благодарил народ», петербуржцы собрались у дворца уже ранним утром.

Второй раз в Александра II стреляли уже на Дворцовой площади, 2 апреля 1879 г. Неудачные выстрелы в Александра II, произведенные здесь учителем А. К. Соловьевым, положили конец попыткам заколоть или застрелить царя. Теперь его будут пытаться только взрывать.

Вот одно из характерных мемуарных описаний этого покушения: «Утром, совершая свою ежедневную прогулку и входя в Миллионную улицу, Государь видит, как навстречу ему идет человек подозрительной наружности в чиновничьей фуражке и как в расстоянии нескольких шагов от него он преспокойно вынимает из-под пальто револьвер и стреляет в Государя. Государь делает движение направо, преступник стреляет вторично направо, Государь переходит на левую сторону, преступник стреляет в третий раз, и в третий раз Бог чудесным образом охраняет своего несчастного Помазанника, и только тогда полиция успевает схватить преступника»[240].

В целом, мемуарист верно изложил произошедшее. Но есть некоторые детали, подробно описанные в рапорте штабс-капитана К. Коха шефу жандармов генерал-адъютанту А. Дрентельну. В этот день семь стражников, как обычно, заняли посты около Зимнего дворца и по углам Дворцовой площади. Конечно, семи телохранителей для столь протяженного ежедневного 20-минутного утреннего моциона царя было явно недостаточно, но в те патриархальные времена Александр II с крайним неудовольствием воспринимал уплотнявшееся кольцо своей личной охраны.

В начале десятого утра Александр II, как обычно, вышел на прогулку по Миллионной улице, Зимней канавке и Мойке,

обошел вокруг здания Гвардейского штаба и повернул на Дворцовую площадь: «В то время как из-за угла будки здания Гвардейского штаба… показался государь император, к противоположному углу приблизился мерными шагами и направился навстречу государю неизвестный человек, на вид прилично одетый, с форменной фуражкой на голове. Приблизившись спокойно, с руками, опущенными в карманы, на расстоянии 15 шагов, он мгновенно, не сходя с панели, произвел по его величеству выстрел». Александр II с криком «ловите!» бросился бежать зигзагами, по направлению к Министерству иностранных дел. Капитан Карл Кох, следовавший за царем в некотором отдалении, кинулся с обнаженной шашкой к стрелявшему, но тот, прежде чем Кох догнал его и ударом шашки по голове свалил с ног, успел произвести еще три выстрела, но в царя так и не попал.

Покушение 2 апреля 1879 г. А. К. Соловьева на Александра II Всемирная иллюстрация

О последующих событиях во время допроса рассказал сам террорист. По показаниям Соловьева, события развивались следующим образом: «Я не прошел еще ворот штаба, как, увидя государя в близком от меня расстоянии, схватил револьвер, впрочем, хотел было отказаться от исполнения своего намерения в этот день, но государь заметил движение моей руки, я понял это и, выхватив револьвер, выстрелил в его величество, находясь от него в 5–6 шагах; потом, преследуя его, я выстрелил в государя

все заряды, почти не целясь. Только когда сделал 4 выстрела, жандармский офицер подбежал и сбил ударом по голове с ног. Народ погнался за мной, и, когда меня задержали, я раскусил орех с ядом, который положил к себе в рот, идя навстречу государю».

Место покушения у Главного штаба Санкт-Петербургского Военного округа. Народ рассматривает следы пуль

К показаниям террориста необходимо сделать несколько уточнений. После того как капитан Кох ударом сабли свалил Соловьева, он кинулся к Александру II: «Я бросился к Государю со словами: „Не ранены ли, Ваше Величество?“ Государь изволил отвечать: „Нет, не ранен, смотри, чтобы не убежал преступник“». Соловьев, очнувшись, попытался сбежать, но его едва не растерзала собравшаяся толпа. Охране пришлось отбивать террориста у разъяренных людей. Кох писал в рапорте: «По задержании преступника, опасаясь, чтобы разъяренная сбежавшаяся публика не порвала бы его в клочья, я сдал его в секретное отделение».

С количеством выстрелов на Дворцовой площади тоже поначалу не было ясности. В мемуарах упоминается, что Соловьев успел расстрелять «все патроны» из своего многозарядного револьвера. Авторы пишут о пяти, четырех и трех выстрелах в царя. Карл Кох в своем рапорте, составленном непосредственно в день покушения, упоминает о четырех выстрелах[241]. На судебном процессе по делу Соловьева этот нюанс уточнили. Всего

выстрелов было пять. Четыре выстрела в Александра II и один неприцельный выстрел, во время бегства Соловьева. Последним выстрелом был ранен в щеку один из охранников капитана Коха – Франц Милошевич[242]. При этом из четырех пуль, выпущенных в Александра II, одна пуля пробила полу шинели, а другая вскользь задела голенище сапога императора. Отметим, что террорист неплохо для дилетанта стрелял, поскольку дважды сумел зацепить бегущую цель, активно сбивавшую прицел «зигзагами».

Современников до глубины души поразили унизительные «зигзаги» русского императора на Дворцовой площади перед Зимним дворцом. По словам мемуариста, «глубокое смущение охватило русских людей. Первая мысль, которая у всех вырывалась наружу, была изумление, как могла расставленная по всем направлениям полиция, явная и тайная, допустить, чтобы первый встречный мог идти навстречу Государя и почти в упор в него стрелять»[243].

Особым документом, фиксирующим «внутреннюю историю» Зимнего дворца, являлись камер-фурьерские журналы, в них день за днем описывались все происходящие во дворце события. События понедельника[244] 2 апреля 1879 г. около Зимнего дворца описаны следующим образом: «В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться и проходил по тротуару к зданию Штаба Санкт-Петербургского Военного округа, навстречу Его Величеству, с противоположной стороны здания, шел человек прилично одетый, в форменной гражданской с кокардою фуражке. Подойдя ближе к Государю Императору, человек этот (Соловьев) вынул из кармана пальто револьвер, выстрелил в Его Величество и вслед за этим сделал еще несколько выстрелов. Божие провидение сохранило Государя Императора. Злодей арестован. Его Величество возвратился 15 мин. 10 часа»[245].

Александр II в 1870-х гг.

К 11 часам в Зимнем дворце «к Императорским Величествам имели приезд с поздравлением» ближайшие родственники. Все собравшиеся прошли в Малую церковь «к слушанию Божественной литургии и благодарственного с коленопреклонением молебна по случаю избавления Государя Императора от угрожавшей опасности». По окончании молебна Александр II вышел в Белый зал к собравшимся сановникам, где «Государь Император был встречен долго не смолкавшими громкими восторженными восклицаниями». Обращаясь к собравшимся, Александр II сказал: «Я глубоко тронут и сердечно благодарю за чувства преданности, выказанные вами. Сожалею только, что поводом к этому послужил столь грустный случай. Богу угодно было в третий раз избавить меня от верной смерти… продолжать служить России и видеть ее счастливой и развивающуюся мирно, как я того желал бы». Затем император вернулся на половину императрицы, и все Романовы прошли в библиотеку, где за четырьмя круглыми столами «имели

фамильный фриштик».

К этому времени Дворцовая площадь «наполнилась народом, и около 2 часов Его Величество изволил выйти на балкон, выходящий на Разводную площадку, в пальто и каске. Народ приветствовал его шумными восторженными криками», пел «Боже царя храни», «Коль славен» и «Славься». Затем, в 2 часа, Александр II вновь в Белом зале принял депутацию дворянства Санкт-Петербургской губернии. После этого, в 14.40, император отправился в Казанский собор на поклонение местным иконам, возвратился в Зимний дворец в 15.15. К этому времени Петербург украсили флагами и иллюминацией. В театрах по требованию публики исполнялись гимны.

Этот тревожный день закончился в Зимнем дворце самым обычным образом, когда на половине императрицы Марии Александровны состоялось (в 0.30) «вечернее собрание», на котором присутствовали: фрейлина графиня Толстая, фрейлина Пиллар, княгиня Вяземская, министр Императорского двора граф Адлерберг, генерал-адъютант князь Суворов и генерал-адъютант граф Перовский.

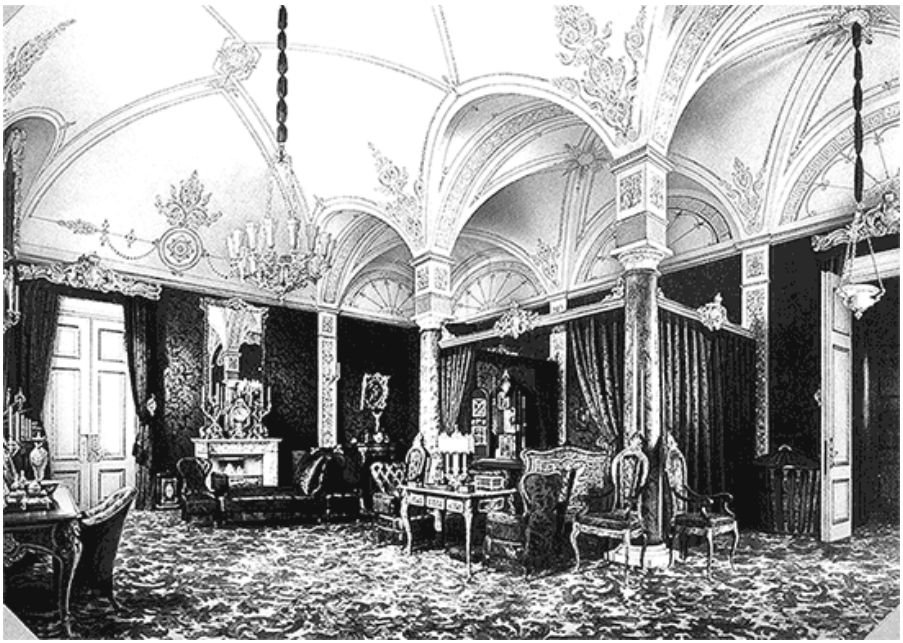
4 апреля 1879 г. Александр II провел в Белом зале прием гласных Городской думы, к которым обратился со следующими словами: «Многие из вас домовладельцы. Нужно, чтобы домовладельцы смотрели за своими дворниками и жильцами. Вы должны помогать полиции и не держать подозрительных людей. Нельзя относиться к этому спустя рукава. Посмотрите, что у нас делается. Скоро честному человеку нельзя будет показаться на улице. Посмотрите, сколько убийств. Хорошо, меня Бог спас. Но бедного Мезенцева они отправили на тот свет. В Дрентельна тоже стреляли… искреннее „Ура“ было ответом депутатов»[246].

Покушение Соловьева стало водоразделом, резко изменившим тактику террористов. Если накануне покушения Соловьева революционеры бурно дебатировали, чем убивать, каким оружием[247], кому покушаться – поляку, еврею или русскому, то отныне для подготовки новых террористических актов становится характерна строгая конспирация, когда в «дело» посвящался минимальный круг участников.

После покушения на царя, как водится, начался период «оргвыводов». Полетели погоны у одних и начали делать карьеру другие. 4 апреля 1879 г., Карл Кох лично получил из рук Александра II Владимирский крест IV степени с бантом и медаль «За спасение погибавших»[248]. Церемония вручения награды прошла в Зимнем дворце. Карл Кох писал в рапорте: «…в 9 часов утра Государь Император, потребовав меня к себе в кабинет, изволил осчастливить меня следующими милостивыми словами,

которых я никогда не забуду: „Вот тебе Владимирский крест, который ты можешь носить с бантом, так как подвергался одинаковой со мной опасности. А вот тебе золотая медаль за спасение погибавших. Спасибо тебе“».

В этот же день в Большом соборе Зимнего дворца состоялся молебен по случаю дня «избавления Государя Императора от угрожавшей опасности в 1866 г.». 12 апреля 1879 г. Александр II и императрица Мария Александровна покинули Зимний дворец, отбыв на отдых в тихую Ливадию[249].



Л. Премацци. Спальня императрицы Марии Александровны. 1859 г.

Императрица Мария Александровна на смертном одре. С оригинала И. Крамского. 1880 г.

На следующий год в Синей спальне Зимнего дворца 22 мая 1880 г. закончился земной путь императрицы Марии Александровны. Гессенская принцесса, ставшая императрицей Марией Александровной, приехав в Россию летом 1840 г. и выйдя замуж за наследника престола, великого князя Александра Николаевича в апреле 1841 г., прожила в Зимнем дворце всю свою супружескую жизнь.

Долгие годы супругов связывали самые теплые отношения, свидетельством чему были восемь детей (6 сыновей и 2 дочери), рожденных в разные годы Марией Александровной. Столь частые роды не прошли для молодой женщины даром. Хрупкое, астеническое телосложение, частые роды, склонность императрицы к простудам сделали свое дело. Видимо, уже в середине 1850-х гг. у нее возникли проблемы с легкими. В 1855 г. в столовую императрицы в Зимнем дворце проложили специальную трубу для охлаждения воздуха[250].

Александр II с детьми: Мария, Сергей, Владимир, Александр, Алексей, Николай. 1860 г.

На развившееся легочное заболевание наложилось охлаждение мужа и трагическая смерть старшего сына Николая. Кроме этого, в 1860 г., после рождения последнего ребенка – Павла Александровича, врачи заявили, что следующая беременность убьет императрицу, и супружеские отношения между Александром II и Марией Александровной полностью прекратились[251].

После смерти любимого Никсы[252] в апреле 1865 г. – это уже совершенно больная, погруженная в себя, покинутая мужем женщина. Императрицу так потрясла смерть старшего сына, что она оказалась не в состоянии присутствовать на его похоронах в Петропавловском соборе[253]. Во время церемонии присяги нового цесаревича в Георгиевском зале Зимнего дворца «Императрица стояла на возвышении перед троном и почти шаталась от слабости и горя»[254].

Ф. С. Журавлев. Портрет императрицы Марии Александровны. 1870-е гг.

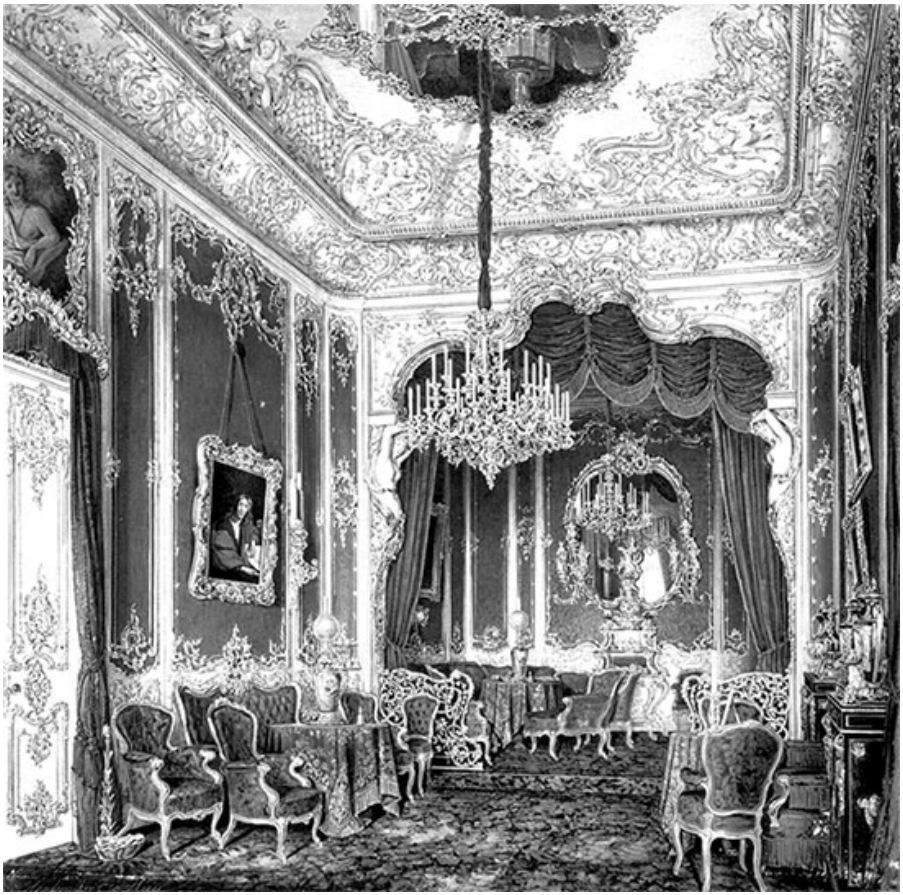
Г. Виллевалъде. Присяга цесаревича Александра Александровича в Георгиевском зале Зимнего дворца 20 июля 1866 г. 1867 г.

В эти годы половина Марии Александровны в Зимнем дворце включала в себя: Уборную, Ванную, Опочивальную комнату, Будуар, Кабинет, Золотую Гостиную, Столовую, Буфет, Камер-юнгферскую и Ванную комнату на антресолях[255].

Начиная с 1870 г. частыми посетителями половины Марии Александровны в Зимнем дворце становятся врачи, и прежде всего терапевт С. П. Боткин. 22 ноября 1870 г. С. П. Боткин назначается почетным лейб-медиком[256], и главным объектом его забот становится императрица Мария Александровна. С середины

1870-х гг. Мария Александровна по рекомендации СП. Боткина осень и зиму проводила в Италии. Знаменитый врач сопровождал императрицу в ее поездках по итальянским климатическим курортам. В результате 10 мая 1875 г. СП. Боткин был «пожалован в лейб-медики Двора Его Императорского Величества с назначением состоять при Ее Императорском Величестве Государыне Императрице с оставлением при занимаемых им ныне должностях»[257].

Болезнь императрицы профессор диагностировал как хронический плеврит. Примечательно, что именно СП. Боткин первый начал осматривать императрицу, как обычную пациентку, выслушивая хрипы в легких своим стетоскопом. В мае 1878 г. в состоянии императрицы наступило новое ухудшение, и, естественно, видные сановники немедленно зафиксировали это событие в дневниках. Так, Д. А. Милютин записал: «Болезнь императрицы со вчерашнего дня возбуждает тревожные опасения. Плеврит усилился и превратился в сильное воспаление легких. Доктор Боткин не ручается за исход этой болезни, особенно ввиду непомерной слабости больной»[258]. Тогда же для Марии Александровны у мебельного фабриканта Мельцера приобрели специальное «механическое кресло», в котором ее возили по комнатам в Зимнем дворце.



Э. П. Гау. Будуар императрицы Марии Александровны. 1861 г.

По воспоминаниям камер-юнгферы А. И. Яковлевой, осенью 1879 г. императрицу «одевали и усаживали в кресло, на котором катили в другую комнату… Несколько раз в день она вдыхала кислород посредством воздушных подушек, и каждый вечер втирали ей мазь, для облегчения дыхания»[259]. Синяя спальня императрицы, тремя окнами выходившая во внутренний дворик юго-западного ризалита, фактически превратилась в госпитальную палату.

Л. Премацци. Гардеробная императрицы Марии Александровны. 1857 г.

Последний раз из-за границы Марию Александровну привезли в Зимний дворец 23 января 1880 г. Александр II встречал императрицу с сыновьями в Гатчине. На вокзале строго запрещалось находиться кому бы то ни было, чтобы не беспокоить больную. Тем не менее те, кто там присутствовал, рассказывали Милютину, что все «поражены ее худобою и истощенным видом»[260].

Тема умирающей императрицы стала главной новостью светского общества. Милютин писал, что она не выходит из своей комнаты, ее никто не видит. В газетах начали появляться бюллетени, носившие успокоительный характер. 26 января 1880 г. он записал рассказ баронессы Н. К. Пиллар фон Пильхау: «Императрица обратилась в скелет; не имеет сил даже двигать пальцами; ничем не может заниматься» – и добавил, что «первая встреча с нею должна была произвести тяжелое впечатление на государя, который с того дня так же чувствует себя нехорошо, жалуется на лихорадочное состояние и слабость. Сегодня я нашел его заметно изменившимся (он бледен, опустился и слаб)[261], лицо бледное, впалое, глаза поблекшие»[262].

С. П. Боткин

Стетоскоп, молоточек перкуссионный. Кон. XIX – нач. XX вв.

5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце взорвалась бомба Степана Халтурина. Взрыв был так силен, что его слышали не только в окрестных зданиях, но и живущие на Мойке. Императрица же, постоянно находившаяся в полузабытьи, даже не услышала взрыва, а суету во дворце ей объяснили случайным взрывом газа. С. П. Боткин не отходил от умирающей императрицы. Учитывая недоброжелательное на тот момент общественное мнение по отношению к медику, Александр II, для того чтобы продемонстрировать ему свое монаршее благоволение, 20 апреля 1880 г. пожаловал Боткина табакеркой, украшенной бриллиантами с вензелем императора[263].

Незадолго до смерти императрицы ее видел великий князь Константин Константинович, который 15 апреля записал в дневнике: «Она сидела на постели в спальне и поразила меня страшной худобой, поседевшими волосами и постаревшим измученным лицом… Больно слышать, как она тяжело дышит и стонет»[264].

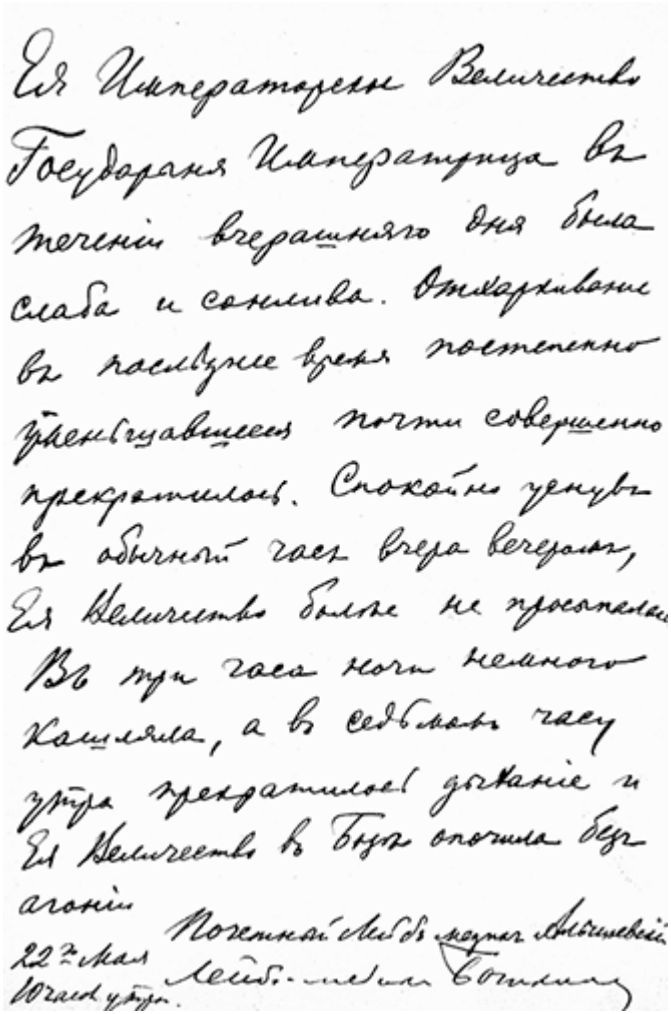
В мае, по причине постоянно ухудшающегося самочувствия императрицы, Александр II отложил традиционный переезд из Зимнего дворца в Царское Село. Но колебания продолжались не

особенно долго, и 11 мая 1880 г. Александр II вместе с Е. М. Долгоруковой, которая уже несколько лет жила с детьми в резиденции над покоями умиравшей императрицы, уехал из Зимнего дворца. Это вызвало новую волну осуждения стареющего императора. Великий князь Константин Константинович записал в тот день в дневнике: «Императрица лежит здесь, нет и речи о ее недуге. Находят неудобным, что, когда ей немного остается жить, Царь переезжает»[265]. Императрица в том же безнадежном состоянии осталась в Зимнем дворце вместе с младшими сыновьями Сергеем и Павлом. Для того чтобы соблюсти приличия, Александр II приезжал время от времени в город на несколько часов, чтобы навестить умирающую супругу.

22 мая 1880 г. императрица Мария Александровна скончалась в Синей спальне Зимнего дворца. В этот же день великий князь Константин Константинович подробно записал обстоятельства ее смерти: «Вчера вечером еще Императрица нисколько не было хуже. В три часа утра она еще звала Макушину и кашляла. Затем Макушина, долго не слыша обычного звонка, вошла в спальню. Императрица спала спокойно, положив руки под голову. Макушина пощупала пульс, он не бился, руки похолодели, а тело теплое. Она послала за доктором Алышевским. Он решил, что все кончено. От всех скрывали смерть, дали знать царю в Царское Село»[266].

22 мая 1880 г. в 10 часов утра лейб-медик С. П. Боткин и почетный лейб-медик В. Я. Алышевский направили министру Императорского двора А. В. Адлербергу донесение о смерти императрицы Марии Александровны. Документ написан рукой доктора Алышевского: «Ее императорское Величество Государыня Императрица в течение вчерашнего дня была слаба и сонлива. Отхаркивание, в последнее время постепенно уменьшавшееся, почти совершенно прекратилось. Спокойно уснув в обычный час вчера вечером, Ее Величество больше не просыпалась. В три часа ночи немного кашляла, а в седьмом часу утра прекратилось дыхание, и Ее Величество в Бозе опочила без агонии. Почетный лейб-медик Алышевский. Лейб-медик Боткин. 22 мая 10 часов утра»[267].

В. Я. Алышевский


Ея Императорское Величество
Государыня Императрица въ
теченіи вчерашняго дня была
слаба и сонлива. Отхаркивание
въ послѣднее время постепенно
уменьшавшееся почти совершенно
прекратилось. Спокойно уснувъ
въ обычный часъ вчера вечеромъ,
Ея Величество болѣе не просыпалась.
Въ три часа ночи немного
кашляла, а въ седьмомъ часу
утра прекратилось дыханіе и
Ея Величество въ Бозѣ опочила безъ
агоніи
Почетный Лейбъ-медикъ Алышевскій
22-го Мая
10 часовъ утра.
Лейбъ-медикъ Боткинъ

Свидетельство о смерти императрицы Марии Александровны

После смерти императрицы остались разрозненные наброски завещания, и в одном из них зафиксировано ее желание, «если это возможно, не производить вскрытия»[268]. Тем не менее вскрытие тела императрицы состоялось во втором часу утра 23 мая 1880 г.[269] При вскрытии отмечено, что подкожный жировой слой почти совершенно исчез. В «Заключении» констатировалось: «У Ее императорского Величества было хроническое воспаление обоих легких и по преимуществу правого. Воспаление это имело характер интерстициального воспаления, сопровождавшегося расширением бронхов в нижних долях и язвенном разрушении легочной ткани по преимуществу в верхних долях и особенно правого легкого. Поражение легочной ткани осложнено последствиями бывшего воспаления легочной плевы, выразившееся сращениями правого легкого с грудною стенкою,

особенно заднею частью нижней доли. Небольшие сращения были и на левой стороне. Замеченный отек легочной ткани появился в последние часы жизни и вместе со слабостью сердечной силы был ближайшею причиною смерти. Изменения в других органах представляют отчасти последствия грудной болезни, отчасти они составляют остатки других побочных заболеваний, появлявшихся в течение жизни Ее Величества. Изменения, найденные в сердце, указывают на упадок питания и деятельности его. Изменения в стенках зависят от бывших малярийных лихорадок. Изменения в кишках и желудке от бывшего тифозного процесса. Наконец, изменения в почках составляют результат ненормальной подвижности их и отчасти следствие всех упомянутых инфекционных болезней. Осложнения легочной болезни, изменения в различных других органах, как сердце, почках, селезенке. были очевидною причиною и тех особенностей, которые наблюдались при жизни в течение этого легочно-чахоточного процесса»[270].

Доменикино (Цампьери Доменико). Евангелист Иоанн. Италия. Между 1601–1641 гг.

Рафаэль Санти. Мадонна с Младенцем (Мадонна Конестабиле). Италия. Ок. 1504 г.

Уходя, Мария Александровна распорядилась судьбой принадлежавших ей шедевров живописи. Так, Императорскому Эрмитажу «немедля после кончины Ея Величества» передали картину «кисти Доменикино „Св. Иоанн“»[271].

Знаменитую картину Рафаэля, приобретенную в 1870 г. у графа Конестабиле во Флоренции, Мария Александровна завещала оставить «в Малом Красном кабинете Собственной Ея Величества половины до тех пор, пока Государь Император Александр II занимал смежные с половиной Государыни покои свои в Зимнем дворце»[272]. После смерти Марии Александровны (22 мая 1880 г.) и Александра II (1 марта 1881 г.) в сентябре

1881 г. по рапорту директора Императорского Эрмитажа А. А. Васильчикова в музей передали и «„Мадонну“ Рафаэля, известную под названием мадонны Конестабиле», поскольку «Половина Его Величества ныне заперта, стены завешаны и все украшавшие покои предметы вынесены».

Мария Александровна стала третьей императрицей, умершей в Зимнем дворце. Александр II станет вторым императором, умершим в главной имперской резиденции. Особый трагизм этой смерти придаст то, что Александр II погибнет 1 марта 1881 г. в результате террористического акта, организованного членами революционной организации «Народная воля».

К февралю 1881 г. над императором Александром II уже витала тень обреченности. Да он и сам был уверен, что рано или поздно его убьют. К этому времени император составил завещание и все материальные дела, связанные с обеспечением своей жены княгини Е. М. Юрьевской, были улажены[273]. Имелись и устные распоряжения императора на случай его смерти. Он пожелал быть похороненным в мундире Преображенского полка без орденов и траурной короны. Но внешне в Зимнем дворце все шло по устоявшимся стандартам.

Февраль 1881 г. стал последним месяцем, прожитым Александром II в стенах Зимнего дворца. Как и для его отца, императора Николая Павловича, Зимний дворец был для Александра II домом, в котором прошла вся его жизнь.

Если по камер-фурьерскому журналу проследить события февраля 1881 г., то мы увидим картину внешне тихой семейной жизни. Хотя эта жизнь шла на фоне охоты полиции за террористами и террористов «Народной воли» за Александром II. Не стоит сбрасывать со счетов и весьма напряженные отношения с «молодым двором» наследника-цесаревича. Отношения эти в немалой степени «разогревались» именно женской половиной – княгиней Е. М. Юрьевской и цесаревной Марией Федоровной. Итак, февраль 1881 г…

3 февраля Александр II счел необходимым посетить фрейлину Анну Карловну Пиллар[274] «по случаю дня ее Ангела». 7 февраля в Зимнем дворце во время вечернего собрания в Белом зале развлекались: клоун из цирка «Айкс» показывал дрессированных собак, а «г. Мальваль и г-жею Жазон были исполнены комические картины с пением».[275] 10 февраля «за обеденным столом» присутствовал генерал-адъютант П. А. Черевин, тогда он играл одну из ключевых ролей в Министерстве внутренних дел. Весь месяц царь работал по стандартной схеме, начиная принимать доклады в первом часу дня. 11 февраля Александр II «за обеденным столом… кушал без

гостей».

12 февраля он посетил Аничков дворец и провел время в семье наследника, великого князя Александра Александровича, с 22 час. вечера до 00 час. 40 мин. ночи. Видимо, «в обмен» на отцовский визит на следующий день, 13 февраля, наследник приехал в Зимний дворец, где на большом обеде с массой приглашенных гостей блистала княгиня Е. М. Юрьевская. 14 февраля Александр II, продолжая скреплять «расползавшуюся» семью, устроил семейный обед, на котором присутствовали не только наследник Александр Александрович с женой, но и их старшие сыновья – будущий царь Николай II и его младший брат Георгий Александрович. За столом также сидели великий князь Владимир Александрович с женой Марией Павловной. Но подлинным украшением обеда опять стала княгиня Е. М. Юрьевская со всеми тремя детьми. Всего на семейном обеде присутствовало 11 человек.

Княгиня Е. М. Юрьевская так и продолжала жить на третьем этаже Зимнего дворца, в скромных комнатках вдоль Камер-юнгферского коридора. У нее хватило ума и такта не переезжать немедленно на второй, императорский этаж Зимнего дворца. Впрочем, переселение она, видимо, откладывала до своей коронации, намеченной на осень 1881 г.

19 февраля 1881 г., поскольку этот день считался днем восшествия Александра II на престол, вечером в Белой зале Зимнего дворца царственная чета развлекалась с гостями. Некий Эрнст Шульц показывал «мимико-физиогномическое представление». В программе значились «Этюды и характерные головы Общественной жизни: меланхолик, сангвиник, флегматик, холерический темперамент, пиит, сатирик, ученый, глупец, мизантроп»[276].

В субботу последнего дня февраля 1881 г., в 9 часов утра, император с семьей[277] слушал литургию в Малой церкви Зимнего дворца. Затем он приобщился св. Христовых Таин. На этой литургии последний раз вместе стояли Александр II, его старший сын, будущий Александр III и внук императора, будущий Николай II. После литургии вся семья «кушала чай» в Желтой комнате Третьей запасной половины за двумя столами. В обед «Его Величество изволил кушать без гостей… Вечернего собрания не было»[278].

Сам Александр II зафиксировал в записной книжке свой последний день «обычной жизни» в Зимнем дворце следующим образом: «28 февраля / 12 суббота – встал в 8. В 9 (преод.) к обед. приобщ. с К 3 дет.[279] Саша[280] и 2[281] и Влад[282] до $^1/_2$ кофе в запасн. Работал один. Прощался с Вердером[283] и

Дондуковым[284] в 11 доклад Милютина[285], Гирса[286] и Лориса[287]. 3 важных ареста, в том числе Желябов[288]. В 1 завтрак у К. с детьми. Работал в $^1/_4$ 3 кофе. В летн. пешком приятно в санях у Сани и Миши. В 4 дома у К. до $^1/_2$ 5 отдыхал. В 7 обед у К. с К. и Vava до $^1/_2$ 12. лег в 1»[289].

П. И. Антонов. Последний прижизненный портрет Александра II

Воскресное утро 1 марта 1881 г. для Александра II началось как обычно. В 9 часов утра он принял петербургского градоначальника А. А. Федорова. Распорядился от имени «Его Величества поздравить с днем ангела Камер-фрейлину Графиню Блудову». Затем (в 11 ч. утра) состоялся выход в Малую церковь к слушанию Божественной литургии. После этого Александру II представились 4 человека. В 13 часов состоялся «фриштик на 3 запасной половине за 3 круглыми столами», после которого император принял министра Императорского двора графа А. В. Адлерберга. Затем вновь представления (7 чел.). Наконец в 12 ч. 50 мин. Александр II в мундире лейб-гвардии Саперного батальона[290] выехал на развод караула в Михайловский манеж.

Когда в Михайловском манеже закончился развод караулов, Александр II отправился в карете домой в Зимний дворец. На маршруте его уже ожидали четыре бомбиста, которыми руководила Софья Перовская.

Две бомбы, брошенные Рысаковым и Гриневицким, смертельно ранили императора. В камер-фурьерском журнале все, что происходило после взрыва второй бомбы, описано следующим образом: «… через несколько секунд Государь тихо, но ясно сказал: „Жив ли Наследник?“… „Холодно, холодно…“». На вопрос «Как чувствует себя Его Величество», последовал еле слышный ответ: – «Скорее домой… скорее домой», а затем, как бы отвечая на услышанное им предложение штабс-капитана Новикова внести Его в ближайший дом для подания первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнес: «Несите меня во дворец… там умереть…»[291].

И. И. Гриневицкий

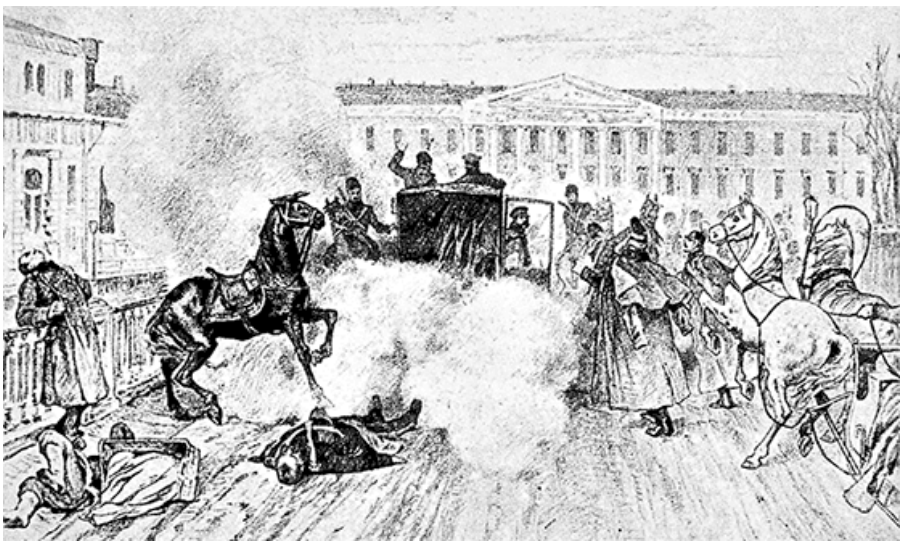
С. Л. Перовская

Н. И. Рысаков

Очевидцы свидетельствовали, что по мере приближения к

Зимнему дворцу император терял сознание от потери крови, «которая сочилась из оборванных мускулов обеих голеней. Эти мускулы и составляли единственную связь между стопою и коленями обеих ног, так как кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывом»[292]. Когда сани с истекающим кровью императором подъехали к Салтыковскому подъезду Зимнего дворца, раненого сначала хотели поднять на лифте, но поскольку туда все не умещались, то Александра II начали поднимать на второй этаж по лестнице. Когда императора внесли в кабинет, в котором стояла его походная кровать, ее выдвинули из-за перегородки, поставив между письменным столом и диваном.

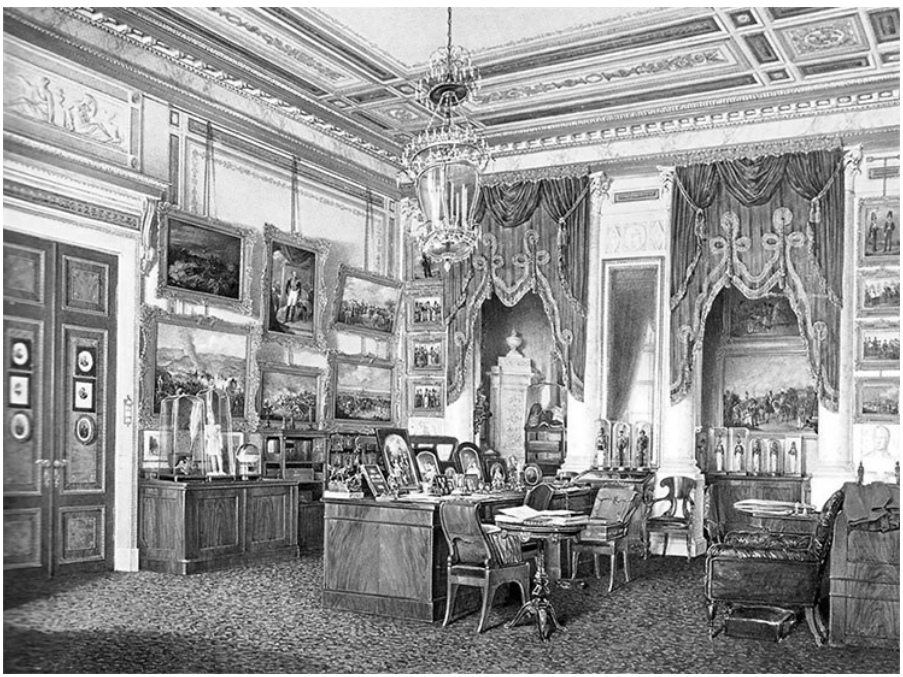
Вокруг умирающего началась суета, собрались медики, но характер ранений был таков, что они ничего не могли сделать, и в 15 часов 35 мин., на 63-м году жизни и 26-м году царствования Александр II скончался. В камер-фурьерском журнале 1 марта 1881 г. зафиксировано: «Сего числа злодейская катастрофа на Екатерининском канале, совершенная 2-мя злоумышленниками $^3/_4$ 2 часа, и мученическая кончина Государя императора Александра Николаевича». Над Зимним дворцом до половины древка был спущен Императорский штандарт. В этот же день протоирей Никольский привел к присяге новому императору дворцовый караул и внутренние пикеты.



1 марта 1881 г. Взрыв первой бомбы на Екатерининском канале

1 марта 1881 г. Смертельно раненного императора Александра II увозят в Зимний дворец

В 4 часа тело усопшего обмыли прямо в кабинете, одев в чистое белье, и уложили его «на железную кровать[293], которая была поставлена в Учебной комнате». В 20 ч 30 мин. при теле усопшего началось дежурство. В 21 час в Большой церкви Зимнего дворца началась панихида, на ней присутствовали Александр III и будущий Николай II.



Э. П. Гау. Кабинет императора Александра II в Зимнем дворце.

1851 г.

1 марта в 23 час. 45 мин. началось бальзамирование. Как зафиксировано в камер-фурьерском журнале: «Организм был в цветущем состоянии, и отдышка, которою Его Величество страдал в последние годы, происходила, как и предполагали, от расширения легочных сосудов». Закончили бальзамирование в 2 марта 7 час. 30 мин. утра. Тело Александра II, одетое в парадный мундир с эполетами л. – гв. Преображенского полка (без орденов) вынесли в Учебную комнату.

На следующий день, 2 марта 1881 г., в 11 часов утра, в Зимний дворец в сопровождении сыновей Николая и Георгия приехал Александр III. Через полчаса после приезда царя в Учебной комнате у тела усопшего началась панихида. Вместе с Романовыми у тела стояла и княгиня Е. М. Юрьевская. Александр III «облобызал Тело Усопшего Родителя», и все спустились на первый этаж, в комнаты великих князей Сергея и Павла, где «имели семейный фрыштик».

Мундир Александра II по форме лейб-гвардии Саперного

батальона

К. Е. Маковский. Александр II на смертном одре. 1881 г.

К 13 часам в Зимний дворец начал съезжаться столичный бомонд на церемонию принесения присяги Александру III. В это же время в Малахитовой гостиной собрались все наличные Романовы[294], которые вскоре двинулись «в формате» большого выхода в Большой собор Зимнего дворца.

В Николаевской зале Александр III, обратившись к офицерам, заявил, что он «будет служить России и ее благоденствию и надеется заслужить любовь, а также уверен, что Войска будут служить Его Величеству и Его Наследнику с теми же верностью и усердием», с каким они служили его отцу.

В Большом соборе Зимнего дворца министр юстиции Д. Н. Набоков прочитал высочайший манифест и текст присяги. В присяге как наследник престола был поименован 12-летний великий князь Николай Александрович. Первыми присяжные листы, под 101 пушечный выстрел Петропавловской крепости, подписали «Высочайшие Особы».

После завершения церемонии Александр III с ближайшими родственниками проследовал «в комнаты императрицы Александры Федоровны», занимавшие второй этаж северо-западного ризалита Зимнего дворца. На этом «дворцовом маршруте», в Малахитовой гостиной, где собрались члены Государственного совета, Александр III уже как политик

«облобызал» столь нелюбимого им великого князя Константина Николаевича, многие годы возглавлявшего Государственный совет. В Концертной зале, перед отбытием в Аничков дворец, Александр III с прочувствованными словами обратился к военной свите Александра II[295].

Еще раз Александр III вместе со старшими сыновьями посетил Учебную комнату Зимнего дворца вечером (21.00), где вновь прошла панихида по погибшему от рук террористов императору. На панихиде вновь присутствовала княгиня Е. М. Юрьевская со своими детьми. Заметим, что после гибели императора Е. М. Долгорукова пыталась «закрепиться» в Зимнем дворце, создавая некий мемориальный комплекс императора в своих комнатах на третьем этаже Зимнего дворца (комнаты на 3-м этаже Зимнего дворца юго-западного ризалита). Например, она распорядилась прикрепить к круглому дубовому столу медную табличку: «На этом столе Государь Император Александр II часто пил чай и сидел у этого стола в мундире, в котором отправился прямо на развод 1 марта 1881 года».

Учебная комната Александра II

А. Гебенс. Чины императорской Главной Квартиры. 1860 г.

Примечательно, что Александр III и в мыслях не держал переезжать в Зимний дворец на постоянное жительство. Хотя с точки зрения организации его личной охраны несколько раз на дню проезжать по людному Невскому проспекту было, по крайней мере, неразумно. Тем более что некоторая часть террористов «Народной воли» во главе с Софьей Перовской продолжала оставаться на свободе.

3 марта 1881 г. Александр III приехал на панихиду в Зимний дворец к 12 часам. Его сопровождал наследник, великий князь Николай Александрович. После панихиды император вернулся к себе домой – в Аничков дворец.

Вечером (к 20.00) Романовы вновь собрались у тела погибшего императора. В Учебную комнату внесли гроб с уложенной в него порфирой. Доктора и придворные служители переложили тело в гроб. Затем сыновья императора, подняв гроб на плечи, понесли почившего Александра II в последний раз по маршруту Большого выхода: Приемная, Темный коридор, Ротонда, Арабская, Парадные залы Невской анфилады, Фельдмаршальский зал, Петровский зал, Гербовый зал, Пикетный зал, Большой собор. В соборе гроб установили на катафалк, перед которым на столах выложили императорские регалии.

К. А. Ухтомский. Темный коридор. 1861 г.

4 марта 1881 г. утром в Петербург привезли недостающие элементы коронационных регалий, хранившиеся в Оружейной палате Московского Кремля: «Корона Казанская, корона Астраханская, корона Грузинская, корона Польская, корона Сибирская, корона Таврическая (шапка Мономаха)». Регалии торжественно, в шести каретах, провезли по Невскому проспекту от Николаевского вокзала до Зимнего дворца. Полный коронационный комплект императорских регалий уложили на два стола в Георгиевском зале.

Вечером (17.00) из-за границы прибыли великий князь Алексей Александрович, великая княгиня Мария Александровна и герцог Эдинбургский. Когда дети Александра II собрались вместе в Большом соборе, началась литургия. Примечательно, что если

ранее на панихидах в Учебной комнате княгиня Е. М. Юрьевская стояла бок о бок с Романовыми, то на этой литургии ее уже «отсекли» от семьи, и она слушала литургию с хор Большого собора, хотя после ее окончания вместе со всеми прикладывалась к телу Александра II.

В этот день Александр III с семьей остался ночевать на половине императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце. Дело в том, что в тот же день арестовали Софью Перовскую – напротив Аничкова дворца, в Екатерининском садике. В ходе допроса выяснилось, что несгибаемая террористка планировала новое покушение, уже на Александра III. Удалось обнаружить 50-килограммовый фугас под брусчаткой на углу Малой Садовой и Невского проспекта, заложенный народовольцами, почти напротив Аничкова дворца. Охрана справедливо рассудила, что если бы этот фугас взорвали при проезде Александра III по Невскому проспекту, то ударная волна и разлетающиеся булыжники вполне могли задеть императора. Видимо, приняв во внимание все эти рекомендации охраны, Александр III на одну ночь остался в Зимнем дворце.

6 марта 1881 г. из-за границы приехали великие князья Сергей и Павел Александровичи. Наконец вся семья Александра II собралась полностью. В Большом соборе Зимнего дворца шли регулярные литии, на которых княгиня Юрьевская со своими детьми по-прежнему присутствовала, стоя на хорах Большого собора.

На голову Александра II не была одета погребальная корона. Как отмечено в камер-фурьерском журнале: «По воле покойного, выраженной *две недели назад* (курсив мой. – *И. З.)* в присутствии наследника Адлербергу, корона в гроб на голову покойного Александра II не возлагалась, которая и была убрана из Георгиевского зала»[296]. Эта очень характерная деталь указывает на чувство обреченности, постоянно сопровождавшее Александра II в последние дни его жизни.

В субботу, 7 марта 1881 г., тело Александра II торжественно перевезли из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость[297]. Император навсегда покинул Зимний дворец, где он прожил весь отпущенный ему Богом срок земного существования. Второй этаж западного фасада Зимнего дворца, ранее столь населенный, полностью опустел[298].

Завершив разговор о пребывании Александра II в Зимнем дворце, обратимся к сюжету, связанному с жизнью его второй семьи в императорской резиденции. В истории Зимнего дворца не раз возникали скандалы. Иногда очень громкие, но подобного происшедшему при Александре II еще не случалось: четыре года в

Зимнем дворце одновременно (и неподалеку!) жили жена – императрица Мария Александровна и любовница, а затем и морганатическая супруга – Е. М. Долгорукова (Юрьевская).

О романе 49-летнего императора Александра II и 17-летней фрейлины Екатерины Михайловны Долгоруковой написано множество книг и снято несколько фильмов. Поэтому обратимся только к истории их совместной жизни в Зимнем дворце.

О времени и причинах переезда Е. М. Долгоруковой в Зимний дворец имеются разноречивые свидетельства. Связь императора, начавшаяся в 1866 г., моментально перестала быть секретом для петербургского бомонда, тем более что Екатерина Михайловна всячески афишировала свои «особые услуги».

Как уже упоминалось, императрица Мария Александровна постоянно недомогала и, похоронив старшего сына, начала замыкаться в кругу своих болезней. Мария Александровна не сразу смирилась с наличием у мужа второй, «параллельной» семьи. Поначалу она пыталась хотя бы объясниться с супругом. Как следует из дневниковых записей Александра II (2 февраля 1870 г.), «по возвращении с немецкого спектакля мне пришлось вынести крайне тягостное объяснение с женой по поводу моих исчезновений по вечерам, после посещения детей. Это лишь подтвердило мои опасения. Слава Богу, имя Д[299] еще не было пока произнесено!».

В 1872 г. Александр II запретил своим детям входить в его кабинет без доклада. Единственная дочь императора Мария Александровна вспоминала: «Мне казалось особенно невыносимым, что Папа запретил нам входить к нему без доклада». Более чем вероятно, что уже в это время Е. М. Долгорукова периодически навещала императора в его рабочем кабинете. Для того чтобы избежать неприятных встреч и вопросов, свободный доступ к императору для его детей был закрыт.

В мемуарах самой Е. М. Долгоруковой упоминается, что к весне 1879 г. она уже поселилась со своими детьми в Зимнем дворце. Так, после апрельского покушения 1879 г. на Дворцовой площади Александр II, по просьбе Е. М. Долгоруковой, отказался от ежедневных утренних прогулок вокруг Зимнего дворца и вместо этого ежедневно совершал утреннюю прогулку по парадным залам резиденции «в обществе своих троих детей, рожденных от его брака с княгиней Юрьевской»[300]. По ряду других мемуарных упоминаний, переезд совершился осенью 1879 г., после возвращения Александра II из Крыма.

Что касается причин беспрецедентного переезда «параллельной жены» в Зимний дворец, то баронесса

М. П. Фредерикс утверждала, что «Ее Величество сама приказала, чтоб эту недостойную личность переместили в Зимний дворец, так как Государь постоянно у ней бывал. Тогда же опасались за его жизнь, т. к. покушения злоумышленников все больше и больше повторялись. Императрица нашла, что вернее его охранить под их собственным кровом, забыв все, а главное себя, приказала эту личность поместить над своими покоями, так, что она постоянно слушала шаги бегающих детей»[301].

Княжна Е. М. Долгорукова. Фото С. Левицкого. 1870-е гг.

Вопрос о дате переезда княгини Долгоруковой («этой личности») в Зимний дворец решается с помощью архивных документов, хранящихся в Государственном Эрмитаже. В источнике «Описи комнатного имущества бывших Исторических комнат Государственного Эрмитажа и оценочные акты»

упоминается, что на мебели из комнат Александра II (точнее, это мебель из комнат Е. М. Долгоруковой с третьего этажа Зимнего дворца) по распоряжению Е. М. Долгоруковой установили медные таблички с надписями мемориального характера. Эти таблички и позволяют уточнить дату переезда Е. М. Долгоруковой в Зимний дворец.

Например, на дубовом кресле с резными подлокотниками и выгнутой спинкой, крытом темно-зеленой кожей, появилась медная дощечка с надписью: «Постоянно употреблялось Императором Александром Николаевичем от 1876 до 1 марта 1881 года». На другом кресле: «Употреблялось государем императором Александром Николаевичем в Зимнем Дворце с 1876 до 1 марта 1881 года». Даже на плевательнице орехового дерева имелась табличка: «Принадлежало и постоянно употреблялось Государем императором Александром II с 1876 по 1 марта 1881 года».[302] Следовательно, комнаты Е. М. Долгоруковой на третьем этаже юго-западного ризалита в Зимнем дворце были обставлены еще в 1876 г. Есть надписи, датирующие появление кабинета Александра II, оборудованного Е. М. Долгоруковой в своих комнатах и именуемого ею «Верхним кабинетом». Например, на дубовом стуле имелась табличка: «Государя императора Александра Николаевича от Верхнего кабинета в Зимнем дворце с 1877 по 1881 год». Следовательно, комнаты Е. М. Долгоруковой обустроили уже в 1876–1877 гг. Видимо, тогда же из кабинета Александра II пробили лестницу на третий этаж Зимнего дворца, прямо в комнаты Е. М. Долгоруковой.

Е. М. Долгорукова, Александр II и их дети

К концу 1870-х гг. Е. М. Долгорукова стала уже официальной пассией, уверенно отодвинувшей болевшую императрицу Марию Александровну. К примеру, А. А. Половцев так описывает день 6 августа 1879 г.: «Преображенский праздник. Во время развода княжна Долгорукова на главном подъезде дворца сидит в креслах, имея возле себя своего сеттера, составляющего повторение собак, сопровождающих Государя».

К февралю 1880 г. Е. М. Долгорукова вполне обжилась в Зимнем дворце. Великий князь Александр Михайлович, бывший в то время мальчишкой, вспоминал, что «во время нашего последнего пребывания в Петербурге, нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зимнем Дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама с маленькими детьми». А в это время, этажом ниже, умирала в своей Синей спальне императрица Мария Александровна.

После смерти императрицы в стенах Зимнего дворца в мае 1880 г. Е. М. Долгорукова в рекордно короткие сроки железной рукой буквально «дожала» Александра II, вынудив его жениться на ней уже в июле 1880 г., буквально на следующий день после сороковин по императрице Марии Александровне[303].

После скоропалительной женитьбы на Е. М. Долгоруковой

Александр II начал «легализацию» своей второй семьи, что было крайне болезненно для всех. Прежде всего для детей императора от первого брака, уже взрослых великих князей. Великий князь Александр Михайлович вспоминал, как зимой 1881 г. в Зимнем дворце разыгралась следующая сцена: «…старый церемониймейстер был заметно смущен, когда в следующее после нашего приезда воскресенье, вечером, члены Императорской семьи собрались в Зимнем Дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он постучал три раза об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно: Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, цесаревна Мария Федоровна потупилась… Император быстро вошел, ведя под руку молодую красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру Наследника.

Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда Наследника на этот второй его брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны Великих Княгинь и Князей и села рядом с Императором в кресло покойной Императрицы… Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к Императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием… В шестьдесят три года Император Александр II держал себя с нею, как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в ее маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что княгиня, очевидно, нам понравилась… К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

– А вот и мой Гога! – воскликнул гордо Император, поднимая в воздух веселого мальчугана и сажая его на плечо. – Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

– Меня зовут князь Георгий Александрович Юрьевский, – ответил Гога и начал возиться с бакенбардами Императора, теребя ручонками.

– Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! – шутил Государь. – А не хочется ли молодой человек, вам сделаться Великим Князем?

– Саша, ради Бога, оставь! – нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди своих родственников по вопросу об узаконении своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение, и в первый раз забыла она об этикете Двора и назвала Государя – своего супруга во всеуслышание уменьшительным именем.

К счастью, маленький Гога был слишком занят исполнением роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться над преимуществами императорского титула, да и Царь не настаивал на ответе. Одно было ясно: Император решил игнорировать неудовольствие членов Императорской фамилии и хотел из этого первого семейного обеда устроить веселое воскресение для своих детей.

После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с русских гор. Мальчуган старался подружиться со всеми нами, и в особенности с моим двоюродным племянником Никки (будущим Императором Николаем II), которого очень забавляло, что у него, тринадцатилетнего, есть семилетний дядя.

Что бы ты ни говорил, – заявила моя мать[304]: – я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она – достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей Императорской Семьи называть Сашей твоего брата».

Кипела гневом, говоря об «этой даме», не только великая княгиня Ольга Федоровна. Особенно бескомпромиссна в своих высказываниях была цесаревна Мария Федоровна, она сразу же, весьма по-женски, ощутила, что княгиня Е. М. Юрьевская очень скоро может превратиться в Екатерину III со всеми очевидными последствиями. Да и в периодических семейных «недоразумениях» у Александра II все чаще стала проскальзывать мысль о том, что он может лишить великого князя Александра Александровича статуса цесаревича.

Однако этим планам свершиться не было суждено. Александр II погиб от рук террористов, а княгиню Е. М. Юрьевскую, после первых совместно пролитых слез, немедленно отсекли от семьи. Однако она продолжала жить в Зимнем дворце как супруга Александра II.

Александра III такое положение не устраивало. Категорически. Поэтому княгине Е. М. Юрьевской подарили дом в Петербурге, оцениваемый в 1900-х гг. в 1,5–2 млн руб. Кроме этого, по условиям соглашения, детям княгини Юрьевской, по достижении совершеннолетия, из средств Кабинета следовали ежегодные секретные «выдачи»[305]. Так, сын Александра II от

второго брака, светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский ежегодно получал по 40 000 руб., они отпускались помесячно, по 3333 руб. 33 коп. и также переводились в «Банкирский дом Лампе и К⁰». Не забыли и о его сестрах[306].

Александр III

Александра III с Зимним дворцом связывали воспоминания детства и юности. Он прожил в главной императорской резиденции 21 год – с 1845 по 1866 г.

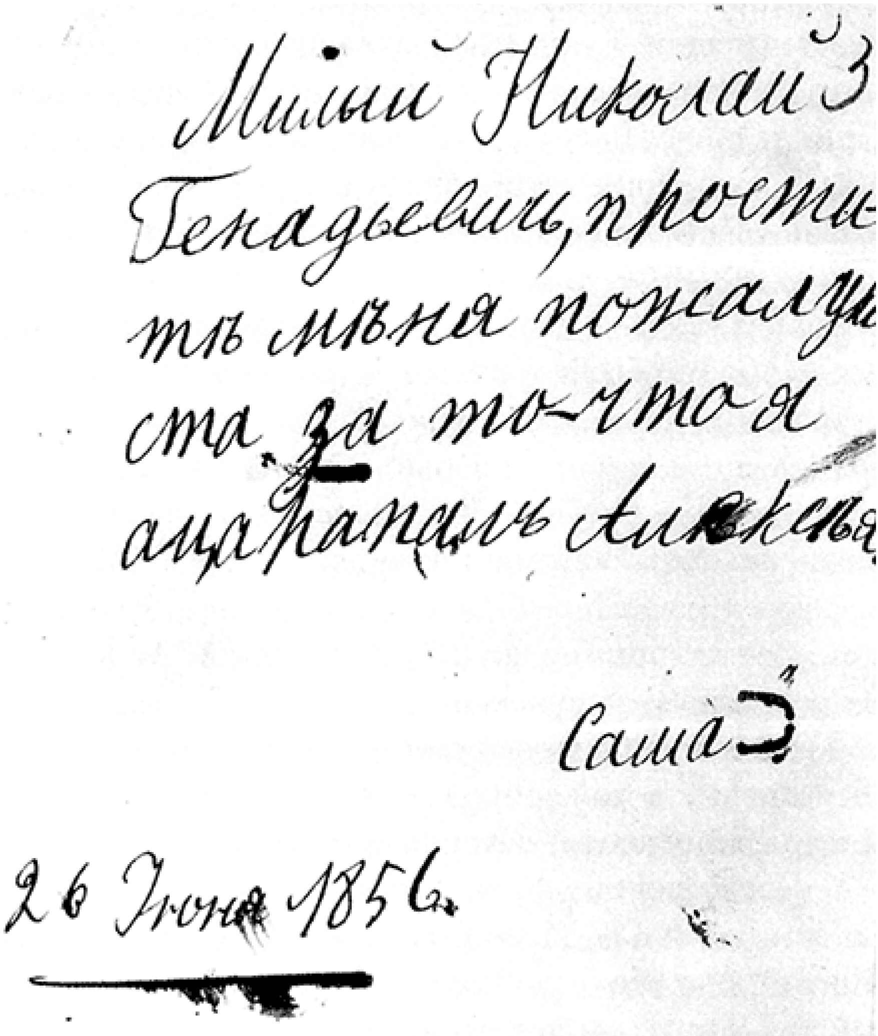
Александр Александрович родился 26 февраля 1845 г. в стенах Зимнего дворца, на половине цесаревны Марии Александровны. По воспоминаниям баронессы М. П. Фредерикс, «25 февраля Цесаревна поехала в театр – была Масленица, – во время представления Ее Высочество почувствовала себя нехорошо, возвратилась сейчас же домой; в ночь у Их Высочеств родился здоровый крепкосложенный младенец…». На следующий день М. П. Фредерикс, которая тогда сама была ребенком, впервые увидела младенца в колыбели[307].

В Зимний дворец к великому князю Александру Александровичу приезжали учителя, они буквально бились за приличные оценки будущего самодержца[308]. Воспитателям будущего императора тоже доставалось много хлопот, о чем свидетельствует записка великого князя Александра к воспитателю Н. Г. Казнакову с извинениями за то, что он «ацарапал» младшего брата, Алексея.

Великий князь Александр в 11 лет. 1856 г.

Будущий Александр III взрослел в Зимнем дворце. Очень

многие из окружения императорской семьи считали его более чем заурядным великим князем. Императрица Мария Александровна совершенно сознательно делала ставку на элитарное образование старшего сына, а ее младшие сыновья обучались «по остаточному принципу». Это стало ясно сразу же после внезапной смерти наследника-цесаревича Николая Александровича в апреле 1865 г.


Милый Николай
Генадьевичъ, прости-
тѣ мѣня пожалуй-
ста за то-что я
[illegible] Алексѣя

Саша

26 Июня 1856 г.

Записка великого князя Александра Александровича к Н. Г. Казнакову. 1856 г.

Великий князь Алексей Александрович в 1863 г.

Великие князья Александр, Владимир, Николай Александровичи. 1849 г.

Баронесса М. П. Фредерикс, наблюдавшая взросление Александра III буквально с пеленок, вспоминала: «В юности он не отличался ничем выдающимся; был некрасив собой, но всегда имел поразительно доброе выражение лица; был довольно своенравен, чтобы не сказать прямо – упрям, развивался туго, но был очень любознателен»[309]. Поэтому ее столь поразило, когда в марте 1881 г. она осознала, что «из этого ничтожного юноши вышел всеми любимый и уважаемый Император, именно такой, в каком Россия нуждалась»[310].

Великие князья Александр и Владимир Александровичи. 1861 г.

В 1851 г. великого князя Александра Александровича переселили к старшему брату, в комнаты Второй запасной половины Зимнего дворца (юго-восточный ризалит Зимнего дворца, бывшие комнаты Екатерины II), там он прожил до своей женитьбы осенью 1866 г., которую тогда называли «Дагмаровой осенью». После заключения брака молодые переехали на жительство в Аничков дворец.

После того как в марте Александр III стал императором, он не только не переехал в Зимний дворец, но и вообще уехал из Петербурга в Гатчину. С этого времени император бывал в Зимнем дворце лишь наездами. Тем не менее во второй половине 1880-х гг. императорская чета официально заняла комнаты в северо-западном ризалите. Мария Федоровна обустроилась на втором этаже, в комнатах бывшей половины императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I), а Александр III – на третьем этаже, в комнатах Николая I. Там кое-где поменяли

мебель и сделали косметический ремонт. Но в целом эти половины продолжали сохранять мемориальный характер, и Александр III с Марией Федоровной редко бывали там, практически никогда не ночуя, предпочитая привычный Аничков дворец.

Судя по описи на октябрь 1889 г., в перечень комнат Александра III на третьем этаже Зимнего дворца входили: Буфетная, Дежурная, Приемная, 1-я Проходная, 2-я Проходная, 3-я Проходная, Уборная Его Величества, Уборная Его Величества; Кабинет, Золотая Гостиная, Белая Гостиная, библиотека, 1-я Камердинерская, 2-я Камердинерская, гардеробная, Антресоль. «Географически» эти помещения шли по третьему этажу от Салтыковской лестницы до Концертного зала[311].

Николай II

Николай II родился в Александровском дворце Царского Села. Его детство прошло в Аничковом, а юность – в Гатчинском дворце. Но с Зимним дворцом он был хорошо знаком, регулярно посещая его во время семейных обедов на половине Александра II и дворцовых церемониалах. Николай II находился в Зимнем дворце и во время кончины Александра II.

Вновь Зимний дворец обрел царственных жильцов в 1895 г., после двух свадеб «императорского уровня». Сначала, весной 1894 г., вышла замуж дочь императора Александра III Ксения Александровна, а затем, в ноябре 1894 г., состоялась свадьба Николая II.

Тогда же решили, что дружившие семьями молодожены разместятся на половинах западного фасада Зимнего дворца. Ксения Александровна с мужем заняла комнаты Пятой запасной половины (западный фасад, 1-й этаж, окна правее Салтыковского подъезда). Для семьи Николая II отводился «императорский» северо-западный ризалит, в котором на втором этаже оборудовали императорскую «квартиру» общей площадью около 1000 квадратных метров.

С 20 апреля 1894 г. ремонтные работы в Зимнем дворце одновременно начались на двух половинах – 1-й запасной половине (2-й этаж южного фасада и юго-западного ризалита) и половине великих князей Сергея и Павла (1-й этаж западного фасада и юго-западного ризалита – 5-й запасная половина).

В 1-й запасной половине ремонтировались комнаты покойных императрицы Марии Александровны и Александра II. Ремонт по большей части свелся к замене занавесок и чистке стен[312].

На 5-й запасной половине установили «семь новых шкафов красного дерева для гардероба, полированных с приборами, вешалками, ящиками, всего 39 погонных аршин… и три буфета ясеневого дерева»[313]. Для оборудования комнат великой княгини Ксении Александровны в августе 1894 г. из комнат, «предназначенных для Наследника Цесаревича» (3-й этаж северо-западного ризалита), забрали «некоторые предметы, как-то: мебель, люстры, и канделябры», и поместили их на 5-ю запасную половину[314].

Домом для императора Николая II Зимний дворец стал в 1896 г., поскольку на жительство в свои комнаты молодая семья переехала в конце декабря 1895 г. с двухмесячной дочерью.

Все их комнаты, естественно, подготовили для жилья, но это были еще не обжитые стены, с которыми еще не связано никаких

воспоминаний личного характера. Однако эти старые стены быстро превратились в уютный дом, постепенно наполнявшейся детскими голосами.

Императрица Александра Федоровна начала обустраивать комнаты «под себя», несмотря на то что интерьерные работы в целом закончились. Например, в январе 1896 г. в Зимний дворец доставили «железные люстры и бумажные материи для вновь отделываемой помещений Их Императорских Величеств»[315].

По давней дворцовой традиции, в каждой из жилых комнат находились иконы. Их перевезли в Зимний дворец из личных комнат императора Николая II в Аничковом дворце.

В феврале 1896 г. в Зимний дворец доставили акварели, приобретенные супругами на выставке Общества Санкт-Петербургских акварелистов в Императорской Академии художеств. Тогда царственные супруги купили по три акварели[316]. Коллекция живописи на половине императорской семьи пополнилась в апреле 1896 г., когда Николай II приобрел на выставке Санкт-Петербургского общества художников две картины[317].

Кабинет императрицы Александры Федоровны. (Горка с драгоценностями справа)

В марте 1896 г. из Аничкова в Зимний дворец перевезли пасхальные яйца «для помещения их в Собственных комнатах Его Величества». Со временем и в угловом кабинете императрицы

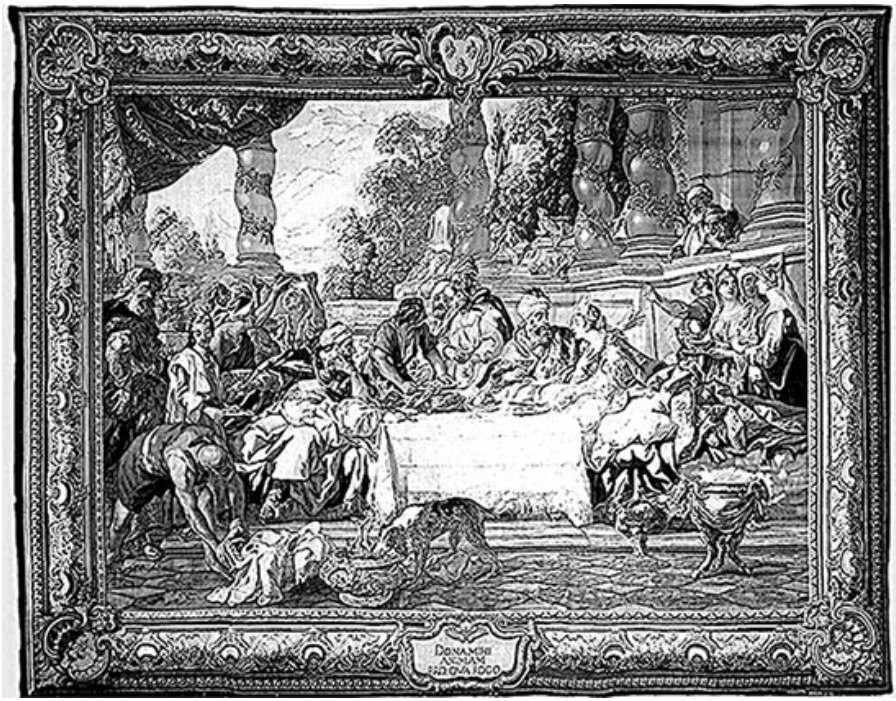
Александры Федоровны появится горка, в которой вплоть до мая 1917 г. будут храниться драгоценные пасхальные подарки Николая II – 10 пасхальных яиц работы мастеров фирмы К. Фаберже.

Коллекция вещей мемориального характера, хранимых в Зимнем дворце, пополнилась в мае 1896 г. личными вещами Николая I, их перевезли из Александровского в Зимний дворец и сдали на хранение в мемориальный кабинет императора Николая I на первом этаже императорской резиденции[318].

Наполнялись личные покои и вещами, поднесенными иностранными делегациями. Например, из вещей, присланных к коронации «для поднесения Его Императорскому Величеству», императорская семья отобрала для себя «десять кусков китайских шелковых материй разных цветов и ласточкины гнезда лучшего качества». Остальные многочисленные подарки (например, 10 драгоценных вееров слоновой кости) передали в кладовую Зимнего дворца, где хранились восточные вещи, привезенные Николаем II еще в 1891 г.

Темный коридор с развешанными шпалерами

В конце 1896 г. в Темном коридоре Зимнего дворца по распоряжению Николая II появились шпалеры (гобелены)[319], они украшают его стены и сегодня[320]. В декабре 1896 г. Николай II повелел передать в Темный коридор Зимнего дворца из вестибюля Арсенала Императорского Эрмитажа гобелен под названием «Пир Эсфири». Тогда же из Императорской Академии художеств доставили гобелены «Смешение языков» и «Явление царю Немврoду»[321].



Шпалера «Пир Эсфири». Мануфактура Гобеленов, мастерская Козетта. Франция. Париж. 1764 г.

Наряду с Готической библиотекой Николая II, в Зимнем дворце начала формироваться и библиотека императрицы Александры Федоровны, с 18 апреля 1896 г. ею заведовал статский советник В. В. Щеголев. Его должность поначалу определялась как «заведующий собственными Ея Императорского Величества книгами»[322].

Для библиотеки императрицы в Зимнем дворце отвели помещение «над Собственным Их Величеств апартаментами», то есть на третьем этаже северо-западного ризалита. Возможно, библиотека императрицы располагалась в бывшей библиотеке императора Александра III.

Библиотека пополнялась разными книгами – парадными и в мягких обложках, на русском и иностранных языках. Те, что были в мягкой обложке, по распоряжению Александры Федоровны переплетали в кожу. В мае 1899 г. переплели книги: Шумигорского «Императрица Мария Федоровна»; Станюковича «Новые морские рассказы»; Сенкевича «Камо грядеши?»; Alfred Rambaud «Histoire de la Russe»[323]. Переплетала в кожу императрица и свои книги, привезенные из Германии.

Уже в 1899 г. в книжном собрании императрицы встречаются издания с экслибрисами ее старшей дочери, 4-летней великой княжны Ольги Николаевны («Иллюстрированный классификатор

луговых трав» Лошкарева). Таким образом, в библиотеке императрицы начали постепенно формироваться книжные собрания царских дочерей.

Среди парадных изданий в документах упоминаются «Коронационный сборник» 1896 г., «давно уже лежащий на столе в гостиной Ея Императорского Величества»; «Известия Общества Ревнителей русской истории просвещения в память императора Александра III»; «Русские древности» Толстого; «Альбом XXV-летия товарищества передвижных художественных выставок».

Однако в марте 1900 г. состоялось решение об освобождении В. В. Щеголева с должности заведующего библиотекой «ввиду сравнительно не весьма значительного числа книг и изданий, ежегодно поступающих в эту библиотеку». Библиотекарю объявили благодарность за четырехлетнюю работу и подарили золотую булавку, украшенную сапфиром и бриллиантом (500 руб.). Далее за библиотекой следили чины Канцелярии императрицы Александры Федоровны. Все накопившиеся вторые экземпляры книг передали в библиотеку Николая II[324].

План расположения комнат на половине Николая II и императрицы Александры Федоровны

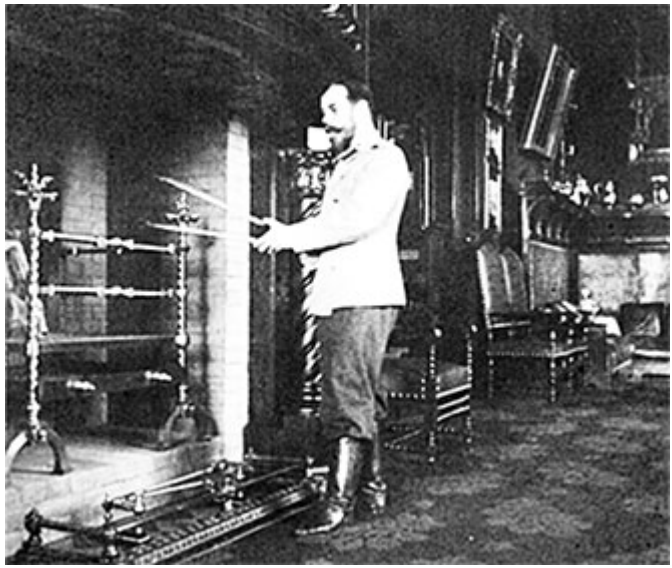
A – Малахитовая гостиная Ее Величества; B – Салон Ее

Величества (Ампир); C – Гостиная Ее Величества (Серебряная, Луи XVI); D – Кабинет Ее Величества; E – Спальня Ее Величества: F – Гардеробная Ее Величества; G – Будуар Ее Величества; H – Кабинет Его Величества; I – Гардеробная Его Величества; J – Белая столовая Их Величеств; K – Мавританская; L – Библиотека Его Величества (Готическая); M – Ротонда; N – Малая Церковь; O – Бильярдная Его Величества; P – Адъютантская

В дневнике Николая II довольно часто встречаются упоминания о комнатах Зимнего дворца, которые постепенно становились уютным и комфортным жильем молодой семьи. Со временем число подобных записей уменьшается, поскольку вырабатывается привычный и само собой разумеющийся ритм жизни в Зимнем дворце. Но в записях за 1896 г. царь часто фиксирует «географию» своей новой квартиры.

Рабочий стол Николая II в Кабинете

Сегодняшний вид кабинета Николая II. Картина на месте камина



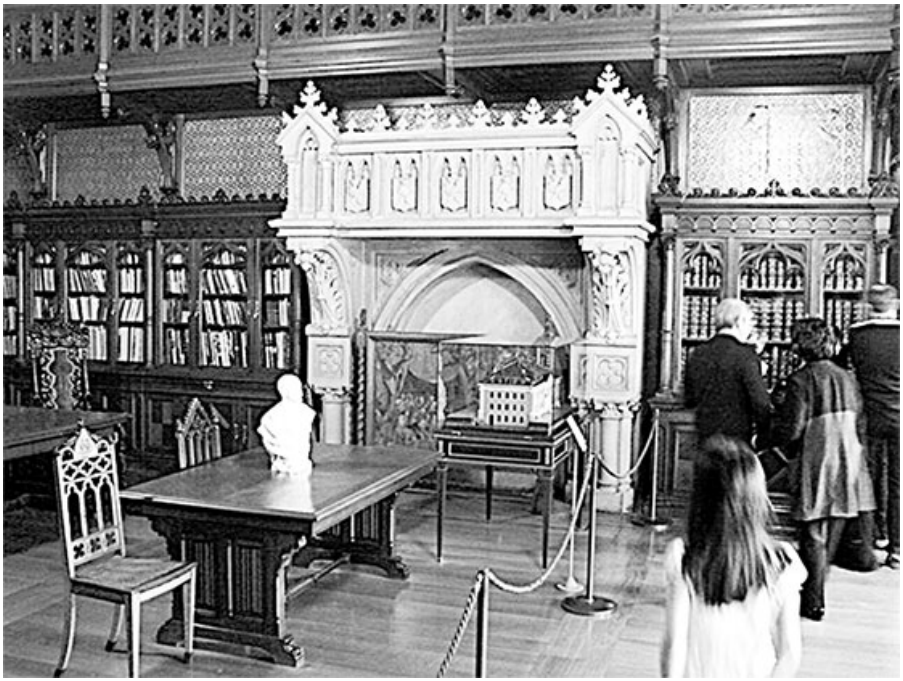
Николай II у камина в Кабинете

Так, утром 1 января 1896 г. Николай II «полоскался с наслаждением в… ванне»[325], после чего ему подали прямо в Кабинет (зал № 181 «H») кофе, где он «засел за несносные телеграммы». В 13 часов подали обед в Малую (Белую) столовую (зал № 188 «J»), и Николай II с Александрой Федоровной «обновили… [свою] столовую семейным завтраком». Вечером супруги «развешивали образа на новом киоте, в спальне» (зал № 184 «E»).

Надо сказать, что Малую столовую использовали, как правило, во время завтраков, на которые приглашались родственники или дежурный флигель-адъютант. Например, в Светлое воскресенье 28 марта 1904 г. с семьей «завтракал князь Орлов (деж.)». Обедали они чаще всего вдвоем, и поздний обед (20.00) зачастую накрывался в Готической библиотеке (зал № 178): «Обедали вдвоем в библиотеке» (27 марта 1904 г.). Впрочем, когда Александра Федоровна и Николай Александрович оставались вдвоем, они позволяли себе импровизировать (2 апреля 1904 г.): «Завтракали и обедали вдвоем в уборной Аликс» (зал № 183).

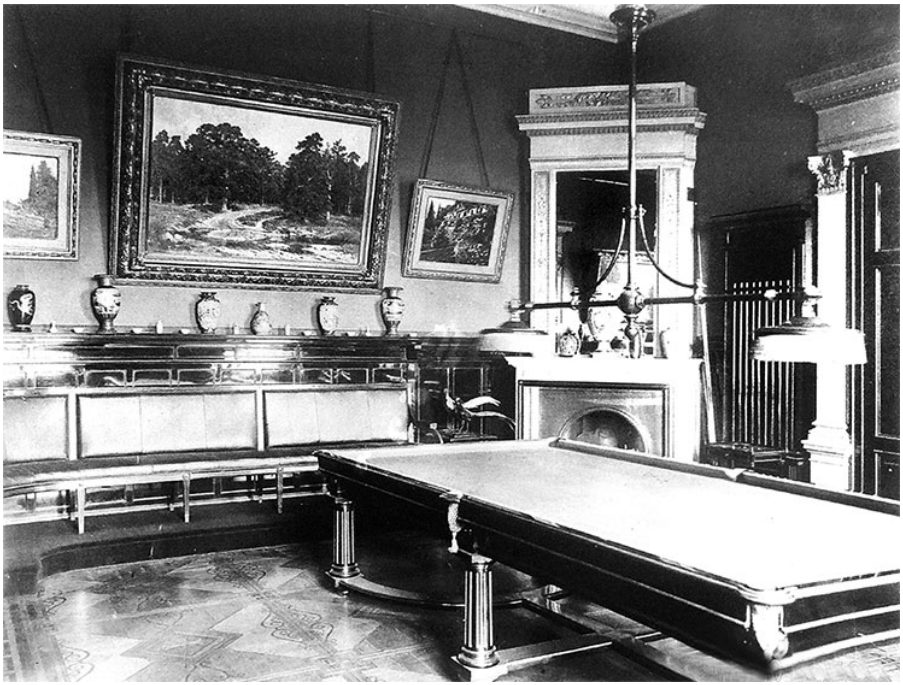
Спальня императорской четы. За ширмой кровать с киотом

Современный вид императорской спальни



Готическая библиотека

Уборная (будуар) императрицы



Бильярдная Николая II. Фото 1917 г.

Современное фото бильярдной

3 января 1896 г. Николай II упоминает, что его первый прием состоялся «в пустующей еще биллиардной». Следовательно,

оборудование царской квартиры еще не завершилось полностью. Бильярд царю установили во второй половине февраля 1896 г. 21 февраля царь записал: «…сыграл две партии пирамиды с Оболенским (деж.) для обновления бильярда». Но и после того, как бильярдную оборудовали, Николай II продолжал принимать там небольшими группами представлявшихся. В феврале 1896 г. он записал: «Принимал много народу по группам в бильярдной».

Молодые супруги продолжали заниматься своей квартирой, бесчисленными мелочами придавая ей жилой вид: «Целый вечер употребили на развешивание фотографий в маленькой проходной комнате и по лестнице вверх и вниз». Под «маленькой проходной комнатой» имелся в виду будуар императрицы (зал № 183), куда и выходила круглая чугунная лестница, по которой можно было спуститься в комнаты дочери на первый этаж и подняться на третий в комнаты Александра III. Поскольку фотографий в семье накопилось много, то ими украсили стены, вдоль которых проходила круглая чугунная лестница.

4 января 1896 г. супруги отправились в одну из кладовых Зимнего дворца, в которой хранились восточные вещи, привезенные царем из кругосветного путешествия в 1890–1891 гг. Там супруги «выбрали несколько вещей для установки в наших комнатах, в коридоре и на лестнице».

Фрагмент книжного шкафа в Готической библиотеке

Бюст Николая II в Готической библиотеке

Судя по дневникам, Николай II сразу же стал использовать свою Готическую библиотеку для работы. Там по утрам он принимал «с обычными докладами».

Поскольку на огромной царской половине супруги жили вдвоем (маленькую Ольгу поместили в комнатах первого этажа), то завтракали, обедали и ужинали супруги в разных помещениях. Например, 3 января 1896 г. они «вечером закусили в… кабинете» царя, то есть нынешнем зале № 181. Позже, такие «закуски в

кабинете» вошли в повседневный обиход, и царь просто отмечал: «Закусывали вдвоем у меня», не указывая, что это был Кабинет.

Заметим, что рабочий кабинет Николая II – очень небольшое, но светлое помещение (ныне – зал № 181). Погода весной 1896 г. стояла теплая и солнечная, и Николай II с удовольствием отметил в дневнике 26 марта: «Погода все улучшается; сидел у себя в кабинете с открытым окном!».

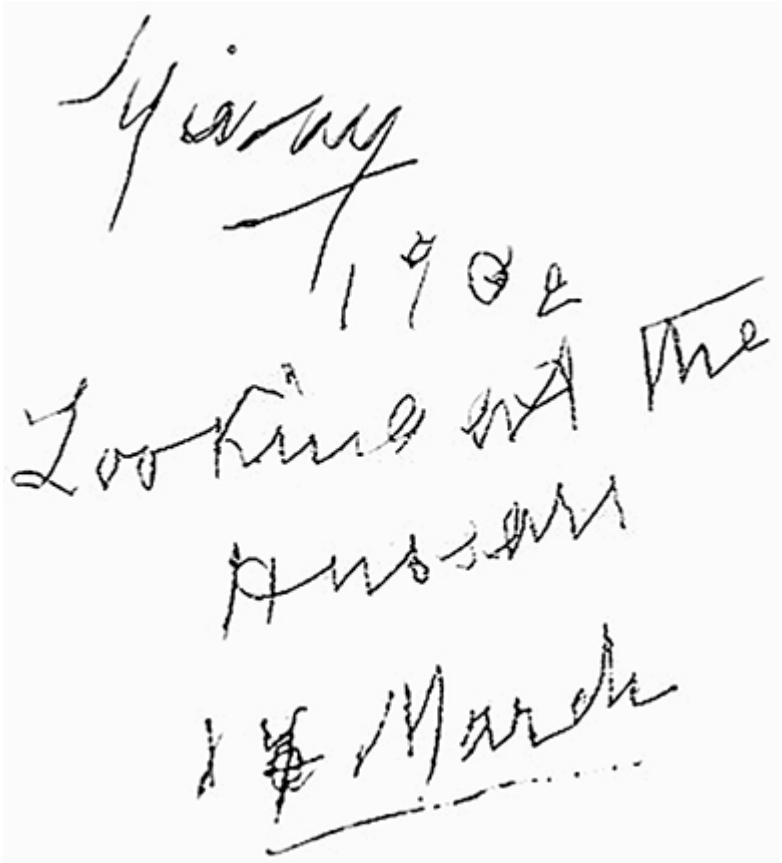
Поскольку окна кабинета царя выходили на Адмиралтейский проезд, то царь часто становился свидетелем различных сцен повседневной городской жизни. Особенно царь отмечал передвижение воинских частей мимо своего кабинета. 6 февраля Николай II писал в дневнике: «…во время чтения услышал музыку и увидел весь Семеновский полк, шедший на Дворц[овый] мост – вероятно, на прогулку. Все молодые солдаты шли в хвосте с ружьями». На следующий день царь, также из окна кабинета, наблюдал прохождение Измайловского полка. 5 марта супруги вместе «утром смотрели из окна на проходивший Преображенский полк, совершавший военную прогулку».

Видимо, подобное времяпровождение стало настолько привычным, что Александра Федоровна сочла нужным «увековечить» эту форму досуга, вырезав бриллиантом знаменитую надпись на стекле окна своего Углового кабинета в 1902 г.

Когда весной шел с Ладоги лед, Николай Александрович смотрел на это завораживающее зрелище из Углового кабинета (зал № 185) своей жены (запись от 31 марта 1896 г.): «Смотрел на льдины, которые плыли сверху и налезали одна на другую, потому что им мешал мост». 2 апреля царь прямо указал на свой «наблюдательный пункт»: «После кофе сидел в угловом окне Аликс и смотрел на хороший ледоход».

Как ни удивительно, но некоторые традиционные петербургские церемонии Николай II увидел только из окна кабинета своей жены. 3 апреля 1896 г. он наблюдал открытие навигации на Неве: «Навигация наконец открылась: в 11 час. утра комендант переехал в катере через Неву, и затем поплыло множество пароходиков и яликов. В первый раз видел эту церемонию!».

У окна в кабинете Александры Федоровны



Надпись на стекле: «Ники смотрит на гусар 1902»

Позже супруги старались не пропускать красочную церемонию, наблюдая за действом из окна Углового кабинета императрицы (3 апреля 1904 г.): «Утром прошла масса льду. С часу дня из Адмиралтейства начали вытаскивать и спускать на воду катера. После завтрака смотрели на церемонию открытия навигации с пушечною пальбою и процессиею катеров от крепости».

Уютный Угловой кабинет стал любимым местом императорской четы. Увитые живой зеленью ширмы выгораживали два угловых окна. В этом уютном уголке установили диван.

Но в кабинете императрицы не только отдыхали, но и работали. На имя императрицы шло множество прошений самого разного характера, она разбирала их лично. Так, в начале 1904 г. на рабочий стол императрицы легло прошение Надежды Врубель (Забелы), в котором она просила «о принятии… на партии лирико-драматического сопрано в Императорскую Санкт-Петербургскую оперу… сверх комплекта»[326]. Прошение было

вызвано нуждой в деньгах, поскольку вследствие «тяжкого душевного недуга, постигшего мужа моего, художника Врубеля, около двух лет тому назад мне пришлось поместить его на лечение в клинику душевнобольных при Императорском Московском Университете и остаться самой без всяких средств к существованию…».

Императрица распорядилась «обратить внимание Теляковского[327] на это прошение». Ходатайство жены Врубеля поддержала и учительница пения императрицы профессор Консерватории Н. А. Ирецкая (Надежда Врубель была ее ученицей). Однако директор императорских театров В. А. Теляковский ответил, что «в настоящее время в Мариинском театре 12 сопрано, между тем как 8 было бы совершенно достаточно». Кроме этого, началась Русско-японская война, что вызвало урезание бюджета, поэтому искомую должность певица не получила.

Императрица Александра Федоровна в Угловом кабинете с собачкой. 1900 г.

Угловой кабинет Александры Федоровны. Современный вид

Рабочий стол императрицы Александры Федоровны в Угловом кабинете

Парадная Малахитовая гостиная использовалась для разных целей, в том числе и для завтраков, как родственных, так и представительских. Так, 11 января 1896 г. в Малахитовой гостиной «завтракали: д. Сергей, д. Павел и Элла – автор наших комнат. Показали им все наше устройство». В этот же день через Малахитовую гостиную и Концертный зал венценосные супруги в сопровождении родственников «вышли в Николаев[ский] зал, и начался наш первый Большой бал».

По традиции, сложившейся со времен Николая I, семья Романовых собиралась в Малахитовой гостиной для пасхального разговления. Для Николая Александровича это было памятью детства. Там же, в Малахитовой, царь христосовался с сотнями людей, продолжая традицию, заложенную еще Николаем Павловичем. В 1896 г. Николай II продолжил христосование с чинами охраны в Концертном зале. В этом же зале ранее прошел

семейный завтрак. В марте 1896 г. в Малахитовой гостиной на завтрак собралась вся семья «по случаю дня рождения Анпапа, с музыкой». «Анпапа» – это Александр II, страшная смерть которого врезалась в память царя. 31 марта в Малахитовой вновь состоялся завтрак в относительно узком кругу «за 4-мя столами», а это, как минимум, 40 человек.

Императорская чета так же, как в прежние годы их дед и прадед с супругами, выходила в парадные залы Невской анфилады из своих комнат, проходя через Малахитовую гостиную. Царь пользовался этим, периодически покидая переполненные залы для того, чтобы отдохнуть в Малахитовой. В дневнике он записал: «Заходил курить к себе».

В парадных гостиных, по традиции, оформившейся во времена Николая I, отмечались дни рождения европейских, прежде всего германских, родственников. Например, 15 января 1896 г. состоялся «довольно большой завтрак в Малахитовой с Радолином и его женой в честь Вильгельма, с музыкой». Князь Радолин на то время был послом Германии в Российской империи и по статусу присутствовал на таких семейных дипломатических завтраках. После завтрака у Николая II состоялась приватная беседа с послом «в голубой комнате».

Малахитовая гостиная. Фрагмент

Камин в Малахитовой гостиной

Совершенно очевидно, что так Николай II именовал первую от Малахитовой гостиной приемную императрицы Александры Федоровны (зал № 187). Подобная приватная беседа с германским послом, буквально в квартире царя, с одной стороны, являлась свидетельством сохранявшихся близких отношений между Россией и Германией, а с другой – свидетельствовала об определенных неудобствах, вызванных исторически сложившейся планировкой личных половин в северо-западном ризалите. Гораздо логичнее и естественнее проводить подобную часовую беседу с послом было либо в кабинете императора (зал № 181), либо в Готической библиотеке (зал № 178), однако для этого пришлось бы провести гостя из Малахитовой гостиной через спальню царской четы, что было не совсем удобно. Поэтому царю приходилось использовать для приватных бесед одну из парадных гостиных своей жены.

На протяжении января 1896 г. семья продолжала демонстрировать свои комнаты ближайшим родственникам. Императрица Мария Федоровна впервые посетила квартиру сына и невестки 19 января. В этот день супруги «показывали Мама детскую; туда приехали в гости дети д. Павла и еще Ирина[328]». Кстати говоря, «дети д. Павла» – это великий князь Дмитрий Павлович и великая княгиня Мария Павловна (Младшая).

Периодически родителям приносили их дочь – маленькую

Ольгу. Надо сказать, что не слишком часто. 21 февраля 1896 г. «во время нашего breakfast'а приносят нашу душку к Аликс; после ее кормления ее кладут на диван, и здесь она начинает высказывать желание говорить и производить губами разные протяжные звуки».

Князь Радолин, посол Германской империи в России

Родители с Ольгой. 1896 г.

Александра Федоровна с Ольгой

Императрица Александра Федоровна с Анастасией

7 марта 1896 г. в детских комнатах на первом этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца придворный фотограф А. А. Пазетти провел первую фотосессию: «Пазетти снимал нас группой втроем – Аликс, дочку и меня внизу в детской». Через два дня там же великой княжне Ольге Николаевне привили оспу. Позже эти фотосессии царских детей в стенах резиденций станут повторяться регулярно.

Николай II тогда близко общался со своей сестрой Ксенией и ее мужем, великим князем Александром Михайловичем. Они дружили с детства, у них были маленькие дети-ровесники. Так, 24 января 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Пошли вниз к Ксении, куда приехала Мама, и затем отправились в Малую церковь. После обедни завтракали у них же».

В 1897 г. великая княгиня Ксения Александровна с семьей выехала из Зимнего дворца, прожив в нем три года. Поскольку освободилась 5-я запасная половина, то часть ее помещений (первый этаж западного фасада Зимнего дворца, правее Салтыковского подъезда) передали под квартиру гофмейстерины

княгини Голицыной: «25 июля Государь Император изволил повелеть часть помещения, которое было занято Их Императорскими Высочествами великим князем Александром Михайловичем и великою княгинею Ксениею Александровной на 5-й запасной половине Зимнего Дворца, предоставить гофмейстерине светлейшей княгине Голицыной».[329] Отметим, что квартира для княгини получилась огромная, фактически занимавшая весь первый этаж юго-западного ризалита[330].

Повзрослев, дети стали чаще проводить время на половине родителей. На фотографиях видно, что в спальне императорской четы находилась детская мебель.

Когда дети болели обычными сезонными или возрастными болезнями, их изолировали на детской половине на первом этаже северо-западного ризалита (26 марта 1904 г.): «Все дети снова простужены и сидят у себя в детской». Когда дети болели, родители старались, как можно больше времени проводить на первом, «детском», этаже Зимнего дворца (28 марта 1904 г.): «Долго сидели у детей, кот. все еще в кроватях».

Великий князь Александр Михайлович с Ксенией Александровной, великая княжна Ольга Александровна (младшая сестра Николая II), Николай II с Александрой Федоровной. 1896 г.

Николай II в спальне с дочерьми Ольгой и Татьяной. 1899 г.

Представительские обязанности императрицы подчас приводили к появлению новых вещей на детской половине. Так, в 1903 г. под патронажем императрицы Марии Федоровны в Петербурге прошла Международная научно-промышленная выставка «Детский Мир» (с 22 ноября 1903 г. по 25 января 1904 г.). Эту выставку посетила императрица Александра Федоровна с детьми. По окончании выставки многие из экспонатов были переданы на детскую половину Зимнего дворца устроителями выставки в качестве дара.

Например, фабрикант граммофонов В. И. Ребиков передал «выставленный им на выставке „Детский Мир“ граммофон Августейшим Детям Их Величеств, но затем решил поднести этот граммофон Государю Императору».[331] Граммофон передавался с пластинками «для раненых». В комнаты императрицы доставили «белый плюшевый ящик с 15 книгами по вопросам педагогики».

Кроме книг, в комнаты передали множество детских вещей. Фирма братьев Тонет передала детские люльку, кровать, гарнитур «обитый, состоящий из дивана, кресла, стула и столика, детский письменный стол с креслом». Вполне возможно, что именно этот

детский гарнитур и был расставлен в императорской спальне. Специально маленькой Анастасии подарили детские саночки, Ольге – буковую гнутую качалку, Марии – буковый детский мебельный гарнитурчик из 5 предметов, Татьяне – буковую гнутую кроватку. Фирма «Сакс Ф.» передала в Зимний дворец куклу; предприниматель Войцехов – гарнитур зеленый детский, состоящий из дивана, двух кресел, двух стульев и одного стола; М. П. Пельц – детское платье; М. П. Мезенцов – пальто, капор и муфту для великой княжны Анастасии, эти вещицы «удостоились внимания императрицы Марии Федоровны при посещении выставки». Из французского отдела выставки передали несколько шляп для кукол. И вершиной подарков стало седло для лошади, предназначавшееся для великой княжны Ольги Николаевны[332].

Когда царская семья поселилась в Зимнем дворце, кроме министров, которые ежедневно приезжали во дворец на доклады, царь принял ряд старожилов Зимнего дворца. По традиции, сложившейся еще в екатерининское время, в Зимнем дворце выделялись квартиры для генерал-фельдмаршалов. Так, в 1896 г. в Зимнем дворце квартировал генерал-фельдмаршал И. В. Гурко (1828–1901), один из героев Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), которого и принял царь 25 января: «Кроме до докладов принял Гурко, кот. живет в Зимнем по званию генерал-фельдмаршала».

С 10 января 1896 г. для представительских целей начали использоваться парадные залы Невской анфилады: «имел здоровенный прием в Концертной з[але]». С того времени именно этот зал начал использоваться для приема представлявшихся царю. Например, 17 января царь принял здесь 34 человека.

По традиции, в Концертной зале царю представляли и масштабные проекты. Например, 10 апреля 1904 г. «в Концертной смотрели разные предметы, приспособленные лейтен. Боткиным для походной обстановки. Много весьма остроумного и практичного. Он давал все объяснения».

16 апреля 1904 г. в Петербург прибыли «командиры, офицеры и команды „Варяга“ и „Корейца“. Их встречали торжественно, как подобает героев: по всему Невскому шпалерами стояли войска и юнкера военно-учебные заведения. В 11 $^{1}/_{2}$ они прибыли к Зимнему; я их обошел и затем они прошли церем. марш. Наверху в Белой зале приняли всех офицеров. Молебен был отслужен в Георгиевской зале. Обед для нижних чинов был приготовлен в Николаевской зале на 620 чел. Обойдя столы, пошли в Концертную к завтраку. После этого долго разговаривали с офицерами». Следует подчеркнуть, что обеденный стол для нижних чинов, накрытый в Николаевской зале, был

беспрецедентным событием для Зимнего дворца. Как правило, нижних чинов, кавалеров Военного ордена, кормили обедом на первом этаже в вестибюле перед Иорданской лестницей. Конечно, изменение принятого порядка – не случайность. Накрытый стол в огромном парадном зале стал еще одним штрихом в чествовании героев-моряков.

Периодически использовались и другие залы Невской анфилады. 4 марта 1896 г. врач и путешественник П. Я. Пясецкий (1843–1919) в Белом зале показывал царю «свою разворачивающуюся панораму, отлично исполненную, всего путешествия его с Куропаткиным из Энзели на Каспийском море до Тегерана, в прошлом году». Второй раз П. Я. Пясецкий показывал царю свои новые работы 3 марта 1904 г.: «Мама и д. Алексей обедали у нас и затем смотрели с несколькими приглашенными новые удачные произведения Пясецкого в Концертной».

Кроме этого, Концертная зала использовалась и для представления других масштабных проектов. Так, 16 марта 1904 г. царь осматривал там «планы крепостей». Очень возможно, что ему тогда представляли план крепости Порт-Артур.

П. Я. Пясецкий. Императорская чета в парке замка Компьень. 1901 г.

Императрица Александра Федоровна за работой на складе ее имени. 1904 г.

В январе 1914 г. в парадных залах Невской анфилады эксперты выставили для осмотра «коллекцию г-жи Нелидовой», ядро экспозиции составили «греческие древности», собранные русским послом в Париже А. И. Нелидовым. На этой временной выставке вместе с Николаем II побывал и цесаревич Алексей. 21 декабря 1916 г. состоялось высочайшее повеление о приобретении коллекции.[333]

В. А. Серов. Портерт императрицы Александры Федоровны

Когда началась Русско-японская война, по традиции в Эрмитаже устроили склад императрицы Александры Федоровны, где собирали пожертвованные продукты, белье, а дамы аристократки щипали корпию. 6 апреля 1904 г. царь отметил в дневнике: «Аликс пошла в первый раз в склад».

В феврале 1896 г. супруги стали вечерами гулять по залам Зимнего дворца. Сад у западного фасада резиденции еще не устроили, ездить в Аничков лишний раз супруга не желала, поэтому гуляли по залам. Поводом к тому стали визиты на дворцовую гауптвахту. Так, 12 февраля, после обеда (т. е. около 21 часа), супруги «обошли все три внутренние караула – от военных училищ». Возвращаясь, зашли в дворцовую кладовую, где «выбрали вещи из моей коллекции для украшения комнат».

Прогулка понравилась: «Оригинально в полутемных залах… Приятно было провести вечер, прогуливаясь по дворцу; осмотрели еще раз картины Айвазовского». Такие неспешные совместные прогулки по дворцовым залам, освещенным только дежурными лампочками, повторялись и позже: «Опять обошли караулы, т. к. у церкви стояли юнкера Павловского училища. Застряли в моей коллекции и перетащили массу вещей к себе в комнаты». Этими «перетащенными» вещами царь лично украсил свои приемные комнаты (15 февраля): «Утром после чтения возился с некоторыми вещами, которые я расставил в приемной комнате» (залы № 175 и № 176).

Посещения караулов продолжались вплоть до отъезда на коронацию в Москву. Каждый раз царь прилежно фиксировал эти посещения, отмечая полковую принадлежность караула: «Морской кадет, и казачью сотню Н<иколаевского> К<авалерийского> у<чилища>». Периодически в этих караулах стояли ближайшие родственники царя. 11 марта Николай II отметил, что в карауле Николаевского кавалерийского училища на часах стоял великий князь Борис Владимирович.

Приемная Николая II

Кроме кладовых Зимнего дворца, вещи перевозились в комнаты царской семьи и из Аничкова дворца. Когда 10 марта родители повезли дочку к бабушке в Аничков дворец, они попутно осмотрели оставшиеся во дворце вещи Николая

Александровича: «Осматривали мои прежние образа и старые вещи, хранящиеся в „сервизной“, – большую часть из них взял к себе в Зимний».

4 апреля 1896 г. царская семья, собрав необходимые вещи в сундуки, переехала на жительство в Александровский дворец Царского Села. 6 мая оттуда они выехали в Москву на коронацию.

После коронации и отдыха под Москвой, представительских поездок по европейским родственникам царская семья вернулась в Царское Село в ноябре 1896 г., откуда Николай II время от времени наезжал в столицу, бывая и в Зимнем дворце. Так, 8 ноября после церемонии представления одного из гвардейских полков царь завтракал с офицерами полка в Концертном зале, после чего он разговаривал «с офицерами в Ротонде. В 3 $^1/_2$ пошли в Гербовый зал, где произошла церемония прибивки знамени Егерского полка и навязывания георгиевских лент на серебряные трубы 8 гвардейским батареям». В конце длинного дня царь констатировал: «Приятно провести сутки в наших уютных комнатах Зимнего».

В конце ноября царь и царица вернулись в Зимний дворец из Царского Села только на один день, к традиционному Георгиевскому празднику. 26 ноября царь записал в дневнике, описывая свой рабочий день в Зимнем дворце: «Проснулись рано с солнечным утром. Читал и провел время свободно[334] до 11 $^1/_2$ ч. Пошел обходить войска и отставных. В 12 час. начался первый выход Георгиевского праздника для дорогой Аликс. После молебна и относа штандартов вернулись в Малахитовую к завтраку. Как всегда, в середине пришлось встать и спуститься на Иорданский под. для обхода столов георгиевских кавалеров. После завтрака была прибивка знамени Новочеркасского полка. Гешихте с д. Владимиром. Обновил наш садик. Читал. Обедали в б час. с Георгиевскими кавалерами». После посещения театра супруги вернулись в Царское Село.

Примерно такой же график движений из резиденции в резиденцию повторялся и в последующие годы. Обратимся к эпизодам жизни царской семьи в Зимнем дворце в 1904 г.

1 января 1904 г. у всей царской семьи был стандартный представительский рабочий день: «В 11 час. начался выход. После обедни работали с дипломатами и вернулись в Малахитовую в 1 $^1/_2$. Завтракали семейством как всегда. После этого Мама жаловала дам к руке. В 3 часа уехал обратно». «Обратно» – это в Александровский дворец Царского Села. Любопытно, что императрица Мария Федоровна, как упоминает царь, «одевалась в Зимнем в нашей спальне». Поскольку сын занял бывшую половину Марии Федоровны, вдовствующая императрица была

вынуждена воспользоваться супружеской спальней императорской четы.

В Малахитовой гостиной периодически проходили заседания Исторического общества, звучали научные доклады. Так было 10 марта 1904 г.

В этот год из Царского Села в Зимний дворец императорская чета вернулась только 13 января 1904 г., накануне больших зимних балов: «Сейчас же начали разбираться и очень скоро привели комнаты в жилой вид. После чаю читал. Обедали вдвоем. Вечером чтение вслух».

В качестве зала для приема представлявшихся Николай II использовал Ротонду: «До завтрака принял 56 чел. военных и моряков в Ротонде». После приволья Царского Села царю катастрофически не хватало пространства. Поэтому 14 января после напряженной утренней работы «два раза обежал сад с детьми». Царь имел в виду своих старших дочерей – 8-летнюю Ольгу и 6-летнюю Татьяну.

19 января 1904 г. зимний сезон открылся первым большим балом в Николаевском зале Зимнего дворца: «Народу было как никогда много. К ужину всем достало места. Обходил столы по всем залам. К счастью, дорогая Аликс отлично выдержала бал. Вернувшись к себе в 1 У и раздевшись, закусили слегка у меня по-старому». Это царское «у меня», видимо, означает либо рабочий кабинет императора, либо Готическую библиотеку.

23 января все Романовы, собравшись в Романовской галерее, отправились на спектакль в Эрмитажный театр. Царь оценил «весьма удачный спектакль в Эрмитаже. Давали пролог и 4-й акт „Мефистофеля“, в кот. пела Медея, Шаляпин и Собинов. Ужин окончился в 12 час. Обошли караулы училищ».

Императрица Мария Федоровна в Угловом кабинете императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце

27 января 1904 г. началась война с Японией. Это вызвало всплеск патриотических настроений, на которые царь «реагировал» из окон Зимнего дворца (30 января 1904 г.): «Перед завтраком большая толпа студентов с флагами подошла к Зимнему и начала петь гимн. Пошли в Белую залу и кланялись им из окна».

Находясь в Зимнем дворце, царь по-прежнему регулярно обходил внутренние караулы. Если ранее он делал обход с женой, то к 1904 г. Николай Александрович обходил караулы во дворце в одиночестве по утрам, перед прогулкой: «Утром ходил в главный караул, кот. занимала 4-я рота Павловского воен. училища» (10 февраля 1904 г.); «Перед прогулкой зашел на гауптвахту. В карауле была 4-я рота Преображ.» (11 марта 1904 г.). Собственно, эти обходы были одной из дворцовых традиций, ей Николай II, со свойственным ему чувством долга, следовал неуклонно.

К 1904 г. в дневнике Николая II очень редко встречаются «географические» привязки к тем или иным помещениям Зимнего дворца, в которых он работал или отдыхал. Интерьеры, планировка стали привычными и не нуждались в пояснениях. Если царь писал в дневнике, что он «занимался» или «читал», то это происходило в его рабочем кабинете, а если принимал министров, то – либо в Кабинете, либо в Готической библиотеке.

Подчас в библиотеке случались и очень неприятные объяснения с родственниками. Например, 18 февраля 1904 г. царь

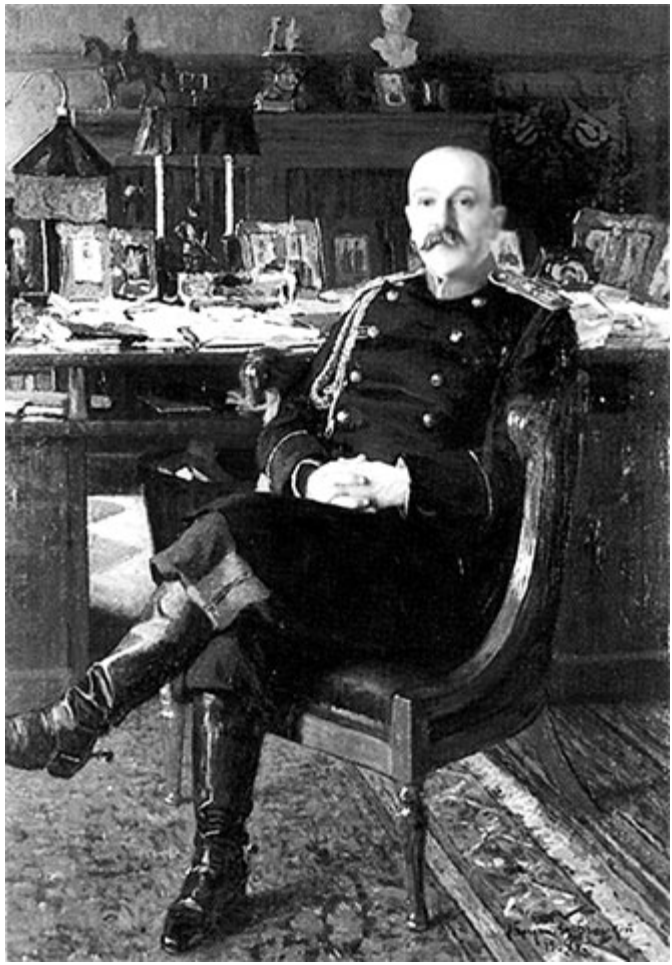
записал: «Дядя Владимир пил у нас чай. Затем у меня в библиотеке происходило свидание и объяснение между ним и Николаем Мих».

В Зимнем дворце продолжали витать следы былых трагедий. Николай II прекрасно запомнил трагический день 1 марта 1881 г., когда он, 12-летний мальчишка, в кабинете своего деда стал свидетелем его гибели. Он прекрасно помнил залитые кровью ступени Салтыковской лестницы. Поэтому время от времени в его дневнике появлялись упоминания об этом событии: «Уже 23 года прошло со времени того ужасного события!» (1 марта 1904 г.). Конечно, запись появилась в дневнике императора совершенно не случайно – Россию захлестнула вторая, эсеровская волна терроризма. В апреле 1902 г. убили министра внутренних дел Д. С. Сипягина, а в июле 1904 г. – министра внутренних дел В. К. Плеве.

После того как в декабре 1895 г. Николай II переехал с женой и дочкой на постоянное жительство в Зимний дворец, полупустая резиденция начала стремительно наполняться служилым людом.

Прежде всего решались вопросы, связанные с размещением в Зимнем дворце охраны императора и его ближайшего окружения. Например, в июле 1897 г. командир Сводно-гвардейского батальона генерал-адъютант П. П. Гессе потребовал «отвести в здании Зимнего Дворца три холостых квартиры для офицеров вверенного мне баталиона». В результате офицерам охраны отвели квартиры №№ 7, 9 и 10 по Комендантскому коридору Зимнего дворца[335].

Остальные служебные помещения тасовали еще некоторое время, как карточную колоду. Так, службы Гофмаршальской части заняли помещения бывшей канцелярии Министерства Императорского двора (второй этаж северо-восточного ризалита). Дежурных генералов и флигель-адъютантов разместили в помещениях близ Иорданского подъезда, которые ранее занимали офицеры Сводно-гвардейского батальона. Последних перевели в комнаты первого этажа, «освободившиеся за выездом во дворец великого князя Александра Михайловича, камер-юнгферы Павловой». Для входа из императорской половины на Дворцовую набережную приспособили малый подъезд с набережной Невы, «находящийся между подъездами их Величеств и Иорданским». Камерфурьеров и дежурных электротехников, размещавшихся в антресольных комнатах по Кухонному коридору (ныне – Растрелльевский коридор), перевели на антресоли, «между главными воротами и подъездом Ея Величества». И подобных рокировок происходило множество. Зимний дворец, запустевший после 1881 г., оживал.



Н. П. Богданов-Бельский. Генерал-адъютант П. П. Гессе в служебном кабинете Зимнего дворца. 1904 г.

В непарадных частях Зимнего дворца издавна имелись довольно вместительные квартиры. Например, на 6-й запасной половине находились «запасные квартиры № 8, 11, 13 и 14». О площади этих квартир говорит, например, то, что в квартире № 8 имелось 4 комнаты на 8 окон[336].

В числе тех, кто временно или постоянно жил в квартирах Зимнего дворца, оказывались самые разные «лица и особы». Например, некоторое время в Зимнем дворце обитал знаменитый статс-секретарь А. М. Безобразов[337], чья фамилия стала нарицательной для обозначения «безобразовской клики», чья деятельность стала одной из причин Русско-японской войны, начавшейся в 1904 г.

В мае 1903 г. из Канцелярии императорской Главной

квартиры в Канцелярию Министерства Двора направили депешу, в которой сообщалось, что «Государю Императору благоугодно было повелеть: временно, в течение лета сего года, отвести две или три комнаты в здании Зимнего Дворца для занятий и для хранения секретных бумаг по делу высочайше порученному статс-секретарю Его Императорского Величества Безобразову, ввиду того, что у него не имеется постоянной квартиры в Санкт-Петербурге и что он опасается хранить таковые у себя»[338]. Безобразову предполагалось отвести «с Комендантского подъезда маленькую квартиру в 3 комнаты, в которой помещаются флигель-адъютанты, назначаемые состоять при прибывающих Иностранных высочайших особах, или часть квартиры, которая до сего времени была занимаема бывшим секретарем Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны графом Ламздорфом».

Любопытно, что как только А. М. Безобразов стал обживаться в Зимнем дворце, ему немедленно потребовались и новые «площади». А поскольку за спиной Безобразова стояли тогда великий князь Александр Михайлович и сам Николай II, то ему не только отвели «часть бывшей квартиры камер-фрейлины Д. Ф. Тютчевой, в Старом Эрмитаже Зимнего Дворца», но и удовлетворили просьбу о присоединении «к его Канцелярии еще трех комнат той же квартиры»[339]. Но и этим дело не закончилось. Буквально за несколько дней до начала Русско-японской войны, в январе 1904 г., последовала просьба Безобразова «о увеличении числа комнат под Канцелярию по Дальнему Востоку».

Другая история гораздо лаконичнее. В 1905 г., чтобы уберечь генерал-губернатора Петербурга Д. Ф. Трепова от пули эсеровских террористов, для него в Зимнем дворце оборудовали квартиру. С февраля по октябрь 1905 г. Д. Ф. Трепов жил в ведомственном доме МВД по Морской улице, 61. В Зимнем дворце Д. Ф. Трепов обосновался в квартире покойного Дворцового коменданта генерал-майора П. П. Гессе с октября 1905 г.[340]

Рядом с императорской семьей жила их обслуга, чья численность определялась придворным штатом. Так, по придворному штату при дворе Николая II имелись следующие штатные должности: камер-фурьеры (2 чел.), гоф-фурьеры (6 чел.), официанты (24 чел.), лакеи I разряда (47 чел.), лакеи II разряда (36 чел.), работники (13 чел.), скороходы (4 чел.), арапы (4 чел.), швейцары (7 чел.), помощники швейцаров (10 чел.).

На императорской кухне работали: старший над кухнями (1 чел.), пирожник (1 чел.), старшие повара (5 чел.), повара I

разряда (24 чел.), повара II разряда (14 чел.), поваренные ученики старшие (6 чел.), младшие (5 чел.), старшие булочники (2 чел.), булочные подмастерья (2 чел.), хлебники (4 чел.), старшие кондитеры (2 чел.), кондитерские подмастерья (6 чел.); кондитерские ученики (2 чел.).

Об объеме работ, выполнявшихся работниками императорской кухни, красноречиво говорят затраты на 1895 г.: «На стол Их Императорских Величеств, детей и особ – 621 329 руб.; На покупку вин и напитков – 60 000 руб.; На расходы по приему иностранных Высочайших и других особ – 727 153 руб. Всего на 1 408 482 руб.»[341]

В различных службах Зимнего дворца числились: повесточных старших – 3 чел. и младших – 3 чел.; погребщиков – 4 чел.; ездовых, сторожей, писарей, портных – 9 чел.; серебренников – 10 чел.; один старший ламповщик; ламповщики – 8 чел.; один механик; кастелянш – 2 чел.; сортировщиц – 10 чел.; прачек – 20 чел.; чернорабочих – 76 чел. Всего 395 чел.[342]

Все эти придворнослужители не только непосредственно обслуживали семью Николая II в Зимнем дворце, но и выполняли многочисленные обязанности по кладовым Зимнего дворца.[343]

Конечно, самой важной частью среди прислуги были «ближние люди», то есть те, кто непосредственно обслуживал императорскую чету или ухаживал за их детьми. Их численность также определялась придворным штатом. Так, рядом с Николаем II постоянно (посменно – 2 недели через 2 недели) находились: камердинеры (2 чел.), рейнкнехты (6 чел.) и работники (2 чел.). Всего 10 чел.

Рядом с императрицей Александрой Федоровной: камер-фрау (М. Ф. Герингер), две камер-юнгферы (старшая – Орчард и младшая – Занотти), камер-медхен, гладильщица, комнатные женщины (3 чел.), камердинеры (2 чел.), гардеробский помощник, камер-казаки (3 чел., Чебанов, Пустынников), лакеи I разряда (3 чел.), работник[344].

Конечно, некоторая ротация среди ближних слуг происходила. Особенно это коснулось английских нянь, с ними отношения у императрицы Александры Федоровны складывались очень сложно[345]. Но большая часть прислуги десятилетиями работала при семье Николая II. Например, камер-фрау М. Ф. Герингер железной рукой управляла прислугой с 1895 по 1917 г. Ее квартира (№ 19–21) с 1895 по 1905 г. располагалась по Большому Фрейлинскому коридору Зимнего дворца и включала Прихожую, Столовую, Кабинет, Спальню рядом с Кабинетом, Гостиную, Переднюю при входе в Гостиную и Спальню рядом с

Гостиной[346]. Рядом с М. Ф. Герингер (кв. № 18) поселилась лектрисса императрицы Шнейдер[347].

Конечно, попасть в ближайшее окружение императорской семьи было очень непросто. Но ситуации случались весьма разные. Так, «своих» камер-юнгфер Орчард, Мадлену Занотти и Луизу Тутельберг императрица Александра Федоровна привезла из Англии, и они прослужили рядом с ней всю жизнь, оставшись старыми девами. Периодически они выезжали на родину за границу. При этом Александра Федоровна брала все расходы по поездкам на свой счет[348].

Особо следует упомянуть о комнатной женщине Анне Степановне Демидовой, которая оказалась в Зимнем дворце в 1898 г. Именно она будет расстреляна в подвале Ипатьевского дома в июле 1918 г. Анна Демидова (1878–1918) родилась в Череповце. Ее отец – мещанин СА. Демидов – гласный Череповецкой городской думы и уездного земского собрания членов Городской управы, также являлся председателем Череповецкого общества взаимного от огня страхования. Анна Демидова училась в Леушинской школе. Знала несколько иностранных языков, играла на фортепиано. По семейному преданию, императрица Александра Федоровна заинтересовалась ее рукодельем на выставке рукодельных работ Леушинского монастыря в Ярославле, и таким образом Анна попала на службу комнатной девушки при царской семье в 1898 г. Самый ранний документ, связанный с Демидовой, – это счет в 120 руб. за лечение, продолжавшееся с 9 ноября 1899 г. по 3 марта 1900 г. Последний раз Демидова съездила в отпуск на родину в январе 1917 г. На поездку ей выдали обычные 50 руб.[349]. Вернулась она в Александровский дворец накануне Февральской революции 1917 г. и осталась верна императорской семье буквально до самого конца…

Еще одним слугой, начавшим работать в Зимнем дворце при императрице Александре Федоровне в качестве лакея и закончившим свой земной путь в подвале Ипатьевского дома, был Алоизий Трупп. Судя по архивным документам, выходец из Латгалии (восточная Латвия) А. Трупп начал свою придворную карьеру по Придворному ведомству в качестве лакея с 8 апреля 1883 г. Службу в Зимнем дворце «при комнатах Ея Величества» он начал с 1 февраля 1895 г. в качестве лакея I разряда. Как и многие слуги, оставался холостым, получал 600 руб. в год при казенной квартире, периодически получая пособия и отпускные от императрицы[350]. Жил лакей I разряда в Придворном доме № 2 на улице Сергиевской.

В Зимнем дворце слуги давно уже стали замкнутым

сословием, передавая должности из поколения в поколение. Примером тому являются сестры Тегелевы. Первой в Зимнем дворце появилась Ольга Александровна Тегелева, работавшая помощницей няней-англичанок. По ее протекции в 1901 г. в Зимний дворец на должность комнатной женщины приняли незамужнюю Александру Александровну Тегелеву. По данным формулярного списка, она была дочерью чиновника, происходя из потомственных дворян. Семья жила на жалованье, поскольку имений не имела. 9 ноября 1901 г. «с соизволения императрицы Александры Федоровны» А. Тегелеву назначили на должность комнатной женщины с годовым жалованьем в 50 руб. Незадолго до рождения цесаревича Алексея (1 мая 1904 г.) А. Тегелеву перевели на должность помощницы няни с содержанием 600 руб. в год. Эту должность ранее занимала ее сестра Ольга. После того как она вышла замуж и перешла на должность второй помощницы «miss Eager», на освободившееся место и приняли Александру Тегелеву. В последующие годы содержание Александры Тегелевой выросло до 1200 руб. в год[351]. Сама же Ольга Тегелева «числилась в услужении до отъезда Их Величеств из Петербурга». После свадьбы, состоявшейся 25 апреля 1904 г., Ольгу Тегелеву «уволили от службы»[352].

А. Демидова

А. Трупп

В 1902 г. по протекции Ольги и Александры в Зимний дворец пригласили на должность комнатной женщины третью сестру – Надежду Александровну Тегелеву «с содержанием 45 руб. в месяц»[353]. К документам прилагалась справка МВД, из которой следует, что Н. А. Тегелева родилась в 1867 г. в семье коллежского секретаря и ее отец является Новоладожским уездным предводителем дворянства.

Тогда Н. Тегелева отработала в Зимнем дворце почти 2 месяца (с 1 июня по 28 июля 1902 г.) и хорошо себя зарекомендовала. А поскольку отношения у императрицы с нянями англичанками не ладились, то весной 1903 г. было принято решение вновь пригласить в Зимний дворец русскую няню. В марте 1903 г. Надежду Тегелеву пригласили в Зимний дворец на собеседование. Камер-фрау М. Ф. Герингер писала, что Н. А. Тегелева была взята во дворец по рекомендации, «по приказанию Ея Величества только на время отсутствия английской бонны Их Императорских высочеств (Игер), которая уезжала в Англию. Надежда Тегелева имеет прекрасный характер и отлично и добросовестно исполняла свои обязанности, за что

при уходе получила от ее величества подарок. По моему мнению, она вполне заслуживает получить одобрение за службу свою в течение двух месяцев»[354]. Однако, как ни удивительно, выяснилось, что Н. Тегелева отказалась перейти на работу в Зимний дворец, и по итогам разговора ей пожаловали подарок от императрицы. В результате Н. Тегелева продолжила свою работу в качестве конторщицы СПб. Варшавской железной дороги.

До 1917 г. при императорской семье проработала только Александра Тегелева в должности «помощницы няни при Августейших Детях», став помощницей главной няни царских детей – Марии Вишняковой. Ее периодически награждали. В 1912 г. А. Тегелева получила светло-бронзовую медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. для ношения на груди на Владимирской ленте.

В Зимнем дворце семья Николая II прожила почти 9 лет, с декабря 1895 г. по апрель 1904 г. Ранней весной семья императора выехала в любимый Александровский дворец Царского Села, а осенью 1904 г. Николай II принял решение остаться в Царском Селе на зиму, поскольку в Петербурге отчетливо назревали волнения, переросшие в январе 1905 г. в революцию. Время от времени Николай II и Александра Федоровна наведывались в Зимний дворец, в котором прошли первые и самые счастливые годы их семейной жизни.

Чаще всего в Зимнем дворце бывал император, используя привычные помещения для выполнения различных представительских мероприятий. Так, по традиции, 6 января 1913 г. состоялся Крещенский выход: «На Неве было совсем не холодно, несмотря на 7 ° мороза. Сел завтракать с небольшим количеством семьи в час с половиною. Переодевшись, пошел в Эрмитаж и осмотрел вновь отлично устроенную галерею фарфора и серебра, а также некоторые залы, очищенные от копоти прежнего отопления». Отметим последние фразы – царь лично проинспектировал залы Императорского Эрмитажа, в которых устроили новую систему отопления и вентиляции.

В этот год царь по-прежнему принимал представлявшихся в Зимнем дворце, специально приезжая из Царского Села. Как правило, ему представлялись раз в неделю от 70 до 30 чел. Обязательно, бывая в Зимнем дворце, царь посещал караульное помещение гауптвахты: «В 10.25 поехал в Петербург; принял 33 представляющихся в Зимнем, зашел на главный караул, стояла 2-я рота Павловского в. училища» (30 января 1913 г.).

Последний раз семья Николая II жила в полном составе в Зимнем дворце в течение нескольких дней в феврале 1913 г. 19 февраля 1913 г. к вечеру (около 17 час.) семья приехала в Зимний

дворец: «Дети с радостью осматривали свои и наши комнаты. Пили чай и обедали в угловой гостиной Аликс».

1913 г. был особым годом для Романовых. Это – год 300-летия династии. Главные торжества пришлись на 21 февраля, то есть на день, когда в 1613 г. Земский собор избрал Михаила Федоровича Романова на царство. Настроение было таково, что царь счел нужным сравнить его с эмоциями, пережитыми им во время коронационных торжеств в мае 1896 г.: «Настроение было радостное, напомнившее мне Коронацию». После молебна в Казанском соборе семья и родственники возвратились в Зимний дворец, где «в 3.45 все собрались в Малахитовой, а в Концертной принимали поздравления до 5 $^{1}/_{2}$ ч. – прошло около 1500 ч.».

Такая нагрузка оказалась не по силам императрице: «Аликс устала очень и легла». В этот же день у великой княжны Татьяны Николаевны поднялась температура, и врачи диагностировали начало брюшного тифа. Вечером с венценосцами обедали «Элла и Ольга»[355].

Для императора знаменательная дата – обычный рабочий день и никто не отменял для него чтения множества служебных бумаг: «Читал и разбирал море телеграмм». Вечером он в одиночестве «Смотрел в окна на иллюминацию и на свечение прожекторов из башни адмиралтейства. Дул крепкий SW».

На следующий день, 22 февраля, юбилейные мероприятия в Зимнем дворце продолжились. Императрица, как обычно, уклонилась от представительских обязанностей: «Аликс очень устала и не приняла участие в обоих приемах». Зато Николай II и императрица Мария Федоровна добросовестно отработали свои представительские обязанности: «В 11 час. в Концертной Мама и я приняли депутации от дворянств, земств, городов и всяких ученых обществ» и в 15 часов «был прием дипломатов с их дамами». Затем царь опять поработал в кабинете: «Читал и отвечал на телеграммы». Вечером супруги вместе со старшей дочерью Ольгой отправились в Мариинский театр «на парадный спектакль. Шла „Жизнь за Царя“. Было очень красиво. Аликс уехала после первого действия».

23 февраля торжественные мероприятия в Зимнем дворце продолжились. Александра Федоровна от них вновь уклонилась по причине хронической и непреходящей усталости, а пожилая вдовствующая императрица Мария Федоровна добросовестнейшим образом проводила церемонию «baise-main», жалуя к руке дам. Сам император в это время спустился на первый этаж, где состоялся прием «волостных старшин в нижнем коридоре, где для них был устроен обед». Затем царь вновь работал в кабинете: «С остервенением разбирал телеграммы, кот.

с 20-го февр. пришло 1050 штук. Читал до обеда».

24 февраля 1913 г. во время выхода в Большую церковь Зимнего дворца «все наши люди конюшенной части и загородных дворц. управлений поднесли нам иконы и хлеб-соль», – отмечал царь. Погуляв в саду, он зашел на первый этаж в детские комнаты, где лежала больная дочь, и продолжил участие в представительских мероприятиях: «До 7 час. собрались в Малахитовой и пошли выходом. В Николаевской зале стояло много крестьян разных союзов. Парадный обед был в трех залах и галерее 1812 года. До 9 час. были в своих комнатах. Провели вечер спокойно вместе. Благодарение Господу Богу, ниспославшему милость на Россию и на нас тем, что так достойно и так светло было нам дано отпраздновать дни трехсотлетия воцарения Романовых».

25 февраля царь, посетив Малую церковь, работал в своем кабинете, принимал министров и встречался с родственниками. 26 февраля 1913 г. семья Николая II навсегда покинула Зимний дворец. Они бывали там, конечно, и позже, но уже только наездами, не оставаясь на ночь.

Глава 2. Церемониалы зимнего дворца

Именно дворцовые церемониалы делали императорскую резиденцию неким святилищем власти, представляя собой, по сути, «накатанные» спектакли, в которых артисты давно уже вызубрили свои роли, и «на автомате» «работали на публику». Это понимали и царственные «артисты», и «завсегдатаи» Зимнего дворца, игравшие роль профессиональных статистов.

Вместе с тем церемониалы в Зимнем дворце были не только частью публичной профессии царственных «артистов», но и освященной веками традицией, без нее терялся сам смысл понятия Императорского двора. Именно церемониалы, с расписанными сложными ролями, изначально играли роль социального индикатора, где «свои» с детства старательно разучивали роли, затем играли их всю жизнь. Простолюдины (в широком понимании) просто не знали, как себя вести на фоне дворцовых залов, и для органичного участия в придворных «спектаклях» им требовалось потратить годы, также разучивая свою роль.

Практически все, что происходило за стенами личных комнат членов императорской семьи, подпадало под определение дворцового церемониала. Требования к их участникам предъявлялись очень жесткие, без всяких скидок на возраст и пол. Это была профессия, которой учили с раннего детства. Большие и малые выходы, церковные службы и праздники, рождение и смерть, свадьбы и трапезы – все это являлось частью дворцовых церемониалов. «Первые лица», вне зависимости от возраста, не имели права демонстрировать свои истинные чувства, они должны были скрывать их за предписанной «сценарием» маской.

М. Зичи. Поздравление Александра II и Марии Александровны дипломатическим корпусом 1 января 1863 г. в Петровском зале Зимнего дворца

Степень усвоения «учебного материала» и добросовестность демонстрации «знаний» среди профессиональных участников дворцовых церемониалов, естественно, была очень разной. Одни профессионально играли свои роли буквально до последнего вздоха, отчетливо понимая, что даже их последние слова входят в историю. Чувство долга таких профессиональных «артистов», ежедневно выходящих на сцену (подиум) императорских резиденций, было таково, что все их горести и радости оставались далеко за кулисами придворного театра, а на сцене они, как хорошие профессионалы, играли затверженные с детства роли. К числу успешных профессионалов дворцовой сцены можно, безусловно, отнести Николая I.

Но на дворцовой сцене появилось и немало профессионально не пригодных артистов, которые свое «я» ставили выше долга. Они женились по любви, а не из соображений государственной целесообразности, заводили скандальных любовниц, пренебрегая репутационными последствиями, пеклись о своих мнимых болячках, откровенно манкируя представительскими обязанностями. И, надо признать, что нарушения правил игры неизбежно приводили к резкому снижению престижа правящей династии, что, в конечном счете, и способствовало ее падению в

феврале 1917 г. Поэтому дворцовые церемониалы при всей их внешней театральности на психологическом уровне выходили далеко за рамки придворного спектакля, являясь одним из символов незыблемости династии.

Николай I и его сподвижники. 1854 г.

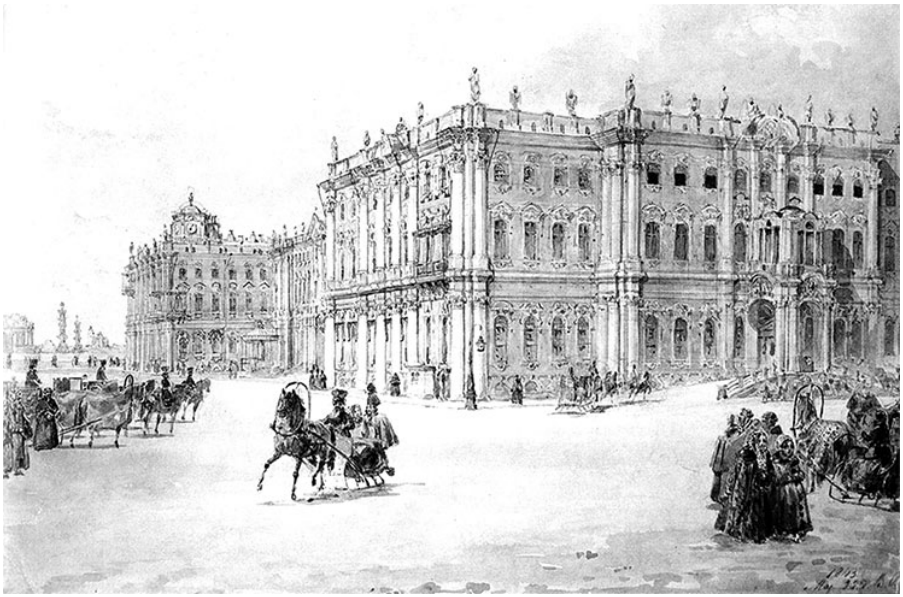
Г. Виллевалъде. Присяга Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Георгиевском зале Зимнего дворца 8 сентября 1859 г.

А. И. Ладюрнер. Николай I, принимающий рапорт генерал-адъютанта князя А. Я. Лобанова-Ростовского

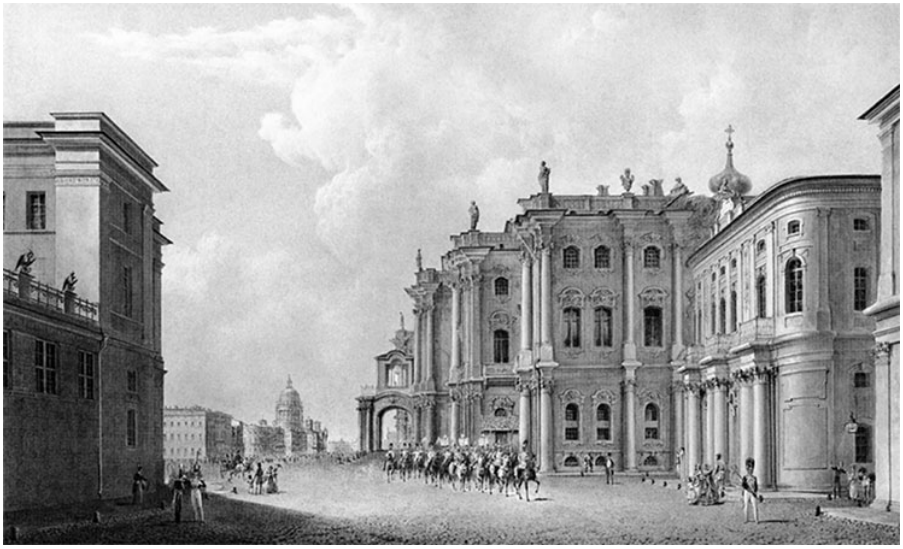
Большой и малый выходы в зимнем дворце

При императрице Екатерине II торжественные выходы именовались куртагами, проводились они во дворце в приемные дни. Как правило, куртаги в XVIII в. совпадали с посещением дворовой церкви, когда императрица Екатерина II, окруженная придворными, шествовала на богослужение. На ее коротком маршруте выстраивались все те, кто имел право доступа в Зимний дворец, подданные Империи и иностранцы, пожелавшие лицезреть Семирамиду Севера. По выходе из Большого собора императрица общалась с придворными и дипломатами, играла в карты, то есть проходил собственно куртаг. Мемуарист свидетельствует о куртагах времен Екатерины II, что «на сих последних танцев не было, играла только музыка, и Екатерина делала партии в карты».

С утра Дворцовую площадь заполняли кареты и желающие оказаться во дворце во время выхода императрицы. Один из очевидцев выхода государыни писал: «Этот глухой шум внезапно затихает, как скоро раздается голос гофмаршала; но движение толпы продолжается до тех пор, пока все не станут лицом к двери, из которой ожидают выхода Государыни; но вот и движение прекратилось, только здесь и там какое-нибудь тощее существо старается протолкаться вперед, заняв местечко, оставшееся между более тучными. Уже слышен шум приближающихся шагов, вся толпа как бы застывает… Императрице предшествует многочисленная толпа камергеров, идущих попарно, за ними следуют государственные министры; наконец, отдельно от других, появляется в генеральском мундире, особенно блестящем, любимец Императрицы. Он среднего роста, очень худощав, имеет довольно большой нос, черные волосы и такие же глаза. Внешность его не представляет ничего величественного; скорее в нем есть какая-то нервная подвижность; фамилия его Зубов; он Татарского происхождения»[356].



В. С. Садовников. Вид на юго-западный ризалит Зимнего дворца. 1843 г.



В. С. Садовников. Вид Дворцовой площади с Миллионной улицы. 1830-е гг.

Как правило, иностранцы подробнейшим образом описывали внешний облик Екатерины II. Остановимся только на описании ее костюма: «На ней Русский костюм, теперь более не употребляемый, состоящий из длинного платья, которое прямо с груди сбегает к ногам; на этой юбке рукава, собранные у кисти в бесчисленные мелкие складки; к плечу эти складки делаются

шире и крупнее, почему рукав и кажется очень широким. На юбку надевается верхнее платье без рукавов; оно висит свободно, несколько напоминая собою пудермантель. Благодаря тому что эти две части одежды делаются обыкновенно из двух гармонирующих цветов, некрасивый покрой платья не бросается в глаза. Грудь Государыни украшают две орденские ленты и две осыпанные бриллиантами звезды: Андрея Первозванного и военного ордена Св. Георгия, которого Государыня считается гроссмейстером»[357].

В. Эриксен. Екатерина II в шугае и кокошнике. 1772 г.

М. Шибанов. Екатерина II в дорожном костюме

Кроме этого, мемуаристы подробнейшим образом описывали драгоценности императрицы: «На голове старинный убор со множеством драгоценных камней; такие же роскошные украшения ниспадают с шеи на грудь; бриллианты, рубины, смарагды и другие камни необыкновенной величины вывешены как бы на показ».

Собственно куртаг для любопытствующей публики на этом завершался. Они видели главное – императрицу. В жилых покоях императрица могла перемолвиться словом с кем-либо из сановников, что считалось знаком величайшей милости. А вся остальная досужая публика с не меньшей энергией начинала пробиваться к выходу. Дворцовое «шоу» закончилось: «Каждый после дня, проведенного в лести и воскурении фимиамов, спешит поскорее выбраться из толкотни. Легко себе представить, как трудно добраться до своего экипажа; всякий хочет быть первым и тем только усиливает хаос… Такова картина обыкновенного воскресного приемного дня при дворе»[358].

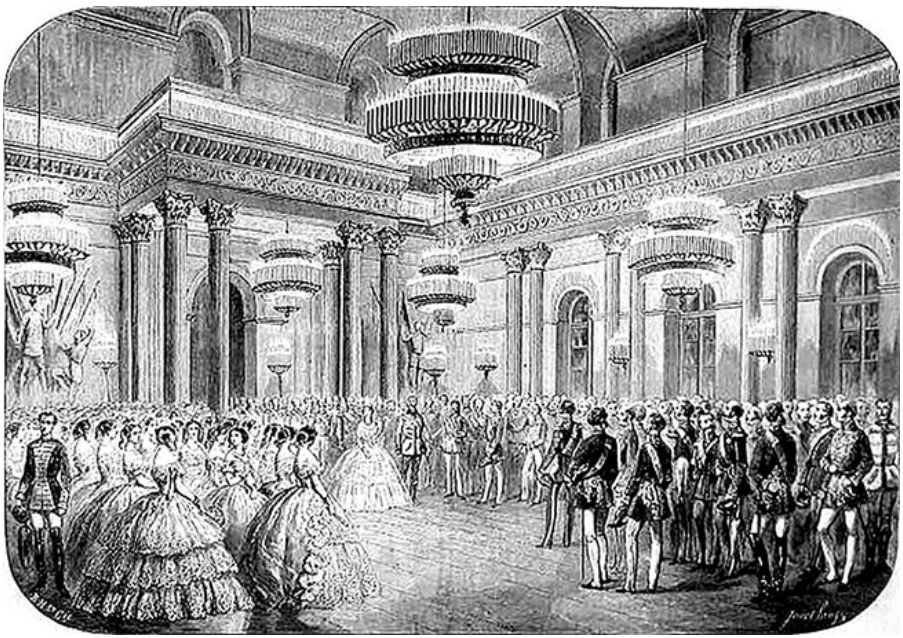
Бромптон Ричард. Портрет Екатерины II. 1782 г.

Д. Г. Левицкий. Портрет императрицы Екатерины II. 1794 г.

В первой четверти XIX в. архаичные куртаги сменились церемониалами Большого и Малого выходов. Согласно «Положению о выходах», высочайше утвержденному в апреле 1858 г. (изменено в 1899 г.), «Выходом при высочайшем дворе называется шествие их императорских величеств, с прочими августейшими особами, из внутренних апартаментов в церковь и обратно. Выходы разделяются на Большие и Малые. Первые бывают в большие церковные праздники и торжественные дни, равно как по некоторым особым случаям, в Большую церковь Зимнего дворца и в церкви других дворцов, смотря по местопребыванию их императорских величеств, а последние – в такие же праздники и торжественные дни, но в Малую церковь Зимнего дворца, по частным повесткам, а также в обыкновенные

дни и в воскресные дни, в эту церковь и церкви других дворцов.

На больших выходах придворные чины и состоящие в придворных званиях идут впереди особ императорской фамилии, придворные же дамы следуют за ними. Назначение Большого и Малого выхода делается по высочайшему его императорского величества повелению»[359]. Далее в документе подробнейшим образом перечисляются те, кто имеет право или должен присутствовать на Больших и Малых выходах.



Проход Александра II через Гербовый зал Зимнего дворца

Отметим, что в последующие годы перечень этих лиц постоянно корректировался. Так, в апрельском Положении 1858 г. уточнялось, что санкт-петербургскому городскому голове «дозволено быть в Зимнем дворце как 17 апреля, так и в других больших выходах». В декабре 1858 г. разрешили присутствовать на Больших выходах «лютеранским епископам», наравне с «римско-католическими епископами». Отставные генералы, штаб и обер-офицеры получили право находиться во время Больших выходов в Гербовом зале (31 марта 1859 г. и 15 апреля 1860 г.). В мае 1863 г. вторые чины Высочайшего двора получили право посещать Малую церковь Зимнего дворца во время Малых выходов. 8 июня 1868 г. уточнили, что «при представлениях императрице для поздравлений и во время официальных мероприятий… наставницы Августейших Детей шли за гофмейстринами и перед фрейлинами императрицы».

Изменение политической ситуации в стране, связанной с началом волны политического терроризма, привело к тому, что 25 декабря 1878 г. приняли решение «О недопущении гласных городской думы к присутствию в торжественных церемониях при Высочайшем Дворе»[360].

М. Зичи. Кавалергарды на встрече персидского шаха Насир ад Дина. 1873 г.

Поскольку жилые покои императорской семьи с начала XIX в. размещались в западном крыле Зимнего дворца, а Большая церковь – в юго-западном ризалите, то маршрут Большого выхода выглядел так.

К назначенному времени члены императорской семьи собирались в Малахитовой гостиной. В Концертном зале их ожидали придворные чины и дамы, а также государственные сановники, имевшие право «входа за кавалергардов». Пикет от Кавалергардского полка ставился у дверей Николаевского зала. Перечень тех, кто имел право проходить «за кавалергардов», был жестко регламентирован. Когда после выхода императорской семьи из Малахитовой гостиной в Концертном зале заканчивалось формирование торжественной процессии, распахивались двери Николаевского зала и начиналось грандиозное действо Большого дворцового выхода.

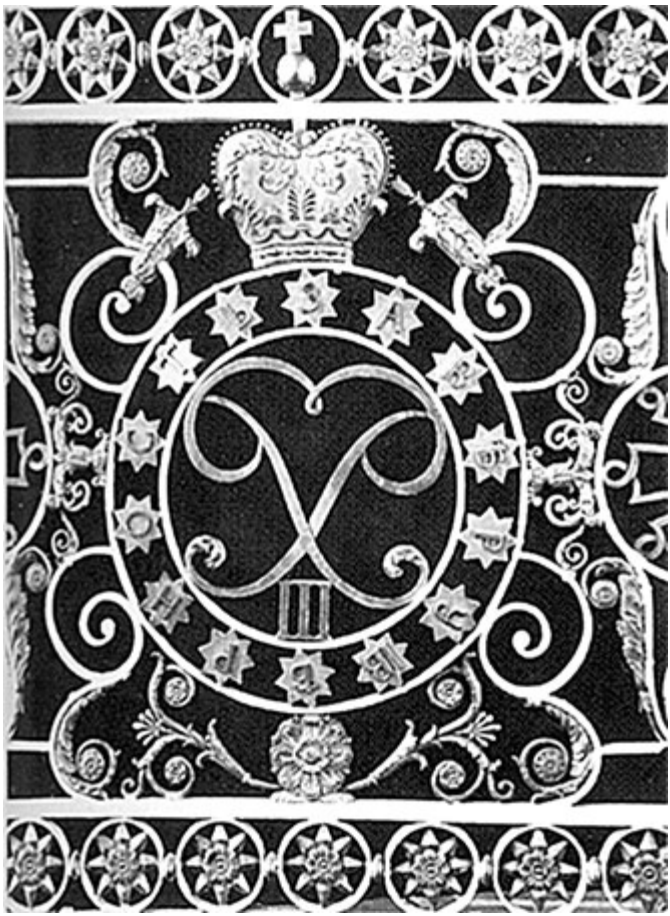
Процессия неспешно двигалась из Николаевского зала в Аванзал, оттуда через Помпейскую галерею в Фельдмаршальский зал, из которого пропадали в Петровский и Гербовый залы. Пройдя через Пикетный и Предцерковные залы, участники шествия оказывались в Большой церкви Зимнего дворца. Обратно шествовали тем же путем.

О Большом и Малом соборах Зимнего дворца написано в

первой книге, посвященной строительству Зимнего дворца[361], поэтому добавим только, что при ремонте Большого собора в 1828 г. желание Николая I сохранить прежний облик храма, знакомый ему с детства, отчетливо проявилось в его повелениях: «…резьбу, как иконостаса, так и в церкви, всю исправить, а буде что сломано, то вновь сделать точно по тому образцу, как теперь есть… Государь Император Высочайше Повелеть Соизволил: решетки перед алтарем в Большой церкви Зимнего Дворца сохранить те же, равно и вензеля на них, но только подновить балясы, вызолотив, как прежде были»[362]. Заметим попутно, что вензеля на решетке перед алтарем представляли собой инициалы Петра III Федоровича. Их сохранили и при Екатерине II, и при последующих ремонтах.

Иконостас Большого собора Зимнего дворца

При Екатерине II маршрут Большого выхода стал значительно короче, поскольку ее покои располагались буквально в «двух шагах» от Большой церкви Зимнего дворца. Но на случайных посетителей резиденции пышность даже краткой дворцовой церемонии производила ошеломляющее впечатление.



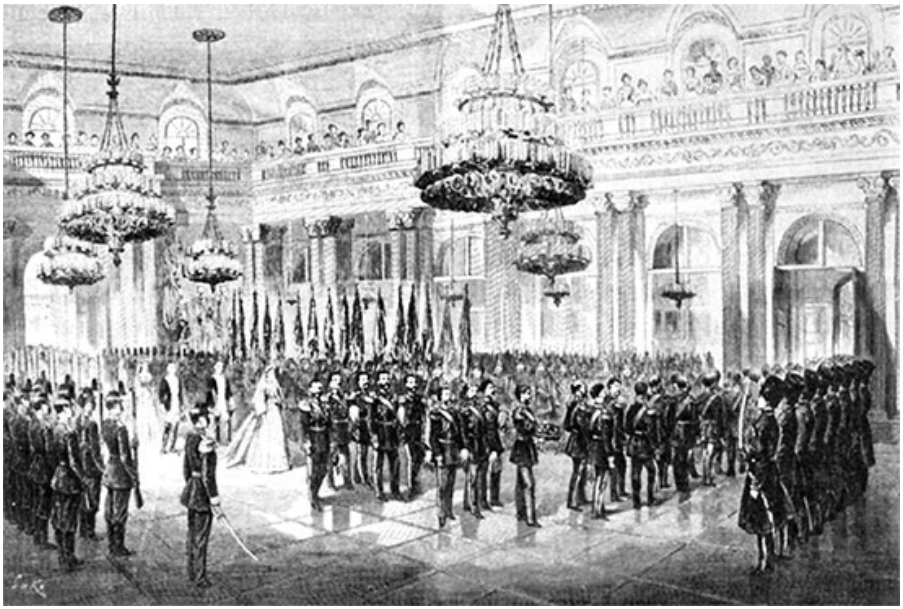
Решетка перед алтарем с инициалами Петра III Федоровича

Один из современников вспоминал Большие выходы времен Екатерины II в Зимнем дворце: «В воскресные, праздничные дни великое собрание людей наполняло кавалергардскую комнату. Раздробленное общество на отделения двигалось, волновало, подобно какой либо ярмарке, и соединение смешанных разговоров производило необыкновенный гул; но одно слово гофмаршала при растворенных дверях: ши! налагало удивительную тишину. Тогда являлось взору что-то

пленительное, величественное, превосходящее смертных и достойное всех тронов в мире. Екатерина, в Русском платье, с тремя на нем звездами, с крупными бриллиантами на голове, сопровождаемая капитаном гвардии с одной и кавалергардским капралом с другой, шествовала в церковь. При возврате от литургии она приветствовала иностранных министров. Ожидавшие представления мущины становились тут при всем собрании на колена, целовали у нея руку, а во внутренних покоях были подводимы дамы.

Однажды, накануне Георгиевскаго торжества, она почувствовала великую головную боль, худо провела ночь и в изнеможении встала с постели. Окружающие советывали отменить прием кавалеров; но она, пересиливая недуг, ответствовала: „Скорее велю себя нести к ним на кровати, нежели соглашусь огорчить тех людей, которые, для снискания отличия, чести, жертвовали жизнию“»[363].

Приведенная цитата свидетельствует о чувстве долга и профессионализме императрицы, отчетливо понимавшей все особенности своего положения. Упомянутое «русское платье» императрицы играло роль некой неофициальной «женской придворной формы». Детальных описаний ее на уровне документов не сохранилось, но то, что в этой «форме» имелась отчетливая национальная составляющая, видно из самого названия. Отметим, что императрица довольно жестко пресекала излишнюю роскошь в женских нарядах, положив начало традиции некоего консерватизма в дворцовой женской моде[364]. Поэтому когда кто-либо из дам приглашался во дворец «со стороны» и, не зная устоявшихся традиций, являлся в «остромодном» платье, это вызывало только ядовитые улыбки завсегдатаев императорской резиденции.



Церемониальное шествие из Гербового в Георгиевский зал Зимнего дворца 26 ноября 1876 г.

Последними, кто носил «русское придворное платье», стали дочери Николая I. Буквально накануне введения новой женской придворной формы, все особенности которой прописывались на законодательном уровне, «русское платье» в 1834 г. получила великая княжна Ольга Николаевна: «По обычаю, в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трена. На некоторых приемах, а также на большом балу в день Ангела Папа, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем, в Белом зале»[365].

Любопытен взгляд на дворцовые выходы времен Екатерины II «человека со стороны» – немца, оказавшегося по делам в Петербурге и получившего доступ в парадные залы Зимнего дворца: «…вдруг отворились двери; возвестили о приближении Государыни, и тотчас все посланники и другия знатныя персоны образовали проход, став по обеим сторонам… Водворилась торжественная тишина. Казалось, никто не смел громко дышать… Впереди всех показался гофмаршал; за ним, попарно, камергеры, министры всех ведомств и прочие придворные. За ними шел князь Потемкин… с жезлом, как генерал-адъютант Императрицы; он шел один. Непосредственно за ним следовала… Екатерина II-ая, средняго, скорее большаго, чем маленькаго роста; она только кажется невысокою, когда ее сравниваешь с окружающими ее высокими Русскими людьми. Она немного полна грудью и телом; у нея большие голубые глаза, высокий лоб и несколько

удлиненный подбородок. Так как ей теперь 52 года, то и нельзя ожидать юношеской красоты. Но она всего менее некрасива; напротив, в чертах ея лица еще много признаков ея прежней красоты и, в общем, видны знаки ея телесной прелести. Ея щеки, благодаря краске, ярко румяны. В ея взгляде столько же достоинства и величия, сколько милости и снисхождения. Она держится с большим достоинством, весьма прямо, но не впадает в принужденность… Как только кончилось целование руки, она снова сделала поклон на ходу некоторым из стоявших и перешла в смежную комнату… Принесли прохладительное в виде ликеров, вина и печений, которыми насладились не только оставшияся дамы, но и разные господа, разговаривавшие некоторое время между собою»[366].

Н. И. Аргунов. Портрет генерал-адъютанта графа А. М. Дмитриева-Мамонтова

Д. Г. Левицкий. Портрет А. Д. Ланского. 1782 г.

Высоко отзывались об императорских выходах екатерининского времени и иностранцы – завсегдатаи Зимнего дворца. Например, английский посланник лорд Мальмсбери, в целом довольно критично относившийся к увиденному, писал (5 января 1778 г.): «Я уже был приготовлен к торжественности и великолепию здешняго Двора, но действительность превзошла все мои ожидания; прибавьте к этому полнейший порядок и

строгое соблюдение этикета»[367]. Некоторое представление об ушедшем великолепии дают парадные портреты вельмож и фаворитов Екатерининской эпохи. Глядя на портреты фаворитов императрицы, отметим сложившийся шаблон в изображении любимцев Екатерины II, стандартно писавшихся разными художниками на фоне бюста свой «работодательницы».

Частью отработанного ритуала Больших и Малых дворцовых выходов являлось присутствие пажей. Поскольку в элитном Пажеском корпусе учились дети знатнейших фамилий, многие из них оказывались в юные годы в Зимнем дворце в качестве пажей. Один из них впоследствии вспоминал: «Пажи часто требовались во дворец к высочайшим выходам. Их расставляли по обеим сторонам дверей комнат, через которые должна была проходить императорская фамилия. В этом случае особенно были забавны маленькие пажи. С завитою, напудренною головой, они гордо стояли, с важной миной сознания своего достоинства»[368].

К. К. Пиратский. Камер-паж и паж Пажеского Его Императорского Величества Корпуса

Несколько пажей каждый день обслуживали императорский обеденный стол в качестве прислуги. Автор воспоминаний рассказывает, что при Александре I (в 1817 г.) ежедневно в

Зимний дворец на дежурство (с 11 утра до 23 час.) заступало 16 пажей. Их делили пополам две императрицы – Мария Федоровна (8 чел.) и Елизавета Алексеевна (8 чел.). В последующие десятилетия отработанный до деталей церемониал Больших и Малых выходов повторялся без существенных изменений, все так же поражая случайных зрителей высочайшей «квалификацией» главных участников церемониала.

Частью Больших выходов становились парадные приемы (аудиенции) для высоких иностранных гостей и членов дипломатического корпуса. Проходили «протокольные» мероприятия в Тронном зале Зимнего дворца.

Иногда такие парадные приемы предотвращали войны. Например, после того, как 30 января 1829 г. в Персии разгромили посольство России и во время кровавого инцидента погибли все его члены во главе с послом А. С. Грибоедовым. Улаживать отношения с Россией персидский шах послал в Петербург своего внука Хозрев-Мирзу. В его задачу входило добиться принятия извинений за убийство посла и смягчения бремени контрибуции.

Персидское посольство прибыло в Петербург в 1831 г. Для приема персов устроили торжественную аудиенцию. Среди тех, кто стоял у императорского трона, была дочь Николая I – великая княгиня Ольга Николаевна. Она вспоминала, что император стоял перед троном, «мы ниже их… на ступеньках, полукругом сановники, Двор, высшие чины армии – все это наполняло Георгиевский зал с проходом посреди, который обрамлялся двумя рядами дворцовых гренадер. Двери распахнулись, вошел церемониймейстер со свитой, и наконец показался Хозрев-Мирза, сын принца Аббас Мирзы, сопровождаемый старыми бородатыми мужчинами, все в длинных одеяниях из индийского кашемира, с высокими черными бараньими шапками на головах. Три низких поклона! Потом Хозрев прочел персидское приветствие, которое Нессельроде (тогдашний министр иностранных дел) передал Государю в русском переводе. На него отвечал Государь по-русски.

Кадр из фильма А. Сокурова „Русский ковчег“. Сцена приема Хозрев-Мирзы в Тронном зале Зимнего дворца

Императрице поднесли прекрасные подарки: персидские шали, драгоценные ткани, работы из эмали, маленькие чашки для кофе, на которых была изображена бородатая голова шаха. Государь получил чепраки, усеянные бирюзой, и седла с серебряными стременами. Я еще не упомянула четырехрядный жемчуг, который отличался не столько своей безупречностью, сколько длиной. Мама охотно носила его на торжественных приемах, и я его от нее унаследовала»[369].

Ольга Николаевна не упомянула о том, что в числе богатых даров, преподнесенных персами Николаю I, был знаменитый алмаз «Шах»[370]. Император, принимая алмаз, произнес: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие».

Алмаз «Шах». 4 см. 88,7 карат

Если торжественные приемы послов в Тронном зале Зимнего дворца были нормальной практикой, то прием буржуа и простолюдинов в самом торжественном зале резиденции наглядно свидетельствовал, что настали иные времена. Такое событие случилось 27 ноября 1906 г., когда в Тронном зале собрались депутаты I Государственной думы.

Решение о торжественном открытии I Государственной думы в стенах Зимнего дворца Николай II принял 15 апреля 1906 г. В своем дневнике император записал: «Фредерикс завтракал. Долго говорили втроем о церемониале открытия Думы». «Втроем» – это император, императрица и В. Б. Фредерикс, министр Императорского двора. Кстати, в этот же день Николай II принял отставку С. Ю. Витте.

После принятия беспрецедентного решения заработали отлаженные механизмы Министерства Императорского двора: 24 апреля последовало распоряжение Антонию, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому о проведении 27 апреля во всех храмах столицы молебнов в 10 час. утра. Для пресечения возможных эксцессов в Аполлоновом зале (буквально за спиной царя), был выставлен караул от лейб-гвардии Преображенского

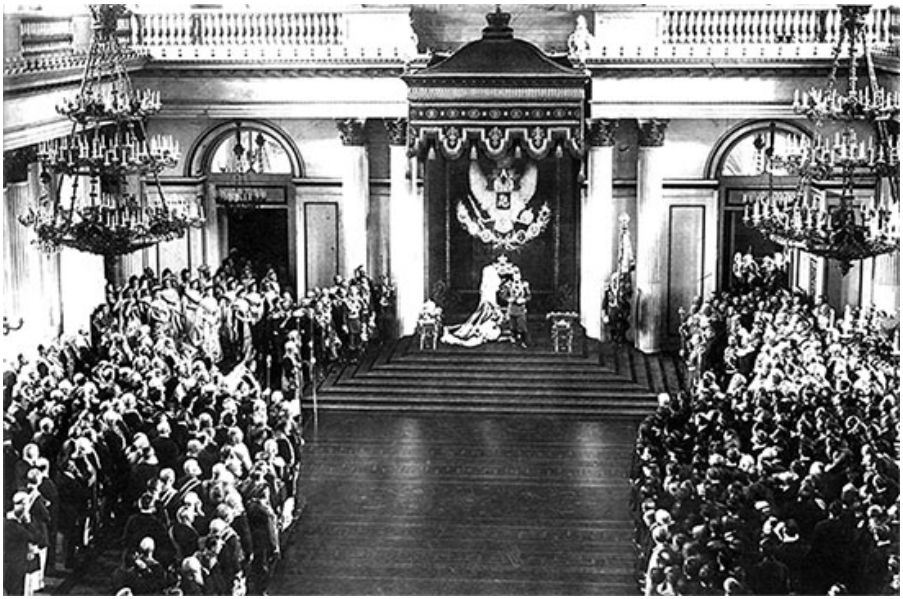
полка. В Николаевском зале выстроены «взводы с музыкой» («не более 2100 чел.») от военно-учебных заведений.

Петербургский бомонд (с именными билетами) начал собираться к церемонии через привычные подъезды Зимнего дворца. Комендантский подъезд предназначался для сенаторов, статс-секретарей, почетных опекунов и прочих гражданских чинов, указанных в повестке, генералов, адмиралов, начальников отдельных частей войск, штаб и обер-офицеров; Министерский подъезд – для представителей Санкт-Петербургской Городской думы и почетного российского и иностранного купечества; Малый Эрмитажный (с Миллионной ул.) – для членов Святейшего синода и высшего духовенства; бывший подъезд Государственного совета (с Дворцовой набережной) – для членов Государственного совета, министров и главноуправляющих[371].

Тронный (Георгиевский) зал Зимнего дворца

Торжественный Иорданский подъезд назначили для депутатов Государственной думы. Депутаты, поднявшись по Иорданской лестнице на второй этаж дворца, собирались в Николаевском зале, а затем перешли в Тронный зал, в котором члены Государственного совета расположились по правую сторону зала, а депутаты Государственной думы – по левую. Без пропусков (билетов) в Зимний дворец имели право пройти члены Св. синода, статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстрины, свитные фрейлины императрицы и великих княгинь, первые чины двора, особы свиты императора и великих князей.

Трон в Георгиевском зале



Открытие I Государственной думы 27 апреля 1906 г.

В Тронном зале Зимнего дворца на престоле разложили горностаевую мантию – порфиру (мемуаристы утверждают, что складки мантии укладывала сама императрица Александра Федоровна). Рядом с троном на двух столах разместили государственные регалии (Большую императорскую корону и Державу, с правой стороны от престола).

Об этом событии, фактически положившем начало эволюции монархии самодержавной в монархию конституционную, оставили воспоминания многие мемуаристы. Сам Николай II записал вечером 27 апреля в дневнике: «Знаменательный день приема Госуд. Совета и Госуд. Думы и начала официального существования последней. Мама приехала в 8 час. из Гатчины и отправилась с нами морем в Петербург. Погода была летняя и штиль. На „Петергофе“ пошли к крепости и оттуда на нем же к Зимнему. Завтракали в 11 $^{1}/_{2}$. В час и $^{3}/_{4}$ начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я (сказал) прочел приветственное слово. Госуд. Совет стоял справа, а Дума слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на „Александрию“, пошли обратно. Приехали домой в 4 $^{1}/_{2}$. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества. Вечером покатались». Император, как всегда, отметил только произошедшие события, но и в этой короткой записи присутствовала эмоциональная составляющая – «с облегченным сердцем».

Великий князь Александр Михайлович оценил сам факт созыва Государственной думы и церемонию ее открытия в Зимнем дворце следующим образом: «Русский Царь стал отныне пародией на английского короля, и это в стране, бывшей под татарским игом в годы великой хартии вольностей. Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов департамента полиции. Это был – конец! Конец династии, конец империи!». Александр Михайлович, стоя в Тронном зале Зимнего дворца, вспоминал, как «одиннадцать лет тому назад Никки просил представителей земско-городского съезда забыть о „бессмысленных мечтаниях“, и эта неудачная фраза стала с тех пор военным кличем революции.

Все мы были в полной парадной форме, а придворные дамы – во всех своих драгоценностях. Более уместным, по моему мнению, был бы глубокий траур.

После богослужения Никки прочел короткую речь, в которой подчеркивал задачи, стоявшие пред членами Государственной Думы и преобразованного Государственного Совета. Мы слушали стоя. Мои близкие сказали мне, что они заметили слезы на глазах вдовствующей Императрицы и Великого Князя Владимира Александровича. Я сам бы не удержался от слез, если бы меня не охватило странное чувство при виде жгучей ненависти, которую можно было заметить на лицах некоторых наших парламентариев. Мне они показались очень подозрительными, и я внимательно следил за ними, чтобы они не слишком близко подошли к Никки.

– Я надеюсь, что вы начнете свою работу в дружном единении, вдохновленные искренним желанием оправдать доверие монарха и нашей великой Родины. Да благословит вас Господь!

Таковы были заключительные слова речи Государя. Он читал свою речь звонким, внятным голосом, сдерживая чувства и скрывая горечь.

Затем раздались крики „ура“ – громкие из группы членов Государственного Совета, слабые из группы членов Государственной Думы, и похороны самодержавия были закончены. Мы переоделись и возвратились в Петергоф… Во дворце царила подавленная атмосфера. Казалось, что приближенные Царя пугались собственной тени».

А. В. Богданович, хозяйка светского салона, записала в дневнике в день открытия Государственной думы: «Сегодня нам многие говорили, что царь, когда шел в зал, был очень удручен, расстроен. Молодая царица – тоже, лицо у нее было все в красных

пятнах. Царица-мать лучше собою владела. Но когда царь вошел на трон, когда читал речь, тогда он овладел собой и своим голосом и читал громко, внятно».

Представления императорской чете

Важной частью дворцовой церемониальной жизни являлись приемы на жилой половине императорской четы, которые именовались представлениями. Существовал жесткий перечень лиц, имевших право представиться государю или государыне. Представлялись, например, по случаю производства в чин, награждения орденом или производства в должность. Представлялись императорской чете как мужчины, так и женщины. Все представлявшиеся выстраивались в очередь в соответствии с их положением в вертикали власти или обществе, и нюансы этого порядка периодически уточнялись. Так, 10 декабря 1826 г. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: чтобы впредь представление Их Величествам господ статс-секретарей становить выше камергеров, но ниже вторых чинов Высочайшего двора, когда таковые чинами старше статс-секретарей»[372]. Некоторых из представлявшихся царь принимал отдельно.

Принимали представлявшихся и императрицы. Например, 5 декабря 1826 г. императрице Марии Федоровны представлялись 20 человек, среди них: генерал от артиллерии князь Яшвиль, отставной действительный статский советник граф Румянцев, генерал-лейтенант Корен («благодарить за пожалование в сей чин»), сенатор Мертенс и сенатор Дивов («благодарить за монаршие милости»), санкт-петербургский гражданский губернатор Безобразов[373].

По воспоминаниям великой княгини Ольги Николаевны, «по воскресеньям, после обедни, представлялись мужчины, по вечерам – дамы. В большинстве случаев их бывало от сорока до пятидесяти человек: матери, которые привозили представляться своих только что вышедших замуж дочерей, дамы, приезжавшие прощаться перед каким-нибудь отъездом или такие, которые благодарили за очередное производство их мужей, все они в придворных платьях с длинными шлейфами. Это были утомительные обязанности. Мама была освобождена от них только после того, как сдало ее здоровье. Нам, детям, доставляло громадное удовольствие, если мы иногда вместе с Папа могли наблюдать через дверь. При этом Папа делал знаки рукой некоторым хорошим знакомым».

В числе таких хороших знакомых была и юная Маша Фредерикс, дочка ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны. 16-летняя девушка представлялась императрице 1 июля 1849 г. по случаю присвоения ей фрейлинского шифра.

Спустя десятилетия М. П. Фредерикс вспоминала, что Александра Федоровна, следуя букве протокола, спросила во время представления: «Кто эта девица?». Ирония ситуации заключалась в том, что Александра Федоровна знала М. Фредерике буквально с младенчества: «Смех начинал разбирать всех присутствующих, знаки из двери усилились; я окончательно сконфузилась; императрица очень серьезно и холодно обратилась ко мне и сказала: „Очень рада с вами познакомиться… где находятся ваши родители?“. Я до того растерялась, что ни слова не могла выговорить и готова была расплакаться; все присутствующие разразились хохотом; особенно за ужасной дверью происходило что-то страшное; я, красная как рак, готова была провалиться сквозь землю»[374]. Судя по всему, «за ужасной дверью» находились подруги Маши – великие княгини и, возможно, сам император.

Впрочем, были и те, кто, входя в «ближний круг» императрицы, мог проходить на ее половину без предварительной записи на представление. По воспоминаниям великой княгини Ольги Николаевны, «вход к ней был свободен для князя Волконского, на обязанности которого лежало обсуждение с ней приглашений на балы, а также выбор подарков к крестинам и свадьбам; и – для генерал-адъютантов и флигель-адъютантов. Все они, а также и некоторые привилегированные друзья, дамы и кавалеры, могли приходить к ней без того, чтобы стоять в списке. Они приходили уже с утра, чтобы выпить с Мама чашку шоколада в то время, как обсуждалось необходимое»[375].

Свадьбы

Как известно, дети в императорской семье рождались не для счастья, а для «нужд государственных». Родители, вне всякого сомнения, желали им счастья, но «профессия» требовала жертв во имя интересов страны. Поэтому вопрос «о любви» при матримониальных решениях даже не вставал, поскольку речь шла о долге, прямо предписанным высоким рождением в стенах Зимнего дворца.

В Большом соборе Зимнего дворца прошло немало свадеб самого высокого уровня. Ритуал высочайших свадеб также тщательно прописывался, как и ритуал Больших и Малых выходов. Во времена Екатерины II главными свадьбами Зимнего дворца стали три брачные церемонии: наследника великого князя Павла Петровича и внуков императрицы – Александра и Константина. Что характерно, всех трех невест выбрала сама Екатерина II. При этом, просчитывая перспективы брачных союзов, она руководствовалась прежде всего государственными интересами, а не интересами матери и бабушки.

О темпах принятия решений свидетельствует хронология развития событий. Например, предполагаемые невесты великого князя Александра Павловича прибыли 31 октября 1792 г. Буквально в этот же день Екатерина II определилась с выбором невесты, проведя некий кастинг среди прибывших баденских принцесс, определив в невесты любимому внуку старшую принцессу, Луизу-Марию-Августу Баден-Дурлахскую.

За юной Луизой непрерывно следили десятки и сотни глаз. Малейшие шероховатости обращали на себя внимание и становились поводом к бесконечному перемыванию костей и долгосрочным прогнозам. Так, когда невеста, на одной из дворцовых церемоний споткнулась, задев бахрому ковра, это привело ее в отчаяние, а многие сочли эту неловкость дурным предзнаменованием[376].

9 сентября 1793 г. баденская принцесса приняла православие с именем великой княжны Елизаветы Алексеевны, 10 сентября прошла церемония обручения, и 28 сентября 1793 г. «совершилось бракосочетание в Большой придворной церкви, и их императорския высочества новобрачные заняли их новые покои»[377].

В придворных хрониках события свадебного дня отражены в деталях, которые коротко описывают брачную церемонию и все «передвижения» бабушки и молодоженов по Зимнему дворцу[378]. За этими строками, фиксирующими только формальную сторону

происходившего, стояли нарождающиеся чувства двух совсем молодых людей и осознание неизбежности происходящего. Как вспоминала Елизавета Алексеевна, «однажды вечером, спустя примерно шесть недель после нашего приезда, за круглым столом в Бриллиантовой комнате, где мы рисовали вместе с остальным обществом, он (великий князь Александр Павлович. – *И. З.)* потихоньку от других сунул мне только что написанную им записку с объяснением. Он писал, что по приказанию родителей сообщает мне о том, что меня любит, и спрашивает, могу ли я отвечать на его чувство и может ли он надеяться, что я буду счастлива, выйдя за него замуж. Я, тоже на клочке бумаги, ответила ему утвердительно, прибавив, что исполню желание родителей, приславших меня сюда. С этого момента на нас стали смотреть как на жениха и невесту и мне дали учителя русского языка и закона Божия».

Обращаем внимание на эти взаимные фразы – «по приказанию родителей». Заметим, что молодые люди совсем не были возмущены подобными «приказаниями», их так и воспитывали, что на первом месте должна быть государственная целесообразность, ну а с чувствами – как сложится…

Б. Мошков. Миропомазание великой княжны Елизаветы Алексеевны в Большом соборе Зимнего дворца

Саму свадьбу в воспоминаниях подробно описали несколько очевидцев. Графиня В. Н. Головина вспоминала: «Наконец настало 28 сентября 1793 года. В церкви Зимнего дворца было устроено возвышение, на котором предстояло совершиться брачной церемонии, для того чтобы всем было видно. Как только молодые поднялись на него, всеми овладело чувство умиления: они были хороши, как ангелы. Обер-камергер Шувалов и князь Безбородко держали венцы. Когда окончился обряд венчания, новобрачные сошли, держась за руки. Александр опустился на колени перед императрицей, чтобы благодарить ее, но государыня подняла его, обняла и поцеловала со слезами. Такую же нежность государыня выказала и по отношению к Елисавете.

Затем молодые поцеловались с великим князем-отцом и великой княгиней-матерью, которые тоже благодарили государыню. Павел Петрович был глубоко тронут, что всех очень удивило. В то время он любил свою невестку, как настоящий отец.

Неизвестный художник. Портрет великой княгини Анны Федоровны. Начало XIX в.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Константина Павловича на фоне сражения при Нови. 1799 г.

В день свадьбы был большой обед, вечером – бал в парадной зале великого князя Александра. Императрица, Павел Петрович и Мария Феодоровна проводили молодых до их покоев. На следующий день был еще один бал в большой галерее у государыни, затем последовало еще несколько празднеств»[379].

Через несколько лет Екатерина II женила своего второго внука, Константина, на Юлианне-Генриетте-Ульрике Саксен-Кобург-Заальфельдской, принявшей в православии имя Анны Федоровны. Так же, как и в случае с Александром, смотринам невесты предшествовал сбор информации о ней и кастинг среди приехавших в Петербург сестер-невест. Будущие супруги были, по сути, еще детьми – невесте не исполнилось пятнадцати лет, а жениху – шестнадцати. Так же, как и у Александра, этот брак оказался несчастным.

По свидетельству графини В. Н. Головиной, «великого князя Константина принудили сделать выбор. Мне кажется, что он предпочитал вообще уклониться от выбора, ибо совершенно не

желал жениться, но, в конце концов, остановился на принцессе Юлии. Бедная молодая принцесса вовсе не казалась польщенной предстоящей ей участью. Едва сделавшись невестой великого князя Константина, она подверглась его грубостям и в то же время нежностям, которые одинаково были оскорбительны. Константин являлся завтракать к своей невесте зимою в 6 часов утра. Он приносил с собой барабан, трубы и заставлял ее играть на клавесине военные марши, аккомпанируя на этих инструментах. Это было единственным выражением любви к ней. Иногда он выворачивал ей руки, кусал ее, но это была только прелюдия к тому, что ожидало ее после замужества. Ее свадьба с Константином Павловичем состоялась в феврале 1796 года»[380].

Через несколько лет супруга великого князя Константина Анна Федоровна буквально сбежала из Петербурга. Для этого имелись серьезные основания, поскольку даже в медовый месяц Константин Павлович «забавлялся в манеже Мраморного дворца тем, что стрелял из пушки, заряженной живыми крысами. Поэтому императрица, вернувшись в Зимний дворец, поместила его в покоях со стороны Эрмитажа»[381]. Столь «оригинальное» поведение жениха не выдумки графини В. Н. Головиной. Другие мемуаристы описывают примерно то же самое: «…можно ли поверить, что семнадцатилетний живой и крепкий великий князь, женившись на молоденькой, хорошенькой женщине, поднялся в первую же брачную ночь в пять часов утра и во дворе своего дворца палочными ударами заставил маршировать пару солдат, данных ему для караула»[382]. А забавы с крысами очень напоминали забавы дедушки – императора Петра III Федоровича, столь красочно описанные в мемуарах Екатерины II.

В 1799 г. великая княгиня Анна Федоровна под предлогом необходимости лечения уехала в Европу, фактически сбежав от мужа. В этом беспрецедентном побеге из Зимнего дворца великой княгине Анне Федоровне помогали будущий Александр I и будущая императрица Елизавета Алексеевна. Как писала графиня В. Н. Головина: «Этот план, задуманный семнадцатилетней головкой и основанный единственно только на сильном желании успеха, был сообщен великой княгине Елисавете, которая хотя и предвидела более затруднений, чем предполагала ее подруга, но все же старалась убедить себя в возможности успеха, потому что та, кого она любила с нежностью сестры, считала, будто счастье ее зависит только от успеха этого плана. Великому князю Александру, питавшему те же чувства к своей невестке, тяжело было видеть ее жертвой поведения брата. Он вошел в ее положение, советовал, помогал, ободрял, и это дело, такое серьезное само по себе, было решено без всяких колебаний, с

легкомыслием двух молодых женщин семнадцати и девятнадцати лет и молодого человека двадцати лет».

Шведский король Густав IV

В. Л. Боровиковский. Портрет великой княжны Александры Павловны. 1796 г.

Эти два брака, заключенные по инициативе Екатерины II, не принесли счастья ее внукам, хотя она желала его молодым всем сердцем. А крушение намечавшегося брака ее внучки, великой княжны Александры Павловны, со шведским королем Густавом IV осенью 1796 г. привело к кратковременному параличу императрицы. Примечательно, что, когда Густав IV обсуждал с Екатериной II саму возможность брака, его интересовало только, не испытывает ли великая княжна к нему отвращения, предполагалось, что «все остальное» будет развиваться по

принципу «стерпится – слюбится».

Добавим, что в стенах Зимнего со времен Екатерины II стали практиковаться и «обычные свадьбы», когда в Большом или Малом соборах императорской резиденции выходили замуж фрейлины или женились аристократы, близкие к Императорскому двору. Такие свадьбы в присутствии монархов считались большой честью, и при их проведении имелись свои неофициальные церемониалы. Так, графиня В. Н. Головина пишет: «Девятнадцати лет я вышла замуж, а моему мужу было двадцать девять лет. Свадьба была отпразднована в Зимнем дворце 4 октября. Ее величество лично надевала на меня бриллианты. Когда надзирательница за фрейлинами баронесса Малыш подала их ей на подносе, государыня добавила к обычным украшениям еще и рог изобилия. Этот знак внимания с ее стороны не ускользнул от внимания баронессы, которая меня любила».

Э. Виже-Лебрен. Портрет В. Н. Головиной. 1797–1800 гг.

Л.-Д. Дюваль. Шпилька в виде рога изобилия (7,5 х *7,5 см). Ок. 1780 г.*

Под рогом изобилия, упомянутым мемуаристкой, имеется в виду одно из коронных бриллиантовых украшений, сохранившееся до нашего времени. Эта вещица была сделана около 1780 г. ювелиром Л.-Д. Дювалем, и к ней прилагались бриллиантовые серьги в виде цветочных корзин. Сегодня это украшение можно увидеть в историческом зале Алмазного фонда РФ.

Отметим, что практика таких свадеб сохранялась при всех последующих царствованиях. Например, 3 апреля 1866 г. при Александре II в Малой церкви Зимнего дворца состоялась свадьба фрейлины графини О. П. Клейнмихель и камер-юнкера князя П. Д. Волконского. Гости со стороны жениха собирались в Ротонде, со стороны невесты – в Малахитовой гостиной. Невесту привезли в Зимний дворец в придворной парадной карете к подъезду императрицы и в сопровождении двух скороходов провели в Золотую гостиную «через коридорчик и столовую, и потом» невеста была «прошена во внутренние Ее Величества апартаменты для убрания бриллиантами и благословения к венцу». Затем все приглашенные прошли в Малую церковь, где и прошло бракосочетание. Затем в Малахитовой гостиной молодых поздравляли, туда же подали «шампанское, чай, питье и мороженое». Церемония закончилась в 21 час. При этом Александр II счел необходимым лично «сопроводить новобрачных

в дом»[383].

Ротонда в Зимнем дворце

В XIX в. характер свадеб «на высшем уровне» изменился. При принятии решений уже не ощущалось того диктата воли монарха, столь характерного для XVIII в. Возможно, тут сыграл свою роль негативный жизненный опыт, имевшийся у Александра I и Константина Павловича. Россия в начале XIX в., одержав победу над Наполеоном, могла себе позволить брачный союз по взаимной симпатии молодых. Результатом такого подхода стал вполне гармоничный брак великого князя Николая Павловича и прусской принцессы Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины, в православии великой княгини Александры Федоровны.

Великий князь Николай Павлович. Ок. 1820 г.

Прусская принцесса Шарлотта

В 1817 г. в Большом соборе Зимнего дворца состоялось обручение (25 июня), а затем и бракосочетание (1 июля)

будущего императора Николая I и будущей императрицы Александры Федоровны. Для свадьбы такого уровня церемониал соблюдался строжайшим образом, но невеста и жених на всю парадную суету смотрели совсем иными глазами. Ведь этим молодым людям, несмотря на их статус, посчастливилось заключить брак по любви.

Их «особый взгляд» отразился в дневниковых записях Александры Федоровны. В них она, как и всякая счастливая невеста, очень мало писала о деталях церемониала: «На следующий день, 25 июня, совершилось наше обручение. Я впервые надела розовый сарафан, брильянты и немного подрумянилась, что оказалось мне очень к лицу; горничная Императрицы-матери Яковлева одела меня, а ее парикмахер причесал меня; церемония обручения сопровождалась обедом и балом с полонезами… С каким чувством проснулась я поутру 1 июля! Мои прислужницы-пруссачки убрали мою кровать цветами, а добрая Вильдермет поднесла мне букет из роскошнейших белых роз. Я не хочу здесь распространяться о своих личных впечатлениях, но в этот день невозможно обойти их молчанием. Меня одели наполовину в моей комнате, а остальная часть туалета совершилась в Брильянтовой зале, прилегавшей в то время к спальне вдовствующей Императрицы. Мне надели на голову корону и, кроме того, бесчисленное множество крупных коронных украшений, под тяжестью которых я была едва жива. Посреди всех этих уборов я приколола к поясу одну белую розу. Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды!

Остальную часть дня поглотил обычный церемониал, этикет и обед. Во время бала, происходившего в Георгиевском зале, я получила письма из Берлина, от отца и от родных. Мы спустились по парадной лестнице, сели в золотую карету со вдовствующей Государыней; конвой кавалергардов сопровождал нас до Аничкового дворца».

Отметим для себя «профессиональную закрытость» будущей императрицы: будучи юной девушкой, даже в личном дневнике она не могла позволить себе «распространяться о своих личных впечатлениях».

Особая свадьба прошла в Большом соборе Зимнего дворца летом 1839 г. Старшая дочь Николая I – великая княжна Мария Николаевна – стала первой императорской дочерью, после замужества оставшейся в России. Свадьбу готовили согласно сложившимся за имперское столетие традициям, и приданое невесты выставили в парадных залах Зимнего дворца. Младшая

сестра невесты, великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Приданое Мэри было выставлено в трех залах Зимнего дворца: целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом, все, что нужно для стола, в одном зале; в другом – серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья, и в третьем зале – русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними – подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов. От Макса она получила шесть рядов самого отборного жемчуга. Кроме этого приданого, Мэри получила от Папа дворец (который был освящен только в 1844 г.) и прелестную усадьбу Сергиевское, лежавшую по Петергофскому шоссе и купленную у Нарышкиных. Я не буду описывать свадьбу и все к ней относящиеся торжества. В пурпурной императорской мантии, отделанной горностаем, Мэри выглядела невыгодно: она совершенно скрывала тонкую фигуру, и корона Великой княжны тяжело лежала на ее лбу и не шла к ее тонкому личику. Но его выражение было приветливым, даже веселым, а не сосредоточенным, как то полагалось. В браке она видела освобождение от девичества, а не ответственность и обязанности, которые она принимала на себя»[384].

К. Робертсон. Портрет великой княгини Марии Николаевны

Великая княгиня Мария Николаевна и Максимилиан Лейхтенбергский

В конце 1830-х гг. наследник великий князь Александр Николаевич отправился в заграничное турне, во время которого он «отсмотрел» несколько потенциальных невест. При этом будущую жену нашел там, куда заезжать совершенно не планировал – в герцогстве Гессенском. Совершенно случайно остановившись в маленьком Дармштадте, он был сражен обаянием маленькой (14 лет) принцессы Максимилианы-Вильгельмины-Августы-Софии-Марии Гессенской. Николай I был немедленно извещен о потенциальной невесте и, несмотря на ее сомнительное отцовство, одобрил будущий брак.

Однако в мае 1839 г. наследник Александр Николаевич посетил Англию. Там влюбчивый цесаревич встретился с юной английской королевой Викторией. Сначала они проявили друг к другу сдержанный, в рамках церемониала, интерес, вскоре он перерос в бурное взаимное чувство. Первые впечатления о русском цесаревиче в дневнике королевы Виктории вылились в следующие строки: «У него красивые синие глаза, короткий нос и изящный рот с очаровательной улыбкой. Я нашла Великого Князя чрезвычайно привлекательным, с располагающим приятным характером, таким естественным, таким веселым». Затем появилась следующая, совершенно типичная для 20-летнего возраста запись: «Мне страшно нравится Великий Князь, он такой естественный и веселый, и мне так легко с ним».

Коронационный портрет королевы Виктории. 1838 г.

Скьявоне Натале. Великий князь Александр Николаевич. 1838 г.

Официальные лица, сопровождавшие цесаревича, и приближенные королевы сначала с беспокойством, а затем и с паникой наблюдали за развитием романа молодых людей. Для них была совершенно очевидной его тупиковость. Ни один, ни другая и помыслить не могли об изменении своего статуса. Впрочем, молодые люди и сами понимали это, поскольку чувство долга и ответственности перед страной они впитали с детства. 30 мая 1839 г. молодые простились наедине. Следом этого прощания стала следующая запись в дневнике королевы Виктории: «Он был

бледен и голос его дрожал, когда он сказал мне по-французски: „Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую“, – и добавил, как глубоко он признателен за столь любезный прием… Затем он прижался к моей щеке и поцеловал меня так тепло и с таким сердечным чувством, и потом мы опять очень тепло пожали друг другу руки».

Естественно, Николай I был в курсе сердечных перипетий в личной жизни цесаревича. Поэтому накануне возвращения сына в Россию он писал И. Ф. Паскевичу (13 июля 1839 г.): «Жду на днях сына, которого пребывание в Англии имело самые счастливые последствия. В Дармштадте, кажется, нашел он залог будущего своего счастья и получил семейно отцовское там согласие; Бог все устроил и, надеюсь, устроит все к лучшему, на Него моя надежда!». Под «счастливыми последствиями» пребывания наследника в Англии Николай Павлович, видимо, имел в виду то чувство долга, которое возобладало над внезапно вспыхнувшими чувствами.

А. П. Рокштуль. Цесаревна Мария Александровна

Кристина Робертсон. Великая княгиня Мария Александровна. Около 1850 г.

Через год, в начале осени 1840 г., в Зимний дворец торжественно въехала дармштадская принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессенская, невеста наследника Александра Николаевича, будущего Александра II. Как вспоминала великая княгиня Ольга Николаевна, «8 сентября был въезд в Петербург в сияющий солнечный день. Мама, Мари, Адини и я ехали в золотой карете с восемью зеркальными стеклами, все в русских платьях, мы, сестры, в розовом с серебром. От Чесменской богадельни до Зимнего дворца стояли войска, начиная с инвалидов и кончая кадетами у Александровской колонны. На ступеньках лестницы, ведущей из Большого двора во дворец, стояли по обеим сторонам дворцовые гренадеры. Мы вышли на балкон, чтобы народ мог видеть невесту, затем были церковные службы в храме, молебен и наконец большой прием при Дворе. Все городские дамы и их мужья, как и купцы с женами, имели право быть представленными невесте. Все залы были поэтому переполнены. Для Мари (невеста цесаревича великая княжна Мария Александровна. – *И. З.)* были устроены апартаменты в Зимнем

дворце подле моих[385], красивые, уютные, хотя и расположенные на север.

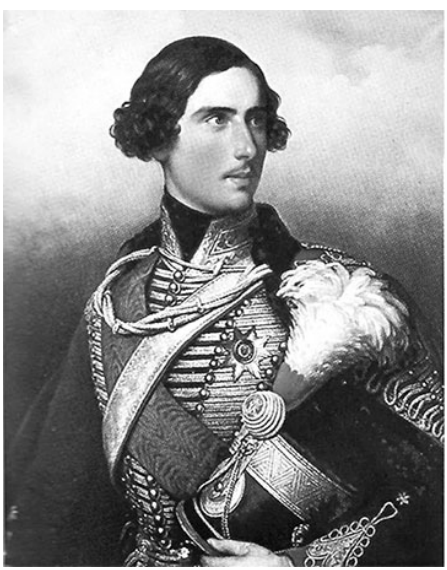
К. П. Брюллов. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1837 г.

Орас Верне. Николай I. 1830-е гг.

5 декабря в церкви Зимнего дворца была пышно отпразднована церемония перехода Мари в лоно православия. С необычайной серьезностью, как все, что она делала, она готовилась к этому дню. На следующий день была отпразднована помолвка, и в соответствующем манифесте она названа Великой княгиней Марией Александровной».[386] Сама церемония свадьбы состоялась в апреле 1841 г.

Еще через год, летом 1842 г., в Зимнем дворце отпраздновали серебряную свадьбу Николая I и императрицы Александры Федоровны: «Утром торжественного дня Мама проснулась под звуки трубачей Кавалергардского полка: играли ей „Лендлер“ Кунцендорфа, эту вещь она часто слышала еще девочкой в

Силезии. Затем был семейный завтрак, к которому каждый принес свое подношение: братья и сестры из Пруссии – серебряную люстру в 25 свечей и глиняные молочники из Бунцлау в Силезии. Мы, семеро детей, поднесли Мама накануне браслет с семью сердечками, из драгоценных камней, которые составляли слово „respect“ [почтение – *фр*-]– От Папа она получила ожерелье из 25 отборных бриллиантов. Каждой из нас, сестер, он подарил по браслету из синей эмали со словом „bonheur“ [счастье – *фр*.] в цветных камнях, которые отделялись друг от друга жемчужинами. „Такова жизнь, – сказал он, – радость вперемешку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах“. Свой браслет я с любовью берегу до сегодняшнего дня и передам его своим наследникам как реликвию. Папа, растроганный и благодарный за все счастливые годы совместной жизни с Мама, благословил нас перед образами Святых. „Дай вам Бог в один прекрасный день пережить то же, что и я, и старайтесь походить на вашу Мать!“



К. Штейбен. Принц Фридрих Вильгельм Гессен-Кассельский и великая княжна Александра Николаевна. 1843 г.

Затем последовал торжественный выход в церковь Большого дворца; Мама в вышитом серебром платье, украшенная белыми и розовыми розами, мы все с гвоздиками. После службы, на балконе, принимали поздравления. Солнце сияло, было отрадно видеть великое множество поздравлений и приветствий нашим Родителям»[387].

Для Николая I и Александры Федоровны это было счастливое

время зрелости. Еще молодые, полные сил родители выдавали замуж дочерей и женили сыновей. Все важнейшие семейные праздники они старались проводить в своем главном доме – Зимнем дворце.

В 1844 г. по любви вышла замуж младшая дочь Николая I – великая княжна Александра Николаевна, или, как ее называли домашние, Адини. Современникам запомнилось, что свадьба была очень веселой, несмотря на все жесткие нормы придворного церемониала. Если старшее поколение в силу возраста жестко следовало нормам церемониала, то молодежь, как и положено на свадьбе, веселилась до упаду. Ольга Николаевна вспоминала, как «на последнем балу, заключительном после всех празднеств, во время полонеза, от радости, что все торжества кончены, танцевали бешеный галоп через все большие залы, с Папа во главе. Камер-пажи с трудом поспевали за нашими шлейфами, и за ними, задыхаясь от усилий, следовал весь Двор.

Фриц и его молодая жена (Александра Николаевна. – *И. З.)* должны были остаться у нас до весны и занимали большие апартаменты в северном флигеле дворца, очень нарядные, но неудобные. Адини должна была пройти пять салонов, прежде чем попасть в комнату к своему мужу. На Пасху предполагался переезд в Копенгаген, где для молодых устраивался дворец, а также дом на морском берегу для летних каникул. Датский король любовно заботился об обоих молодых людях». Однако этот счастливый брак закончился в августе 1844 г. смертью молодой Александры Николаевны.

Возвращаясь к свадебным церемониалам, подчеркнем, что буквально для каждой высочайшей свадьбы составлялось несколько церемониалов, в них в деталях прописывались все «движения» участников торжеств. Когда в 1848 г. женился второй сын Николая I – великий князь Константин Николаевич, в высочайше утвержденном «Церемониале торжественного въезда в Санкт-Петербург Ея Светлости принцессы Александры Саксен-Альтенбургской, высоконареченной невесты Его Императорского Высочества государя великого князя Константина Николаевича» предписывались следующие действия: во-первых, встречающие «собирались в палатке, поставленной на учебном месте л. – гв. Семеновского полка у железной дороги»;

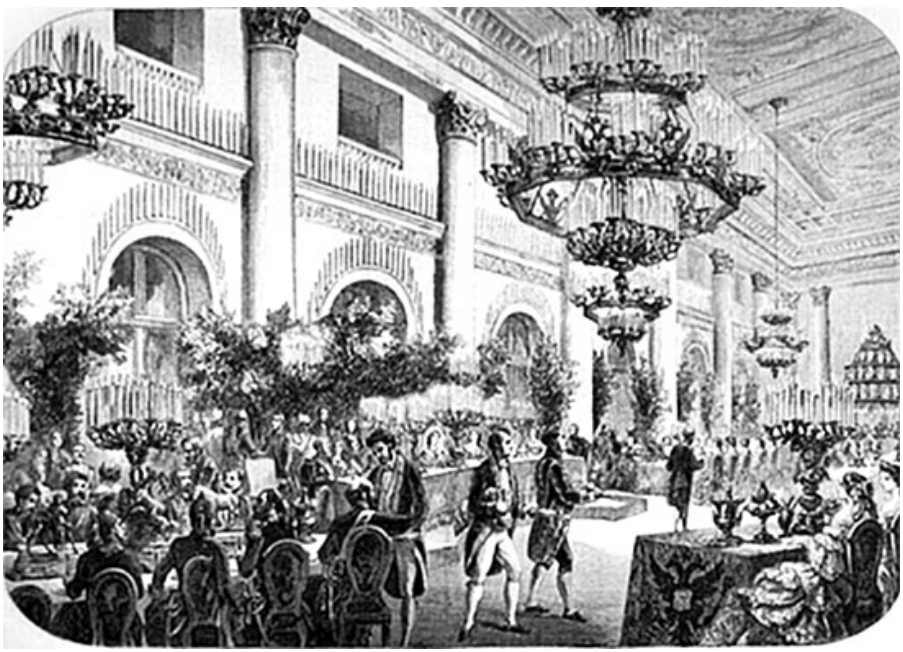
во-вторых, невеста размещалась в парадной карете императрицы Александры Федоровны, запряженной «в восемь лошадей», где ее ожидала великая княгиня Мария Николаевна;

в-третьих, за парадной каретой императрицы следовали экипажи фрейлин и статс-дам;

в-четвертых, в Зимний дворец на встречу невесты великого

князя собрался весь бомонд, включая купцов первых двух гильдий, собиравшихся в «первой Аванзале»;

в-пятых, следовал большой выход всей императорской фамилии в Большой собор Зимнего дворца, а затем все рассаживались за столами, расставленными в парадных залах Невской анфилады. Все действо, как следует из церемониала, могли наблюдать дамы, «которые не имеют приезда ко двору», им позволялось «быть на хорах во всех залах, по билетам, а также и в сенях Парадной лестницы между столбов за шпалерами дворцовых гренадер».



Парадная трапеза в Николаевском зале Зимнего дворца

В Зимнем дворце дважды отмечали жемчужную свадьбу. Первый раз – 1 июля 1847 г., когда отмечалось «30-летие супружеской жизни Их Императорских Величеств» Николая I и Александры Федоровны. Это был скромный семейный праздник, на котором «молодые» одарили всех тех, кто был рядом с ними 30 лет назад – в 1817 г.: духовник императорской четы Музовский получил алмазные знаки ордена Александра Невского; В. Ф. Адлерберг, друг детства Николая I, – титул графа; секретарь императрицы тайный советник Шамбо – орден Св. Владимира II ст.; подруга юности императрицы баронесса Сесилия Владиславовна Фредерикс – звание статс-дамы.

Награждали и тех дворцовых слуг, кто был в Зимнем дворце в 1817 г. Так, садовый мастер Эрлер получил из рук Николая I

бриллиантовый перстень в 342 руб., наградили рейнкнехта «половины Его Величества» Подтягина[388] и дворцовых гренадер, служивших при комнатах императорской четы[389].

Вторую жемчужную свадьбу отметили в Зимнем дворце в апреле 1871 г. Торжество было связано с 30-летием супружеской жизни императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Правда, этот юбилей разительно отличался от юбилея 1847 г., поскольку Николай Павлович, при всех своих «васильковых дурачествах»[390], до конца жизни любил свою «Птичку» (так он называл императрицу Александру Федоровну). А император Александр Николаевич с 1866 г. жил на две семьи, о чем было хорошо известно и императрице, и всему ближайшему и не ближайшему окружению императорской четы. Но правила «игры» были таковы, что императрица ни словом не упрекнула мужа, хотя у него уже родилось несколько детей на стороне.

В. О. Шервуд. Портрет князя В. А. Долгорукого в мундире лейб-гвардии Конного полка. 1882 г.

К. Е. Маковский. Портрет графа А. В. Адлерберга. 1883 г.

По дворцовой традиции, «по образцу прежних лет» наградили всех, кто был рядом с императорской четой в апреле 1841 г. За образец взяли награды, раздававшиеся ближайшему окружению в апреле 1866 г., когда отмечалось серебряная свадьба. Тогда золотые украшенные бриллиантами табакерки «с портретами Их Величеств» ценой от 4345 руб. до 4101 руб. получили граф А. В. Адлерберг, князь А. И. Барятинский, князь В. А. Долгорукий, наставники наследника – Ф. И. Врунов, В. И. Назимов, посланник в Дармштадте тайный советник Лабенский и соученик Александра II А. В. Паткуль. Слуги тогда получили ордена Св. Станислава и Св. Анны, чины, медали, а духовник императорской четы Бажанов – аренду на 12 лет в 3000 руб.[391]

Великий князь Владимир Александрович и Мария Павловна

Генерал-фельдмаршал АМ. Барятинский

С. К. Зарянко. Великий князь Владимир Александрович. 1867 г.

Как правило, на протяжении XVIII–XIX вв. все невесты, выходившие замуж за великих князей, в обязательном порядке принимали православие, хотя, по законам Империи, этот шаг был обязателен только для будущих императриц. Однако в 1874 г. возник прецедент, нарушивший привычные нормы брачных церемониалов. Дело в том, что невеста великого 27-летнего князя Владимира Александровича – «Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Мария Мекленбург-Шверинская… по особым семейным обстоятельствам» не пожелала менять вероисповедание и осталась лютеранкой. Александр II с пониманием отнесся к особым «обстоятельствам» и дал разрешение на брак, но «признал за благо установить в настоящем фамильном акте для непременного, в будущем, исполнения следующие для сего брака правила: 1. Если, по неисповедимой воле Божией, наследие

престола перешло бы к сыну моему великому князю Владимиру Александровичу, а супруга его до того времени оставалась в лютеранском исповедании, то сын мой великий князь Владимир Александрович по разуму ст. 142 Основных Законов не иначе может получить право на престолонаследие, как по восприятии Его супругой Православного исповедания; 2. Если бы супруга великого князя при переходе к нему права престолонаследия не восприяла православного исповедания, то он должен быть признаваем добровольно отрекшимся от означенного права; 3. Если бы… супруга Владимира Александровича умерла, не восприяв православия, то за прекращением его брака с лицом иноверного исповедания он сохраняет право на престолонаследие; 4. В случае отречения великого князя Владимира Александровича (п. 2.) дети от сего брака сохраняют все права престолонаследия… Санкт-Петербург. 16 августа 1874 г.»[392]. Под этим документом стоят три подписи: Александра II, цесаревича Александра Александровича и жениха – великого князя Владимира Александровича.

В 1894 г. состоялась свадьба императора Николая II, это – единственный случай в имперской истории России, когда император сочетался первым браком. Как правило, наследники женились, будучи великими князьями. Мы не будем писать о добрачной истории взаимоотношений Николая Александровича и принцессы Аликс-Виктории-Элены-Луизы-Беатрисы Гессенской и Рейнской[393]. Отметим только, что брак заключался по взаимной и искренней любви. Но императрица Александра Федоровна оказалась непригодной к своей роли императрицы. И это не упрек, поскольку как можно упрекать женщину, зараженную мутантным геном гемофилии и родившую инвалида-наследника. Как можно упрекать человека, самим складом характера не предназначенного для публичной работы. Однако все это, да и многое другое, оказалось важными факторами, дестабилизирующими вертикаль власти, костяк которой играла династия Романовых. Парадоксально и то, что на фоне фактора «непубличности» у Александры Федоровны имелись и «воля к власти» в сочетании с немецким прагматизмом, да и некая харизма, но все это не предотвратило трагедию 1917 г. Однако вернемся к свадьбе…

Чтобы представить ситуацию накануне свадьбы, напомним некоторые события, происходившие на протяжении 1894 г. В апреле состоялась помолвка молодых в Кобурге. В мае образовали Комиссию по подготовке свадьбы, назначенной на весну 1895 г. В октябре 1894 г. невесту цесаревича срочно вызвали в Ливадию, куда она приехала 10 октября 1894 г. К этому времени всем было

понятно, что счет жизни Александра III пошел на дни[394].

Принцесса Аликс Гессенская

Императрица Александра Федоровна. 1896 г.

20 октября 1894 г. в Ливадии умер Александр III. 21 октября в Ливадии прошла панихида по почившему в Бозе императору и священное миропомазание, при котором дармштадтская принцесса приняла имя Александры Федоровны. Возможно, выбранное имя невесты – Александра Федоровна – должно было гарантировать Николаю II такое же семейное счастье, какое сложилось у его прадеда Николая I и прабабушки Александры Федоровны.

23 октября в Петербурге в Исаакиевском соборе состоялся благодарственный молебен, на который дамам было предписано явиться «в белых высоких платьях, кавалерам в парадной форме (без траура)». 1 ноября тело императора выставили для прощания в Петропавловском соборе. 7 ноября состоялось отпевание и похороны Александра III. И, наконец, 14 ноября в Большом соборе Зимнего дворца состоялась свадьба императора Николая II и великой княжны Александры Федоровны. Таков контекст свадьбы… Как мы видим, времени на подготовку полномасштабной императорской свадьбы просто не оказалось. Когда летом 1894 г. стало ясно, что Александр III умирает, подготовку к свадьбе наследника свернули, поскольку по-

человечески стало понятно, что в ближайшее время будет не до свадьбы, а затем, после смерти императора, последует годичный траур.

Тем не менее по инерции придворные хозяйственники продолжали некоторые движения. Например, в мае 1894 г. они сформировали смету «на делание возвышения, стола с чехлом, подушки и подножия в Большую Церковь Зимнего Дворца – употребляемых во время совершения таинства миропомазания, обручения и бракосочетания Высочайших особ»[395]. В сентябре 1894 г. открыли кредит «на бракосочетание наследника-цесаревича в 36 104 руб.» и начали вновь обивать мебель в комнатах наследника на третьем этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца[396].

Однако вопрос о свадьбе решился буквально за несколько дней до ее проведения – 11 ноября 1894 г., когда высочайше утвердили церемониал бракосочетания. Было решено прервать на один день (14 ноября) годичный траур по усопшему императору, поскольку это был день рождения императрицы Марии Федоровны. Можно только представить, что творилось в душе овдовевшей императрицы, когда она узнала, что всей семьей, неделю назад присутствовавшей при погребении Александра III, придется вновь собраться в Малахитовой гостиной для Большого выхода. Тем не менее это решение вновь запустило дворцовые хозяйственные механизмы по подготовке свадьбы, назначенной на 14 ноября.

11 ноября придворное духовенство затребовало из Гофмаршальской части «золотой кубок с бриллиантами, употребляемый при бракосочетании Высочайших особ к 11 часам утра в день, какой будет назначаться для бракосочетания»[397]. Этот «золотой кубок с бриллиантами», изготовленный в конце XVIII в. по распоряжению Екатерины II и подаренный в 1793 г. к свадьбе будущего Александра I, с тех пор традиционно использовался во время свадебных церемоний в Зимнем дворце. В описи архива Государственного Эрмитажа значится: «Золотой круглый кубок на главной стороне которого коронованный вензель ЕА, Императрицы Елизаветы Алексеевны, окруженный лаврами, бриллианты и изумруды. Крышка окружена двумя рядами бриллиантов, увенчана эмалевою красною подушкою, на которой императорская корона, с бриллиантами и яхонтом. Этот кубок употреблялся в свадебной церемонии Великих Княжон Императорской фамилии»[398].

Кубок со съемной крышкой, использовавшийся при бракосочетании членов императорской фамилии (золото, серебро, бриллианты, рубин, эмаль; чеканка, полировка, пунцирование, гильошировка. 20,7 x *8,8 см). Россия, Санкт-Петербург. Кон. XVIII в.*

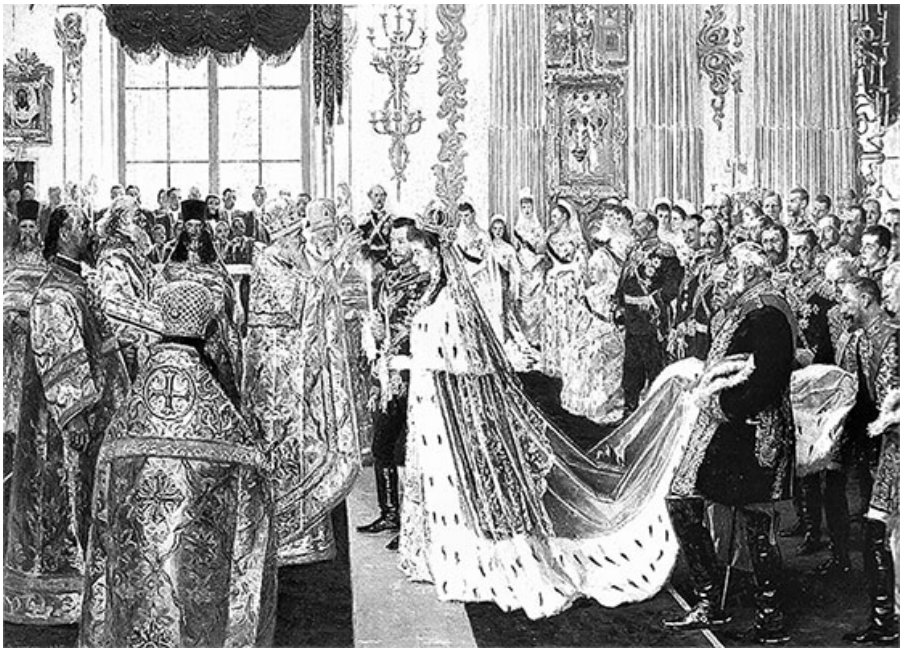
В этот же день из Галереи драгоценностей Императорского Эрмитажа перенесли «во внутренние апартаменты Зимнего дворца (то есть в Малахитовую гостиную. – *И. З.)* золотой туалет императрицы Анны Иоанновны».

12 ноября 1894 г. Дворцовое управление разрешило «выдать из Материальной кладовой булавок для пришпиливания к мантильям билетиков 1 фунт во время съезда Особ в Зимний дворец» и затребовало две венчальные свечи. Подготовка к свадьбе была лаконичной. Неизвестно и то, как невеста успела сшить себе подвенечное платье.

14 ноября петербургский бомонд начал съезжался в Зимний дворец к 11.30 утра. Согласно повестке, придворное духовенство собиралось в алтаре Большого собора Зимнего двора; члены Государственного совета, министры и послы – тоже в Большом

соборе; особы, имеющие «вход за кавалергардов», собирались в Концертном зале; военные – в Николаевском зале и Аванзале; городские дамы и дворяне – в Гербовом зале; городские головы и почетное купечество – в Фельдмаршальском зале.

Любопытно, что на свадьбе Николая II присутствовали не только венценосные особы, несколько дней назад смотревшие на погребение Александра III, но и все учителя молодого императора[399].



Л. Туксен. Свадьба Николая II и великой княжны Александры Федоровны в Большом соборе Зимнего дворца. 1895 г.

Фрагмент

После свадебной церемонии молодые отправились в Казанский собор, где приложились к чудотворной иконе Казанской Божией Матери, а затем в свои комнаты в Аничковом дворце. Началась их семейная жизнь, почти совпавшая с началом царствования Николая II.

В дневнике в понедельник 14 ноября 1894 г. император Николай II оставил хронику прошедшего дня: «День моей свадьбы! После общего кофе пошли одеваться: я надел гусарскую форму и в 11 $^{1}/_{2}$ поехал с Мишей в Зимний. По всему Невскому стояли войска для проезда Мама с Аликс. Пока совершался ее туалет в Малахитовой, мы все ждали в Арабской комнате. В 10 мин. первого начался выход в большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком! Шаферами у меня были: Миша[400], Джоржи[401], Кирилл[402] и Сергей[403]. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мною в карету с русскою упряжью с форейтором, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть – едва могли проехать! По приезде в Аничков на дворе встретил почет. кар. от ее Л.-Гв. Уланского п. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на

телеграммы. Обедали в 8 ч. Завалились спать рано, т. к. у нее сильно разболелась голова!».

Эта свадьба 1894 г. стала последней свадьбой императорского уровня, состоявшейся в Большом соборе Зимнего дворца.

Парадные трапезы

Важнейшей частью церемониальной жизни Зимнего дворца являлись парадные трапезы разного уровня. Это могли быть трапезы колоссального масштаба, на которых за столами сидели тысячи людей, заполнявших первый и второй этажи Зимнего дворца, как ежегодно происходило 26 ноября, когда чествовали георгиевских кавалеров. Это могли быть парадные трапезы по случаю свадеб царских детей, когда петербургский бомонд заполнял парадные залы Зимнего дворца. Это могли быть встречи в узком кругу, но трапеза все равно сохраняла парадный характер, поскольку в Зимнем дворце фактически любая трапеза с присутствием приглашенных превращалась в парадную. Во время подобных трапез подчас гремели пушки, подчеркивая значимость провозглашаемых тостов и здравиц. Парадность происходящего подчеркивалась и пышным антуражем огромных залов Зимнего дворца, и составом в ней участвующих, шитыми золотом мундирами сановников и бесчисленными бриллиантами придворных дам. К парадным трапезам «прилагалось» и соответствующее музыкальное оформление.

Даже прислуживали во время парадных трапез молодые люди, обучавшиеся в Пажеском корпусе, то есть представители лучших аристократических фамилий России. Эта практика сохранялась в Зимнем дворце со времен Екатерины II вплоть до начала правления Николая I, когда прислуживавших за столом пажей заменили профессиональные официанты.

Отметим, что традиция прислуживания пажей во время трапез высочайшего двора уходит корнями в ранее Средневековье, когда такие же мальчишки прислуживали грозным рыцарям.

Во времена Екатерины II мальчики-пажи, как правило, начинали дежурить в Зимнем дворце по достижении 15 лет. Они получали форму: «Виц-мундир наш был светло-зеленый, и каждая петлица была вышита золотом; камзол был красный, штаны зеленыя, вержет и букли напудренные; всегда в шелковых чулках и в башмаках с пряжками и красными каблуками – talons rouges, означающие высокое дворянство. В парадные же дни нам давали мундиры зеленые бархатные, по всем швам золотое шитье, и часто с большого пажа надевали на маленькаго, ушивали камзол, штаны; каждое платье тогда стоило 1000 рублей серебром. Платья эти были шиты Бог знает когда и, наконец, были так ветхи, что к свадьбе императора Александра Павловича нам сшили и новыя, по мерке каждаго, и выдавали с росписками – и

сохрани Боже замарать! Тогда денежнаго штрафа не было, а просто секли розгами, от чего, с всею шалостью, мы берегли наши мундиры»[404].

Мальчишек-пажей, несмотря на их «голубую кровь», в Зимнем дворце действительно могли высечь за малейшую провинность: «Главный наш начальник был обер-гофмаршал князь Федор Сергеевич Барятинский, весьма ласковый и милый, обращение коего с нами было – драть нас за уши и величать щенками»[405]. Такие дворцовые нравы бытовали во времена Екатерины II. Но примечательно, другой бывший паж, дежуривший во дворце при Александре I, вспоминает то же самое: «Тарелки были серебряныя, а как императрица была уж в старых летах, то Боже сохрани – столкнуться тарелка с тарелкою, чтоб оне зазвенели; конец тот же – розги»[406]. Впрочем, что говорить о пажах, домашние учителя безжалостно секли розгами и великих князей Николая и Михаила Павловичей.

Поскольку члены императорской фамилии очень редко трапезничали в одиночестве, то во время трапез для пажей всегда находилось очень много работы. В последние годы жизни Екатерины II «вседневный стол» накрывался, как правило, на 12 персон. В воскресные дни за царский стол усаживалось от 20 до 25 персон и к ним присоединялись «фрейлины и равно дежурные камергеры и камер-юнкера и форшнейдер (или подаватель кушанья и разрезыватель), также камергер». По воскресеньям в Зимний дворец из Гатчины или Павловска прибывали на обед «наследник престола Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна, и потому обед был церемонный»[407].

В обслуживании царского стола имелось множество нюансов, познаваемых только опытом. Один из бывших пажей вспоминал: «Особенное внимание и осторожность были нужны при услужении Марии Федоровне. Камер-паж должен был ловко и в меру придвинуть стул, на который она садилась; потом, с правой стороны, подать золотую тарелку, на которую императрица клала свои перчатки и веер. Не поворачивая головы, она протягивала назад через плечо руку с тремя соединенными пальцами, в которые надобно было вложить булавку; этою булавкою императрица прикалывала на груди салфетку. Перед особами императорской фамилии, за которыми служили камер-пажи, стояли всегда золотые тарелки, которые не менялись в продолжение всего обеда. Каждый раз, когда подносилось новое блюдо, камер-паж должен был ловко и без стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую, с оставленным на ней прибором, он принимал и на золотой тарелке подносил чистый прибор взамен принятого. По окончании обеда, таким же образом,

подносились на золотой тарелке перчатки, веер и прочее преданное при начале обеда»[408].

Конечно, у мальчишек-пажей были, кроме розог за неловкость, и некоторые бонусы: «Никто лучше пажей не служил – проворные и ловкие ребята, и награда состояла в том, что все конфекты был удел пажей; разборка их всегда происходила в роде штурма, и кто половчее, тот брал сухия конфекты, которыя можно было положить в шляпу, а кто послабее, тому доставалось варенье: куда с ним деваться; и кто из пажей был посильнее, тот у малюток и варенье отбирал»[409].

Даже самая приватная трапеза в Зимнем дворце требовала соответствующей статусу «формы одежды». Это буквально вколачивалось с раннего детства в головы великих княжон и князей. В результате мальчики и девочки буквально срастались с железными и очень хлопотными нормами дворцового этикета. То, что могли себе позволить нетитулованные дворяне, было совершенно недопустимо в стенах Зимнего дворца. Именно поэтому, будучи уже в преклонных летах, императрица Мария Федоровна выходила даже к приватной трапезе в токе со страусовым пером на голове, в платье с декольте с высоко поднятой талией и с буфчатыми рукавчиками. Ее открытую шею украшало жемчужное ожерелье, у левого плеча на черном банте белел мальтийский крестик, белые длинные лайковые перчатки выше локтя и башмаки с высокими каблуками составляли ежедневное одеяние императрицы, исключая торжественные случаи[410].

Л. Шульц. Портрет императрицы Марии Федоровны. 1832 г.

Фактически придворные трапезы становились стержнем, вокруг которого закручивалась придворная жизнь. Так, балы прерывались на трапезу, для того чтобы по ее окончании снова танцевать. После трапез можно было перейти к карточной игре или посплетничать в уютном уголке гостиной.

При Екатерине II в Зимнем дворце могли «учредить в своих залах… богатый ужин» и по поводу именин обычной камер-юнгферы, при этом «имянинница звала кого хотела, распоряжала, как в своем доме, и на это время все великолепие признавала своею собственностию. Сего еще не довольно: Екатерина сама представала шумному веселию с порфирородным семейством, просила всех не чиниться пред нею, признавать ее за простую гостью, заставляла внуков, внучек плясать с другими по-русски; свобода, удовольствие не прерывались, и удаление Императрицы

уносило с собою утехи, оставляя беседе скуку и пустоту»[411].

Императрица Александра Федоровна, описывая свой первый петербургский год, вспоминала: «Мы выезжали очень мало; при Дворе не было ни одного вечернего собрания, но часто давались обеды. По воскресеньям обедали обыкновенно у Maman в платьях со шлейфами и на вечер появлялись опять в том же костюме; вечер проводили у нее в беседе и в игре в макао. Признаюсь, вечера эти ужасно мне наскучили по сравнению с воскресным препровождением времени в Берлине, где мы резвились, болтали и оживленно веселились, и я теперь с трудом могла скрывать свою скуку. Общество на этих собраниях бывало ужасно древнее, в стиле рококо: старые, полуслепые сенаторы, вельможи времен Императрицы Екатерины, находившиеся в отставке лет по двадцати или тридцати!»[412].

«Сервиз с камеями». Мороженица (мягкий фарфор, выс. 24 см; диам. 19 см). Франция, Севр. 1777–1778 гг.

«Сервиз с камеями». Чашечки для мороженого (мягкий фарфор, выс. 8 см; диам. 7 см). Франция, Севр. 1777–1778 гг.

Когда в Петербург приехал отец юной великой княгини, на трапезы начали собираться в его комнатах, в которых ранее жил император Павел I: «Мы ужинали в семейном кругу у него в фонаре, обращенном к большой площади. На этих ужинах одни только дамы сидели за столом, а мужчины ужинали стоя»[413].

Говоря о трапезах в Зимнем дворце, несколько слов следует сказать и о хозяйственном механизме, их обеспечивавшем[414]. Прежде всего отметим, что за соблюдением санитарных норм на царских кухнях отвечал особый чиновник. Так, буквально через месяц после переезда семьи Николая I в Зимний дворец, в январе 1827 г., к высочайшему двору был определен смотрителем «для надзора по кухням за чистотою и порядком» титулярный советник Ларин[415].

Главная императорская кухня в Зимнем дворце располагалась на первом этаже северо-восточного ризалита. Состояла она из трех отделений (частей): Кухонной части, Винной части и Кондитерской части.

Особенно любили гости Зимнего дворца продукцию Кондитерской части императорской кухни. Для изделий кондитерского цеха в придворных сервизах были предусмотрены

особые предметы. Например, когда в 1776 г. Екатерина II заказала знаменитый Камейный сервиз на Севрской мануфактуре на 60 персон, состоящий из 800 предметов, в нем предусматривались многочисленные и разнообразные емкости для мороженого. В этом сервизе было 10 ваз для льда с ручками в виде замерзшего фонтана и 116 чаш для мороженого. Еще в комплект сервиза входили 12 специальных подносов, на каждом из которых умещалось по семь чаш с мороженым, и 8 подносов для шести чаш[416].

Очень высоко ценились разнообразные напитки из царского винного погреба в Зимнем дворце. Если посмотреть перечень напитков, подававшихся к столу Елизаветы Петровны в начале 1740-х гг., то там упоминаются водки разных названий: приказная, коричная, из красного вина, гданьская, боярская. Из вин приводятся названия – «простое вино», «французское вино», шампанское, сект, рейнвейн, пиво, мед, квас[417]. Со времен Екатерины II к царскому столу подавались преимущественно европейские вина. Напитки покрепче, как правило, имели российские корни.

Национально-религиозные традиции, безусловно, оказывали огромное влияние на «вседневное» меню императорской кухни. Поскольку в православном календаре множество постных дней, включая Великий пост, то повара царской кухни обязаны были учитывать это при составлении меню. Жесткость соблюдения постных и мясоедных дней во многом зависела от степени религиозности российских императоров.

Например, истово верующие императрицы Анна Иоанновна (1730–1740 гг.) и Елизавета Петровна (1741–1761 гг.) строго соблюдали все православные каноны в питании. Однако, если посмотреть на конкретный перечень продуктов, использовавшихся на кухне в постные дни, то надо признать, что этот перечень вполне обеспечивал царским поварам свободу «маневра» при приготовлении блюд.

При Екатерине II перечень продуктов, используемых на царской кухне в постные дни, если не расширился, то соблюдался уже не столь строго. И эта традиция сохранялась на протяжении всего XIX в. Более-менее строго при Дворе постились в Великий пост, но строгость поста также в основном зависела от степени личной религиозности.

Обер-гофмаршал А. Л. Нарышкин

Продукты в Зимний дворец поставляли проверенные многими годами сотрудничества придворные поставщики. Зимний дворец обеспечивал их не только стабильными заказами, но и большими объемами поставляемой продукции. Однако бывало, что и в Зимний дворец «проскакивали» некачественные продукты. И таких примеров довольно много. Так, в августе 1833 г. министр Императорского двора кн. П. М. Волконский сделал резкое замечание обер-гофмаршалу А. Л. Нарышкину, поскольку «Цесаревич изволил заметить, что… поданы были незрелые фрукты и помятые ягоды». Кстати, цесаревичу тогда было 15 лет. Министр строго приказал, чтобы ягоды «были совершенно спелыми, а ягод измятых вовсе не принимать от подрядчиков»[418]. А буквально через несколько дней уже Николай I заметил, что в поданном к столу чае «затхлый запах и, будучи оным недоволен, Высочайше повелевает наблюдать, чтобы Придворная контора не принимала подобного чая от подрядчика, который обязан поставить самый лучший, и с хорошим запахом»[419].

Большое внимание уделялось сервировке повседневных и

парадных столов. Для того чтобы царские столы выглядели соответствующим образом, в Сервизных кладовых имелось все необходимое.

Поскольку оценивали качество стола первые лица ежедневно и, что называется, непосредственно, то именно от них и исходили замечания, связанные с недостатками в его сервировке. Например, в октябре 1833 г. кн. М. П. Волконский передал «высочайшее повеление» обер-гофмаршалу А. Л. Нарышкину, чтобы «к Высочайшему столу не подавали мороженое на салфетках, но в хрустальных или фарфоровых компотницах, без салфеток»[420].

Все эти многочисленные сервизы и компотницы хранились не только в Сервизных кладовых, но и в специальных застекленных шкафах в коридорах и залах Зимнего дворца, демонстрируя во время ежегодных «открытых» маскарадов царские богатства простолюдинам, собиравшимся поглазеть на дворец. Посмотреть там было на что. В описях «Сервизной должности» значатся, например, золотая «тарелка 8-гранная» (1 фунт 49 золотников, т. е. 618,5 г); золотое «блюдо рукомойное, продолговатое пробы 86» (5 фунтов 35 золотников, т. е. 2 кг 48 г); золотой «подносик 8-угольный на ножках с 6 чарочками» (2 фунта 24 золотника); серебряное «подносное блюдо от камердинера Михайлова в 1764 г. пробы 78, продолговатое, местами золоченое» (6 пудов, 6 фунтов и 20 золотников, т. е. более 100 кг).[421]

Со временем шкафы, наполненные тяжелыми драгоценными изделиями, приходили в негодность и их меняли. Так случилось в 1835 г., когда обер-гофмаршал А. Л. Нарышкин доложил П. М. Волконскому, что «устроенные с давних времен в Сервизной шкафы, тумбы и другие помещения для золота, серебра, фарфору и другой посуды потеряли все приличия в своей наружности и представляют многие неудобства в самом размещении вещей»[422].

Министр доложил Николаю I, и тот дал «добро» не только на ремонт «шкафов и тумб», но и на ремонт всей «Сервизной должности». На работы отвели три летних месяца, когда царской семьи не было в Зимнем дворце. Проект ремонта и смету первоначально составил архитектор Л. Шарлемань, но Николай I предпочел вариант архитектора О. Монферрана. Отметим этот штрих. Император лично контролировал даже такие «пустяки», как вид дворцовых шкафов для посуды. Зимний был его Домом, поэтому Николай Павлович считал своим долгом принимать все «окончательные решения», связанные с его обликом.

В результате «во исполнение Высочайшего повеления» архитектор Монферран обязывался установить «в Большой

мраморной зале, а если не достанет места, то и в Аванзале», «постоянные буфеты». За реализацией проекта наблюдал сам император. Как деятельный человек, он неоднократно вмешивался, корректируя проект Монферрана: «Его Императорскому Величеству благоугодно повелеть составить третий проект с тем, чтобы только четыре буфета были поставлены по концам залы так, чтобы буфеты заслоняли собой печи оной». Пока вносились поправки, время ушло. В ноябре 1836 г. печи «переделывать» было уже поздно, поэтому проект перенесли на 1836 г. В 1836 г., по отбытии высочайшей фамилии в загородные дворцы, все устроили так, как того желал император. Буфеты под посуду сделали из березового дерева «под лаком», стоимостью в 1500 руб. каждый. Через год все сгорело в страшном пожаре 17 декабря 1837 г. Еще раз подчеркнем, что в бесконечных «переделках» по Зимнему дворцу Николай Павлович активно вмешивался в работу архитекторов и тем приходилось учитывать его пожелания. После восстановления дворца восстановили и буфеты, украшавшие парадные залы Зимнего дворца вплоть до 1917 г.

К. А. Ухтомский. Аванзал. 1861 г.

Конечно, императорская семья – вершина айсберга, вокруг которой вращалась вся жизнь Зимнего дворца. Но при этом в

Зимнем дворце, кроме постоянно живущих в нем слуг, имелись «приходящие» воинские чины, ежедневно заступавшие в суточные караулы по дворцу. Их, конечно, кормили по соответствующим нормам. Нормы были достаточные, но всем всегда хочется чего-либо вкусненького, как тогда говорили – «приварка». Поэтому так сложилось, что «в коридоре Зимнего дворца, поблизости Гауптвахты, для стоящих в карауле нижних чинов, а также разных дворцовых служителей с давнего времени производится днем торг на ларе хлебом, квасом и прочими харчевыми припасами во всей чистоте и опрятности, не делая никакого безобразия, а к ночи все оное убирается…»[423]. При этом торговали на «хлебном месте» не абы кто, а торговцы, получившие специальные «разрешительные билеты» от городских властей. И такая традиция, как следует из документа, повелась «с давнего времени».

Э. П. Гау. Дворцовый караул, спускающийся по Церковной лестнице Зимнего дворца. 1869 г.

Вполне возможно, в связи с тем, что кто-то из «большого начальства» наткнулся на эту «лавочку» «на ларе» в коридоре первого этажа Зимнего дворца и возмутился сим действом, возник «вопрос». Возмущенные «беспорядком» доложили министру Императорского двора, и князь П. М. Волконский попросил доложить, кто и чем торгует. Ему представили «копию с билета, данного торгующему в означенном коридоре Зимнего дворца крестьянину Степану Михайлову», и попросили разрешения «с тем, что, если позволено будет, тому крестьянину продолжить торг», причем с оговоркой, что «кроме тех припасов ни чем торга не производил». Последняя фраза весьма

характерна. Вполне возможно, что офицеры опасались торговли не столько квасом и хлебом, как спиртным «из-под полы».

Начальство «по-людски» приняло во внимание и традиции, и просьбу хозяйственников, разрешив «производимый с незапамятных времен торг на ларе в коридоре Зимнего дворца подле Главной гауптвахты… для нижних чинов… дозволить продолжать и на будущее время… подпискою… не производить продажи горячительных напитков и не дозволенных торговлею вещей… поддерживая вокруг своего ларя надлежащую чистоту…»[424].

Если от «приварка» нижних чинов вернуться за царский стол, то следует подчеркнуть, что за этим столом предпочитали блюда, приготовленные из привозных продуктов. Как правило, редких или таких, которых в России не было, и не только в Зимнем дворце, но и в особняках «дворцового типа» богатейших дворян России. По большому счету, все эти «остендские устрицы», декорированные «пармскими фиалками», вполне понятны. Статус и деньги давали возможности.

Удивительно то, что к царскому столу выписывали из-за границы, вплоть до Александра III, и самые обычные продукты. Например, картошку из Англии. Ни больше, ни меньше. И выписывали ее через знаменитый магазин «Никольс и Плинке», что на Невском проспекте. В этом магазине можно было купить все, от карандашей до уникальных ювелирных изделий. Как это ни удивительно, первый в России универсальный магазин приторговывал и английской картошкой, поставлявшейся для царского стола.

В 1876 г. с этой картошкой произошел скандал, повлекший обширную деловую переписку и царскую «высочайшую волю». Дело в том, что 60 мешков (!!!) картошки «для царского стола», выписанные из Англии через магазин «Никольс и Плинке», не пропустили через таможню Санкт-Петербургского порта, вернув ее поставщику. Когда хозяйственники Зимнего дворца стали разговаривать с таможенниками на повышенных тонах, сбиваясь на истерику (картошка на кухне кончалась!!!), чиновники Таможенного департамента официально заявили, что не считают «себя вправе сделать распоряжение о пропуске означенного картофеля за силою Высочайшего повеления, последовавшего 11 апреля 1875 г., коим воспрещено, без исключения, водворение в Россию из-за границы картофеля»[425].

Высочайшее запрещение действительно имелось, и связано оно было с угрозой распространения в России «американского картофеля, пораженного насекомым», которое «не допуская никаких в этом отношении исключений, водворение во все

русские и финляндские порты… картофеля, равно шелухи, листьев и отбросов картофеля… Соблюдение этих правил» возлагалось «на строгую ответственность подлежащих местных властей». Власти совершенно оправданно боялись распространения колорадского жука в России.

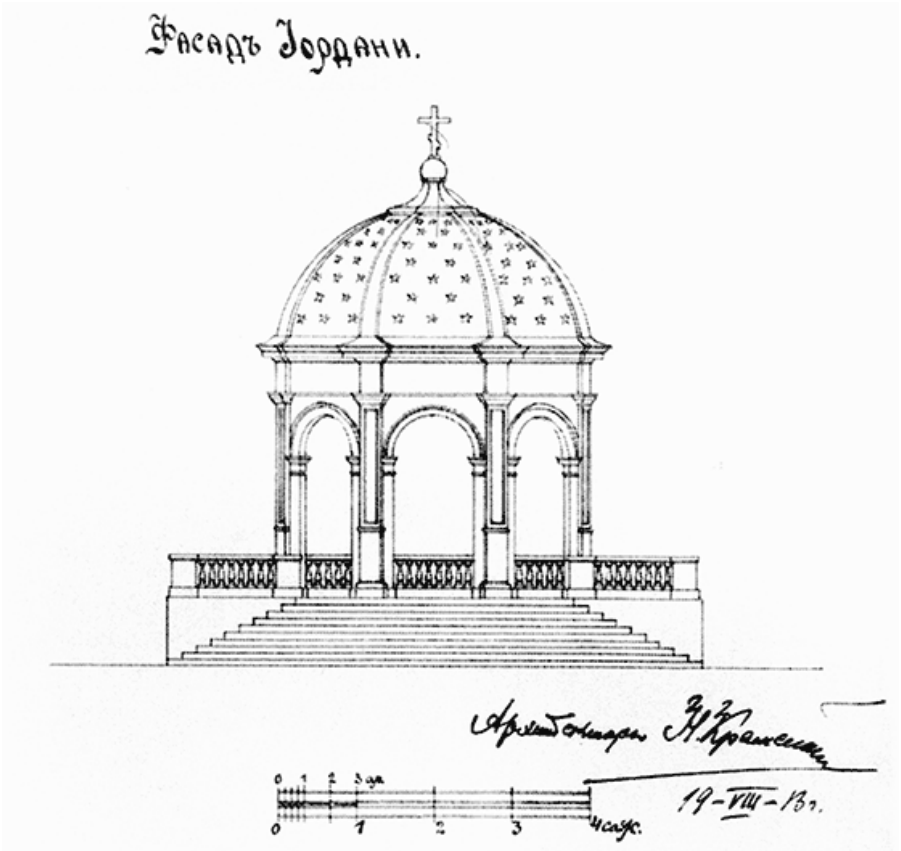
В этой ситуации хозяйственникам Зимнего дворца пришлось подсуетиться. Они «пробили» высочайшее повеление, дававшее им возможность «снестись с министром финансов о разрешении привозить, исключительно для Высочайшего двора», картошку из Англии. Министр финансов использовал административный ресурс, для того чтобы «разъяснить» таможенникам, что «выписываемый гг. Никольсом и Плинке картофель предназначается исключительно для стола Его Величества, а не для водворения в России…». Таможенников вынудили найти английскую картошку, которая оказалась уже на таможне пограничной станции Вержболово. В результате этих «титанических усилий» 60 мешков английской картошки водворились на кухне Зимнего дворца. Такая картошка, конечно, была буквально «золотой».

Выход к иордани

Ежегодно, по старой русской традиции, в день Богоявления – 6 января, на льду Невы перед Зимним дворцом вырезалась прорубь (иордань) в форме креста и священник освящал воду. По традиции, в этот день император принимал военный парад. В результате праздник водосвятия приобрел отчетливый «мужской характер». Дамы тоже принимали участие в церемонии, но только как зрители, наблюдая из окон парадных залов Невской анфилады Зимнего дворца за свершавшейся церемонией.

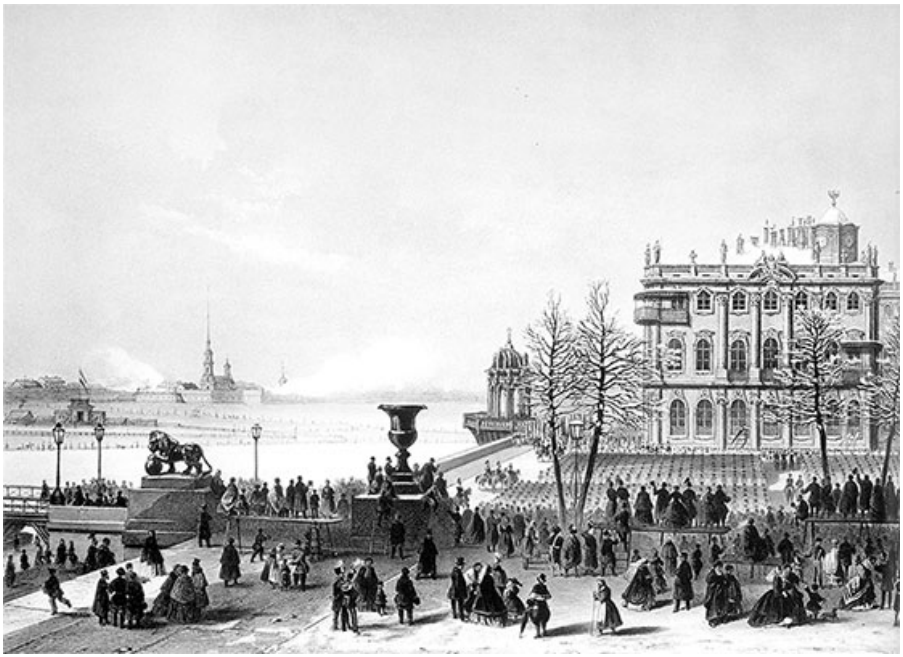
Естественно, церемония готовилась по прописанным и устоявшимся сценариям. Накануне праздника от Иорданского подъезда до Иорданской сени на берегу Невы сооружался специальный помост, покрытый ковром. Сама Иорданская сень представляла собой изящную деревянную ротонду с окрашенным в голубой цвет и усеянным золотыми звездами куполом, позолоченным крестом наверху и несколькими образами по сторонам купола. Внутри Иорданской сени, под самым куполом, обычно находился деревянный голубь в золотых лучах – прообраз Духа Святаго. Посредине площадки, ограниченной стенами ротонды, во льду вырубалась сама Иордань – прорубь в форме креста.

Дворцовые хозяйственники начинали готовиться задолго до начала праздника. Например, в октябре 1840 г. президент Гоф-интендантской конторы обер-гофмейстер Ф. П. Опочинин запрашивал министра Императорского двора князя П. М. Волконского: «В прошлом 1839 г. по Высочайшему повелению… устроена была Иордань на реке Неве против большого подъезда Зимнего дворца… в каком месте назначено оную устроить?»[426]. В свою очередь министр запросил императора и получил распоряжение «устроить Иордань против большого подъезда Зимнего дворца, как было в прошлом 1839 г.»[427].



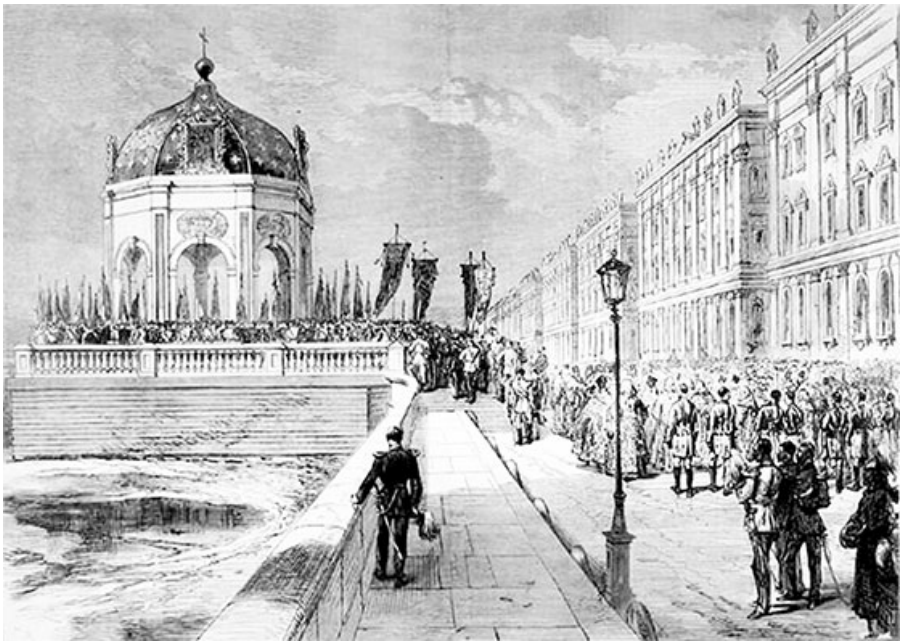
Архитектор Н. Крамской. Архитектурный эскиз Иордани. 1913 г.

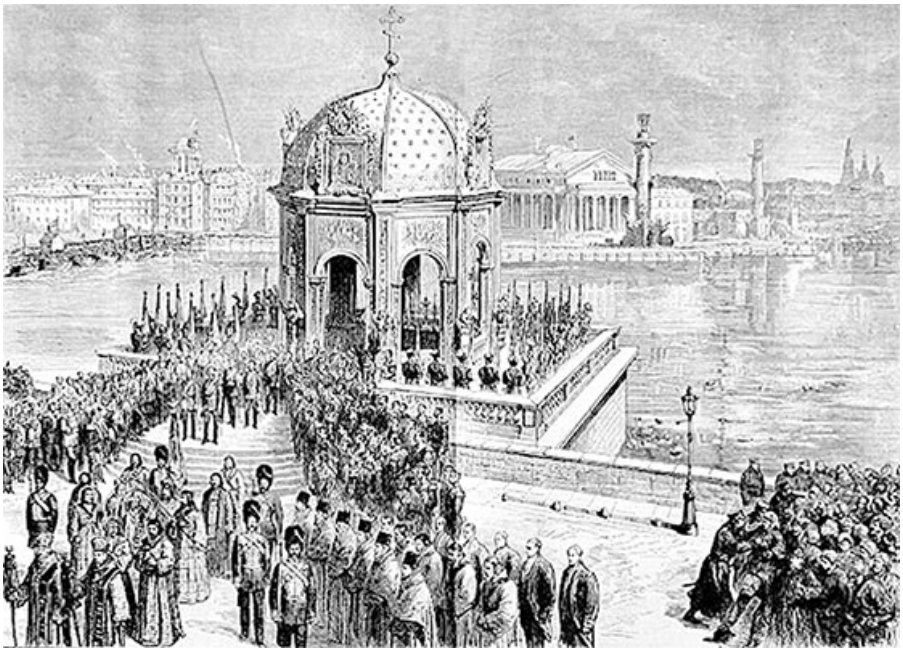
Что касается самой церемонии, то имелось два ее сценария, напрямую зависевших от погоды. Если погода была морозная (более 5 ˚С мороза), то вся церемония с непременным военным парадом проходила в огромных залах Зимнего дворца. Если погода оказывалась теплее, то вся церемония в полном ее блеске проводилась на Дворцовой площади и льду Невы. С учетом обычной для Петербурга январской погоды, военные парады, как правило, проходили в залах Зимнего дворца. Хотя иногда войска выстраивались и на Дворцовой набережной[428].



Шествие к Иордани

Рассмотрим «уличный» вариант церемонии. Итак, в день Богоявления по окончании утренней Божественной литургии в Большом соборе Зимнего дворца император с членами императорской фамилии, в сопровождении представителей всех родов войск столичного гарнизона и в предшествии Крестного хода, спускался по Иорданской (Парадной) лестнице, выходил через Иорданский подъезд на Неву. От северо-западного ризалита Зимнего и до самого помоста на Дворцовой набережной были выстроены воинские части, по одному подразделению от каждого полка гарнизона.





Иордань на Неве

Императрица и великие княгини участвовали в шествии только до Помпеевской галереи, а затем они уходили во внутренние покои, откуда смотрели в окна на водоосвящение на Неве.

Водосвятие совершалось придворным духовенством во главе

с митрополитом на верхней площадке Иорданской сени. Под голубой сенью рядом с прорубью стояли император, великие князья, а вокруг них – знаменосцы от различных полков со своими знаменами и штандартами.

По совершении водосвятия митрополит под залпы салюта из установленных на стрелке Васильевского острова пушек окроплял святой водой всех присутствующих, а также полковые знамена и штандарты, после чего император и все принимавшие участие в молебне тем же путем возвращались во дворец. За торжественным водосвятием на Неве всегда наблюдали многочисленные толпы горожан.

Впрочем, бывали и иные варианты. Например, при подготовке Крещенского выхода 1868 г. 1 января разослали повестки, в которых предписывалось «съезжаться в Зимний Его Императорского Величества Дворец, к 11 часам утра, к Божественной литургии всем знатным особам, а также гвардии, армии и флота штаб и обер-офицерам, в парадной форме; собираться же: особам, имеющим вход за кавалергардов – в Большой церкви, прочим – в Николаевской зале и Помпеевской галерее. Если погода воспрепятствует шествию вокруг Дворца на Иордань, тогда Высочайший выход будет комнатный»[429].

В январе 1868 г. погода стояла теплой и военный парад состоялся на свежем воздухе. В одной из газетных статей церемониал описывался следующим образом: войска были выстроены как в залах Зимнего дворца, так и на Дворцовой площади. «Перед окончанием литургии в Большом соборе Государь Император, пройдя Комендантскою лестницей и коридором на подъезде, ведущим под главные ворота, изволил сесть на коня… объехать войска, кои отдавали честь. По осмотре войск Его Величество, возвратясь к тем же воротам Зимнего дворца, изволил ожидать шествие духовной процессии на Иордань… Процессия следовала из церкви через Портретную галерею, Гербовую, Петровскую, Фельдмаршальскую залы, через Помпеевскую галерею и Аванзалу по парадной лестнице, на подъезд, ведущий в главные вороты, вокруг дворца, на Неву к устроенной Иордани. По прибытии к Иордани Его Величество и Их Высочества, сойдя с коней, изволил стать на устроенное возвышение… при погружении животворящего креста в воду, произведен 101 пушечный выстрел»[430]. За этим последовала церемония окропления знамен и штандартов. Затем духовенство, обойдя Зимний дворец со стороны западного фасада, вернулось в Большой собор Зимнего дворца, а Александр II принимал парад, проходивший по Дворцовой площади церемониальным шагом. Дипломаты следили за церемонией из Николаевского, а затем

Белого залов.

Шествие духовенства к Иордани

Как правило, отточенная десятилетиями церемония совершалась без каких-либо сбоев и происшествий. Однако в январе 1905 г. во время церемонии водосвятия случилось некое происшествие, которое в сознании очень многих людей накрепко связалось с началом погружения России в пропасть братоубийственной гражданской войны, получившей название Первой русской революции (1905–1907 гг.).

6 января 1905 г., во время церемонии водоосвящения на льду Невы, напротив Иорданского подъезда Зимнего дворца, при салюте батареи, находившейся на стрелке Васильевского острова,

одно из орудий выстрелило картечью. Как установило следствие, 4 картечные пули попали в шатер, в котором стоял царь. Причем одна из них упала рядом с царем, но все «стояли как вкопанные»[431]. На фасаде Зимнего дворца нашли следы еще от 19 пуль, два окна были разбиты[432]. Одна из пуль разбила окно, у которого стояла императрица Александра Федоровна.

Николай II, со свойственным ему фатализмом, совершенно бесстрастно зафиксировал сей факт в дневнике: «Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильев.

Иордань перед Зимним дворцом

остр, и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городовой был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито»[433]. Тем не менее за бесстрастностью записи крылось внутреннее убеждение, что «случайный» выстрел был результатом покушения. А. В. Богданович, со ссылкой на камердинера царя, записала в дневнике 8 января 1905 г., что 6 января, вернувшись с парада, царь сказал камердинеру: «Сегодня в меня стреляли».[434]

Примечательно, что этим выстрелом ранило в левый висок и глаз[435] дворцового городового Петра Васильевича Романова, стоявшего на посту между Иорданским подъездом и Иорданью на льду Невы. Лейб-медики, осмотрев раненого, констатировали, что «при совершении водосвятия ранен картечью… городовой столичной полиции Петр Романов 31 г. и контужен в голову маляр Зимнего дворца Семен Чихачев 33 л.». У Романова было «ранение в область левого глаза с сильным кровотечением и с ушибленно-рваной раной левой щеки до угла рта».[436]

Совпадение фамилий императора и раненого городового

восприняли как очень нехороший прогноз. Следствие быстро установило, что выстрел произошел в результате халатности, но Николай II распорядился не наказывать виновных и не проводить служения торжественных молебствий, «не желая придавать этому случаю преувеличенного значения»[437].

И. А. Владимиров. Расстрел рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г.

Казаки разгоняют демонстрантов на Дворцовой площади 9 января 1905 г.

Выстрел 6 января 1905 г., а затем и события 9 января 1905 г., повлекшие гибель сотен людей, возродили идею цареубийства и прочно закрепили за Николаем II прозвище «Кровавый». Жесткое подавление московского восстания лейб-гвардии Семеновским полком в декабре 1905 г. дало террористам моральное право на возобновление охоты на царя.

Дворцовые парады

Санкт-Петербург справедливо считался военной столицей России. Все российские императоры и великие князья поголовно носили военную форму. Поэтому в стенах Зимнего дворца в течение года не единожды совершались церемонии, связанные с прохождением или построением войск гарнизона, прямо в залах императорской резиденции.

Как правило, военные парады в Зимнем дворце устраивали дважды в год: 6 января – на праздник Крещения (при морозе) и 26 ноября – в день праздника св. Георгия. При Николае I бывали военные парады и на Рождество. Однако со времен Александра II традиция рождественских военных парадов канула в лету, сменившись теплым семейным праздником с елками и множеством рождественских подарков.

Поскольку о военном параде в день Богоявления на льду Невы мы уже писали, остановимся на описании рождественского военного парада времен Николая I. Итак, при Николае I военный парад в стенах Зимнего дворца проводился 25 декабря, на праздник Рождества Христова, в «вспоминание об избавлении России от нашествия неприятеля в 1812 г.». Парад этот «вошел» в стены Зимнего дворца в декабре 1826 г., когда им торжественно открыли галерею героев 1812 г.

После окончания одного из таких парадов 25 декабря 1832 г. Николай I писал И. Ф. Паскевичу: «Сегодня был обыкновенный парад и молебен и произвел на всех присутствующих то же глубокое впечатление, которое возбуждает всегда».

В качестве еще одного примера подобного парада, опишем церемонию, прошедшую 25 декабря 1833 г. Подчеркнем, что военный парад проходил только в стенах дворца и в 1833 г. все участники парада имели медали «в память 1812 г. или взятия Парижа и вдобавок из кавалеров Военного ордена».[438]

Э. П. Гау. Военная галерея 1812 г. 1862 г.

В военном параде участвовало внушительное количество воинских подразделений: сводный батальон из полков лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского; сводный батальон из полков лейб-гвардии Московского, Гренадерского, Павловского и Финляндского; общий взвод из лейб-гвардии Литовского полка и два полувзвода из лейб-гвардии Саперного батальона и Гвардейского Экипажа. При каждой части находились барабанщики и горнисты.

Полковые знамена были при батальонах и взводах.

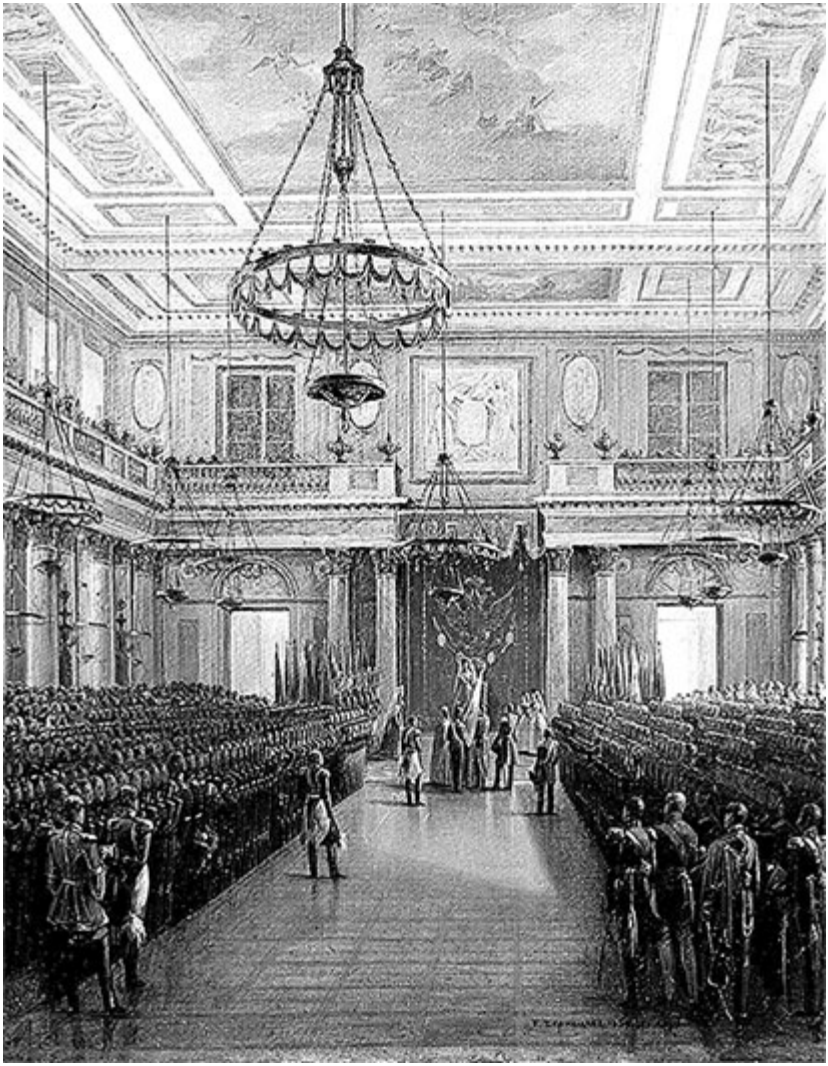
Современный вид галереи 1812 г.

Особые взводы составили из полков Кавалергардского Ея Величества, Кирасирского Его Величества, Конно-Гренадерского, Уланского, Гусарского и Казачьего. Каждый из этих взводов включал по 12 унтер-офицеров, 40 рядовых и 4 трубача.

Артиллеристов на дворцовом параде представлял взвод пешей артиллерии (1-й и 2-й артиллерийской бригад: 8 фейерверкеров, 60 рядовых и 5 барабанщиков, построенных в три шеренги) и взвод лейб-гвардии конной артиллерии.

Сначала подразделения, участвовавшие в параде, собрали в Манеже Зимнего дворца (первый этаж Малого Эрмитажа, под висячим садиком), а затем их разводили по парадным залам. Все упомянутые части располагались на всем протяжении «маршрута» от личной царской половины в северо-западном ризалите Зимнего дворца до Георгиевского зала. Итак, в Большом (позже его назвали Николаевским. – *И. З.)* зале были построены взводы Преображенского, Семеновского, Измайловского, Московского, Гренадерского и Павловского полков. В Аванзале стояли взводы Егерского, Финляндского и Литовского полков. В Казачьей комнате ждали царского выхода полувзводы Саперного и Гвардейского Экипажа. В комнате, «что возле Казачьей», находились взводы Пешей и Конной артиллерии. В Арабском зале – взводы Гусарского и Казачьего полков; в Белом зале (позже – Гербовом. – *И. З.)* – взводы Кавалергардского Ея Величества, Конного, Кирасирского Его Величества и Конно-гренадерского

полков.



ЕЕ Чернецов. Присяга цесаревича Александра Николаевича в Ееоргиевском зале. Апрель 1837 г.

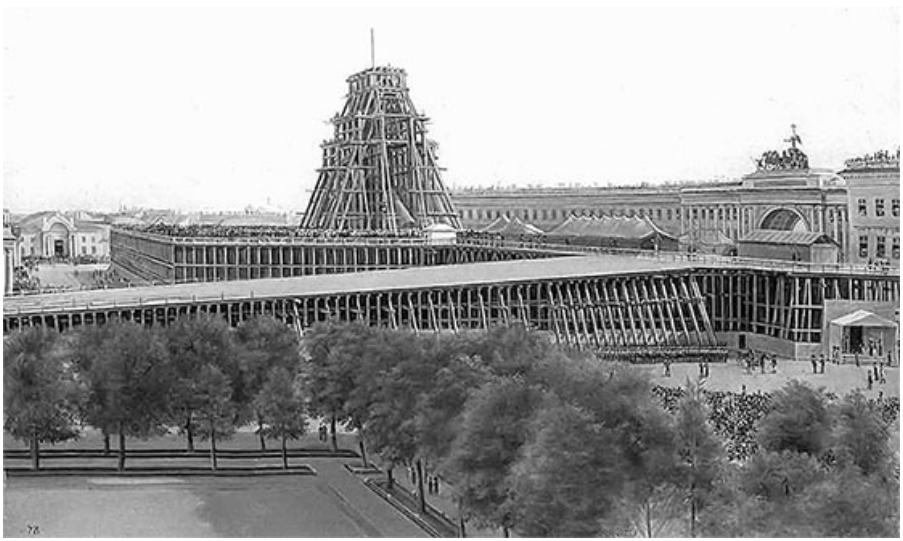
За полчаса до Большого выхода Николай I «изволил обходить ряды построенного войска и приветствовать оные». В 11 часов царская чета с наследником «изволили выйти из внутренних покоев и шествовать через Концертную, где были уже собраны генералы, штаб и обер-офицеры гвардии в церковь для слушания божественной литургии…».

По завершении литургии члены императорской фамилии во главе с императором прошли «в Портретную галерею 1812 г.», где по обеим сторонам выстроили роту Дворцовых гренадер, «после

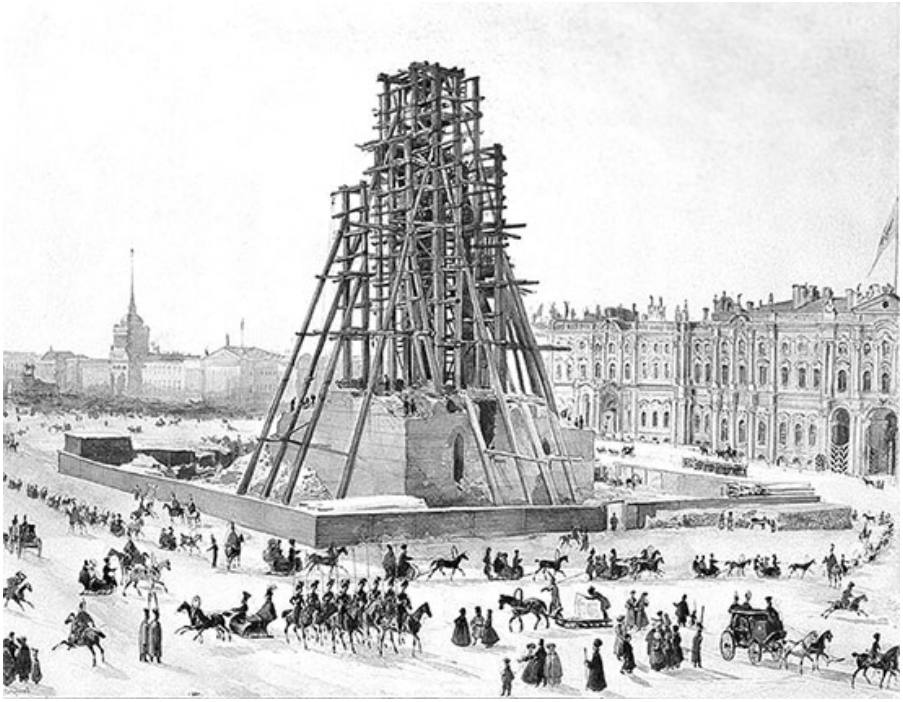
чего Их Высочества обошли все войска и изволили возвратиться во внутренние покои». Церемония окончилась в час пополудни. Собственно парад представлял собой военизированный вариант Большого выхода.

Парады на площадях у Зимнего дворца

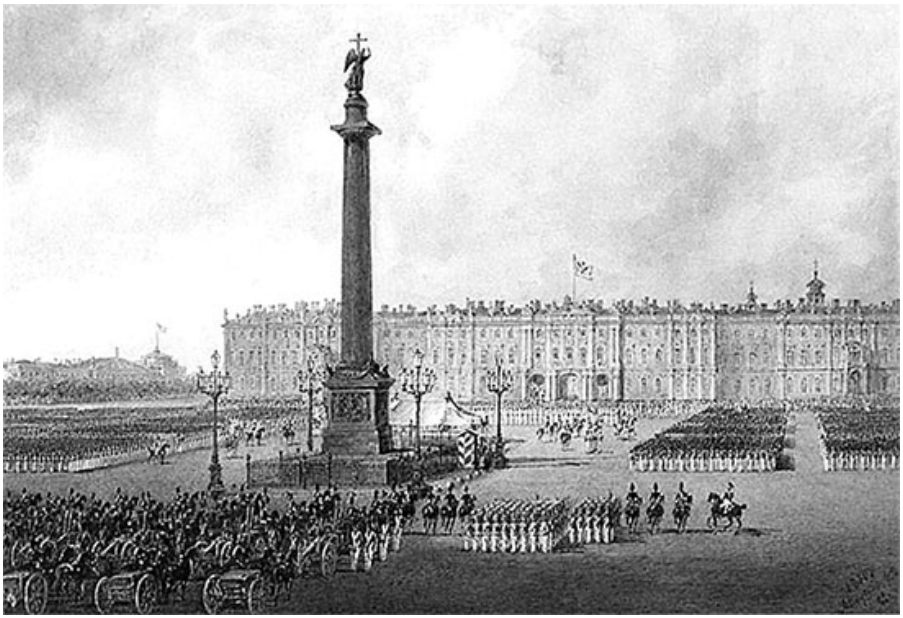
Частью «пространства» Зимнего дворца изначально были площади, его окружавшие, – Дворцовая площадь и Разводная площадка. Разводную площадку в самом конце XIX в. ликвидировали, разбив на ее территории Собственный сад императора Николая II. С этого времени периодические парады гвардейских частей стали проходить только на Дворцовой площади. При этом на Большом дворе Зимнего дворца традиционно проходили ежедневные разводы караулов, заступавших на охрану резиденции. Таким образом, Дворцовая площадь на протяжении 155 лет имперской истории Санкт-Петербурга являлась главной площадкой для проведения парадов и различных церемоний.



Строительные леса для установки колонны



Г. Г. Гагарин. Александровская колонна в лесах. 1832–1833 гг.



В. С. Садовников. Открытие памятника. 1850 г.

Одним из самых известных событий в «биографии» Дворцовой площади стало торжественное открытие Александровской колонны в июле 1834 г. Открытый конкурс на

создание монумента объявили в 1829 г. с формулировкой «В память о незабвенном брате». В ходе конкурса Николай I рассмотрел несколько вариантов торжественных монументов, но все в конце концов отверг. Именно император недвусмысленно высказал желание иметь перед своей резиденцией торжественный монумент в виде колонны, многочисленные варианты которых имелись в Европе, начиная с периода сооружения колонн Древнего Рима (колонна Траяна). Архитектор О. Монферран выполнил пожелание императора, и его проект (без скульптурного завершения) Николай I утвердил в сентябре 1829 г.

Строительство фундамента колонны началось в 1829 г. и завершилось в октябре 1830 г. Далее начались работы по установке на фундамент гигантского гранитного пьедестала, которые продолжались до лета 1832 г.

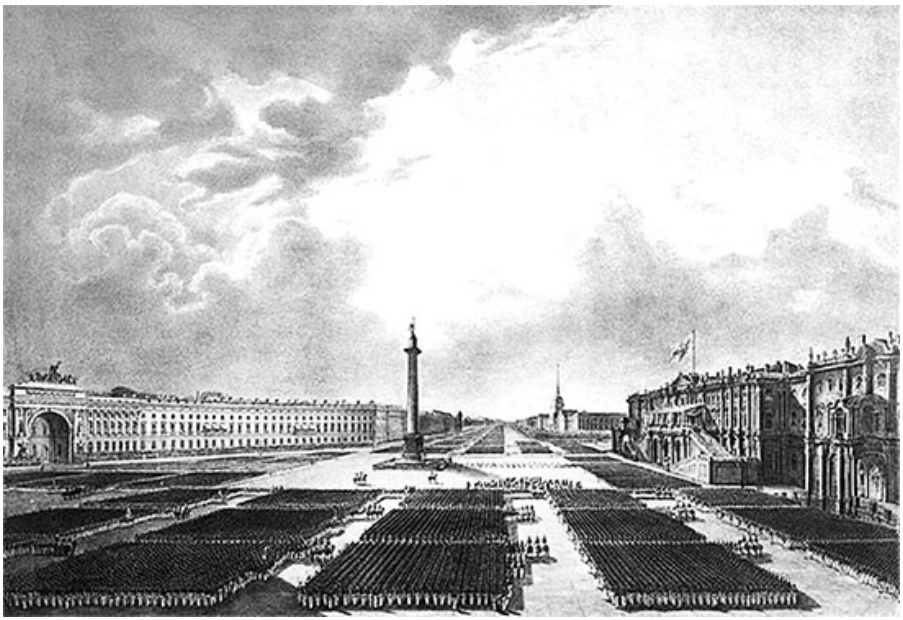
Монолит колонны доставили в Петербург из Финляндии в 1832 г. Его необходимо было установить на пьедестал. То был грандиозный для своего времени инженерный проект, но уже имелись наработки по установке гигантских колонн Исаакиевского собора. Для подъема колонны соорудили строительные леса высотой 47 метров. Колонну поднимали канатами, проведенными через кабестаны и систему блоков.

30 августа 1832 г. 2000 солдат и 400 рабочих начали поднимать колонну. На подъеме присутствовал император со всей семьей и множество петербуржцев. За рекордные 1 час 45 минут монолит установили на свое место. Затем начались работы по «доводке» монумента. Отделка и полировка гранитного монолита продолжалась с 1832 по 1834 г.

Николай Павлович внимательно следил за ходом работ и не единожды в него вмешивался. Например, надпись на постаменте, по его желанию, разместили на стороне, обращенной к Зимнему дворцу.

Открытие памятника состоялось 30 августа 1834 г. На церемонии присутствовали Николай I со всей семьей и дипломатический корпус. На Дворцовой площади вокруг колонны выстроились полки императорской гвардии. Ближайший сподвижник Николая I, управляющий III Отделением СЕИВК[439] и Отдельным корпусом жандармов генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф вспоминал: «30-е августа, как день бывшего тезоименитства покойного государя, было назначено для открытия воздвигнутого в честь его памятника, столько же колоссального по своим размерам, сколько колоссальны были кампании 1812-го, 1813-го и 1814-го годов, в которых Россия и Европа стяжали столь блестящий успех благодаря лишь

непоколебимой твердости покойного Александра. Мысль о сооружении этого памятника родилась у государя тотчас по восшествии его на престол, и он начертал сам для него рисунок, а потом, руководив работами, пожелал совершить освящение его со всем величием и блеском, достойным подвигов знаменитого его предшественника.



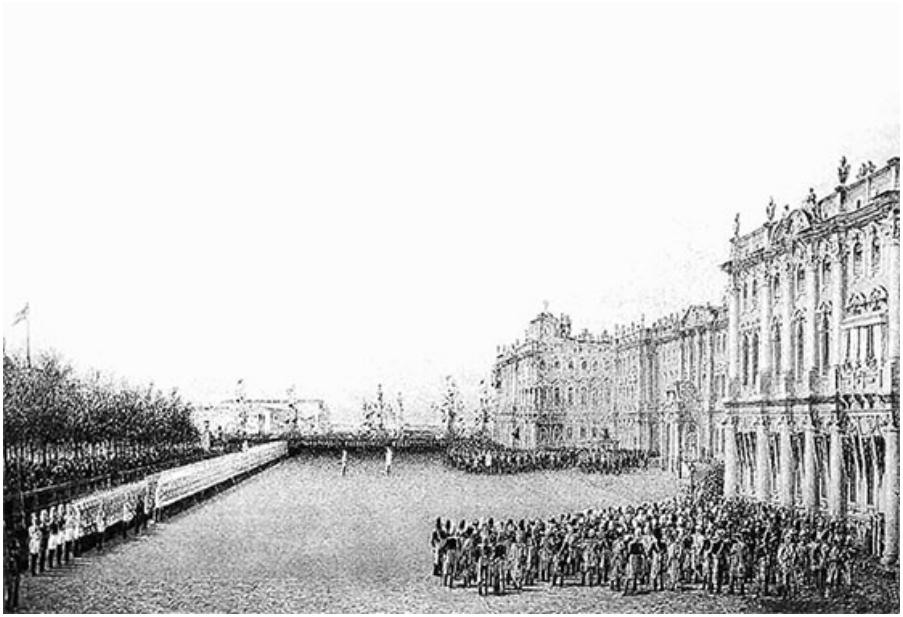
Церемония открытия Александровской колонны

С этой целью были сделаны следующие предварительные распоряжения: в Петербург собрано более 100 000 войска и приглашены все военные начальники, имевшие честь служить в царствование императора Александра, вследствие чего столица наполнилась старыми, израненными генералами, во главе которых стояли фельдмаршалы Паскевич и Витгенштейн; построен, спиной к экзерциргаузу, восходивший до его крыши и примыкавший к дому Министерства иностранных дел амфитеатр; выстроена на всем протяжении противоположного дворцу полукруглая эстрада, которая поднималась до второго этажа домов Министерства иностранных дел и Главного штаба, и сверх того балкон и все окна обоих огромных зданий приспособлены к занятию их зрителями; наконец, над главными воротами Зимнего дворца воздвигнут изящный, крытый перестил во вкусе, соответствующем архитектуре дворца, довольно просторный для помещения на нем всего Двора. От него шли на площадь в обе стороны широкие лестницы.

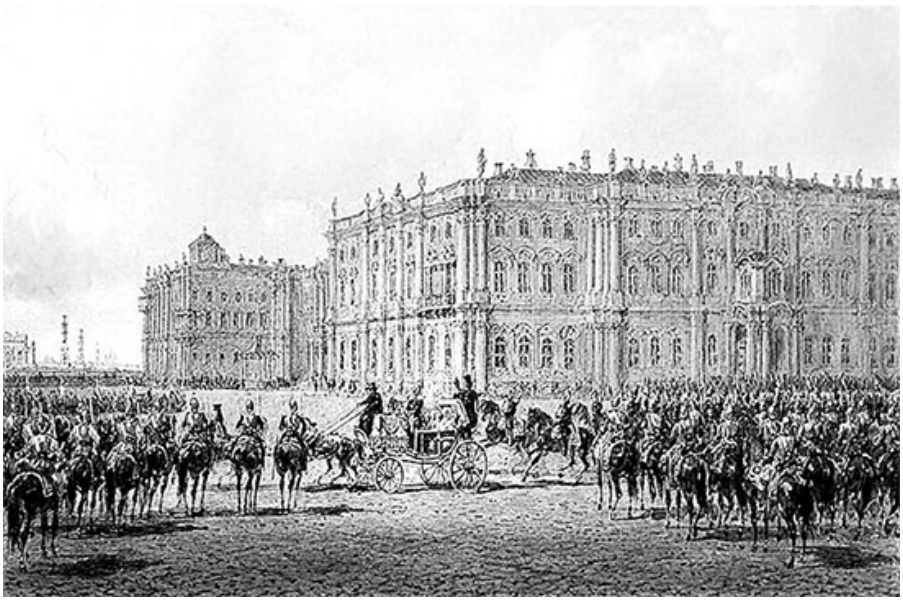
К 10 часам все были на своих местах. Грохот от экипажей

прекратился. Памятник, завешенный от подножия до начала стержня большим покрывалом, возвышался в грозном одиночестве посреди пустой площади. Огромной массы войск не было никому видно, они стояли густыми колоннами в выходящих на площадь улицах, сокрытыми от всех зрителей.

Всего было под ружьем 86 батальонов и 106 эскадронов с 248 орудиями, не считая крепостных и находившихся на судах. Вся эта масса, подобной которой по числу никогда еще не являлось на таком небольшом пространстве, была обмундирована заново и блестела столько же выправкой, сколько красотой людей и лошадей. Государь с обнаженной шпагой в руке лично ею командовал. В то же время дворцовые гренадеры, эти ветераны наших побед, окаймили ступени обеих лестниц эстрады. Во всем огромном стечении войск и народа царствовала глубокая тишина. Все взгляды были обращены к могущественному самодержцу, воздававшему такую дань памяти своего предшественника. Вскоре на дворцовой эстраде показалась императрица в предшествии высшего духовенства, окруженная государственными сановниками и Двором. При появлении ее войска отдали честь. Тогда на дворцовой эстраде началось молебствие, и по данному сигналу все войска, а за ними и все зрители, обнажили головы. Государь сошел с лошади и при молитве с коленопреклонением, находясь между дворцом и памятником, спиной к последнему, со стоявшими в нескольких шагах от него наследником, великим князем Михаилом Павловичем и принцем Прусским, преклонился на одно колено. Никогда еще наш император не казался нам так прекрасен и так велик, как в ту минуту, как он приник перед Царем Царствующих и когда его примеру в тот же миг последовали все войско и тысячи зрителей, окружавших площадь, даже до стоявших на крышах. Чувство благоговения навеяло на всех такое глубокое безмолвие, что слова молитвы можно было расслышать на всех концах площади. Наконец при возглашении вечной памяти императору Александру, покрывало, скрывавшее подножие памятника, упало на землю, поддерживавшие со всех сторон это покрывало орлы преклонились. Государь повернулся лицом к колонне, и общее молчание превратилось в оглушительные клики „ура“, к которым присоединилась и пальба из всех орудий с набережен, реки и крепостных валов. Раскаты выстрелов, как удары грома, то приближались с треском, то удалялись, то снова подходили, звуча вокруг подножия памятника.



В. С. Садовников. Кавалергарды при Николае I. Разводная площадка



В. С. Садовников. Вахт-парад Кавалергардского полка перед Зимним дворцом. 1850-е гг.

Парад войск Петербургского гарнизона по случаю празднования 200-летия Петербурга. Май 1903 г

Когда императрица возвратилась на эстраду, государь, приведя сам к монументу роту гренадер дворцовых, приставил к нему на вечные времена часового из среды этих александровских ветеранов. Затем войска, по данному сигналу, опять очистили площадь, чтобы построиться к церемониальному маршу»[440].

В последующие десятилетия на Дворцовой площади и Разводной площадке состоялись десятки, если не сотни военных парадов. Одним из последних стал парад, посвященный 300-летию династии Романовых в феврале 1913 г.

Глава 3. Праздники и развлечения в зимнем дворце

Праздники и развлечения в жизни Зимнего дворца являлись неотъемлемой частью его церемониальной жизни. Тем не менее праздники и развлечения, формально оставаясь частью церемониальной, жестко регламентированной стороной жизни Зимнего дворца, позволяли их хозяевам ненадолго выйти за установленные рамки, ненадолго почувствовать себя обычными людьми, проявить свои творческие начала. И хотя только в личных комнатах монархи могли себе позволить некоторое время побыть самими собой, дворцовые праздники и развлечения иногда тоже давали им возможность пребывать в том же состоянии и в парадных залах резиденции.

За столетия «жизни» императорского Зимнего дворца характер и виды развлечений менялись в соответствии с эпохой, оставляя след в дворцовых легендах. Например, Екатерина II всегда с большим вниманием относилась к «мелочам», что очень хорошо запоминали придворные. Так, на ежегодный ведомственный праздник (18 августа) Конюшенного отделения она «посылала каждому штаб-офицеру по бутылке шампанского, каждому офицеру по бутылке красного вина, конюхам же выдавали водку, пиво, мед, и она, чтоб не прерывать их удовольствий, никогда в тот день не выезжала»[441]. Судя по всему, подобным образом поступала только Екатерина II.

Рождество, новый год, масленица

Рождество – главный новогодний праздник в России. Его ждали, к нему готовили подарки родным и близким людям. Шумное празднование Рождества не было в обычае России, скорее оно проходило как семейный праздник, связанный со столь ожидаемой рождественской церковной службой.

Церемониал рождественских праздников в Зимнем дворце воспроизводил традиции, восходящие к Московскому царству. Естественно, после возведения «каменного Зимнего дворца» церемониал приспособили к «географии» новой резиденции. Конечно, главным событием празднования Рождества была торжественная всенощная служба в Большом соборе Зимнего дворца.

Впрочем, на Святки торжественность сходила на нет и монархи могли позволить себе посмеяться и пошутить в кругу близких им людей. Один из мемуаристов упоминает, что на «малых Эрмитажах» императрицы Екатерины II «иногда призывали музыку, танцевали, плясали по-русски. Во время святок пели хором подблюдныя песни, клали кольцы, перстни и загадывали»[442]. До нас дошел портрет внучки Екатерины II, великой княжны Александры Павловны, в сарафане. Возможно, в подобных платьях на «малом Эрмитаже» она и бабушка танцевали «русскую».

Во второй четверти XIX в. важнейшей частью подготовки рождественских праздников стало украшение елок. Появление рождественской елки в России связывают с именем императрицы Александры Федоровны, та привезла этот обычай из Германии. Сначала они появились в Аничковом дворце, где молодая семья жила до декабря 1826 г. Когда в начале декабря 1826 г. семья Николая I въехала в свои отремонтированные комнаты в Зимнем дворце, императрица Александра Федоровна распорядилась о том, в каких залах надо установить рождественские елки.

В. С. Садовников. Большой собор в Зимнем Дворце. 1842 г.

При Николае I рождественская елка в Зимнем дворце становится прочной традицией. Постепенно обычай распространяется сначала среди аристократии Петербурга, а затем и среди горожан. Как правило, накануне Рождества, в Сочельник, императрица Александра Федоровна устраивала елки с подарками. Для каждого из членов семьи наряжали «свою» елку, рядом с ней стоял стол для приготовленных подарков. А поскольку детей и племянников было много, то в залах Зимнего дворца ставилось до десятка больших елок. Подарки дарились, что называется, по возрасту. Если детские подарки оказывались

довольно скромными, как правило – различные игрушки и сласти с обязательными «конфектами», то, когда дети подрастали, подарки становились более разнообразными, учитывавшими их увлечения и даже будущую «профессию».

Елки ставились обычно в покоях императрицы или в ближайших залах – Концертном и Ротонде. После всенощной службы перед закрытыми дверьми «боролись и толкались все дети между собой, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал. Императрица уходила вперед, чтобы осмотреть еще раз все столы, а у нас так и бились сердца радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись, и мы вбегали с шумом и гамом в освещенный тысячью свечами зал. Императрица сама каждого подводила к назначенному столу и давала подарки. Можно себе представить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту»[443].

На Рождество 1831/32 гг. в Зимнем дворце устроили традиционные семейные елки с подарками. По сложившейся традиции, Николай I лично посещал магазины, выбирая рождественские подарки каждому из своих близких. В этот год тринадцатилетнему наследнику-цесаревичу отец подарил бюст Петра I, ружье, саблю, ящик с пистолетами, вицмундир кавалергардского полка, фарфоровые тарелки и чашки с изображением различных частей русской армии и книги на французском языке.

Неизвестный художник. Портрет великой княжны Александры Павловны в сарафане и кокошнике. 1790 г.

Примечательно то, что дети могли сами приобретать рождественские подарки для родителей на собственные «карманные» деньги или делать подарки своими руками. Описывая рождественскую елку в декабре 1837 г. дочь Николая I, Ольга Николаевна, упоминает: «У нас была зажжена по обыкновению елка в Малом зале, где мы одаривали друг друга мелочами, купленными на наши карманные деньги».

Кстати, «зажженные елки» представляли собой определенную опасность для огромного дворца, поскольку на них зажигали свечи. Когда в декабре 1837 г. загорелся Зимний дворец и Николаю I доложили об этом, его первой мыслью было, что пожар начался на половине детей, они по неосторожности могли уронить свечку. И рассказывая об этом эпизоде, Ольга Николаевна обронила, что император «всегда был против

елок»[444].

Однако традиция уже сложилась, и «пожароопасные» рождественские елки, так радовавшие детей, продолжали ставиться в дворцовых залах. А рождественские подарки вспоминались спустя долгое время после самого Рождества. Так, в июле 1838 г. Николай I в письме к семилетнему сыну Николаю упомянул: «Надеюсь, что мои безделки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящегося ребенка мила: это ангел, который за тебя молится, как за своего товарища»[445].

Царская семья не забывала одарить подарками и свиту. После раздачи взаимных «семейных» подарков, все переходили в другой зал Зимнего дворца, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный фарфоровыми изделиями, изготовленными на императорской Александровской мануфактуре. Здесь разыгрывалась лотерея. Николай I выкрикивал карту, выигравший подходил к императрице и получал выигрыш – подарок из ее рук.

А. Ф. Чернышов. Сцены из семейной жизни императора Николая I. Рождественская елка в Аничковом дворце

Пожалуй, самым запомнившимся современникам рождественским подарком в период царствования Николая I стал его подарок дочери – великой княжне Александре Николаевне – в декабре 1843 г. Перед самым Рождеством в Петербург прибыл ее жених. Родители скрыли это от дочери, и, когда двери Концертного зала Зимнего дворца распахнулись, дочь Николая I,

вбежав в зал, нашла своего жениха привязанным к своей елке в качестве подарка. Наряду с фонариками и «конфектами». Наверное, для влюбленной невесты это стало действительно самым настоящим рождественским чудом.

На это Рождество подросшие дочери Николая I нашли на «своих» столах в Концертном зале Зимнего дворца уже «взрослые» подарки. Великая княжна Ольга Николаевна получила от родителей «чудесный рояль фирмы Вирт, картину, нарядные платья к свадьбе Адини и от Папа браслет с сапфиром – его любимым камнем»[446]. А для Двора и светского общества устроили традиционный праздник с лотереей: разыгрывались прекрасные фарфоровые изделия – вазы, лампы, чайные сервизы и т. д.

А. Тютчева. 1862 г.

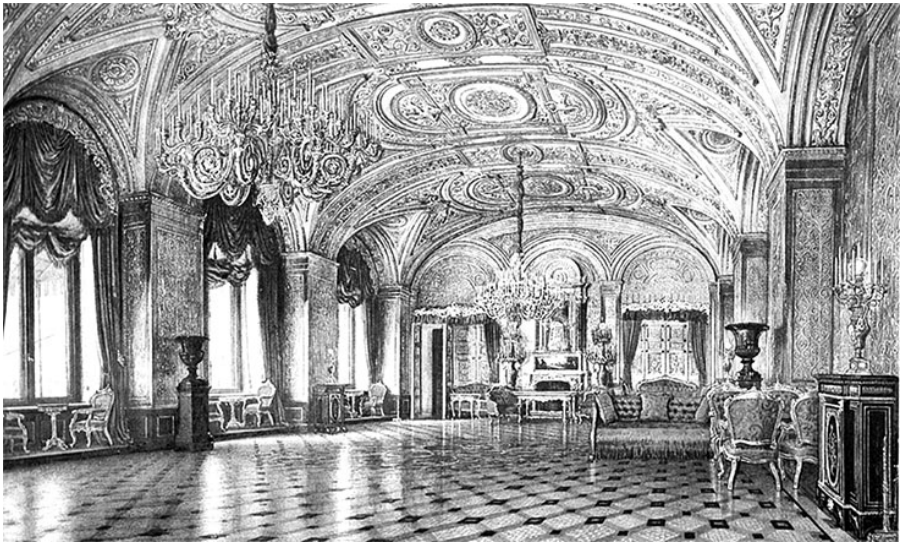
А. Долгорукова

После смерти Николая I его сын, император Александр II, продолжил традиции, сложившиеся во время царствования отца. 24 декабря 1855 г. в Сочельник елку устроили на половине императрицы Марии Александровны, «в малых покоях». Поскольку в 1855 г. продолжался годичный траур по умершему Николаю I, на елке присутствовали только «свои». К «своим» «по обыкновению» были отнесены фрейлины Марии Александровны – Александра Долгорукова и Анна Тютчева.

Все происходило как обычно: была особая елка для императрицы, елка – для императора, елки – для каждого из детей императора и детей великого князя Константина. Всю «Золотую гостиную» превратили в целый лес елок. Выложенные под елками подарки фактически превратились «в выставку игрушек и всевозможных прелестных вещиц. Императрица получила бесконечное количество браслетов, старый Saxe [саксонский фарфор], образа, платья и т. д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки»[447].

К проведению рождественских елок и лотерей готовились не только взрослые, но и дети. Так, 27 декабря 1861 г. великие князья Александр и Владимир на половине императрицы несколько часов готовили елку, а затем наклеивали билетики на

книги для проведения лотереи[448].



А. Х. Кольб. Золотая гостиная на половине императрицы Марии Александровны

Если члены семьи в силу обстоятельств разлучались, елки в Зимнем дворце проводились по устоявшейся традиции. Например, на Рождество 1864 г., когда за границей находились тяжело больной наследник Николай Александрович и лечившаяся в Ницце императрица Мария Александровна, в Зимнем дворце устроили традиционную рождественскую елку. На шести столах у елок разложили присланные императрицей тщательно завернутые подарки. Четыре стола из шести предназначались для подарков от императрицы Марии Александровны Александру II и сыновьям: Александру, Владимиру и Алексею. На двух столах лежали подарки для великого князя Константина Николаевича и его сына Николая Константиновича. Александр II сам читал письмо императрицы и, следуя «инструкциям», юноши вскрывали один за другим завернутые подарки. На другой день, в Рождество, зажгли вторую елку для прочих членов императорской фамилии и ближайших ко Двору должностных лиц[449].

Д. С. Арсеньев

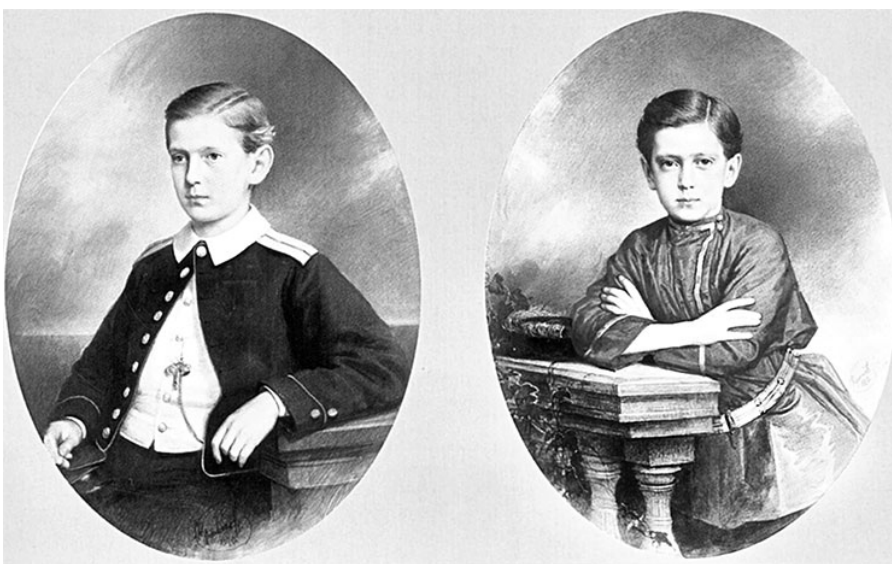
Подчеркнем: семья императора никогда не оставалась в самом узком кругу даже в рождественскую ночь. При Николае I обязательно приглашались чины Свиты императора. При Александре II круг приглашаемых заметно сужается, на елку приглашались те, кто фактически становились членами императорской семьи. Как правило, это были ближние фрейлины, няни и воспитатели, то есть те, кто растил царских детей, отчасти заменяя им родителей, погруженных в свои многочисленные обязанности. Так, в 1860-х гг. на елках в обязательном порядке присутствовала фрейлина и воспитательница А. Ф. Тютчева, няня Е. И. Струттон и воспитатель младших сыновей Александра II Д. С. Арсеньев[450].

Бывала на этих семейных праздниках и фрейлина М. П. Фредерикс. Она вспоминала, что «празднество елки при Дворе Александра Николаевича и Марии Александровны происходило совсем семейно, никого из свиты не приглашалось. Меня позвали на этот раз в память прошлого, но это было в

последний раз…»[451].

«Рождественское настроение» овладевало не только детьми, но и взрослыми. Все с удовольствием готовились к празднику, обдумывали, какие подарки выбрать для родных и близких, и искренне радовались подаркам, которые оказывались под «их» елкой. Уже вполне большой (16 лет!) великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 24 декабря 1873 г.: «Была чудная елка! Как мы наслаждались, подаркам не было конца! Мари получила чудные драгоценности! Китти была и очень радовалась»[452]. Примечательно, что няня царских детей Е. И. Струтон (Китти) разделяла радость всей семьи.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. рождественские традиции нарушились. В семье возникли разногласия. Императрица Мария Александровна желала провести рождественские праздники как можно скромнее, так как шла война. Как писал ее сын Сергей Александрович, «Мама решила, что елок не будет у нас совсем в этом году и праздники грустные будут»[453], однако «Папа потребовал одну большую елку в Золотой гостиной»[454].



И. Крамской. Портреты великих князей Сергея и Павла Александровичей. 1870 г.

На Рождество и Новый год в 1870-х гг. устанавливалось, как правило, пять елок. Из них три большие елки – для императора, императрицы и цесаревича, «на обыкновенных столах». По счету кондитера Петра Прядина, в 1880 г. две елки «с бронзовыми украшениями» обошлись по 45 руб., три другие елки «с

обыкновенными украшениями» стоили по 25 руб. Елочные подарки включали в себя: «сюрпризы французские» (95 шт. по 2 руб.), «конфекты» (75 кульков по 1 руб. 43 коп. за фунт), мандарины (150 шт. по 1 руб. 45 коп. за десяток), яблоки (150 штук по 1 руб. за десяток), чернослив французский (только для великих князей, 9 ящичков по 2 руб. 50 коп.)[455].

Набросок М. Зичи. Николай II с семьей

Рождественская елка в игровой комнате на втором этаже Александровского дворца

В дневниковых записях великих князей в 1870-х гг. встречаются упоминания о том, что рождественские елки организовывались и для детей дворцовых слуг. 24 декабря 1874 г. великий князь Сергей Александрович целый день занимался подготовкой елки «для детей людей». Напомню, что «людьми» в семейном кругу императорской семьи называли дворцовых слуг. По нынешним временам звучит, конечно, двусмысленно, но тогда такое именование было привычным и вряд ли подразумевало «второе дно». В этот же день в Белой зале Зимнего дворца состоялась и семейная елка со всеми традиционными подарками[456].

После гибели Александра II рождественские елки в главной резиденции уже не ставились, разве что для младших сыновей Александра II, некоторое время еще живших в Зимнем дворце.

С началом царствования Николая II в Зимнем дворце вновь появились рождественские елки. В декабре 1895 г. император Николай II впервые встречал Рождество в Зимнем дворце сыном, мужем и отцом. Он записал в дневнике 24 декабря: «В 6 $^{1}/_{2}$ пошли ко всенощной и затем была общая Елка в Белой комнате… Получил массу подарков от дорогой Мама и от всех заграничных родственников». Затем, 25 декабря: «В 3 ч. поехали в придворный манеж на Елку Конвоя и Сводного батальона. Как всегда, были

песни, пляски и балалайки. После чаю зажгли маленькую елку для дочки и рядом другую для всех женщин, Аликс и детской». 26 декабря: «В 2 $^{1}/_{2}$ ч отправились в манеж на Елку второй половины Конвоя и Сводного батальона. После раздачи подарков смотрели опять на лезгинку и пляску солдат». 27 декабря состоялась «Елка офицерам». Таким образом, начиная с Александра III, рождественские праздники для императорской семьи стали важной частью публичной демонстрации «нерушимого единства» царя и его личной охраны.

К сожалению, в иконографии Зимнего дворца времени жизни в нем семьи Николая II фотографий или рисунков елок на сегодняшний день не выявлено. Но есть фотографии рождественских елок в Александровском дворце Царского Села. Возможно, на наброске придворного художника М. Зичи Николай II и Александра Федоровна смотрят на зажженную рождественскую елку.

Конечно, из череды обязательных праздничных мероприятий старались выделить время и для семейной елки с обязательными взаимными подарками. В Зимнем дворце 24 декабря 1896 г. «в 4 часа устроили елку для дочки в нашей спальне». В этот день Александра Федоровна недомогала, а у царя «трещала голова», поэтому они в 11 вечера легли поспать, а затем, проснувшись через час, «показали наши взаимные подарки. Оригинальная Елка в первом часу ночи в спальне!!!» (зал № 184). Еще раз отметим, что в ту пору рождественские праздники не носили характера «всенародного праздника», а были тихим, семейным делом. Тогда же Николай II подвел итоги ушедшего года: «Не могу сказать, чтобы с грустью простился с этим годом. Дай Бог, чтобы следующий 1897 г. прошел бы также благополучно, но принес бы больше тишины и спокойствия». Последний раз в Зимнем дворце подарки под рождественской елкой дарили в декабре 1903 г., поскольку в апреле 1904 г. семья Николая II выехала на жительство в Александровский дворец Царского Села.

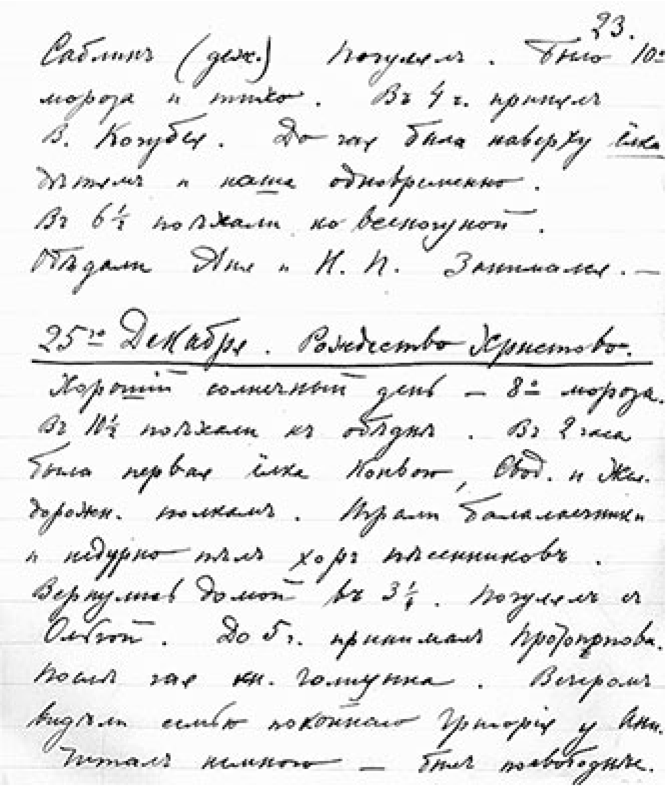
With Sincere Good Wishes for a Happy Christmas and a Bright New Year.

Blessings, bright as dew from Heaven,
Fall upon your way,
Life's best gifts to you be given,
This glad Christmas Day:
Each wish that rises in your heart,
Be granted ere the day depart.

from

Maria.

Поздравление великой княжны Марии Николаевны родителей с Рождеством. 25 декабря 1907 г.



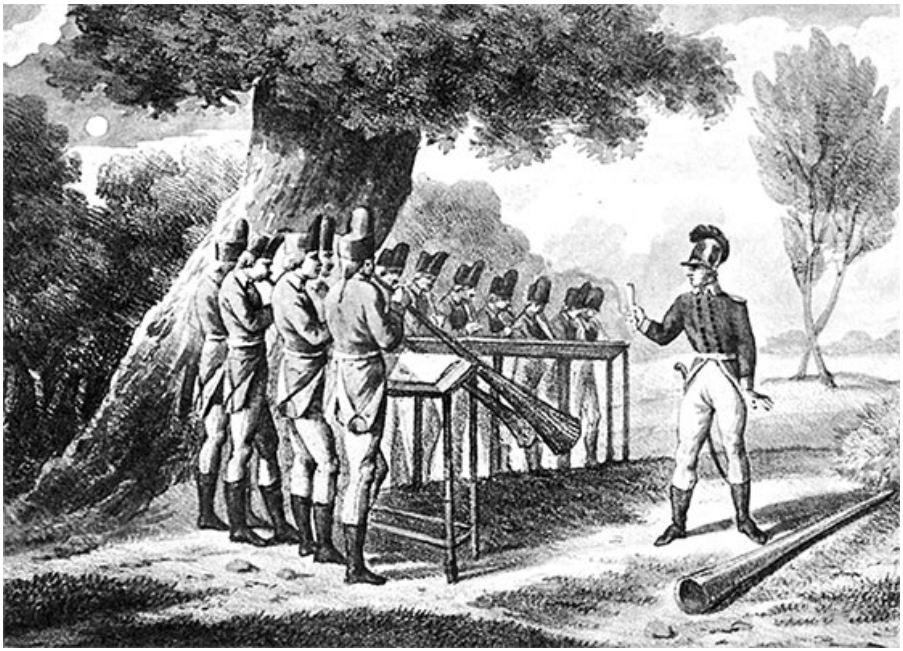
Саблинъ (деж.) Погулялъ. Было 10° мороза и тихо. Въ 4 ч. принялъ В. Кочубея. До чая была наверху ёлка дѣтямъ и нашимъ одновременно. Въ 6½ поѣхали ко всенощной. Обѣдали Аня и Н. П. [illegible]. —

25-го Декабря. Рождество Христово.

Хорошій солнечный день — 8° мороза. Въ 10½ поѣхали къ обѣднѣ. Въ 2 часа была первая ёлка Конвою, Свод. и Жел.-дорожн. полкамъ. Играли балалаечники и недурно пѣлъ хоръ пѣсенниковъ. Вернулись домой въ 3¼. Погулялъ съ Ольгой. До 5 ч. принималъ Протопопова. Послѣ чая кн. Голицына. Вечеромъ видѣли семью покойнаго Григорія у Ани. Читалъ много — былъ свободенъ.

Страница из дневника Николая II. 1916 г.

Новый год в Зимнем дворце, как правило, не праздновался, поскольку главным праздником христианского мира являлось Рождество. Новый год представлял собой только календарную смену дат, а Новый год в Европе, наступавший по григорианскому календарю и Новый год в России, наступавший по юлианскому календарю, имели в XIX в. «зазор» в 12 дней.



А. Убиган. Концерт роговой музыки

Но при всем лаконизме придворных церемониалов при смене календарной даты ежегодно 1 января в Зимнем дворце с неизменностью совершался ряд действ.

Во-первых, 1 января российские императоры традиционно принимали весь дипломатический корпус в Петровском зале Зимнего дворца.

Во-вторых, вплоть до конца царствования Николая I в Зимнем дворце 1 января устраивался общедоступный маскарад.

Обер-егермейстер С. К. Нарышкин

В-третьих, частью этого маскарада становился ужин членов императорской фамилии в стеклянной палатке в Эрмитажном театре (о ней будет рассказано далее). Эти повторявшиеся из года в год события знаменовали собой наступление нового календарного года.

В последующие годы к встрече Нового года совсем не готовились. Например, вечер 31 декабря 1853 г. фрейлина А. Ф. Тютчева провела на половине императрицы Марии Александровны. Дамы говорили о войне и щипали корпию для армии. В 11 часов им подали шампанское, все поздравили друг друга, и императрица отпустила фрейлин, «так принято в царской семье, чтобы к двенадцати каждый удалялся к себе»[457].

31 декабря 1861 г. сыновья Александра II, Александр и Владимир, проводили, в целом, как обычно. Их подняли в 7 часов утра. После завтрака юноши готовились к лотерее и наклеивали билетики на книги. Затем они посетили отца и в 11 часов пошли к литургии. На 6 часов вечера была назначена елка у наследника-цесаревича. До нее великие князья готовили уроки и обедали с

родителями. После елки на половине цесаревича в 8 часов вечера вся семья собралась ко всенощной, которая продолжалась два часа. После этого Александр и Владимир побыли «с час времени» у родителей и «спать легли около четверти двенадцатого». Перед сном к сыновьям зашел Александр II[458].

Воспитатель царских детей адмирал Д. С. Арсеньев особо отметил в дневнике (1873 г.), что «Императрица и Государь никогда не встречали Нового года, и Императрица к 12 часам уже была в постели, и великие князья Сергей и Павел Александровичи, простившись с родителями около 11 часов, пришли к нам, и у нас встречали Новый год»[459]. Единственное, что выделяло этот день из череды прочих дней (кроме церковной службы, конечно), был семейный обед всех детей с родителями. День завершался всенощной, на ней императорская чета не присутствовала.

31 декабря 1864 г. Александр II отметил для себя только обедом с тремя взрослыми сыновьями – Александром, Владимиром и Алексеем[460]. Когда великий князь Александр Александрович в 20 лет превратился в цесаревича, для него практически ничего не изменилось в день 31 декабря 1865 г. Этот вечер наследник провел «в своих комнатах в беседах с друзьями». Только около 12 часов ночи отворилась дверь кабинета и вошел Александр II. Он поздравил цесаревича с Новым годом и благословил его. Так в 1860-х гг. русская аристократия отмечала Новый год[461].

Новый год фактически не встречали, но в дневниковых записях нескольких поколений Романовых четко прослеживается традиция, характерная для самых разных людей, коротко подводить итоги уходящего года. Как правило, это делалось в нескольких словах. Например, 31 декабря 1873 г. 16-летний великий князь Сергей Александрович незатейливо отметил для себя: «Вот кончился милый 1873 год, мне жаль, потому что я был счастлив в этом году, и всегда грустно покидать старое, хорошее!!!»[462].

Если по дневникам Николая II посмотреть, как он проводил последний день уходящего года, то увидим, что для него, как и для его предшественников, это был обычный рабочий день, который отличался от остальных дней только тем, что в последние часы уходящего года вся семья собиралась на новогодний молебен. Этот обычай появился при Николае II, когда уже начинала формироваться традиция торжественно фиксировать начало Нового года.

Когда Николай II жил с семьей в Зимнем дворце, размах молебна был на уровне Большого императорского выхода. Одна

из мемуаристок описывает такое богослужение, состоявшееся в ночь 31 декабря 1900 г. Молебен служился в Большой церкви Зимнего дворца, и на нем присутствовало все наличное императорское семейство. Соответственно, все дамы были одеты в придворные платья, усыпанные драгоценностями. Следуя стандартам «формы одежды», Александра Федоровна была в кокошнике, украшенном алмазами. Она выглядела настолько хорошо, что старшая из дочерей, 5-летняя Ольга, в восторге сравнила императрицу-мать с рождественской елкой: «О! Мама, Вы – такая же прекрасная как Рождественская елка!». Примечательно, что после рождественского молебна императрица должна была продолжить свою «работу», поскольку ей представляли всех новых фрейлин-дебютанток.

Окончание календарного года фиксировалось в дневниковых записях. Когда Николай II вернулся на жительство в Зимний дворец, в последний день уходящего 1895 г. он записал: «Сейчас наступает Новый Год! Дай Бог, чтобы он прошел так же мирно, тихо и счастливо для нас и для матушки России, как предыдущий».

Кокошник из собрания коронных бриллиантов

А. Малюков. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1836 г.

Возвращаясь к описанию стандартного времяпровождения 1 января, обратимся к дневниковым записям сыновей Александра II, они по сути зафиксировали события обычного «рабочего дня». В этот день служилась обедня в парадных одеждах, приносились поздравления, наносились обязательные визиты. Так, 1 января 1862 г. великие князья Александр и Владимир встали в привычные 7 часов утра. В 8 часов они пошли на половину старшего брата-наследника пить чай. К половине 10-го великие князья собрались в приемной у Александра II в полной парадной форме и с Андреевскими цепями. После семейного завтрака братья отправились делать визиты. Один из младших братьев цесаревича записал в дневнике: «По обыкновению, вся семья собралась утром поздравлять Папа… Завтракали en famille. Таскался целый день с визитами, ужасно много, голова болит, спать хочется»[463].

Около половины 11-го великие князья вернулись в Зимний дворец и начали одеваться для выхода в Большой собор. Обедня и выход окончились в час. Позавтракав у родителей, Александр и Владимир вернулись в свои комнаты, а затем опять поехали

делать визиты. Они заехали ко всем членам императорской фамилии и, кроме того, к военному министру, генерал-губернатору, генералу Плаутину, графу Строганову и графу Перовскому. Домой, в Зимний дворец, вернулись в 3 часа пополудни. Остальное время до обеда великие князя читали. В этот день молодые люди обедали у родителей, а в 6 часов пришли к себе и вновь сели читать. В 7 часов великие князья переоделись, чтоб ехать в Большой театр. После спектакля они вернулись домой «в исходе 11 часа. Еще Александр Александрович не успел снять с себя курточки, как к нам пришел государь… великие князья совершенно улеглись в половине 11-го»[464].

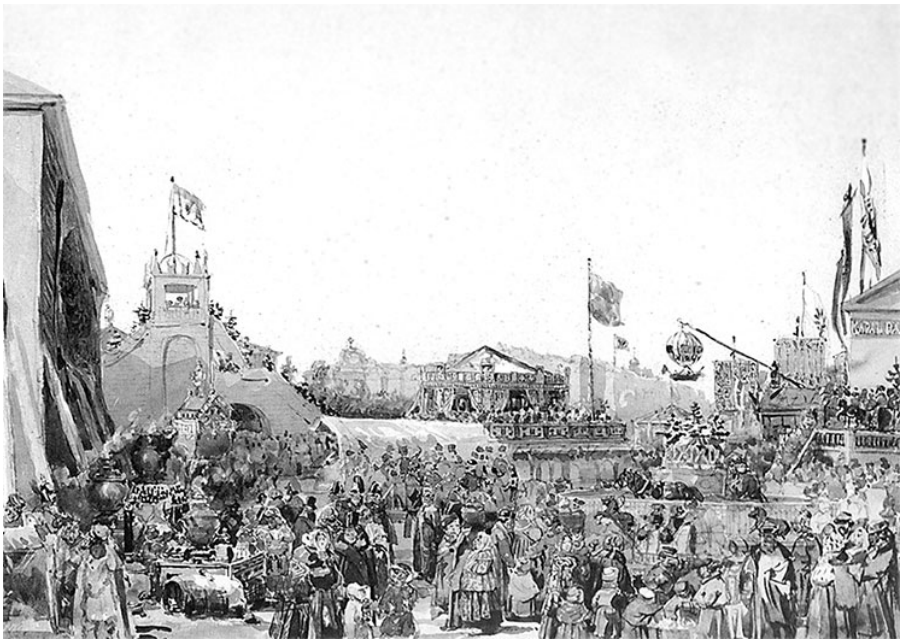
Наступление Рождества и Нового года было связано с традиционными гаданиями. Видимо, эта традиция появилась во второй половине царствования Николая I, когда в сценарии его власти отчетливо обозначилось национальное начало, а закрепилась при Александре II, точнее, при императрице Марии Александровне, симпатизировавшей славянофилам.

Императрица Мария Александровна с удовольствием наблюдала за тем, как гадают ее фрейлины. Поскольку фрейлины были, естественно, сплошь незамужние, то гадали, конечно, «на женихов» (1862 г.): «Давали петуху клевать овес, топили олово»[465]. Эта традиция воспроизводилась на протяжении десятилетий. 2 января 1877 г. сын императрицы Марии Александровны записал в дневнике: «… вечером у нас гадание. Мама немного… несмотря на это она хотела, чтобы были гадания… Отличные были шутки: лоханка с водой и записками, разные сюрпризы, петух с зернами, который, по обыкновению, неприлично себя вел, зеркало и под столом, я пугал девиц, дергая их за платье…»[466].

Традиционно шумно в Зимнем дворце встречали Масленицу. Гуляли так, что в мемуарах встречаются упоминания о «масленичных беснованиях» – и это при чопорном Императорском дворе.

Отметим и то, что буквально «под боком» у Зимнего дворца, на Адмиралтейской площади, традиционно устраивались народные балаганы, которые охотно, и по возможности инкогнито, посещали молодые великие князья. А напротив Зимнего дворца, на льду Невы, устраивались огромные горки и ипподромы. Современник вспоминал: «Здесь за два-три дня до начала масленой недели вырастали высокие, широкие и длинные ледяные горы – и „под горами“ закипало многолюдное народное гулянье со сравнительно большой и разнообразной зрелищной частью, сосредоточенной в расположенных кругом балаганах. Но как бы ни были пестры впечатления от этих гуляний, в основе их

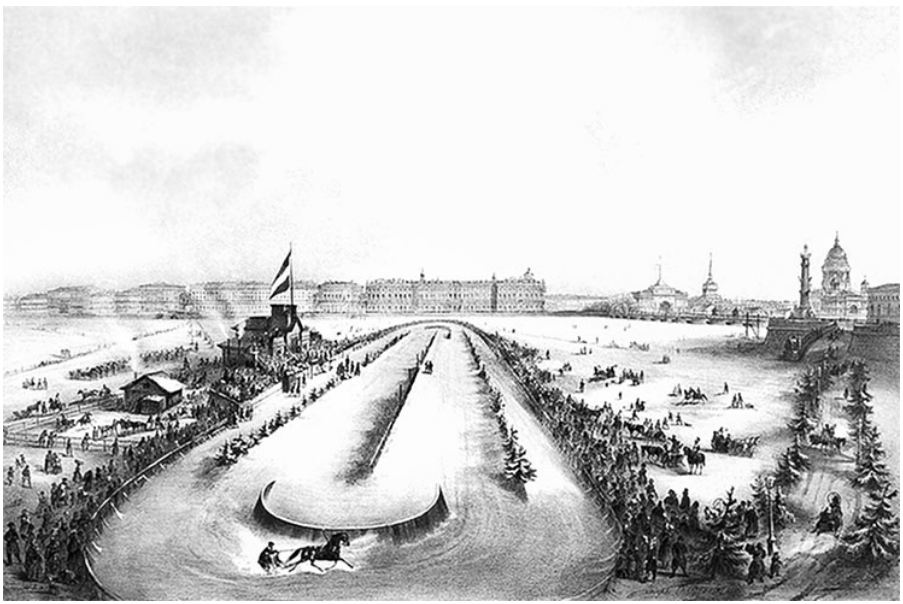
все же оставались ледяные горы. И вполне естественно, что, подразумевая все это гулянье в целом, в народе обычно говорили: „погулять на горах“, „погулять под горами“».



В. С. Садовников. Балаганы на Адмиралтейской площади. 1849 г.

К. Е. Маковский. Народное гулянье во время Масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге. 1869 г.

Н. Серракаприола. Катальные горы на Большой Неве. 1817 г.



А. Автаномов. Зимние бега на Неве. 1859 г.

Традиция масленичных гуляний, восходящая ко временам Московского царства, оказались столь прочна, что и немка по рождению Екатерина II с удовольствием отдавала дань этому празднику. Английский посол лорд Мальмсбери упоминает в

мемуарах, что в 1778 г. «императрице угодно было устроить в течение Масляницы праздник, который великолепием и изяществом превзошел все, что можно придумать в этом роде. За ужином десерт подавался на драгоценных блюдах, сверкавших каменьями, на сумму до двух миллионов фунтов стерлингов. А во время игры в макао (игра, очень распространенная здесь в эту минуту), кроме денежнаго выигрыша, бриллиант, ценою в 50 р., выдавался ея императорским величеством всякому, кто имел „девять“ (высшая цифра, достигаемая в этой игре). Таким образом были розданы сто пятьдесят бриллиантов»[467].

По свидетельству графини В. Н. Головиной, последняя Масленица императора Павла I в 1801 г. была «очень оживленной. Император приказал Александру Павловичу давать у себя балы, а в Эрмитажном театре бывали маскарады, для входа в которые было совсем немного билетов, вследствие чего там собиралось общество более избранное, чем обыкновенно в подобного рода увеселениях. На этих балах великий князь Александр начал обращать внимание на красавицу Нарышкину».

Особенно гуляли в Масленицу при Николае I. Барон М. А. Корф упоминает, что Масленицу гуляли при императоре в довольно узком кругу: «В этом кругу оканчивалась обыкновенно Масленица и на прощанье с нею, в „folle journee“ [безумный день – *фр.*]. Впоследствии эти „folles journees“ праздновались обыкновенно также в присутствии Царской фамилии у обер-церемониймейстера графа Воронцова-Дашкова, завтракали, плясали, обедали и потом опять плясали. В продолжение многих лет принимал участие в танцах и сам Государь, которого любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина, и, позже, жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова. В одну из таких „folle journee“, которые начинались в час пополудни и длились до глубокой ночи, именно в 1839 году, Государь часу во 2-м напомнил, что время кончить танцы; Императрица смеясь отвечала, что имеет разрешение от митрополита танцевать сколько угодно после полуночи; что разрешение это привез ей синодальный обер-прокурор (гусарский генерал граф Протасов) и что, в доказательство того, он и сам танцует. За попурри, когда дамы заняли все стулья, Государь, также танцевавший, предложил кавалерам сесть возле своих дам на пол и сам первый подал пример. При исполнении фигуры, в которой одна пара пробегает над всеми наклонившимися кавалерами, Государь присел особенно низко, говоря, что научен опытом, потому что с него таким образом сбили уже однажды тупей».

Балы и маскарады

Дворцовые балы всегда вызывали самый живой интерес и самое активное участие женской половины аристократического бомонда Петербурга. По своему статусу балы, безусловно, занимали главенствующее место в череде зимних развлечений. К сезону балов готовились заранее, обновляя гардероб и аксессуары. Подготовка «амуниции» выливалась в значительные суммы.

Подчеркнем, что сценографии праздников в Зимнем дворце уделялось огромное внимание. Тщательная режиссура придворных развлечений формировала мнение большого света и европейских вояжеров о блеске Российского императорского двора.

Екатерина II, обжившись в Зимнем дворце, продолжила традицию устройства зимних балов. Гигантские залы Зимнего дворца были идеальной площадкой для ярмарки тщеславия под названием «придворный бал». Балы времен Екатерины II подробно описаны современниками. Заметим, что императрица заложила некий стандарт зимних балов в стенах Зимнего дворца, который воспроизводился вплоть до начала XX в. Менялся только внешний антураж – силуэты женских нарядов и золотое шитье на мундирах.

Итак, слово заезжему очевидцу, посетившему Зимний дворец в начале 1780-х гг. (заметим, что к этому времени Екатерина II уже не танцевала сама, предпочитая играть в карты, наблюдая за танцующими): «Был я и на большом вечере при этом дворе, о чем я вам также должен сообщить. Как раз перед шестью часами отправились мы опять в ту же комнату, где мы были утром. Комнаты были освещены, и общество более смешанное. Уже с самого начала находилось много женщин, которые, почти совсем непринужденно, частью прохаживались или стояли, частью сидели и разговаривали с кавалерами. Великолепие бриллиантов и дамских нарядов неописуемо. После того как мы также взад и вперед прошлись и любовались блеском драгоценных булавок и других ожерелий на головах и на грудях, направились мы в открытую и весьма поместительную для танцев залу. В этом зале также находилось множество персон, в особенности иностранных министров, и несколько чужеземцев, которые потом были представлены Императрице.

Г. Морланд. Гладильщица. 1785 г.

Приспособления для глажения перчаток

Вскоре после 6 часов прибыла Монархиня, почти в том же одеянии, как утром, только дамская свита была многочисленнее. Иностранные министры опять составили проход; она остановилась в дверях, и означенные вновь были допущены к целованию руки. Двое чужеземцев были представлены, из коих один был господин фон-Корф, с которым Императрица некоторое время говорила… При входе Монархини в танцевальную залу заиграл оркестр шумную увертюру с трубами и литаврами.

Затем открыл бал Нарышкин[468] с княгиней Голицыной[469] кратким менуэтом. За сим тотчас последовали пять или шесть пар. Императрица пересмотрела менуэты, потом села за карточный стол, за которым она с графом Кобенцелем и с другими играла в I'homhre. Она на этот раз сделала исключение: она обыкновенно и преимущественно играет в вист или в макао. Кавалеры ее партии несколько раз чередовались. Она так сидела за карточным столом, что видела в лицо танцующих. Камергер фон Ланской стоял большую часть времени за ее стулом. Не только во время раздачи карт, но и даже во время игры разговаривала она с ласковым лицом то с тем, то с другим из игравших и вокруг стоящими персонами. Она встала в промежутке однажды, минут на десять, чтобы поговорить с некоторыми лицами. Пока она говорила, лицо, с которым она говорила, стояло перед нею в положении несколько согбенном. Так Прусский министр граф Герц минут пять-шесть стоял перед ней полунаклоненный… Менуэты продолжались недолго, за ними последовали полонезы, особенно выделявшиеся прекрасною музыкою и разговорными кружками чужестранцев. Затем последовал Английский контрданс, и в заключение опять полонез… В 8 час. поднялась Императрица с своего стула,

поклонилась всему обществу, и тот час же весь ее штат стал в порядок. Она удалилась, словно как в процессии. Танцы прекратились, и все разошлись. Когда Великая Княгиня присутствует, танцы продолжаются дольше, потому что она это любит»[470].

А. Рослин. Княгиня Н. П. Голицына. 1777 г.

Л. А. Нарышкин

Поскольку в Зимний дворец съезжались сотни особ, неизбежно у дворца возникали «пробки». При этом для каждой из категории гостей отводился свой подъезд. Но это мало помогало. Вот описание современника: «Пришлось нам внизу у дверей дожидаться более получасу, пока не подали нашу карету. Было от 400 до 500 карет перед дворцом и до ста внутри двора. Экипажи перед дворцом стоят длинными вереницами, место их определяется случайно, кто является раньше. У дворца закрытый подъезд, к которому подъехать может только одна карета. Со стороны Адмиралтейства выезд и въезд.

У дверей стоит офицер. Как только карета въезжает к закрытой двери, прислуга или кучер называет, кто приехал. Офицер громко его выкликает; если ответ замедляется и налицо вас нет, то он говорить „poscholl“, то есть прочь, уезжай. Тогда

карета уезжает порожнею и опять становится в заднем ряду. Таким путем соблюдается порядок и у стражи».

А. И. Ладюрнер. Император Николай I на балу. 1830-е гг.

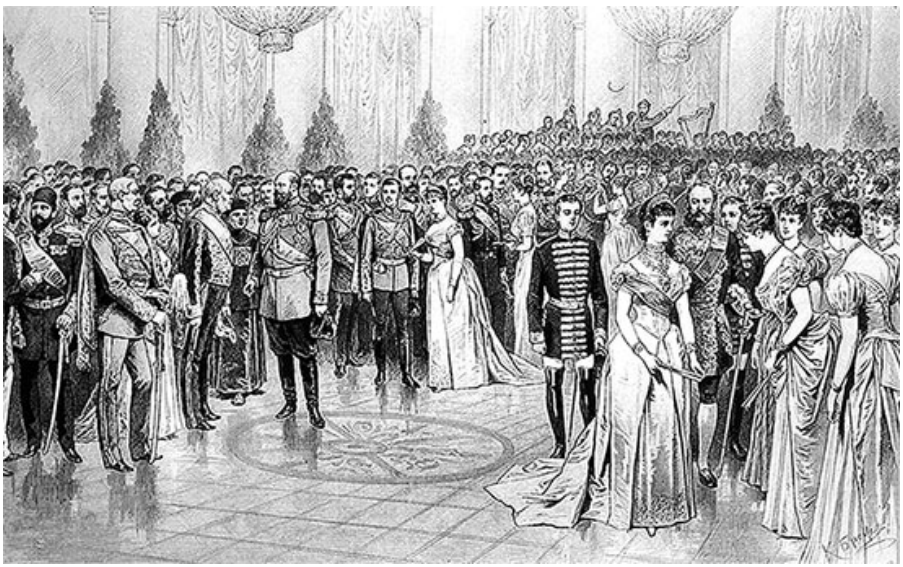
Другой иностранец также отметил факт «пробок» у Зимнего дворца в день приемов (куртагов) у Екатерины II: «В эти дни, уже с 11 часов, дворцовая площадь напружена каретами и другими экипажами, число которых постепенно умножается. Начиная с многочисленных запряженных шестернею карет и кончая одноконным экипажем, так называемыми дрожками, все едущие стараются обогнать друг друга… Как скоро какой-нибудь экипаж достигнет дворцового подъезда, сидящие в нем поспешно

покидают его, чтоб не вышло задержки от вновь прибывающих. На лестнице начинается, а в передней еще более усиливается борьба с препятствиями в виде необыкновенного количества лакеев, благодаря которым доступ в покои почти невозможен. Когда преодолено это затруднение, вы входите в первый покой, из которого одна дверь ведет в придворную церковь, а другая в соседнюю с залою комнату. Как скоро началась божественная служба, появляется с своей свитою Государыня»[471].

Естественно, Зимний дворец готовили к сезону больших балов. У придворных хозяйственников имелся жестко отработанный алгоритм подготовки, включавший сотни обязательных позиций. Для того чтобы представить, как это происходило, обратимся к документам, они позволят нам взглянуть на мелочи, о каких мы подчас и не подозреваем.

Так, при Александре III при подготовке к зимним балам 1885 г. заказали 29 штук «железных аншлагов с надписями названия полков для употребления их на вешалках во время большого съезда офицеров в Зимний дворец на высочайшие выходы». В Зимнем саду Эрмитажного павильона поменяли камышовые решетки для ограждения куртин. Камышовые решетки, ограждавшие фонтаны и поддерживающие вьющиеся растения, выгораживали в обширном пространстве зимних садов уютные уголки. Эти декоративные решетки не только красили масляной краской, но и золотили. Упомянем, что при вставке свечей в люстры драгоценные паркеты Зимнего дворца застилались парусиновыми половиками[472].

На балу. Шарж императора Николая I. 1840-е гг.



К. О. Брож. Придворный бал в Николаевском зале Зимнего дворца. Кон. 1880-х гг. (Вдоль стен зала просматриваются елки)

Наряду с этими пустяками в некоторых залах Зимнего дворца накануне сезона больших балов проводились капитальные ремонты. Так, в Малом Эрмитаже, в Павильонном зале исправили паркет, как и в мраморной комнате Романовской галереи.

Отремонтировали комнаты «мозаичных картин около галереи драгоценностей», комнаты «перехода на лестницу Государственного совета», «теплого сада павильона», «парадной лестницы Государственного совета», галереи – Романовскую и Драгоценностей, 12 внутренних и 10 парадных комнат Эрмитажа. В садике Эрмитажного павильона уложили новые дорожки из верблюжьего сукна (201,5 аршин, садик тогда был перекрыт стеклянной крышей), поменяли все шторы в Николаевском зале, провели косметический ремонт на половине покойной императрицы Александры Федоровны, поменяли буфетные столы для Помпеевской галереи. Любопытно, что при устройстве буфетов окна Помпеевской галереи закрывались простыми деревянными щитами, обитыми красным сукном. Все работы обошлись в 1885 г. в 25 000 руб.[473]

Поскольку в зимних балах участвовали тысячи особ и лиц, посуду для торжественной трапезы в Зимний дворец доставляли и из пригородных резиденций. Так, при подготовке сезона балов 1885 г. в резиденцию доставили из Гатчинской сервизной кладовой хрусталь с резьбой виноградных листьев – 100 шт.; фарфор – голубой с лепными цветами, под гербом старого образца.

В начале XX в., когда Россию захлестнула вторая волна политического терроризма, балы в Зимнем дворце, также превратились в фактор риска для первых лиц империи. Придворные балы предполагали, что в Зимнем дворце могут оказаться тысячи людей, и среди них революционеры могли найти тех, кто не только сочувствует революционным идеям, но и способен принять участие в террористическом акте.

Одной из участниц Боевой организации партии социалистов-революционеров – аристократке Татьяне Леонтьевой, активно участвовавшей в светской жизни Петербурга, сделали официальное предложение продавать цветы на одном из традиционных январских придворных балов в Зимнем дворце, на которых по протоколу обязательно бывал царь. Предполагалось, что бал должен состояться в начале января 1905 г. Леонтьева заявила руководству организации о своей готовности убить царя на этом балу, один из руководителей, М. Швейцер, дал согласие на покушение.

Б. В. Савинков, приведший этот эпизод в своих «Записках», подчеркивал, что «вопрос о цареубийстве еще не поднимался тогда в Центральном комитете, и Боевая организация не имела в этом отношении никаких полномочий. Швейцер, давая свое согласие Леонтьевой, несомненно, нарушал партийную дисциплину. Он спрашивал меня, как я смотрю на его согласие и

дал ли бы я такое же. Я ответил, что для меня, как и для Каляева, Моисеенко и Бриллиант, вопрос об убийстве царя решен давно, что для нас это вопрос не политики, а боевой техники, и что мы могли бы только приветствовать его соглашение с Леонтьевой, видя в этом полную солидарность их с нами. Я сказал также, что, по моему мнению, царя следует убить даже при формальном запрещении Центрального комитета»[474]. Такова принципиальная позиция боевиков, которая была известна руководству партии эсеров.

Примечателен облик несостоявшейся террористки: дочь якутского вице-губернатора, воспитанная в Институте благородных девиц, около двадцати лет от роду, богатая и красивая девушка, с перспективой стать в начале 1905 г. одной из фрейлин императрицы Александры Федоровны. Планируя террористический акт, Леонтьева хотела на придворном балу преподнести царю букет и в это время застрелить его из револьвера, спрятанного в цветах[475]. Принципиально важно, что теракт планировался в конце 1904 г., когда еще никто не знал о предстоящей трагедии «Кровавого воскресенья». Но впоследствии революционеры пытались представить планы Леонтьевой как месть за жертвы «Кровавого воскресенья».

В мемуарной литературе всячески подчеркивался безупречный моральный облик террористов. Одна из соратниц Леонтьевой писала, что несостоявшаяся террористка была «чрезвычайно сдержанной в проявлении своих чувств и скупой на разговоры, можно даже сказать – строго молчаливой. Даже ее красивая внешность замечалась не сразу. Она была среднего роста, стройная, как молодая березка, блондинка, с большим лбом и чистыми, детскими синими глазами… это был превосходный человек, полный внутреннего содержания, красоты, глубокая натура»[476].

Террористический акт не состоялся, Леонтьеву арестовали.

В 1905 г. все придворные балы отменили на неопределенное время, поскольку продолжалась Русско-японская война, да и в столице назревала революция. В конце лета 1905 г. Леонтьеву с диагнозом душевнобольной выпустили на поруки родителей, которые вывезли ее за границу. Перед отъездом она писала товарищам: «Родители мои, извлекшие меня из тюрьмы долгими и усиленными хлопотами, везут за границу. Можете сами представить, в каком настроении и с каким душевным отчаянием я туда отправляюсь. Предвижу ясно, до поразительности верно скучную, монотонную, бездеятельную жизнь, полную пустоты и одиночества. Я испытала уже эту маяту»[477].

Несмотря на прогрессирующее душевное расстройство, за

границей Леонтьева примкнула к партии максималистов. В августе 1906 г. в Швейцарии выстрелом из револьвера она убила богатого буржуа, поскольку «слегка» ошиблась, приняв его за министра внутренних дел П. Н. Дурново. В марте 1907 г. ее судили швейцарским судом и приговорили к 4 годам одиночного заточения с обязательным трудом. На суде она «немного вызывающе» заявила судьям, что «не считает преступлением убить одного буржуа»[478]. Вот такие дебютантки от терроризма появились в начале XX в. в стенах Зимнего дворца.

Маскарады в «каменном Зимнем дворце» начала устраивать Екатерина II. Собственно, она только продолжила традицию устройства великолепных маскарадов, столь расцветшую при дворе Елизаветы Петровны и восходившую к маскарадам времен Петра I. Любопытно, что одно из маскарадных платьев Екатерины I сохранялось в Зимнем дворце вплоть до начала царствования Николая I. В перечне вещей, принадлежавших императрице Екатерине I, упоминается и «платье маскарадное»[479].

Виже-Лебрен, Элизабет-Луиза. Граф Г. И. Чернышов с маской в

руке. 1793 г.

По традиции, 1 января Зимний дворец распахивал свои двери перед горожанами разных сословий. Новогодний маскарад, пожалуй, был самым демократичным действом в скованном железными обручами этикета пространстве Зимнего дворца. Естественно, публики самого разного материального достатка и общественного положения, во дворце оказалось много: «… публика теснилась и в просторных залах Зимнего дворца, с трудом раздвигаясь при прохождении польского. Доступ в царские комнаты был открыт для любого прилично одетого. Билет давали каждому желающему. У дверей их отбирали только для счета посетителей и записывали имена только первого вошедшего и последнего вышедшего»[480].

Описаний маскарадов времен Екатерины II в воспоминаниях мемуаристов отложилось множество. Отметим, что императрица не гнушалась посещать и публичные маскарады, к которым готовились в Зимнем дворце: «Екатерина раза по два зимою езжала в публичные маскерады. Приглашенные к ея обществу собирались во дворец, находили приготовленныя платья, маски и в большой свите за нею отправлялись. Все соблюдалось, чтоб скрыть тайну; иногда отправлялась она туда в чужой карете; но при всех предосторожностях подозрение о ея нахождении в маскераде существовало; не знали только, которая из множества особ была Екатерина»[481].

Подчеркнем, что маскарады предоставляли большие возможности для проявлений творческих начал их участников. Надо было надежно «замаскироваться», придумать нестандартную маску. Переодевание и маски давали возможность первым лицам империи немножко «поинтриговать», то есть остаться неузнанными, что позволяло хоть на несколько минут почувствовать себя обычными людьми. Это очень ценилось…

Однако при всех творческих экзерсисах в стенах Зимнего дворца даже на маскарадах продолжал действовать некий «дресс-код», определявшийся, как правило, первыми лицами. В случае нарушения неписаных правил виновники вызывали неудовольствие на самом высоком уровне. Графиня В. Н. Головина упоминает о размолвке императрицы Екатерины II с великой княгиней Елизаветой Алексеевной, супругой великого князя Александра Павловича: «Во время пребывания принцесс Кобургских было много праздников и балов, и, между прочим, большой маскарад при дворе, памятный великой княгине Елисавете тем, что императрица впервые выказала ей свое неудовольствие. Известная мадам Лебрен недавно только

приехала в Петербург; ее платья и картины произвели переворот в модах; утвердился вкус к античному. Графиня Шувалова, способная на детское увлечение всем новым и заграничным, предложила Елисавете Алексеевне заказать себе платье для маскарада у Лебрен. Великая княгиня необдуманно охотно согласилась, не думая, понравится или не понравится это императрице, и рассчитывая, что графиня Шувалова не предложит ей того, что не одобрит ее величество. Платье, задуманное и сшитое по рисунку Лебрен, было готово. Великая княгиня отправилась на бал очень довольная, думая только о впечатлении, которое произведет ее наряд. Лица, не принадлежавшие к большому двору, являлись на подобные балы в какое угодно время; поэтому великий князь Александр с супругой долгое время уже там находились, когда в одной из зал повстречались в первый раз с императрицей. Елисавета подошла к ней поцеловать руку, но императрица молча ее оглядела и не дала руки. Это поразило и огорчило великую княгиню. Она скоро догадалась о причине этой суровости и очень сожалела о том легкомыслии, с которым решилась заплатить дань модному увлечению. На другой день императрица сказала графу Салтыкову, что была очень недовольна туалетом великой княгини, и потом два-три дня относилась к ней холодно»[482].

Поясним, что маскарадное платье великой княгини Елизаветы Алексеевны, выдержанное в «античном вкусе», резко нарушало сложившиеся стереотипы петербургской моды, выглядело слишком «смело» для юной великой княгини, что и вызвало неудовольствие стареющей государыни. Отметим и то, на каком уровне готовились маскарадные платья, когда одна из известнейших европейских портретисток рисует эскиз «продвинутого» маскарадного платья.

(Попутно упомянем, что сегодня концептуальные платья, демонстрирующиеся на подиумах ведущими европейскими модельерами, подчас очень напоминают экстравагантные маскарадные наряды.)

Виже-Лебрен Элизабет-Луиз. В. И. Нарышкина в античном наряде. 1799 г.

Виже-Лебрен Элизабет-Луиз. Великая княгиня Елизавета Алексеевна. 1801 г.

При Александре I с 1808 г. придворные маскарады начали проводить в Эрмитажном театре. Следовательно, они стали менее многолюдными и более элитарными. Как и в прошлые годы, к маскараду в Эрмитажном театре возводилась знаменитая хрустальная палатка.

Каждый год в декабре, накануне маскарада, дворцовые хозяйственники запрашивали распоряжение на установку палатки. Например, в декабре 1816 г. тайный советник князь Тюфякин обращался к князю П. М. Волконскому: «Во время данных при высочайшем дворе в 1 день января маскерадов, как в прошедшие годы, так и в истекающем 1816 г., по воле Государя Императора обыкновенно устраивалась на сцене Эрмитажного театра Хрустальная палатка». Далее Тюфякин сообщал, что установкой палатки занимается императорская театральная дирекция и на ее «устройство» требуется три недели, поэтому он просит «доложить Государю Императору, благоугодно ли Его Императорскому Величеству дабы и ныне, по примеру прошлых годов, для того маскерада устроена была Хрустальная

палатка»[483]. Ответ поступил немедленно: «Приступить без потеряния времени».

В театральном маскараде. 1850-е гг.

А. Ладюрнер. Николай I в маскараде

Об этой палатке вспоминали многие из участников маскарадов эпохи Александра I: «Вечером 1 января 1819 года для ужина императорской фамилии в этом театральном зале разбивали стеклянную палатку, которой потолок и бока представляли разнообразные узоры из плотно связанных стекляшек. Сквозь эту стеклянную ткань она освещалась снаружи, а внутри от канделябр императорского стола. На сцене за палаткой играла роговая музыка обер-егермейстера Нарышкина. Эта невидимая и необыкновенная музыка, этот стеклянный шатер, который при освещении казался сотканным из бриллиантов и драгоценных камней, невольно переносили в волшебный сказочный мир».

При Николае I традиционные маскарады «с мужиками» стали зримой частью так называемой теории официальной народности, выраженной парадигмой: православие, самодержавие, народность. Более того, маскарады «с мужиками» стали устраиваться и в день рождения императрицы – 1 июля в Петергофе. В них действительно принимали участие тысячи простолюдинов. При подготовке маскарада, намеченного на 1 января 1838 г., изготовили 30 тыс. маскарадных билетов на

сумму 1200 руб.[484] Однако этот маскарад не состоялся, поскольку главная императорская резиденция сгорела в декабре 1837 г.

При Николае I продолжилась традиция проведения тематических маскарадов. Как правило, это были маскарады «для своего круга», в котором все отлично знали друг друга. Подобные маскарады все очень любили, поскольку они позволяли уйти из привычной жизни, жестко определявшейся придворным этикетом. Маскарады позволяли раскрыться творческому потенциалу членов императорской семьи и их придворных, скованному тем же этикетом. Например, общепризнанно, что императрица Мария Федоровна (супруга Павла I) обладала и блестящими режиссерскими способностями. Маскарады позволяли выявлять настоящие таланты, поскольку если над маскарадным костюмом могли работать театральные костюмеры, профессиональные художники и т. п., то эти костюмы надо было еще и «представить», что подчас требовало несомненных артистических способностей. Например, на маскараде 13 сентября 1817 г. граф А. И. Соллогуб «до такой степени изменил свой голос и так вошел в роль, что великий князь и императрица Елизавета, с которыми он долго говорил, приняли его за вдовствующую императрицу»[485].

Все вместе позволяло ненадолго уйти в выдуманный мир маскарада и на время сбросить груз тяготевших проблем.

Для придворных маскарадов было характерно многообразие масок. Например, на маскараде 13 сентября 1817 г. по случаю отъезда новобрачных – великокняжеской четы Николая Павловича и Александры Федоровны – вереницей мелькали живописнейшие персонажи. Среди них «пилигримка» (княгиня А. Н. Волконская, статс-дама великой княгини Александры Федоровны), «шутовской старик» (Д. М. Кологривов – обер-церемониймейстер, тайный советник), девушка в «русском костюме» (С. Ю. Нелединская-Мелецкая, фрейлина), «монахиня», которую никто не мог узнать (граф А. И. Соллогуб, камергер), «старые немецкие солдаты» (великий князь Николай Павлович и принц Вильгельм – брат Александры Федоровны), «волшебник» (императрица Мария Федоровна), «летучая мышь» (императрица Елизавета Алексеевна)[486].

1 января 1834 г. в Зимнем дворце прошел маскарад на тему сказки «Аладдин и волшебная лампа». Как вспоминала великая княгиня Ольга Николаевна, «в Концертном зале поставили трон в восточном вкусе и галерею для тех, кто не танцевал. Зал декорировали тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами, волшебство этого убранства буквально

захватывало дух. В то время глазу еще непривычны были такие декорации, которые мы теперь видим на каждой сцене. Мэри и я появились в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых туфлях и с тюрбанами на головах; нам было разрешено идти за Мама в полонезе. Какой блеск, какая роскошь азиатских материй, камней, драгоценностей! Я могла смотреть и искренне предаться созерцанию всего этого волшебства, не думая об обязанностях или правилах вежливости. Карлик с лампой, горбатый, с громадным носом, был гвоздем вечера».

1 января 1837 г. в Зимнем дворце танцевали на так называемом Китайском маскараде. Ольга Николаевна вспоминала: «Все были в китайских костюмах. Высоко зачесанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица. Папа был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем».

После восстановления Зимнего дворца традицию «карнавалов с мужиками» восстановили в полной мере. Описывая зиму 1842 г., Ольга Николаевна отмечала, что «Карнавалы этой зимой были очень оживленными. Каждое воскресенье были танцы с играми в Малахитовом зале, между ними dejeuners dansants, или костюмированные балы в Михайловском дворце у тети Елены». Ольга Николаевна к этому времени была засидевшейся на выданье девицей, и карнавалы, наполненные юными дебютантками, ее начали тяготить, поэтому в ее воспоминаниях появляется нота недовольства подобным времяпровождением: «Мне никогда не нравились костюмированные вечера. Как утомительны и скучны приготовления к ним! Специально разученные для них танцы часто подавляют прирожденные талант и грацию». Весьма спорное утверждение…

Сам Николай I в переписке с соратниками просто фиксировал факт маскарада, попутно приводя его бухгалтерию и давая о действе краткие отзывы. 4 января 1832 г. император писал И. Ф. Паскевичу: «Здесь у нас все в порядке и смирно. На маскараде 1-го числа было во дворце за 364 человека; и в отменном благочинии».

Говоря о бухгалтерии, обратимся к книгам гардеробных сумм Николая I, в них в деталях фиксировались все траты сначала великого князя, а затем и императора на подготовку маскарадных костюмов.

Первые 5 руб. «за маскарадное платье» будущий император потратил в январе 1810 г.[487] В феврале 1833 г. Николай I уплатил 15 руб. «за две маски». Кроме того, 30 руб. выдали

«камердинеру Алексею Сафонову за маскарадные билеты». Судя по всему, император за свои средства профинансировал типографскую печать нескольких сотен маскарадных билетов[488]. В феврале 1834 г. император вновь купил две маскарадные маски (14 руб.).

Но то были копейки по сравнению с тратами на подготовку к маскарадам 1835 г. В январе этого года Николай I потратил на аксельбанты и «прочее для маскарада 200 руб.». В магазине военных вещей Сургучева тогда же «за каски и шляпы и прочее для маскарада 612 руб.»; «портному Малиновскому за переделку мундира и двух таковых же для маскарада 689 руб. 50 коп.»; в феврале «театральному парикмахеру Вивану за маскарадный парик для Его Величества – 100 руб.»[489].

В январе 1836 г. «парикмахеру Утехину за зделанный для Его Величества парик для маскарада 200 руб.». В марте 1837 г., при подготовке к упомянутому китайскому маскараду, Николай I уплатил «костюмеру театра Балте за китайское маскарадное платье 865 руб., парикмахеру Вивану за китайский парик для маскарада 70 руб.; мастеру Тимофееву за китайскую шапку для маскарада 40 руб.». В ноябре 1841 г. «костюмеру театра Матис за театральный костюм 116 руб. 68 коп.; Парикмахеру Дювалю за театральный парик 57 руб.; Сапожнику Пемо за поправку сапогов и за театральные башмаки 31 руб. 80 коп.».

Как мы видим, подготовка к маскараду влетала императору «в копеечку», да и готовили ему маскарадные костюмы крепкие профессионалы – театральные костюмеры.

Наряду с различными экзотическими темами маскарадов, при Николае I была положена традиция обращения и к национальной истории. Так, в 1849 г. на маскараде в доме генерал-губернатора графа Закревского устроили «Шествие одного из русских царей со всеми боярами, рындами и отроками»[490].

Ради справедливости отметим, что на ниве «маскарадного патриотизма» Николай I – не новатор. Еще при Екатерине II ее сановники продвигали «русскую идею» посредством маскарадных костюмов. Так, на маскараде у Л. А. Нарышкина Екатерина II была одета в костюм царицы Натальи Кирилловны, а Е. Р. Дашкова – подмосковной крестьянки. Причем Дашкова еще и пела в хороводе песню «Во селе, селе Покровском, Среди улицы большой, Разыгралась, расплескалась, Красна девица, душа»[491].

Императрица Мария Федоровна в маскарадном костюме московской царицы. 1883 г.

Позже историческая русская тема получит развитие в «русских маскарадах» при Александре III и Николае II. Апогеем подобных русских маскарадов стал маскарад в Зимнем дворце, проведенный в феврале 1903 г. В повестке от 11 февраля 1903 г. сообщалось: «По повелению Их Императорских Величеств, Обер-Гофмаршал имеет честь известить о приглашении Вас, в Четверг 13 сего февраля к 9 час, на бал в Концертном зале Зимнего дворца». Участники маскарада блистали «в костюмах времен Царя Алексея Михайловича», а остальные гости являлись на бал в Павильон Императорского Эрмитажа в привычных одеждах: «Дамы в длинных вырезных платьях. Кавалеры: военные в обыкновенной форме в мундирах, Гражданские в мундирных фраках и лентах»[492].

Одним из «номеров» этого исторического маскарада стал «русский танец», в котором солировала княгиня Зинаида Юсупова. Но среди шестнадцати пар, участвовавших в танце, упоминаются и сестры Танеевы – Анна Александровна (№ 11) и Александра Александровна (№ 12). Именно тогда Анна Танеева (А. Вырубова) и увидела свою будущую подругу – императрицу

Александру Федоровну в образе царицы Марии Милославской[493].

Добавим, что среди зрителей маскарада присутствовала не только элита петербургского общества, но и женская прислуга императрицы Александры Федоровны, жившая в Зимнем дворце. В списке женской прислуги «Ея Величества и августейших детей», значатся: камер-фрау Герингер, камер-юнгфера Очард, Занотти и Тутельберг, портниха Николаева, комнатные женщины – Никитина, Павлова и Демидова; англичанка Игер; няня Вишнякова; комнатные женщины – Тегелева 1-я, Тегелева 2-я и Эрсберг[494].

Портрет З. Н. Юсуповой

З. Н. Юсупова в маскарадном костюме. 1903 г.

С интересом за действом наблюдали и профессиональные артисты, ставившие этот маскарад, который больше напоминал парадный спектакль. Мемуарист упоминает, как «через дырочки занавеса они внимательно разглядывали всех костюмированных и делились своими замечаниями по поводу манеры и умения приглашенных носить столь необычное для них и столь обычное для артистов платье. Особенно шутили они, когда на сцене появлялся директор, одетый вместо вицмундирного чиновничьего

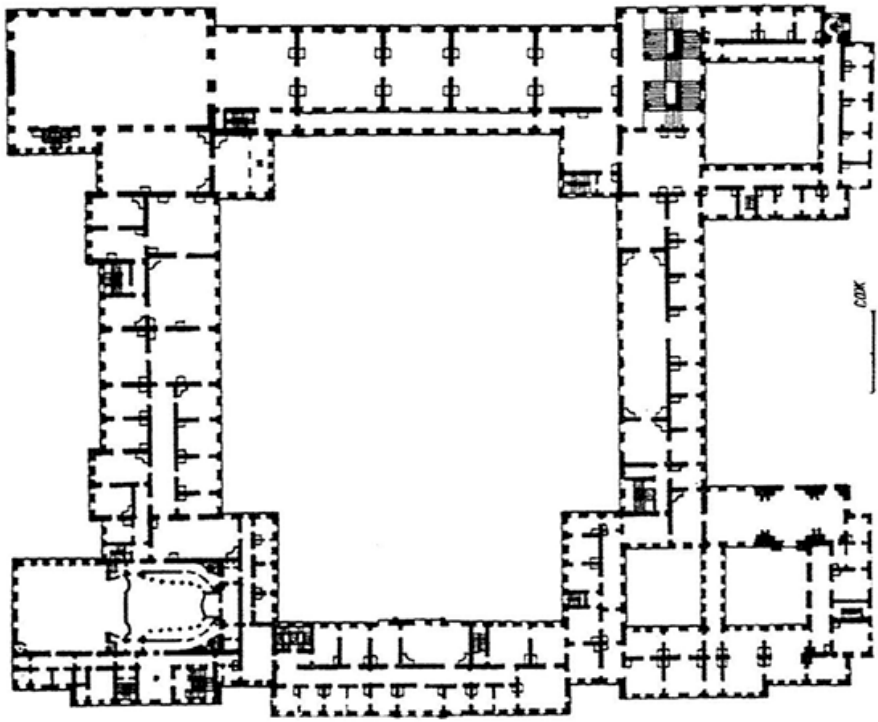
фрака в русский кафтан».

Эрмитажный театр

Театральная сцена являлась неотъемлемой частью большинства императорских резиденций. Напомним, что первый придворный театр появился при Дворе царя Алексея Михайловича в 1672 г., и с той поры существование подобного театра превратилось в некий придворный стандарт. Поэтому, когда возводили каменный Зимний дворец, в юго-западном ризалите устроили обширный дворцовый театр, «встроенный» в пространство императорской резиденции.

Дворцовая сценическая площадка использовалась не только профессиональными артистами, но и любителями, поскольку в Зимнем дворце изначально существовали две труппы – профессиональная и любительская. Профессиональная труппа занимала сцену императорского театра, размещавшегося с 1762 по середину 1780-х гг. в юго-западном ризалите резиденции. В середине 1780-х гг. Дж. Кваренги построил для театра отдельное здание, туда и переехал профессиональный театр, получивший название Эрмитажного. Любительская труппа, состоявшая из придворных, могла выступать где угодно, в зависимости от обстоятельств или размаха постановки. Придворные, выступавшие в роли актеров, могли продемонстрировать свои таланты как на сцене Эрмитажного театра, так и в одном из залов огромного дворца.

Среди петербургских театров Эрмитажный театр всегда занимал особое положение. Во-первых, это один из самых старых петербургских театров, изначально «заточенный» под придворно-церемониальный формат постановок. Во-вторых, особое положение театра определялось его «географией», то есть расположением непосредственно в главной императорской резиденции. Поэтому Эрмитажный театр находился в ведении Петербургского дворцового управления. Но оборудованием сцены и подготовкой к спектаклям занималась Дирекция Императорских театров. В-третьих, это был синтетический театр, в нем ставили и оперу, и драму, и балет. В-четвертых, театр не имел «собственной» труппы и по большей части представлял собой «площадку», на которой приглашенные артисты ставили свои спектакли.



План второго этажа Зимнего дворца времен Екатерины II (придворный театр в юго-западном ризалите)

Воспитатель великого князя Павла Петровича С. А. Порошин часто упоминает в записках о посещении дворцового театра своим воспитанником. Его свидетельства позволяют представить не только интенсивность работы придворного театра, но и его репертуар.

В качестве примера используем записи за май 1765 г. Итак: «Во дворце комендия: Le legataire и Somnambule. Балет… Великий князь не был» (3 мая); «После стола в воланы. Учился. На комедию. Комедия русская *Jean de France,* балет Гранжеев со змеей, маленькая пьеса: *Слепой видящий…* После комедии ужинали; о Сумарокове, о его трагедиях и притчах и скоро спать, десять часов было» (10 мая); «После обеда учился. Потом в комедию, комедия была La goucernante de la chausse, маленькая пьеса Somnambule, балет Гранжеев Аполон и Дафна. После большой пьесы пошли в ложу к Государыне. После маленькой пьесы Государыня, откланявшись, забывшися, и ретировалась, а Великий Князь остался в ея ложе, и тут до конца балету смотрели» (13 мая); «Учился. Потом на комедию, русская (Менехли…), балет Аполон и Дафна. Пиеса „Новоприезжие“. После ужинать и спать» (17 мая); «Часу в седьмом Государыня и

Великий Князь приехали в Зимний дворец на комедию. Комедия была: L'home singulier, пиеса Anette et Lubin. Балет новый Le cendange в первый раз. В десятом часу в исходе все кончилось» (20 мая)[495].

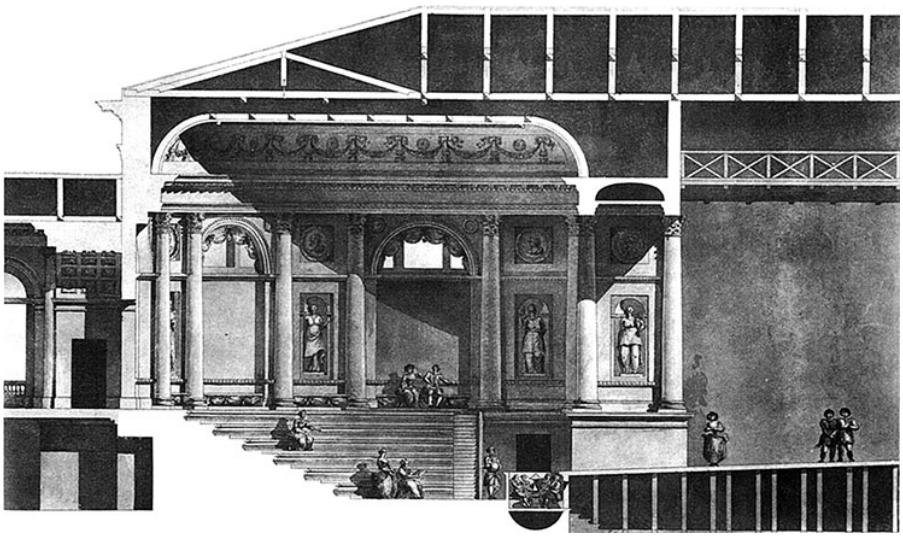
Выступления заезжих гастролеров щедро оплачивались Екатериной II из своей «комнатной суммы». Например, в 1770 г. она заплатила за «Английскую комедию» 1000 руб.[496] В марте 1771 г. «Английским комедиантам» вновь выплатили 1000 руб. В 1778 г. императрица профинансировала из «комнатной суммы» строительство театра в Царском Селе: «Об отпуске для строения в Царском Селе театра 25 023 р.»[497] (5 февраля 1778 г.).

Любопытно, что наследник даже в столь юном возрасте имел четкие представления и о своем статусе, и обо всех нюансах поведения публики в дворцовом театре. Так, воспитатель упоминает, как в октябре 1764 г. «в шесть часов изволил Его Высочество пойтить на комедию. <…> Изволил Его Высочество аплодировать многократно <…>. Два раза партер без него захлопал, что ему весьма было неприятно. Пришедши к себе, долго роптал о том <…>: „Вперед я выпрошу, чтоб тех можно было высылать вон, кои начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности“». Позже, когда Павел Петрович стал императором, такой порядок превратился в жесткую норму. С конца XVIII в. публика могла начинать аплодировать в Императорских театрах только после аплодисментов императора.

В 1780-х гг. придворный театр, располагавшийся в юго-западном ризалите Зимнего дворца, уничтожили в связи с перепланировкой западного фасада под покои великого князя Александра Павловича.

В 1782–1785 гг. архитектор Джакомо Кваренги возвел новое здание придворного театра на месте бывшего Зимнего дворца Петра I. Особенностью этого камерного театра стал амфитеатр полукруглых рядов зрительских кресел (250 мест[498]), поднимающихся от сцены. Граф Штернбергер, посетивший Петербург в начале 1790-х гг., описывал Эрмитажный театр следующим образом: «Здание это в Римском вкусе, выстроено на подобие цирка, только в очень уменьшенном размере. Стены и колонны мраморные, сиденья для зрителей подымаются ступенями и образуют полукруг»[499].

Ансамбль Дворцовой набережной. Эрмитажный театр (дом № 32)



Дж. Кваренги. Проект зрительного зала Эрмитажного театра. 1783 г.

Планировка камерного зала не требовала лорнетов и биноклей, поскольку в компактном зале сцена была хорошо видна с любого места. Естественно, небольшой зал отличался прекрасной акустикой. В декоре театрального зала Дж. Кваренги отразил его функциональное назначение, украсив его скульптурами Аполлона и девяти муз, расположенных в нишах.

Эрмитажный театр при Екатерине II

У Екатерины II, по утверждению мемуариста, в театре не было постоянного места, поэтому каждый спектакль она избирала «его себе по произволу». Об этом же упоминал и Кваренги: «В этом театре нет ни одного привилегированного места, отсюда изгнан всякий этикет, каждый может усаживаться там, где ему заблагорассудится». Вне всякого сомнения, подобная планировка театрального зала – личное решение императрицы, что ярко характеризует и особенности ее характера, и сложившиеся взаимоотношения в ближнем круге Екатерины II. Напомним, что в Малом Эрмитаже, в котором императрица принимала гостей, имелась табличка с правилами поведения, на которой имелась следующая надпись: «Извольте сесть, где хотите, Не ожидая повторенья: Церемоний хозяйка здешняя ненавидит и в досаду принимает; А всякий в своем доме волен». Собственно, идея амфитеатра с отсутствующими «фиксированными» местами развивала идею Екатерины II о пребывании в ее ближнем круге «без чинов».

По завершении строительства, 16 ноября 1785 г., Эрмитажный театр открыли постановкой оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват» (музыка М. М. Соколовского, либретто А. О. Аблесимова). Поскольку Екатерина II много внимания уделяла литературному творчеству, то 20 января 1789 г. в стенах

Эрмитажного театра состоялась премьера комической оперы «Горе – богатырь Косометович», либретто к которой написала сама императрица[500]. Заметим, что это – не единственное либретто, написанное императрицей для своего театра.

Как ни удивительно, но Екатерина II, по большому счету, к музыке относилась равнодушно. Но она была умной женщиной, и именно в годы ее царствования расцветает жанр придворного музыкального театра: «Театр разделялся на Российской, Французской и Итальянской, то есть на трагедии, комедии, оперы и балеты»[501]. Внимание к музыкальному театру – необходимый штрих, без которого образ просвещенной монархини был бы неполным.

Действительно, в эпоху Просвещения многие европейские монархи не только покровительствовали развитию музыкального искусства при своих дворах, но и сами являлись квалифицированными музыкантами-исполнителями. Поэтому во второй половине 1780-х – начале 1790-х гг. Екатерина II выступила в качестве либреттиста пяти комических опер и «исторического представления» с музыкой. Говоря по-современному, она стала продюсером, распределяя музыкальный материал, указывая последовательность, характер и продолжительность номеров, формируя сценографические ремарки, участвуя в выборе композиторов, оценивала качество их музыки, влияла на постановочный и репетиционный процесс, финансировала издание готовых произведений.

В Эрмитажном театре несколько раз в неделю играла французская труппа. Мемуарист отмечал, что немка Екатерина II не любила тяжеловесные немецкие спектакли и музыку немецких композиторов, предпочитая изящные французские постановки. Качество же этих постановок П. И. Сумароков, например, оценивал весьма жестко: «При обыкновенной Французской комедии оркестр составляют три музыканта, из которых один играет на фортепьяно, другой на скрипке, а третий на арфе; о гармонии при столь разнородных инструментах не может быть и речи. Так как обыкновенно исполняются веселые, живые пьесы, то для знающего музыку здесь мало интересного; музыка эта зависит от памяти и воображения трех музыкантов; им не дозволено употреблять нот, почему слушатель и не может требовать от их игры этого приятного смешения нежного с серьезным, которое, благодаря законам гармонии, бывает иногда так возвышенно. Этот род музыки невозможно заключить в тесные рамки искусства и фантазии, и он может быть терпим только ради своей оригинальности».

Впрочем, по свидетельству современников, Екатерина II

плохо чувствовала музыку: «…она к гармонии музыки казалась равнодушною. Сколько ни старались при воспитании научить ее сему приятному искусству, сколько сама ни желала познакомиться с оным, но все опыты оказались тщетными». Она сама знала за собой это, и во время музыкальных вечеров в гостиных Зимнего дворца или Эрмитажном театре «всегда поручала кому-нибудь из знатоков подавать ей знак к рукоплесканию»[502].

Одной из традиций дворцового театра стали театральные постановки, подготовленные ко дню рождения императрицы – 21 апреля. Эта традиция сложилась еще тогда, когда будущая императрица была женой великого князя, а затем и императора Петра III. Такая постановка состоялась буквально через неделю после переезда Петра III и его супруги Екатерины Алексеевны в Зимний дворец – 23 апреля 1761 г., когда была представлена премьера оперы-буфф «Бертольдо при дворе» (муз. Л. В. Чампи, либретто К. Гольдони) и балета «Разбитие корабля у Баварских берегов». 21 апреля 1765 г. премьера оперы-буфф «Менялы» (муз. А. Доверня, либретто Ж. Ваде) состоялась уже на сцене в театре Зимнего дворца.

19 апреля 1786 г. Екатерина II выступила как автор либретто комической оперы «Февей», ею и «обновили» новую сцену Эрмитажного театра. Любопытно, что через три дня – 22 апреля – оперы повторили, что называется, «на бис». В этом же году 27 ноября, к тезоименитству Екатерины II, на сцене Эрмитажного театра состоялась премьера еще одной комической оперы – «Новгородский богатырь Боеславович», либретто к ней также написала сама императрица.[503]

Как правило, вслед за веселыми операми следовали балетные постановки. Тогда на сцене Эрмитажного театра блистал французский танцор и хореограф Шарль Ле Пик (1744–1806). Об уровне этого мастера говорит то, что с 1783 по 1785 г. он являлся балетмейстером Королевского театра в Лондоне. В 1787 г. он приехал в Россию и стал первым танцором Императорской труппы. В 1792 г. Ле Пик занял должность главного балетмейстера труппы, сохраняя ее за собой до 1799 г. Мемуарист, видевший постановки того времени, утверждал: «Декорации представляют редкое совершенство; для них был выписан из Италии специальный живописец; во время моего пребывания он написал несколько декораций так хорошо, что превзошел все ожидания. Большие балеты Лепика ставятся, хотя и стоят дорого»[504]. Удивительно, но после отстранения Ле Пика от должности при Павле I он продолжал служить на императорской сцене как танцовщик, хотя на то время ему исполнилось 55 лет.

Кроме профессионального театра, в Зимнем дворце активно действовал и театр любительский. Состав его участников, естественно, не был постоянным, но претендентов на главные роли всегда находилось в избытке. Подчеркнем: любительская сцена в период правления Екатерины II становится распространенной и привычной формой досуга русской аристократии. Как и маскарады, любительские постановки позволяли уйти из мира жестко регламентированного придворного этикета в более естественную домашнюю атмосферу.

Любительские спектакли с активным участием окружения Екатерины II ставились на двух «площадках» огромной резиденции – на сцене Эрмитажного театра и в залах Малого Эрмитажа. Со временем помещение Эрмитажного театра стало одной из площадок, где проходили знаменитые екатерининские «Эрмитажи». По свидетельству современника, «Эрмитажи были трех родов, большие, средние и малые. К большим съезжались все именитыя особы обоего пола, все иностранные министры; давался или Русской, или Французской, или Итальянской спектакль, и самые первейшие таланты, виртуозы представали. Сарти, Чимароза, Паезиелло, Мартини управляли капелиею. Виотти, Пуньани, Диц, Лолли, Жарновик, Михель отличались в искусстве тонов. Габриели, Тоди, Маркези, Мажорлетти были для пения. Пик, Росси, Сантини, Канциани – для пантомимов. Волков, Дмитревский, Шумский, Троепольская, Крутицкий, Черников, Сандунов, Гюс, Лесаж, Офрен, Флоридор, Бурде, Дельпи, Фастье – для драматическаго искусства.

Средние Эрмитажи[505] отличались от тех меньшим только количеством людей. Одни пользующееся особенным ея благоволением в оные собирались.

Малые Эрмитажи[506] составлялись из Царской фамилии, придворнаго, дежурнаго штата, самых коротких Императрице особ, и походили на дружеское, простое общество. Иногда при спектакле четыре только отличных музыканта сидели в оркестре, Диц с скрыпкою, Дельфини с виолончелем, Кардон с арфою и Ванжура за фортопианами. После театра, тот малый круг гостей не наблюдал никаких уже околичностей, делал что хотел, как дома, и занимался забавами, однако ж с предписанными правилами, которыя, равно положенныя с проступившихся взыскания, означались на прибитой тут доске»[507].

Д. Г. Левицкий. Портрет Е. И. Нелидовой. 1773 г.

Д. Г. Левицкий. Портрет Н. С. Борщовой. 1776 г.

Периодически на любительской сцене времен Екатерины II блистали настоящие звезды. К ним, несомненно, относилась Е. И. Нелидова, о сценическом таланте которой, упоминает множество мемуаристов. Например, в 1773 г. в камер-фурьерском журнале отмечалась постановка оперы «La serva padrona» («Служанка-госпожа») Дж. Б. Перголези, где роль Серпины исполняла Е. И. Нелидова, а роль Уберто – Н. С. Борщова.

Впрочем, Е. И. Нелидова не была единственной звездой на любительской сцене. А. И. Рибопьер упоминает, что «на средних Эрмитажах бывало не более 50 или 60 приглашенных. Играли в разные игры, в которых принимала иногда участие сама Государыня, окончив партию в карты. Почти всегда вечер начинался театральным представлением, иногда играли любители. Так, я видел княгиню Дитрихштейн в роли Люцинды в Оракуле с графинею Ростопчиной в роли Charmant. Другой раз представляли Ифигению в Авлиде: граф Вильегорский

представлял Агамемнона, жена его Клитемнестру, граф Петр Андреевич Шувалов Ахилла, Тутолмин Улисса, П. И. Мятлева Ифигению, а княгиня Дитрихштейн Эрифилу»[508].

После смерти Екатерины II, по указанию Павла I, Эрмитажный театр закрыли. Через год представления возобновили, но из театрального зала Павел Петрович повелел убрать медальоны с профилями французских просветителей и «сомнительного» А. П. Сумарокова. Особенности придворного церемониала распространили и на посещение театра, которое строго регламентировали. Амфитеатр разделили на половины для дам и кавалеров, дамы должны были приходить лишь в «русских платьях», стоячие места предназначались для камер-юнкеров. Появились двери, соединившие театр с новыми казармами.

Попутно заметим, что в период непродолжительной жизни императора Павла I в стенах Зимнего дворца в нем разыгрывались совершенно иные «любительские спектакли», связанные с увлечением императора символикой мальтийского рыцарского ордена.

После смерти Павла I и возвращения императорской семьи в Зимний дворец театральные постановки на сцене Эрмитажного театра возобновились.

Интенсивность оперных и театральных постановок в Эрмитажном театре во многом зависела от хозяев Зимнего дворца. Например, при Александре I спектакли в Эрмитажном театре давали по три раза в неделю. Гости Эрмитажного театра с удовольствием слушали и смотрели оперы, водевили и балеты. Обязательными стали воскресные театральные вечера. Мемуарист, описывая события 1818 г. в Зимнем дворце, вспоминал: «В театре Эрмитажа нет лож, поэтому вся императорская фамилия, равно высшие сановники и иностранные послы, всегда занимали кресла на пространстве между оркестром и скамьями, возвышающимися в виде амфитеатра; камер-пажи стояли по ступеням лестницы, разделяющей амфитеатр и ведущей к вышесказанному пространству»[509].

Фрейлина В. Туркестанова так описывала обычный «стандарт» придворных театральных постановок (29 января 1815 г.): «Впрочем, эти придворные спектакли очень удобны; собираются к 7 часам, государыня выходит через полчаса, немного поговорят и прямо направляются в залу; а по окончании тотчас ужин. В четверть двенадцатого вечер кончен, а может быть, по желанию начинается где-нибудь в другом месте; я, само собой разумеется, направляюсь прямо в постель»[510].

Фойе Эрмитажного театра. Проект Л. Бенуа

В конце жизни Александра I эта традиция постепенно утрачивается. Более того, в течение трех лет (с 1823 по 1826 г.) театр использовался как военный плац, что привело к многочисленным утратам в декоре театра. Например, почти полностью уничтожен плафон.

Позже, при Николае I, традиционные эрмитажные спектакли возобновились, правда, уже в несколько ином формате. После того как в Петербурге появились «специализированные»[511] императорские театры, значение Эрмитажного театра снижается. Со второй четверти XIX в. спектакли в Эрмитажном театре, как правило, давались только в период больших зимних балов. Репертуар театра в это время определялся как некая «сборная солянка», включавшая балетные, оперные и драматические номера. Подобный формат театральных постановок существовал и при последующих царствованиях.

Когда в Зимнем дворце поселился Николай II, Эрмитажный театр привели в порядок. В 1894 г. провели реставрацию. В 1902 г. архитектор Л. Н. Бенуа оформил театральное фойе в стиле рококо. Спектакли на сцене Эрмитажного театра стали назначаться регулярно.

Директор Императорских театров В. А. Теляковский описывает порядок подготовки театрального действа следующим образом: «За несколько дней до назначения в Эрмитажном театре спектакля посылались приглашенным именные, ненумерованные билеты. Места разбирались приглашенными по своему

усмотрению, причем скамейки первых рядов занимались по преимуществу дамами, а верхние – мужчинами. Всего было шесть рядов скамеек. Позади скамеек оставался еще довольно широкий проход вокруг всего полукруга амфитеатра, на котором помещались отдельные легкие золоченые стулья, в два ряда. Тут места занимала молодежь, а если приглашенных было очень много, приходилось некоторым и стоять…

Спектакли начинались обыкновенно в 9 часов вечера и имели два-три антракта. Давались: один акт – оперный, один – драматический и один – балетный. В редких случаях давали одно целое произведение, преимущественно – драматическое. Оперы и балеты целиком не ставились. Оркестр играл придворный со своим капельмейстером, и только балетный акт дирижировал балетный капельмейстер Дриго…»[512].

На представительские спектакли в Эрмитажный театр приглашалась избранная публика. Например, на спектакль 24 января 1903 г. – «Особы Императорской Фамилии; Начальники иностранных посольств и миссий; Статс-дамы; Камер-фрейлины[513]; Гофмейстрины; Фрейлины Государынь Императриц; Фрейлины Их Высочеств; Дамы; Начальницы институтов; Девицы[514]; Члены Государственного совета[515]; Товарищи министров; Почетные опекуны; Генерал адъютанты; Свиты Его Величества генерал-майоры; Флигель-адъютанты; Кавалеры Дворов Их Высочеств, Государя Наследника; Адъютанты, в том числе великих князей; Шталмейстеры; Первые чины Двора (Обер-гофмейстер, Обер-гофмаршал, Обер-шенк); Вторые чины Двора; Директор Императорских театров (В. А. Теляковский); Камергеры; Камер-юнкеры; Генералы от инфантерии; Генералы от кавалерии; Действительные Тайные Советники[516]; Генерал-лейтенанты; Вице-адмиралы; Генерал-майоры; художник М. Зичи; Губернаторы; Начальники отдельных частей гвардии»[517].

В итоге приглашения разослали 405 лицам, хотя Эрмитажный театр вмещал, по свидетельству В. А. Теляковского, порядка 300 человек. Отказались от приглашения 80 человек. Явилось на спектакль 310 человек. Остались на ужин после спектакля 293 человека. В повестках указывалась «форма одежды», как для дам, так и для кавалеров: «Дамы в длинных вырезных платьях, кавалеры в обыкновенной форме в мундирах» должны были подъезжать к подъезду «бывшего Государственного совета с набережной».

Спектакли Эрмитажного театра сезона 1903 г.

1903 г.	Приглашено (чел.)	Отказалось (чел.)	Имеют быть	Вошли	Кушали
24 янв.	405	80	310	–	293
31 янв.	398	52	346	329	321
11 февр.	416	91	325	–	–

При Николае II на спектаклях в Эрмитажном театре в присутствии членов императорской фамилии заранее четко планировалась рассадка «ключевых зрителей». Например, судя по схеме рассадки «перед сценой в Эрмитажном театре», прямо перед сценой сидели: «… справа – северо-американский постол, испанский посол, германский, австро-венгерский, великобританский, итальянский и турецкий». В центре – великая княгиня Мария Павловна, Государь Наследник[518], императрица Мария Федоровна, Николай II, императрица Александра Федоровна, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна. В левой части партера сидели великая княгиня Мария Георгиевна, великий князь Алексей Алексеевич, великая княгиня Ксения Александровна, великий князь Сергей Александрович, великий князь Михаил Николаевич, великий князь Борис Владимирович и великий князь Андрей Владимирович. Полукругом перед амфитеатром сидели (в центре) великий князь Николай Николаевич, великий князь Константин Константинович, супруга германского посла, супруга великобританского посла, супруга австро-венгерского посла, великий князь Дмитрий Константинович и великий князь Георгий Михайлович[519]. Остальная приглашенная публика, как пишет В. А. Теляковский, рассаживалась произвольно в амфитеатре.

Поскольку постановки в Эрмитажном театре носили парадный (представительский) характер, то периодически случались накладки, ведь артисты не только волновались в связи с ответственным мероприятием, но и сцена для многих из них была «не обжита». По свидетельству В. А. Теляковского, «на эрмитажных спектаклях менее всего смущались французские артисты. Им безразлично было играть в Михайловском театре или в Эрмитажном. Спектакли эти они очень любили и находили их „весьма занимательными и забавными“».

Иногда репертуар постановок в Эрмитажном театре, при всей забюрократизированности, вызывал критические оценки со стороны публики. Директор Императорских театров В. А. Теляковский свидетельствует, что, когда в Эрмитажном театре поставили «Горе от ума» и «Волки и овцы», многие из зрителей усмотрели в канонических текстах нежелательные аналогии: «Некоторые придворные находили, что „Горе от ума“

не подходит к придворному спектаклю, ибо там высмеивается двор: „Был высочайшею пожалован улыбкой, изволили смеяться“, „Кто слышит при дворе приветливое слово? Максим Петрович!“ и т. д. Слова эти в устах артиста, игравшего Фамусова, считали неподходящими на сцене Эрмитажного театра.

Про „Волки и овцы“ Островского, замечательно хорошо разыгранные артистами Малого театра на Эрмитажном театре в 1913 году, говорили, что пьеса и исполнение ее вульгарно и не подходит к придворному театру. Подобных мнений высказывалось немало»[520]. Тем не менее на сцене Эрмитажного театра традиционно выступали лучшие артисты. Так, на рубеже XIX – начала XX вв. на сцене театра блистали Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, М. Ф. Кшесинская, А. П. Павлова, А. Я. Ваганова.

Любопытно, что на спектакле 7 февраля 1903 г. публику развлекали в антрактах номерами в исполнении Венского юмористического квартета. На это «низкопробное действо» потребовалось «высочайшее соизволение»[521].

А. Я. Головин. Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Бориса Годунова. 1912 г.

Традиционно Эрмитажный театр предоставлял свою сцену не только профессионалам, но и любителям. В. А. Теляковский вспоминал: «Кроме спектаклей, на которых играли артисты, бывали также в высочайшем присутствии во дворцах спектакли, в которых исполнителями являлись любители, иногда и великие князья и княгини. Так, например, в Эрмитажном театре в 1890 году была поставлена драма А. Толстого „Борис Годунов“. Участие в ней принимали великие князья и светские любители»[522].

Сцена Эрмитажного театра предоставлялась и таким профессионалам, как С. П. Дягилев. Как известно, Николай II субсидировал «русские сезоны в Париже». С разрешения

императора Дягилев использовал главную дворцовую сцену для подготовки декораций к опере «Борис Годунов». В документе (12 января 1908 г.) указывается, что «дворянину С. П. Дягилеву» предоставляется «сцена театра при Императорском Эрмитаже для исполнения декоративных работ по постановке оперы „Борис Годунов“ на сцене Парижского театра „Grand Opera“, при условии принятия мер охраны и надзора за производством означенных работ». При этом подчеркивалось, что Дягилев обязан немедленно прекратить все работы и освободить «помещения названного театра в случае приезда Высочайшего двора в Санкт-Петербург»[523].

В 1899 г. в Мраморном дворце состоялся любительский спектакль «Трагедия о принце Гамлете» в переводе великого князя Константина Константиновича. Он же играл главную роль в спектакле, подготовленном офицерами «Измайловского досуга». Режиссура спектакля принадлежала знаменитому артисту Александринского театра В. Н. Давыдову.

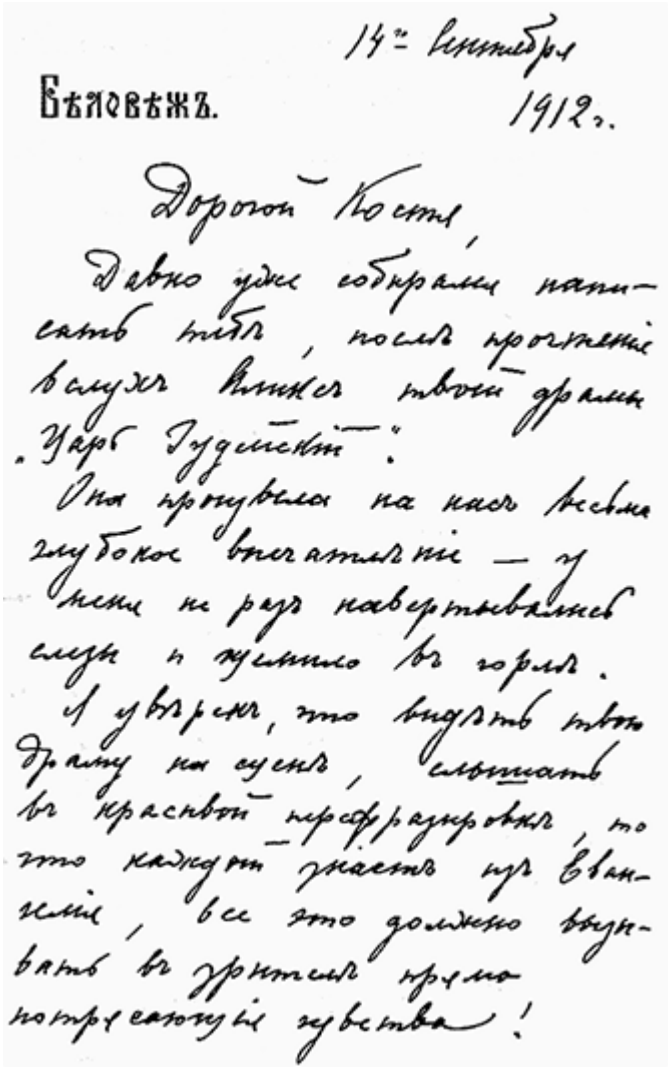
Великий князь Константин Константинович в роли Гамлета. 1899 г.

Через несколько дней, по личному распоряжению Николая II, пожелавшего показать этот спектакль своей семье, «Гамлет» повторили в Эрмитажном театре в декорациях Александринского театра. Современник упоминает: «Эрмитажный Императорский театр в Зимнем Дворце, даже во внешнем виде, был своего рода уникум: кресла в нем были только для Царского Семейства, все же остальные зрители сидели на амфитеатром поднимавшихся ступенях, обитых оранжевым плюшем с серебряной отделкой – это было и красиво, и интимно. Все места были ненумерованные».

В 1914 г. много шуму в светском Петербурге наделала постановка пьесы «Царь Иудейский», автором которой был великий князь Константин Константинович Романов. В. А. Теляковский упоминает: «Позднее шла в Эрмитаже пьеса К. Р.[524] „Царь Иудейский“, также исполнявшаяся великими князьями, любителями и артистами». Подготовка постановки началась в конце сентября 1913 г., когда капитан лейб-гвардии Измайловского полка П. В. Данильченко[525] вступил в

переговоры с руководством Гофмаршальской части. Немного ранее великий князь Константин Константинович обратился к Николаю II с просьбой поставить пьесу на сцене одного из придворных театров. Вскоре последовал ответ, что «двери Эрмитажного и Китайского Театров для „Измайловского Досуга“ всегда открыты». Сначала предполагалось поставить драму в Китайском театре Царского Села, а Эрмитажный театр использовать как репетиционную площадку.

Эмблема «Измайловского досуга»


14-го сентября
Бѣловѣжъ. 1912 г.

Дорогой Костя,

Давно уже собирались написать тебѣ, послѣ прочтенія вслухъ вашихъ твоихъ драмъ „Царь Іудейскій".

Онѣ произвели на насъ весьма глубокое впечатлѣніе — у меня не разъ навертывались слезы и щекотало въ горлѣ.

Я увѣренъ, что видѣть твою драму на сценѣ, слышать въ красивой декламаціи, то что каждый знаетъ изъ Евангелій, все это должно вызывать въ зрителѣ самыя потрясающія чувства!

Письмо Николая II к великому князю Константину Константиновичу. 14 сентября 1912 г.

Поскольку все здания императорской резиденции находились под особой охраной, то всем участникам репетиций от «Измайловского досуга» выдали специальные удостоверения и расписание репетиций. Всего предполагалось провести 14 репетиций, они продолжались «с 2 часов дня и до 5 часов вечера».

Великий князь Константин Константинович в роли Иосифа Аримафейского

Вот некоторые фрагменты из репетиционного расписания: 4 октября – только декорационная репетиция (30–50 офицеров и 50 рабочих нижних чинов); 12 ноября – костюмная репетиция без реплик и музыкальная репетиция; 14 ноября – костюмная репетиция с репликами и статистами; 19 ноября – общая репетиция в костюмах (прогон 1-го и 2-го действий); 29 ноября – генеральный прогон всей пьесы в костюмах (100 чел. офицерских чинов и 200 чел. рабочих нижних чинов); 3 декабря – генеральная репетиция[526].

Спектакль получился такого масштаба, что «Измайловскому

досугу» изначально не хватало средств на ее постановку. Недостаточно было и личных средств (7000 руб.) великого князя Константина Константиновича. В результате Николай II распорядился взять все расходы по постановке «Царя Иудейского» на Кабинет Его Величества. В постановке принял участие Придворный оркестр. Декорации для спектакля написал художник П. К. Степанов, костюмы шились в костюмерной мастерской Императорских театров по эскизам художника Н. А. Клименко. В результате постановка «Царя Иудейского» обошлась в 43 000 руб.

В конце октября 1913 г. принято предварительное решение, что премьера «Царя Иудейского», намеченная на 23 января 1914 г., состоится на сцене Эрмитажного театра. Причиной тому послужила заявленная «ненадежность сцены в Китайском театре». О размахе постановки говорит не только число участников репетиций, но и участие придворного оркестра (80 чел.) и «хора музыки» Измайловского полка (40 чел.). Попутно решались и хозяйственные вопросы. Всех участников репетиций кормили за счет Дворцового ведомства («чай с булкой и по большому бутерброду на каждого» – для нижних чинов Измайловского полка)[527].

Окончательно с местом проведения премьеры определились к середине ноября 1913 г., когда в Гофмаршальскую часть сообщили, что «Его Императорское Величество Государь Император соизволил разрешить поставить спектакль „Измайловскому досугу“ драму „Царь Иудейский“ не в Царскосельском Китайском театре, а в Эрмитажном театре»[528].

Накануне премьеры провели дополнительные репетиции, продолжавшиеся с 8 часов вечера и до 2 часов ночи. Генеральную репетицию провели 12 января 1914 г. Впоследствии П. В. Данильченко вспоминал, что «на этих девяти репетициях перебывал весь светский и культурный Петербург, все те, кто только имел возможность получить пригласительные билеты, число которых было ограничено и которые выдавались членами Досуга с большим разбором».

В этом спектакле великий князь Константин Константинович играл одну из главных ролей – Иосифа Аримафейского. Его сыновья, великие князья Константин (офицер лейб-гвардии Измайловского полка) и Игорь (камер-паж), играли перфекта когорты и поселянина Руфа. Всего в спектакле приняли участие 66 офицеров Измайловского полка.

Премьера состоялась на сцене Императорского Эрмитажного театра в присутствии Николая II и 26 членов императорской фамилии. Мемуарист отмечает: «Этот спектакль вышел далеко за

пределы обычных товарищеских встреч и постановок „Досуга“; именно с этого дня „Измайловский Досуг“ стал известен всему культурному Петербургу и даже много шире: спектакль был повторен для представителей русской и иностранной прессы, а вслед затем для членов Императорской Академии наук… Восторженные отзывы о спектакле появились не только в крупнейших газетах Петербурга и Москвы, но и в парижских, берлинских и лондонских, не скупившихся на похвалы как самой драме, так и ее исполнителям. Достаточно сказать, что „Царь Иудейский“ был сразу же переведен на 10 иностранных языков».

На самого императора «Царь Иудейский» произвел громадное впечатление. Если верить мемуаристу, то он говорил после спектакля: «Сколько раз я присутствовал в церкви на богослужениях Страстной Недели, но никогда не переживал Страстей Господних, как сегодня в театре. Мне приходилось сильно сдерживать себя, чтобы не расплакаться»[529]. Зная сдержанность императора, это очень высокая оценка пьесы.

Надо заметить, что творческий коллектив Императорских театров представлял собой настоящий «террариум» (традиции сохраняются и поныне – например, в Большом театре), в котором огромное значение предавалось монаршим знакам внимания. Об этом наглядно свидетельствует «Совершенно доверительное письмо» великого князя Сергея Александровича к министру Императорского двора В. Б. Фредериксу, написанное в день начала официальных торжеств, связанных с 300-летием Дома Романовых, 22 февраля 1913 г. Конечно, письмо напрямую не связано с Эрмитажным театром, но балерины, о которых идет речь, блистали и на его сцене.

Приведем фрагменты из письма: «Глубокоуважаемый Барон. Пишу вам совершенно конфиденциально и прошу вас, чтобы оно осталось между нами и никто о нем бы не знал». Далее речь идет о М. Ф. Кшесинской: «Вы, между прочим, говорили ей, что не следует уходить со сцены… и остаться еще служить искусству. Все последние года она выполняла весь репертуар на своих плечах до полного изнурения сил, и Государь почти никогда не бывал в балете. В этом сезоне, когда был бенефис кардебалета и было первое представление в новой обстановке „Конька-Горбунка“, а также последний выход Матильды Феликсовны, Государя в театре не было. Теперь же, начиная с января, он уже несколько раз был в балете. Такое явление совершенно ясно показало как ей, так и всей публике, что за причины такой перемены… то, что было 19 лет тому назад[530], должно давно быть предано забвению и никому на свете нет до этого дела… Все время проявляется особая благосклонность к другой артистке,

Павловой, которая заменила Кшесинскую. В первый же спектакль Павлова была приглашена в царскую ложу и удостоилась милостивого разговора с царем. В последний спектакль произошел небывалый в жизни театра факт. Этот день совпал с именинами Павловой, и Государь прислал ей в уборную коробку конфект. Кшесинская даже за 20-ти летнюю службу в ложу не позвали… она прежде всего артистка, и про частную жизнь ея никогда дела нет. Конечно, вы скажете, что это все мелочи. Но вы знаете, что всякая мелочь, исходящая от царя… извращается в страшной… А тут Павлова, которая только фиктивно служит 14 лет, т. к. из них около 5 лет треплется по заграничным сценам, ко дню Романовского юбилея награждается особой милостью[531]. Разве это справедливо. Все эти дни Матильда Феликсовна проводит в страшных душевных мучениях»[532].

Таким образом, сценическая площадка Эрмитажного театра на протяжении имперского периода играла разную роль. Если при Екатерине II Эрмитажный театр являлся одной из главных сцен столицы, то в XIX в. он превращается в место для проведения сборных концертов, на которые приглашались лучшие исполнители. Однако в этот период, скованный цепями жесткого придворного этикета, Эрмитажный театр не мог конкурировать с лучшими репертуарными театрами Санкт-Петербурга. Впрочем, такой задачи и не стояло, поскольку со времен Екатерины II этот театр не имел собственной труппы, представляя собой только почетную сцену для отечественных и заезжих знаменитостей.

Музыка в зимнем дворце

Музыка в исполнении, как профессиональных музыкантов, так и любителей, среди которых были первые лица и Империи, звучала в Зимнем дворце всегда. Например, первый хозяин дворца – Петр III Федорович – прекрасно играл на скрипке. Или, по крайней мере, любил играть, поскольку, видимо, совершенно не случайно в горячие дни переворота 1762 г. просил свою супругу, императрицу Екатерину Алексеевну, оставить ему «Лизку[533], трубку и скрипку». Впрочем, в разных источниках перечень меняется, но скрипка присутствует всегда. Этот взбалмошный внук Петра I, который очень недолго прожил в Зимнем дворце, так и остался в его памяти потомков нелепым мужчиной со скрипкой в руках:

А пока – одинокий и хлипкий, —
Завершая свой жизненный круг,
Император играет на скрипке, —
Государство уходит из рук.

(А. Городницкий. Петр III. 1987 г.)

В отличие от своего мужа, Екатерина II не любила лично музицировать, хотя как всякая аристократка могла наиграть пару мелодий на клавикордах. Императрице, как упоминалось выше, была ближе роль музыкального продюсера.

Однако при воспитании внуков Александра и Константина Екатерина II уделила должное внимание их музыкальному образованию. В результате Александр I научился играть на скрипке и кларнете. Он столь любил домашнее музицирование, что императрица Мария Федоровна даже упрекала его за чрезмерное пристрастие. На упрек император резонно возражал, говоря, что он не любит карточную игру. Его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, часто играла в своем Угловом кабинете Зимнего дворца на арфе, гитаре или фортепиано.

Жан Лоран Монье. Императрица Елизавета Алексеевна. 1807 г.

Домашнее музицирование во второй половине XVIII в. становится одним из стандартов дворянского быта. В дворянских семьях девочкам в обязательном порядке давалось музыкальное образование. Повзрослев, эти девочки создавали у себя дома музыкальные салоны, способствуя развитию русской музыкальной культуры.

В силу традиций и положения гостиные российских императриц становились такими музыкальными салонами, где играли как заезжие, так и отечественные исполнители и композиторы. Один из подобных музыкальных салонов в первой четверти XIX в. располагался на втором этаже северо-западного

ризалита, в покоях императрицы Елизаветы Алексеевны.

Елизавета Алексеевна получила прекрасное музыкальное образование в детские и юношеские годы и, приехав в Россию, продолжала совершенствоваться. Она брала уроки у Дж. Сарти[534], обучавшего музыке дочерей Павла I. О занятиях со своим учителем в стенах Зимнего дворца императрица упоминает в письмах к своей матери: «Наконец, 3 раза в неделю по понедельникам, средам и пятницам, является Сарти, учитель музыки»[535].

Елизавета Алексеевна постоянно выступала в качестве певицы на любительских концертах в Малом Эрмитаже. В одном из писем к матери (31 марта 1794 г.) она пишет: «Третьего дня состоялся очень милый концерт любителей в Эрмитаже. Участвовали только трое настоящих музыкантов, кроме моего учителя, который являлся капельмейстером; весь оркестр состоял из любителей. Я много пела, сначала трио с мадемуазель Шуваловой и графом Кобенцелем[536] – венским посланником. Затем, после большого перерыва, я спела сольную арию и еще дуэт с графиней Головиной»[537].

Императрица Елизавета Алексеевна. После 1801 г.

В свою очередь, графиня В. Н. Головина неоднократно упоминает в мемуарах о совместном музицировании с императрицей Елизаветой Алексеевной: «Великая княгиня и я, мы были первыми певицами. У нее был нежный красивый голос, и ее слушали с восторгом. Мы пели с ней вместе дуэты, так как в наших голосах было много схожего… На следующий день Великая княгиня написала мне, чтобы я пришла к ней к одиннадцати часам, желая прорепетировать дуэт, который мы должны были спеть на следующем концерте». Высоко ценила вокальный талант юной Елизаветы Алексеевны и императрица Екатерина II: «Это настоящая Сирена, великая княгиня Елизавета, ея голос идет прямо к сердцу, и мое сердце она совсем пленила».

Одним из любимых инструментов Елизаветы Алексеевны была арфа. На известной картине Ж. Кюгельхельна она изображена в центре семьи Павла I, играющей на арфе. Обучал великую княгиню игре на арфе состоявший при Дворе Екатерины II известный французский музыкант Ж. Б. Кардон. Возможно, Елизавета Алексеевна играла и на шестиструнной гитаре. Совершенно неслучайно, что сегодня в зале № 185, бывшей Диванной Елизаветы Алексеевны, находятся музыкальные инструменты, включая арфу.

При Николае I музыкальное образование становится обязательным для всех императорских детей. Они присутствовали на концертах выдающихся исполнителей в гостиных Зимнего дворца. Поэтому музыкальные инструменты, выставленные сегодня в некоторых залах Зимнего дворца, имеют свою историю.

Семья императора Павла I

Музыка являлась одним из важнейших «каналов», по которым

шло знакомство «узников Зимнего дворца» с русской национальной культурой. Николай I активно использовал этот «канал» для того, чтобы привить своим детям любовь к русской музыке. Например, в 1832 г. для старшей дочери императора – 13-летней великой княжны Марии Николаевны – «на щет Комнатной суммы куплено собрание нот г. Бартнянского у вдовы его за 378 руб.»[538].

Знакомство с творческим наследием одного из основателей классической русской музыкальной традиции не прошло даром. Великая княгиня Ольга Николаевна упоминает, как во время продолжительного переезда в декабре 1837 г. из Москвы в Петербург они, закутанные в шубы, в валенках, «засунутые» в меховые мешки, «весь день напролет пели каноны и русские песни»[539].

Великая княгиня Ольга Николаевна, вспоминая свои детские годы, упоминает, что зимой 1837 г. «у нас в Петербурге был брат Мама, дядя Карл. Он научил меня и Мэри играть на рояле вальсы Лайнера и Штрауса в венском темпе, он же пригласил, по желанию Мама, оркестр гвардейской кавалерии, чтобы научить их тому же… Однажды он пригласил офицеров и трубачей одного полка к себе в Зимний дворец без разрешения командира или одного из старших офицеров и выбрал как раз шесть лучших танцоров, которых можно было встретить во всех гостиных. Конечно, это были только молодые люди из лучших семей, и в Берлине никогда никому и в голову бы не пришло возмутиться из-за этого. Но в глазах дяди Михаила это было преступлением. Дядя Карл пригласил и Мама, которая появилась у него, чтобы также протанцевать несколько туров. Как только она появилась, трубачи заиграли вальс, дядя пригласил Мама, Мэри и молодые фрейлины с офицерами также закружились, все были в самом веселом настроении, как вдруг открылась дверь и появился Папа, за ним – дядя Михаил. Все кончилось очень печально, и этого конца не могли отвратить даже обычные шутки дяди Карла»[540]. Кстати, среди танцоров, вальсировавших в Зимнем дворце, был и кавалергард Жорж Шарль Дантес.

Главными площадками для камерных музыкальных вечеров на личных половинах императорской семьи служили парадные гостиные императриц, где собиралась избранная публика. Как правило, в качестве гонорара музыкантам дарили бриллиантовые перстни из ювелирных запасов Кабинета Е. И. В. Например, в 1854 г. такой перстень подарили «артисту Рубинштейну за игру на фортепиано»[541]. А в 1860 г. бриллиантовый перстень получил «капельмейстер Штраус за игру во время танцевального вечера»[542].

Учителя музыки малолетних великих княжон и князей, годами работавшие в Зимнем дворце, подбирались тщательно. Например, с 1860 по 1868 г. учительницей музыки младших детей Александра II работала Марфа Степановна Сабинина.

Марфа Степановна Сабинина родилась в Копенгагене 30 мая 1831 г. в семье протоирея русского посольства С. К. Сабинина. Всего в семье росло 12 детей, и Марфа была пятым ребенком[543]. Талант к музыке у девочки прорезался очень рано. В 4 года она по часу в день играла гаммы, а в 9 лет – аранжировки Листа. В 1837 г. С. К. Сабинина перевели в Веймар духовником великой княгини Марии Павловны. Там Марфа брала уроки музыки у различных профессоров. К этому времени у нее обозначился хороший голос. В 12 лет юная музыкантша становится членом музыкального кружка, основанного великой княгиней Марией Павловной.

М. С. Сабинина

Прекрасный голос обеспечил Сабининой место в благотворительных хорах, управляемых Ф. Листом и Г. Берлиозом. С 17-летнего возраста на протяжении десятилетия она совершенствовала фортепианную технику под руководством Ф. Листа, проживавшего в то время в Веймаре.

Придворная карьера М. С. Сабининой началась при Веймарском дворе, куда ее пригласили в качестве учительницы музыки к двум дочерям великого герцога Веймарского. Более того, великая княгиня Мария Павловна обратилась к юной музыкантше с просьбой править ее музыкальные экзерсисы.

В 1857 г. М. Сабинина впервые поехала в Россию как профессиональная гастролирующая пианистка. В Москве она с аншлагами давала концерты в зале Дворянского собрания. Публика валила валом, желая послушать непревзойденную русскую пианистку, ученицу знаменитого Листа. В Петербурге она с огромным успехом дала три концерта.

В марте 1857 г. М. Сабинину пригласили в Зимний дворец, на половину императрицы Марии Александровны. Инициатором приглашения стала воспитательница великой княжны Марии Александровны А. Ф. Тютчева[544]. Встреча произошла в Золотой гостиной, где стоял открытый рояль фирмы Лихтенталь[545]. Как вспоминала М. С. Сабинина, разговор шел на немецком языке. Собеседницы проговорили около часа «о всем возможном… позже мне стало ясно: это был своего рода экзамен, сделанный мне Ее Величеством ввиду будущего призвания моего на службу к великой княгине Марии Александровне»[546]. Затем императрица Мария Александровна попросила сыграть Мендельсона и Шопена: «Во время игры вошел Император в полной парадной форме. Я встала от рояля, но Его Величество просил меня продолжать и сел возле Императрицы. Еще просили сыграть мотивы из опер Моцарта, Вебера и Вагнера»[547].

Смотрины оказались удачными, и в 1860 г. М. С. Сабинину пригласили в Зимний дворец в качестве учительницы музыки семилетней великой княжны Марии Александровны. Одновременно М. Сабинина учила фортепианной игре малолетнего великого князя Сергея Александровича и пению юного великого князя Алексея Александровича.[548] Попутно отметим и то, что дядя М. С. Сабининой, протоирей И. В. Рождественский, состоял духовником детей Александра II.

Условия контракта с М. С. Сабининой были следующие: жалованье 1000 руб. в год, деньги выплачивались в конце каждого месяца. Учительнице музыки предоставлялась квартира во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца с прислугой. В качестве

оплаты питания М. С. Сабининой отпускалось летом 3 руб. 50 коп. и зимой 2 руб. 50 коп. серебром. Через 8 лет службы учительнице назначалась пенсия 500 руб. в год, а начальная «педагогическая нагрузка» учительницы составляла всего 1 урок в день. Впоследствии, по мере взросления великой княжны, нагрузку предполагалось увеличить до двух уроков в день «и сверх этого наблюдать и за поведением Ее Высочества»[549]. Условия контракта императрица Мария Александровна утвердила 22 октября 1860 г.

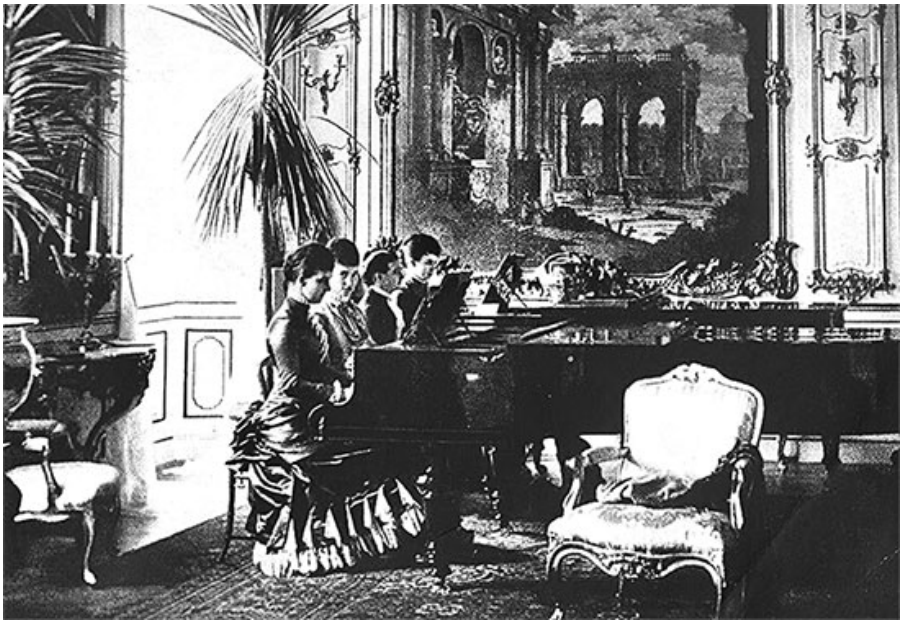
Марфа Сабинина «пришлась ко двору», о чем свидетельствует то, что уже 31 октября 1860 г. императрица стала выплачивать пианистке по 500 руб. «добавочных» из своих средств. Поладила М. С. Сабинина и с А. Ф. Тютчевой, которая сделала ее с весны 1862 г. своей помощницей: «Ваше Императорское Величество изволили согласиться на предложение мое, дабы девица Сабинина, кроме уроков музыки с Великой Княжной, находилась еще ежедневно при Ея Величестве некоторое время по моему назначению».[550] За расширение «зоны обслуживания» Сабинину уравняли «в отпусках стола» с камер-фрау Е. Тизенгаузен (до 900 руб. в год), предоставив ей еще и придворный экипаж с парою лошадей.

В. Вегнер. Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. 1870-е гг.

С начала 1862 г. М. С. Сабинина начала преподавать игру на фортепиано великому князю Алексею Александровичу (3 руб. серебром из «собственной суммы» великого князя за получасовой урок «без права на пенсию по окончании занятий»). В результате к началу 1864 г., жалованье учительницы музыки составило 3474 руб. в год, с казенной квартирой во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца. Последним учеником М. С. Сабининой в стенах Зимнего дворца с сентября 1866 г. стал великий князь Сергей Александрович. В мае 1868 г. М. С. Сабинина вместе со своей подругой фрейлиной М. П. Фредерикс покинула Зимний дворец.

Если обратиться к «музыкальной повседневности» в Зимнем дворце, необходимо заглянуть в камер-фурьерские журналы, в них подробнейшим образом фиксировалась официальная жизнь императорской семьи. Откроем камер-фурьерский журнал за март-апрель 1879 г.: 11 марта состоялся концерт в Корабельной комнате; 22 марта – концерт в Белом зале испанских виртуозов «на мандолинах»; 2 марта в Белом зале состоялся концерт «из особ любителей, в котором участвовал и Государь Наследник. Во время концерта Их Величества кушали чай с гостями в Золотой гостиной. Для особ играющих чай в Белом зале на 4 круглых столах и подчивали с рук. Для них же приготовлен ужин на 10 персон. От входа с пикетов в Белом зале постилался большой ковер, на котором ставились 70 пюпитров»[551]. Это – один из концертов «Общества любителей духовной музыки», основанного цесаревичем в 1872 г.[552]

Оркестр великого князя Александра Александровича. 1870-е гг.



Цесаревна Мария Федоровна. Игра в четыре руки. Дания. 1870-е гг.

Как видно из приведенной ниже программы концерта, репертуар «Общества» был очень широк. Так, в программе в первом отделении значились: Преображенский марш; Увертюра из оперы «Итальянка в Алжире» Дж. Россини; «Taumereien» Шумана; Романс и кортеж из оперы «Гугеноты» Дж. Мейербера; «Дагмар-полька» Лумби.

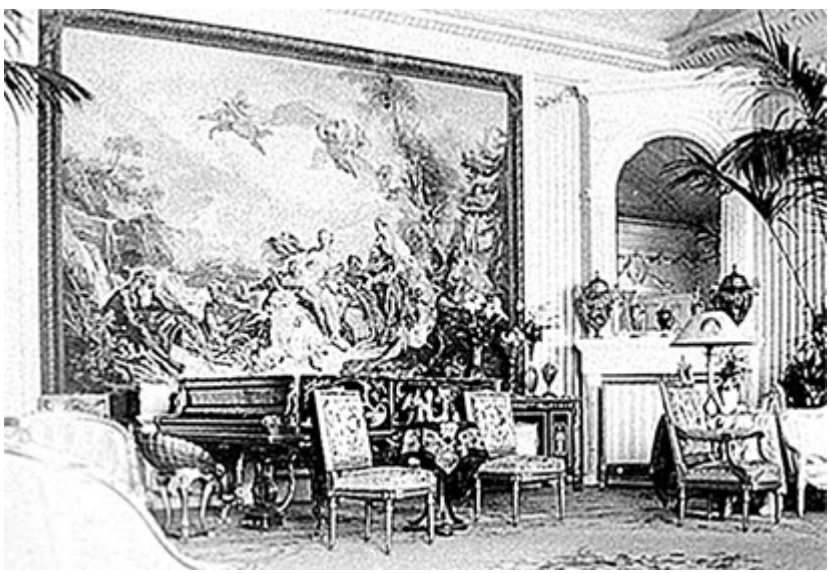
Во втором отделении в Белом зале Зимнего дворца звучали: «Рущук» (марш Оршевского); попурри из оперы «Аида» Дж. Верди; религиозная музыка Перголези («Largo religioso») и Хертеля (Johann Wilhelm Hertel «Serensde»); вальс Штрауса «Kunstler Leben».

В третьем отделении прозвучали: мелодия из оперы «Лоэнгрин» Вагнера; «Херувимская» Д. С. Бортнянского; каватина из оперы «Оберон» Вебера; «Suomis-Song» композитора Paccius и «Ваза-марш» Гюбнера[553].

Когда Александр III стал императором, и у его детей появились свои учителя музыки. Так, до 1902 г. великого князя Михаила Александровича обучали игре на скрипке (скрипач Курнакович), флейте (флейтист Семенов, оба музыканта служили в Придворном оркестре) и рояле (профессор Консерватории титулярный советник Ляпунов[554]). У императрицы Марии Федоровны учителей музыки в России не было, поскольку ее «датская подготовка» позволяла свободно музицировать.

Супруга Николая II прекрасно играла на рояле, но тем не

менее считала необходимым некоторое время брать уроки у профессора Консерватории по классу фортепиано Р. В. Кюндингера[555]. Отметим также, что когда молодая семья начала обставлять свою квартиру в Зимнем дворце, то из комнат Николая II в Аничковом дворце в Зимний дворец перевезли пианино фабрики Беккера (распоряжение о доставке 13 марта 1896 г.). После того, как летом 1896 г. Николай II с супругой посетили XVI Всероссийскую промышленно-художественную выставку в Нижнем Новгороде, в Зимний дворец доставили черное пианино «художественной работы» в стиле Людовика XVI фирмы «Эберга» и рояль фирмы «Беккер». А в 1898 г. Николай II подарил супруге большой рояль фирмы «Шредер», украшенный ста фигурами с изображением сцен из мифа об Орфее, выполненных художником Э. К. Липгартом (тот несколько лет исполнял обязанности главного хранителя картинной галереи Эрмитажа)[556]. Именно этот рояль занял почетное место в Серебряной гостиной (№ 186) на половине императрицы Александры Федоровны.



Рояль фирмы «Шредер» в Серебряной гостиной императрицы Александры Федоровны

Рояль фирмы «Шредер», принадлежавший императрице Александре Федоровне. Современное фото

Императрица Александра Федоровна музицирует

Александра Федоровна не только хорошо играла на фортепиано, но и обладала, по свидетельству А. А. Вырубовой, «чудесным контральто». Периодически супруги музицировали, играя в четыре руки на рояле (запись от 19 марта 1896 г.).

В конце 1902 г. императрица Александра Федоровна сочла необходимым обратиться к начальнику Придворного оркестра генерал-майору барону К. К. Штакельбергу[557] с просьбой подыскать ей учителя пения. Судя по всему, императрице предложили несколько кандидатур, и, как писал барон, «выбор Ея Величества остановился на профессоре Санкт-Петербургской Консерватории Наталии Александровне Ирецкой[558]. Государыня Императрица предположила брать уроки ежедневно от 10 до 11, каковые уже начались 9 сего января»[559].

Естественно, встал вопрос об оплате уроков в Зимнем дворце. При ее определении придворные службы изучили имеющиеся прецеденты. В результате собранных справок выяснилось, что профессорам Консерватории платили по 10 руб. за урок, поэтому в резолюции значилось: «Ирецкой платить как профессору».

Однако уважаемый профессор с «копеечной» оплатой не согласилась[560]. Поскольку такое случалось редко, мы позволим себе остановиться на этих «торгах в Зимнем дворце» поподробнее.

Профессор Н. А. Ирецкая сообщила чиновникам, что уже давно берет с «частных лиц за уроки пения у себя на дому по 15 руб. за урок». Но Ирецкой надо было давать уроки не у себя дома, а в Зимнем дворце. И хотя ранее «Государыня Императрица повелеть соизволила за время уроков в Санкт-Петербурге уплатить как назначено по 10 руб. за час»[561], она поменяла свое решение. Поэтому на записке Н. А. Ирецкой, в которой она писала, что «с 9 января по 8 марта я имела честь преподать Ея Величеству в городе сорок один (41) урок. Профессор Санкт-Петербургской Консерватории Н. Ирецкая. 15 марта 1903 г.», появилась резолюция «начертанная собственноручно», – «выдать 615 руб.», то есть по 15 руб. за урок, как и просила профессор. Единственная уступка Ирецкой – согласие получать по 15 руб. за урок и вне Санкт-Петербурга.

Расписки профессора Н. А. Ирецкой детально отражают картину интенсивности музыкальных занятий императрицы Александры Федоровны и ее близких (см. таблицу):

Дата	Место проведения	Кол-во уроков	Стоимость (руб.)	Кому
9 января — 8 марта 1903 г.	Зимний дворец	41	615-00 (по 15-00)	Александра Федоровна
14 марта — 30 мая 1903 г.	Царское Село	5	231-00 (по 29-00)	Александра Федоровна
30 мая — 6 июня 1903 г.	Петергоф	3		

Дата	Место проведения	Кол-во уроков	Стоимость (руб.)	Кому
25 февраля — 24 апреля 1906 г.	Царское Село	15	405-00 (по 27-00)	Александра Федоровна
1 мая — 7 июня 1906 г.	Петергоф	12	384-00 (по 32-00)	Александра Федоровна
21 октября — 21 февраля 1907 г.	Петергоф Царское Село	4 16	560-00 (по 28-00)	Александра Федоровна
30 октября, 2 и 6 ноября 1908 г.	Царское Село	3	81-00 (по 27-00)	Александра Федоровна
31 января — 24 марта 1914 г.	Царское Село	15	405-00 (по 27-00)	Великие княжны Ольга и Татьяна
Июнь 1914 г.	Петергоф	4	128-00 (по 32-00)	Великие княжны Ольга и Татьяна
22 января — 3 мая 1916 г.	Царское Село	18	486-00 (по 26-00)	Великой княжне Ольге
20, 24 мая, 1, 4, 8 ноября 1916 г.	Царское Село	5	145-00	Великой княжне Ольге

Последнее уведомление об оплате проф. Н. А. Ирецкая получила незадолго до падения самодержавия – 3 января 1917 г.

Игра в бильярд

Игру в бильярд, в числе прочего, завез в Россию из Голландии Петр I, и она быстро распространилась в аристократической среде. В него сразу же стали играть и мужчины, и женщины, последние моментально оценили всю прелесть этой игры в платьях с глубоким декольте. После смерти Петра I обучение игре на бильярде Верховный тайный совет включил в курс наук юного Петра II.

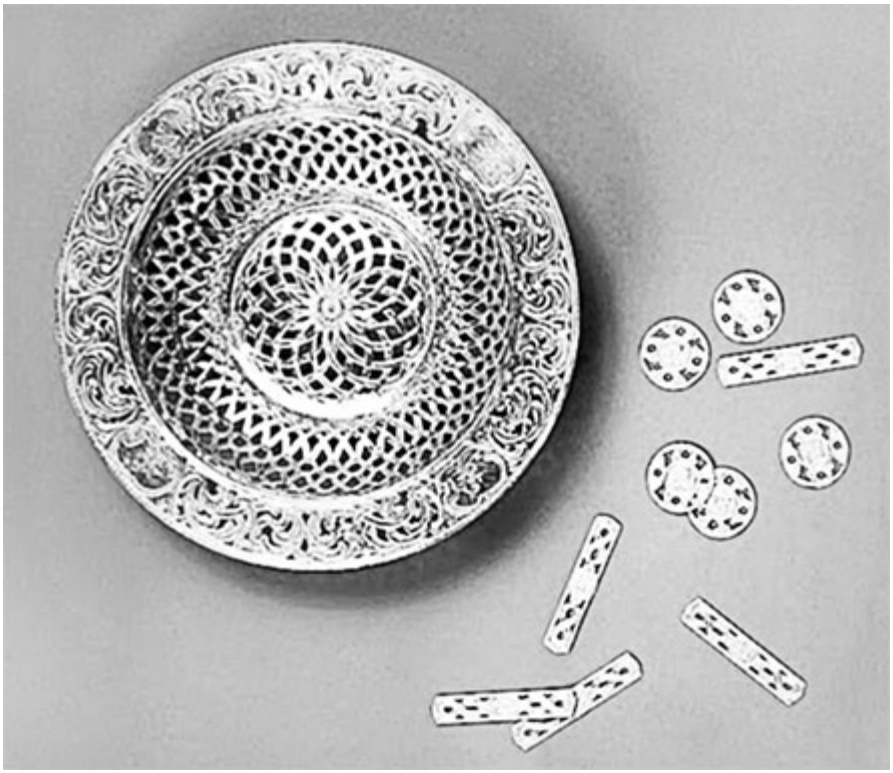
Играла на бильярде и Екатерина II. Когда весной 1763 г. она переехала в Зимний дворец, то среди прочего в ее комнатах появился и бильярдный стол. Об этом свидетельствует счет от 16 марта 1763 г. «О заплате столярному мастеру Будт за сделанной в Каменной дворец биллиард с принадлежностями – 456 р.»[562]. В конце 1764 г. тот же мастер изготовил для императорской резиденции еще один бильярдный стол: «О заплате столярному мастеру Воде за зделанный билиарт и мазы» (25 ноября 1764 г.) [563]. Видимо, одного стола стало не хватать…

В поденных записях за 1765 г. учитель маленького великого князя Павла Петровича – С. А. Порошин, упоминает, что мальчик уже в 10 лет почти ежедневно играл в Зимнем дворце на половине матери на бильярде: «в бильярд с Талызиным»; «после учения в бильярд играл» и т. д. В тех же записках упоминается и Екатерина II, которая «в бильярдной в карты играла».

Судя по мимолетным упоминаниям мемуаристов, императрица играла на бильярде и в преклонных летах. Тогда бильярдный стол находился в надворной галерее Большого Эрмитажа, где императрица предавалась своим увлечениям: резала печати и камеи, играла с гостями в бильярд. Например, графиня В. Н. Головина, описывая события начала 1790-х гг., упоминает, что Екатерина II играла на бильярде с лицами из своего ближайшего окружения.

Луи Леопольд Буальи. Игра на бильярде. 1807 г.

Игра на бильярде



Тарелка прорезная и десять фишек для карточной игры (золото; чеканка, гравировка, полировка. Диаметр тарелки 19,3 см, размер фишек 5,4 × 2,6 см)

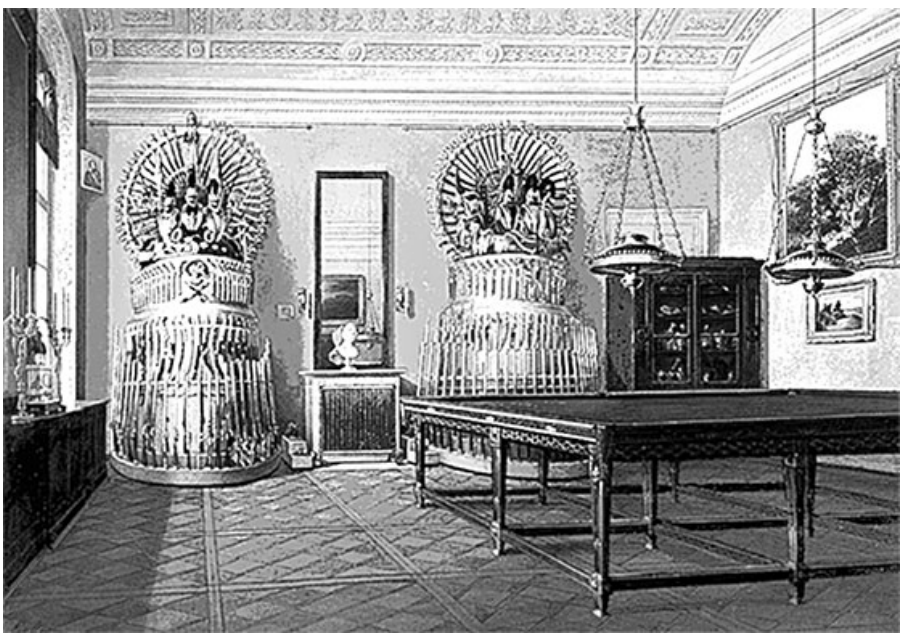
Попутно упомянем, что, кроме бильярда, в стенах Зимнего дворца играли и в другие игры. Так, в 1768 г. мастер Иван Мейснер изготовил для императрицы для игры в карты прорезную золотую тарелку с золотыми же фишками разной формы. В кабинетных документах указывается: «Из принятого от Кабинета Ея Императорского Величества золотых дел мастером Мейснером апреля 11 числа сего 1768 г. золота сделано для комнаты Ея Величества к Редерсной игре марон сезною – работою, 16 – продолговатых, 3 четвероугольных, 8 круглых и того 27. За работу оных Марон надлежит получить 200 р.»[564]. Эти золотые вещи по сей день хранятся в Государственном Эрмитаже, только из 27 жетонов осталось всего пять «продолговатых» было (16) и пять круглых (было 8).

Упомянем и о том, что императрица сочла возможным в 1770 г. позволить устанавливать в трактирах и на постоялых дворах «для увеселения приходящих» бильярдные столы.

Поточное производство бильярдных столов в России началось в 1849 г. на фабрике А. Фрейберга, он начал использовать в

качестве рабочего поля стола не доски, а аспидную плиту (натуральный сланец-ардезит). По его лекалам резались лузы[565] на всех бильярдных фабриках России. Именно фрейберговские бильярдные столы с начала 1850-х гг. и вплоть до 1917 г. стояли в бильярдных комнатах Зимнего дворца.

Качество бильярдных столов фабрики А. Фрейберга отмечалось большими серебряными и золотыми медалями на крупнейших российских и международных промышленных выставках: Мануфактурной выставке в С.-Петербурге (1861 г.); Международной выставке в Лондоне (1862 г.); Мануфактурной выставке в Москве (1865 г.); Всероссийской выставке в С.-Петербурге (1870 г.).



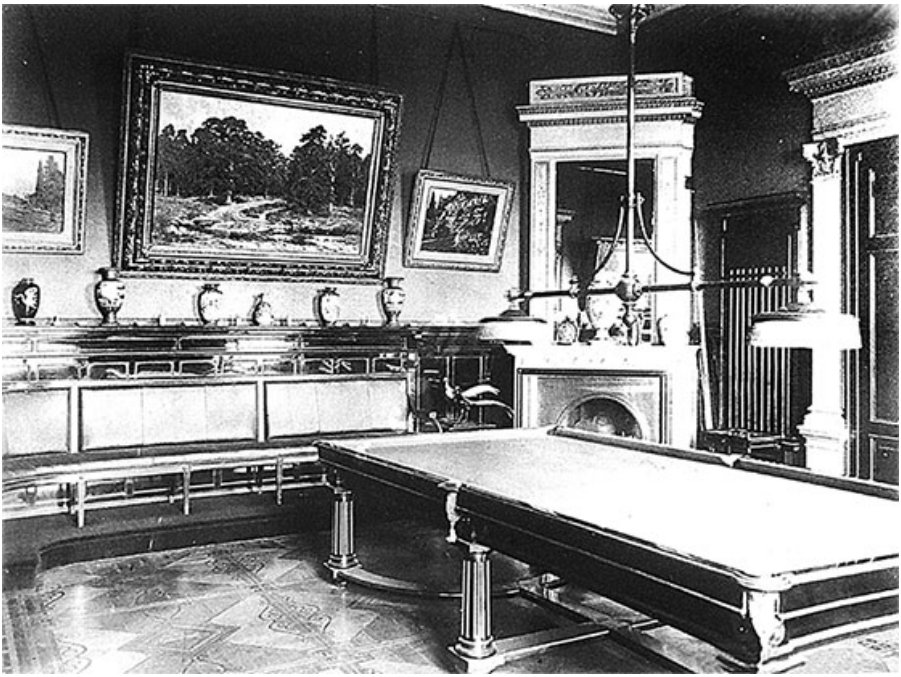
Э. П. Гау. Бильярдная комната Александра II. Сер. XIX в.

В 1876 г. «биллиардный фабрикант С.-Петербургский 2-й гильдии купец» А. Фрейберг обратился к министру Императорского двора А. В. Адлербергу с прошением о даровании ему звания придворного поставщика. В прошении А. Фрейберг коротко изложил историю поставок своей фабрики «для Его Императорского Величества дворцов с 1850 года»: «В 1855 г. по приказанию Ея Императорского Величества Государыни Императрицы мною сделан маленький биллиард для Его Императорского Величества Государя Наследника Николая Александровича. В 1862 г., тоже по приказанию Ея Императорского Величества Государыни Императрицы, сделан

мною большой изящный биллиард для Его Высочества Государя Наследника Николая Александровича…». Из этого текста прямо следует, что бильярд входил в «общеобразовательную» подготовку 13-летнего наследника-цесаревича, за которой пристально следила императрица Мария Александровна. Когда цесаревичу исполнилось 19 лет, императрица Мария Александровна заказала новый бильярдный стол «по росту» цесаревича.

А. Фрейберг также указывает, что им «сделаны биллиарды и произведены ремонты таковых во дворцах Государя Наследника Александра Александровича, Его Высочества Великого Князя Николая Николаевича, Великого Князя Константина Николаевича, Великого Князя Михаила Николаевича, Великого Князя Владимира Александровича, Великой Княгини Марии Николаевны» и т. д. Таким образом, вся мужская половина Романовых квалифицированно играла на бильярде.

Король Дании Христиан IX, император Александр III и принц Уэльский за игрой в бильярд



Бильярдная комната Николая II в Зимнем дворце

Подставка для киев

По подсчетам А. Фрейберга, им за период с 1851 по 1875 гг. изготовлено и отреставрировано более 30 бильярдных столов, установленных в Зимнем и Царскосельском дворцах, а также в Ропше, Лисине, Красном Селе, в Аничковом дворце и др.

Заведующий Зимним дворцом генерал-майор А. П. Дельсаль в июне 1877 г. уточнил, что «в Императорском Зимнем Дворце находится всего один биллиард, на половине Государя Императора, записанный в описные книги комнатного имущества, при составлении оных в 1859 г. Биллиард этот работы Фрейберга, и, по его объяснению, будто бы оный обновлен был им в апреле месяце 1859 г. и поставлены тогда новые пирамидные и карамбольные шары, и затем обновлен еще в ноябре 1871 г., а счет подан переплетчиком Мартенсом. По делу значится, что 19 декабря 1871 г. уплачено было переплетных дел мастеру Мартенсу, по счету его, за наклейку казенного сукна и бархата на разные столы и сукна на биллиард 91 руб. и в этом счете относительно биллиарда объяснено так: „Биллиард в комнате Его

Величества обстроган и выверен и сукно натянуто и мешки новые, за все 38 руб.“».[566] В результате переписки А. Фрейберг искомого звания поставщика Императорского двора не удостоился.

Судя по всему, речь идет о бильярдной комнате Александра II, располагавшейся на третьем этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца. По описи, составленной в марте 1894 г., в этой «биллиардной комнате» находилось следующее имущество: «Шкафы библиотечные, биллиард мозаичной работы из разных дерев, на 12-ти усечено-пирамидальных ножках с проножками, украшенный бронзовыми кронштейнами, поддерживающими капители. Биллиард о б лузах с деревянною доскою с натянутым на ней зеленым сукном (длина 5 арш. 5 верш., ширина 2 арш. 11,5 верш.); Станок для киев и биллиардных машинок красного дерева на колонке… к нему: машинка 1, киев 12, мазик 1, крючок 1; К столу – шаров слоновой кости битых – 21, треугольник орехового дерева 1; Стол 4-угольный красного дерева, для биллиардной игры на 4 прямых ножках, с 1 ящиком. На крышке стола прикреплена грифельная доска и на крышке же приделан ящик красного дерева для принадлежностей игры»[567]. Кроме этого, в бильярдной императора имелись 2 стола, диван, 12 стульев, камин, плевательница, каминный станок красного дерева, термометр внутренний и наружный, ваза, канделябры и часы. Эту бильярдную уничтожили в 1903 г., когда на ее месте по распоряжению царя оборудовали квартиры для прислуги царской семьи.

Когда в 1896 г. в Зимнем дворце поселился Николай II, для него на втором этаже северо-западного ризалита, за Готической библиотекой, оборудовали «обязательную» бильярдную комнату, которой он по прямому назначению пользовался не очень часто, предпочитая принимать там представляющихся.

Глава 4. Организация охраны зимнего дворца в различные периоды его истории

1762–1861 годы

По традиции, сложившейся со времен Петра I, императорские резиденции в Петербурге и его пригородах охраняли гвардейские полки. Каждый день караул того или иного полка заступал на охрану резиденции, получая от монарха пароль.

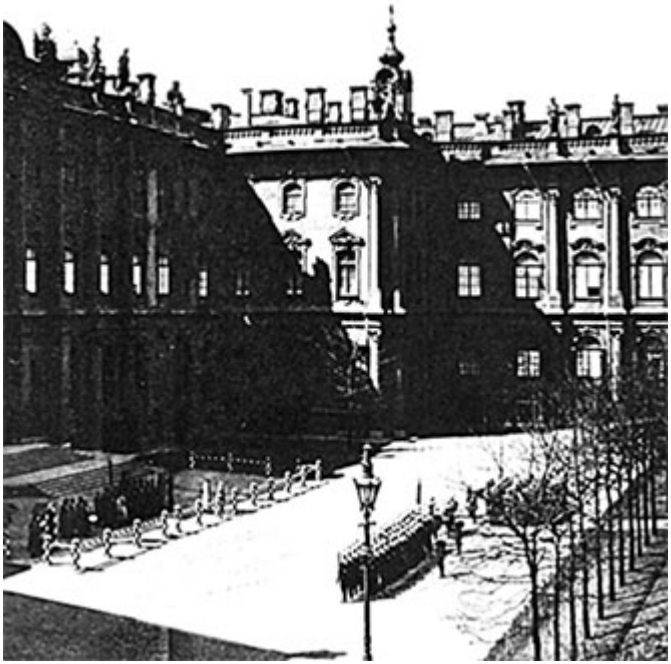
И то была не пустая предосторожность. Вторая четверть XVIII в. получила название эпохи дворцовых переворотов, поскольку тогда хватало от трех десятков до трех сотен гвардейцев для начала нового царствования. В это время, когда продолжительность царствования монарха была непредсказуема, охране первых лиц уделялось особое внимание. Впрочем, и плотная охрана не спасала монархов, чья политика шла вразрез с интересами дворянства или придворных группировок.

Но так или иначе, к моменту переезда Петра III в Зимний дворец система охраны первого лица уже сложилась. На первом этаже резиденции западного фасада, выходящего на Большой двор, располагалось помещение гауптвахты. С другой стороны западного фасада – Разводная площадка. Количество нижних чинов, заступавших в дворцовый караул, менялось в зависимости от ситуации. Например, в 1870-х гг. в караул по Зимнему дворцу ежедневно заступало 110 нижних чинов.

А. Гебенс. Смена часового лейб-гвардии Гренадерского полка. 1850 г.

А. Гебенс. Офицеры и нижние чины Гвардейского экипажа на набережной Невы у Зимнего дворца. 1853 г.

Развод караула на Большом дворе Зимнего дворца. 1900-е гг.



Кроме внешних постов караулов, имелись и внутренние посты, которые доверялись тем же гвардейцам. На ночь караулы обязательно выставлялись у дверей спальни монарха и под его окнами снаружи. Впрочем, убийство Павла I наглядно показало,

насколько легко проходятся такие заслоны…

Охрана Зимнего дворца караулами от гвардейских полков была стандартной и входила в некие правила игры, привычные как монархам, так и самим гвардейцам. Любые попытки ограничить традиционные вольности гвардии жестко пресекались самими же гвардейцами, активнейшим образом поддерживавшими тех кандидатов на трон, которые давали понять, что сохранят традиционный порядок вещей.

Например, так сложилось в короткое правление Петра III Федоровича, вознамерившегося выдвинуть гвардейские полки против Дании, а затем распустить гвардию, заменив старые полки лично преданной ему голштинской гвардией. Поэтому главной опорой Екатерины II во время переворота 1762 г. стали офицеры старой гвардии во главе с братьями Орловыми.

Л. К. Пфандцельт. Портрет великого князя Петра III Федоровича. 1757 г.

Б. Виллевальде. Рядовой лейб-гвардии Павловского полка. 1848 г.

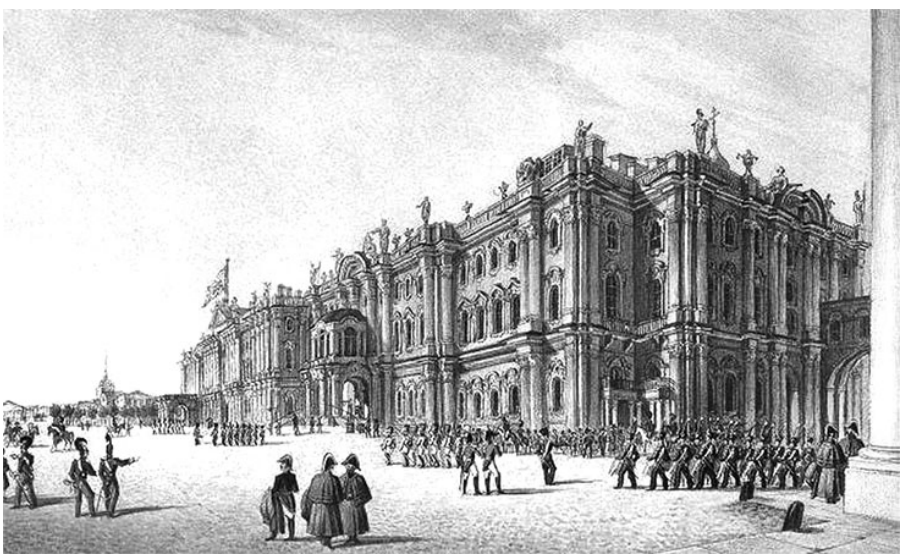
Когда весной 1763 г. Екатерина II переехала в свои покои в «каменном Зимнем дворце», ее занимало множество проблем, главными из них были заботы, связанные с уверенным перехватом рычагов власти. В рабочей суете императрицу продолжал в немалой степени беспокоить вопрос о собственной безопасности. И это не было пустым беспокойством. Иван VI Антонович еще сидел в камере Шлиссельбургской крепости, а остальные дети Анны Леопольдовны продолжали жить в доме-тюрьме в Холмогорах. Поэтому вопрос в записке императрицы, обращенный к обер-полицмейстеру Петербурга: «Как зовут придворнаго истопника и в которой комнате?»[568], возник не на пустом месте.

Такое внимание к безопасности на бытовом уровне в стенах самого Зимнего дворца не случайность. Слишком памятен для самой императрицы был июньский переворот 1762 г. Поэтому она

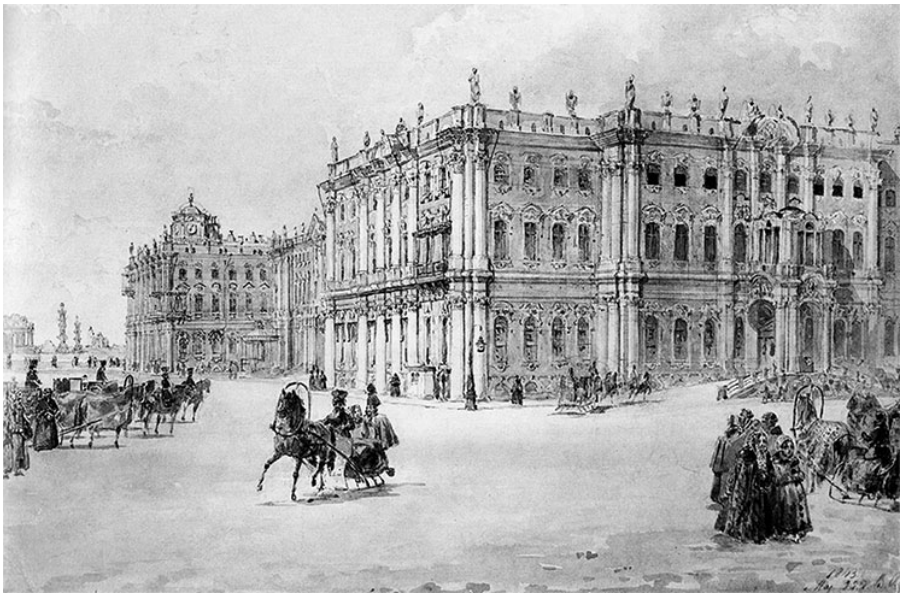
как умная женщина поневоле принимала во внимание любые мелочи. Так, однажды «услышала она дикий, громкий, неизвестно откуда происходящий голос: потушите, потушите огонь! Нечаянность во время еще ночной темноты испугала бы всякого другого, но Екатерина не встревожилась в уединении. – Кто там кричит? – вопросила она. – Я трубочист, отозвался голос сквозь трубу. – А с кем ты говоришь? – Знаю, что с Государыней, – отвечал он: – погасите только огонь поскорее; мне горячо. Екатерина после такой чудной аудиенции залила тотчас дрова и, приметя, что труба была от самого верха прямая, приказала для предосторожности сделать в ней решетку». Предосторожность эта была связана с возможностью оказаться в покоях самой императрицы, спустившись с крыши по дымовому каналу[569].

В. Эриксен. Портрет Екатерины II в мундире Преображенского полка. 1778 г.

Смена караула на Большом дворе Зимнего дворца всегда выглядела ярким, до деталей отработанным зрелищем. Подрастающие внуки Екатерины II, Александр и Константин, с удовольствием наблюдали эти военные экзерсисы. Бабушка же была против подобной «милитаризации воспитательного процесса». В результате появилось указание императрицы воспитателю великих князей Н. И. Салтыкову: «Понеже все касательно службы, наипаче же военной, не есть и быть не может и не должно детскою игрушкою; целым же караулом и то еще императорского величества дворца дитя тешить есть дело неудобное; равномерно неуместно в суровой погоде держать без нужды офицер и солдат излишнее время под ружьем: и того для прикажите, чтоб когда великие князья, во время смены караула, смотрят в окошек, то, отдав им приличной почести, караул безостановочно продолжал сменяться; командиром же запретите людей излишне держать в то время под ружьем или во фрунте. Буде же дитя заплачет или попросить, то чтоб сказали, что бабушка не приказала»[570].



Зимний дворец со стороны Миллионной улицы



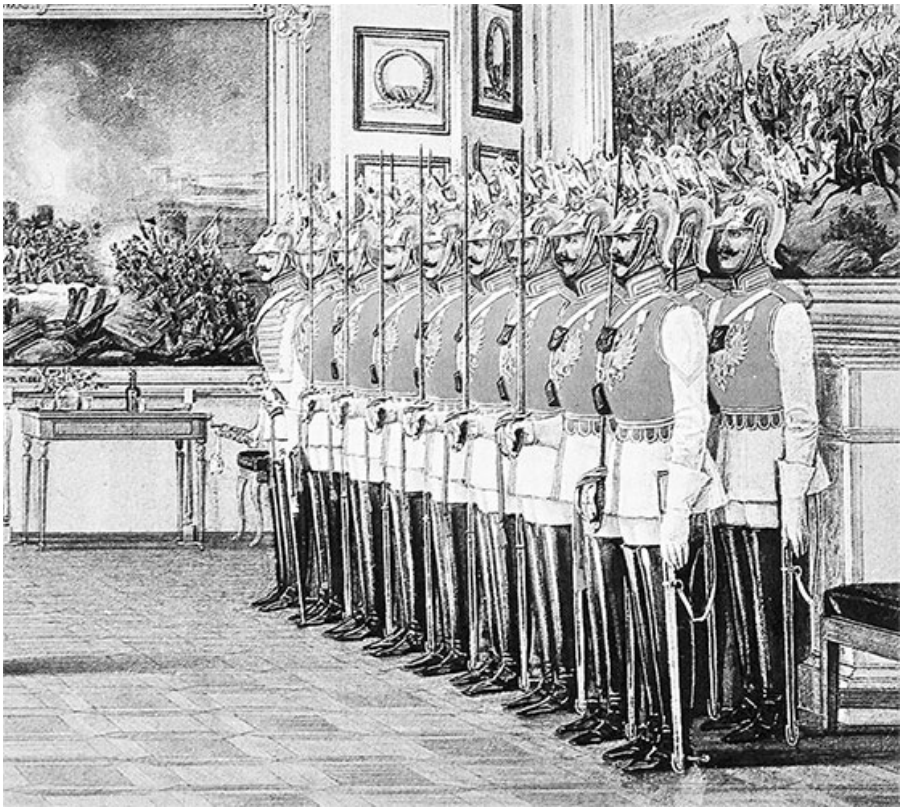
В. С. Садовников. Зимний дворец со стороны Адмиралтейства. 1843 г.

О расположении постов в Зимнем дворце при Екатерине II можно узнать из мимолетных упоминаний европейских путешественников, оказавшихся в резиденции и самым пристальным образом оценивавших уровень охраны императорской резиденции: «Итак, около половины двенадцатого мы поехали во дворец. Бесчисленные, великолепные экипажи стояли уже длинными рядами перед дворцом, другие еще только подъезжали к нему. Державшие караул гвардейцы не опросили меня, кто я такой, так как мой товарищ был сам гвардейским офицером. Мы и прошли мимо караульных и у входа, и у лестниц, как внизу, так и на верху, до часовых у приемной залы, которых выбирают из гвардейских унтер-офицеров. В армейских полках они имеют чин фендрихов, но чаще чин подпрапорщиков или прапорщиков. Часовые у приемной залы спросили меня, кто я такой. Мой спутник ответил: „Кавалер, немец“, а затем пояснил мне, что этою вынужденною ложью избавляет меня от дальнейших опросов»[571].

Эпизод примечателен главным образом тем, что при всей имеющейся охране рядовой гвардейский офицер без особых проблем провел незнакомца в самое сердце Зимнего дворца. Мемуарист упомянул, по крайней мере, о четырех поясах охраны: на входе, внизу и вверху Иорданской лестницы и у приемной императрицы. Только у дверей приемной, куда выходила императрица, часовой ненавязчиво поинтересовался личностью незнакомца. Да и то небрежный ответ гвардейского офицера

решил все проблемы. Собственно, такие стереотипы поведения и обусловливали относительную «техническую легкость» дворцовых переворотов XVIII в.

На этого «кавалера, немца» огромное впечатление произвели кавалергарды, традиционно несшие караульную службу у самых жилых покоев Екатерины II: «Упомянутые кавалергарды состоят только из одной роты, которой шефом сама Монархиня. Они служат только в комнатах Государыни, то есть на придворных аудиенциях, в танцевальных залах и пр., где она находится постоянно, или перед комнатами и спальнею. Некоторые кавалергарды редкого роста, и между рядовыми все дворяне. Мундир, или, вернее, верхний колет, голубой с красными обшлагами: последних почти не видно, первых мало ради серебряного шитья и серебряных блях. На груди и на спине они носят крепкие серебряные латы-кирасы, в виде больших звезд, на которых в изящной отделке золотой Русский двуглавый орел; рукава и штаны с серебряным галуном. На сапогах выделяется серебряный ремень в три пальца ширины до самой ноги. Над коленом и под ним, а также у щиколотки, спускаются в три пальца серебряные бляхи через колена и ноги. Шпоры, ремень к ним цепочка из того же металла. Таким образом, все тело как бы покрывается серебряной кольчугой. На голове в греческом вкусе серебром украшенный шлем, украшенный прекрасными страусовыми перьями, белыми, красными и черными»[572].



Э. П. Гау. Караул лейб-гвардии Конного полка в Зимнем дворце. 1866 г. Фрагмент

Фактически об этом же писал и П. И. Сумароков[573], служивший в молодые годы в лейб-гвардии Преображенском полку: «Ряды кавалергардов с серебряными латами, с выкованными также из серебра бляхами на руках, богатыми перевязями, лядунками, с развивающимися на касках перьями, стояли по обеим сторонам; между их находились дамы в белых Русских платьях, сияющия драгоценными камнями, а в самой глубине теряющагося от глаз проспекта возседала на троне Екатерина»[574].

Трудно сказать, насколько действенна была подобная охрана, поскольку из описания следует, что главное внимание у такой охраны уделялось не практическим боевым навыкам (их гвардия ко времени правления Екатерины II во многом растеряла), но прежде всего репрезентативности.

Рядовой лейб-гвардии Конного полка в Зимнем дворце

Для благодушия имелись основания. Дворянство удовлетворяла внутренняя и внешняя политика императрицы. Внуки этих дворян ностальгически и совершенно обоснованно называли время правления Екатерины «золотым веком русского дворянства». Гвардия, занятая исключительно караульной службой и редкими представительскими парадами, утратила реальные боевые качества, но гвардейцев такая служба, сопряженная с возможностью попасть «в случай», то есть оказаться в спальне императрицы, вполне удовлетворяла.

Конечно, не следует думать, что прагматичная императрица пренебрегала вопросами собственной безопасности. Стратегические просчеты Петра III она помнила всегда. Поэтому в период политического обострения, вызванного восстанием Пугачева, Екатерина II очень внимательно относилась к сообщениям о возможном покушении на ее жизнь. Так, 22 мая 1774 г. Екатерина II писала Г. Потемкину: «Пожалуй спроси и

прочти доклада Казанской тайной комиссии, которого сего утра я возвратила Князю Вяземскому, также и мое к Ген[ерал]-Проку[рору] письмо о сем деле. Je crois que la montagne accouchera d'une souris [Я думаю, что гора родила мышь – *фр.*]. Однако есть ли где сих шалунов отыскать должно, то чаю здесь в Царском Селе. А то ни где не опасны. А приметы их при сем посылаю. Один бешеный колодник показывает, что они от господина Пугачева отправлены меня с сыном и невесткою убить».

При Павле I вопросам охраны главной императорской резиденции уделялось самое серьезное внимание. От изменения названия резиденции (Зимний замок) до караульных будок и шлагбаумов, фирменных павловских цветов. Кроме этого, Павел I включил во все гвардейские полки, несшие караульную службу в Зимнем замке, лично преданные ему части, сформированные в Гатчине. Правда, это не спасло императора, преданного сыном и ближайшим окружением и убитом в окруженном рвами Михайловском замке.

Убийство Павла I в Михайловском замке в марте 1801 г.

Александр I на прогулке

Александр I вернул в Зимний дворец все порядки и нравы своей бабушки. И вновь на главной гауптвахте ежедневно заступали дворцовые караулы. Без всякой охраны ежедневно он гулял по «большому императорскому кругу». Граф В. А. Соллогуб писал: «В час пополудни он выходил из Зимнего дворца, следовал по Дворцовой набережной, у Прачешного моста поворачивал по Фонтанке до Аничкова моста… Затем государь возвращался к себе Невским проспектом. Прогулка повторялась каждый день и называлась le tour Imperial. Какая бы ни была погода, государь шел в одном сюртуке с серебряными эполетами и в треугольной шляпе с султаном, надетой набекрень».

Александр I после гибели своего отца отчетливо представлял, что никакие караулы или рвы с подъемными мостами не спасут императора, если он своей внешней и внутренней политикой не

будет выражать интересы большей части русского дворянства.

Ежедневно меняющиеся караулы гвардейских полков охраняли Зимний дворец вплоть до 1826 г. Однако выступление гвардейских офицеров 14 декабря 1825 г. заставило пересмотреть устоявшуюся схему охраны Зимнего дворца. Тем более что в ходе следствия всем членам императорской фамилии стало известно о том, что декабристы вознамерились истребить всех Романовых.

Императрица Мария Федоровна писала об этом в марте 1826 г., когда в Комендантском доме Петропавловской крепости шло следствие по делу декабристов: «Мой сын рассказал нам также, что был допрошен некий Поджио, который сознался и сообщил, как должно было произойти истребление нашей семьи; что касается его самого, то он предложил обе свои руки, чтобы обратить их против Николая, – решили, однако, что необходимо шесть… Великий Боже, какая [*нрзб.*] какие люди! И только кончина нашего Ангела предотвратила гибель нашей семьи и государства; иначе бы кровь полилась ручьями! Как это наводит на размышление! Во всем виден перст Божий, но пути Его неисповедимы»[575].

17 марта 1826 г. Николай I рассказал матери, что «Каховский, который содержится в крепости, сознался, что 13-го вечером Рылеев побуждал его отправиться на другой день во дворец в форме гренадерского конвойного офицера, чтобы убить в коридоре Николая, и что для этого он должен был переодеться и надеть гренадерский мундир; он отказался и сказал им, что хотя они начали ранее его, но он хочет умереть с ними, и он действительно явился на площадь. Какой ужас! Это заставляет содрогаться, тем более что, замышляя убийство, они говорили о нем со спокойствием и хладнокровием, на которые способны лишь развратные натуры! Да будет милостив к нему Господь!»[576].

Исходя из материалов следствия, у Николая I появились все основания усилить охрану Зимнего дворца проверенными ветеранами гвардейских полков. 2 октября 1827 г. Николай I подписал указ об учреждении «Роты Дворцовых Гренадер». Согласно «Положению», в ее состав входили чины лейб-гвардии, которые в войне 1812 г. «оказали свое мужество». В «Правилах» уточнялось, что «в роту поступают добровольно отличнейше из Гвардейских отставных чинов… из одних тех людей, кои бывали в походах против неприятеля». Все первые офицеры Роты имели ордена Св. Георгия за Бородино. Из 120 человек 69 человек нижних чинов имели знаки отличия военного ордена Св. Георгия и 84 человека – знак отличия Св. Анны за 20-летнюю беспорочную службу[577]. Это была военная элита, безусловно преданная

императору.

Для гвардейцев зачисление в Роту означало пожизненное содержание от Министерства Императорского двора. Подчеркивалось, что «никто в роту не определяется без Высочайшего повеления», то есть личный состав роты подбирал сам император. Главной задачей личного состава Роты являлось обеспечение «Полицейского надзора во Дворцах, где будет… пребывание» императора. Гренадеры несли караульную службу в Зимнем дворце, в том числе и у покоев императорской семьи.

В. Поярков. Дворцовый гренадер М. Кулаков. 1915 г.

В. Поярков. Дворцовый гренадер в Георгиевском зале Зимнего дворца. 1915 г.

Николай I – последний император, который позволял себе пешие прогулки по Петербургу без охраны. По крайней мере, явной. Однако он как прагматичный политик постоянно имел в виду возможность покушения. Император связывал такую возможность прежде всего с поляками. К тому имелись основания, поскольку Польское восстание 1830–1831 гг. было подавлено жесткой рукой и в Сибирь потянулись колонны сосланных мятежников.

Летом 1835 г., накануне своей поездки в Польшу, Николай I писал И. Ф. Паскевичу: «Я знаю, что меня хотят зарезать, но верю, что без воли Божией ничего не будет, и совершенно спокоен. Меры предосторожности беру, и для того официально объявил, и поручаю и тебе разгласить, что еду из Данцига на Познань смотреть укрепления, но одному тебе даю знать, что въеду в Царство чрез Торунь на Нешаву. Конвои вели приготовить на Познань, других не надо». Кстати, именно накануне этой поездки

Николай I составил официальное завещание. И опасения были не напрасны.

Ф. Крюгер. Портрет императора Николая I. 1852 г.

Фактор опасности подвигнул императора в конце 1830-х гг. к реализации очень дорогостоящего проекта – прокладки 1200 верстовой линии оптического телеграфа, связавшего Петербург и Варшаву. В январе 1840 г. он писал И. Ф. Паскевичу: «Мы все с телеграфом еще не сладим; туманы ли, или неловкость сигналистов тому причиной – не доберемся; обещают, однако, что

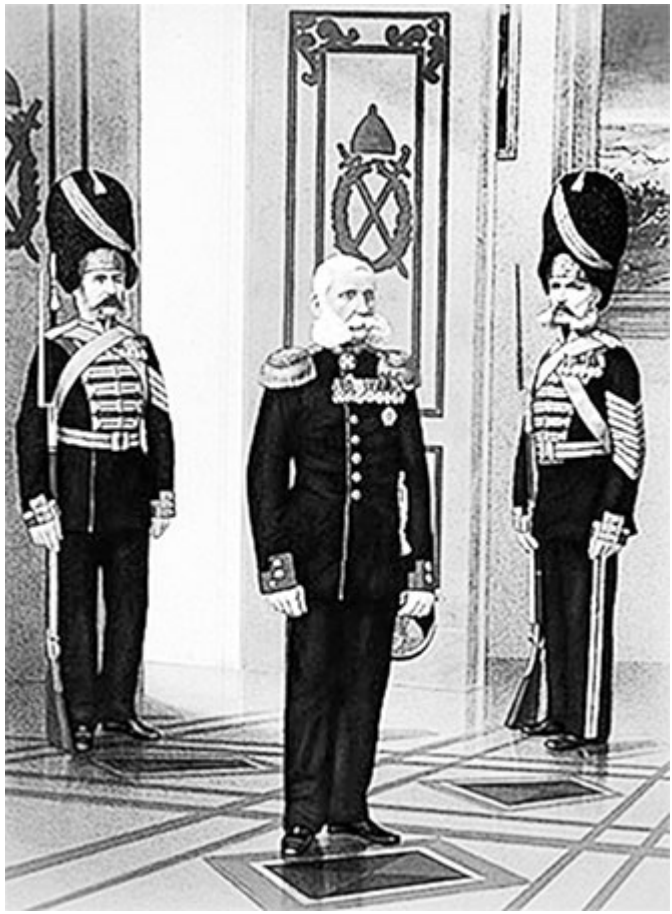
скоро все придет в порядок, пора! Тогда будет очень удобно нам разговаривать и сообщать друг другу взаимные новости». «Польский фактор» учитывался императором и в 1840-х гг. Во время визита императора в Польшу одну из карет, в которой ехали чиновники, сопровождавшие Николая Павловича, обстреляли. В 1847 г. он писал из Зимнего дворца И. Ф. Паскевичу: «Известие о затеях на тебя в Скерневицах доказывает, что тебе всегда должно быть осторожным, и прошу вперед брать караул».

С другой стороны, среди своих подданных, особенно простолюдинов, Николай I чувствовал себя совершенно спокойно. Фрейлина М. В. Фредерикс, вспоминая визит царя в 1849 г. в Москву, упоминала: «Он шел один, медленно пробираясь через толпу, без всякой охраны, он знал, что ни один злоумышленник не дотронется до него, потому что его боялись и любили»[578].

Тем не менее по каким-то соображениям в 1851 г. число постов дворцовых гренадер у покоев императорской семьи увеличили с 7 до 10. Хотя к этому времени Рота дворцовых гренадер из боевой части, отвечавшей за личную охрану царя, превратилась в один из элементов пышного дворцового антуража. В праздники дворцовые гренадеры составляли почетный караул и занимали посты «в особо назначенных местах». В будние дни они занимали в Зимнем дворце 36 постоянных постов. Кроме этих обязанностей, они не несли «никакой другой строевой службы»[579]. Подчинялась Рота дворцовых гренадер непосредственно министру Императорского двора. Кроме командного состава Роты, ее костяк составляли 100 гренадер[580]. Уже в 1830-х гг. за Ротой прочно закрепилось название «Золотая рота», поскольку мундиры не только офицеров, но и рядовых обильно украшались золотым шитьем.

Дворцовые гренадеры на Дворцовой площади. 1900-е гг.

О том, что Рота дворцовых гренадер была не только караульно-парадным подразделением, свидетельствует то, что ее периодически перевооружали современным оружием[581]. Безусловно, постоянное присутствие в Зимнем дворце лично преданных Николаю I закаленных ветеранов гвардии отчасти решало проблему личной безопасности царя, но в целом эти меры уходили корнями в XVIII век.



К. Пиратский. Штаб-офицер и гренадеры в парадной и повседневной форме. 1878 г.

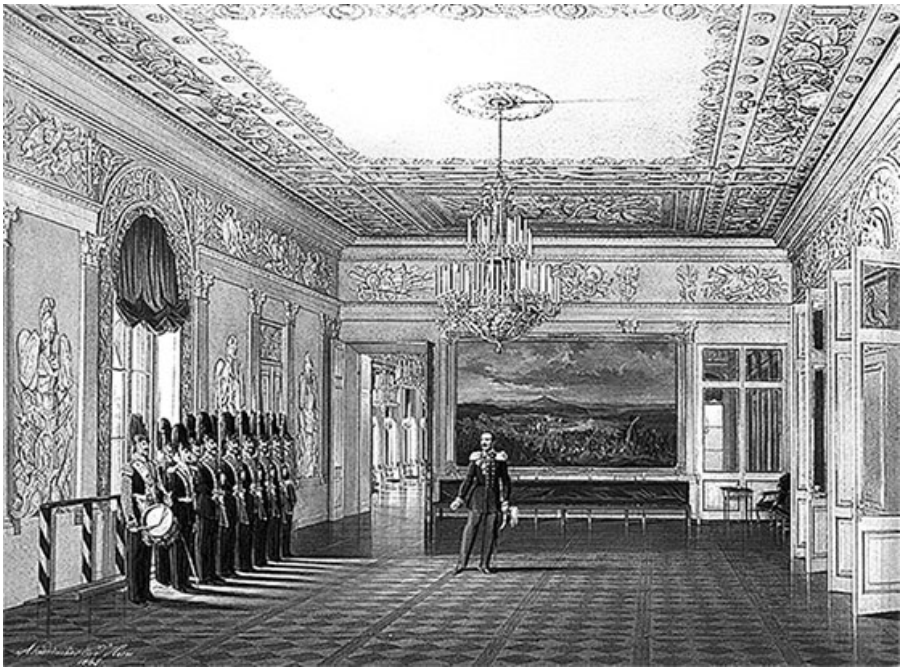
Следует упомянуть и о том, что казарма одного из батальонов лейб-гвардии Преображенского полка располагалась на Миллионной улице. Непосредственно из помещения батальона в Эрмитажный театр вела железная дверь, имелся отработанный кратчайший маршрут по залам Зимнего дворца, и в случае тревоги гвардейцы могли немедленно оказаться в распоряжении императора. Об этом хорошо помнили и Николай I, и последующие государи. В 1882 г. Александр III, обращаясь к офицерам Преображенского полка, подчеркнул: «Есть в нашей гвардии батальон Императорской Фамилии. Но я считаю Преображенский полк еще более полком Императорской Фамилии, еще более близким нашему семейству, и в особенности Государям. Начиная с Петра, все царствующие государи и Императрицы были шефами полка»[582].

1861–1904 годы

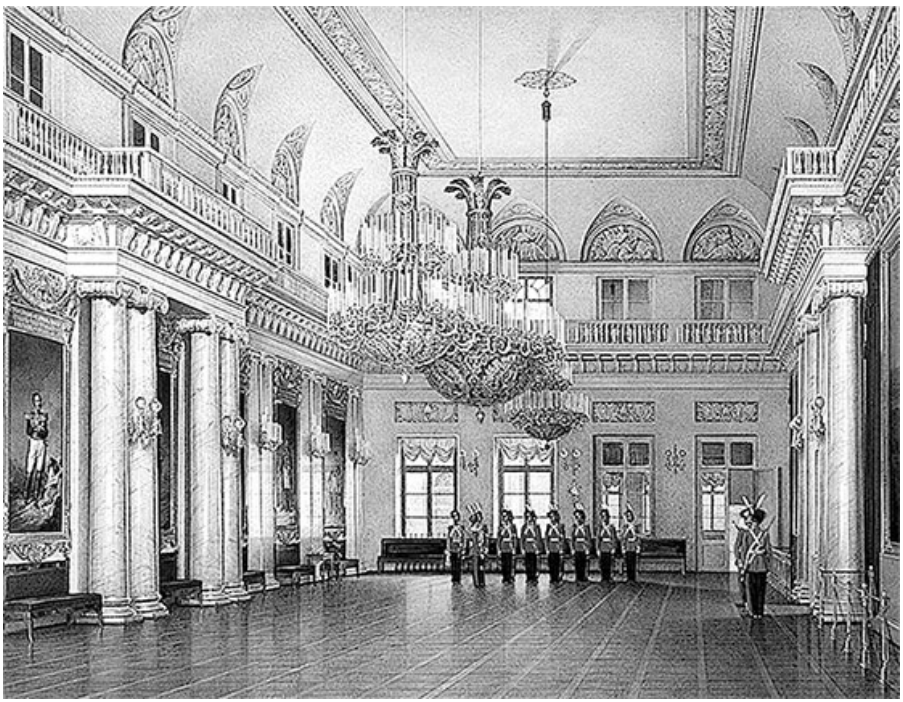
Поскольку отмена крепостного права в 1861 г. затрагивала материальные интересы дворянства, охрану Зимнего дворца немедленно усилили. Призраки дворцовых переворотов были еще живы в его стенах. Поэтому охране – гвардейским караулам и Роте дворцовых гренадер – предписывалось соблюдать «должную осторожность».

Но время требовало создания иных формирований для обеспечения безопасности императорской фамилии. За несколько лет после смерти Николая I, Россия стремительно изменилась. Это касалось и охраны. Рота дворцовых гренадер, которая создавалась как парадно-боевая единица, фактически утратила реальную боеспособность, превратившись в караульно-парадную часть. И хотя в ноябре 1857 г. штаты Роты дворцовых гренадер пересмотрели в сторону увеличения[583], но в условиях нарождавшегося политического терроризма ее реальная полезность в деле физической защиты императорской семьи неуклонно падала. Последний раз «Золотая рота» дворцовых гренадер рассматривалась как реальная боевая единица в 1862 г., когда 20 января получила приказ министра Императорского двора, по которому в случае тревоги «все чины роты» должны были «поспешать во Дворец в малую Фельдмаршальскую залу с оружием и боевыми патронами»[584].

С начала 1880-х гг. Рота дворцовых гренадер окончательно превращается в парадную часть ветеранов, и термин «Золотая рота» постепенно превращается в символ полуинвалидной команды, занимающей посты в караульных будках. По новому штату 1883 г. штатную численность Роты дворцовых гренадер частично сократили[585]. Тем не менее это подразделение сохранялось вплоть до 1917 г., принимая участие во всех торжественно-парадных мероприятиях.



Э. П. Гау. Караул в Пикетном зале Зимнего дворца. 1865 г.



Э. П. Гау. Караул в Большом фельдмаршальском зале Зимнего дворца. 1866 г.

В год отмены крепостного права в России охрану Зимнего

дворца усилили. Распределение постов, которые несла Рота дворцовых гренадер по охране Зимнего дворца, на декабрь 1861 г. было следующим. Главные ворота охранялись двумя постами. На первом этаже Зимнего дворца находились три поста: в коридоре с правой и левой стороны ворот – два поста; в Кухонном коридоре – один пост. На втором этаже выставлялись девять постов: в Фельдмаршальском зале, в Коридоре министра Императорского двора, в Портретной галерее, в Галерее петербургских видов, перед Комендантской лестницей, в Передней августейших детей, в коридоре перед камер-юнгферскою ее величества, перед лестницей телеграфа и в Темном коридоре – везде по одному. На третьем этаже Зимнего дворца постов не было.

Таким образом, в Зимнем дворце имелось 14 круглосуточных постов, которые несла Рота дворцовых гренадер. В их обязанности входило не пропускать посторонних лиц во дворец, осматривать вещи, расспрашивать неизвестных и сопровождать их к дежурным.

Усиление охраны Зимнего дворца предпринималось и против возможных заговорщиков-дворян, и против революционных радикалов-разночинцев. Простолюдины как фактор опасности всерьез не воспринимались. По крайней мере вне Петербурга. М. П. Фредерикс, описывая визит царской семьи в Москву весной 1861 г., упоминает, как во время визита в село Коломенское Александр II и Мария Александровна оказались на деревенской свадьбе, подарив молодым подарки. Тогда фрейлина «в давке охраняла с помощь адъютантов маленькую великую княжну Марию Александровну – все платье мое было разодрано на клочки»[586]. Как видим, тогда еще не практиковалось жестко отсекать охраной императорскую семью от народа.

В январе 1862 г. составили «Дополнительные правила об охранении порядка по Зимнему дворцу». Из текста «Правил» отчетливо видно, что в конце 1861 – начале 1862 гг., вариант захвата Зимнего дворца «толпой» рассматривался властями как вполне реальный: «При получении известий… о намерении толпы сторонних людей ворваться во Дворец один из взводов Главного караула поспешает к тому подъезду… и препятствует дальнейшему вторжению толпы, а в случае опоздания следует за оною для овладения ею»[587]. Особую инструкцию составили для караула от гвардейской легкой кавалерии, охранявшей личные покои императора. Ситуация тогда сложилась столь нервная, что, когда весной 1862 г. с крыши Зимнего дворца с грохотом рухнул пласт снега, во дворце началась легкая паника, поскольку решили, что начался штурм императорской резиденции. Европейские прецеденты подобных событий были хорошо

известны.

Самой сложной проблемой являлся надежный контроль за бесконечным потоком лиц, ежедневно проходивших через хозяйственные помещения Зимнего дворца. С 15 января 1862 г. «в целях предосторожности впуска посторонних людей во Дворец» высочайшим повелением установили режим работы дворцовых подъездов: подъезды Его Величества, Комендантский, министра Императорского двора открывались с 8 утра до 24 часов ночи; подъезд императрицы – до возвращения во дворец всех высочайших особ; остальные подъезды – Посольский, Иорданский, 4-й запасной половины – держались запертыми[588].

Однако, несмотря на все караулы и посты охраны, периодически срабатывал «человеческий фактор», приводивший к серьезным «проколам» подразделений охраны. Так, несмотря на ужесточение пропускного режима для всей челяди, проживавшей в Зимнем дворце в 1860-1870-х гг., все же не удалось решить проблему жесткого контроля за посещением Зимнего дворца посторонними лицами. Хотя нельзя сказать, что в этом отношении ничего не предпринималось. Например, строжайше запретили принимать на жительство в Зимний дворец родственников без разрешения начальства. Тогда сделали первые шаги в целях «разгрузить» Зимний дворец от многочисленных детей придворнослужителей, которые уже не имели отношения к Императорскому двору[589]. Проверялись все лица, приходившие на дворцовую кухню, предписывалось без вида на жительство на кухню никого не пускать и т. д.[590]

Но огромный поток людей, ежедневно проходивший через хозяйственные помещения Зимнего дворца, сводил все «режимные» усилия на нет. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1880 г. Народоволец С. Халтурин, рассказывая соратникам о системе охраны Зимнего дворца, оценивал ее очень невысоко. По дошедшим до нас рассказам, Халтурин «удивлен был беспорядком в управлении… Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которые свободно приходили, без контроля и надзора, десятки их знакомых. В то время как с парадных подъездов во дворец не было доступа самым высокопоставленным персонам, черные ходы во всякое время дня и ночи были открыты для всякого трактирного знакомца самого последнего дворцового служителя»[591].

О том, что охрана императорской фамилии оставляла желать много лучшего, наглядно свидетельствует эпизод, произошедший в Зимнем дворце в декабре 1868 г. Как следует из рапорта, около 10 часов вечера дежурный гоф-фурьер на половине императрицы остановил неизвестного человека, который впоследствии

назвался профессором русской словесности Иосифом Николаевичем Шиллем. Незнакомец заявил, что он вызван ко Двору для чтения стихов императрице по случаю рождественской елки. Неизвестного немедленно задержали. Вскоре выяснилось, что Шилль пытался войти в подъезд Ее Величества, заявляя, что он вызван ко Двору, но городовой дворцовой стражи, узнав, что приема нет, его не впустил. Тогда Шилль отправился к Главным воротам, через которые и *был пропущен во дворец.* Заблудившись в бесконечных коридорах дворца, Шилль попросил встретившегося истопника показать, как пройти на половину императрицы, но тот отвел его к дежурному лакею, а затем к гоф-фурьеру, который и задержал незнакомца[592].

Скандал вышел громкий, поскольку постороннего человека задержали уже на половине императрицы Марии Александровны, то есть на втором этаже Зимнего дворца. По результатам расследования объявили, что Шилль умалишенный, и он, конечно, не был профессором. Этот эпизод стал поводом для создания очередной Комиссии по охране Зимнего дворца. Она заседала с января по март 1869 г. В результате составили очередную инструкцию. Главными нововведениями стало *увеличение постов* у Главных ворот Зимнего дворца, «через которые ежедневно проходит более 500 чел.», и введение *особых блях,* которые челядь должна была носить во дворце постоянно. Лица, не имевшие блях, немедленно задерживались[593].

В Зимнем дворце ужесточили охрану, пытаясь отсечь поток посторонних людей, ежедневно проходивших через различные помещения дворца. Одним из мероприятий стало учреждение 1 декабря 1879 г. Особой конторы для приема писем и посылок, приносимых во дворец. Тем самым положили конец старой традиции, когда по внутренним коридорам Зимнего дворца совершенно спокойно расхаживали различные посыльные, почтальоны, разносчики газет и пр.

В конце 1870-х гг. на «политическом поле» России ситуация поменялась кардинально. В 1876 г. в Петербурге формируется «второе издание» подпольной организации «Земля и воля». Довольно быстро эта организация переориентировалась с пропаганды на политический террор, главной целью которого был Александр II. Одной из точек отсчета первой волны политического терроризма в России стали выстрелы Соловьева на Дворцовой площади, прозвучавшие буквально в двух шагах от Зимнего дворца 2 апреля 1879 г. Затем народовольцу С. Халтурину удалось взорвать 50-килограммовый фугас в подвале Зимнего дворца 5 февраля 1880 г.[594]

Неудача покушения на Дворцовой площади размежевала

членов «Земли и воли», и, после ее раскола, летом 1879 г. на Липецком съезде формируется террористическая революционная организация «Народная воля». Осенью 1879 г. на всех трех железнодорожных маршрутах возвращения Александра II из Крыма народовольцы заложили по мощному фугасу. Взрыв удалось провести в ноябре 1879 г. под Москвой, когда пострадал только свитский эшелон.

После взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г., устроенного народовольцем С. Халтуриным, возникло обоснованное подозрение в возможной попытке революционеров отравить воду, находящуюся в резервуарах Зимнего дворца. В связи с этим министр Императорского двора направил в начале марта 1880 г. распоряжение управляющему Придворной медицинской частью провести химический анализ воды в главных баках Зимнего дворца и анализ воздуха в личных покоях императора и императрицы. Это распоряжение имело гриф «секретно», и в нем подчеркивалось, что анализы должны проводиться не менее одного раза в неделю. Первый анализ воды взяли 8 марта 1880 г. Он показал, что в воде «не найдено никаких минеральных и органических ядов»[595]. На следующий день после смерти императрицы Марии Александровны (30 мая 1880 г.), главный аптекарь Гросс запросил разрешение о прекращении анализов воды во дворце. Но министр Императорского дворца гр. А. В. Адлерберг резко ответил, что он не видит «причин прекращать», и считает «полезным делать те же исследования и в Царском Селе»[596].

Столярные инструменты С. Халтурина. Музей политической истории России. Санкт-Петербург

Тогда же, в марте 1880 г., создали новое подразделение, специально для охраны Зимнего дворца. Должность руководителя нового подразделения именовалась «заведующий охраной Императорского Зимнего и загородных Дворцов». Он подчинялся непосредственно министру Императорского двора. На эту должность 22 марта 1880 г. назначили жандармского полковника М. И. Федорова[597]. По штатам ему подчинялось всего 15 чел. Из них оперативный костяк составляли 10 унтер-офицеров[598]. Деятельность полковника Федорова по охране Зимнего дворца регламентировалась инструкцией, утвержденной 2 апреля 1880 г.

В § 1 инструкции ставилась задача «ограждения сих дворцов от всякого нарушения в них политической безопасности и спокойствия». В § 4 определялись основные направления деятельности по охране: защита от желающих проникнуть во дворец; проверка паспортного режима; контроль за политической благонадежностью прислуги дворцов «посредством агентуры»; пресечение «злонамеренных слухов, листовок, книг, картин». Произошло перераспределение подчиненности среди обслуживающего персонала дворца. В § 5 было зафиксировано, что служительская команда подчиняется заведующему охраной Зимнего дворца. Также полковнику Федорову подчинили и наружную дворцовую полицию[599], и фактически все подразделения охраны, занятые обеспечением личной безопасности царя.

Новый руководитель охраны Зимнего дворца полковник Михаил Иванович Федоров, в соответствии с инструкцией, развил бурную деятельность. Прежде всего ему надо было исключить возможность проникновения террористов в среду дворцовой прислуги. Поэтому по приказу Федорова немедленно изготовили фотографии всей вольнонаемной дворцовой прислуги[600]. В апреле 1880 г. полковник затребовал от дворцовых структур списки всех служителей и проживающих в Зимнем дворце, особенно не служителей и вольнонаемных[601]. Видимо, параллельно начался подбор «внутренней агентуры» в среде придворной челяди.

Далее началась жесткая проверка на политическую благонадежность всей дворцовой прислуги. Со службы безжалостно исключались и все нарушители дисциплины. Так, летом 1880 г. за прогулы и пьянство уволили несколько дворцовых работников[602]. Федоров потребовал лично представлять ему всех принимаемых на работу во дворец «для расспросов». Для наведения порядка в Зимнем дворце Федоров потребовал подчинить непосредственно ему значительную часть дворцовой прислуги. Начал он со швейцаров. Вообще вся

служительская команда насчитывала 111 чел. По предложению Федорова ее разделили на Хозяйственную и Охранную команды.

Федоров потребовал от коменданта Зимнего дворца генерал-майора Дельсаля допускать вольнонаемных мастеров для работ во внутренние помещения дворца только под присмотром унтер-офицеров его службы. Это была серьезная проблема, которую пытались решить неоднократно, но, как правило, повседневная жизнь превращала все грозные инструкции в пустую формальность.

Федоров попытался переломить сложившееся положение. Он составил правила «О наблюдении за рабочими людьми во время производства ими работ в Зимнем дворце». Вводимые Федоровым правила были беспрецедентны. Вход рабочих во дворец разрешался только через Главные ворота или через ворота Черного дворика. Каждый раз все рабочие подлежали «тщательному осмотру» надзирателями и дворцовой стражей «непременно в присутствии дежурных офицеров от дворцовой стражи». Паспорта рабочих тщательно проверялись через систему запросов по месту регистрации и «посредством агентуры». Подрядчик распиской ручался за политическую благонадежность поденных рабочих. В каждом помещении, где велись работы, должен был находиться надзиратель от службы Федорова при двух дворцовых стражах. Дежурных офицеров, заступающих на дежурство, инструктировал лично Федоров, указывая, «на что именно им следует обращать внимание при наблюдении за рабочими». Тщательному осмотру подлежали завтраки и обеды, приносимые во дворец рабочим их родственниками. О любом факте отступления от заведенного порядка Федоров требовал составлять протокол[603].

Федоров потребовал от заведующего Зимним дворцом Дельсаля, чтобы дежурный чиновник ежедневно докладывал ему обо всем, что происходило во дворце за время его дежурства. Федоров также настаивал, чтобы прислуга ежедневно осматривала во дворце «мебель, рояли, вазы, картины, камины, вытяжки и нагревательные трубы» в поисках новых бомб. При проведении балов в Зимнем дворце Федоров требовал заранее предоставлять ему списки приглашаемой прислуги для ее проверки, а в день бала предполагалось сверять личность обслуги.

Приказом от 4 апреля 1880 г. Федоров отменил дежурную охрану в верхних этажах дворца, но одновременно усилил охрану Главных ворот Зимнего дворца. Вся приходящая в помещения дворца прислуга должна была предъявлять «именные билеты» за подписью Федорова, с печатью его службы.

По инициативе Федорова усилили повседневную охрану императора. Александр II охранялся и по вертикали, и по горизонтали. Если император завтракал, то в соседних помещениях находилась охрана. Особое внимание уделялось охране помещений над и под комнатами, где находился в данный момент император, включая чердаки и подвалы. Перемещения императора по дворцу сопровождались параллельным перемещением его охраны. Такой прием позже на профессиональном сленге получил название «коробочки». Во всех императорских резиденциях установили железные двери в подвалы и на чердаки. Все эти новшества одобрил министр Императорского двора А. В. Адлерберг.

Полковник М. И. Федоров обживался во дворце прочно и надолго. Ему отвели квартиру № 43 во Фрейлинском коридоре. 12 апреля 1880 г. к нему из Пскова переехали жена и шестеро детей. В мае 1880 г. он получил звание генерал-майора, но уже 22 июля 1880 г. его четырехмесячная карьера рухнула: должность «заведующего охраной Зимнего дворца» высочайшим указом упразднялась[604].

В архивных документах нет прямых указаний на причины столь резких кадровых изменений. Видимо, его отставка стала результатом подспудной борьбы придворных группировок. Можно предположить, что активная деятельность М. И. Федорова начала задевать влиятельных лиц и, прежде всего, хозяйственников. В архиве сохранились дела, из которых видно, сколько повседневных недоразумений возникало в жизни Зимнего дворца в условиях усиленной охраны. Возможно, к его отставке приложили руку и коллеги по Корпусу жандармов. Для начальника царской охраны П. А. Черевина было совершенно невыгодным укрепление во дворце энергичного провинциального жандармского полковника.

Конечно, устранение М. И. Федорова не означало, что функции охраны полностью упразднялись. Вместо должности «заведующего охраной Зимнего дворца» ввели должность «полицмейстера Императорского Зимнего дворца», ее занял армейский подполковник К. М. Струков. Согласно высочайшему указу, на него возлагались те же обязанности, «кои лежали на Заведующем охраною, за исключением охраны загородных дворцов». Сохранялись финансирование и все структуры, созданные М. И. Федоровым. Но Охранную стражу передали из Департамента государственной полиции в распоряжение петербургского градоначальника и подчинили начальнику Секретного отделения[605]. Кроме этого, на смену профессионалу – жандармскому полковнику пришел дилетант, храбрый офицер,

но не знакомый с особенностями повседневной деятельности спецслужб. Подполковник Струков[606] принял дела и вступил в должность 23 августа 1880 г.

Летом 1880 г. в карьере храброго армейского офицера произошли грандиозные изменения. 22 июля 1880 г. его высочайшим указом назначили на должность полицмейстера Зимнего дворца и в апреле 1881 г. произвели в полковники. Трудно сказать на основании только архивных документов, кто «толкал» простого армейского подполковника Струкова в его непродолжительной придворной карьере.

О каких-либо конкретных мероприятиях по охране Зимнего дворца, предпринятых по инициативе полковника Струкова, неизвестно. Вероятнее всего, что продолжали осуществляться инициативы Федорова. Однако имелись и новшества. Так, в ноябре 1880 г. Зимний дворец обследовала специальная комиссия петербургского градоначальника. Результаты обследования доложили министру Императорского двора. Это примечательный и симптоматичный шаг. До этого городскую полицию к охране Зимнего дворца не подпускали и близко, все поэтажные планы Зимнего дворца являлись строго секретными, – а в конце 1880 г. специальная комиссия градоначальника инспектирует обеспечение безопасности дворца. Это было явным проявлением недоверия к дворцовым спецслужбам. Поэтому комиссия старалась выявить все мыслимые и немыслимые недостатки.

Осматривались в первую очередь подвалы и чердаки. Результаты обследования наглядно демонстрируют беспрецедентные меры охраны дворца, введенные генералом Федоровым. Комиссия констатировала, что чердаки «чистые, заперты наглухо и охраняются ружейными часовыми». На чердак оставили только один вход, который охраняли вооруженный часовой и надзиратель дворцовой команды. Чердак разделили сплошными металлическими решетками, двери в них запирались. Чердак также охранялся особыми надзирателями. На крыше Зимнего дворца находилось два постоянных поста. Один часовой охранял участок крыши над императорскими покоями, а второй – у соединения Зимнего дворца с Малым Эрмитажем. Еще на крыше располагался постоянный пожарный пост.

Казалось бы, предусмотрели все. Но комиссия не могла не выявить недостатков. По определению. Поэтому обращалось внимание на вытяжные трубы, выходившие на чердак и крышу Зимнего дворца. По мнению комиссии, по ним можно было сбросить бомбу либо спуститься террористу во внутренние помещения дворца. Дворцовым хозяйственникам предложили перекрыть выходы вентиляционных шахт металлическими

решетками вместо деревянных[607]. Сомнения комиссии вызвали стеклянные световые потолки, их легко можно было пробить тяжелой бомбой. Поэтому предлагалось каждый из просветов оградить железной решеткой, покрашенной в белый цвет; вооружить часовых на крыше и увеличить их число; установить на крыше в двух местах металлические решетки из остроконечных пик «с целью изолировать крышу над императорскими покоями».

Особенно тщательно осмотрели дворцовые подвалы. Настолько тщательно, что, видимо, в поисках подкопов комиссия даже простукивала полы подвалов. В результате в подвале под Малой церковью обнаружили пустоту. Пол немедленно вскрыли, но ничего подозрительного не нашли. Комиссия предложила заменить замки в подвалах и особо прочные из них установить под личными покоями императорской семьи. Предлагалось усилить контроль за приемом топлива, особенно угля, поскольку террористы легко могли замаскировать бомбу под кусок угля. В приступе маниакально верноподданнической подозрительности комиссия предложила обследовать «всю внутренность Дворца», поскольку считала, что нет уверенности, что «столяр Батышков (Халтурин) нигде не запрятал каких-либо опасных материалов»[608].

Надо признать, что энергичные шаги полковника Федорова принесли свои плоды. Были сделаны соответствующие выводы и руководителями подразделений охраны. После гибели Александра II 1 марта 1881 г. меры по охране императорских резиденций стали еще более жесткими.

При Александре III Зимний дворец утратил роль жилой императорской резиденции и использовался преимущественно для различных парадных церемоний и мероприятий. Тем не менее именно после 1881 г. в целом удалось успешно решить проблему организации жесткого пропускного режима в дворцовые здания, контроля за дворцовыми помещениями и персоналом. С этой целью чинами Дворцовой полиции совершались ежедневные обязательные обходы всех помещений Зимнего дворца. Естественно, повседневная жизнь дворца, требовавшая присутствия в нем огромного числа людей, постоянно сталкивалась с интересами охраны. Так, в феврале 1885 г. заведующий комнатным имуществом провел через пост на Конюшенной лестнице Зимнего дворца рабочего-позолотчика без бляхи, но надсмотрщик за рабочими, унтер-офицер охранной команды, удалил его из Зимнего дворца, заметив, что у рабочего нет бляхи установленного образца. Возникший скандал разрешили в интересах охраны[609].

Планировка расположения личных покоев императорской

семьи во всех дворцах, включая Зимний дворец, оставалась по-прежнему засекреченной. Личные покои императора Александра III в нежилом Зимнем дворце также отнесли к категории строго секретных объектов. В перечне комнатного имущества императора они именовались как «секретные комнаты, выходящие на Неву»[610].

При Николае II Зимний дворец (с декабря 1895 по апрель 1904 г.) вновь стал жилой императорской резиденцией. С осени 1894 по осень 1895 г. в Зимнем дворце шли масштабные ремонтные работы по оборудованию личных покоев для двух молодых семей – Николая II и его младшей сестры Ксении Александровны.

К ремонтным работам привлекались десятки поставщиков Императорского двора. Чтобы не расширять круг лиц, занятых неквалифицированной работой в Зимнем дворце, использовали нижних чинов лейб-гвардии Преображенского полка, свободных от службы. Преображенцев привлекали и при строительных работах по подготовке высочайших балов. Эта работа им оплачивалась[611]. Появление подобной «халтуры» для преображенцев также связано с обеспечением безопасности царя. Охрана не желала без особой на то нужды допускать в жилые покои царя посторонних «работных людей».

Охрану Зимнего дворца в 1895 г. усилили. Часть Сводного батальона перевели в комплекс зданий, непосредственно примыкавших к Зимнему дворцу. Начальник царской охраны П. А. Черевин лично просил командира Преображенского полка великого князя Константина Константиновича отвести часть помещений в казарме Преображенского полка на Миллионной улице для размещения части Сводно-гвардейского батальона. Но великий князь отказал, поскольку эту просьбу офицеры-преображенцы восприняли как покушение на их двухвековое право на охрану царской фамилии. Великий князь записал в дневнике: «Я только тут спохватился, что наше соседство с Зимним дворцом есть двухвековая льгота 1-го батальона Преображенцев и что этой льготой мы ни с кем не должны делиться»[612].

Впрочем, ведомство Дворцового коменданта все же нашло возможность разместить в Зимнем дворце части Сводно-гвардейского батальона, а его офицерам выделили три «холостых» квартиры по Комендантскому коридору Зимнего дворца[613]. К этому времени в Зимнем дворце уже шла ожесточенная борьба за помещения между различными дворцовыми ведомствами. Борьба настолько жесткая, что даже влиятельной Дворцовой полиции пришлось временно

предоставить под жилье одному из офицеров, переведенному из Москвы в Петербург, «помещение, отведенное под служебный кабинет начальника Дворцовой полиции»[614].

Несколько слов необходимо сказать и о Дворцовой полиции. Это подразделение, сформированное в декабре 1861 г., изначально предназначалось для усиления охраны Зимнего дворца. Для такого шага были основания. В знаменитой прокламации «Молодая Россия», написанной в апреле 1862 г. студентом Московского университета Петром Зайчневским, прямо указывалась цель революционного движения: «Двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей»[615].

В конце 1861 г. высочайшим повелением военному министру, шефу жандармов, петербургскому военному губернатору, командиру и начальнику штаба Гвардейского корпуса предложили выработать план мер по охране императорской фамилии и по Главному караулу Зимнего дворца.

В результате Комиссия выработала документ, согласно которому при Зимнем дворце формировалась особая команда «городовых стражей», их задачей было «денно и ночно» наблюдать за входами в Зимний дворец и нести наружную охрану.[616] Охране подлежали все восемь подъездов дворца: подъезд Его Величества, Ее Величества, Комендантский, Министерский, Иорданский, Государственного совета, Комитета министров и Наследника. Команда «дворцовых городовых стражей» насчитывала всего 30 человек[617]. Инструкцию для этой команды по докладу министра Императорского двора графа Адлерберга Александр II высочайше утвердил 8 декабря 1861 г. К весне 1862 г. окончательно решились вопросы, связанные с подчиненностью дворцовой городовой стражи. Высочайшим указом ее подчинили флигель-адъютанту полковнику А. М. Рылееву. В Петербурге ему также подчинялись приставы 1-й Адмиралтейской части.

После гибели Александра II от рук террористов в марте 1881 г. очень многое изменилось и в организации охраны царя, и в организации охраны Зимнего дворца. Так, в сентябре 1881 г. отправили в отставку заведующего Зимним дворцом генерал-майора Дельсаля. Некоторое время по распоряжению министра Императорского двора полковник Струков, полицмейстер Зимнего дворца, исполнял его обязанности. Но 1 октября 1881 г. новым начальником Дворцовой полиции назначается полковник П. В. Зиновьев[618], к нему перешли все функции полицмейстера Зимнего дворца по охране царских резиденций и царя,

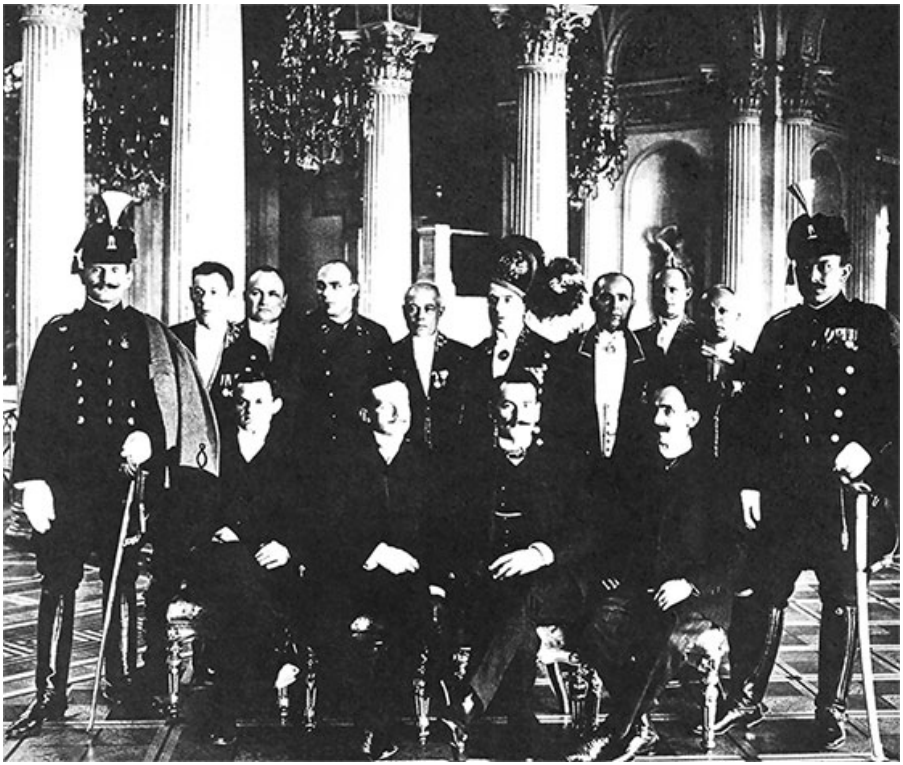
находящегося в них[619].

Окапывание Зимнего дворца в марте 1881 г. с целью поиска фугасов

При Александре III начальник охраны царя генерал-адъютант П. А. Черевин[620] вывел охрану царя на новый организационный уровень. Если говорить о Зимнем дворце, то и там, даже во время официальных мероприятий, Александра III «прикрывали» сотрудники Дворцовой полиции. Например, 26 ноября 1884 г. на приеме в Зимнем дворце присутствовало более тысячи георгиевских кавалеров[621]. Несмотря на то что это была элита армии и опора трона, Александра III охраняли 17 офицеров охранной стражи, 2 армейских офицера дежурили на дворцовой гауптвахте во главе дежурного караула, 3 офицера стояли на пропускных пунктах в подъездах, 16 полицейских офицеров и 4 «чина секретной части»[622] находились среди приглашенной публики. То есть охрану царя в Зимнем дворце обеспечивали 48 человек, не считая гвардейского караула на дворцовой гауптвахте.

Служащие и внутренняя охрана Зимнего дворца. 1900-е гг.

Охраняли царя и во время традиционных январских балов в Зимнем дворце. Судя по ведомости о расходе «вин, водок и питий», во время «Малого выхода» 1 января 1886 г. царя охраняли шесть офицеров охранной стражи, они располагались со своими подчиненными в разных местах дворца. Впрочем, дело охраны царя не предполагало, что офицерам охраны будет отказано в земных радостях. Как ни странно, но царских телохранителей прямо на службе обеспечивали спиртным. Причем в достаточных количествах. На 1 января 1886 г. четырем офицерам охраны полагалось во время праздничного дежурства в Зимнем дворце бутылка мадеры, две бутылки лафита, бутылка водки («очищенного вина») и четыре бутылки пива; второй паре офицеров – одна бутылка шампанского Генри-Гуле. Видимо, столь заметная разница в обеспечении офицеров спиртным связана со степенью близости к «охраняемому телу». Но водка с пивом прямо «на рабочем месте» – это удивительно.



Слуги, чины Дворцовой полиции, чиновники Эрмитажа и свита сербского короля Петра в Павильонном зале Зимнего дворца

30 января 1886 г., во время большого бала в Зимнем дворце, число офицеров охраны увеличили. За безопасность царя отвечали четырнадцать полицейских офицеров (на всех – 7 бутылок пива, 7 бутылок красного вина, 2 бутылки кюммеля[623] 3-го сорта); трое полицейских и жандармских офицеров (только шампанское); двенадцать жандармских офицеров (на всех 6 бутылок бордоского красного вина «Медок», 6 бутылок пива и 1,5 бутылки кюммеля); восемь агентов Дворцовой полиции (на всех 8 бутылок пива и 1 бутылка кюммеля) и четыре чиновника тайной полиции (на всех 4 бутылки пива и полбутылки кюммеля). Всего 41 человек[624]. Кстати говоря, число офицеров охраны автор установил именно по Ведомости винных выдач.

У русских императоров, живших в Зимнем дворце, вплоть до Николая II, сохранялась традиция почти ежедневных визитов в караульное помещение Зимнего дворца. Поначалу царь обходил караулы Зимнего дворца вместе с женой. Например, 19 февраля 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Обошли караулы»; 22 февраля: «Обошли караулы; стояли пажи». Позже Николай II обходил караулы один или с подросшими дочерьми.

1904–1917 годы

До начала 1900-х гг. вышеизложенный порядок несения службы по охране Зимнего дворца практически не менялся. По-прежнему в Зимнем дворце выставлялись караулы от Петербургского гарнизона, несли службу дворцовые гренадеры и дворцовая полиция (охранная команда – 87 чел.).

Летом 1901 г., по инициативе полицмейстера Зимнего дворца гвардии полковника Истомина, усилили охрану Императорского Эрмитажа. Мотивировал он это тем, что «Императорский Эрмитаж, как здание отдельное и в стороне находящееся, не может быть охраняемо теми постами и нарядом дежурных, которые ежедневно назначаются для охраны Зимнего дворца»[625]. Целью предлагаемых мероприятий было «поставить Эрмитаж в смысле охраны в одинаковое условие с Дворцом». В результате штаты Дворцовой полиции увеличили на 7 человек, за счет них выставили три новых круглосуточных поста: у Большого Эрмитажного подъезда, у Советского подъезда и в Комитетском подъезде. Предлагалось еще выставить несколько круглосуточных постов по подвалам Эрмитажа, но в этом было отказано.

Из оперативных мероприятий этого периода можно помянуть сбор в марте 1903 г. сведений о детях-студентах дворцовой прислуги, проживавших в домах Дворцового ведомства. Совершенно очевидно: Дворцовая полиция опасалась, что они могут сыграть роль если не террористов, то информаторов революционеров.[626] Однако накопившиеся «штампы в работе» охраны в относительно спокойные 1890-е гг. привели к крупным «проколам» дворцовых спецслужб в начале 1900-х гг., когда фактом политической жизни страны стала вторая, «эсеровская», волна терроризма в России.

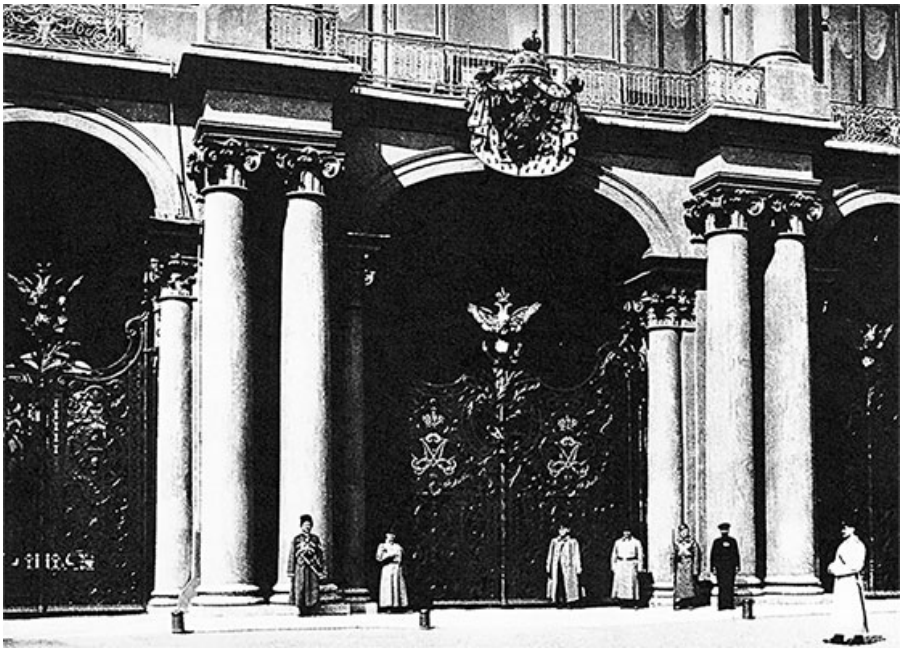
Л. Премацци. Вид нового Эрмитажа и Миллионной улицы

В качестве характерного примера можно привести эпизод лета 1904 г. К этому времени Боевая организация партии эсеров уже в полный голос заявила о себе. 15 июля 1904 г. эсеры убили министра внутренних дел В. К. Плеве. И в ситуации нараставшего революционного террора крестьянин Архипов, 21 года, без определенного места жительства, около двух часов июльской белой ночи подошел со стороны Дворцовой площади к ограде сада Зимнего дворца, выждал, пока городовой удалится в сторону Дворцового моста, и лихо перемахнул через двухметровую ограду и двухметровую решетку дворцового сада. В охраняемом саду у западного фасада Зимнего дворца он, незамеченным, провел два дня и две ночи. Днем Архипов отлеживался в кустах, ночью гулял по дорожкам царского сада, а затем, оголодав, проник через открытую форточку в Зимний дворец в квартиру княгини Голицыной (первый этаж юго-западного ризалита) и, пробыв там около часа, взял «по мелочи» кое-что из вещей, и вылез обратно в сад.

Архипов дождался, пока городовой отойдет от ограды, и тем же путем благополучно удалился из охраняемого сада Зимнего дворца. Самое удивительное то, что через три дня он добровольно явился обратно и сдался дворцовой охране. Когда Архипов дал показания, все были в шоке и сначала не поверили ему, считая, что «трудно допустить возможность укрыться человеку в негустых сравнительно кустах, при таком большом числе работавших в

саду людей (в саду работало 9 чел. – *И.* З.)»[627]. Однако Архипов показал место, где он перелез через ограду, и место, где отлеживался в кустах, пока садовники работали в саду. Мотивировал Архипов свое проникновение в сад у западного фасада Зимнего дворца тем, что он собирался якобы лично просить царя «об отправлении его добровольцем в действующую армию». Случай был из ряда вон, но дело замяли и ограничились тем, что добавили еще один пост охраны около Иорданского подъезда. Ну и, конечно, у кое-кого полетели погоны.

Сад у западного фасада Зимнего дворца



Охрана у главных ворот Зимнего дворца

Цесаревич Алексей у фонтана в саду Зимнего дворца. За его спиной пост охраны у Салтыковского подъезда Зимнего дворца

26 ноября 1904 г. Николай II приехал в Зимний дворец на традиционный Георгиевский праздник. В дневнике он писал: «Около 11 $^{1}/_{4}$ обошел войска и отставных. Георгиевская зала была более наполнена, чем в прежние года, благодаря присутствию команд „Варяга“ и „Корейца“. Вернулись к часу в Малахитовую,

где мы завтракали. Обходил внизу столы нижних чинов. Принял ген. Фрезе – Виленского ген. – губ. и команд. войсками; затем Ламздорфа. Мама пила с нами чай. В 6 час. начался обед в Николаевской зале. Окончили разговоры в 8 $^1/_2$». Вечером Николай II уехал в Царское Село, и после этого Зимний дворец не посещался царем очень долго.

Одним из самых трагических эпизодов в российской истории начала XX в. стал расстрел рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г. Назвать это «экспромтом» власти, конечно, нельзя. И власть, и революционеры желали крови. Власть залпами в упор из трехлинеек по безоружной толпе желала «стукнуть кулаком по столу». А революционеры считали, что пролитая (не без их помощи) «святая народная кровь» столкнет народ и власть, положив начало революции. Поэтому кровь сотен убитых и раненых, пролитая по всему Санкт-Петербургу, стала, как обычно, разменной монетой в руках политиканов.

Ограда сада Зимнего дворца

Естественно, императору докладывали о ситуации в столице. 2 декабря 1904 г. в Александровском дворце Царского Села состоялось «совещание о мерах, которые надлежит принять, чтобы прекратить смуту последних месяцев… Заседание продолжалось с 2 $^1/_2$ до 4 $^1/_2$»[628]. 8 декабря заседание, посвященное волнениям в Петербурге, было продолжено: «В 11 час. у меня началось второе заседание – продолжение первого. Кроме тех же, присутствовали: дяди – Владимир, Алексей, Сергей, Фредерикс и бар. Нольде. Читался и обсуждался проект

сообщения и указа Сенату, при этом видоизменялась редакция. Был сделан перерыв для завтрака. Потом сидели с 2 $^1/_2$ до 3 $^1/_2$».

1 января 1905 г. царь записал в дневнике: «Да благословит Господь наступивший год, да дарует Он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое и безмолвное житие!».

6 января Николай II посетил с императрицей Александрой Федоровной Зимний дворец, где он присутствовал на водосвятии. Тогда пушка выстрелила во время салюта картечью, которая фактически накрыла и самого царя, и его свиту. Только по счастливой случайности никого не убило. Те не менее, следуя протоколу, император с супругой «после завтрака принимали послов и посланников в Золотой гостиной».

Войска на Дворцовой площади 9 января 1905 г.

Вечером 8 января 1905 г. министр внутренних дел Святополк-Мирский докладывал императору «о принятых мерах», то есть о готовности власти «стукнуть кулаком по столу». Николай II записал в дневнике: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах». Как мы видим, император был «в курсе» готовящихся силовых мер и одобрил эти меры.

9 января 1905 г. в народ стреляли по всему городу, но расстрел у Зимнего дворца стал знаковым, окончательно закрепившим за Николаем II кличку «Кровавый». Ну и, как известно, Николая II в этот день в Зимнем дворце не было. В дневнике он записал: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до

Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!».

Решение остаться на зиму в Царском Селе принято царем в конце декабря 1904 г. 1 января 1905 г. Николай II записал в дневнике: «Очень рады оставаться на зиму в родном Царском Селе». Это решение было связано прежде всего с обострением ситуации в столице. После трагических событий в Петербурге 9 января 1905 г., гибели в Москве в феврале 1905 г. от рук террористов великого князя Сергея Александровича Николай II принимает решение превратить Александровский дворец Царского Села в свою постоянную резиденцию. Ситуация тогда сложилась столь тревожная, что 11 января 1905 г. Дворцовый комендант приказал сосредоточить войска Царскосельского гарнизона «по направлению возможного прохода стачечников». Дороги из Петербурга в Царское Село заняли войска[629].

Отметим и то, что 19 января 1905 г. Николай II приказал «выдать из Кабинета Его Императорского Величества 50 000 руб… для раздачи от имени Их Величеств Государя Императора и Государынь Императриц пособий семьям убитых и раненых во время беспорядков 9-го января в Санкт-Петербурге»[630].

С января 1905 г. Зимний дворец начали использовать как некое надежно охраняемое пристанище для политиков. Там некоторое время жили Д. Ф. Трепов и П. А. Столыпин. Стремление эсеров убить П. А. Столыпина было столь сильно, что в это время всерьез рассматривались и мало реальные проекты. Так, отставной флотский лейтенант Б. Н. Никитенко, входивший с середины 1906 г. в боевую группу Л. И. Зильберберга, предлагал совершить покушение на П. А. Столыпина в саду Зимнего дворца, где тот периодически прогуливался. Этот сад, примыкавший к западному фасаду Зимнего дворца, окруженный высокими гранитными стенами с решетками, считался вполне безопасным местом для прогулок первых лиц. По планам террористов предполагалось забросать сад через стены с трех сторон гранатами (со стороны Дворцовой площади, со стороны Адмиралтейского проезда и со стороны Дворцовой набережной). Затем по веревочной лестнице флотский лейтенант предполагал перебраться в сад и в случае необходимости добить Столыпина. Однако осуществить задуманное не удалось.

В ноябре 1907 г. на электростанции Зимнего дворца обнаружили пропажу копий с секретных планов Зимнего дворца на семи отдельных листах. Охрана восприняла это как подготовку к проникновению во дворец. Но вскоре пропавшие листы обнаружили у дворцового сантехника[631]. Эпизод показывает, что

службы охраны в это время действительно «подтянулись», если в нежилом Зимнем дворце столь строго контролировалась секретная документация.

Несмотря на то что с 1904 г. Зимний дворец вновь стал лишь парадной резиденцией, он продолжал оставаться одним из символов императорской власти. Поэтому вокруг Зимнего дворца постоянно клубились слухи о подготовке каких-то террористических актов. Видимо, с этими слухами связано разрешение министра Императорского двора В. Б. Фредерикса, данное судебным властям в июле 1908 г. для осмотра помещений царской библиотеки в Зимнем дворце[632].

Среди многочисленных планов покушения на Николая II появились и довольно экзотические варианты, намного обогнавшие время. Например, с осени 1906 г. глава Боевой организации партии эсеров Е. Ф. Азеф увлекся новым проектом. В январе 1907 г. он, обсуждая с Б. В. Савинковым проблемы возрождения Боевой организации, заявил: «Я привез хорошую новость. Вопрос о терроре решен. Боевая организация возродится». И рассказал, что познакомился в Мюнхене с инженером Бухало, который в течение 10 лет работал над проектом летательного аппарата, не имевшего равных в мире. Этот аппарат должен был подниматься на любую высоту, опускаться без малейших затруднений и, самое главное, поднимать значительный груз и двигаться с максимальной скоростью 190 км/ч. Предполагалось, что экспериментальный аэроплан разбомбит одну из императорских резиденций, возможно – Зимний дворец. В. Фигнер писала: «Он под большим секретом посвятил меня в проект истребления всей царской семьи посредством аэроплана, с которого можно сбросить на дворец достаточное количество бомб»[633].

Информацию о возможном покушении с помощью летательного аппарата охранные структуры восприняли всерьез, тем более что эта информация подтверждалась из различных источников[634]. Реакцию охраны можно понять, учитывая темпы развития авиации в начале XX в. В августе 1909 г. начальнику Дворцовой полиции Б. А. Герарди из Департамента полиции передали журнал с материалами заседаний особой комиссии. На этих заседаниях выработали ряд мер, регулирующих порядок полетов над царскими резиденциями.

Николай II с семьей на Дворцовой набережной, после открытия Государственной думы. Апрель 1906 г.

За весь 1905 г. Николай II «посетил» Петербург только два раза: 1 января 1905 г. он принял участие в традиционной церемонии водосвятия на Неве, у стен Зимнего дворца, и 23 июля 1905 г. доехал только до платформы Витебского вокзала. Все остальное время он провел в Царском Селе и Петергофе, периодически выезжая на охоты, в финляндские шхеры, Гатчину и Красное Село.

В 1906 г. Николай II также только два раза посетил столицу. Первый раз – 27 апреля 1906 г. В этот день в Зимнем дворце состоялся торжественный прием членов Государственного совета и депутатов Государственной думы. Примечателен маршрут царя, по которому он добирался до своей парадной резиденции. Накануне, 26 апреля, царская семья переехала из Царского Села в Петергоф.

27 апреля из Петергофа на катере царь добрался до Петропавловской крепости, «оттуда на нем же к Зимнему». После окончания церемонии «в 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на „Александрию“, пошли обратно».

Второе посещение состоялось 3 октября 1906 г. Но этот визит трудно назвать «посещением столицы». Царь писал: «В 2 $^{1}/_{2}$ отправились с Ольгой и Татьяной на „Дозорном“ в Петербург. Пристали к нашему „Штандарту“ и с большим удовольствием провели час времени в кают-компании. Ушли обратно каналом и

подошли к Петергофу при полной темноте в 6 $^{1}/_{2}$».

Если среди эсеров идея цареубийства постепенно приняла форму конкретной задачи, то среди других революционных партий она витала на уровне разговоров. Например, когда Семеновский полк начал «зачистку» в Москве в декабре 1905 г., известный большевик В. Бонч-Бруевич предлагал с. – петербургскому комитету партии немедленно захватить «парочку великих князей» в качестве заложников. У него возникли также достаточно бредовые идеи в случае крупных беспорядков обстрелять Зимний дворец из пушки, украденной из двора гвардейского флотского экипажа[635].

После окончания Первой русской революции порядок охраны императорской резиденции практически не менялся вплоть до Февральской революции 1917 г.

Глава 5. Медицинское обслуживание государей и их семейств

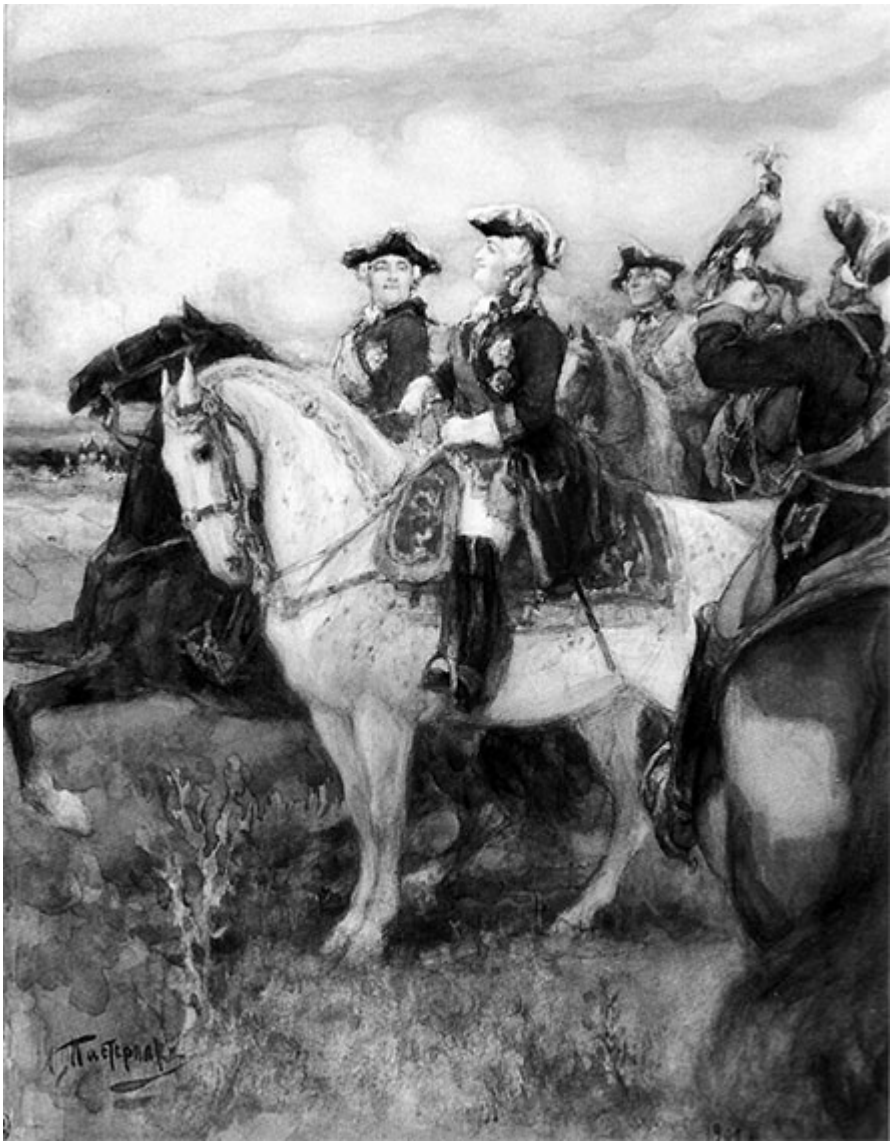
Врачи Екатерины II

Продолжая традиции Аптекарского приказа, обслуживавшего московских царей, рядом с российскими императорами постоянно находились их лечащие врачи. Когда при Петре I начали складываться стандарты Российского императорского двора, формировавшегося «по образцу и подобию» европейских владетельных дворов, этих врачей стали именовать лейб-медиками, включив их должность в Табель о рангах.

Согласно Табели о рангах, «первого лейб-медикуса», то есть личного врача императора, отнесли к VI классу по должности, «лейб-медикус при Ея Величестве императрице» – к VII классу по должности и «надворный лекарь», постоянно дежуривший при Императорском дворе, – к XII классу по должности[636]. При этом врачи обслуживали только узкий круг лиц, входящих в непосредственное окружение императорской семьи. Степень их влияния и близость к императорской семье была очень разной и зависела от многих составляющих.

В Зимнем дворце «медицинская составляющая» обозначилась уже в июне 1762 г., когда, в соответствии со стандартами, в императорской резиденции оборудовали придворную аптеку с соответствующим штатом фармацевтов[637]. Тогда ее разместили на первом этаже северо-восточного ризалита Зимнего дворца, где она и оставалась вплоть до 1917 г.

Г. Х. Гроот. Портрет великой княжны Екатерины Алексеевны на коне. 1744 г.



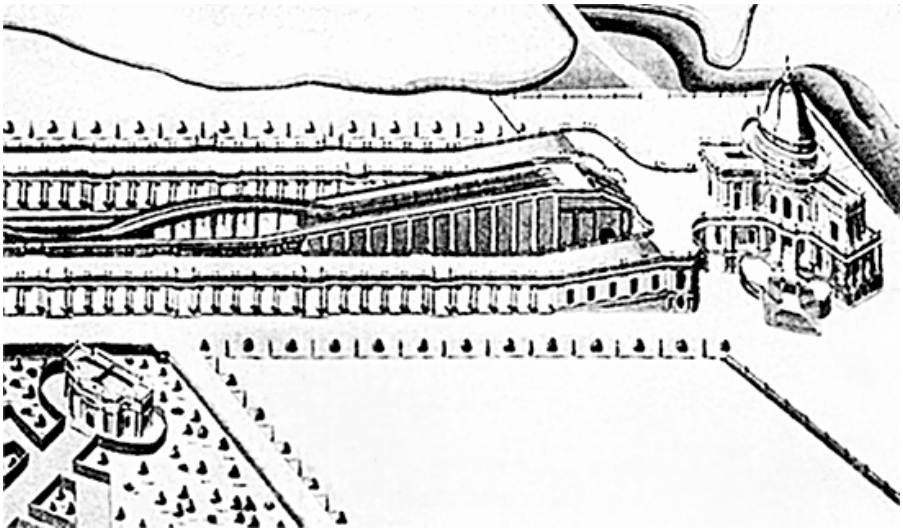
Л. О. Пастернак. Выезд Екатерины II 30 сентября 1867 г. верхом на охоту в мундире Конной гвардии, в село Коломенское. 1900 г.

В XVIII в. лейб-медики, как правило, совмещали несколько медицинских должностей. В Зимнем дворце они не жили, поскольку имели в Петербурге собственные дома, а своим царственным пациентам наносили регулярные визиты. В Зимнем дворце круглосуточно дежурили гоф-медики (три лекаря, дежурство – сутки через трое), их обязанностью являлось немедленное оказание медицинской помощи всем придворным, служившим в императорской резиденции, – от высших

сановников до истопников. Хотя высшие сановники предпочитали обращаться, конечно, к лейб-медикам. Гоф-медики во дворце также не квартировали, а являлись только на дежурство.

Заметим, что императрица Екатерина II старалась держать себя в форме. Как и все аристократки, она была прекрасной наездницей, причем иногда садилась в седло «по-мужски», что тогда считалось «неприличной» посадкой для дам. Она периодически охотилась, участвовала в таких экстремальных забавах, как спуск на тележке с Катальной горки в Ораниенбауме.

Павильон «Катальная горка» в Ораниенбауме



Павильон «Катальная горка» в Ораниенбауме. Реконструкция

Напомним, что А. Ринальди возвел павильон в 1762 г., меняя его конструкцию вплоть до 1774 г. К южному выступу павильона Катальной горки примыкал волнистый скат, состоявший из четырех горок. Он имел три полосы шириной более 6 метров, средняя из них служила для катания. Коляски двигались по вырезанным колеям деревянных скатов. Боковые колеи предназначались для подъема колясок с помощью специальных приспособлений с блоками. Длина ската превышала 500 метров. В 1764 г. изготовили «10 одноколок, за которые уплатили 1430 руб.». В 1768–1769 гг. закончили работы с подъемником («слесарь Фурквистр сделал 6 пар больших петель в галерею к машине»[638]), поднимавшим коляски на горку. Екатерина часто посещала Катальную горку и даже каталась на деревянных тележках, что было занятием небезопасным.

Лейб-медик И. С. Роджерсон

Тем не менее возрастные «болячки» накапливались, случались и обычные сезонные недомогания. Поэтому некоторые из придворных врачей становились настолько близки к первому лицу Империи, что прочно входили в «ближний круг» императорской семьи. Одним из таких врачей стал лейб-медик Екатерины II И. С. Роджерсон.

Лейб-медик Екатерины II Иван Самойлович (Иоганн Джон Самуил) Роджерсон (1741–1823), шотландец по происхождению, окончив медицинский факультет Эдинбургского университета в 1765 г., уже в следующем году приехал в Россию. Подтвердив в ходе экзаменов в Медицинской коллегии свой лекарский диплом, Роджерсон получил право на медицинскую практику в России.

Путь Роджерсона в Зимний дворец начался со спасения от дифтерита сына княгини Е. Р. Дашковой, тогда еще подруги императрицы. Через некоторое время, 18 февраля 1769 г., Екатерина II назначила Роджерсона своим придворным доктором и определила выдавать ему, «впредь до сочинения придворных штатов», по 1000 руб. жалования из сумм Медицинской коллегии.

В архивных документах встречаются счета по пожалованию

гонораров И. В. Роджерсону из «комнатной суммы» императрицы. Так, в августе 1775 г. выплатили «доктору Роджерсону 2000 р.» и «лейб-хирургу Кельхину 1000 р.». Любопытно, что императрица оплачивала и медицинские консультации своего ближайшего окружения. Когда приболел И. Ю. Фредерикс, личный банкир Екатерины II, Роджерсону выплатили «за диспозицию» (то есть за рецепт или консультацию) 300 руб.[639]

Роджерсон оценил открывавшиеся перспективы и усиленно начал заниматься русским языком, которым успешно овладел. Заметим, что многие придворные врачи вплоть до середины XIX в. так и не удосуживались изучить русский язык, хотя десятилетиями жили в России.

Довольно быстро Роджерсон приобрел доверие Екатерины II, не только следя за ее здоровьем, но и контролируя здоровье ее фаворитов. Как известно, в конце царствования Екатерины II кандидаты в фавориты, после «тест-драйва» в покоях доверенных камер-юнгфер, обязательно проходили «медосмотр» у Роджерсона и только после этого отправлялись в спальню Екатерины II. Для тщательного «медосмотра» имелись все основания, поскольку в городе были случаи венерических заболеваний, именно при Екатерине II в Петербурге, близ Калинкина моста, открыли специализированную лечебницу для больных «любострастными болезнями».

Признанием заслуг Роджерсона стало пожалование ему 18 января 1776 г. звания лейб-медика, с чином действительного статского советника, с жалованием в 4000 руб. в год. Отметим, что новоиспеченному «гражданскому генералу» тогда исполнилось всего 35 лет.

У Роджерсона установились внешне вполне «приятельские» отношения с Екатериной II, но умный лейб-медик, конечно, ни на секунду не забывался и четко знал, где идет игра на публику со стороны пациентки, а где – серьезные дела, связанные с мониторингом состояния здоровья императрицы. Екатерина II вполне могла заявить, что не верит в его «науку», что «лекарства помешают моим занятиям; довольно и того, что я посмотрю на тебя»[640]. В одном из писем императрица упомянула: «В молодости мне дали читать Мольера, и его взгляд на врачей не остался без влияния на меня»[641].

В. Л. Боровиковский. Екатерина II в Царскосельском парке. 1794 г.

Б. Чемесов. Портрет Екатерины II. 1762 г.

Эти заявления Екатерины II также отчасти были игрой, поскольку у императрицы имелись серьезные основания для того, чтобы верить в «науку» Роджерсона. В качестве примера приведем историю привития оспы. Зимой и весной 1767 г. по Петербургу прокатилась эпидемия оспы. Екатерина II прекрасно помнила, как перенесенная оспа обезобразила лицо ее мужа – императора Петра III Федоровича. Поэтому она написала российскому посланнику в Англии о своем желании срочно сделать инокуляцию (то есть прививку) оспы себе и своему сыну Павлу. Лондонское медицинское общество избрало для ответственной и почетной миссии одного из лучших врачей-инокуляторов – Томаса Димсдейла. 12 октября 1768 г. он провел инокуляцию императрице и наследнику престола, будущему Павлу I. Это была первая прививка оспы в России. Надо отдать должное и смелости самой императрицы, и ее вере в медицинскую науку.

Практика привития оспы прочно укрепилась в Зимнем дворце. Впоследствии всем многочисленным детям Павла I прививку сделали в положенные сроки. Поэтому Т. Димсдейл еще раз приехал в Россию, для того чтобы привить оспу внукам

императрицы – Александру и Константину.

Барон Томас Димсдейл (1712–1800)

Ф. С. Рокотов. Портрет великого князя Павла Петровича в юности. Кон. 1760-х – нач. 1770-х гг.

Николай I в своих записках счел необходимым упомянуть, что «одновременно с сестрою Анною же нам была привита оспа, что по тогдашним временам представлялось событием необычайной важности, как совсем в обиходе не знакомое. Оспа у меня была слабая, у сестры же она была сильнее, но мало оставила следов».

Отметим, что в шуточных дискурсах о «медицине» Роджерсон не только не спорил с императрицей, но и подыгрывал ей. Убедив Екатерину II принять лекарство, он мог в хорошо рассчитанном «порыве радости» хлопнуть ее по плечу с криком: «Bravo, bravo, Madame!». Эти придворные «актеры» стоили друг друга, хорошо понимая, что подобные «случайные» сценки, впоследствии войдут в мемуары. Главное – то, что Роджерсон был предан своей хозяйке и Екатерина II об этом знала.

В обширной мемуаристике времен правления Екатерины II довольно много упоминаний медицинского характера. Например, один из современников вспоминал: «Она получила от природы весьма крепкое сложение, но часто страдала от головной боли,

которая почти всегда сопровождалась коликами…»[642]; «Узнав, что г-жа Р…с мучилась в родах, поскакала к ней в чужой карете, надела там на себя передник и, сказав акушеру:

„Примемся за работу; мы здесь не что иное, как люди, обязанные помощию ближним“, способствовала родильнице, прислуживала и, забыв Императорское звание, отправляла должность повивальной бабки».

Роджерсон был человеком не без слабостей и странностей, но его медицинской квалификации доверяли, и он лечил весь чиновный и придворный Петербург. Княгиня Е. Р. Дашкова упоминала, что ее спасло от смерти только «великое искусство Роджерсона».

Конечно, у Роджерсона имелись враги и завистники, стремившиеся поколебать его положение. Так, доктор Вейкарт, в середине 1780-х гг. получив введенный «под него» пост «камер-медика» (то есть буквально «комнатного медика»), активно интриговал против Роджерсона. Однако когда заболел и умер фаворит императрицы Ланской, то вину за это Екатерина II возложила на Вейкарта, который его лечил. С этого времени императрица не желала видеть других врачей, кроме Роджерсона.

Если говорить о лечении императрицы, то Роджерсон, как правило, ограничивался кровопусканием и другими довольно простыми методами. Например, для возбуждения аппетита Роджерсон советовал Екатерине II выпивать перед обедом рюмку гданьской (данцигской) водки, что, конечно, по сей день полезно во всех отношениях. В мемуарной литературе упоминается, что императрица принимала холодные ванны и любила нюхательный табак, который поддерживал ее «бодрость духа и тела»: «Табак нюхала она рульной, коего при писании много употребляя, часто чувствовала головную боль, для чего лейб-медик Роджерсон присоветовал ей своего табаку не держать, и она требовала уже онаго от камердинеров, которые всегда имели для нея рульной»[643].

Во взаимоотношениях медиков и императрицы Екатерины II имелась и совершенно конкретная денежная составляющая. Все придворные врачи регулярно получали установленное жалованье, но если они оказывали императрице при ее недомоганиях медицинскую помощь, то за это медикам платился отдельный гонорар сверх жалованья.

Один из первых таких гонораров в истории Зимнего дворца уплатили медикам 8 августа 1762 г. Именно тогда состоялось высочайшее повеление «О выдаче вознаграждения лейб-медику Монсию, Шиллингу… по 1500 р., лейб-хирургу Фасад 1000 р.,

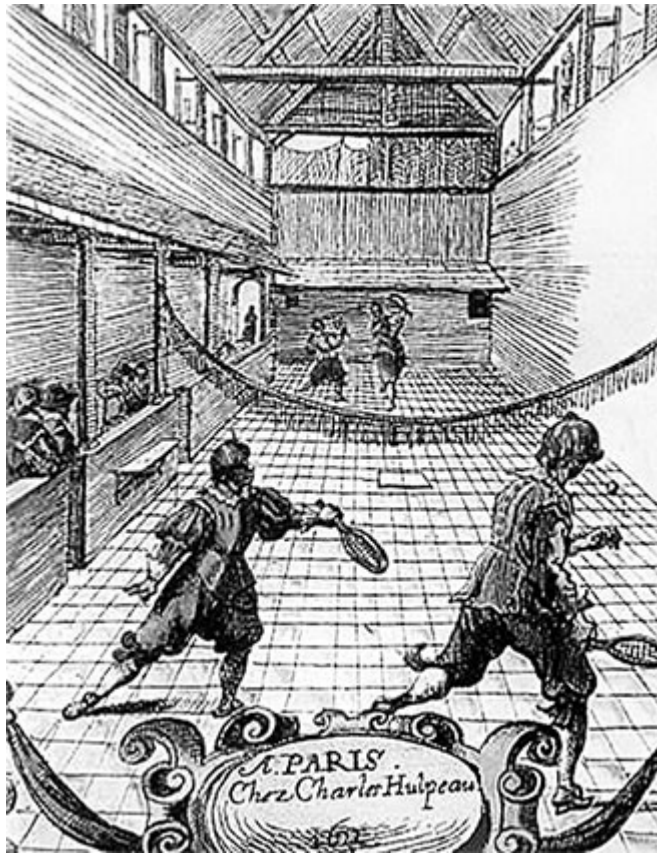
аптекарю Бришорн 600 р.»[644]. Выплата этих денег была связана с тем, что в апреле 1762 г. Екатерина II родила бастарда – сына от Григория Орлова, и только в августе, после переворота, у нее появилась возможность расплатиться с медиками.

17 февраля 1763 г. состоялось решение «О заплате в расход пожалованных в вознаграждение лейб-медикам Шиллингу и Гион по 1000 р. Презе – 1500 р., лейб-хирургу Фасад 1800 р. Всего 5300 р.»[645]. Как видим, и в то время медицинские услуги были вполне сопоставимы с расходами на бриллианты.

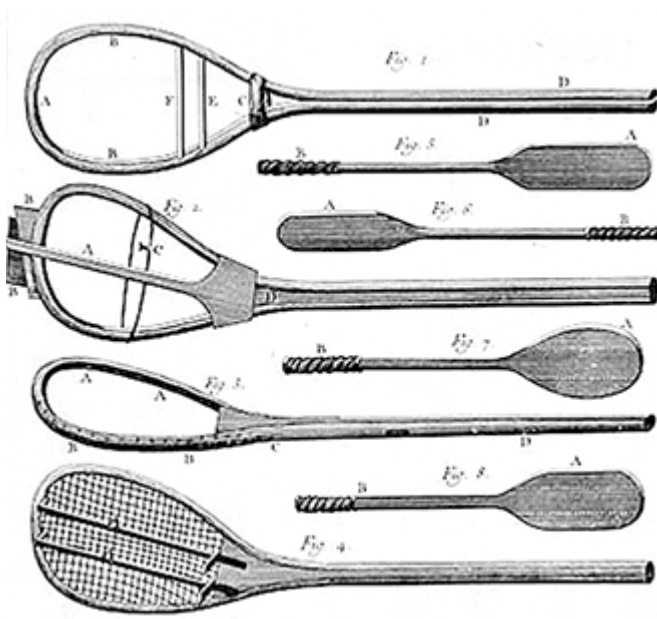
Императрица заботилась о своих врачах и после их смерти. Когда в начале июня 1763 г. умер лейб-медик Гион[646], императрица распорядилась оплатить его похороны (1040 руб.). Через неделю после похорон Екатерина II повелела «о произведении умершего лейб-медика Гиона жене по 1000 р. на год по смерть ея»[647].

Екатерина II, следуя традиции заложенной Петром I, годами пила для профилактики минеральные воды, которые доставлялись для нее из Медицинской коллегии. Об этом свидетельствуют счета по комнатной сумме: «В медицинскую коллегию за минеральные воды – 919 р.» (1773 г.); «В медицинскую коллегию за отпущенные ко двору в 1776 и 1777 гг. минеральные воды – 1876 р.» (1778 г.)[648].

Именно об этих минеральных водах императрица упоминает в своей переписке с европейскими корреспондентами-врачами. При всем своем «просвещенном скептицизме», императрица периодически не только консультировалась с ними, но и высказывала собственные суждения по поводу тех или иных заболеваний своих близких. Так, в письме к врачу И. Г. Циммерману (28 ноября 1787 г.) она высказывала опасения, что «врачи, хирурги и лекарства, которые она принимала, только ухудшили ее болезнь. Я не имею чести быть врачом, но мне кажется, что вначале было достаточно урегулировать те отправления, которые были расстроены, а этого, думается мне, можно было достигнуть, употребляя воду Спа или с помощью холодных ванн; по крайней мере, следовало испытать это; между тем одному Богу известно, сколько было приглашено врачей и сколько лекарств испробовано без всякого успеха»[649].



Jeu de poume



Ракетки для игры в мяч. 1772 г.

Императрица заботилась не только о своем здоровье, но и старалась, чтобы ее ближайшее «молодое окружение» вело активный образ жизни. Поэтому она всячески поддерживала увлечения придворной молодежи активными играми. Так, молодые фрейлины и кавалеры охотно играли в дворцовых залах или манеже Малого Эрмитажа в вошедшую тогда в моду французскую «королевскую» игру в мяч (Jeu de poume), прообраз современного большого тенниса. Для обучения придворных этой игре Екатерина II «на свои» наняла французского тренера на целый год: «О произвождении французу Дю Плесси, который показывает мячинную игру на год по 1000 р.»[650] (3 июня 1773 г.).

На состоянии здоровья императрицы сказывались все особенности ее «профессии», неизбежными спутниками которой являлись психоэмоциональные стрессы. Если оставить в стороне «профессиональные» стрессы, а их случалось немало, очень тревожилась императрица по поводу «буйств» своего внука Константина Павловича.

Императрица очень любила своих первых внуков и, как всякая бабушка, тяжело переживала, когда у них что-то шло «не так». Можно представить, как «кипела» императрица, когда писала воспитателю великого князя Н. И. Салтыкову (29 августа 1796 г.): «Мне известно безчинное, безчестное и непристойное поведение его в доме генерал-прокурора, где он не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства, даже обнаружил и к вам неблагодарность, понося вас и жену вашу, что столь нагло и постыдно и бессовестно им произносимо было, что не токмо многие из наших, но даже и шведы без соблазна, содрагания и омерзения слышать не могли. Сверх того, он со всякою подлостию везде, даже и по улицам, обращается с такою непристойною фамильярностию, что я того и смотрю, что его гдениесть прибьют к стыду и крайней неприятности. Я не понимаю, откудова в нем вселился таковой подлый sansculotisme, пред всеми его уничижающий. Повторите ему, чтобы он исправил поведение свое и во всем поступал прилично роду и сану своему, дабы в противном случае, если еще посрамит оное, я б не нашлась в необходимости взять противу того строгие меры»[651].

Об этом же эпизоде писала великому князю и официальному наследнику Павлу Петровичу его супруга Мария Федоровна (5 сентября 1796 г.): «Затем говорила она о Константине, что он действительно болен и раскаивается; она надеется, что это послужит ему уроком на всю жизнь, но что надобно действовать

всем за одно, для его исправления от недостатков… Вообще в ея беседе не было никакой натяжки, но, мне кажется, она нездорова… У Константина лихорадка. Императрица говорит, что это у него от страха»[652].

В 1796 г. Екатерине II исполнилось 67 лет. Выглядела она «по возрасту» (того времени, конечно). К этому времени императрица страдала от трофических язв на голенях, появившихся в 1790 г., при этом принимала советы таких «народных знахарей», как капер (то есть пират с государственным патентом) грек Качиони[653], тот лечил больные ноги императрицы холодными ваннами на морской воде. Роджерсон, естественно, протестовал против сомнительных народных снадобий, но за греком стоял всесильный тогда Платон Зубов. По мнению современных врачей, трофические язвы на ногах были вызваны варикозным расширением вен и их последующим воспалением (тромбофлебит).

Очки императрицы Екатерины II

Екатерина II стала пользоваться тростью, сильно располнела, окружающие отмечали у императрицы легкое дрожание головы и кистей рук. С 1780-х гг. она начала пользоваться очками для чтения[654]. Спутниками императрицы стали постоянные головные боли, усиливавшиеся к вечеру, что является одним из симптомов гипертонии.

В мемуарной литературе глухо упоминается, что в конце 1770-х гг. Екатерина II перенесла какую-то гинекологическую операцию. Это подтверждается счетами по «комнатной сумме» императрицы. В декабре 1778 г. группе медиков, среди которых был ведущий гинеколог России Н. М. Амбодик-Максимович, выплатили внушительные гонорары после посещения Зимнего

дворца: «Морского госпиталя доктору Максимовичу 200 червонных на 520 р.» (10 декабря 1778 г.)[655]. По мнению исследователей, «есть основания считать, что одно из вмешательств, сделанное лейб-медиком Д. Роджерсоном, было выполнено на половой сфере императрицы»[656].

Незадолго до смерти Екатерина II наградила лейб-медика, пожаловав Роджерсону 19 августа 1795 г. 1586 чел. крепостных крестьян.

Примечательно, что Роджерсон сохранил свое положение, в отличие от очень многих соратников Екатерины II, и при Павле I. Свидетельством этому стал чин тайного советника, полученный врачом на коронацию Павла I – 5 апреля 1797 г. Все правление Павла I и первую половину царствования Александра I Роджерсон исполнял должность лейб-медика. Он продолжал лечить членов императорской фамилии, став за несколько десятилетий привычной фигурой в коридорах Зимнего дворца, поскольку сохранял свое положение на протяжении трех царствований (Екатерина II, Павел I, Александр I). Роджерсон прожил в России до 1816 г., то есть более полувека. Он, имевший колоссальные связи, протежировал многим коллегам-соотечественникам, приезжавшим в Россию за деньгами и карьерой. Именно Роджерсон при Павле I «подсадил» своего соотечественника Я. Виллие, дав старт его многолетней придворной медицинской карьере. Роджерсон вернулся на родину в 1816 г., где и умер в своем шотландском поместье в 1823 г.

Теперь обратимся к событиям второй половины 1796 г., связанным со смертью Екатерины II в Зимнем дворце. Смерть первого лица в самодержавной империи – всегда потрясение основ. Эти печальные события оставляют заметный след в душах подданных, знаменуя конец одной и начало другой эпохи.

За все время существования Зимнего дворца в качестве главной императорской резиденции в ней умерли несколько первых лиц: императрица Екатерина II (в ноябре 1796 г.), императрица Мария Федоровна (в октябре 1828 г.), император Николай I (в феврале 1855 г.) и император Александр II (в марте 1881 г.). Все эти смерти стали значимыми этапами «жизни» Зимнего дворца. Все, как в чеканной формуле: «Король умер, да здравствует король!».

Как всякий человек, императрица Екатерина II периодически обращалась к теме своей смерти. Она даже составляла «сценарии» своей кончины, планируя умереть в окружении друзей, под звуки нежной музыки, среди цветов. Сохранилась собственноручная записка Екатерины II, написанная чернилами на клочке бумажки: «Ежели умру в городе, положите меня в Александро-Невском

монастыре, в соборной церкви, мною построенной. Ежели в Царском Селе, в Софейском кладбище у Казанской Богородицы. Буде в Петергофе, у Сергеевской пустыни. Ежели в Москве, в Успенском монастыре»[657]. Примечательно, что Екатерина II не упоминает Петропавловский собор, где упокоивались монархи, начиная с Петра I.

Она не единожды составляла эпитафии на свою могилу. Но «старушка с косой», как это и бывает, пришла неожиданно, и смерть оказалась совсем не такой, как ее представляла императрица. Инсульт настиг Екатерину II во время утреннего туалета 5 ноября 1796 г. Современники и очевидцы оставили подробнейшие описания произошедшего в эти часы в стенах Зимнего дворца. Если отбросить «лирику», то произошедшее сводится к следующим «медицинским фактам». Императрице шел 68-й год. Она давно болела различными возрастными заболеваниями, включая гипертонию. «Профессия» Екатерины II, связанная с постоянными стрессами, могла не единожды спровоцировать инсульт.

Очередной стрессовой ситуацией для императрицы оказался скандал, связанный со сватовством шведского принца к внучке императрицы – великой княжне Анне Павловне. Шведский принц, уже пребывая в Зимнем дворце, отказался жениться на великой княжне, если она не перейдет в протестантизм. Для императрицы это был сильнейший удар. И в прямом, и в переносном смысле. По свидетельству современников, «она не могла выговорить ни одного слова и оставалась несколько минут с отверстым ртом, доколе камердинер ее Зотов (известный под именем Захара) принес и подал ей выпить стакан воды»[658]. Тем не менее императрица оправилась от микроинсульта, и окружающие не отмечали ничего тревожного в состоянии ее здоровья.

Императрица бодрилась и желала, чтобы все шло, как всегда. В воскресенье 2 ноября 1796 г. «императрица Екатерина в последний раз появилась на публике. Казалось, что она и вышла для того только, чтобы проститься со своими подданными. Потом все поражались, вспоминая впечатление, которое она на всех произвела. Хотя публика обыкновенно собиралась по воскресеньям в Кавалергардской зале, а Двор – в дежурной комнате, императрица редко проходила по Кавалергардской зале. Чаще всего она прямо шла из дежурной комнаты через столовую в Большой собор. Туда она приглашала также великого князя Павла или Александра, если Павел в тот день не приезжал, и слушала службу с хоров, одно окно которых выходило в алтарь. 2 ноября императрица пошла в церковь через Кавалергардскую залу. Она была в трауре по королеве Португальской и выглядела лучше, чем

все последнее время. После службы императрица довольно долго оставалась в Тронной зале. Госпожа Лебрен только что окончила портрет во весь рост великой княгини Елисаветы и в этот день представила его императрице. Ее величество велела поместить его в Тронной зале, долго рассматривала, изучала во всех подробностях и высказывала свое мнение о нем в беседе с лицами, приглашенными в тот день к ее столу.

М.-Э. Виже-Лебрен. Портрет великой княгини Елизаветы Алексеевны. 1796 г.

Затем состоялся большой обед, как и всегда по воскресеньям. Среди приглашенных находились великие князья Александр и Константин с их супругами. Это был не только последний день, когда все они обедали у ее величества, но и последний раз, когда она их видела. По распоряжению государыни, вечером они к ней не являлись»[659].

4 ноября 1796 г. состоялся традиционный «Малый Эрмитаж». Екатерина II шутила, много смеялась, но, уйдя с собрания раньше обычного, в своих покоях обронила, что у нее «мелькающие мухи в глазах».

Буквально накануне случившегося инсульта императрицу видел лейб-медик Роджерсон. Он обратил внимание на возбужденный вид императрицы, сильно взволнованной после

получения важных известий с театра военных действий. Роджерсон, с согласия императрицы, проследовал за ней в спальню, где, выслушав ее пульс, попросил немедленно сделать кровопускание. Но Екатерина лишь посмеялась над его опасениями, заявив, что он успеет пустить кровь и завтра.

Но этого «завтра» для императрицы уже не наступило. С ней случился, как говорили в XVIII в., удар. Утром 5 ноября 1796 г. императрица упала в туалете, где ее и нашел камердинер. Слуги пытались привести ее в чувство, но глаза ее были закрыты, цвет лица – багровый, а из горла раздавался хрип. Сбежавшиеся слуги с трудом вынесли грузную императрицу из туалета и перенесли в спальню. Поднять императрицу на кровать они уже не смогли и уложили ее на полу, на сафьяновом матрасе, послав за докторами.

В камер-фурьерском журнале произошедшие события изложены следующим образом (5 ноября 1796 г.): «По утру в 6 часов Государыня изволила проснуться в совершенном здравии, кушала кофий и по обыкновенному своему упражнению села писать, что продолжалось до 9 часов. В 10 часу нашел Ее Величество камердинер Захар Зотов, лежащею в чулане[660], для чего, призвав товарищей своих Ивана Тюльпина и Ивана Чернова, чтоб перенести в почивальню, которые и начали поднимать, без всякого чувства только взглянула один раз, испустила слабый стон с вздохом, а как они стали переносить, то нашли необъятную тягость и в числе 6 человек едва могли перетащить и положили в почивальной на полу с закрытыми глазами, и только что храпела и утроба вздымалась, а при пришествии медиков отворили кровь из руки, но оная хотя и текла, но тихо, и притом густая и черная, давали рвотное и порошки, клали шпанскую муху, ставили несколько клистиров, но все оное никакой пользы не принесло, почему призван был Отец духовный Сава Исаевич, чтобы по закону христианскому сделать все, что следует, но как невозможно было приобщить Святых Тайн по причине текущей мокроты из рта, то решился отправить Канон при исходе души, а как приехал Преосвященный митрополит Гавриил Новгородский и Санкт-Петербургский, то присоветовал отцу духовному приобщить Святых Тайн, потому что на этот раз мокрота остановилась. В 9-ом часу изволил прибыть из Гатчины наследник Цесаревич…»[661].

К лапидарной информации камер-фурьерского журнала добавим воспоминания мемуариста, бывшего в этот день рядом с Екатериной II: «По утру 5-го ноября 1796 г., проснувшись, позвонила она по обыкновению в 7 часов; вошла Марья Савишна Перекусихина. Императрица утверждала, что давно не проводила

так покойно ночь, встала совершенно здоровою и в веселом расположении духа. – „Ныне я умру“, – сказала императрица. Перекусихина старалась мысль эту изгнать: но Екатерина, указав на часы, прибавила: „Смотри! В первый раз они остановились“. – „И, матушка, пошли за часовщиком и часы опять пойдут“. – „Ты увидишь“, – сказала государыня и, вручив ей 20 тысяч руб. асс., прибавила: „Это тебе“».

Сегодня у врачей есть такое понятие, как «золотой час». Если в течение этого времени сразу же после инсульта больному оказывается квалифицированная медицинская помощь, то есть серьезные шансы «вытащить» его из болезни. Такого «золотого часа» у Екатерины Великой не оказалось. Вызванный гоф-медик собирался пустить кровь императрице, но Платон Зубов не позволил ему это сделать. Ждали лейб-медика Роджерсона, который приехал спустя полтора часа и наконец выполнил эту несложную манипуляцию. Как указано в камер-фурьерском журнале, Роджерсон распорядился приставить к ногам Екатерины II шпанские мушки, но и это не принесло пользы. По мнению врача, «удар последовал в голову и был смертельным»[662].

Множество курьеров, независимо друг от друга, направили разные сановники в Гатчину с известием о смертельной болезни Екатерины II. Все торопились отметиться, сообщив наследнику «добрую весть». Зимний дворец постепенно наполнялся «людьми всякого звания, кои, собраны будучи вместе столько же по званиям их, сколько из любопытства или страха, все с трепетом ожидали окончания одного долговременного царствования для вступления в другое, совсем новое»[663].

Как ни удивительно, но великому князю Александру Павловичу, старшему сыну цесаревича Павла Петровича, позволили войти к умиравшей бабушке только в шестом часу вечера. Это свидетельствует о напряженной подковерной работе сановников, сделавших ставку на будущего Павла I. Фрейлина В. Н. Головина пишет в воспоминаниях: «Войдя в слабо освещенную спальню, великий князь и великая княгиня видали ее величество, лежавшую на полу, на матрасе, огороженном ширмами. В ногах ее стояли камер-фрейлина Протасова и одна из первых камер-фрау Алексеева. Их рыдания вторили страшному хрипению государыни, и это были единственные звуки, нарушавшие глубокое безмолвие. Александр и его супруга оставались там недолго. Они были глубоко потрясены»[664].

Наследник Павел Петрович приехал в Зимний дворец только к вечеру 5 ноября 1796 г. Императрицу уже все «списали», и всякий, «кто хотел, подвигнутый жалостью или любопытством,

входил в ту комнату, где лежало едва дышащее тело императрицы». Наследник переговорил с докторами, и они подтвердили, что надежды на то, что императрица хоть каким-либо образом оправится, нет.

В. Н. Головина описывает вечер 5 ноября 1796 г. в Зимнем дворце следующим образом: «Павел приехал к семи часам и, не заходя к себе, отправился с супругой своей в покои императрицы. Он виделся лишь со своими сыновьями, а невестки его получили приказание оставаться у себя. Комната императрицы тотчас же наполнилась лицами, преданными великому князю-отцу. То были по большей части люди, взятые из ничтожества, которым ни таланты, ни рождение не давали права претендовать на высокие посты и на милости, о которых они уже мечтали. Толпа в приемных увеличивалась все больше и больше. Гатчинцы (так называли лиц, о которых я только что говорила) бегали, расталкивая придворных, и те спрашивали себя с удивлением, что это за остготы, одни только имеющие право входа во внутренние покои, в то время как прежде их не видывали даже в приемных?»[665].

Великий князь Павел Петрович провел ночь в кабинете «рядом со спальней своей матери, поэтому все, кому он отдавал приказания, направляясь в кабинет и обратно, проходили мимо еще дышавшей императрицы, так, словно бы ее уже не существовало. Это крайнее неуважение к особе государыни, это кощунство, недопустимое и к последнему из людей, шокировало всех и представляло в неблагоприятном свете разрешавшего это великого князя Павла»[666].

В эту ночь в Зимнем дворце не спали, поскольку решался вопрос о власти. Видимо, именно тогда уничтожили завещание Екатерины II, предполагавшее передачу власти внуку – великому князю Александру Павловичу. Именно тогда великий князь Александр присягнул своему отцу как новому императору. Именно тогда великая княгиня Елизавета Алексеевна рассталась с мыслью стать императрицей. Судя по воспоминаниям фрейлины В. Н. Головиной, великую княгиню буквально потряс гатчинский мундир, который ее супруг, великий князь Александр Павлович, одел в эту ночь: «Около трех часов утра вместе с Константином они вошли к Елисавете. Они уже переоделись в форму батальонов великого князя-отца. Эта форма служила в царствование Павла образцом, по которому переобмундировали всю армию. Иногда ничтожные обстоятельства действуют сильнее, чем что-либо серьезное. При виде этих мундиров, которых не носили нигде, кроме Павловска и Гатчины, и которые великая княгиня до сих пор видела на муже только когда он надевал их тайком, ибо

императрица не желала, чтобы внуки ее учились прусскому капральству, – при виде этих мундиров, над которыми великая княгиня тысячу раз насмехалась, исчезли последние иллюзии, и она разрыдалась»[667].

По воспоминаниям Я. И. де Санглена, в 9 часов утра 6 ноября, войдя в кабинет, где находились великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна, Роджерсон объявил им, что удар в голову смертельный и что Екатерина II «кончается». Впрочем, это было уже и так всем понятно. Поэтому 6 ноября Павел Петрович вел себя уже как император, приказав опечатать кабинет Екатерины II, предварительно изъяв все документы.

Весь день 6 ноября Екатерина II умирала. Фрейлина В. Н. Головина писала: «До трех часов дня мы провели самое страшное время в моей жизни. Каждые два часа муж присылал мне записочки; была минута, когда надежда озаряла все сердца, как луч света темноту, но она была очень непродолжительна и сделала еще более твердой уверенность в несчастии»[668]. Другой очевидец вспоминал: «С трех часов пополудни слабость пульса у императрицы стала гораздо приметнее; раза три или четыре думали доктора, что последует конец; но крепость сложения и множество сил, борясь со смертью, удерживали и отдаляли последний удар. Тело лежало в том же положении, на сафьянном матрасе, неподвижно, с закрытыми глазами. Сильное хрипение в горле слышно было и в другой комнате; вся кровь поднималась в голову, и цвет лица был иногда багровый, а иногда походил на самый живой румянец. У тела находились попеременно придворные лекари и, стоя на коленях, отирали ежеминутно материю, текшую изо рта, сперва желтого, а под конец черноватого цвета»[669].

В течение дня Роджерсон был с умирающей и присутствовал при последних минутах ее жизни. «Я тотчас же увидел, – писал Роджерсон своему близкому другу графу С. В. Воронцову, – что она скончалась. Преклонные годы и ее тучность (так как в последние годы она очень пополнела и отяжелела) предрасположили ее к апоплексии – этому наследственному припадку, от которого умерли ее братья. Я уверен, однако, что обстоятельства, о которых я сообщал вам через Фратера, еще более ускорили ее кончину». Мы можем только догадываться, о каких «обстоятельствах» упоминает Роджерсон. Впрочем, среди петербургского бомонда самых разных слухов об императрице ходило множество.

Умерла Екатерина Великая 6 ноября 1796 г. в 22 часа 45 минут. В камер-фурьерском журнале имеется следующая запись: «Ее Величество, при беспрерывном страдании храпениями и

воздыханиями утробы, при изрыгании по временам из гортани гнилой темного цвета мокроты, продолжавшейся до 9 часа вечера, не открывала очей и, не чувствуя сего страдания, через 36 часов беспрерывно продолжавшегося без всякой перемены… 6 ноября в четверг пополудни 10-го часа и 45 минут скончалась в возрасте 67 лет 6 месяцев и 15 дней…»[670].

Очевидец вспоминал: «По правую сторону тела императрицы стояли наследник, супруга его и их дети; у головы призванные в комнату Плещеев и я; по левую сторону доктора, лекари и вся услуга Екатерины. Дыхание ее сделалось трудно и редко; кровь то бросалась в голову и переменяла совсем черты лица, то, опускаясь вниз, возвращала ему естественный вид. Молчание всех присутствующих, взгляды всех, устремленные на единый важный предмет, отдаление на сию минуту от всего земного, слабый свет в комнате – все сие обнимало ужасом, возвещало скорое пришествие смерти. Ударила первая четверть одиннадцатого часа [?!]. Великая Екатерина вздохнула в последний раз и, наряду с прочими, предстала пред судом Всевышнего»[671].

Удивительно, но все это время супруга Павла I, великая княгиня Мария Федоровна, сохраняла полное спокойствие. Для нее произошло то, чего она страстно желала многие годы: «… императрица Мария, деятельно и с полным присутствием духа, занялась одеванием почившей императрицы и уборкой ее комнаты. Усопшую положили на постель и одели в домашнее платье»[672]. В этой же комнате состоялась панихида, а затем все, поцеловав руку почившей, перешли в Большую церковь Зимнего дворца, где Павел I принял у присутствующих присягу на верность. По окончании присяги Павел I «пошел прямо в спальную комнату покойной императрицы, коей тело в белом платье положено было уже на кровати, и диакон на аналое читал Евангелие. Отдав ей поклон, государь, по нескольких минутах, возвратился в свои собственные покои». Так началось новое царствование.

8 ноября состоялось вскрытие и бальзамирование тела усопшей. Во время вскрытия, как указано в камер-фурьерском журнале, «найдена причина смерти от удара в голову и что кровь разлилась в голове на мозгу в двух местах, на одной стороне жидкая кровь от разорвавшейся жилы. В желчи найдены два камня и желчь, разлившаяся в сердце[673]. По окончании сей операции Их Величества и Их Высочества изволили быть у тела»[674].

Процессом вскрытия и бальзамирования усопшей руководили лейб-медики К. Ф. Крузе[675] и И. С. Роджерсон. Они подписали протокол вскрытия, составленный по-немецки и по-английски. То,

что «удар» 5 ноября 1796 г. был следствием запущенной гипертонической болезни, – вне сомнений. Этому дню предшествовали преходящие нарушения мозгового кровообращения. Кроме этого, на произошедшем сказался сильный стресс, связанный с провалом запланированной свадьбы, и привычка молодости, с которой императрице не хотелось расставаться (крепчайший кофе по утрам). Кроме того, 67-летняя императрица не желала прекращать и утехи с 29-летним Платоном Зубовым. Есть еще ряд факторов[676], которые ускорили кончину Екатерины II.

9 ноября лейб-медику Роджерсону поручили осмотреть тело умершей и «донести, в каком состоянии он его найдет». Роджерсон высказался за необходимость решительно сократить время прощания с покойной императрицей. Зимний дворец оделся в траур по своей первой хозяйке. Тело поместили в тронной зале под балдахином, положив руку покойной так, чтобы ее было удобно целовать прощающимся[677]. По свидетельству В. Н. Головиной, «Императрица Мария Федоровна расхаживала взад и вперед, отдавала приказания и распоряжалась церемонией. Ее довольный вид мучил меня… Рядом с Тронной находилась Кавалергардская зала. Здесь все было обтянуто черным: потолок, стены, пол. Блестящий огонь в камине один лишь освещал эту комнату скорби. Кавалергарды, в их красных колетах и серебряных касках, разместились группами, опираясь на свои карабины, или отдыхали на стульях. Тяжелое молчание царило повсюду, его нарушали лишь рыдания и вздохи»[678].

Захоронения Екатерины II и Петра III в Петропавловском соборе. Современное фото

Через некоторое время по распоряжению Павла I состоялась церемония перенесения в Зимний дворец тела императора Петра III Федоровича из Александро-Невской лавры. Тело императора Петра III, убитого во время переворота 1762 г., выставили в Белом зале (ныне – Гербовый) Зимнего дворца, на катафалке, по правую сторону тела императрицы Екатерины II. Вскоре оба гроба перевезли в Петропавловскую церковь «с большою церемониею», где они и были погребены в один и тот же день.

В памяти современников и потомков Екатерина II осталась как Великая. Но есть и другие, не менее авторитетные мнения. Поэтому слово А. С. Пушкину:

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены[679],
И просвещенъем, и Тавридой,
И посрамлением Луны[680],
И мы… прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского Села

Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
С Делиньем[681] *– иногда с Барковым*[682].
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала[683]*, флоты жгла*[684]*,*
И умерла, садясь на судно.
С тех пор… мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

Врачи Павла I

Если говорить о состоянии здоровья императора Павла I, то каких-либо значительных свидетельств о состоянии его здоровья не сохранилось. Сам этот факт скорее свидетельствует о его удовлетворительном состоянии, хотя «болячки», по мелочи, конечно, имелись. Так, воспитатель С. А. Порошин упоминает, что наследника в детские годы часто мучили головные боли. Он же отмечает, что у Павла Петровича в юношеском возрасте были очень хорошие, белые зубы. Будущий император периодически, как и все дети, болел «положенными» болезнями.

Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, обратимся непосредственно к запискам воспитателя Павла Петровича. Так, в октябре 1764 г., когда наследник, пожаловался на головную боль, С. А. Порошин немедленно вызвал лекаря Фузадье[685]. Лекарь посчитал главной причиной головной боли хронический «недосып» наследника, который поднимался в 6 часов утра. Поэтому Н. И. Панин «приказал, чтоб впредь прежде семи часов Государя ни под каким видом не поднимать с постели». Приступ головной боли повторился в декабре 1764 г. Лежа в постели, 10-летний Павел Петрович составил некую классификацию своих головных болей: «По его системе четыре их рода: круглая, плоская, простая и ломовая болезнь. Круглою изволит называть ту головную болезнь, когда голова болит у него в затылке; плоскою ту, когда лоб болит; простою, когда голова слегка побаливает; ломовою, когда вся голова очень болит». Иногда головные боли были столь сильны, что наследника могло вырвать: «Начал Его Высочество жаловаться, что голова у него болит и что ему тошно… Вырвало Великого Князя всем почти севоднишним обедом».

По мнению медиков, проблемы с пищеварением у наследника были связаны с тем, что он слишком быстро, не пережевывая пищу, ел, буквально набивая желудок. Поэтому наследника «посадили» на диету, чем он был категорически недоволен (11 августа 1765 г.): «Его Высочество очень жаловаться изволил, что за столом ныне мало дают ему кушать. И как медики упорно на своей диэте стояли, то Его Высочество весьма изволил смотреть угрюмо <…>: „Они, конечно, на тот свет хотят меня отправить; морят с голоду; в чаю да в лекарствах так, пожалуй, хоть купайся; или они боятца, чтобы я не был так толст, как Куракин; да этому быть никак нельзя; тот все сидит, да лежит, да нежится, а я весь день на ногах“».

Услуги медиков по лечению великого князя Павла Петровича,

а потом и его первой жены оплачивались из средств так называемой комнатной суммы Екатерины II: «Об отпуске графу Н. И. Панину для выдачи пожалованных в награждение лейб-медикам и прочим, находившимся при Его Императорском Высочестве во время болезни его 25 000 р.» (26 августа 1771 г.) [686]. Сумма более чем внушительная, но и ответственность врачей была велика. Когда в результате патологических родов в 1776 г. в Зимнем дворце умерла жена наследника Павла Петровича – великая княгиня Наталия Алексеевна, то врачам, делавшим все возможное, Екатерина II из своей комнатной суммы, выплатила положенные гонорары: «О выдаче пожалованных в награждении бывшим при покойной великой княгине во время ее болезни докторам, лекарям и бабкам 10 000 р.»[687].

Самым известным «медицинским эпизодом» детства Павла I стала прививка оспы, которую стали прививать всем царским детям. Как уже упоминалось, и все дети Павла Петровича своевременно прошли через процедуру прививки оспы. Графиня В. Н. Головина упоминает, что весной в 1799 г. в Зимнем дворце оспу привили великому князю Михаилу Павловичу. Она отмечает, что «в подобных случаях было принято удалять из дворца царских детей, не имевших еще прививки, и великой княгине (Елизавете Алексеевне. – *И. З.)* было объявлено, что она должна на время расстаться с дочерью, которую на шесть недель перевезут на жительство в Мраморный дворец»[688].

Самой известной «медицинской проблемой» считается мнимое «безумие» императора Павла I. Биографы императора по-разному оценивали его душевное здоровье. Все те, кто так или иначе были причастны к заговору и убийству Павла I, безапелляционно писали о «сумасшедшем на троне». Те, кто пытался объективно анализировать характер императора, писали об личностных особенностях, холерическом темпераменте и т. п. Сегодня можно констатировать, что все разговоры о безумии Павла I – не более чем один из устоявшихся дворцовых мифов. Деятельность Павла I не дает никаких оснований считать его «сумасшедшим на троне». Можно говорить только об особенностях характера, которые принимали гипертрофированную форму в условиях абсолютистской власти.

Император Павел I

Вуаль Жан Луи. Императрица Мария Федоровна. Конец 1790-х гг.

С юных лет вокруг наследника сложился штат лечащих врачей. Некоторые из них впоследствии лечили и детей Павла I. А работы у них оказалось достаточно, поскольку Мария Федоровна родила 10 детей, и Зимний дворец 7 раз оглашался детским писком очередного великого князя или княжны. Как правило, это были «зимние дети». Итак, из всех детей Павла I в Зимнем дворце родились: Александр Павлович – 12 декабря 1777 г.; Александра Павловна – 29 июля 1783 г.; Елена Павловна – 13 декабря 1784 г.; Мария Павловна – 4 февраля 1786 г.; Ольга Павловна – 11 июля 1792 г.; Анна Павловна – 7 января 1795 г. и Михаил Павлович – 28 января 1798 г. Все роды великих княгинь и императриц проходили только «по месту жительства».

Такое количество детей могла родить только очень здоровая женщина. Войдя в возраст, Мария Федоровна была вынуждена отказаться от верховых прогулок, но зато она старалась ежедневно ходить пешком не менее двух часов по аллеям Павловского парка. Фрейлина императрицы М. С. Муханова свидетельствует, что уже пожилая императрица «поутру вставала… в 7 часов, а летом в 6 часов, обливалась холодною водою с головы до ног и после молитвы садилась за свой кофе, который пила всегда очень крепкий, а потом тотчас занималась бумагами. Она пользовалась крепким здоровьем, любила прохладу, – окна были постоянно открыты»[689].

Портрет графа И. П. Кутайсова

Когда в 1798 г. родился великий князь Михаил Павлович,

отношения между супругами находились в стадии «полураспада». У Павла I давно обозначилась череда фавориток, супругой он пренебрегал. Поэтому особенности последних родов Марии Федоровны стали формальным поводом для полного прекращения супружеских отношений. В. Н. Головина пишет об этом: «Роды императрицы были тяжелы, но не опасны. Так как тогда она лишилась своего постоянного акушера, то пригласила акушера из Берлина. Этот господин, подкупленный, вероятно, тем, кто желал подорвать кредит императрицы и Нелидовой, а именно Кутайсовым[690], объявил государю, что не отвечает за жизнь императрицы в случае еще одних родов. Это сделалось в течение года источником всевозможных интриг».

Дети в Зимнем дворце не только рождались, но и умирали. Так, 15 января 1895 г. умерла великая княжна Ольга Павловна, которой шел третий год. Когда она родилась, Екатерина II немедленно поведала своим друзьям о деталях произошедшего: *«Великая княгиня угостила нас пятой дочерью, у которой плечи почти также широки, как у меня. Так как великая княгиня мучилась родами два дня и две ночи и родила 11 июля, в день праздника св. Ольги, которая была крещена в Константинополе в 956 году, то я сказала: „Ну, пусть будет у нас одним праздником меньше, пусть ея рождение и имянины придутся на один день, и таким образом явилась Ольга“».*

Великая княжна Ольга Павловна (1792–1795)

Когда же девочка умерла, бабушка Екатерина II довольно спокойно известила о произошедшем одного из своих европейских корреспондентов: «15-го скончалась великая княжна Ольга. И представьте себе от чего? Вот уже недель осьмнадцать, как у нее обнаружился такой голод, что она беспрестанно просила кушать; от того она росла непомерно для своих двух с половиной лет; в то время вышло много коренных зубов зараз, и после шестнадцати недель страданий и медленной изнурительной лихорадки наступила смерть…».

Это был единственный ребенок, которого потеряли Павел Петрович и Мария Федоровна. Все остальные периодически болели, но все обходилось благополучно. Например, в 1794 г. в Зимнем дворце заболел уже взрослый 17-летний великий князь Александр Павлович и «был нездоров в течение 52 дней»[691].

В последние годы жизни Павла I мучила бессонница. Среди легенд Зимнего дворца существует и такая, будто: «Павел Петрович взял привычку, когда у него бывала бессонница, будить свою супругу невзначай, отчего у нея делалось биение сердца. Она должна была выслушивать, как он читал ей монологи из Расина или Волтера. Бедная Императрица засыпала, а он начинал гневаться. Наконец, Кеннеди[692] решилась не пускать его, и, когда он стучался в двери, она ему кричала: „Нельзя, мы спим“. Павел отвечал из-за дверей: „Так вы красавицы в спящем лесу“, шел дальше, стучался в двери камер-фрау, у которой на руках хранились бриллианты, и кричал ей: „Брилианты украдены!“ или „Вон из дворца, пожар!“. Потом и эта камер-фрау перестала ему отпирать, и он стал ходить к часовым и разговаривать с ними. Он страшно мучился от бессонницы. Императрица иногда нарочно вставала и прохаживалась с ним иной раз всю ночь, пока он начинал успокаиваться»[693]. Впрочем, все эти истории входили в дежурный комплект историй о «сумасшедшем императоре» Павле Петровиче, и их не стоит принимать во внимание, за исключением самого факта бессонницы.

Надгробие Ольги Павловны в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры

Впрочем, приведем еще один «павловский анекдот»,

имеющий отношение к лейб-медику Я. В. Виллие: «Лекарь Вилье, находившийся при великом князе Александре Павловиче, был ошибкою завезен ямщиком на ночлег в избу, где уже находился император Павел, собиравшийся лечь в постель. В дорожном платье входит Вилье и видит пред собою государя. Можно себе представить удивление Павла Петровича и страх, овладевший Вилье. Но все это случилось в добрый час. Император спрашивает его, каким образом он к нему попал. Тот извиняется и ссылается на ямщика, который сказал ему, что тут отведена ему квартира. Посылают за ямщиком. На вопрос императора ямщик отвечал, что Вилье сказал про себя, что он анператор. „Врешь, дурак, – смеясь сказал ему Павел Петрович, – император я, а он оператор“. – „Извините, батюшка, – сказал ямщик, кланяясь царю в ноги, – я не знал, что вас двое“».

Императора Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. убили в Михайловском замке. А. С. Пушкин в оде «Вольность» (1817 г.) писал о событиях той ночи:

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной…

О стыд! О ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары…
Погиб увенчанный злодей.

Тогда официально объявили о смерти императора от апоплексического удара. Лейб-медики императора подписали соответствующий документ. Но их услуги понадобились только для приведения в порядок изуродованного тела императора.

Врачи Александра I

Ели обратиться к состоянию здоровья Александра I, то следует иметь в виду, что Екатерина II старалась с детства заложить основы крепкого здоровья своего первого внука. В его комнате всегда был свежий воздух, с мальчиком много гуляли, стараясь не кутать его. Все это являлось реализацией постулатов, изложенных в «Бабушкиной азбуке» – руководстве для педагогов, написанном Екатериной II. Императрица желала, чтобы юные князья как можно чаще бывали на свежем воздухе, на солнце и на ветру. Зимой она рекомендовала поддерживать температуру в комнатах внуков не более 13–14 градусов тепла. Летом им дозволялось купаться столько, сколько они захотят, лишь бы перед купанием они не вспотели. Императрица надеялась, что мальчики сами научатся плавать. В те годы это было довольно редкое умение среди аристократической молодежи. Если мальчики начинали играть, воспитателям рекомендовалось не мешать детям и «малых неисправностей при игре не унимать», поскольку, по мнению императрицы, «дав в игре детям совершенную свободу, можно узнать нрав и склонности их».

Отвечал за жизнь и здоровье великих князей Н. И. Салтыков. Конечно, дети болели всеми «положенными» болячками. При серьезных случаях окончательные решения принимала сама императрица. Когда в марте 1787 г. Александр и Константин заболели корью, последовало немедленное распоряжение: «… опасаюсь для великих княжон и для того желала бы, чтобы скорее их вывезли из Зимнего дворца, понеже в покоях воздух верно заражен, и после еще долго будет, по крайней мере, дондеже окошки раскрыты будут»[694].

Гимнастикой с детьми не занимались, но их с раннего детства усаживали в седло, обучая верховой езде. Обычным и почти обязательным видом досуга становились длительные верховые и пешие прогулки, требовавшие от их участников хорошей физической формы. Военные игры не только знакомили великого князя с различными образцами оружия, но и закаливали. Регулярные, с юных лет, занятия кавалерийской ездой воспитывали в будущем Александре I силу и ловкость.

Портрет баронета Я. В. Виллие. 1840-е гг.

Но имелись и «издержки» воспитательного процесса. Например, тугоухость Александра Павловича стала следствием очень раннего знакомства с артиллерией[695]. Имелись и проблемы наследственного характера. Как и его мать, императрица Мария Федоровна, Александр I был близорук и постоянно носил лорнеты, привязанные шнурком к правому рукаву мундира. Также известно, что следствием постоянных юношеских простуд стал ревматизм, беспокоивший Александра I на протяжении всей его жизни.

Придворная медицина претерпела серьезные изменения при Александре I. В декабре 1801 г. лейб-медик Яков Виллие регламентировал деятельность придворных медицинских чинов, включив их в «Штат медицинских чинов, непосредственно состоящих при Высочайшем дворе». По этому штату предполагалось иметь 33 медиков, ключевые роли играли четыре лейб-медика и четыре лейб-хирурга[696]. Тогда же расширили штат придворной аптеки[697].

Лечащим врачом Александра I на протяжении всего его царствования оставался баронет Яков Васильевич Виллие (1765–1854). Шотландец, изучавший медицину в Эдинбурге и Абердине,

он в 1799 г. получил место лейб-хирурга, которое сохранил и при Александре I. Именно он был в числе тех, кто приводил в «порядок» тело убитого Павла I. В отличие от Роджерсона, у Я. Виллие в Зимнем дворце имелась квартира, совмещенная со служебными помещениями Придворного медицинского ведомства.

Баронета Виллие и Александра I связывало многое. Например, во время Аустерлицкого сражения лошадь Виллие, находившегося поблизости от императора, ранило картечью. А после того как началось бегство от французов после поражения, рядом с Александром I остались, как ни странно, только его врач – Я. Виллие, берейтор и два казака. И в последнем путешествии в сентябре 1825 г. Александра I сопровождали только генерал-адъютант Дибич и лейб-медик Я. Виллие.

Судя по документам, в 1817 г. у Александра I появились признаки чахотки (туберкулеза). Естественно, рядом с императором немедленно засуетились различные доброжелатели, предлагавшие самые модные методы лечения. Отголоском этого является архивное дело 1817 г., поименованное «О высылке устриц для составления лекарства». Судя по документам, лекарство из устриц применялось как «питательное средство в изнурительных болезнях». Из устриц предполагалось готовить особый «сахарный бульон». Впрочем, возможно, это лекарство предназначалось для внебрачной дочери императора Софии, которую ему родила М. А. Нарышкина. 16-летняя София умерла в июне 1824 г. именно от туберкулеза легких.

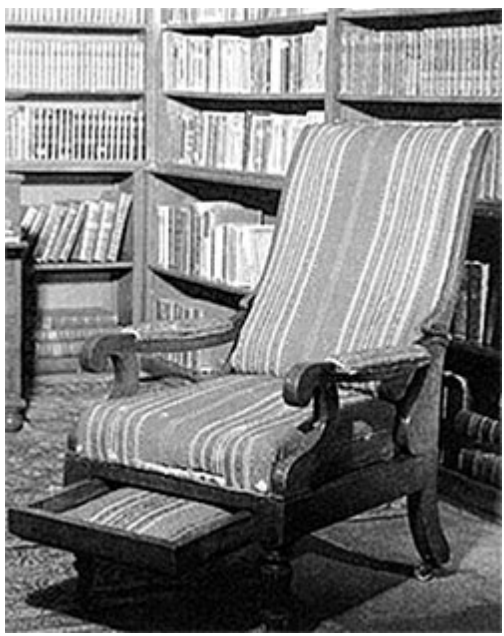
В качестве альтернативы устрицам предлагалось использовать для приготовления бульона «влагу садовых улиток и сахар». Рецептура приготовления лечебного бульона предполагала следующие манипуляции: «По малому кусочку дать во рту разойтись или с молоком пить»[698]. Детальная рецептура питательного бульона предполагала наличие следующих убойных ингредиентов: «Фунт черного хлеба, три фунта говядины, одну курицу, сто улиток, три пары телячьих ножек, 12 золотников оленьего рогу, три горсти разваренного в вине сала, по одной гости сладкого корня сельдерея, ревеня и щавеля, два лимона. Из оного сварить бульон, прибавив несколько столового вина или малинного сиропу». Трудно даже представить вкус этого лечебного «бульона», но, судя по всему, идея с улитками не пришлась императору по вкусу, поэтому из Либавы в Петербург срочно доставили три бочонка привычных устриц, обошедшихся в 1010 руб. Ко времени их доставки болезнь отступила, и бочонки отправили обратно.

Дж. Доу. Александр I. 1824 г.

В 1818 г. по инициативе лейб-медика и «Главного по армии медицинского инспектора» Я. Виллие при Высочайшем дворе ввели жесткие правила «врачебного присмотра». Тогда составили штатное расписание придворных докторов, гоф-медиков и гоф-хирургов, которые должны были нести «поденное дежурство при дворе»: «Смена дежурного при дворе врача должна быть ежедневная в первом часу пополудни. Сие делается для того, чтобы доставить им возможность посещать ежедневно больных, коих они в городе по должности своей имеют»[699]. В документе перечисляется медицинский инструментарий, находившийся «под опасением строжайшего взыскания» в Зимнем дворце при дежурном докторе: «кровопускательный инструмент, карманный хирургический инструмент, катетер, пробанг[700], бандажи и тому

подобные необходимые для скорой помощи инструменты и средства». Александр I утвердил документ 21 января 1818 г., предписав «надзор за сим поручить Главному штабу Его Императорского Величества».

У Александра I случались и серьезные травмы. 19 сентября 1823 г. в Брест-Литовске на военном смотре Александр I получил сильный удар копытом лошади по ноге. Боль была столь сильна, нога так опухла, что сапог пришлось разрезать. Императора с великим бережением доставили в Зимний дворец, где у него началась горячка с сильным рожистым воспалением на правой голени, «на середине берца», в том самом месте, где нога была ушиблена копытом лошади[701].



Вольтеровское кресло на колесиках

Последствия травмы оказались столь серьезны, что возникла реальная угроза ампутации ноги. Один из очевидцев вспоминал: «… по снимании с голени штиблета из ароматных трав я заметил, что он присох к ноге… я усмотрел, что присохшее место покровов отделяется вместе со штиблетом, величиной в два дюйма длины и в полтора дюйма ширины. По отделении этого обширного гангренозного струпа, состоящего из омертвелых покровов и клетчатки, представилась нам обширная язва, коей дно было покрыто гноем, простиравшаяся до самой надкостной плевы, которая была невредима…»[702].

Великая княгиня Елена Павловна вспоминала, что в январе

1824 г. император все еще не мог ходить, а в кабинете у себя в Зимнем дворце передвигался на вольтеровском кресле на колесиках: «По сей причине в смежной с кабинетом государя статс-секретарской комнате поставлена была походная церковь, в которой и было совершено бракосочетание их императорских высочеств. Во время совершения бракосочетания император был одет в сюртук и сидел в вольтеровских креслах в дверях кабинета за занавесом»[703].

Следует упомянуть и о том, что 30 апреля 1808 г. в Зимнем дворце умерла одна из двух дочерей императора Александра I – великая княжна Елизавета. Произошло это в спальне «с колоннами» императрицы Елизаветы Алексеевны (зал № 184). Графиня В. Н. Головина вспоминала: «У маленькой великой княжны тяжело прорезались зубки. Лейб-медик императрицы Франк не умел это лечить и давал ей укрепляющие средства, которые только увеличили воспаление. В апреле 1808 года с девочкой сделались конвульсии. Созваны были все врачи, но ничто уже не могло спасти ее. Несчастная мать не отходила от постели своего ребенка, вздрагивая при всяком его движении и исполняясь надежды, когда наступал покой. В этой же комнате собралась вся императорская семья. Стоя на коленях возле кроватки, императрица увидела, что девочка затихла. Глубокое молчание царило в комнате. Императрица взяла девочку на руки, наклонилась к ней и ощутила холод смерти»[704].

Королева Вюртембергская Екатерина Павловна. 1819 г.

В 1828 г. в Зимнем дворце умерла супруга Павла I – императрица Мария Федоровна. Императрицу Марию Федоровну современники прозвали «Чугунной». Прозвище соответствовало и характеру, и железному следованию всем нормам придворного этикета, и крепкому здоровью. Императрица старалась поддерживать его на должном уровне, вплоть до преклонных лет, ежедневно обливаясь холодной водой. Она всегда старалась много двигаться, особенно летом, когда для прогулок имелось больше возможностей. Находясь в Павловском дворце,

императрица Мария Федоровна «ежедневно утром два часа ходила пешком, после того, как оставила верховую езду»[705].

За свою жизнь она, как и все люди, перенесла множество личных трагедий. И это не только трагическая гибель мужа от рук заговорщиков в спальне Михайловского замка, но и смерти детей. Императрица Александра Федоровна вспоминала, как в 1819 г. в Зимний дворец пришло известие о смерти великой княгини, королевы Вюртембергской Екатерины Павловны, младшей сестры Александра I, которую он очень любил: «Никогда я не забуду той ужасной минуты, когда Императору Александру пришлось объявить об этой жестокой потере матери, возвращавшейся с прогулки, ничего не подозревавшей и немало удивленной появлением у себя Императора в неурочное время. Мы были в соседней комнате и могли слышать печальный разговор; Императрица и не хотела, и не могла понять, что Екатерина Павловна умерла, и только восклицала хриплым голосом: „Като не умерла, нет, нет, она не умерла!“».[706]

Описание последних дней Марии Федоровны оставила ее внучка, великая княгиня Ольга Николаевна: «В октябре захворала Бабушка. Заботы об обоих сыновьях в действующей армии подорвали ее здоровье. Взятие крепости Варна затянулось, когда же наконец произошло ее падение – это было ее последней радостью. Она, не знавшая в течение 69 лет ни устали, ни нервов, стала жаловаться на усталость. Ее старый врач, доктор Рюль, только качал головой. Папа, извещенный об этой необычайной слабости, точно предчувствуя грозящую катастрофу, поспешил из Одессы, чтобы присутствовать при дне ее рождения 14 октября. Мы были у обедни в маленькой часовне Зимнего дворца, когда раздался его голос в передней. Мы бросились ему навстречу. Мама за нами, через несколько минут мы все вместе опустились на колени вокруг кресла больной. „Николай, Николай, неужели это ты?“ – воскликнула Государыня, схватила его руки и притянула его к себе на колени. Никто не знает, почему и когда картины сплоченной семейной жизни запечатлеваются в детском сердце и когда они снова встают и захватывают его. Подробности эти кажутся незначительными, но как они сильны и негасимы! Такой осталась в моем сердце эта картина: Папа на коленях своей матери, старающийся сделать себя маленьким и невесомым. Десять дней спустя, 24 октября 1828 года, Государыня-мать скончалась в Зимнем дворце»[707].

Врачи Николая I

В 1828 г. Николай I остался единоличным хозяином Зимнего дворца. Если говорить о состоянии здоровья императора, то оно действительно было крепким: ни в документах, ни в мемуарных свидетельствах не упоминается ни о каких серьезных заболеваниях. Однако следует иметь в виду и то, что император сознательно на протяжении всего царствования поддерживал имидж «железного императора».

Если император заболевал во время обычных сезонных эпидемий, он старался это не афишировать и буквально до последнего перемогался с болезнью на ногах. Если же болезнь становилась настолько серьезной, что врачи укладывали его в постель, то сведения о заболевании императора принимали характер «закрытой информации». Этот порядок нарушался только в очень редких случаях.

Судя по документам, в начале царствования Николая I в Зимнем дворце постоянно жили два врача. Первому – лейб-медику И. Ф. Рюлю[708] – отводилась четырехкомнатная квартира на первом этаже Зимнего дворца. Две комнаты занимал сам врач, а в двух других располагалась его собственная кухня с прислугой[709]. В 1802 г. И. Ф. Рюль получил должность гоф-хирурга, дежуря в Зимнем дворе «сутки через трое». В период наполеоновских войн Рюль вновь практиковал как военный хирург, спасая раненых, за что был награжден орденом Св. Владимира IV степени. Участвовал он и в сражении под Аустерлицем. С марта 1806 г., по возвращении с войны, Рюль возобновил работу в Зимнем дворце, параллельно занимая ряд ответственных должностей. В октябре 1823 г. Рюля пожаловали в лейб-медики (со старшинством с 15 марта 1819 г.) и членством в Медицинском совете Министерства внутренних дел. В 1825 г. Рюль стал тайным советником. Особо подчеркнем, что И. Ф. Рюль не был кабинетным ученым, за его плечами имелась солидная медицинская практика, полученная не только в клиниках Медико-хирургической академии, но и на полях сражений.

И. И. Олешкевич. Портрет И. Ф. Арендта. 1822 г.

Такую же четырехкомнатную квартиру в Зимнем дворце занимал и виднейший организатор системы здравоохранения в России Я. В. Виллие. Эта квартира включала две комнаты «лейб-медика Вилье кухня и люди его» и две комнаты, в которых находилась «канцелярия г. Вилье». При этом у Я. В. Виллие с 1809 г. имелся собственный дом на Английской набережной, 74. Более полувека (с 1799 по 1854 г.) он являлся лейб-медиком трех императоров – Павла I, Александра I и Николая I.

До 1835 г. гоф-медикам, дежурившим в Зимнем дворце, выделялась комната на третьем этаже резиденции. Летом 1835 г. Николай I распорядился назначить для врачей «комнату в Шепелевском доме, в нижнем антресольном этаже под № 3»[710].

После того как Николай I стал императором, его главным лечащим врачом долгое время служил Николай Федорович Арендт (1786–1859). Как и все ведущие медики того времени, он

был хирургом. За время наполеоновских войн Арендт стал одним из самых искусных хирургов России. Во время войны 1812 г. он находился в действующей армии, с которой дошел до Парижа.

Придворная карьера военного хирурга Н. Ф. Арендта началась в 1829 г., когда внезапно заболел Николай I. Поскольку информация о болезни императора носила привычно закрытый характер, по столице поползли слухи. Так, в мемуарах указывается, что в ночь с 9 на 10 ноября 1829 г. в Зимнем дворце Николай Павлович вышел из спальни на шум внезапно упавшей вазы, поскользнулся на паркете и упал, ударившись головой о стоявший рядом шкаф. Николай I долгое время пролежал, никем не замеченный, на холодном полу и тяжело заболел. Его уложили в постель, в которой он провел две недели[711]. Тогда же занемогла и императрица Александра Федоровна.

О реальной истории болезни и состоянии Николая I, слегшего в своем кабинете на третьем этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца, дает представление записка лейб-медиков Крейтона и Рауха от 4 ноября 1829 г.: «В прошедший вторник, 29 октября, в 8 часу вечера Его Величество Государь Император почувствовал озноб, за коим в ночи последовал лихорадочный припадок. На другое утро оказалось, что болезнь Его Императорского Величества есть простудная лихорадка, причиненная двукратною простудою. С того времени оная имеет обыкновенное свое течение, т. е. лихорадочное состояние продолжается с небольшим умножением жара по ночам. С самого начала не было ни в каком органе воспалительного или болезненного припадка, и в продолжение последних трех суток лихорадочный жар постепенно уменьшался. Хоть Его Императорское Величество чувствует от продолжения лихорадки некоторую слабость, но мы надеемся, что болезнь вскоре примет благоприятный оборот»[712].

Записку отправили распоряжением П. М. Волконского к военному генерал-губернатору Санкт-Петербурга П. В. Голенищеву-Кутузову, с тем чтобы он «объявлял эти сведения публике не пропечатавая, однако ж, в Ведомостях». В последующие дни в адрес генерал-губернатора из Зимнего дворца приходили бюллетени о состоянии здоровья императора: «6 ноября в 3 $^{1}/_{2}$ часа утра. Государь Император ночь провел спокойно… лихорадка хотя уменьшилась, но еще продолжается»; «Государь Император очень хорошо ночь провел между полуночью и 8 часов по утру дважды только пробуждался. Его Величество чувствует себя свежее вчерашнего. 7 ноября в 9 часов утра», и, наконец, 14 ноября в бюллетене констатировалось: «Государь Император совершенно хорошо провел вчерашний день

и сию ночь. Поелику Его Императорское Величество теперь в полном выздоровлении, то и ежедневные записки о здоровье Государя Императора более издаваться не будут»[713].

Перстень с вензелем Павла I. 1790-е гг.

Перстень с вензелем Александра I. Нач. XIX в.

По выздоровлении Николая I и императрицы Александры Федоровны всех врачей, принимавших участие в их лечении, наградили. Николай I лично обозначил наградами степень участия каждого из врачей в лечении императорской четы. Н. Ф. Арендта в апреле 1829 г. назначили лейб-медиком, кроме этого, царь «высочайше пожаловал» лейб-медику Арендту «бриллиантовый перстень с вензелевым именем Государя Императора… за труды, понесенные… при пользовании Его Величества»[714]. Тогда же лейб-медика Рауха «в вознаграждение за усердную и ревностную его службу, Всемилостивейшее пожаловали… Кавалером ордена Святой Анны второй степени… перстень с вензелевым именем Государя Императора… за труды при пользовании Ея Величества…»[715].

Кстати говоря, Егор Иванович Раух (Georg-Adolph-Ditrich, 1789–1864) также именно в 1829 г., как и Арендт, был пожалован

в лейб-медики, после того как он удачно «пользовал» императрицу. Лейб-медик Крейтон получил «табакерку с вензелевыми именами Государя Императора и Государыни Императрицы… за труды при пользовании Их Величеств…»[716]. Судя по всему, именно заболевание императорской четы в 1829 г. определило обойму ведущих лечащих врачей при Зимнем дворце – В. П. Крейтон, Е. И. Раух и Н. Ф. Арендт.

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. О сведениях, доставляемых к Военному Генерал-губернатору о состоянии болезни Государя Императора. 1829 г. Л. 2.

Семья Николая I была большой – четыре сына и три дочери. Великая княгиня Ольга Николаевна, вспоминая события 1832 г., писала: «В конце сентября мы переехали в Зимний дворец, а 13 октября у Мама родился четвертый сын, ее последний ребенок, названный Михаилом. Каждый вечер, в час их купанья, вся семья собиралась в их детской. Они были первыми, пробудившими во мне материнские чувства, кроме того, как крестная мать Михаила, я чувствовала себя в свои десять лет ответственной за них обоих. В этом году в день моего рождения старая прусская камер-фрау Мама сказала мне: „Олечка, теперь начинаются двойные числа, от которых Вы уж не избавитесь“. Как это верно! Разве только, что исполнится сто лет».

Кстати говоря, рождение императрицей каждого ребенка сопровождалось обязательными ювелирными подарками со стороны императора. Еще до рождения сына в 1832 г., Николай I заказал придворному ювелиру Яну уникальный ювелирный комплект баснословной стоимости – бриллиантовый убор с рубинами (53 716 руб. 87 коп.).

Уже в апреле 1832 г. был готов эскизный проект диадемы с рубином. Затем начали подбирать драгоценные камни, достойные императрицы. В мае 1832 г. министр Императорского двора князь П. М. Волконский распорядился «в браслету для Государыни употребить рубин, купленный у купца Негри. Рубин сей по величине и воде есть самый лучший, который гораздо приличнее употребить в первое место на диадему, а в браслету поставить рубин из перстня столь же хороший, как и первый, но несколько поменее»[717]. Тогда же ювелиру заказали «сделать пару серег по сему образцу из бриллиантов с мелкими рубинами».

Этот комплект предполагалось вручить беременной императрице в день ее рождения 1 июля 1832 г. Но с учетом приближающихся родов император решил дополнить этот ювелирный комплект другими украшениями. В результате к сентябрю 1832 г. в ювелирный комплект вошли: диадема (36 950 руб.), аграф сенсиль (96 475 руб.), склаваж (28 425 руб.),

пара серег (30 150 руб.), фероньерка (1050 руб.) и пряжка с опалами (4435 руб.). Всего на 180 485 руб.[718] Для ребенка ювелир Вильгельм Кейбель изготовил золотой крестик-мощевик. Такие крестики носили все царские дети[719].

Любопытно, что не забыли и кормилицу еще не рожденного ребенка. Сначала для кормилицы сделали золотой крестик на золотой цепочке со 125 маленькими бриллиантами (так называемыми розами, за 200 руб.) и семью аметистами. Однако, когда в Зимнем дворце родился мальчик, драгоценное приданое для кормилицы значительно увеличили. К 27 октября 1832 г. по повелению Николая I придворные ювелиры изготовили для крестьянки-кормилицы великого князя Михаила Николаевича целый ювелирный набор: золотой крестик с цепочкой; серьги с бриллиантами; запонку (бриллианты с аметистами – 153 руб.); повойник из золотого фризе с серебряным шитьем; сарафан золотой глазетовый с серебряным гасом; пояс серебряный. Все это оплатил Кабинет Е. И. В. Кроме этого, за счет императрицы Александры Федоровны для кормилиц изготовили: сарафан «из пунцового хорошего бархата с золотым прозрачным галуном по прилагаемому образцу»; повойник из бархата того же цвета с золотым шитьем; пояс золотой[720].

Возвращаясь к состоянию здоровья императора, еще раз отметим, что болел Николай I не реже обычных людей. Как правило, это были сезонные болезни. Повторимся: царь сознательно выстраивал имидж «железного монарха», стараясь не демонстрировать подданным своих довольно частых недомоганий. «Медицинские эпизоды» довольно часто встречаются в переписке между Николаем I и И. Ф. Паскевичем, которому император полностью доверял. Отметим, что император сообщал соратнику не только о своем здоровье, но и о состоянии здоровья близких людей:

12 января 1833 г.: «Схватив простуду на маскараде 1-го числа, перемогался несколько дней, как вдруг сшибло меня с ног до такой степени, что два дня насилу отваляться мог. В одно со мной время занемогла жена, потом трое детей, наконец почти все в городе переболели или ныне занемогают, и решили, что мы все грипп, но не гриб съели, быть так, и скучно, и смешно; сегодня в гвард. саперн. бат. недостало даже людей в караул. Но, благодаря Бога, болезнь не опасна, но слабость необычайная; даже доктора валятся. Теперь начал я выходить и опять готов на службу… Здесь кроме кашля, чиханья и оханья все тихо и спокойно»[721].

10 февраля 1836 г. Николай I сообщает И. Ф. Паскевичу о выкидыше у императрицы: «Беременность жены моей кончилась весьма благополучно ничем; она поправляется, но должна быть

весьма осторожной».

4 февраля 1837 г.: «Впрочем, здесь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит нишей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином[722] … Жене моей от проклятого гриппа не лучше, она тебе кланяется, а я целую ручки княгине».

22 февраля 1837 г.: «Слава Богу, жене моей лучше, она тебе кланяется; мы среди балов и маскарадов, и в городе только и слышно».

30 сентября 1839 г.: «С самой нашей разлуки с тобой я, кроме неприятного, ничего не имел. Здоровье жены моей, которую пред отъездом оставил поправляющеюся, видимо, к несчастью, вновь столь расстроилось, что должен был, внезапно оставя Москву, спешить к ней сюда, в жестоком беспокойствии найти ее опасно больною. Но милосердием Божьим опасения мои были напрасны, и я нашел ее хотя еще в постели, но почти без лихорадки, но сильно страдающей еще от нервической простудной головной боли. Теперь ей лучше, и она третий день как перешла в кабинет, но крайне слаба, и вся польза лечения нынешнего лета исчезла. Вслед за тем заболела дочь моя Ольга сильной простудой, и сегодня только, после 14-дневной сильной лихорадки при жестоком кашле, ей, кажется, получше. В это же время лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей первой наставницы и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило. Наконец, сын заболел дорогой и, судя по первым признакам болезни, надо было опасаться повторения прошлогодней. Я должен был согласиться дозволить ему сюда воротиться и отказаться на сей раз ехать в Варшаву. Из всего этого заключить ты можешь, в каком я расположении духа, но что делать, это воля Божья; надо терпеть и покоряться – но очень, очень тяжело».

Барон Корф, вспоминая эти дни в конце 1839 г., отмечал, что болезнь великой княжны Ольги Николаевны «приняла самый опасный характер», и «врачи не раз отчаивались в ее жизни, и только на 28-й день последовал решительный кризис, с которого началось и постепенное, хотя очень медленное, выздоровление. Стоявший во главе многих врачей при ее лечении лейб-медик Маркус с благоговением рассказывал мне о попечениях и заботливости Императора Николая Павловича во время этой болезни. Не довольствуясь семью или восемью посещениями в течение дня, он часто и по ночам подходил к дверям больной и со слезами прислушивался к болезненным ее стенаниям»[723].

Николай Павлович действительно был заботливым мужем и

прекрасным отцом. Свидетельств тому множество. Тот же барон Корф пишет: «…при наступлении 28-го дня я объявил, что ожидаю в продолжение его благотворного кризиса, он почти целые сутки не отходил от постели и после моих слов, что благодаря Всевышнему опасность миновала, тотчас хотел поднести Великой княжне давно приготовленный им тайно от нее подарок – две драгоценные жемчужины Sevigne. Опасаясь, однако же, для едва спасенной от смерти всякого волнения, я не позволил этого сделать, и тогда он целую неделю носил свой подарок при себе в кармане, выжидая минуты, когда я сниму мое запрещение. Впоследствии, когда больная уже стала оправляться, я неоднократно был свидетелем, как Государь стоял у ее кровати на коленях и кормил ее из своих рук, строго наблюдая, чтобы не перейти за предписанную мною меру в пище».

Вернемся вновь к письмам императора. 8-го июля 1843 г.: «У меня госпиталь в семье, Саша и жена его в кори, дочь близка к родам, и старшая внучка опасно больна коклюшем и гастрической горячкой. Это при всех других заботах меня доконает. Но при этом Бог порадовал нас сговорить дочь Александру за прин. Гессенского, которым я очень доволен. Вот все мои новости».

1-го августа 1844 г., потеряв дочь и внука одновременно, Николай I пишет И. Ф. Паскевичу: «Медлил я отвечать на первое твое письмо, потому что не мог духом собраться все это время, чтоб взяться за перо; почти 9 недель ожидания того, что третьего дня совершилось, так сокрушили мою душу, что я с трудом исполнял часть только своих обязанностей, ибо все это время был занят другой – святою. Наконец Богу угодно было прекратить страдания нашего ангела и призвать его к себе! и мы, хотя с сокрушенным сердцем, благодарим Господа, ибо он ангелу дал верно ангельское место. Теперь в грусти одно утешение – молитва и служба; я займусь по-прежнему всеми обязанностями, и авось Бог подкрепит нас». Поясним, что в этом письме речь идет о юной Александре Николаевне, выданной замуж за принца Гессенского в январе 1844 г. и умершую от скоротечной чахотки после преждевременных родов в июле 1844 г.

М. А. Корф

9 октября 1848 г. Николай I сломал ключицу. Поднимаясь по «крепко навощенной» лестнице в Зимнем дворце, он поскользнулся и упал на то же самое плечо, в котором уже прежде была у него переломана ключица: «Ушиб обошелся, однако, без дальнейших последствий, хотя государь и сказывал, что боль от него была в этот раз гораздо чувствительнее, чем тогда, когда он сломал себе ключицу»[724].

В январе 1849 г. Николай Павлович в очередной раз простудился на маскараде. Барон М. А. Корф, со слов лечащего врача Ф. Я. Карелля, писал: «Простуда сопровождалась обыкновенными его болями в правой половине головы и частою рвотою. Со всем тем, во всю свою болезнь, продолжавшуюся дней пять, Карелль, несмотря на жестокие страдания больного, никак не мог уговорить его лечь в постель. Лишенный возможности чем-нибудь заниматься, государь позволял себе ложиться только на диван. В шинели, всегда заменявшей ему халат, и в сапогах, которые вдобавок были еще со шпорами»[725]. Отлеживался царь в своем кабинете на третьем этаже Зимнего дворца.

Такое нежелание Николая I залеживаться в постели и «перемогаться» до последнего на ногах, имело свое объяснение. Барон М. А. Корф упоминал, что в 1845 г. «государь говорил близким, что болезнь его непременно требовала бы лечь в постель. Но он не хттел ложиться единственно вследствие убеждения, что если ляжет раз, то, наверное, уже не встанет»[726].

Женская обувь. Вторая половина XIX в.

Туфли Екатерины II из голубого атласа, обтянутые белой лайкой. Россия. 1790-е гг.

Особо отметим, что медики регулярно контролировали состояние здоровья императора. По воспоминаниям И. Соколова, ассистента лейб-медика Н. Ф. Арендта, они «обязаны были являться к Государю к 7–8 часам утра, когда приготовляли чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор»[727].

Отметим, что Николай I старался следить за своим здоровьем. Поскольку тогда тренажеров и прочего «фитнеса» не было в принципе, то император вместо тренажера использовал обычное армейское ружье. Достаточно тяжелое. Каждое утро по полчаса он выполнял ружейные приемы с тяжелым ружьем «здоровья ради». Забегая вперед, отметим, что первые профессиональные тренажеры в Зимнем дворце появились при Александре II в начале 1860-х гг.

Любопытно, что в Зимнем дворце, кроме лейб-медиков и других лекарей, были и представители «смежных» с медициной профессий. Например, в 1834 г. в Зимнем дворце появилась официальная должность «придворного мозольного оператора». Обувь тогда шилась только на заказ, по индивидуальной мерке. Однако технологии были таковы, что мозоли являлись неизменными спутниками даже придворных дам. Как правило, специализация мозольного оператора была побочным заработком парикмахеров. В 1834 г. удалением мозолей в Зимнем дворце занимался «гардеробский помощник» великого князя Михаила

Павловича – некий Перансо. В мае 1834 г. секретарь императрицы Александры Федоровны официально уведомил министра Императорского двора П. М. Волконского, что «Государыня Императрица, в изъявление своего удовольствия за усердную службу мозольного оператора Перансо, соблаговолила принять от него прилагаемую просьбу с двумя документами и Высочайше повелеть мне соизволила… При уведомлении, что Ея Императорского Величества будет приятно, если предоставится возможность удовлетворить просьбу Перансо дозволением ему именоваться Придворным Оператором»[728]. Такие «просьбы», конечно, выполнялись. В результате Перансо не только получил «звание Придворного мозольного мастера», но и право «иметь вывеску с Российским гербом и надписью Придворный оператор»[729].

Николай Павлович много сделал для того, чтобы различные подразделения Министерства Императорского двора обрели свое четкое место в его иерархии. Затронули эти изменения и медиков. 1 января 1843 г. Николай I подписал «Положение о Придворной медицинской части». По штату в этой структуре имелись пять *лейб-медиков*. На момент создания Придворной медицинской части в список вошли: Я. В. Виллие, Э. И. Рейнгольд, Н. Ф. Арендт, Е. И. Раух и М. А. Маркус. Все они получали штатное жалованье в размере 1430 руб. в год, однако столовые деньги им выплачивались «по особому Высочайшему назначению»[730]. Все они относились к IV разряду Табели о рангах «по мундиру». В Зимнем дворце появлялись по мере необходимости.

Постоянно несли дежурство в Зимнем дворце, как и в XVIII в., *дежурные гоф-медики* – четыре человека, имевшие VII разряд «по мундиру». Согласно § 14 «Положения», в их обязанности входило состоять посменно при Императорском дворе «для дежурства, на которое они поочередно вступают и сменяются ежедневно». Находясь на дежурстве, они «никуда не должны отлучаться из дежурной комнаты». Главной их задачей являлось оказание неотложной медицинской помощи всему персоналу Высочайшего двора. В случае необходимости они имели право пригласить узких специалистов – гоф-акушера, дантиста и костоправа.

Таким образом, в Зимнем дворце ограничивались наличием некоего «здравпункта», в котором постоянно дежурил гоф-медик. Но в случае необходимости присутствие медиков расширялось, как это было летом 1848 г., во время очередной вспышки холерной эпидемии в Санкт-Петербурге на нижнем этаже Зимнего дворца развернули холерную больницу[731]. В ноябре этого же 1848 г., по личному указанию Николая I, дворцовые медики

начали отслеживать состояние питьевой воды в дворцовых резервуарах «посредством химического разложения».

В конце 1830-х гг. в Зимнем дворце поселился врач, ставший главным лечащим врачом императорской четы. Он пользовался исключительным доверием императора более 15 лет, фактически заменив всех остальных придворных врачей. Это был почетный лейб-медик консультант Мартын Мартынович Мандт. С его именем связана широко распространенная легенда о загадочных обстоятельствах кончины Николая I в Зимнем дворце. Поэтому об этом враче расскажем подробнее.

Мартын Мартынович Мандт родился в 1800 г. в Пруссии, в г. Вейенбурге, в семье хирурга. Учился медицине в различных университетах, в том числе и в Берлинском. В 1821 г. в качестве судового врача и зоолога он принял участие в полярной экспедиции к берегам Гренландии. По материалам экспедиции в 1822 г. Мандт защитил докторскую диссертацию. В 1830 г. его избрали ординарным профессором хирургии в Грейсвальденском университете.

Судьбоносный перелом в карьере Мандта произошел в 1835 г., когда он получил возможность сопровождать великую княгиню Елену Павловну в поездке на минеральные воды, а затем стал ее постоянным врачом. Вслед за Еленой Павловной он переехал в Россию.

Любопытно, что накануне отъезда в Россию М. М. Мандт виделся с профессором Н. И. Пироговым в Берлине. Инициатором встречи был Мандт, он желал проконсультироваться с русским врачом по интересующим его вопросам. Н. И. Пирогов описывал эту встречу следующим образом: «Мандт вынул записную книжку, и первый его вопрос ко мне был о чинах в России. Я мог ему перечислить классное значение некоторых чинов. Мандт записал.

– Мне предлагают чин Hofrath'a, – спросил он, – имеет ли он значение в России?

– Как вам сказать? – отвечал я. – Конечно, статский советник выше и почета больше.

– Ну, а касательно содержания?

– Жизнь в Петербурге мне совсем незнакома, и я ничего не могу вам сообщить положительного об этом деле.

Потом, рассказав мне несколько о своей хирургической деятельности в Грейфсвальде, Мандт раскланялся и ушел. Не прошло и года с тех пор, как я неожиданно для меня встречаю Мандта за обедом у аптекаря Штрауха.

Мандт познакомил меня со своею красивою женою, будучи уже объявлен лейб-медиком ее высочества великой княгини Елены Павловны, и за обедом, сидя возле меня, имел бесстыдство

сказать во всеуслышание, что врачи в России гонятся за чинами; о своей записной книжечке он уже забыл, о нашем знакомстве в Dorotheen Strasse – ни слова.

– Представьте, – разглагольствовал он за обедом, – я сегодня приезжаю к доктору Арендту, спрашиваю у швейцара, дома ли доктор, а он мне в ответ: „Генерала нет дома“. Ха, ха, ха: генерала!

Скоро после того о подвигах Мандта узнал Петербург. Еще не раз придется говорить и об этой, впрочем, недюжинной личности… Мандт показал всем лейб-медикам, как они должны поступать, чтобы иметь прочное и мощное влияние на коронованных пациентов и их царедворцев».

Так или иначе, близость ко Двору великой княгини Елены Павловны сделала имя карьерного немца известным в аристократической среде Петербурга. Однако вершины карьеры Мандт достиг после того, как его пригласили для оказания медицинской помощи к императрице Александре Федоровне.

Дочь Николая I зафиксировала в своих воспоминаниях обстоятельства первого визита Мандта в Зимний дворец, который состоялся весной 1838 г. В это время здоровье императрицы Александры Федоровны «пошатнулось». Она страдала «кашлем и несварением желудка». При этом у императрицы были свои лечащие врачи – лейб-медики Маркус и Раух. Как отмечает великая княгиня Ольга Николаевна, они были «в горе и отчаянии». И на фоне этого «горя и отчаяния» в Зимний дворец, по рекомендации великой княгини Елены Павловны, на консилиум пригласили М. М. Мандта.

Харизматичный Мандт (для врача это очень важно!) сразу же оттеснил на задний план лечащих врачей императрицы: «С того дня, как он появился, стало доминировать его мнение, тяжелое, деспотическое, как приговор судьбы. На Папа он имел огромное влияние, я бы сказала, прямо магическое. Папа слушался его беспрекословно. Мандт нарисовал ему будущее Мама в самых черных красках. Его методой было внушить страх, чтобы потом сделаться необходимым. Мама он прописал следующее лечение: ничего жидкого, никаких супов, зато ростбиф, картофельное пюре, молочную кашу, кожуру горького апельсина. И это неделями!»[732].

Видимо, Мандт в буквальном смысле «пришелся ко Двору», поскольку сумел понравиться императрице и произвести впечатление на весьма недоверчивого и самостоятельного в суждениях Николая I. За оказанные императрице медицинские услуги Николай I сделал Мандта в 1839 г. почетным лейб-медиком. Надо заметить, что редко кто производил на Николая I

такое сильное впечатление («Папа слушался его беспрекословно») и вплоть до смерти Николая I в 1855 г., то есть на протяжении почти 17 лет, авторитет Мандта не был поколеблен в глазах императора.

Отметим, что в литературе Мандта, как правило, называют просто лейб-медиком. Но известно, что имелись существенные различия в статусе *почетного лейб-медика* и *лейб-медика.* Дело в том, что к середине 1830-х гг. вокруг Николая I уже сложился круг врачей, которые имели статус лейб-медиков, и царь не видел смысла расширять их число, зафиксированное в штатном расписании Придворной медицинской части. Позже, 9 ноября 1840 г., высочайшим указом Правительствующему сенату, *специально* для Мандта ввели новую должность – *почетного лейб-медика и консультанта.* В том же 1840 г., по личному распоряжению Николая I, Мандт получил чин *действительного статского советника,* соответствующий генеральскому чину. В бюрократической России николаевской эпохи все эти тонкие градации имели весьма существенное значение. Но особенностью России во все времена оставалось то, что важней всяких званий и должностей была реальная «близость к телу» первого лица государства. А Мандт сумел не только войти, но и удержаться в «ближнем круге» царя.

Если обратиться к документам, то из них следует, что в 1840 г. Манд чувствовал себя настолько прочно в Зимнем дворце, что выдвинул ряд условий, на которых он соглашался перейти на русскую службу: 1. Действительный статский советник соответствует тому чину, который Мандт получил от прусского правительства; 2. Мандт просил «присвоить ему звание лейб-медика Двора Вашего величества, но с зачислением в Военно-медицинское ведомство, которого и мундир ему носить»; 3. Производить ему содержание по 25 000 руб. ассигнациями в год; 4. Возложить на него образование на практике ежегодно 12 студентов Медико-хирургической академии, «дав ему на этот предмет для пользования нужное число больных во 2-м Санкт-Петербургском Военно-Сухопутном госпитале»[733].

Надо сказать, что Николая I несколько озадачили столь жесткие требования врача. Поэтому император запросил сведения о том, сколько получают его лейб-медики и «какому чину соответствует настоящее звание Мандта». Как следует из подготовленной для царя справки, лейб-медик Маркус получал 24 000 руб., Арендт – 14 920 руб. и 2000 руб. ежегодно из Государственного казначейства. Прусское же звание обер-медицинальрата, которое имел Мандт, соответствовало статскому или действительному статскому советнику.

После знакомства с этой справкой Николай I напротив первого пункта 9 ноября 1840 г. написал «Да»; напротив второго пункта – «почетным лейб-медиком с отчислением по Военному ведомству»; напротив третьего – «4 тыс. руб. из Кабинета, 2 тыс. руб. от жены, 5 тыс. руб. из Казначейства жалованья, 5 тыс. руб. столовых, 5 тыс. руб. на квартиру, 4 тыс. руб. на экипаж»[734]. Вся сумма и составила искомые 25 000 руб. В именном Указе Правительствующему сенату значилось: «…согласно просьбе его, принимаю в службу Нашу… всемилостивейше повелеваем быть ему почетным лейб-медиком Двора Нашего, с состоянием в Военно-медицинском ведомстве. Николай. 9 ноября 1840 г.»[735].

Поскольку Мандт строил свою карьеру на близости к Императорскому двору, она хорошо прослеживается по официальному изданию – «Адрес-календарь и общий штат Российской империи», издававшемуся ежегодно. Впервые имя Мандта упоминается в 1841 г. К этому времени он уже почетный лейб-медик, действительный статский советник, кавалер орденов Св. Анны II ст. с императорской короной и Св. Станислава II ст., состоящий по Военному ведомству. В 1845 г. впервые было упомянуто, что Мандт не только почетный лейб-медик, но и *консультант.* До него в Придворной медицинской части Министерства Императорского двора *консультантов* не было[736]. Собственно, эта должность подчеркивала его особый статус и при Дворе, и в медицинском сообществе Петербурга. В 1851 г. Мандт впервые упомянут как *тайный советник.* Надо заметить, что этот чин, соответствующий IV классу, среди медиков имели единицы калибра баронета Якова Виллие, личного врача трех императоров (Павла I, Александра I, Николая I) и создателя Придворной медицинской части. Карьерный рост Мандта был впечатляющим. Все остальные лейб-медики являлись обрусевшими иностранцами, подданными Империи, занимавшими значительные медицинские посты. Но из них только трое являлись к 1855 г. тайными советниками. Карьера же Мандта, сохранившего прусское подданство, очень успешно строилась исключительно на близости к Императорскому двору.

То, что Мандт в 1840 г. получил чин *действительного статского советника,* прожив в России всего пять лет, и вошел в круг медиков занимавшихся лечением царя, получив место лейб-медика консультанта при Николае I[737], свидетельствовало о безусловной успешности его карьеры. Однако в официальных документах Мандта называли просто лейб-медиком, опуская определение «почетный».

Принадлежность Мандта к Военному ведомству, как это указывалось в «Адрес-календарях», была только номинальной.

Настолько номинальной, что, когда в 1847 г. Медицинский департамент МВД направил в Придворную контору письмо-требование о взыскании с Мандта «недоимок» за ордена, то Придворная контора не без яда указала, что Мандт официально состоит по Военно-медицинскому ведомству и «никаких окладов» от Придворной конторы не получает[738]. Дело в том, что ордена в Российской империи «оплачивались» награжденными, те должны были «возвращать знаки низших степеней» в Капитул орденов. От Мандта требовали оплатить орден Св. Станислава I ст. (90 руб.) и вернуть в казну орден Св. Станислава II ст.

Архивные документы свидетельствуют о том, что Мандт жил в Зимнем дворце. В конце 1850 г. личным распоряжением Николая I врачу отвели «в нижнем этаже Зимнего дворца те самые комнаты, которые он занимал в прошлом году», но при этом оговаривалось, что он должен быть готов «очистить оные» «в случае надобности в сих комнатах»[739]. В декабре 1851 г., когда Мандт возвращался из Германии, распоряжением императрицы ему позволили воспользоваться экипажем Придворного ведомства для проезда от Варшавы до Петербурга[740].

Естественно, особая близость к императорской семье вызывала ревность со стороны придворных, которые и оставили описания внешности и характера Мандта. Кстати – весьма противоречивые. Так, внук директора Медицинского департамента МВД дипломат А. Пеликан писал, что «Мандт был человек весьма привлекательный, с изящными манерами, которые так часто встречались тогда у врачей иностранного происхождения… Говорил он исключительно по-французски и по-немецки»[741]. Баронесса М. П. Фредерикс, жившая тогда в Зимнем дворце, подчеркивала, что «Мандт был любимец и доверенное лицо государя»[742]. Исследователи-врачи конца XIX в. отмечали, что «Мандт был, несомненно, талантливый человек, с независимым и сильным характером… Н. И. Пирогов, познакомившийся с ним еще до его приезда в Россию и потом встречавшийся с ним в Петербурге, считает его недюжинным человеком, отмечая вместе с тем нелестные стороны его характера: тщеславие, карьеризм, несправедливую резкость в суждениях о других»[743].

Современники связывали карьерный взлет Мандта целиком с его личностными качествами. Так, баронесса М. П. Фредерикс излагала свою версию возвышения врача: «Он своим умом сумел обратить на себя внимание Императора Николая Павловича. Сперва Мандта позвали лечить императрицу; как оказалось, его пользование оказалось удачно, этим он приобрел доверие государя как медик и был взят к Высочайшему двору лейб-

медиком государыни императрицы. Потом, мало-помалу, стал давать медицинские советы и государю, перешел в лейб-медики его величеству и, в конце концов, сделался необходимым лицом у государя, сопровождал его величество в путешествиях, заменив уже престарелого Н. Ф. Арендта. Доверие государя к Мандту все более и более росло, и, наконец, своим умением вкладываться в человека он достиг звания друга государя. Мандт был действительно нечто необыкновенное. Ума был редкого выдающегося, что и привлекало к нему Николая Павловича. Но хитрость его была тоже выходящая из ряду вон, и умение ее скрывать было тоже необыкновенное. Он был один из таких людей, которых или ненавидели, или обожали. Он вторгался положительно в людей и делал из своих поклонников и поклонниц – особенно из тех, которые могли приносить ему личную пользу – свои инструменты для разных интриг»[744].

Говоря о его внешности, М. П. Фредерикс писала, что «наружность Мандт имел совершенно мефистофельскую; голова его была маленькая, продолговатая, змеевидная, огромный орлиный нос и проницательный взгляд исподлобья, смех его был неприятный – при всем этом он хромал, ну, ни дать ни взять – Мефистофель, да и только. Для меня эта личность имела всегда что-то отталкивающее, я просто-напросто боялась его. Но во мне это возбуждало тяжелое чувство… В настоящее время ему бы приписали силу внушения, но тогда об этой силе еще не было и речи. Припоминая внушительный взгляд Мандта и своеобразное ударение пальцем по столу, когда он хотел что-нибудь доказать, смотря несколько секунд упорно вам в глаза, то невольно приходишь к мысли, что действительно Мандт обладал громадною силой внушения, притом он был и магнетизер. Странная загадочная личность был этот человек»[745].

Мемуаристы оставили множество упоминаний о медицинской деятельности М. М. Мандта при Российском Императорском дворе. Все единодушно подчеркивают «модность» Мандта как врача. Что совершенно понятно, поскольку сам император буквально «рекламировал» своего врача. Мандт, видимо, действительно владел техникой гипноза, возможно на инстинктивном уровне. М. А. Корф приводит в «Записках» характерный эпизод 1843 г., когда он упомянул в присутствии царя, что хочет «посоветоваться с Мандтом». На это Николай I заметил: «И прекрасно сделаешь: Мандт очень искусный человек, и тем больше искусный, что умеет действовать не только на физику, но и на воображение. С моею женой он сделал просто чудеса, и мы оба от него в восхищении. Не верь здешним докторам, если они его бранят: это оттого, что он в тысячу раз

умнее и ученее их. Советуйся с ним одним и одному ему доверяй»[746].

Следует отметить, что для недоверия Николая I к «здешним докторам» имелись веские основания. Дело в том, что именно в 1844 г. Николай I и императрица Александра Федоровна пережили глубокую личную трагедию. Трагедия оказалась совершенно неожиданной для царской семьи.

В январе 1844 г. в Зимнем дворце состоялась церемония бракосочетания дочери Николая I – великой княжны Александры Николаевны и принца Фридриха-Вильгельма Гессен-Кассельского. Молодые вступали в брак по любви, и родители безмерно радовались за свою юную влюбленную дочь. Как водится в России, свадьба царской дочери вылилась в целую череду весьма утомительных празднеств. Сам Мандт отмечал, что для него самого «в силу… положения и обстоятельств проделать и выдержать целый цикл таких праздников, если здоровье не на высоте, оказывалось при этом делом далеко не безобидным. Будучи невестой, наша юная великая княгиня оказалась в таком положении вдвойне»[747].

Настороженность М. Мандта имела под собой основания. Дело в том, что постоянный кашель невесты настораживающе звучал для уха опытного диагноста. Однако здоровье трех дочерей Николая I курировали профессора Маркус и Раух, да и профессиональная этика взаимоотношений не позволяла Мандту вмешиваться. Кроме того, при Императорском дворе всегда крайне ревниво реагировали на вмешательство посторонних в «свои» сферы влияния. Также надо учитывать и различные личностные соображения. Сама «Адини», так называли невесту родители, была категорически настроена против Мандта и, несмотря на все уговоры родителей, не позволила врачу обследовать себя. А лечащие врачи царских дочерей Раух и Маркус представили родителям успокоительные рапорты.

Однако болезнь уже была, и изнурительные празднества послужили толчком для ее развития. Во время возвращения с одного из балов Адини простудилась. Затем началась беременность, которая только ускорила развитие болезни. Лечащие врачи наблюдали Александру Николаевну, но все недомогания списывали на ее беременность.

Болезнь развивалась так быстро, что уже с 20 марта 1844 г. Адини не вставала с постели. В камер-фурьерском журнале зафиксировано: «Ее высочество Великая Княгиня Александра Николаевна во всю Страстную неделю была совершенно нездорова». На прогрессирующую чахотку наложился ранний токсикоз, и Адини страдала и от кашля, и от тошноты.

30 апреля 1844 г. Императорский двор по традиции переехал из Зимнего дворца в Царское Село. За городом, в роскошных апартаментах Александровского дворца, Адини начала вставать с постели. 4 мая она впервые появилась за общим столом. 7 мая присутствовала на литургии в домашней церкви. Это обнадежило и успокоило родителей, и 9 мая 1844 г. Николай I отправился в Англию с официальным визитом.

Но, видимо, у императрицы Александры Федоровны появилось нехорошее предчувствие, и 14 мая Адини, уступив уговорам матери, позволила Мандту осмотреть себя. После обследования Мандт, не говоря ни слова императрице, немедленно отправился вдогонку за Николаем I. Именно Мандт сообщил императору о том, что его дочь смертельно больна. Николай I, прервав поездку, немедленно вернулся домой[748].

В Царском Селе он новыми глазами посмотрел на дочь. Он увидел вместо цветущей девушки «истощенное существо». И это была его дочь! 20 июня 1844 г. императрица Александра Федоровна писала брату: «Как можно питать надежду, когда видишь это истощенное существо… Я бы не поверила, что такие изменения возможны. Собственно, ее и не узнать совсем! Ах! Это настоящая картина разрушения – что за слово, когда вынуждена употребить его по отношению к своему собственному дитя!»[749].

С 12 июня 1844 г. у порталов Зимнего дворца начали вывешивать бюллетени о состоянии здоровья Адини. По всей России служились молебны. Беременность смертельно больной девушки развивалась. 29 июля 1844 г. у Адини начались роды, в результате которых, на три месяца раньше срока, родился мальчик. Даже сегодня, с учетом заболевания матери, у ребенка было бы очень мало шансов выжить. А в 1844 г. такой возможности не было вообще. Поэтому, опасаясь, что лютеранский пастор не успеет приехать, Николай I сам окрестил своего внука и только потом подоспел пастор. Священник подтвердил факт крещения, и ребенка нарекли Вильгельмом. Младенец прожил полтора часа. Мать умерла спустя пять с половиной часов. Можно только поражаться силе духа Николая I, в одночасье пережившего потерю и дочери, и внука.

Поскольку Адини была женой принца Гессен-Кассельского, цинковый гроб с младенцем отправили в Копенгаген, для последующего погребения в усыпальнице герцогов Гессенских. По традиции, Николай I и императрица Александра Федоровна старались сохранить память о своей дочери богоугодными делами. Был образован специальный комитет во главе с цесаревичем Александром Николаевичем, и в результате его деятельности открыли женскую больницу для чахоточных и

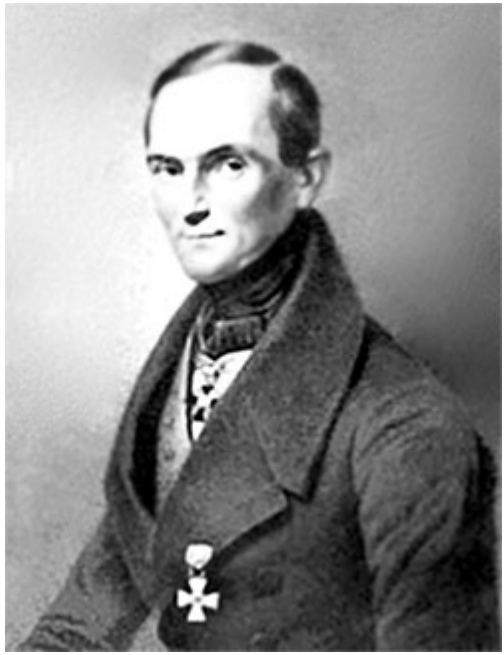
хронически больных на Надеждинской улице в Петербурге. Ее построил придворный архитектор Александр Брюллов. Освятили больницу 29 июля 1848 г., в четвертую годовщину смерти Адини. Сегодня в Петергофе, поблизости от павильона Марли, мы можем увидеть мемориальную скамью Александры Николаевны.

Самым удивительным в этой печальной истории является то, что ни Е. И. Раух, ни М. А. Маркус фактически не понесли ответственности за диагностические ошибки, повлекшие смерть царской дочери. Повторим, что Егор Иванович Раух стал лейб-медиком императрицы Александры Федоровны в 1829 г. и оставался на этой должности 16 лет, вплоть до 1845 г. Однако снятие с высокой должности никоим образом не повлияло на его профессиональную карьеру. Правда, со второй половины 1850-х гг. он начал специализироваться на проблемах ветеринарии. А профессор М. А. Маркус с 1854 по 1865 г. возглавлял Придворную медицинскую часть Министерства Императорского двора.

Смерть любимой дочери не могла не сказаться на состоянии здоровья Николая I. Это немедленно отметили окружающие, они констатировали, что работоспособность «каторжника Зимнего дворца» снизилась. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Случалось, что он засыпал у Мама на какие-нибудь 10 минут в ее удобных креслах, когда заходил к ней между двумя утренними конференциями, в то время как она одевалась. Такой короткий отдых был достаточен для того, чтобы сделать его снова работоспособным и свежим. После смерти Адини все сразу изменилось, и его энергия ослабела»[750].

Конечно, эта трагедия не могла не повлиять и на положение М. Мандта при Императорском дворе. Фактически у него после 1844 г. не было конкурентов. Большой любви это ему не принесло. Современники с раздражением отмечали «медицинскую монополию» Мандта на «тело» Николая I. Барон М. А. Корф упоминал, что в зиму с 1844 на 1845 г. Николай I страдал «какою-то загадочною и упорною болью в ногах, особенно в правой». Более того, император не принял участие в традиционных новогодних балах в Зимнем дворце. В результате чего досужая молва приписала «этот недуг героическому лечению отважного Мандта, в это время уже пользовавшегося неограниченным доверием государя, которого он заставлял постоянно пить битер-вассер, употреблять ежедневно по нескольку холодных промывательных и ставить ноги в воду со льдом»[751]. С некоторым удовлетворением автор констатировал, что у царя, который продолжал работать, «стали пухнуть ноги и к боли в них присоединилась желтуха; он вынужден был прилеживать на диване и начинал таинственно поговаривать о

водяной»[752]. Тем не менее к концу января 1845 г. Николай I совершенно выздоровел.



М. М. Мандт (1799–1858). Россия. XIX в.

С 1839 г. решающее слово оставалось за М. М. Мандтом и при лечении императрицы Александры Федоровны, когда он очень резко полемизировал со своими коллегами. По свидетельству М. А. Корфа, «петербургские врачи летом 1845 г. объявили, что у императрицы – аневризм в сердце, угрожающей ежеминутной опасностью ее жизни. Но всемогущий Мандт, возвратившийся в это время из-за границы, решил своим диктаторским тоном, что все это вздор, что аневризмы и в помине нет, что вся болезнь заключается в биении сердца и что против этого лучшее средство провести зиму в теплом, благорастворенном климате… Приговор Мандта был, как всегда, законом для государя»[753]. В результате Александра Федоровна отправилась в Италию и Францию.

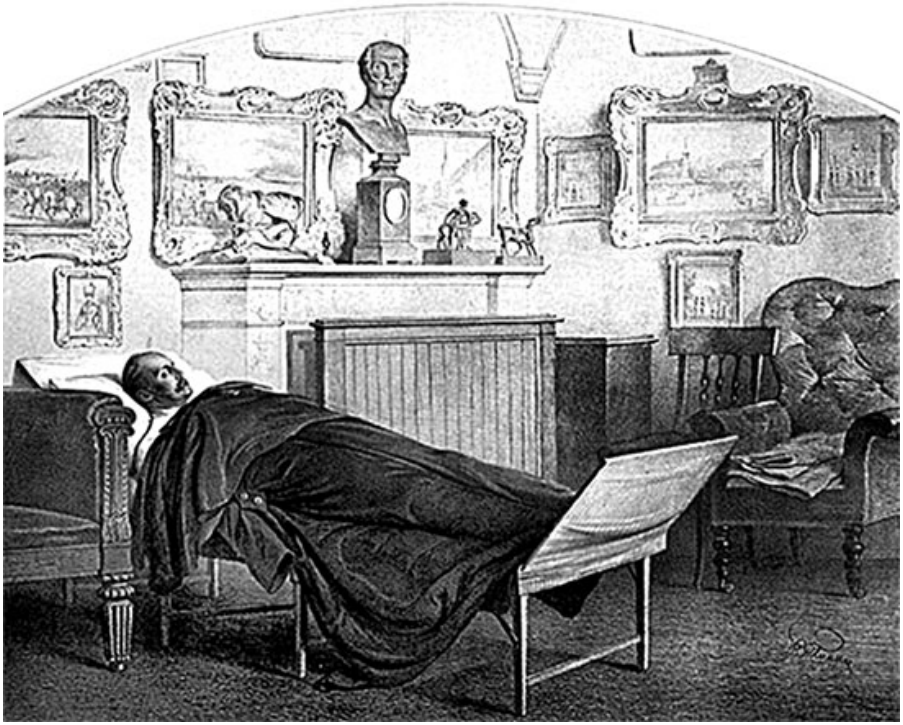
Влияние Мандта было настолько велико, что Николай I никому из медиков, кроме Мандта, не доверял. Когда в марте 1845 г. царь заболел (сильные приливы крови, головокружение и колотье в боку), Мандт уже собирался ехать в отпуск в Пруссию. Однако, поскольку «государь к нему одному имел полное доверие, то он должен был отложить свой отъезд»[754].

В декабре 1845 г. Николай I вновь серьезно заболел («Сделался род катаральной болезни, сопряженной с расстройством желчного отделения»). В феврале 1848 г.

Николаю I снова нездоровилось. Дело в том, что царь «по странной привычке ходил при панталонах без подкладки, не носил и подштанников», в результате чего натер себе ногу повыше колена, и у него образовалась рана на левой ноге. К Мандту он обратился не сразу, отчего «растравил рану» и «был вынужден несколько дней просидеть дома. В публике многие уже кричали против Мандта, утверждая, что государь, с тех пор как находится в его руках, беспрестанно хворает»[755].

«Медицинская монополия» М. М. Мандта проявлялась и в том, что он мог позволить себе надолго покидать Россию. Он был полностью уверен, что его никто не оттеснит от царя. Причиной частых и длительных отлучек было то, что жена Мандта «не могла переносить нашего климата» и поэтому жила вместе с детьми не в Петербурге, а во Франкфурте-на-Майне. Когда в феврале 1849 г. Мандт отпросился в отпуск на пять месяцев, «императору Николаю, при частых его хвораниях и при многолетней привычке и доверенности к своему лейб-медику, глубоко изучившему его натуру и вполне возобладавшему над его воображением, эта разлука была чрезвычайно неприятна»[756].

М. М. Мандт активно использовал методы гомеопатии, пропагандируя свою «атомистическую теорию». Кроме «атомистической теории», которую М. М. Мандт внедрял в практику, он использовал также лечение голодом. Как писала баронесса М. П. Фредерикс, «кроме водяного отвара и блюда картофеля или моркови, варенных на воде, он ничего не позволял есть, давая притом порошки, приготовленные большею частью им самим, особенно для пациентов, к которым он благоволил и которые нужны были ему для его целей, а что цель у него была, это, пожалуй, верно»[757].



Николай I на смертном одре в Нижнем кабинете Зимнего дворца

При всей пестроте приведенных оценок, пожалуй, можно утверждать, что Мандт являлся очень неплохим врачом и диагностом. Он сумел около 20 лет удержаться при Императорском дворе, где конкуренция за «близость к телу» была необычайно велика и каждая ошибка могла стоить карьеры. Мандт являлся одним из представителей клинического направления в медицине и внес определенный вклад в развитие русской терапевтической школы. Кроме того, он проявил себя как неплохой педагог и администратор.

С именем М. М. Мандта теснейшим образом связана история смерти императора Николая I. Внук Екатерины II, император Николай Павлович умер в своем Нижнем кабинете, на первом этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца 19 февраля 1855 г. Его смерть оказалось внезапной не только для народа, но даже для ближайшего окружения царя. смерть императора казалась непонятной, странной, и эта странность питала самые причудливые слухи.

Начало болезни Николая I связано с его простудой на Рождество 1854 г. Однако, как он не раз уже делал, на сезонное недомогание император не обращал внимания и старался не показывать болезнь своему окружению. Видимо, им самим

применялись какие-то традиционные методы лечения, поэтому январь 1855 г. прошел довольно спокойно. Как обычно, Николай Павлович пунктуально выходил на прогулку в 8 ч. 50 мин. утра, гуляя 30–40 мин. по Дворцовой набережной, а затем принимал доклады[758].

Мемориальный Нижний кабинет Николая I в Зимнем дворце

Рецидив простуды случился с императором в конце января 1855 г. Впоследствии в газетных отчетах указывалась дата начала болезни – 27 января 1855 г.[759] Эта дата зафиксирована и в дневнике Л. В. Дубельта. Он записал в день кончины императора: «27-го января он заболел гриппом, но продолжал по обыкновению неутомимо заниматься государственными делами». Таким образом, поначалу речь шла об обычной простуде, которая в начале февраля переросла в «легкий грипп», причем отмечалось, что эпидемия гриппа затронула весь город. Необходимо подчеркнуть, что грипп тогда, при отсутствии антибиотиков, протекал тяжело, подчас перерастая в воспаление легких с последующим фатальным исходом. Современные врачи утверждают, что, начиная с определенного возрастного рубежа, как правило после 50 лет, грипп протекает в более тяжелой форме, чем в молодые годы, и чреват осложнениями.

Портрет лейб-медика Ф. Я. Карелля. 1886 г.

В первой декаде февраля 1855 г. император пошел на поправку, продолжая заниматься делами. Как зафиксировано в камер-фурьерском журнале, 1 февраля 1855 г. император, как обычно, в 8 ч. 55 мин. вышел на традиционную прогулку из Зимнего дворца. Единственным лечащим врачом императора в это время оставался лейб-медик консультант М. М. Мандт.

С 5 февраля Николай I, сохраняя стандартный рабочий график, перестал выходить на прогулку[760]. В этот день в камер-фурьерском журнале записали, что Николай I «по нездоровью не прогуливался», но рабочий график в «домашнем режиме» был полностью сохранен. Однако уже 6 февраля император почувствовал себя хуже, поэтому «не гулял и доклады не принимал».

7 февраля в камер-фурьерском журнале отмечен как последний рабочий день царя. Хотя царь и не гулял, и не принимал доклады, но продолжал работать в своем Нижнем кабинете на первом этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца. Еще он начал поститься, поскольку началась первая неделя Великого поста.

8 февраля к наблюдению за больным, по просьбе М. М. Мандта, присоединяется еще один врач – Ф. Я. Карелль. К этому времени император оставил мысль о прогулках, но тем не менее принял сына – великого князя Константина Николаевича. Затем на доклады пригласили ожидавших приема министров.

9 февраля 1855 г. император почувствовал себя настолько хорошо, что решил принять участие в смотре нескольких маршевых лейб-гвардейских батальонов, отправлявшихся в Крым. Деятельная натура императора, отсутствие привычки болеть и чувство долга заставляли Николая I пренебрегать своим здоровьем. С утра царь, как обычно, принимал доклады. В источниках единодушно подчеркивается, что медики упрашивали государя поберечь свое здоровье и остаться во дворце. В медицинских отчетах о болезни императора, появившихся во всех газетах 24 и 26 февраля 1855 г., отмечалось, что лейб-медик Ф. Я. Карелль активно убеждал больного остаться дома ввиду продолжавшейся болезни и сильного мороза (23 градуса), однако император не внял его советам, в результате по возвращении «стал кашлять еще сильнее, но кушал еще с большим аппетитом»[761]. По воспоминаниям П. Д. Киселева, вернувшийся во дворец Николай I «почувствовал лихорадочный приступ, в ночь или на другой день: т. е. в Троицу он жаловался на тупую боль в боку… кашлял и с трудом освободился от мокрот».

Походная кровать, на которой умер император Николай I

10 февраля 1855 г. император Николай Павлович последний раз покинул Зимний дворец. Несмотря на ухудшение самочувствия, он вновь отправился на строевой смотр. В

результате к концу дня при слабых «подагрических припадках» обнаружилась лихорадка. Несколько дней положение его здоровья изменялось то к худшему, то к лучшему. О неопределенности состояния здоровья императора говорит запись графа П. Д. Киселева: «10-го числа оба (лейб-медики М. М. Мандт и Я. Ф. Карелль. – *И. З.)* мне сказали, что болезнь серьезная, но что прямой опасности нет».

11 февраля император собирался с утра быть у обедни: «По пробуждении чувствовал себя слабым», поэтому «слушать Утреннюю не может, но постарается быть к литургии». В этот день медикам удалось настоять на постельном режиме и уложить царя на его походную кровать[762]. Как зафиксировали в камер-фурьерском журнале, Николай I «обеденного стола не имел по нездоровью». К императору в разное время приходили родственники. Врачи отмечали озноб, а затем сильный лихорадочный жар. Вечером появилась испарина, «и в течение ночи припадки уменьшились. Язык, однако, был нечист, и оказалась чувствительность в печени»[763]. Царь принял министра Императорского двора и своего друга юности В. Ф. Адлерберга. В этот день министр пытался убедить царя начать печатать медицинские бюллетени со сведениями о ходе его болезни, но император решительно запретил публикации, «не желая беспокоить подданных»[764]. Эпизод свидетельствует, что Николай I все еще воспринимал свое недомогание как рядовую болезнь, из которой он непременно выкарабкается.

Литография А. А. Козлова. Известия из Севастополя. 1854–1855 гг.

Начиная с 12 февраля все мемуаристы отмечают начало обвального развития заболевания императора. Около обеда вновь начинается озноб, а затем «лихорадочный жар». Император впервые в течение всего дня оставался в постели. Медики отмечали, что «кашель и извержение мокроты были весьма умеренны. Вечером оказался пот, и как язык стал несколько чище, то по ходу болезни можно было ожидать простой перемежающейся лихорадки, с желудочным расстройством»[765]. В камер-фурьерском журнале, видимо, со слов лечащих врачей, фиксировались его недомогания: «Лихорадка почти перестала. Голова свободна… Пульс сего дня удовлетворителен. Кашель, извержение мокроты не сильнее»[766]. Император по-прежнему не обедал.

В исторической литературе подчеркивается, что фатальную роль в развитии болезни императора сыграло известие о неудаче русских войск в «деле под Евпаторией» в ходе Крымской войны (1853–1856 гг.). Царь буквально жил от курьера к курьеру и тяжело переживал неудачи русской армии в Крыму. В медицинских документах упоминалось, что известие об очередном поражении русских войск привело к усилению лихорадки. Несмотря на предпринятые врачами меры, Николай Павлович был уже не в состоянии справляться с обычным объемом дел, и с 12 февраля[767] цесаревич Александр Николаевич принял на себя часть обязанностей по управлению страной.

13 февраля в камер-фурьерском журнале записали: «Его Величество заболел 10 февраля лихорадкою, которая 11 числа повторилась. Ночью на 13 было мало сна, лихорадка менее, голова свободна. К литургии не выходили».

В последующие дни болезнь развивалась – лихорадка, кашель с мокротой с примесью крови. По записям в камер-фурьерском журнале 14 февраля известно, что император ночью «мало спал», но «лихорадка почти перестала. Голова свободна», однако он по-прежнему не обедал и не ужинал. В ночь на 15-е немного спал: «Пульс сего дня удовлетворителен. Кашель, извержение мокроты не сильнее». Императрица Александра Федоровна и дети несколько раз приходили в Нижний кабинет.

С 16 февраля 1855 г. без ведома царя, но с разрешения «Высочайшей фамилии, для Августейших Членов оной и особ, приезжавших во дворец, составлялись в приемной комнате краткие записки о том, как проводимы были им ночи». О

состоянии здоровья в камер-фурьерском журнале записано: «Вчера после лихорадочного движения, сопровождавшегося ревматической болью под правым плечом, Его Величество в эту ночь спал, но не так покойно. Голова не болит, извержение мокроты свободно».

С 17 февраля лихорадка усилилась, «отделение мокрот из нижней доли пораженного правого легкого сделалось труднее», и для медиков стала очевидной вероятность смерти императора. Царь терял сознание и бредил. В этот день к лечащим врачам М. М. Мандту и Ф. Я. Кареллю присоединился лечащий врач цесаревича И. Енохин. Медики сообщили цесаревичу о возможности «паралича сердца»[768]. 17 февраля Л. В. Дубельт[769] записал в дневнике: «Разнесся смутный слух о болезни Государя Императора и произвел всеобщее, как видно и искреннее, прискорбное впечатление»[770].

Характерно, что только после резкого ухудшения состояния здоровья царя ближайшее окружение отреагировало на эти сведения как на серьезную угрозу. Инерция общественного сознания, связанная с восприятием Николая I как необычайно физически крепкого человека, оказалась столь велика, что все предшествующие недомогания были фактически не замечены даже ближайшим окружением императора.

17 февраля 1855 г. цесаревич принял решение об издании бюллетеней с информацией о состоянии здоровья Николая I за подписями ближайших медиков – М. Мандта, И. Енохина, Ф. Карелля. Для ближайшего окружения листки с текстами бюллетеней оперативно вывешивались в Зимнем дворце. Текст первого бюллетеня опубликовали в газете только 18 февраля, а все остальные вышли уже после смерти царя[771]. Всего опубликовали пять бюллетеней в Санкт-Петербургских ведомостях. Мемуаристы оставили подробные записи событий этого дня. Поскольку все происходило в интерьерах Зимнего дворца, приведем некоторые из них. А. Ф. Тютчева записала в дневнике 19 февраля 1855 г., на следующий день после смерти императора: «17 февраля я по своему обыкновению к 9 часам утра спустилась к цесаревне, чтобы присутствовать на сеансе пассивной гимнастики, которой она ежедневно занималась с Derond. Я застала ее очень озабоченной – император неделю как болен гриппом, не представлявшим вначале никаких серьезных симптомов; но, чувствуя себя уже нездоровым, вопреки совету доктора Мандта настоял на том, чтобы поехать в манеж произвести смотр полку, отъезжавшему на войну, и проститься с ним. Мандт сказал ему: „Ваше величество, мой долг предупредить Вас, что Вы очень сильно рискуете, подвергая себя

холоду в том состоянии, в каком находятся ваши легкие“. – „Дорогой Мандт, – возразил государь, – вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а я исполню свой и прощусь с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защитить нас“. Он отправился в манеж и, вернувшись оттуда, слег. До сих пор болезнь государя держали в тайне. До 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало, а во дворце ею были мало обеспокоены, считая лишь легким нездоровьем. Поэтому беспокойство великой княгини удивило меня. Она мне сказала, что уже накануне Мандт объявил положение императора серьезным. В эту минуту вошел цесаревич и сказал великой княгине, что доктор Карелль сильно встревожен, Мандт же, наоборот, не допускает непосредственной опасности. „Тем не менее, – добавил великий князь, – нужно будет позаботиться об опубликовании бюллетеней, чтобы публика была осведомлена о положении“»[772].

А. В. Тыранов. Л. В. Дубельт. 1840-е гг.

Ф. Крюгер. П. Д. Киселев. 1851 г.

В тот же день около 22 часов А. Ф. Тютчева узнала от камеристки, что «состояние здоровья императора, по-видимому, ухудшилось, что цесаревна, вернувшись от него, удалилась в свой кабинет и что великая княгиня Мария Николаевна, которая проводит ночь при отце, каждый час присылает бюллетени о здоровье императора»[773].

Окончательно ситуация определилась в ночь с 17 на 18 февраля 1855 г. В первом часу ночи, по желанию цесаревича, «читана была молитва о излечении от тяжкой болезни Государя Императора»[774]. Из медицинского отчета следует, что «в три часа ночи на 18 февраля, при сделанном исследовании, впервые оказались в нижней доле правого легкого явные призраки начинавшегося паралича. Извержение мокроты за несколько уже перед тем часов сделалось гораздо затруднительнее; большой палец на ноге оставался по-прежнему нечувствителен, а кожа сухою. Появление этих опасных признаков возвестило

безнадежность положения государя. Между тем головной боли и никаких нервических припадков вовсе не было; сознание совершенно ясное; даже дыхание меньше затруднительное, хотя развитие паралича в легких, по направлению снизу вверх, продолжало распространяться»[775]. Л. В. Дубельт записал в этот день: «Государь Император – не лучше, болезнь его приняла опасный оборот»[776].

Граф П. Д. Киселев в «Записке» писал, что накануне он «поехал во Дворец, дабы от камердинера узнать о состоянии Его Величества… Государь очень жалуется на боль в боку – худо почивал – много кашлял – а теперь успокоился. На другой день, т. е. в пятницу, я послал во Дворец за бюллетенем – мне привезли копию под № 3, который изумил меня и растревожил – я немедленно отправился во Дворец, где в нижнем коридоре и впереди камердинерской нашел… несколько военных и гражданских сановников… что Государь находится в безнадежном состоянии – что он исповедовался и приобщился. Призвал дочерей и внуков, простился с императрицею»[777].

При чтении мемуаров обращает на себя внимание, как естественная разноголосица в определении диагноза, приведшего к смерти императора, так и законченная литературность диалогов М. М. Мандта и Николая Павловича. Сквозь эти диалоги просматривается либо необычайная хладнокровность царя перед лицом смерти, либо тщательная литературная обработка диалогов, ориентированная на потомков. Вероятно, учитывая характер Николая I, присутствовало и то, и другое. В эту ночь при умирающем императоре остались только императрица, цесаревич и Мандт. Мемуаристы в один голос утверждали, что сознание ни на минуту не покидало умирающего царя. А. Ф. Тютчева писала, что до часа ночи того дня, когда скончался царь, он не сознавал опасности и так же, как и все окружающие, смотрел на свою болезнь, как на преходящее нездоровье.

Достоверность диалогов царя и М. Мандта подтверждается дневниковой записью от 18 февраля 1855 г. Л. В. Дубельта. Следует подчеркнуть, что Леонтий Васильевич Дубельт с 1839 г. занимал должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, одновременно являясь управляющим III Отделением. Весьма информированный по своему служебному положению, Л. В. Дубельт записал в дневнике: «Около трех часов ночи Государь спросил доктора Мандта: „Скажите мне откровенно, какая у меня болезнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вам приказывал предупреждать меня вовремя, если заболею тяжело, чтоб не упустить исполнения христианского долга“. – „Не могу скрыть перед Вашим Величеством, что болезнь Ваша становится

серьезною; у Вас поражено правое легкое“. – „Вы хотите сказать, что ему угрожает паралич?“ – „Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и не теряем надежды на Ваше выздоровление“. – „А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать“. Отпустив доктора, Государь позвал наследника и спокойно сообщил ему о безнадежности своего положения»[778].

Отпевание императора Николая Павловича

Характер записей говорит о том, что даже шеф жандармов на момент смерти императора не располагал четкой картиной болезни, приведшей к его смерти. Вся ситуация восстанавливалась уже после смерти Николая I. Приведенные диалоги и медицинские термины говорят о том, что Л. В. Дубельт получил сведения от медиков непосредственно в день смерти императора. Видимо, это было связано с готовившимся к печати отчетом о ходе болезни императора. Вновь следует отметить, что заболевание царя не воспринималось всерьез даже в самом ближайшем окружении Николая I. Окончательный прогноз развития болезни определился в 3 часа ночи 18 февраля 1855 г.

18 февраля, к 4 часам утра, когда стало ясно, что надежды на выздоровление нет, Николай I исповедался своему духовнику Бажанову и причастился Святых Тайн «в полном присутствии духа и памяти»[779]. Затем, в 5 часов утра, император сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщил, что умирает, и простился с древней столицей. Тогда же послали фельдъегерей в

Штутгарт, к великой княгине Ольге Николаевне, в Севастополь, к великим князьям Николаю и Михаилу, а также к «Его Величеству Королю Прусскому».

Утром состояние царя продолжало ухудшаться. «Наступил паралич легких, и, по мере того как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: „Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?“. Затем он прибавил: „Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать“»[780]. Тогда же он вторично позвал к себе Никсу, старшего сына цесаревича. Александра Федоровна все это время находилась с детьми у постели мужа.

Е. В. Тарле писал: «Весь дворец знал, что агония была долгой и очень мучительной». А между тем в официальной версии указывалось, что кончина была спокойной и безболезненной. Очевидно, даже характер смерти и агонии императора стал для современников и историков неким символом царствования Николая I. Либералы желали мучительной агонии для «сатрапа и душителя свобод», консерваторы – безболезненной кончины.

В 8 часов утра начали читать отходную над императором. Около 9 часов император «призвал к себе по одному в Кабинет министра Императорского двора Адлерберга, Военного министра кн. Долгорукова и генерал-адъютанта графа Орлова». «Силовики», видимо, получили последние напутствия императора, желавшего обеспечить сыну спокойный переход власти. Примечательно, что последними к императору позвали его камердинеров, которых он «благодарил за службу и простился»[781].

В 10 часов Николай Павлович потерял способность речи. 18 февраля 1855 г., в 20 минут после полудня, император Николай Павлович умер[782]. В камер-фурьерском журнале зафиксировано, что царь умер «после 7 дневной болезни на 58 году 7 месяцев и 23 дней от Рождения»[783].

Если обратиться к камер-фурьерскому журналу, хронология смерти императора выглядит следующим образом: 18 февраля (пятница) в 3 ч 40 мин. духовник императора Бажанов исповедовал Николая I. В 5 часу утра послали фельдъегерей в Штутгарт, к великой княгине Ольге Николаевне, и в Севастополь, к великим князьям Николаю и Михаилу, а также к королю Прусскому. В 6 ч утра прибыл из Севастополя генерал-майор князь Меншиков, который докладывал уже цесаревичу. Докладчику сообщили, что Николай I приказал поздравить князя званием генерал-адъютанта. Затем умирающий император вторично позвал к себе старшего внука – великого князя Николая Александровича (Никсу), императрица Александра Федоровна все

это время находилась с детьми у постели супруга.

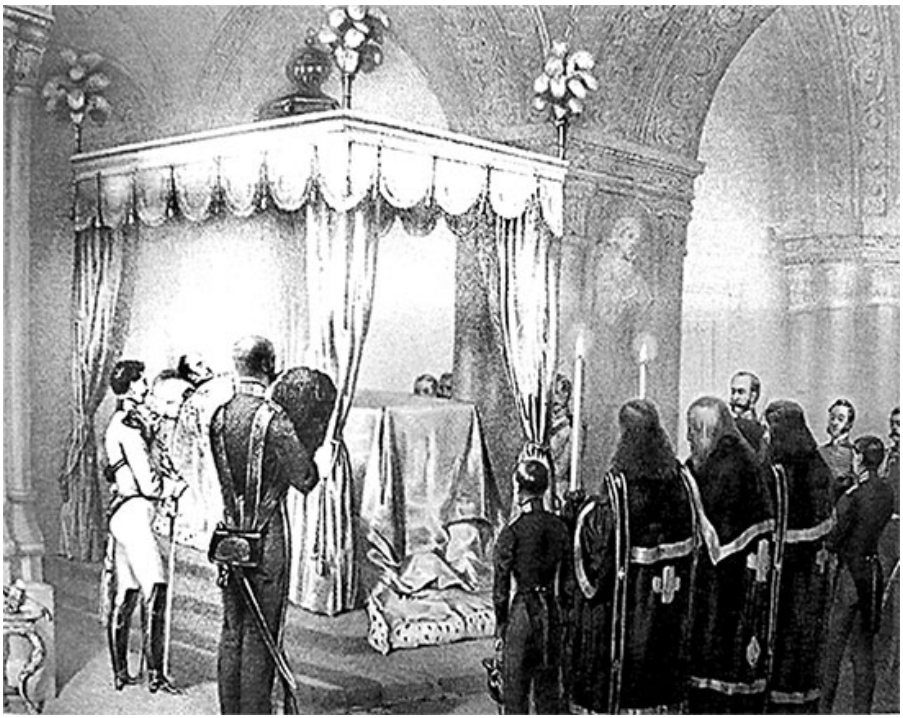
Современный вид кабинета Николая I (Вид из кабинета в сторону приемной. Видна прорубленная стена, отделявшая кабинет от приемной)

После смерти императора тело обмыли камердинеры. Скульптор барон П. К. Клодт снял традиционную гипсовую посмертную маску с лица императора, а художник Э. П. Гау набросал эскиз будущего портрета умершего императора. В 15 ч 30 мин. к усопшему в его Нижний кабинет из своих покоев спустилась императрица Александра Федоровна. Она долго сидела одна рядом с телом упокоившегося мужа.

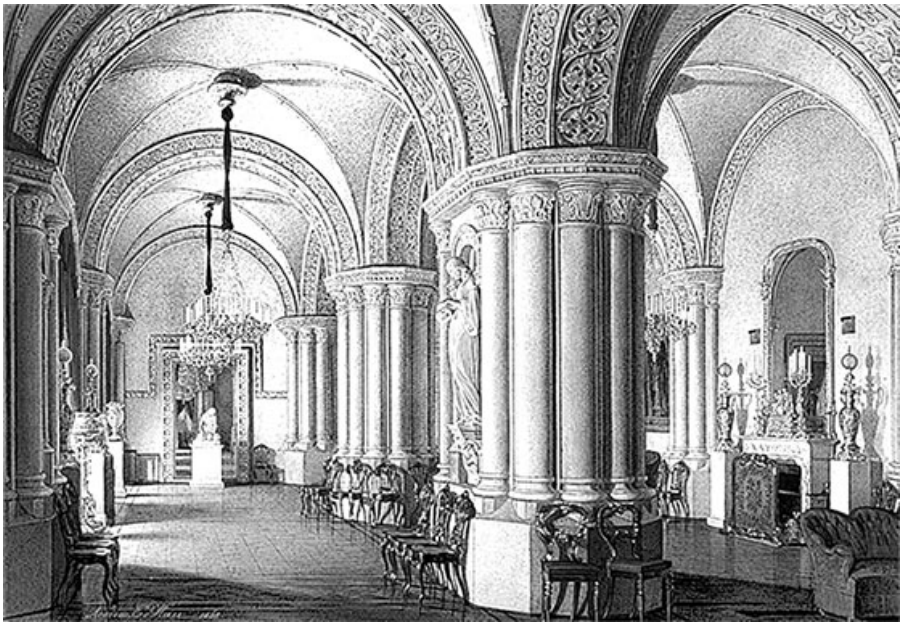
Официальный медицинский диагноз смерти императора Николая Павловича – «паралич легких». То, как умирал император Николай Павлович, действительно заслуживает уважения. Он простился со всеми. Призвав внука[784], сказал ему: «Учись умирать». Его слова не расходились с его делами. Незадолго до смерти в одном из разговоров он обронил: «Я должен служить во всем по порядку. А уж если стану дряхл, так уж в чистую отставку пойду… Если не гожусь на службу, – уйду, а

пока есть сила, буду перемогаться до конца»[785]. Он сам назначил зал в Зимнем дворце, где должно было находиться его тело до перенесения в Петропавловскую крепость, он сам определил себе место захоронения и просил, чтобы похоронные церемонии проходили как можно скромней, а траур был самый короткий.

19 февраля 1855 г. тело царя забальзамировали. Сохранился перечень медиков и официальных лиц, принявших участие во вскрытии и бальзамировании царя. Это министр Императорского двора граф В. Ф. Адлерберг, лейб-медики М. А. Маркус, Э. И. Рейнгольдт, лейб-хирурги И. В. Енохин и доктор Ф. Я. Карелль и М. М. Мандт. В документе упоминаются также прозекторы Медико-хирургической академии – В. Л. Грубер и Шульц. Процессом бальзамирования руководил професор П. А. Наранович[786].



Траурная зала (Готическая гостиная) с телом императора Николая I



Э. П. Гау. Готическая гостиная великих княжон. 1868 г.

21 февраля 1855 г. тело Николая Павловича после бальзамирования перенесли в Готическую гостиную на первом этаже северозападного ризалита Зимнего дворца. Для всех желающих попрощаться с императором открыли подъезды Зимнего дворца. 24 февраля тело перевезли в Петропавловский собор, и 5 марта 1855 г. в 11 часов утра совершился обряд его погребения.

После смерти Николая I его Нижний кабинет на долгие годы стал самым почитаемым мемориальным местом в Зимнем дворце. Причем почитаемым не по приказу свыше, а по долгу сердца. Таким он оставался не только до трагических событий 1917 г., но и вплоть до конца 1920-х гг., пока его не превратили в один из обезличенных залов Государственного Эрмитажа.

Тогда, в скорбные дни февраля 1855 г., бывшая фрейлина императрицы Александры Федоровны – А. О. Смирнова, урожденная Де-Россет, посетила Нижний кабинет Николая I: «Я пошла осмотреть эту комнату, скорее келью, куда в отдаленный угол своего огромного дворца он удалился, чтобы выстрадать все мучения униженной гордости своего сердца, уязвленного всякой раной каждого солдата, чтобы умереть на жесткой и узкой походной кровати, стоящей между печкой и единственным окном. Я увидела потертый коврик, на котором он клал земные поклоны утром и вечером перед образом в очень простой серебряной ризе (откуда этот образ, никому неизвестно)… сильно подержанное Евангелие, подарок Александра Павловича (его он, как сам мне

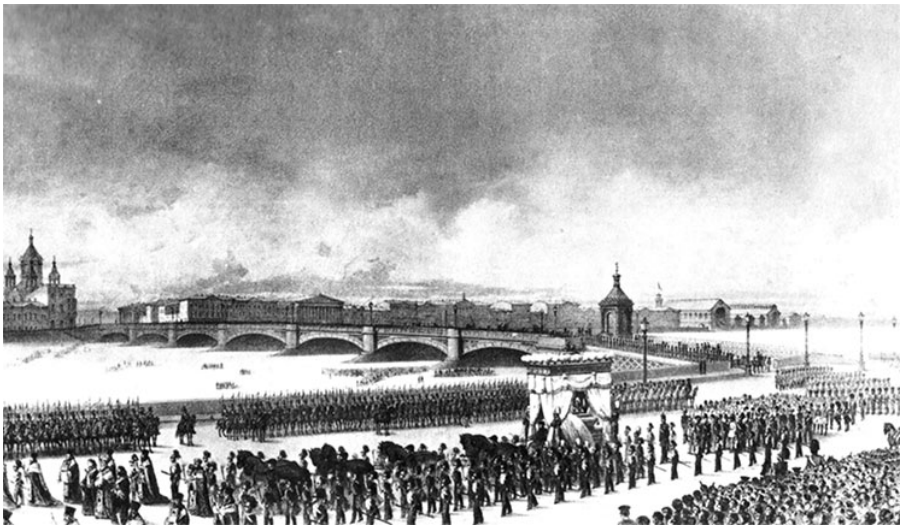
говорил, читал каждый день, с тех пор как получил в Москве после беседы с братом Александром у Храма Спасителя), экземпляр Фомы Кемпийского, которого он стал читать после смерти дочери, несколько семейных портретов, несколько батальных картин по стенам (он их собственноручно повесил), туалетный стол без всякого серебра, письменный стол, на нем пресс-папье, деревянный разрезательный нож и „Одесская бомба“[787]. Стол был заполнен также бумагами, рапортами, схемами. В углу комнаты стояло несколько карабинов».

Смерть Николая I стала осязаемым рубежом, расколовшим век XIX на две половины. Л. В. Дубельт писал: «Боже мой! Не стало нашего Государя Николая Павловича! Плач всеобщий, всеобщее изумление – никто не верит, чтоб этот дуб телом и душою, этот великан так внезапно свалился!.. Удар неожиданный, никто не подозревал, что недуг его принял опасное направление. Скорбь так велика, что описывать ее дело невозможное»[788]. В воспоминаниях камер-юнгферы императрицы Марии Александровны А. И. Яковлевой также пишется о том, что «кончина императора Николая Павловича была для всех совершенно неожиданной, почти до последнего дня надеялись на его выздоровление, т. к. здоровье его всегда считалось несокрушимым»[789].

По описаниям современников, горожане бурно реагировали на внезапную смерть царя: «Народ увидел тут неестественную смерть, и толпы бросились к Зимнему дворцу, требуя на расправу врача Мандта. Последнего успели спасти; он скрылся из Зимнего дворца задними ходами. Мандту угрожала неминуемая опасность быть разорванным на клочки народом»[790]. В этот же день Л. В. Дубельт записал: «В народе слышны были еще жалобы на докторов: „Отдали бы их нам, мы бы разорвали их!“»[791]. Примечательно, что народу, собравшемуся на Дворцовой площади, первым о смерти царя неофициально сообщил его кучер, который, выйдя к толпе, едва смог ей объяснить, от какой болезни скончался царь[792].

Говоря о слухах, надо отметить, что они, как это обычно и бывает в подобных ситуациях, начали распространяться в Петербурге уже на момент болезни и смерти царя. А. Ф. Тютчева пишет в дневнике, что одна из фрейлин, А. Блудова, говорила о том, что «необходимо уговорить государя немедленно опубликовать подробности смерти императора Николая Павловича, так как в народе уже ходит множество слухов, волнующих массы и могущих привести к беспорядкам», что в печати «не было помещено ни одного бюллетеня о болезни императора». «Говорят об отравлении, уверяют, что партия,

враждебная войне, хотела отделаться от императора, обвиняют Мандта, которому давно не доверяют, – одним словом, тысячи нелепых слухов»[793]. Для того чтобы пресечь их распространение 24 и 26 февраля 1855 г., и были «опубликованы подробности смерти покойного императора»[794].



В. Тимм. Траурная процессия почившего в Бозе императора Николая I от Зимнего дворца в Петропавловский собор. 1855 г.

Внезапная смерть царя породила в самых различных слоях общества множество вопросов. Начался процесс коллективного мифотворчества. Первой его волной были разговоры, возлагавшие вину за внезапную смерть царя на придворных лейб-медиков. Великая княгиня Мария Павловна прямо обвиняла М. Мандта в убийстве императора. Об этом же писала баронесса М. П. Фредерикс: «Государю во время его последней болезни Мандт приносил свои порошки в кармане. Других медиков он не подпускал во время этой же болезни, уверяя до последней минуты, что опасности нет. При нем был ассистент, второй лейб-медик его величества доктор Карелль, но перед Мандтом он не смел пикнуть, будучи в то время еще довольно молод и неопытен в придворной жизни. Все эти отношения Мандта дали повод впоследствии к разным толкам»[795].

Тогда же, весной 1855 г., начинает формироваться версия о завуалированном самоубийстве императора. Слухи о самоубийстве царя циркулировали и в медицинских кругах столицы. Не прошли мимо этих слухов и революционеры. В 1897 г. в Лондоне они издали брошюру «Николай I. Его личность, интимная жизнь и правление», в которой покойный император

был облит грязью и где также с уверенностью говорится о самоубийстве царя. Среди революционеров сам факт отравления царя и его мучительная агония воспринимались как доказательство близящегося развала строя, казавшегося при Николае I несокрушимым.

Версию о самоубийстве царя талантливо раскрутил лондонский сиделец А. И. Герцен. Его крылатая фраза о «Евпатории в легких» все объяснила противникам самодержавия. Логика была простая. Царь не смог вынести позорного (а как иначе, других поражений у России в глазах диссиденствующей публики не бывает!) поражения России и отравился.

Вместе с тем, говоря о «Евпатории в легких», следует иметь в виду, что по негативному сценарию военные действия развивались только в Крыму и связаны они были с осадой единственного города. Ведь все попытки англичан и их союзников достичь успехов на Кавказском фронте, на Белом море, у берегов Камчатки (вот уж где было позорное поражение англичан. – *И. З.)* и на Балтике либо закончились ничем, либо с треском провалились. В начале 1855 г. стало ясно, что даже после взятия Севастополя возможность дальнейшего движения вглубь России англичан и французов была весьма проблематичной. Поэтому, на наш взгляд, не следует преувеличивать значение поражения под Евпаторией. Вряд ли такой человек, как Николай Павлович, офицер и искренне православный человек, от известия о поражении в локальной стычке немедленно бы потянулся к яду. Он прекрасно помнил, как его старший брат Александр I стоически перенес захват и сожжение Москвы. И что такое сдача Севастополя по сравнению со сдачей Москвы?

В заключение можно констатировать, что при всей пестроте авторитетных и подчас взаимоисключающих версий, настала пора отказаться от версии самоубийства Николая I. Судя по всему, это была смерть в результате развития простудного заболевания, переросшего в воспаление легких, осложнившегося соматическими причинами, порожденными военными неудачами России в Крыму. Рассматривая версию о соматических причинах, приведших к смерти царя, необходимо учитывать отношение православия к самоубийству как одному из самых тяжких грехов перед Богом. И в этом контексте по-особому звучит фраза царя, сказанная в ходе предсмертной беседы со своим духовником В. Б. Бажановым, о вере: «Я не богослов; верую по-мужицки»[796]. Поэтому представляется маловероятным, чтобы этот твердый человек, офицер, христианин принял яд.

Но надо признать, что в феврале 1855 г. известия о неудачах в Крыму психологически надломили императора. О

психологическом надломе императора Николая I свидетельствует письмо М. Мандта, написанное им жене во Франкфурт-на-Одере, через несколько дней после смерти Николая Павловича: «В Гатчине Государь стал неузнаваем, душевное страдание сломило его, прежде чем физическое. Если бы вы его видели при получении каждой плохой вести! Он бывал совершенно подавлен, из глаз катились слезы, и часто он слишком обнаруживал Мюнстеру[797] овладевавшее им отчаяние… Известие об Евпатории положительно убило его; до этого времени у меня была надежда, мне казалось, что крепкое сложение его преодолеет. Но тут ему был нанесен последний удар, „сколько жизней пожертвовано даром!“. Следующие слова и мысль постоянно возвращались к нему: „Бедные мои солдаты!“. Много способствовали и неосторожности относительно здоровья: например, были собраны в манеже рекруты; погода была холодная, в манеже сыро, а у Государя подагра и грипп. Я хотел запретить ему ехать туда; я требовал в качестве доктора, умолял как слуга, как человек, но ничего не действовало: „Как! Эти люди идут на смерть за меня, а я не пойду хоть увидеть их, сказать им хоть слово ободрения! Мой долг поехать туда, и я поеду, чтобы со мной ни случилось!“»[798].

Вместе с тем, с врачебной точки зрения, угнетенное состояние императора нельзя толковать в пользу версии о суициде. Такие психические реакции постоянно наблюдаются при заболеваниях, сопровождающихся общей интоксикацией, например при вирусных инфекциях, в том числе гриппе, осложнившемся воспалением легких[799].

Принято считать, что Мандт немедленно покинул Россию в феврале 1855 г., после смерти Николая I. Однако это не соответствует действительности. Как следует из архивных документов, Мандт получил заграничный паспорт только 30 июня 1855 г. Поводом для отъезда за границу стало желание Мандта посетить «на несколько времени Германию, Австрию и Италию». Его поездка предпринималась с личного разрешения вдовствующей императрицы Александры Федоровны, и Мандту не только выдали заграничный паспорт, но и предоставили дорожный экипаж из Конюшенного ведомства[800].

Таким образом, никакого «бегства отравителя Мандта» из России не было. Речь шла лишь о поездке «на несколько времени», признаков увольнения Мандта из Военного ведомства не возникало. Однако стало совершенно очевидно, что придворная карьера Мандта закончилась. Началось развенчание его «атомистической теории», ключевые посты при Дворе заняли новые люди, а темные слухи вокруг имени Мандта продолжали

множиться. Поэтому после возвращения в Россию в конце 1855 г. Мандт быстро «сворачивает дела». Видимо, с Мандтом был достигнут компромисс. Он оставался числиться по Военному ведомству, получая жалованье и сохраняя все свои должности, но навсегда покидал Россию. В апреле 1856 г. обер-гофмаршал граф А. Шувалов направил рапорт на имя министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга, в котором сообщал, что Мандт «возвратил прошлогодний свой заграничный паспорт, выданный из Министерства иностранных дел», и просил выдать ему новый загранпаспорт. 12 апреля 1856 г. Мандт получил новый загранпаспорт[801] и навсегда покинул Россию, где жил с 1839 г. Умер Мандт в 1858 г. В «Адрес-календаре» Мандта как почетного лейб-медика и консультанта последний раз упомянули уже после смерти, в томе за 1858–1859 гг.

Ф. К. Винтерхальтер. Императрица Александра Федоровна. 1856 г.

Что касается императрицы Александры Федоровны, то постоянно недомогавшая императрица пережила мужа на 5 лет, умерев в октябре 1860 г. Ее лечащим врачом был Ф. Я. Карелль, в августе 1855 г. назначенный лейб-хирургом Высочайшего двора и в декабре того же года ставший лейб-медиком Высочайшего двора.

После восстания декабристов 1825 г. императрица страдала подергиваниями головы, когда начинала нервничать. В конце жизни императрица стала слепнуть. Ее дочь, великая княгиня

Ольга Николаевна, описывая события 1845 г., упоминает: «Мама жаловалась на глаза, испорченные постоянными слезами, кроме того, она опять страдала сердцем, в то время как Папа жаловался на печень». К 1858 г. Александра Федоровна «была очень слаба и почти слепа. Раз в месяц ее величеству ставили к вискам от глаз искусственные пиявки; в тот день она принуждена была находиться в совершенно темной комнате, куда не проникал ни малейший свет»[802].

К. Робертсон. Императрица Александра Федоровна. 1852 г.

Примечательно, что и в Зимнем дворце даже в отношении первых лиц совершались серьезные врачебные ошибки. Так, начиная с 1830-х гг. врачи лечили больное сердце императрицы. Но после ее смерти в ходе вскрытия выяснилось, что Александра Федоровна «вовсе не страдала болезнью сердца, как предполагали, – эти органы были совершенно невредимы, – но большая кишка была найдена совсем в плохом состоянии. Несчастный доктор Карелль пришел в отчаянье от этой грубой ошибки; она ложилась всецело на него, так как пользовавший

перед ним императрицу доктор Мандт постоянно утверждал, что у ее величества страдание кишок и что ее периодические биения сердца были только нервным явлением. Карелль пользовал исключительно от сердца и легких»[803]. Тем не менее Ф. Я. Карелль сохранил свою должность лейб-медика вплоть до своей смерти в 1886 г.[804]

Врачи Александра II

За время жизни Александра II в Зимнем дворце (1818–1881 гг.) у него сменилось несколько лечащих врачей. Никто из них в Зимнем дворце не жил. Все они, по сложившейся со времен Николая I традиции, регулярно наносили своему пациенту утренние визиты (2–3 раза в неделю), «мониторя» состояние его здоровья. Если царь заболевал или чувствовал недомогание, эти визиты становились постоянными, вплоть до выздоровления царя. А дежурства гоф-медиков в Зимнем дворце шли по обычному графику.

Если упомянуть главных лечащих врачей императора, то самыми близкими к нему являлись: лейб-медик Иван Васильевич Енохин (с 1837 по 1855 г.), лейб-медик консультант Николай Федорович Здекауер (с начала 1860-х гг. до середины 1870-х гг.) и лейб-медик Сергей Петрович Боткин (с середины 1870-х гг. до конца 1880-х гг.).

Самым серьезным заболеванием Александра II была астма, приступы ее случались с юношеского возраста. Поэтому в рабочем кабинете императора постоянно находились кислородные подушки, их использование могло купировать приступы удушья. Об использовании кислородных подушек известно из описаний событий 1 марта 1881 г., когда с их помощью пытались вывести Александра II из бессознательного состояния.

Наряду с серьезными «болячками», были и совершеннейшие пустяки. Например, на рубеже 1840-1850-х гг. Александр Николаевич начал полнеть. Заметим, что все императоры считали своим долгом поддерживать достойную физическую форму и роль императора-толстяка их совершенно не устраивала. В конце концов, проблему полноты удалось успешно решить, более того, в 1870-х гг. Александр II начал терять вес. О том, как император похудел, имеются две версии.

Согласно первой, причиной нормализации веса стал «гастрономический случай». Очевидец вспоминал, что в 1853 г. Николай I проводил один из военных смотров близ Варшавы. После удачного смотра Николай I «осчастливил» хозяев «принятием солдатского обеда в лагерном шатре… вдруг, за вторым блюдом, когда подали рыбу, цесаревич поперхнулся и стал с силою откашливаться; в горло ему попала рыбья кость… он посинел, глаза выкатились, кость его душила. Произошло смятение. Государь, вскочив со своего места, расстегнув мундир цесаревичу, ударял его в шею рукой, ничего не помогало. Находившийся тут же лейб-медик, попросил разрешения

действовать инструментом, его допустили, и он, с большими усилиями, протолкнул наконец кость в пищевод. Наследник вздохнул и стал приходить в себя. Эти несколько минут были ужасны». После чего наследника раздели и положили в кровать. Позже лейб-медик сказал, что «гортань сильно уязвлена и потребует несколько дней лечения. Наутро осмотрели горло и нашли небольшую язвину… говорили… потом, что после этого случая наследник и стал худеть»[805].

Н. Ф. Здекауер

Император Александр II

Вторая версия состоит в том, что Александр II просто увеличил физические нагрузки, в том числе используя тренажеры, размещенные на его половине в Зимнем дворце. И это не домыслы. Архивные документы свидетельствуют, что на рубеже 1850-1860-х гг. в Зимнем дворце появились два тренажера. Их изготовил по заказу лейб-медика Енохина и «по указанию доктора Берлинга» в декабре 1859 г. столярный мастер Диринг. Мастер получил 120 руб. серебром за «скамейку ясеневого дерева с двумя подъемными досками на подставке (38 руб.)». На тренажере «сделана подушка, покрытая красным трипом, укрепленная ремнями (43 руб.)». Трудно сказать, что из себя представлял тренажер, по столь скудному описанию. То ли это были некие брусья, то ли некое устройство для качания пресса. Описание второго тренажера еще более непонятно: «Бахрия подъемная, ясеневого дерева, верхняя часть обита и

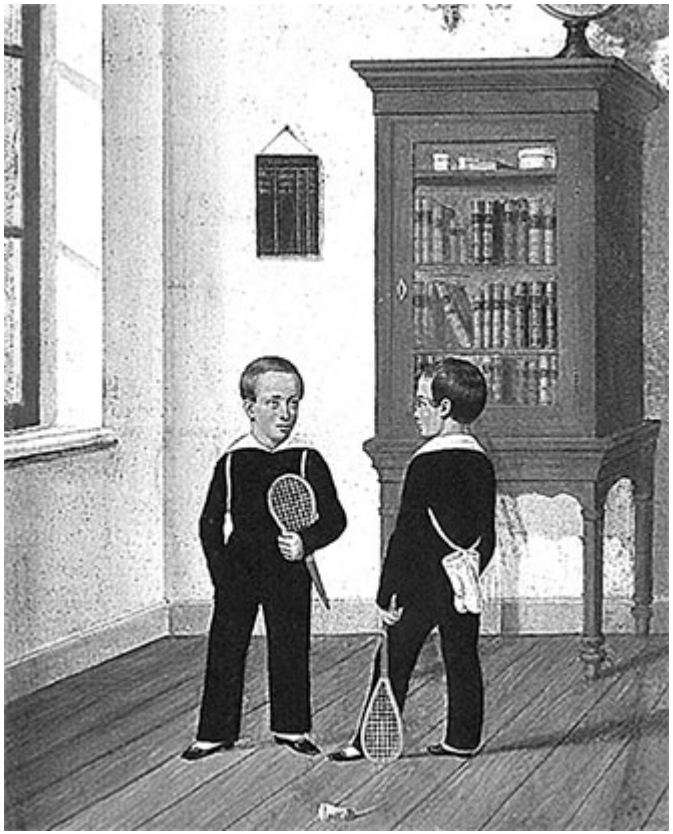
покрыта красной трипом[806] (39 руб.)»[807].

Как-то трудно представить Александра II, занимающегося на тренажерах, какими бы они ни были. Тем не менее они имели место. Но «физкультура» императора продолжалась сравнительно недолго. Как только лейб-медик И. В. Енохин в 1863 г. умер, немедленно последовало распоряжение «два аппарата… хранить в Придворной Его Величества конторе».

Несколько слов необходимо сказать и о регулярных занятиях гимнастикой в Зимнем дворце. Еще при Екатерине II будущий Павел I играл в залах Зимнего дворца в воланы. Но гимнастика как обязательная учебная дисциплина вошла в быт маленьких великих князей и княжон только при Николае I. Когда у императора начали подрастать дети, к середине 1830-х гг. во всех пригородных императорских резиденциях возвели специальные спортивные детские уголки. Для занятий спортом рядом с детьми появились штатные гимнасты. Первым из череды учителей гимнастики стал учитель шведской гимнастики Л. И. Линден[808].

Николай I всячески поощрял мальчишеские подвижные игры, даже если они происходили в интерьерах Зимнего дворца. Любимой несколькими поколениями царственных мальчишек была игра в мяч: они из «подручного дворцового материала» возводили баррикады и увлеченно штурмовали их, забрасывая «противника» каучуковыми мячами. Заметим, что это был натуральный литой каучук, твердый, как дерево, и если такой мячик попадал в лоб, мало никому не казалось. Поэтому были и разбитые носы, синяки и слезы. Но Николай I, будучи и отцом, и дедом, не только поощрял такие мальчишеские игры, но и сам принимал в них участие. Впрочем, в Зимнем дворце имелся свой «спортивный зал», где, кроме масштабного макета яхты, имелись и шведская стенка, веревочная лестница и канат. В этой комнате дети Николая I занимались гимнастикой вместе со своими учителями.

К середине XIX в. фигура учителя гимнастики стала обязательной в списке преподавателей не только великих князей, но и княжон. Известны и некоторые имена. Так, в 1857 г. учитель гимнастики де Рон, преемник Л. И. Линдена, получил подарок за отлично проведенные занятия[809]. Упомянутый де Рон буквально «вытащил» из болезни старшего внука Николая I – Николая Максимилиановича Лейхтенбергского[810]. Так что в пользе занятий гимнастикой в царской семье никто не сомневался.



Кадеты малолетнего отделения 1-го Кадетского корпуса, играющие в воланы. 1797–1801 гг.

Уже во второй половине XVIII в. в Европе бытовали понятия «немецкая гимнастика», «английская лечебная гимнастика». В начале XIX в. формируется понятие «шведская гимнастика». Этому способствовало открытие в Стокгольме Центрального гимнастического института (1813 г.), который стал центром подготовки «образованных гимнастов».

Николай Максимилианович Лейхтенбергский

Одним из таких гимнастов стал шведский подданный Андрей Берглинд, получивший в 1873 г. официальное звание «придворного гимнаста». А. Берглинд, родившийся в Швеции в 1823 г., окончил курс медицины в Упсальском университете со званием «кандидата медицины» (1845 г.). Затем поступил в Королевский Центральный гимнастический институт, где «окончил полный курс гимнастики» (1848 г.). В конечном итоге А. Берглинд защитил диссертацию, получив диплом доктора медицины и хирургии (1859 г.). Сегодня такое сочетание дипломов проходит по специальности «спортивная медицина».

Отметим, что учитель гимнастики де Рон с конца 1840-х гг. регулярно посещал Зимний дворец, где проводил занятия «пассивной гимнастикой» с цесаревной Марией Александровной. Отметим интенсивность занятий пассивной гимнастикой[811]: ею цесаревна занималась «ежедневно». Судя по всему, именно Андрей Берглинд руководил занятиями на тренажерах с Александром II.

Заслуги Андрея Берглинда на ниве шведской гимнастики достойно оценили. Его наградили орденами Св. Станислава III (1862 г.) и II (1863 г.) степеней. Король Швеции за многочисленные труды, пропагандирующие шведскую гимнастику, пожаловал А. Берглинду звание профессора. Кроме того, гимнаст А. Берглинд состоял членом Общества санкт-петербургских врачей и являлся членом Королевского Общества шведских врачей в Стокгольме. И наконец, 8 апреля 1873 г. Андрею Берглинду высочайшим указом даровали звание придворного гимнаста[812].

М. Зичи. В приемной Александра II. 1863 г.

Упомянем и о том, что у Александра II в 1850-х гг. имелись серьезные проблемы с пищеварением. Эти проблемы нашли свое отражение и в придворной мемуаристике, породив байку о «кальянщиках» Зимнего дворца. Князь Петр Долгоруков упоминает: «Расположение дня у государя следующее. Встает он

часов в восемь, одевается и совершает пешком, при какой бы то ни было погоде, прогулку в Петербурге около Зимнего дворца по тротуару, а в Царском Селе около пруда в саду; возвратившись во дворец, пьет кофе глаз на глаз со своим доктором Енохиным; потом отправляется в ретирадное место, где заседание происходит оригинальным образом. Его Величество наследовал от своих отца и деда тугость на пищеварение, и в бытность свою на Кавказе в 1850 году, попробовав курить кальян, заметил, что кальян много способствует его пищеварению. Итак, Его Величество, воссев, где подобает, начинает курить кальян и курит, доколе занятие это не увенчается полным успехом. Перед государем поставлены огромные ширмы, и за этими ширмами собираются лица, удостоенные по особой царской милости высокой чести разговором своим забавлять государя во время куренья кальяна и совершения прочего».

Судя по воспоминаниям, узкий круг лиц, присутствовавших за ширмами «получил в Петербурге прозвание „кальянщиков“, и множество генерал-адъютантов, флигель-адъютантов и придворных добивается всевозможными интригами высокой чести поступить в почетный круг кальянщиков. Неуспех их благородных, возвышенных стремлений глубоко огорчает этих достойных сановников, наполняет горечью их полезную жизнь, благу Отечества посвященную».

Подтверждает эту историю множество архивных дел под названием «О выписке из Тавриды кальянного табаку для Государя Императора». Так, в январе 1857 г. граф А. П. Шувалов через заместителя министра иностранных дел распорядился о закупке «для Его Императорского Величества кальянного табаку первого сорта»[813]. Тогда же уплатили таможенные пошлины за «персидский табак, доставляемый для Государя Императора в июле 1856 г.». О том, насколько большое значение придавалось этому вопросу придворными, свидетельствует следующее замечание А. П. Шувалова: «…во время пребывания здесь персидского посла я заметил, что табак, куримый им, гораздо лучше того, который продается Его Величеству и, как я слышал, здоровее для курения», поэтому Шувалов выписал из Персии «некоторое количество табаку, куримого Шахом. Табак этот я осмелился поднести Государю Императору»[814]. О том, каков был расход[815] кальянного табака, свидетельствует следующее распоряжение о покупке и немедленном «отправлении сюда, для Его Императорского Величества, трех пудов Ширазского кальянного табаку». Уточню, что три пуда – это 48 кг. И этот только на полгода! При том что было велено «продолжать на будущее время высылку оного в том же количестве, через каждые

полгода». Судя по всему, и проблемы с пищеварением были серьезные, и помогал табак изрядно.

Серьезные проблемы со здоровьем у Александра II начались во второй половине 1870-х гг. Начиная с 1876 г. ближайшее окружение отмечало постепенное ухудшение здоровья царя. Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в дневнике в феврале 1876 г.: «Государь мне вчера показался весьма легко утомляющимся и вообще в неблагоприятном санитарном состоянии. Есть минуты почти полного упадка сил. Мне показалось также, что он сам сознает свое состояние, но скрывает это сознание и, быть может, притворяется более равнодушным ко многому, что около него происходит, чем он равнодушен на деле… [Адлерберг[816]] разделяет мое мнение о состоянии государя и говорил, что он простудился в Лисине и вчера во время обедни почувствовал себя так дурно, что был вынужден сесть. Это произвело сенсацию. Естественно»[817].

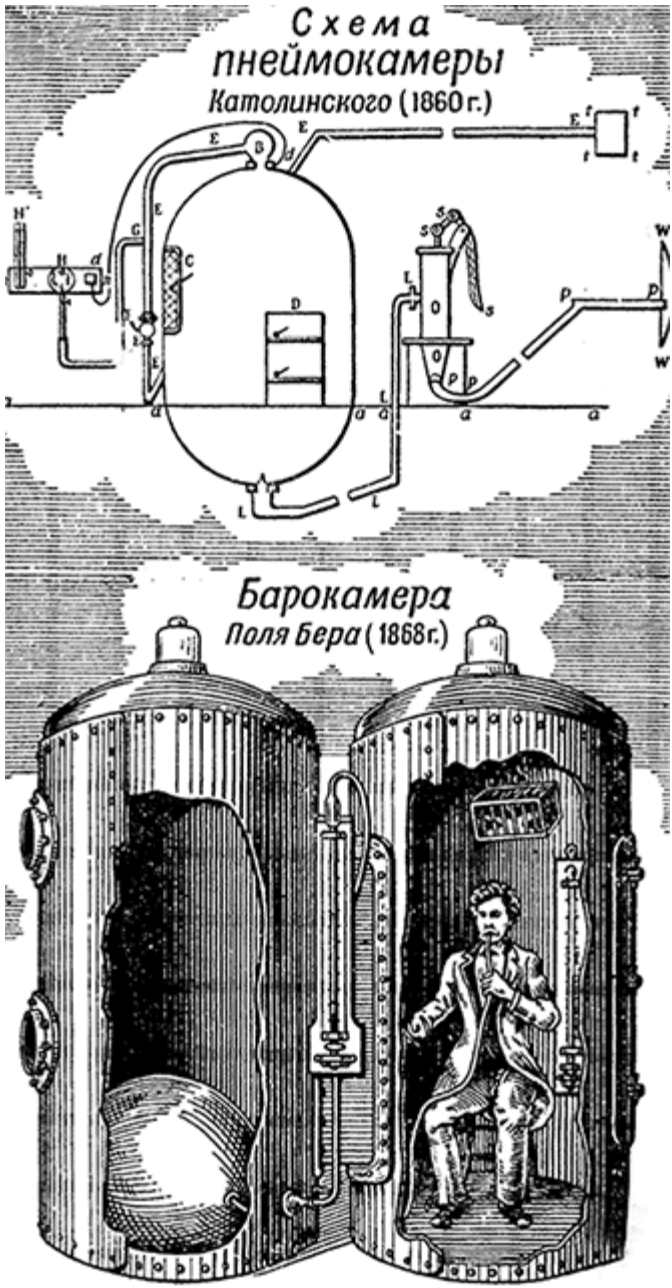
В июне 1876 г. военный министр Д. А. Милютин записал в дневнике: «В Петергофе, так же как и здесь, в Петербурге, исключительные предметы разговоров и толков – здоровье государя и восточный вопрос. До приезда государя ходили самые зловещие слухи о расстроенном его здоровье и упадке нравственном; с прибытием же его несколько успокоились; однако же нашли его сильно исхудавшим. Доктор Боткин (осматривавший государя во вторник) говорил мне, что не нашел в нем никаких симптомов опасных и намекнул, что истощение его может отчасти происходить от излишеств в отношении к женщинам. Говорят, что, кроме постоянных сношений с кн. Долгорукой, бывают и случайные „любовные авантюры“»[818]. Отметим, что императору тогда шел 59-й год и, судя по переписке Е. М. Долгоруковой и Александра II, отношения между ними продолжали оставаться достаточно бурными. Александр II, несмотря на периодические «любовные авантюры», был очень привязан к своей Дусе (так в личной переписке Александр II называл Е. М. Долгорукову).

Великая княжна Александра Александровна. 1845 г.

Судя по всему, тревожные симптомы в состоянии здоровья Александра II подвигли его в сентябре 1876 г. составить завещание, в котором, говоря о сыновьях, он писал: «Заклинаю их не забывать никогда слова их дедушки, которые я им часто повторял – что вся их жизнь должна быть посвящена службе России и ее Государю, чувство, которое в сердцах их должно быть нераздельно»[819]. Тогда же император распорядился и о месте своего захоронения: «Прошу похоронить меня в Петро-Павловском Соборе, у ног столь нежно любимой мною покойной дочери моей Александры, близ стены… Оставить также на мне браслет с портретом Лины, который никогда меня не покидал»[820]. Напомним, что Лина, или великая княжна Александра Александровна (1842–1849), была первым ребенком Александра II.

Ухудшение здоровья императора повлекло за собой попытки использования новейших достижений медицины того времени. Сложность заключалась в том, чтобы лечение царя не приобрело общественного резонанса и о медицинских процедурах знало как можно меньшее число лиц. Поэтому для лечения астмы Александра II непосредственно в Зимнем дворце построили

«пневматический аппарат (колокол) для лечения сгущенным воздухом», то есть то, что сегодня мы называем барокамерой.



Барокамера конструкции Поля Бера. 1868 г.

В России первый прообраз барокамеры – «пнеймокамеру» построил в 1860 г. доктор А. Католинский, а в 1868 г. французский физиолог Поль Бер усовершенствовал конструкцию,

создав котел-барокамеру. Судя по описанию, в Зимнем дворце в 1876 г. сделали нечто подобное.

Раннюю осень 1876 г. Александр II провел в Ливадии, и, видимо, там состояние его здоровья резко ухудшилось. Поэтому лечение продолжили прямо в стенах Зимнего дворца, соорудив «кислородную комнату». Подобные кислородные комнаты появились в лучших европейских клиниках в начале 1870-х гг. На этот метод лечения, предполагавший помещение больного в комнату с повышенным содержанием кислорода, возлагались большие надежды. Однако впоследствии практика показала сравнительно низкую эффективность подобного метода лечения астмы. Тем не менее история строительства кислородной комнаты в Зимнем дворце является наглядным примером того, как решались технические проблемы.

19 сентября 1876 г. из Ливадии в Петербург министром Императорского двора А. В. Адлербергом направляется телеграмма, предписывающая срочно «приступить к работам по устройству аппарата согласно присланному чертежу»[821]. Контроль за ходом строительства возложили на влиятельного главу Контрольного департамента Министерства Императорского двора барона К. К. Кистера. В качестве главного подрядчика работ определили давнего и надежного партнера – петербургский завод Сан-Галли.

Строящаяся машина была внушительна и располагалась на нескольких уровнях Зимнего дворца. В подвале установили 15-сильную паровую машину на 4 котла. «Останки» этого устройства сохранились по сей день. Обслуживали паровую машину два машиниста и кочегар. Из подвала протянули трубы в гардеробную комнату Александра II. Именно там для амбулаторного лечения императора смонтировали «пневматическую лечебницу», или «кислородную комнату». Гардеробная комната Александра II находилась в надворной части западного корпуса Зимнего дворца, рядом с камер-юнгферской лестницей, ведущей на антресоль и третий этаж (ныне это зал № 165 Государственного Эрмитажа).

Гардеробную разделили на два помещения. В первом находился металлический цилиндр из котельного железа диаметром около 3 метров. Поскольку «колокол» весил 1609 пудов (25 745 кг), потребовалось заменить деревянные балки на антресольном этаже на балки из рельсов. Внутри цилиндра («колокола») находились столик и диван, стены его оклеили материей. Предусмотрели и средство связи: внутри колокола установили «телеграфный передаточный аппарат»[822], снаружи находился принимающий телеграфный аппарат. Для управления

паровой машиной проложили 20-метровую телеграфную линию, соединившую лечебницу и машинное помещение в подвале. Другое помещение гардеробной служило тамбуром-входом (шлюзовой камерой) с тремя герметичными дверьми и с механизмом для нагнетания кислорода в колокол.

На 27 ноября 1867 г. намечалось испытание установки в присутствии министра Императорского двора и одного из лейб-медиков. Поскольку завод не укладывался в установленные сроки с монтажом оборудования, заведующий Зимним дворцом генерал-майор Дельсаль настоятельно просил хозяина завода Франца Карловича Сан-Галли «принять самые энергические меры к усилению работ… так чтобы к вечеру 26 ноября было бы все готово»[823]. 13 декабря 1876 г. все работы по устройству «колокола» закончили. Это была непростая и дорогая работа. Общая стоимость всех работ составила 64 031 руб.

63 коп.[824] Медики заявили, что они готовы приступить к началу регулярных «сеансов».

Ф. К. Сан-Галли

Реклама завода Сан-Галли

Видимо, император Александр II использовал эту машину вплоть до своей смерти в 1881 г. Трудно сказать, насколько она оказалась эффективна, поскольку никаких других документов или мемуарных упоминаний о ней обнаружить не удалось. После смерти Александра II 1 марта 1881 г. «пневматический аппарат» не только сохранили, но и поддерживали в рабочем состоянии. Последний счет за ремонт агрегата датирован 22 августа 1884 г. То, что колокол сохраняли в Зимнем дворце на протяжении 50 лет, видимо, связано с тем, что Александр III там не жил, а демонтировать машину было дорого и хлопотно. Кроме того, эта машина стала частью мемориальных помещений погибшего императора в Зимнем дворце. Только в середине 1920-х гг., когда Зимний дворец из императорской резиденции превратился в общедоступный музей, пневматический колокол демонтировали[825].

Опуская предысторию трагедии 1 марта 1881 г., описанную многократно[826], начнем рассматривать «медицинскую составляющую» с первых секунд после взрыва второй бомбы на набережной Екатерининского канала в Петербурге.

Тогда взрывом бомбы Александра II отбросило к решетке канала. Подбежавший к царю обер-полицмейстер А. И. Дворжицкий «приподнял его с земли и тут с ужасом увидел, что обе ноги его величества совершенно раздроблены и кровь из них сильно струилась»[827]. В камерфурьерском журнале указывается, что первыми словами очнувшегося царя стали: «Жив ли Наследник?.. Холодно, холодно…». Затем царь прошептал: «Скорее домой… скорее домой», а «затем, как бы отвечая на услышанное им предложение штабс-капитана Новикова внести

Его в ближайший дом для подания первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнес: „Несите меня во дворец… там умереть…“»[828]. Эта фраза Александра II свела на нет очень слабые шансы на его спасение. Дело в том, что прямо на противоположной стороне Екатерининского канала, на Малой Конюшенной, находился Придворный госпиталь Придворной медицинской части с оборудованными операционными и квалифицированным персоналом.

Когда Александра II, подняв на руках по Салтыковской лестнице, уложили на кровать в его кабинете, вокруг умирающего императора начали собираться близкие. Жена Александра III, императрица Мария Федоровна, позже, писала своим родным в Данию: «Лицо, голова и верхняя часть тела были невредимы, но ноги – абсолютно размозжены и вплоть до колен разорваны в клочья, так что я сначала не могла понять, что, собственно, и вижу – окровавленную массу и половину сапога на правой ноге и половину ступни на левой»[829].

Военный министр Д. А. Милютин записал в дневнике 1 марта 1881 г.: «Я был в числе свидетелей агонии его: он лежал с раздробленными ногами на походной кровати в бессознательном состоянии, окруженный врачами и многочисленным семейством. Он едва дышал: для поддержания дыхания ему вдували кислород, пока хирурги бинтовали раздробленные члены… несмотря на все усилия продлить его жизнь, дыхание совсем прекратилось в 3 ч 35 мин.»[830]. Через два дня, 3 марта, Милютин привел еще несколько деталей, связанных с покушением: «Потом расспросил достойного камердинера Подтягина о некоторых подробностях и узнал от него, что не только ноги покойника были совершенно раздроблены, без кожи, но даже задет половой орган. По замечанию Подтягина, покойный император внесен был во дворец уже в бессознательном положении»[831].

Среди тех, кто оказался рядом с умиравшим императором, была и фрейлина А. А. Толстая. Она составила свои записки много позже после описываемых ею событий, но убийство царя было событием далеко не ординарным, поэтому мы можем доверять ее впечатлениям. Это также подтверждается тем, что А. А. Толстая не принимала никаких оправданий морганатическому браку императора, но в своих записях достаточно объективно пишет о поведении княгини Юрьевской: «Она распоряжалась докторами, прибывающими отовсюду. Это она распорядилась принести подушки с кислородом. Никогда не забуду странного, рокового шума действующего на нервы, от этих подушек, посредством которых пробовали вернуть к жизни государя… Его агония без видимого страдания продолжалась

полтора часа… конвульсивного движения мизинца левой руки, которое продолжалось… почти до самого конца. По мнению Боткина, это был механический остаток жизни, и, поскольку Государь потерял страшно много крови, его можно считать умершим раньше, чем его перенесли в Зимний дворец… В один момент Боткин, державший руку умирающего, обернулся к новому монарху и объявил, что все кончено»[832].

Необходимо упомянуть также тех, кто слышал о произошедшем, из уст непосредственных очевидцев событий. Государственный секретарь Е. А. Перетц, бывший в Зимнем дворце в тот день, записал в дневнике 1 марта 1881 г.: «В шестом часу вышел из кабинета государя великий князь Константин Николаевич, бледный, как мертвец, но спокойный… великий князь сообщил мне прерывающимся голосом, что вид тела покойного ужасен. Нижняя часть туловища страшно обезображена: кости обнажены и раздроблены, мясо висит кусками»[833].

А. В. Богданович 1 марта записала в дневнике: «У государя были раздроблены обе ноги ниже колен, осколком окровавлено все лицо и грудь… Случилось это в $1^3/_4$ и уже в 3 ч 35 мин. Царя не стало»[834]. Через три недели, 19 марта 1881 г., она привела рассказ С. Е. Кушелева, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии: «Когда он вошел, на подушках в сидячем положении находился государь… Рядом какой-то доктор мехами старался вдувать кислород в рот царя, лежащего без ног – открытые колени и тут же кровавые лохмотья». Говоря о кн. Е. М. Юрьевской, она также отмечала, что «все время она исполняла все приказания докторов. Когда государь скончался, у него отвалилась челюсть, – она взяла платок и им подвязала голову царя»[835].

Совершенно особое место среди мемуаров и дневников занимают воспоминания медиков. Практически все те, кто реально пытался облегчить последние минуты императора, те, кто боролся за его жизнь, оставили дневниковые записи. Или написали воспоминания об этих событиях, как дежурившие в Зимнем дворце 1 марта гоф-медик Придворной медицинской части Ф. Ф. Маркус и фельдшер Коган. Или выступили в печати через несколько дней после смерти царя с описанием усилий медиков, как доктор Дворяшин. Итак, слово медикам.

Первыми медиками, оказавшимися около раненого императора, стали дежурные из Зимнего дворца гоф-медик Ф. Ф. Маркус и фельдшер Коган. В этот же день, 1 марта 1881 г., следуя инструкции, Ф. Ф. Маркус написал на имя министра Императорского двора А. В. Адлерберга рапорт «о мероприятиях своих по оказанию [императору] последней медицинской помощи

перед смертью». Поскольку документ составлялся 1 марта 1881 г., через короткое время после смерти императора и очевидцем событий, приведем его полностью: «В дежурство мое, сего 1 марта, в два часа пятнадцать минут по полудни позван был я для пособия Священной Особе Государя Императора. По немедленному моему прибытию в кабинет Его Величества вместе с дежурным лекарским помощником Коганом я нашел Государя Императора лежащим на кровати, в полном бессознательном состоянии с полуоткрытыми глазами, с суженными, на свет не реагирующими зрачками, едва ощутимым пульсом и редким трудным дыханием. Лицо Его Величества было бледное, местами забрызгано кровью, челюсти судорожно сжаты. Обе голени раздроблены настолько, что представляют собою бесформенную массу, причем можно было констатировать следующее: на правой голени в верхней ее трети перелом обеих костей с раздроблением во многих местах и разрывом мягких частей, на левой таковое же повреждение в нижней ее трети. Вышеупомянутое повреждение Его Величества признано мною, равно как и прибывшими после меня врачами, безусловно, смертельным. Применение всевозможных возбуждающих средств оказалось тщетным, и Государь Император в четверть четвертого по полудни в Бозе опочил. Дежурный гоф-медик Ф. Маркус»[836].

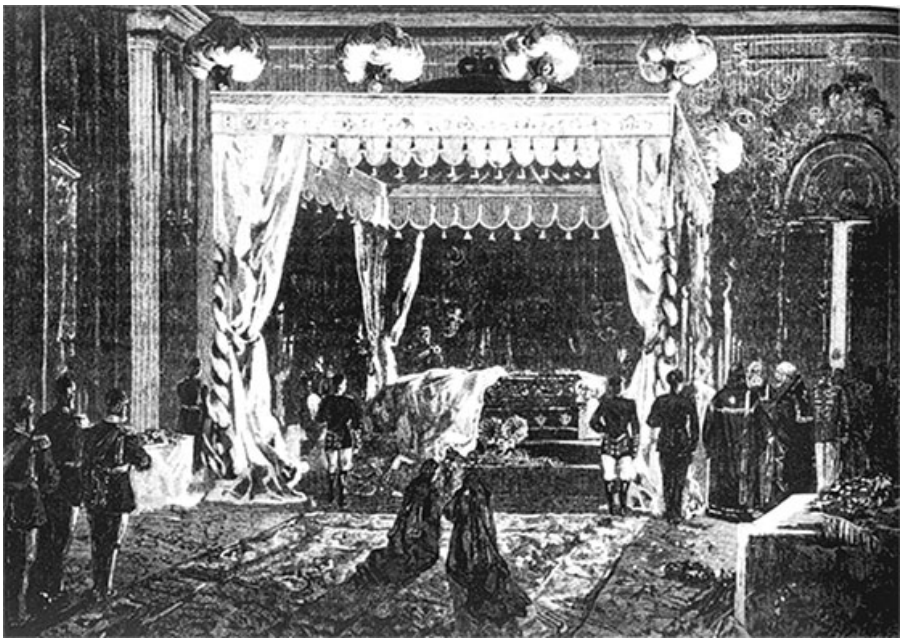
Этот документ появился после смерти императора в 15 ч 15 мин. (15 ч 35 мин.), но до вскрытия его тела, которое было начато около 24 часов. Впоследствии, спустя 19 лет, Ф. Ф. Маркус написал небольшую заметку, он назвал ее «Последние минуты Императора Александра II». Он писал, что после некоторого шока «мгновенно собрал все необходимое, как-то: лекарский набор, вату, бинты, кровоостанавливающую жидкость и пр.», побежал в кабинет царя, где нашел его в полулежачем положении. Врачу «бросилось в глаза, эти страшно обезображенные нижние конечности, в особенности левая, которая, начиная от колена и кончая полуоторванной стопой, представляла бесформенную раздробленную кровяную массу; правая конечность была тоже повреждена, но менее левой; правая была обута в сапог, левая же стопа без сапога. Обе раздробленные конечности были на ощупь холодные». Врач подчеркивал, что он, «не потеряв присутствия духа», приказал лекарскому помощнику «придавливать как можно сильнее обе бедренные артерии», сам же приступил «к оживлению потухающей жизни». В чем конкретно заключалась его помощь, автор не уточнял. Естественно, это не дало никакого результата, император продолжал находиться без сознания. Маркус подчеркивал, что все усилия прибывших после него врачей также были тщетными. Среди этих врачей был и С. П. Боткин, он нашел

царя «уже без пульса». На вопрос цесаревича о прогнозе «он ответил: „от 10 до 15 минут“». Время смерти в воспоминаниях он называет несколько иное – 15 ч. 30 мин.[837]

Воспоминания лекарского помощника Когана, опубликованные в 1913 г., более обширны, и в них больше деталей собственно медицинского характера. Он подчеркивает самостоятельность своих действий в экстремальной ситуации: «Моментально я прижал левую бедренную артерию, вслед за мною доктор Маркус прижал правую бедренную артерию. С Божьей помощью удалось остановить кровотечение из артерий». Он подробно перечисляет, что делал для того, чтобы привести царя в чувство: «спрыскивал и обтирал полотенцем лицо, давал нюхать нашатырный спирт и влил несколько валериановых капель в уста государя. Подание помощи длилось не более двадцати минут, и государь император стал дышать глубже прежнего, и, наконец, я услышал стон… После этого я ощупал едва ощутимый пульс, он был нитеобразный, весьма слабый; затем наложил руку на сердце государя, толчки были тоже слабые»[838]. Все описанное длилось первые 15–20 минут после того, как царя доставили в его кабинет, и до подхода других врачей. Все перечисленные действия делались, видимо, одной рукой или при помощи близких, так как одна рука пережимала бедренную артерию. Далее, по словам Когана, доктору Ф. Ф. Маркусу стало дурно, и он вышел из кабинета. Любопытно, что сам Ф. Ф. Маркус упоминает только о своем «столбняке», когда он услышал о том, что царь ранен, но ничего не пишет, ни в рапорте, ни в воспоминаниях, о том, что оставил фельдшера наедине с умирающим царем. Кстати, официальный историограф царствования Александра II С. Татищев ошибочно упоминает о том, что «дежурный гоф-медик Маркус перевязал ему раны»[839].

После ухода Маркуса лекарский помощник Коган «принял от него и правую бедренную артерию и, таким образом, остался держать обе артерии руками». Вскоре появились другие врачи – доктор Круглевский и доктор Дворяшин, последний немедленно отправился за ампутационным ящиком. Круглевский опрыскивал в это время царя холодной водой, а затем начал давать царю кислород из подушки, принесенной из Придворной аптеки. Все это время Коган держал обе артерии, но кровь продолжала сочиться из множества ран. После того как вернулся доктор Дворяшин с ампутационными инструментами, «был наложен эсмарховский бинт на правое бедро, а потом на левое, я же поддерживал оба бедра», – пишет Коган. Прошло еще двадцать минут, и появились профессор Боткин, профессор Богдановский и почетный лейб-медик Головин. Боткин начал выслушивать

сердце. Коган спросил: «Есть ли какая надежда?». На что «Сергей Петрович посмотрел на меня и сказал, что нет никакой надежды». Лекарский помощник также описывал ранения императора: «конечностей левой стопы совсем не было, обе берцовые кости до колен раздроблены, мягкие части, мускулы и связки изорваны и представляли бесформенную массу, выше колена до половины бедра несколько ран, происшедших как бы от дробинок; были так же подтеки, лицо закапано кровью, веко левого глаза было ранено как бы дробинкой»[840].



Тело императора Александра II в Большом соборе Зимнего дворца

Из мероприятий медицинского характера врач упоминал еще опрыскивание сернокислым эфиром. Кроме этого, для оживления деятельности сердца при такой массивной кровопотере медики надавливали «кровеносные жилы от периферии к центру», но это не принесло никаких результатов. При наложении каучуковых бинтов на правую ногу выше колена «доктора старались сохранить всю оставшуюся в оборванных частях тела кровь и отдавить ее по направлению к сердцу», а «чтобы сэкономить кровь для питания мозга, решено было наложить бинт и на правую руку»[841]. После бинтования ран «доктор Боткин сказал, что сердечные тоны становятся яснее». После совершения обряда Св. Таинства «деятельность грудобрюшинной преграды стала видимо ослабевать и дыхание совершалось только верхними

частями грудной клетки. Тотчас же помчались в Конюшенный госпиталь за снарядом для переливания крови».

В это же время медики подписали единственный бюллетень: «Состояние Его Величества вследствие потери крови безнадежно. Лейб-медик Боткин, профессор Богдановский, почетный лейб-медик Головин, доктор Круглевский». В 15 ч 35 мин была диагностирована смерть «от быстрой и обильной потери крови (острое малокровие) через разрушенные артерии нижних конечностей». Император Александр II скончался на 63-м году и на 26-м году царствования.

Л. Туксен. Детский портрет Николая II. Фредериксборг. 1883 г.

Особо отметим, что тогда тело убитого Александра II видел будущий Николай II – его привезли в Зимний дворец проститься с погибшим дедом. Будущий самодержец поднимался по Салтыковской лестнице, ковры которой были залиты кровью, он видел раздробленные ноги императора. Вне всякого сомнения, 12-летний мальчишка навсегда запомнил деда, лежащего в своем кабинете на залитой кровью кровати. Возможно, многие

особенности личности Николая II уходят корнями в день 1 марта 1881 г.

Примечательно, что сразу же после смерти Александра II его сын, уже император Александр III, через фельдшера Когана распорядился оказать медицинскую помощь раненым конвойным казакам, находившимся во дворце, и доложить ему об их состоянии.

Затем, около четырех часов пополудни, в Зимний дворец пришли профессор В. Л. Грубер с ассистентами А. И. Таренецким и П. Ф. Лесгафтом «для бальзамирования»[842]. Они обмыли тело в кабинете, одели в чистое белье и положили на железную кровать, которую поставили в Учебной комнате. В 20 ч 30 мин. при теле Александра II начали дежурство. В 21 час состоялась панихида.

В 23 ч 45 мин. врачи приступили к вскрытию тела царя. Отметим, что со времен Петра I процедура вскрытия «почивших в Бозе» российских монархов носила обязательный характер и была прописана законодательно.

В ходе вскрытия и осмотра тела врачи составили «Протокол вскрытия тела в Возе почившего Государя Императора Александра Николаевича». Опуская текст этого документа, приведем только его резюмирующую часть: «Основываясь на результатах наружного осмотра, при котором найдены обширные и глубокие разрушения на нижних конечностях с разрывом крупных кровеносных сосудов, и результатах внутреннего исследования, показывающего высокую степень бескровия всех внутренних органов, причем даже в сердце, найдено самое незначительное количество жидкой крови, мы заключаем, что смерть Его Императорского Величества произошла от быстрой обильной потери крови (острое малокровие) через разрушенные артерии нижних конечностей.

Отечное состояние нижних долей обоих легких есть результат предсмертного падения сердечной деятельности.

Что же касается других описанных выше изменений внутренних органов, каковы: воздушная опухоль легких (emphysema pulmonum), сращение левого легкого с грудною стенкою, расширение просвета и изменение стенок аорты и гипертрофия левой половины сердца, то эти изменения объясняют собою те болезненные явления, которыми давно уже страдал Его Величество; но прямого отношения к быстрому смертельному исходу описанные повреждения не имеют.

Лейб-медик Сергей Боткин; Почетный лейб-медик Головин; Лейб-медик Ф. Цыцурин; Лейб-медик Ф. Карелль; Профессор В. Грубер; Профессор Е. Богдано-Бельский; Профессор

Н. Ивановский; Прозектор П. Лесгафт; Доктор Круглевский; Прозектор А. Тиреняцкий»[843].

Доктор медицинских наук Ю. А. Молин на основании приведенного заключения сформулировал современное судебно-медицинское описание повреждений ног Александра II, следующим образом: в нижних третях голени локализовались массивные зияющие раны неправильно-овальной формы с неровными краями, имевшими множественные радиальные разрывы, которые формировали протяженные лоскуты, отслоенные от подлежащих тканей. В глубине ран были видны размозженные мягкие ткани, множественные костные осколки[844].

В результате смерть последовала от взрывного газового-детонационного разрушения обеих стоп и голеней, сопровождавшегося слепыми непроникающими ранениями головы, бедер, с развитием травматического шока и острого малокровия внутренних органов. Нельзя исключить факта ударно-волнового повреждения (баротравмы) легких.

Кроме непосредственных причин смерти Александра II, травмы от взрыва могли сопровождаться эмболией, связанной с проникновением воздуха в поврежденные венозные сосуды, а также поступление в них жира, что было вызвано попаданием в кровеносное русло частиц размозженной жировой клетчатки и костного мозга (вследствие перелома костей)[845].

Врачи закончили свою работу в 7 час. 30 мин. утра 2 марта 1881 г. Тело императора одели в парадный мундир с эполетами Преображенского полка (без орденов) и вынесли в Учебную комнату на половине Александра II. Именно там придворный фотограф С. Л. Левицкий сделал «негатив», то есть фотографию с покойного императора. Последовательность дальнейших событий мы приводим по тексту камер-фурьерского журнала за март 1881 г.

2 марта 1881 г. к 11 часам утра в Зимнем дворце начали собираться все наличные члены императорской Фамилии. В числе приехавших был и старший сын Александра III, будущий Николай II. Была среди собравшихся и княгиня Е. М. Юрьевская (в камер-фурьерском журнале ее называли девичьей фамилией – Долгорукая) с детьми. В 11 ч 30 мин. все прошли в Учебную комнату, где состоялась панихида по Александру II, которую вел царский духовник В. Б. Бажанов. Александр III «облобызал Тело Усопшего Родителя», а затем все прошли в комнаты младших сыновей умершего царя – Сергея и Павла, где состоялся «семейный фрыштик».

К 13 часам в Зимний дворец начал съезжаться весь военно-

административный бомонд на церемонию принесения присяги Александру III. Ровно в 13 часов начался Большой выход из Малахитовой гостиной в храм Спаса Нерукотворного образа в Зимнем дворце. Из всей императорской фамилии только великая княгиня Александра Иосифовна (супруга великого князя Константина Николаевича) не участвовала в Большом выходе «по несовершенному здоровью» и слушала молебен из молельной комнаты.

Прежде чем пройти в Большую церковь, Александр III обратился к офицерам, выстроенным в Николаевском зале, подчеркивая, что «будет служить России и ее благоденствию и надеется заслужить любовь, а также уверен, что Войска будут служить Его Величеству и Его Наследнику с теми же верностью и усердием». Военные на слова императора ответили штатным «ура!»[846].

В Большой церкви Зимнего дворца министр юстиции Д. Н. Набоков прочитал высочайший манифест и текст присяги, в котором в качестве наследника упоминался великий князь Николай Александрович, будущий Николай II. После этого листы присяги подписали все «Высочайшие Особы». Петропавловка по традиции грянула 101-м пушечным выстрелом. Затем вся императорская фамилия прошествовала обратно в Малахитовую гостиную, на половину императрицы Александры Федоровны.

К этому времени в Малахитовой гостиной собрались члены Государственного совета. Александр III, подавив в себе недоброжелательство, «облобызал» его председателя, великого князя Константина Николаевича. В Концертном зале Александр III обратился к Военной свите Александра II. Обращение закончилось обычным «ура». На этом обязательные «пункты» столь сложного для Александра III дня закончились, и он с семьей отбыл в Аничков дворец.

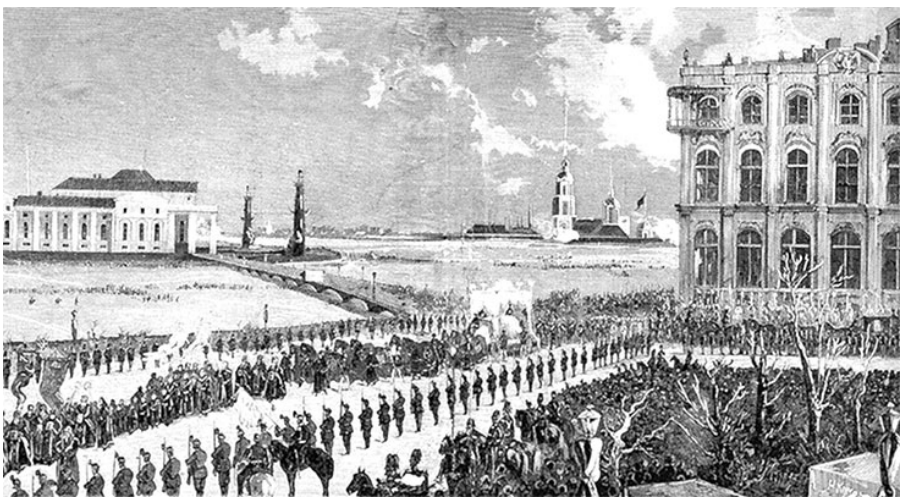
Вечером, к 21 часу, Александр III вновь вернулся в Зимний дворец вместе со старшими сыновьями – Николаем и Георгием. Все прошли в Учебную комнату, где находилось тело Александра II, на панихиду по усопшему императору. Там же находилась и княгиня Е. М. Юрьевская с тремя детьми. Затем император вновь отбыл в Аничков дворец.

На следующий день, 3 марта 1881 г., император прибыл в Зимний дворец к 12 часам. В Учебной комнате, на половине Александра II, прошла панихида, на которой вновь была Е. М. Юрьевская с тремя детьми. Затем император уехал в Аничков дворец. Вновь семья собралась в Зимнем дворце к 8 ч вечера. В Учебную комнату внесли гроб, затем внесли и положили в гроб императорскую порфиру. Затем доктора и

придворные служители уложили тело Александра II в гроб. После краткой литии началось шествие: Приемная, Темный коридор, Ротонда, Арабская, парадные залы, Пикетная, Большая церковь, в которой гроб установили на катафалк. У катафалка выставили на столах императорские регалии, за которыми смотрели два фельдфебеля. После этого Александр III покинул Зимний дворец.

Собственно, эти приезды и отъезды Александра III по маршруту Зимний – Аничков дворец совершенно не приветствовались охраной царя, поскольку на 3 марта 1881 г. сохранялась реальная угроза для жизни царя. Однако царь был непреклонен. Он не желал жить в Зимнем дворце, с которым у него связывались очень тяжелые воспоминания.

4 марта 1881 г. из Москвы привезли часть комплекса императорских регалий, хранившихся в Оружейной палате Московского Кремля. Регалии торжественно доставили в шести золоченых каретах в Зимний дворец к Посольскому подъезду. Среди регалий имперского периода присутствовали и регалии Московского царства: корона Казанская, корона Астраханская, корона Грузинская, корона Польская, корона Сибирская и корона Таврическая. Все регалии уложили на два стола в Георгиевском зале Зимнего дворца.



Траурный кортеж с телом императора Александра II из Зимнего дворца в Петропавловский собор

В этот же день, к вечеру, в Петербург приехали из-за границы великий князь Алексей Александрович, великая княгиня Мария Александровна и ее муж – герцог Эдинбургский. В Большой церкви состоялась лития, которую кн. Е. М. Юрьевская слушала с хор церкви и после которой она приложилась к телу

Александра II.

В этот день Александр III переехал в Зимний дворец «на временное проживание», расположившись на половине императрицы Александры Федоровны. С большой долей уверенности можно предположить, что сделано это было из соображений безопасности, еще продолжались аресты членов «Народной воли». В этот же день извлекли 50-килограммовый фугас из-под брусчатки Малой Итальянской, буквально в двух шагах от Аничкова дворца. К 9 часам вечера императорская фамилия съехалась в Зимний дворец к панихиде.

Особо отметим, что погребальная корона на Александра II не возлагалась. Буквально за две недели до гибели, просчитывая свой трагический конец, Александр II распорядился в присутствии наследника корону на него не возлагать[847].

Траурная процессия от Зимнего дворца в Петропавловскую крепость

6 марта 1881 г. приехали из-за границы великие князья Сергей и Павел Александровичи. Все эти дни в установленные часы проходили у гроба панихиды и литии. Княгиня Е. М. Юрьевская в них не участвовала, слушая их с хор Большой церкви. Вместе с ней смотрели на погибшего отца и их дети. Юрьевской отчетливо дали понять, что среди членов императорской фамилии ей не место. На семейные обеды, проходившие в Зимнем дворце, ее тоже не приглашали.

В субботу, 7 марта 1881 г., состоялось торжественное перевезение тела Александра II в родовую усыпальницу – Петропавловский собор. Все императорские регалии

«сопровождали» гроб с телом усопшего императора.

В воскресенье, 15 марта 1881 г., состоялось торжественное погребение Александра II. 27 марта 1881 г. в 2 часа пополудни дети Александра III выехали в Гатчину с Варшавского вокзала. Вечером этого же дня в Гатчину прибыли Александр III и императрица Мария Федоровна. Жить в Зимнем дворце они не пожелали.

Врачи Николая II

Три Александре III в Зимнем дворце из медицинского персонала остались только дежурные гоф-медики. Лейб-медики появились в Зимнем дворце только в конце 1895 г., когда Николай II вновь вернул Зимнему дворцу статус главной жилой императорской резиденции. Однако по причине молодости императорской четы визиты врачей к ней не были частыми.

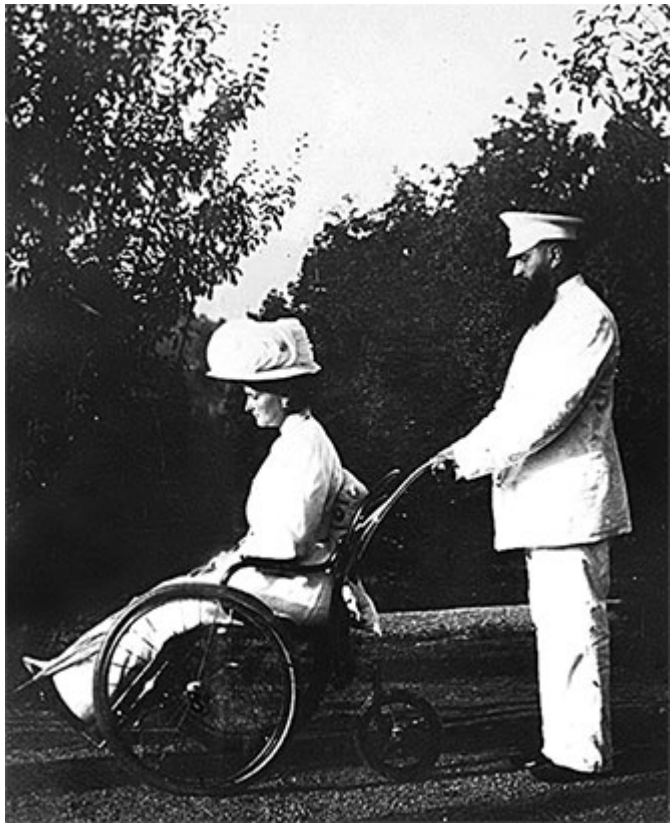
Так, в начале 1896 г. регулярно посещал императорскую половину лейб-акушер Дмирий Оскарович Отт[848] и акушерка Евгения Конрадовна Гюнст. Они «мониторили» состояние здоровья, как родившейся в ноябре 1895 г. великой княжны Ольги Николаевны, так и самой императрицы. Впервые Николай II упоминает профессора Отта в своем дневнике 26 сентября 1895 г.

Успешные первые роды императрицы положили начало придворной карьере Д. О. Отта, продолжавшейся вплоть до февраля 1917 г. Именным высочайшим указом от 4 ноября 1895 г. на имя министра Императорского двора Д. О. Отт был «всемилостивейше пожалован в лейб-акушеры Двора Его Императорского Величества с оставлением в занимаемых должностях и званиях». В формулярном списке Д. О. Отта на 1 декабря 1895 г. были зафиксированы эти должности и звания: «Директор Повивального института, лейб-акушер, консультант и почетный профессор по женским болезням при Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, доктор медицины, действительный статский советник». Можно добавить, что на основании «Положения» Придворной медицинской части Министерства Императорского двора звание лейб-медика «производилось вне всяких правил, по усмотрению Их Величеств». Отметим, что все дети Николая II родились вне стен Зимнего дворца.

Лейб-акушер Д. О. Отт

В этот период молодой царь не жаловался на здоровье, хотя недомогания время от времени беспокоили его. Их он прилежно фиксировал в дневнике. В марте 1895 г. он писал: «Спал скверно, потому что сильная боль в висках и щеке мешала сну»[849]. В сентябре 1895 г.: «У меня скрючило плечо, и я целый день с трудом поворачивался в левую сторону»[850]. В 1899 г. Николай II перенес какое-то офтальмологическое заболевание. За январь-март 1900 г. лейб-окулист Н. И. Тихомиров нанес в Зимний дворец 14 визитов[851]. Однако в целом недомогания Николая II в период его жизни в Зимнем дворце не выходили за пределы «нормы», определявшейся возрастом и обычными сезонными «болячками». Любопытно, что в 1897 г. лейб-окулист Н. И. Тихомиров лечил старшую сестру императрицы – принцессу Прусскую Ирену. Гонорар за 12 визитов врача в Зимний дворец (600 руб.) выплатили из средств Кабинета Е. И. В.[852]

Со здоровьем у императрицы Александры Федоровны все было сложнее. С молодых лет ее беспокоили крестцово-поясничные боли, которые обычно в дневниковых записях царя превращались в «больные ноги». После выхода замуж молодую императрицу немедленно начали мучить «головные боли», как-то не отмечавшиеся в тот период, когда она ходила в невестах. Николай II поначалу прилежно фиксировал в дневнике каждую из ее «головных болей». Потом привык и перестал. Что характерно, первая из таких головных болей обрушилась на императрицу в день свадьбы. 14 ноября 1894 г. царь записал в дневнике: «Завалились спать рано, т. к. у нее сильно разболелась голова»[853]. В записях за ноябрь и декабрь 1894 г. Николай без конца упоминал об этом: «За обедней бедной Аликс сделалось дурно и она вышла… У Аликс разболелась голова»; «Аликс легла раньше, т. к. все еще не чувствовала себя еще хорошо»; 29 января 1895 г.: «Дорогая Аликс проснулась с головной болью, поэтому она осталась лежать в постели до 2-х»; 3 марта 1895 г.: «Гулял один, т. к. Аликс лежала в постели до 12 ч.»; 5 марта 1895 г.: «Аликс осталась лежать и завтракала в постели… Аликс легла пораньше»; 9 апреля 1895 г.: «К несчастью, у дорогой Аликс продолжалась головная боль целый день»; с 8 по 16 апреля: «только теперь после целой недели у нее прошли головные боли!»[854].



Императрица Александра Федоровна. Ливадия. 1909 г.

В результате больные ноги молодой императрицы, заставлявшие ее прибегать к инвалидной коляске, бесконечные головные боли, приводившие к тому, что она целыми днями оставалась в кровати, пренебрегая своими представительскими обязанностями, вызывали недовольство невесткой со стороны вдовствующей императрицы и досужие сплетни, которые будут сопровождать императрицу до конца ее дней. Начались разговоры о том, что молодая царица не в состоянии родить здорового наследника. Безусловно, эти факторы медицинского характера, из которых никто не делал поначалу секрета, учитывались в политических интригах конца XIX в.

Николай II катает супругу по аллее Александровского парка в Царском Селе

Отметим, что до 1907 г. императрица много и охотно лечилась, задействуя самых разных специалистов Придворной медицинской части. Например, она активно привлекала к лечению своих «болячек», надворного советника доктора медицины, консультанта Максимилиановской лечебницы К. Х. Хорна. Отметим, что этот врач специализировался на лечении ног. Только в 1898 г. К. Х. Хорн 29 раз посетил императрицу в Зимнем дворце (по 25 руб. за визит) и 48 раз в Царском Селе и в Петергофе (по 50 руб.). Всего врач «заработал на императрице» 3125 руб., посетив ее 77 раз[855].

Покровительство «своему врачу» распространилось настолько, что императрица помогла ему «выбить» участок элитной городской земли, где архитектор Р. Ф. Мельцер в 1902–1906 гг. построил здание Ортопедической лечебницы доктора К. Х. Хорна. Кстати, доктор К. Х. Хорн не входил не то что в число лейб-медиков, но и вообще в число врачей Придворной медицинской части.

Санитария, гигиена и профилактика заболеваний в стенах зимнего дворца

Говоря о придворной медицине в стенах Зимнего дворца, необходимо привести несколько фактов, связанных с санитарией, гигиеной и профилактикой заболеваний в его стенах.

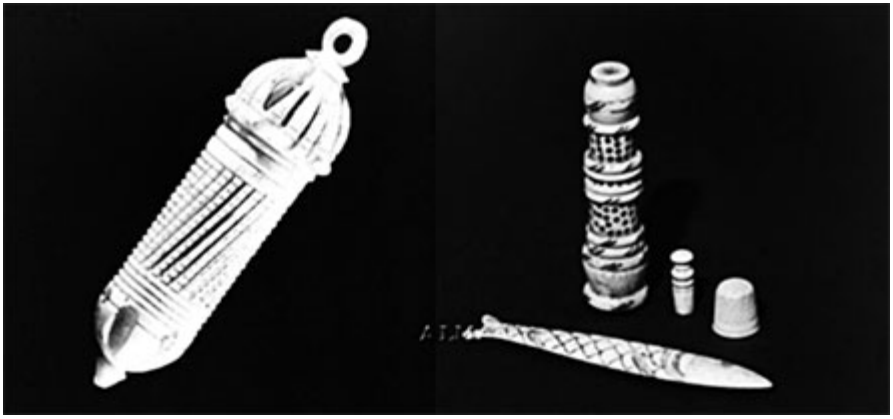
Сначала поговорим о разных паразитах. В средние века паразиты были обычной частью повседневной жизни не только простолюдинов, но и аристократов, по крайней мере, до второй половины XVIII в. С ними, конечно, боролись. В русских деревнях зимой избы периодически вымораживались, чтобы хоть как-то избавиться от паразитов, одежда прожаривалась в банях. Периодически паразитов обнаруживали и в Зимнем дворце.

С блохами боролись с помощью блохоловок, дамы носили их в декольте или на поясе. Края блохоловок смазывались куриной кровью, а ввнутрь помещался цилиндрик с медом. Блохи, привлеченные запахом крови, залипали, попав в мед. Маленькие собачки, столь часто встречаемые на картинах, изображающих аристократов, также рассматривались в качестве живых блохоловок. Когда на собачек с хозяев перебирались в достаточном количестве блохи, то собачек мыли, вылавливая накопившихся насекомых.

Блохи в XVIII в. были настолько обычным делом, что Екатерина II, описывая свою молодость при дворе Елизаветы Петровны, нередко упоминает о них. Так, она рассказывала, что однажды в ее спальню набилось столько блох из фрейлинской, расположенной поблизости, что она не могла спать.

Европейские путешественники периодически отмечали эту не самую приятную часть жизни того времени. Например, К. Массон описывая время Екатерины II, писал: «Наличность вшей – явление самое обыденное в России, на которое почти не обращают внимания… Приезжая в гости, русские дамы оставляют лакеям свои великолепные чернобурые, песцовые, горностаевые, куньи и собольи шубы; в ожидании госпож своих, лакеи укладываются на эти шубы. При разъезде они закутывают барынь в драгоценные меха, населенные и кишащие паразитами; поэтому частенько приходится видеть, как во время партии виста хорошенькая женщина вынимает дорогую золотую табакерку, нюхает, потом изящно чешет виски, слегка зажимает насекомое между пальцев и, положив на эмалированную крышку, давит его ногтем, но еще чаще видишь, как офицеры и вообще светские господа попросту отделываются от паразитов и бросают их тут же на пол, не

прерывая беседы»[856].



Блохоловки

Эркюль-Франсуа, сын Генриха II, короля Франции. 1556–1558 гг.

Кроме блох, в Зимнем дворце периодически случались «нашествия» клопов. Практика борьбы с этими паразитами была отработана. С ними боролись либо с помощью различных порошков, либо с помощью «клоповыжигалок» или «клоповарок». Это были миниатюрные самовары. Когда вода в самоваре закипала, то с помощью струи перегретого пара клопы выжигались в самых укромных местах.

Что касается порошков, то в мае 1838 г. камердинеру Николая I Гримму выдали на «заготовку травы против клопов для гардероба Его Величества» 50 руб.[857] Видимо, клопы, закаленные многовековой борьбой с человеком, не сдавались. Поэтому в июне 1839 г. камердинеру Гримму выдали «для выписки из Тифлиса… порошка для истребления клопов» еще на 50 руб.[858]

Борьба с паразитами с помощью «персидского порошка» приобрела настолько постоянный характер, что в 1847 г. камердинер императора Гримм просил дворцовых хозяйственников «выписывать из Тифлиса порошок для истребления насекомых». А в 1853 г. камердинер вновь заказал «пять фунтов персидского порошку»[859]. Объемы закупок наглядно свидетельствуют о размахе этой «борьбы».

Для уничтожения насекомых в Зимний дворец приглашались и профессионалы. А таковые в Петербурге имелись. Например, в «Санкт-Петербургских ведомостях» встречались следующие объявления (1842 г.): «Итальянец г. Принципе, химик и механик, уведомляет, что продает следующие вещи: симпатический порошок и жир (без яда) от крыс и мышей, порошок от блох. Также в домах разного рода гадов уничтожает в 24 часа».

«Придворным тараканщиком», использовавшим турецкие и персидские ядохимикаты, в конце XIX в. был новоладожский крестьянин Василий Лебедев. У него имелся постоянный подряд на истребление насекомых в Зимнем и Аничковом дворцах. Судя по тому, что у крестьянина появился собственный специализированный магазин и он смог построить на собственные средства двухэтажную школу, дела у «придворного тараканщика» шли неплохо[860].

Факт «нашествия» клопов на Зимний дворец в 1839 г. с удовлетворением отметил и французский путешественник маркиз де Кюстин: «Новый императорский дворец, вновь отстроенный с такими тратами людей и денег, уже полон насекомых, чтобы скорее украсить жилище своего господина, заранее отомстили за свою смерть, привив своих паразитов этим смертоносным стенам; уже несколько комнат дворца закрыты, прежде чем были заняты». Как мы видим, и здесь европейский

«печальник о правах человека» «шьет политику» даже в сугубо бытовом вопросе.

«Нашествия» клопов в истории Зимнего дворца случались не единожды. Конечно, от клопов и блох «обороняли» в первую очередь императорскую половину. Но не всегда это удавалось. В 1841 г., когда молодая цесаревна, будущая императрица Мария Александровна, обустраивалась в своих комнатах Зимнего дворца, пришлось провести дезинфекцию ее личных покоев. Причина заключалась в том, что ее комнаты, как водится, достраивались в «последний момент» и была «пригнана масса рабочих для скорейшей отделки квартиры; они-то и занесли этих насекомых»[861].

Камер-юнгфера Марии Александровны вспоминала: «Пока мы прибирали и размещали вещи, граф Клейнмихель, который был распорядителем всего устройства, сновал беспрестанно по всем комнатам, заходил к нам и осведомлялся, не беспокоят ли нас блохи, уверяя, что он буквально съеден ими»[862].

«Дворцовые клопы» подчас становились причиной международных конфузов. В 1850 г. они буквально «зажрали» камергера нидерландской службы г. Гюса, размещенного в Зимнем дворце. Скандал приобрел такой резонанс, что переписка о нем шла на очень высоком уровне. В июне 1850 г. министр Императорского двора князь П. М. Волконский писал обер-гофмейстеру князю Гагарину: «До сведения моего дошло», что камергер нидерландской службы г. Гюс «не мог совсем спать от множества клопов». Министр распорядился отправить под арест («на сутки») смотрителя, отвечавшего за помещения для гостей, а также распорядился «осмотреть тщательно кровать и всю мебель, равно и в других комнатах Зимнего Дворца, переменить кровати, где окажутся клопы, а из мебели их вывести»[863].

Залетали в Зимний дворец и самые обычные «сезонные» комары. С ними бороться было проще. Та же камер-юнгфера писала: «Откроют все окна, потушат все огни, лакей внесет умывальную чашку, наполненную водою, и зажигает ветку можжевельника, держа ее над чашкой… комната наполняется можжевеловым дымом, и комары вместе с ним стремятся в открытые окна»[864]. Но главной «насекомой проблемой» Зимнего дворца оставались, конечно, клопы. Они атаковали всех самодержцев, включая и семью Николая II.

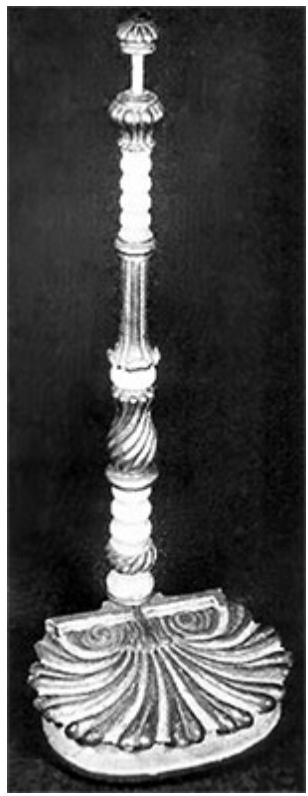
Обращаясь к проблемам гигиены, упомянем такой ныне прочно забытый дворцовый аксессуар, как *плевательница.* Эта деталь дворцовой меблировки вышла из употребления только в начале XX в. А в XIX в. плевательницы были совершенно обязательной частью дворцовых интерьеров. Например, в

комнатах Александра III в Зимнем дворце, оборудованных в 1888 г., одна плевательница (стоимостью в 48 руб.) находилась в Уборной царя, одна в Ванной, две в Кабинете (по 96 руб. каждая), две в Угловой гостиной (по 136 руб.) и две в Белой гостиной (по 150 руб.)[865]. Всего 8 штук. Судя по их количеству, этими плевательницами, «с машинкой», активно пользовались, то есть сплевывали туда. Хотя традиция жевать табак, когда плевать просто необходимо, никогда не была популярной в России. Для того чтобы сплюнуть, необходимо было нажать на «шишечку», после чего откидывалась крышка и открывался жестяной или медный сменный вкладыш плевательницы. После «процедуры» крышка закрывалась, прикрывая плевок. Трудно представить, чтоб потребность сплюнуть тогда была столь настоятельна, что практически каждая комната императорской резиденции снабжалась плевательницей.

Теперь приведем несколько достаточно разрозненных фактов, связанных с рассматриваемой темой. Например, в императорских резиденциях имелись действительно серьезные устройства, например пылеочистительные машины. В конце XIX в. жилые императорские резиденции – Аничков и Александровский дворцы – оборудовали специальными пылеочистительными машинами[866]. Их устанавливали в дворцовых подвалах, и весь воздух, поступавший во дворец, прогонялся через специальные бумажные фильтры.

Плевательница в будуаре императрицы Александры Федоровны

Контролировалось и качество продуктов, поставляемых на императорскую кухню. В 1820 г. на кухне Зимнего дворца появилась новая должность «кухонного контролера», в его обязанность входило «ежедневно обходить все кухни и, осмотря все припасы, свидетельствовать свежесть и хорошее их качество… контролерами назовутся два метрдотеля, которые дежурства уже не исправляют, а содержание по сем званию полное получают»[867].



Плевательница. 2-я четв. XIX в.

Во время эпидемий холеры, периодически вспыхивавшей в Петербурге с начала 1830-х гг., в Зимнем дворце имелась практика создания временных лазаретов. Так, в 1847 г. в главной резиденции устроили временную больницу «по случаю появления холеры»[868].

Поскольку все российские императоры и члены их семей лечились «на дому», то в Зимнем дворце оказывалась и стоматологическая помощь. К концу XIX в. стандарты зубоврачебной помощи были таковы, что наличие специального кресла и бормашины стало обязательным для лечения больного. Поэтому в Зимнем дворце для дантиста императора оборудовали

«рабочее место». Подтверждением этому служит счет, по которому в 1896 г. «доктору Воллисону» уплатили из средств императрицы Александры Федоровны «за одно кресло – 250 руб.»[869].

Вероятнее всего, в процессе ремонта половины Николая II в 1896 г. где-то в служебных комнатах Зимнего дворца установили «собственное» стоматологическое кресло Их Величеств. Надо заметить, что это было в традициях Императорского двора. У российских императоров имелись лошадь «собственного седла» или «собственные сервизы», следовательно, могло быть и «собственное стоматологическое кресло». К «собственному креслу» прилагался и «собственный зубоврачебный инструментарий». Другими словами, то, к чему российская стоматология пришла относительно недавно, – разовый или «собственный» стоматологический инструментарий, все это появилось в Зимнем дворце уже в конце XIX в.[870]

Глава 6. Российское общество красного креста создавалось в зимнем дворце

С Зимним дворцом связано появление в России самой крупной общественной организации (под плотным государственным патронатом) – Российского общества Красного Креста.

Связана эта история, с одной стороны, с женитьбой Александра III и, с другой стороны, с двумя подругами, жившими в квартирах Фрейлинского коридора на третьем этаже Зимнего дворца, – с фрейлиной М. П. Фредерикс и учительницей музыки М. С. Сабининой[871].

Баронесса М. П. Фредерикс в буквальном смысле выросла при Императорском дворе. В 1814 г., во время заграничного похода русской армии, барон Петр Андреевич Фредерике женился на подданной Пруссии – Сесилии Гуровской, которая воспитывалась «с самых юных лет» при Дворе прусского короля вместе с принцессой Шарлоттой. В 1817 г. принцесса Шарлотта, выйдя замуж за великого князя Николая Павловича, превратилась в великую княгиню Александру Федоровну, с 1825 г. – в императрицу всероссийскую. Поскольку Сесилия Фредерике являлась ближайшей подругой императрицы, то ее дочь – Маша Фредерике – буквально «росла на скамеечке у ног императрицы!»[872].

Маша Фредерике родилась в 1832 г. Ее крестным отцом стал Николай I. Любопытно, что она родилась в доме, на месте которого позже построят Министерство государственных имуществ. Через 35 лет после ее рождения, в 1867, г. в этом здании М. П. Фредерикс открыла первый в России склад «Ея Императорского Величества» – Дамского комитета Российского общества Красного Креста.

Исключительное положение семейства Фредериксов при Императорском дворе обеспечило Маше штатное место[873] фрейлины при императрице Александре Федоровне, которое она получила в 16 лет. Поскольку М. П. Фредерикс росла при Императорском дворе, она была завидной невестой и императрица неоднократно пыталась выдать ее замуж. Однако «варианты» не складывались, и Мария Фредерике замуж так и не вышла.

Маша Фредерике жила жизнью императорской семьи.

Бесконечные придворные развлечения, достаточно хлопотная профессия «штатной» фрейлины, знакомства с интересными людьми поглощали все ее время. Так, Маша неоднократно танцевала на балах с «железным канцлером» Бисмарком, сидела за придворным обедом рядом с Александром Гумбольдтом. Позже она писала, что если бы ей сказали в 1850-х гг., что она окажется в 1870 г. на Франко-Прусской войне в качестве сестры милосердия, – «вот посмеялась бы я и сочла это предсказания сумасбродным, однако же, оно было так»[874].

В начале 1850-х гг. молодая фрейлина потеряла родителей, а в 1860 г. умерла ее высочайшая покровительница – императрица Александра Федоровна. Несколько позже, осенью 1864 г., у 28-летней фрейлины вызревает мысль по достижении 35 лет оставить Императорский двор[875]. Говоря об этом решении М. П. Фредерике, следует подчеркнуть, что она и при императрице Марии Александровне занимала совершенно исключительное положение. Тогда, неофициально, она считалась «главной» фрейлиной императрицы. Ее положению завидовали очень многие, но им и в голову не приходило, что фрейлина Маша Фредерике, находясь на «горе Фавора», может оставить Императорский двор, куда попасть мечтали очень многие.

Возможно, именно тогда баронесса М. П. Фредерикс начала задумываться о том, чем она будет дальше заниматься в жизни. К этому времени рядом с ней уже была ее подруга Марфа Степановна Сабинина, с которой она познакомилась в 1860 г., будучи соседкой по Фрейлинскому коридору Зимнего дворца. Уже тогда Фредерикс решает создать общину сестер милосердия. В своих записках М. П. Фредерике упоминает, что она уговорила Марфу Сабинину «идти на это поприще со мной».

В неопубликованной части «Воспоминаний старушки» Фредерике упоминает, что, готовясь к новому поприщу, она стала посещать Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия не позднее 1860 г. Фредерике писала в воспоминаниях: «Мысль быть сестрой милосердия мне так запала в душу, что, когда я находилась в Петербурге, еще до моего знакомства с г-жой Сабининой, я ездила дежурить в Крестовоздвиженскую Общину, основанную, как известно, великой княгиней Еленой Павловной во время осады Севастополя в 1855 г. В амбулаторной Общины я работала под непосредственным руководством известной сестры милосердия Елисаветы Петровны Карцовой. Об этих моих дежурствах в Крестовоздвиженской Общине знали только: императрица, великая княгиня Елена Павловна, фрейлина ее г-жа Эйлер, через которую я это все себе и устраивала, и мой друг княгиня Голицына – больше никто. Утром я была испытуемой

сестрой, а вечером я являлась на балы, театры и проч. светской барыней, и это в продолжение довольно многих лет»[876].

О деятельном характере М. П. Фредерике свидетельствует то, что, приняв решение, она последовательно начала готовиться к его реализации. Так, понимая, что «ввиду устройства общины и необходимости иметь церковь при оной, и так как у меня больших средств не было, то мы придумали соорудить эту нашу будущую Церковь по возможности собственноручно. В Ницце же преподавались очень хорошие уроки скульптуры по дереву; вот мы и употребили свое свободное время учиться вырезать. Нам эта работа удалась и, когда пришло время, то мы сами вырезали свой иконостас для церкви из орехового дерева».[877] Это поразительно – рафинированная фрейлина учится в Ницце резьбе по дереву, замышляя «собственноручно» построить церковь.

К практической реализации своей идеи Фредерике и Сабинина приступили осенью 1866 г. Толчком для начала «практической работы» послужила женитьба наследника-цесаревича великого князя Александра Александровича на датской принцессе Дагмар в октябре 1866 г.

Традиционно автором идеи по созданию Красного Креста в России считают лейб-медика Александра II Ф. Я. Карелля. Впоследствии в записке на имя императрицы Марии Александровны лейб-медик писал: «Мысль организовать такое Общество у нас по примеру Запада занимала меня давно; она не оставляла меня в течение лета 1866 г., во время Австро-Прусской войны. Сознавая, что труд этого Общества есть труд любви и что этим даром в высокой степени обладает женщина, я считал необходимым прежде всего обратиться к женскому участию, и мне пришло на мысль заинтересовать моей идеей двух придворных дам: баронессу Марию Петровну Фредерикс и Марфу Степановну Сабинину. Что выбор этот был счастливый, заслуживший благословение свыше, доказала живая деятельность этих лиц в войнах последних 12 лет»[878].

Уточняя эту версию о мотивах образования Общества, следует добавить, что, по сведениям, отложившимся в личном архиве М. П. Фредерикс, летом 1866 г. лейб-медик Ф. Я. Карелль предлагал устроить в честь приезда датчанки «поликлинику с новейшими усовершенствованиями „по образцу берлинских“»[879]. В ходе обсуждения этого предложения с М. П. Фредерике и М. С. Сабининой последние, вероятно, аккуратно «навели» врача на новую идею, связанную с созданием Общества попечения о раненых и больных воинах. Естественно, вторым шагом предполагалось создание общин сестер милосердия под «крышей» создаваемого Общества. И, видимо,

Карелль искренне поверил в то, что идея создания Красного Креста в России принадлежит ему. В этом эпизоде явно проявилась «квалификация» придворных дам в области интриги. Все приличия были соблюдены: врач является автором «медицинской» идеи, дамы идею поддержали, слегка ее «подкорректировав». О том, что эта идея не была «родной» для Карелля, говорит и то, что лейб-медик очень скоро вышел из руководящих структур Красного Креста, а Фредерике и Сабинина работали в Обществе вплоть до середины 1880-х гг. и до конца жизни оставались его почетными членами. Следовательно, можно утверждать, что Красный Крест в России создан именно по инициативе двух придворных дам – М. П. Фредерикс и М. С. Сабининой, живших тогда во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца.

Об организационных талантах Фредерикс и Сабининой свидетельствуют темпы создания Общества. К декабрю 1866 г. сформировался круг заинтересованных лиц, из-за границы выписана и проработана литература, связанная с деятельностью структур Красного Креста в Европе. 14 декабря 1866 г. состоялось первое организационное совещание будущего Общества на квартире баронессы М. П. Фредерике в Зимнем дворце. В совещании приняли участие лейб-медик Ф. Я. Карелль, помощница воспитательницы дочери Александра II – М. С. Сабинина и еще несколько приглашенных лиц[880]. На этом совещании определили цель будущего Общества – «облегчение участи раненых и больных воинов на поле сражения», и обязанность – «заготовлять мирным временем весь тот материал, о котором не время уже будет думать во время войны». Было определено, что доступ в Общество открыт для всех. Под «всеми» имелись в виду, конечно, женщины. На совещании в Зимнем дворце приняли решение обратиться за высочайшим покровительством к императрице Марии Александровне.

15 декабря 1866 г. фрейлины Фредерике и Сабинина доложили императрице о желании основать Общество. Императрица Мария Александровна одобрила их инициативу и согласилась принять над Обществом высочайшее покровительство. Следует подчеркнуть, что статус «высочайшего покровительства» для вновь образуемого общества получить было совсем не просто, однако Фредерике и Сабинина, используя свои «служебные связи», решили этот вопрос с легкостью. Более того, как следует из записок М. С. Сабининой, императрица Мария Александровна «согласилась с радостью»[881].

16 декабря 1866 г., во время утреннего визита, лейб-медик Ф. Я. Карелль доложил о предполагаемом создании Общества

императору Александру II. Царя уже известила ранее об этой инициативе императрица Мария Александровна. Император выразил согласие на создание Общества и «приказал писать устав»[882]. При этом он пожелал узнать у министра иностранных дел князя Горчакова «подробности наших трактатов со Швейцарией»[883]. В этот же день на квартире кн. А. В. Голицыной[884] состоялось собрание, на котором был составлен проект для действий распорядительного комитета по организации Общества, в состав которого вошли упомянутые выше члены-учредители. Таким образом, вопрос об образовании Общества попечения о раненых и больных воинах решился в стенах Зимнего дворца буквально в два дня, а его учредителям дали карт-бланш на использование «административного ресурса» при создании указанного Общества.

На протяжении января 1867 г. шла активная выработка устава Общества. Проектов подготовили несколько. Первый вариант текста устава, состоявшего всего из 19 параграфов, разработали именно фрейлины М. П. Фредерикс и М. С. Сабинина[885]. В основу их проекта были положены уставы аналогичных западных обществ, его рассмотрели на заседании 14 февраля 1867 г. В числе прочего, в этом проекте было сформулировано название – «Русское общество попечения о раненых и больных воинах».

Так или иначе, при обсуждении многочисленных редакций Устава старались учесть национально-религиозные особенности империи, политическую ситуацию и приняли за принцип, что Общество основано «на началах доверия и свободы, и по возможности свободно от формализма». Финансовые средства Общества должны были складываться из ежегодных членских взносов либо безвозмездными услугами Обществу. Основой местных структур Общества становились местные комитеты, в которые принимались лица обоего пола. Все руководство делами Общества сосредоточивалось в его Центральном комитете. После обсуждения проекта устава М. С. Сабинина передала его на юридическую экспертизу К. П. Победоносцеву[886].

Следующее совещание организационного комитета в Зимнем дворце состоялось 28 февраля 1867 г. К этому времени к первоначальным учредителям (10 чел. на конец декабря 1866 г.) присоединились еще 37 человек, и в конце февраля 1867 г. состав учредителей Общества насчитывал 53 человек. На этом заседании приняли решение пригласить к участию в делах формирующегося Общества жителей Москвы. Выполняя решение, в тот же день граф Э. И. Тотлебен выехал в Москву. В результате число членов-учредителей к концу апреля увеличилось до 218 человек[887].

Среди 218 членов-учредителей Общества, записавшихся в Петербурге, были весьма влиятельные лица[888].

Список московских членов-учредителей Общества под № 1 открывал влиятельнейший митрополит Московский и Коломенский Филарет. Под № 4 значился известный литератор-славянофил И. С. Аксаков. Хозяин Москвы князь В. А. Долгоруков был только под № 22, литератор М. Н. Катков – № 28, близкий друг и корреспондент влиятельного К. П. Победоносцева Е. Ф. Тютчева значилась под № 70. Были и представители богатейших купеческих фамилий Москвы, такие как сыновья Ивана Хлудова.

Говоря об увеличении числа учредителей Общества, следует иметь в виду, что императрица Мария Александровна принимала самое деятельное участие в их отборе. Фрейлина М. П. Фредерикс подчас получала по нескольку записок в день от императрицы по поводу тех или иных лиц, которых следовало бы пригласить в учредители Общества. Все отчетливо понимали, что уровень благосостояния Общества на начальном этапе его развития будет всецело зависеть от щедрости членов-учредителей. Так, в одной из записок императрица писала Фредерикс о кандидатуре А. К. Карамзиной (урожденной Шернваль): «Мне кажется, что Аврора Казимировна была бы прекрасным приобретением для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей об Обществе мимоходом»[889].

С начала марта 1867 г. в Зимнем дворце началась выработка окончательной редакции Устава Общества. Как следует из материалов архива М. С. Сабининой, «Комитеты почти ежедневно заседали у М. П. Фредерике»[890]. Несколько позже для составления окончательной редакции Устава Общества был образован «Особый комитет» из 8 чел., куда вошли М. П. Фредерике и М. С. Сабинина. Это был очень сложный процесс, требовавший многочисленных согласований.

Например, острые разногласия между Москвой и Петербургом возникли по поводу организационных форм участия женщин в деятельности Общества. Так, влиятельнейший митрополит Московский и Коломенский Филарет категорически возражал против совместной деятельности женщин и мужчин в структурах местных комитетов Общества. Митрополит Филарет категорически настаивал на создании отдельных и организационно самостоятельных Дамских комитетов. В письме (10 марта 1867 г.) генерал Тотлебен писал фрейлине Фредерике: «Высокопреосвященный не допускает, чтобы дамы заседали вместе с мущинами в управлениях»[891]. Генерал подчеркивал, что в этом вопросе Филарет, чье имя знала вся страна, не пойдет на

уступки. Надо заметить, что М. П. Фредерике возмутила позиция митрополита «по поводу изоляции дам», однако она прекрасно понимала всю степень его влияния на самые различные социальные слои общества, поэтому написанное ею ответное письмо предельно корректно. Более того, она завизировала текст письма у императрицы Марии Александровны, та написала на черновике письма: «Мне кажется, что так будет хорошо»[892].

В своем письме М. П. Фредерикс писала, что «государыня с сожалением усматривает из приложения к письму Вашему, что высокопреосвященный Филарет видит залог успеха Общества в резком отделении дам от мужчин в заседаниях»[893]. 22 марта 1867 г. генерала Тотлебена, вернувшегося в Петербург, приняли Александр II и императрица Мария Александровна: он доложил им мнение Филарета. Более того, он передал монархам слова Филарета, что он не останется членом Общества и не напишет для него воззвания, «если Общество образуется, не отделив от него, дам от мужчин. Так как Филарет была сила, которому противодействовать было опасно, то пришлось сделать ему уступку»[894].

В результате баронесса М. П. Фредерикс, несмотря на свое категорическое несогласие с позицией Филарета, сообщала председателю Общества А. А. Зеленому: «…по поручению Государыни Императрицы имею честь передать Вам, что вопроса о дамах Ея Величество не берет на себя решить, а поручает это комиссии. Что же касается до Московских дам, то Ея Величество изволила сказать, что оне могут устраиваться по их собственному усмотрению»[895].

Не одну М. П. Фредерике болезненно задела позиция митрополита Филарета. Наперсница баронессы Марфа Сабинина даже всерьез рассматривала вариант организации «отдельного Общества», назвав его «Русским Женевским обществом». Однако от этой идеи дамы вскоре отказались.

Поскольку дело начинало затягиваться, грозя потонуть в дискуссиях, веское слово сказала императрица Мария Александровна. Она вызвала к себе одного из учредителей Общества – министра государственных имуществ А. А. Зеленого, которого планировала назначить руководителем Общества, и прямо выразила желание, чтобы к 17 апреля 1867 г., то есть ко дню рождения Александра II, «все было кончено».

В результате 13 апреля 1867 г. Устав Общества единогласно приняли учредители. Окончательную редакцию устава Общества представили на рассмотрение Государственного совета. В качестве докладчика «вопроса» по воле императрицы Марии Александровны[896] назначили генерал-адъютанта

А. А. Зеленого[897]. «Тяжелая артиллерия» в лице близкого к Императорскому двору министрагосударственныхимуществ и личная заинтересованность императрицы Марии Александровны сделали свое дело. В результате на заседании Государственного совета 28 апреля 1867 г., Устав Общества приняли без всяких изменений. Примечательно, что именно с Машей Фредерикс императрица Мария Александровна решала вопрос о выборе эмблемы Общества. Дискуссий по этому вопросу и не возникло, поскольку международная эмблема Красного Креста уже была хорошо известна. До нас дошел текст записки императрицы Марии Александровны, адресованный М. П. Фредерикс, по этому вопросу: «Полагаю, что Красный Крест, как в Женеве, потому что мы примкнули к Конвенции. Я уже писала м-м Мальцевой. М.»[898]. 3 мая 1867 г. Устав Общества высочайше утвердил Александр II. С этого дня[899] начался отсчет официальной истории Красного Креста в России, идея создания которого родилась и реализовалась в стенах Зимнего дворца.

Знак Красного Креста

Знак Красного Креста за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

В конце мая 1868 г. М. П. Фредерикс и М. С. Сабинина одновременно покинули Зимний дворец[900]. Для М. П. Фредерикс установили пенсию, которую получали только очень немногие «отставные фрейлины»[901].

Красный Крест, созданный по инициативе фрейлины и учительницы музыки, быстро превратился в самую крупную общественную структуру России, собиравшую колоссальные финансовые средства. Одной из форм работы Красного Креста стало создание складов, где аккумулировалось все необходимое для обеспечения работы военных госпиталей.

Впервые склад Российского общества Красного Креста открылся в императорской резиденции в 1904 г. Если быть точным, то склад Красного Креста, находящийся под покровительством императрицы Александры Федоровны, разместился в залах Нового Эрмитажа. Трудно сказать, как отнеслось к этой идее руководство Императорского Эрмитажа, но в открытом 1 февраля 1904 г. складе «щипали корпию» до 600 дам. Это традиционное «приличное» занятие дам-аристократок, выполнявших свой патриотический долг. В результате в залах Нового Эрмитажа в окружении драгоценных раритетов дамы кроили и шили на швейных машинках белье для солдат. Императрица Александра Федоровна также лично принимала участие в работе склада.

Когда летом 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну, начался традиционный процесс создания частных лазаретов. Их деятельность финансировалась за счет широкой благотворительности. Не остались в стороне и члены императорской фамилии. Как правило, эти лазареты располагались в приспособленных помещениях. Так в Царском Селе открылись лазареты императрицы Александры Федоровны и великих княжон Марии и Анастасии.

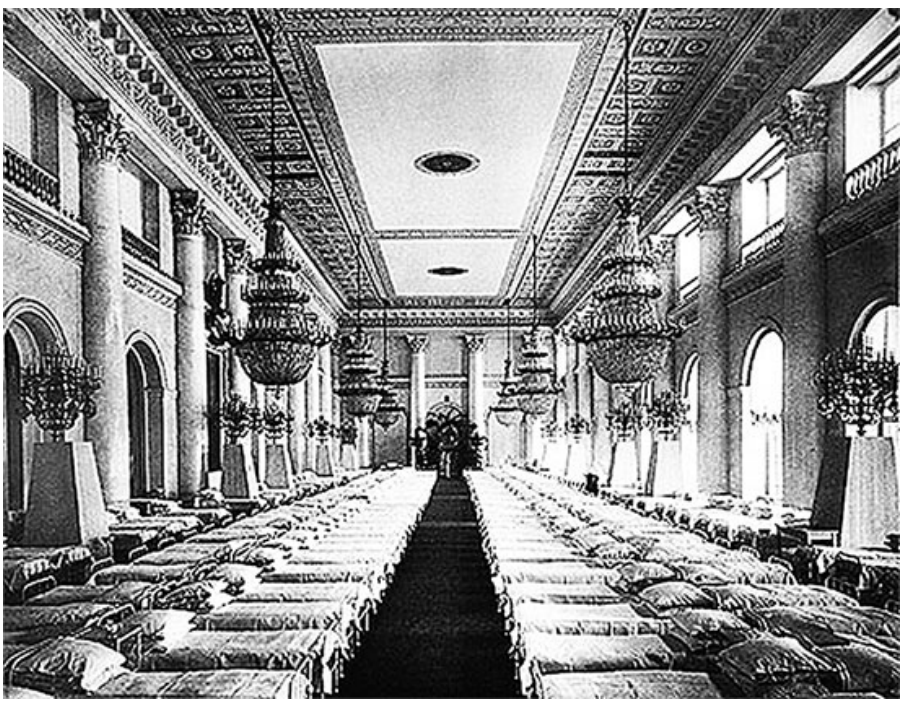
К 1915 г., когда в стране начали набирать обороты антивоенные настроения, в императорской семье вызрело решение открыть лазарет в главной императорской резиденции – Зимнем дворце под патронажем цесаревича Алексея. Это было беспрецедентное решение. Как упоминалось выше, в XIX в. в Зимнем дворце периодически разворачивали небольшие временные лазареты во время эпидемий холеры и не более того.

В 1915 г. состоялось совершенно иное решение. В главной императорской резиденции предполагалось открыть крупный лазарет «для нижних чинов» на 1000 мест. Причем под лазаретные палаты отводились все парадные залы, кроме Георгиевского. С медицинской точки зрения это решение – более чем спорное. Огромные, торжественные залы, заставленные плотными рядами кроватей для раненых, были мало приспособлены для нужд столь крупного лазарета. Да и драгоценные интерьеры могли не выдержать столь интенсивной нагрузки. Вместе с тем политические дивиденды были более чем очевидны. Императорская семья, «передавшая народу» свою главную резиденцию, должна была вызвать в народе очередной всплеск патриотического восторга. Да и патронаж со стороны цесаревича Алексея мог сделать его имя более популярным.

Выполняя принятое решение, дворцовые хозяйственники начали «переделывать» залы Зимнего дворца под госпиталь. Тогда

провели малярные работы во всех залах, тщательно закрыли все окна, пробили новые дымоходы, установили котлы и кипятильники, расширили водопроводную и канализационную сеть.

Приготовление чехлов и наволочек в Гербовом зале Зимнего дворца. 1915 г.



Госпитальная палата. Николаевский зал Зимнего дворца в 1915 г.

Госпитальная палата. Николаевский зал Зимнего дворца в 1915 г.

Тогда же началось приспособление парадных залов и прилегающих помещений «под госпиталь». Для этого завозилось и устанавливалось медицинское оборудование, и вскоре в Зимнем дворце появились перевязочные, операционные, кабинеты для врачей и для процедур.

Под госпитальные палаты заняли Аванзал, Восточную галерею, большую часть Фельдмаршальского зала, Гербовый, Пикетный и Александровский залы и Николаевский зал, вмещавший двести кроватей. Петровский зал, первоначально предназначавшийся для дежурных врачей, при устройстве госпиталя превратили в палату для раненых после особо тяжелых операций. Часть Фельдмаршальского зала заняли перевязочной. Вторая перевязочная и операционная располагались в Колонном зале. В Зимнем саду и Иорданском подъезде находились ванные и душевые. Галерея 1812 г. служила для хранения белья.

Очень важной частью подготовительной работы стала консервация убранства парадных залов. Конечно, все, что можно было вынести из парадного убранства, вынесли. Так, в Концертном зале и Аванзале сняли все подаренные подносные блюда и солонки (от подношений «хлеба и соли»), десятилетиями украшавшие их стены. Их сфотографировали, пронумеровали и уложили в ящики. Гербы в Гербовом зале закрыли щитами,

закрыли деревом канделябры в Николаевском зале и скульптуры в Иорданском вестибюле. Но оставались драгоценные паркеты – их покрыли линолеумом. Стены в залах, где располагались госпитальные палаты, затянули белым коленкором. Мраморные ступени Иорданской лестницы обшили досками. Дворцовые люстры не включали, к ним подвесили на шнурах по лампочке, а ночью разрешалось включать только лампы фиолетового цвета. Чтобы предотвратить «расползание» раненых по дворцу, наглухо закрыли двери в Фельдмаршальский зал, а на верхней площадке Иорданской лестницы занавесками отгородили столовые для врачей и медицинских сестер. Для раненых отдельной столовой не было. Ели прямо в парадных залах, превращенных в гигантские палаты.

На содержание госпиталя в Зимнем дворце шли очень значительные суммы, поступавшие со всей страны в распоряжение императрицы Александры Федоровны. Об объемах этих сумм говорит то, что только в 1914 г. на счета Склада императрицы в Зимнем дворце поступило 2 509 131 руб. 91 коп. Из пожертвований упомянем о 800 000 руб., поднесенных Николаю II разными лицами в начале войны. Кроме этого, прямо на счет склада императрицы эмир Бухарский перевел 100 000 руб. Из более чем двух с половиной миллионов рублей к декабрю 1914 г. израсходовали 1 810 814 руб. 06 коп.[902]

Для оборудования огромного лазарета активно использовались и помещения первого этажа Зимнего дворца. Там разместили служебные помещения лазарета: приемный покой, аптеку, кухню, ванные, различные кабинеты, хозяйственную часть, канцелярию и кабинет главного врача. Вход в госпиталь устроили с Дворцовой набережной, через Иорданский подъезд.

Торжественное открытие лазарета состоялось 5 октября 1915 г., в день тезоименитства цесаревича Алексея. С учетом того, что в лазарете должны были лечиться порядка 1000 раненых, его персонал оказался достаточно многочисленным: главный врач, 34 врача (преимущественно хирурги), 50 сестер милосердия, 120 санитаров и 26 человек хозяйственного персонала. Главным врачом лазарета назначили А. В. Рутковского. Очень заметную роль в жизни госпиталя играл заместитель главного врача, главный хирург профессор Н. Н. Петров, один из основателей отечественной онкологии.

Лазарет Зимнего дворца специализировался на «тяжелых» раненых. Потому число лежачих в палатах было очень велико, составляя в среднем 85–90 %. Когда они начинали поправляться и ходить, их переводили в другие лечебные заведения, а их места снова занимали раненые в тяжелом состоянии[903].

Больных в лазарете размещали соответственно ранениям. В Николаевском зале, вмещавшем 200 коек, поставленных прямоугольниками в 4 ряда перпендикулярно к Неве, лежали раненные в голову (отдельно – в череп, глаза, уши, челюсти), раненные в горло и грудную клетку, а также очень тяжелые больные – «позвоночники». Но, как ни странно, на ночь на весь госпиталь оставались только две сестры, они физически не могли уследить за столь сложными ранеными.

Дворцовый лазарет проработал два года. Естественно, его «пиарили», как могли. Все «высочайшие» и не очень делегации проходили через парадные залы Зимнего дворца, превращенные в лазаретные палаты. Мемуаристке запомнились визиты румынского принца Кароля, японского принца Кан-Ин, эмира Бухарского. Кроме этого, в лазарет привозили бесконечные иностранные делегации Красного Креста – французов, бельгийцев, англичан, голландцев. Однако надежды на рост популярности императорской семьи в связи с организацией лазарета в Зимнем дворце совершенно не оправдались. Беспрецедентный жест императорской семьи не вызвал особенного резонанса в обществе.

Любопытно, что для раненых на Рождество в 1916 г., следуя традициям, установили огромную елку в Аванзале. Было объявлено, что деньги на елку пожертвовал сам наследник. Вечером, когда елку зажгли, завели граммофон. Раненым раздали подарки: пакеты с конфетами, папиросами и серебряной чайной ложечкой, украшенной государственным гербом. Мемуаристка вспоминала, что все происходило чинно, казенно, натянуто и совсем не празднично.

После Февральской революции 1917 г. госпиталь оставался в Зимнем дворце вплоть до октября 1917 г. Во время самой Февральской революции 1917 г. не обошлось без эксцессов, поскольку в представлении «революционных масс» Зимний дворец оставался идеальным местом для того, чтобы «плести контрреволюционные заговоры». Мемуаристка упоминает, что в эти дни «несколько раз в течение ночи врывались в госпиталь вооруженные солдаты с прапорщиками во главе, которые грубо выпытывали у сестер, где они спрятали находящихся будто бы во дворце царских министров. Искали их под кроватями раненых, в баках с грязным бельем, даже в спальнях сестер, в зеркальных платяных шкафах. К счастью, министров во дворце не было»[904].

Во время артиллерийского обстрела и штурма Зимнего дворца большевиками в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. раненые оставались во дворце. Никто из них не пострадал. Когда ворвавшиеся во дворец революционные матросы и

красногвардейцы арестовали министров Временного правительства, они отправились в госпиталь искать А. Ф. Керенского, поскольку кто-то пустил слух, что Керенский, обмотав лицо бинтами, скрывается среди раненых. Однако попытки обыска в палатах фронтовиков резко пресекли сами раненые.

26 октября 1917 г., во второй половине дня, медсестра Н. В. Галанина буквально «прорвалась» через три оцепления в лазарет Зимнего дворца: «Я вошла, как бывало сотни раз раньше, в Иорданский подъезд. Там не было на месте привычного швейцара. У входа стоял матрос с надписью „Заря свободы“ на бескозырке. Он разрешил мне войти. Первое, что бросилось в глаза и поразило, – это огромное количество оружия. Вся галерея от вестибюля до Главной лестницы была завалена им и походила на арсенал. По всем помещениям ходили вооруженные матросы и красногвардейцы. В госпитале, где был всегда такой образцовый порядок и тишина, где было известно, на каком месте какой стул должен стоять, все перевернуто, все вверх дном. И всюду – вооруженные люди. Старшая сестра сидела под арестом: ее караулили два матроса. Больше никого из медперсонала я не увидела и прошла прямо в Восточную галерею. Ходячих больных я не застала – они ушли смотреть дворец. Лежачие раненые были сильно напуганы штурмом дворца: много раз спрашивали, будут ли стрелять еще. По возможности я старалась их успокоить. Заметив, что за мной наблюдают, я не пошла, как хотела, еще в Николаевский зал к „позвоночникам“ и скоро направилась к выходу. Я повидала раненых, с которыми вместе пережила несколько тяжелых часов в февральские дни, и была довольна тем, что смогла хоть в какой-то мере изменить направление их мыслей»[905].

26 октября 1917 г., рано утром, буквально через 5 часов после ареста Временного правительства, в Зимнем дворце оказался доктор Зиновьев, работавший в лазарете дворца до февраля 1917 г.: «Я вошел с большого подъезда с набережной, с которого обыкновенно входили офицеры, приезжая на придворные балы и на выходы. Меня впустили сразу, без всяких затруднений, никто даже и не спросил, зачем я приехал. Внутри дворец был мало похож на то, что я привык там видеть. Все было в беспорядке, мебель сломана и перевернута, все носило явный след только что окончившейся борьбы. Всюду были разбросаны ружья, пустые патроны, в большой передней и на лестнице лежали тела убитых солдат и юнкеров, кое-где лежали и раненые, которых не успели еще унести в лазарет.

Я долго ходил по так хорошо знакомым мне залам Зимнего

дворца, стараясь найти начальника солдат, захвативших дворец. Малахитовая зала, где обычно Императрица принимала представлявшихся ей, – была вся, как снегом, покрыта разорванными бумажками. Это были остатки архива Временного Правительства, уничтоженного перед тем, как дворец был захвачен.

В лазарете мне сказали, что сестры милосердия были арестованы за то, что они скрывали и помогали скрываться юнкерам, защищавшим дворец. Обвинение это было совершенно верное. Многие юнкера перед самым концом борьбы бросились в лазарет, прося сестер милосердия спасти их, – очевидно, сестры помогали им скрываться, и, благодаря этому, действительно многим из них удалось спастись. После долгих поисков мне удалось добиться, кто был теперь Комендантом дворца, и меня провели к нему. Он был молодой офицер Гвардейского Московского пехотного полка, я совсем забыл его фамилию, но потом он играл довольно большую роль в Красной армии. Со мной он был очень приличен и корректен. Я объяснил ему, в чем дело, сказал, что в лазарете лежат около 100 раненых солдат и что сестры милосердия необходимы для ухода за ними. Он сразу же приказал их освободить под мою расписку, что они не уедут из Петербурга до суда над ними. Этим дело и кончилось, никакого суда над сестрами никогда не было, и никто их больше не беспокоил, в то время у большевиков были более серьезные заботы. В тот же день мы разместили раненых, лежавших в этом лазарете, по другим местам и лазарет закрыли»[906].

Видимо, мемуарист путается в датах, поскольку только 27 октября раненых начали отправлять в другие лазареты Петрограда. 28 октября 1917 года госпиталь Зимнего дворца закрыли.

Глава 7. Пестрые факты и легенды из истории зимнего дворца

«Люди» Зимнего

В Зимнем дворце жили сотни людей. Со временем «плотность населения» дворца только увеличивалась. Многочисленные лакеи, камер-лакеи, официанты, гоф-фурьеры, гоф-медики и прочий дворцовый люд плотно заселили подвал, первый этаж и отчасти третий этаж Зимнего дворца. На конец 30-х гг. XIX в. в Зимнем дворце проживали порядка 4 тыс. служителей. Главной их задачей было содержание в достойном виде всех помещений дворца, «оформление» церемониалов и обслуживание растущей императорской фамилии.

Все эти дворцовые служители были сведены в различные команды или службы. уже к середине XVIII в. структура Императорского двора вполне устоялась, и если и происходили какие-либо изменения, то они не имели принципиального характера. Даже беглое перечисление придворных административных и хозяйственных структур наглядно показывает тщательность и продуманность организации того, что называется повседневной жизнью. А поскольку это была повседневная жизнь императорской семьи, то и требования были соответствующие. фактически дворцовые подразделения обеспечивали достойный «социальный пакет» членам императорской семьи.

Если говорить о хозяйственных структурах, то среди них упомянем *Кабинет Его Императорского Величества*, созданный в 1704 г. и просуществовавший до начала 1918 г. Кабинет Е. И. В. занимался административными, хозяйственными и финансовыми делами императорской фамилии, подчиняясь лично императору. *Гофинтендантская контора* (с 1732 г.) являлась строительно-хозяйственным учреждением Придворного ведомства. *Придворная конюшенная часть* (с 1733 г.) занималась «транспортными вопросами». Примечательно, что именно в эту структуру в 1912 г. вошел образованный в 1907 г. Собственный Е. И. В. гараж. *Церемониальной части* (с 1744 г.) поручалось устройство и наблюдение за порядком исполнения придворных церемоний, торжеств, балов, спектаклей, обедов и пр. В ведении *Дирекции императорских театров* (с 1766 г.) находилось Управление императорскими театрами. *Императорская охота* (с 1742 г.) распоряжалась организацией императорских охот, приобретением и содержанием собак и лошадей; наблюдала за выездкой верховых лошадей, натаскиванием собак, обучением персонала охотничьему делу, покупкой и ремонтом ружей, истреблением хищных зверей в окрестностях загородных дворцов

и пр. *Придворная певческая капелла* (с 1801 г.) готовила певчих для исполнения духовных песнопений на дворцовых церковных службах в присутствии императора, осуществляла цензуру всех духовно-музыкальных произведений, ведала устройством благотворительных концертов и пр. *Контроль Министерства Императорского двора* (с 1827 г.) являлся внутриведомственным органом проверки и ревизии счетов о приходах и расходах. *Капитул российских императорских и царских орденов* (с 1797 г.) «заведовал» всеми орденами Российской империи и объединял все орденские администрации (кавалерские думы). *Придворно-медицинская часть* (с 1843 г.) ведала медицинским обслуживанием императора и его семьи, а также всех тех, кто входил в «ближний круг» императорской семьи. *Археологическая комиссия* (с 1859 г.) наблюдала за археологическими раскопками, разысканиями памятников древности, их собиранием и охраной. *Гоф-маршальская часть* (с 1891 г.) заведовала «довольствием» Императорского двора, комплектовала штаты комнатной прислуги, готовила «высочайшие вояжи» и многое другое. *Управление дворцового коменданта* (с 1881 г.) занималось обеспечением охраны императорских резиденций и охраной императора во время его поездок по стране.

Ф. Крюгер. Князь П. М. Волконский. 1850 г.

Ф. Крюгер. Граф В. Ф. Адлерберг. 1851 г.

О. Коннел. Граф И. И. Воронцов-Дашков. 1868 г.

Барон В. Б. Фредерикс

В 1826 г. большую часть этих структурных подразделений свели в Министерство Императорского двора, министры которого являлись преданнейшими и доверенейшими слугами российских императоров. За все время существования Министерства (1826–1917 гг.) им руководило всего пять сановников: князь П. М. Волконский (22 августа 1826 г. – 27 августа 1856 г.); граф В. Ф. Адлерберг (30 августа 1852 г. – 17 апреля 1870 г.); граф А. В. Адлерберг (17 апреля 1870 г. – 17 августа 1881 г.); князь И. И. Воронцов-Дашков (17 августа 1881 г. – 6 мая 1897 г.); барон В. Б. Фредерикс (6 мая 1897 г. – 28 марта 1917 г.).

Само Министерство Императорского двора также располагалось в Зимнем дворце, в его северо-восточной части. Подъезд, через который посетители попадали в кабинеты Министерства, так и назывался – Министерским. Поначалу и сами министры Императорского двора жили в Зимнем дворце, где им выделяли огромные квартиры, правда, на первом этаже.

Если говорить о слугах, точнее, «придворнослужителях», наполнявших Зимний дворец, то они имели свою жесткую иерархию. Фактически к этому слою относились и чиновники на весьма высоких должностях, поскольку все они обслуживали

императорскую семью.

Любопытно, что среди слуг было довольно много женщин. Например – хранительницы коронных бриллиантов[907]. Безусловно, случайные люди на эту должность не попадали. Традиция эта восходит ко временам Екатерины II. После некоторых неудачных опытов «по подбору кадров» (имелось несколько проворовавшихся офицеров), в 1763 г. ключи от Бриллиантовой комнаты в Зимнем дворце получила камер-юнгфера императрицы Екатерины II – Анна Константиновна Скороходова[908]. Именно у нее хранились ключи от витрин, в которых находились императорские регалии и другие ценности.

Екатерина II высоко ценила порядочность камер-юнгферы и совершенно не случайно доверила ей ключи от Бриллиантовой комнаты. Один из современников упоминает, что однажды Екатерина II приказала в день рождения А. К. Скороходовой «подложить под кровать две тысячи серебряных рублей, и когда от нечаянного прикосновения зазвенел металл, то открылась придуманная награда»[909].

Преемницей А. Н. Скороходовой стала камер-юнгфера императрицы Марии Федоровны – Авдотья Петровна Пильникова. В должности хранительницы она пребывала с 1811 г. Официально статус хранительницы закрепили за камер-юнгферой только 27 декабря 1831 г. Тогда Николай I «высочайше повелеть соизволил» выплачивать из Государственного казначейства «сверх получаемых ею окладов» по 1000 руб. в год «за возложенную на нее должность в хранение государственных бриллиантов и коронных вещей»[910].

Поскольку на должность хранителя драгоценностей Бриллиантовой комнаты придворных дам брали что называется «навсегда», то эту должность А. П. Пильникова сохраняла, будучи уже камер-фрау императрицы Александры Федоровны. Именно А. П. Пильникова бестрепетно контролировала процесс спасения императорских регалий и коронных бриллиантов в страшную декабрьскую ночь 1837 г., когда зарево горевшего Зимнего дворца было видно за десятки верст. Помогали ей и другие камер-фрау императрицы. По крайней мере, дочь Николая I упоминает, что «старая камер-фрау Клюгель заботилась о том, чтобы не оставить безделушек и драгоценностей»[911].

После того как Зимний дворец выгорел и выяснилось, что все императорские регалии и коронные бриллианты благополучно спасены, император Николай Павлович повелел «хранить их в кладовой бриллиантовых вещей Кабинета, впредь до особого повеления»[912]. Эта кладовая находилась в здании Кабинета близ Аничкова дворца. Все бриллиантовые вещи были уложены в 11

вызолоченных деревянных ящиков, их перевезли в Бриллиантовую кладовую, около которой поставили постоянный пост из двух часовых. Весь процесс перемещения ценностей контролировали три человека: камер-фрау Пильникова, гоф-фурьер Пикар и начальник Второго отделения Кабинета Н. М. Петухов.

Форс-мажорный процесс перемещения ценностей колоссальной стоимости стал основанием для их тщательной ревизии. С 19 февраля 1838 г. три упомянутых должностных лица приступили к проверке, в результате которой они еще раз убедились, что все ценности налицо. Более того, у камер-фрау Пильниковой оказались в наличии 10 бриллиантов-шатонов, не учтенных в описях. Такие расхождения были обычным делом, поскольку наиболее активно носимые бриллиантовые вещи хранились в гардеробной императрицы и за их сохранность отвечали камердинеры. А поскольку драгоценностей у императрицы Александры Федоровны было множество, то «бухгалтерия не успевала» вносить их в списки коллекционно-мемориальных коронных бриллиантов.

29 июня 1839 г. «во исполнение Высочайшей воли» министр Двора приказал «хранящиеся в Кабинете Его Величества корону и бриллианты перевести в Зимний дворец 30-го сего июня в Бриллиантовую комнату и сдать госпоже камер-юнгфер Пильниковой вместе с книгою». Указание немедленно выполнили: «Две короны, скипетр и держава были доставлены в Бриллиантовую комнату и уложены в назначенном месте», что принявшая их Пильникова подтвердила своей распиской[913]. Тогда же, в 1839 г., для всех коронных солитеров были сделаны новые оправы с обозначением буквы «К» (коронные) на оправе.

Когда возраст начал брать свое, А. П. Пильникова, официально сохранив свою должность, передала все дела по хранению бриллиантов преемнице – камер-фрау Анастасии Александровне Эллис[914]. Только в 1847 г., когда умерла А. П. Пильникова, А. А. Эллис официально вступила в должность хранительницы коронных бриллиантов[915]. В «Адрес-календарях» ее именовали камер-фрау «при хранении государственных бриллиантов». На этой должности А. А. Эллис оставалась до своей смерти в октябре 1864 г., то есть свой ответственный пост она занимала на протяжении 24 лет, при двух императорах.

С 1840 по 1864 г. она проживала в Зимнем дворце. Поскольку Эллис занимала ответственную должность, связанную с хранением государственных регалий и коронных бриллиантов, кадровые решения принимались очень оперативно. Уже был подготовлен «кадровый резерв» в лице камер-фрау императрицы

Марии Александровны – Каролины Карловны фон Винклер. По ее словам, место хранительницы коронных бриллиантов императрица предложила ей еще в ноябре 1863 г.[916] Поэтому уже 3 октября 1864 г. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: по случаю кончины камер-фрау Государыни Императрицы Эллис хранение Государственных бриллиантов поручить камер-фрау фон Винклер»[917]. 7 октября 1864 г. об этом решении сообщили всем должностным лицам, отвечающим за допуск к коронным бриллиантам.

К 1864 г. название должности К.К. фон Винклер уже не включало привычной с николаевских времен обязанности «хранения государственных бриллиантов». Вероятнее всего, после смерти в 1864 г. А. А. Эллис контроль за государственными регалиями и ювелирными изделиями, хранимыми в кладовой № 1 Камерального отделения (Бриллиантовая комната Зимнего дворца), «де-факто» перешел к его чиновникам.

Прошли годы. К.К. фон Винклер, как и ее предшественницы, хранила коронные бриллианты и императорские регалии буквально до своей смерти. А после ее кончины, 22 августа 1884 г., состоялось назревшее решение, отменившее вековую практику персональной ответственности за хранение драгоценных камней женщин на должности камер-фрау «при хранении государственных бриллиантов». С этого дня ответственность полностью возлагалась на профессионалов, то есть на чиновников Камерального отделения Кабинета Е. И. В. Новое принципиальное решение означало, что ответственность за хранение коронных бриллиантов и императорских регалий перешла от «физического лица» к учреждению.

Среди женщин, служивших в Зимнем дворце, традиционно значительным влиянием пользовались фрейлины. Длинный Фрейлинский коридор, куда можно попасть, поднявшись по 113 ступеням лестницы, начинавшейся у Комендантского подъезда, видывал всякое. Стены этого коридора видели удивительных людей, были свидетелями многих событий и удивительных начинаний…

Говоря о фрейлинах, следует иметь в виду, что со времен Екатерины II в Зимнем дворце складывается традиция, что выходящие замуж (с позволения императрицы) фрейлины получали приданое из «комнатной суммы». Судя по тому, что суммы выплат оказывались очень разными, они выплачивались «секретно». Например, в ноябре 1767 г. по распоряжению императрицы из «комнатной суммы» «вышедшей в замужество фрейлине Елисавете Чоглоковой»[918] выплатили «вместо всего

приданого 20 000 р.». Через несколько дней вышедшая замуж княжна Четвертинская получила пожалованное «в приданое 2000 р.»[919].

Со временем сумма, выплачиваемая фрейлинам в приданое, стандартизировалась, и начиная с середины 1770-х гг. им выплачивали из «комнатных сумм» 12 000 руб.: «Приданное фрейлинам по 12 000 р.» (1778 г.). Эта сумма сохранялась «по образцу прошлых лет» вплоть до 1917 г.

Далеко не все штатные фрейлины, жившие в Зимнем дворце, входили в ближайшее окружение императорской семьи. Некоторые из них годами могли не видеть императора, другие же становились почти членами царской семьи. Великая княгиня Ольга Николаевна, описывая события 1832 г., писала: «В тот год у Мама было двенадцать фрейлин, включая тех, которых она получила от Бабушки. В деревню нас сопровождали только молодые, старшие оставались в Зимнем дворце. Мы, дети, знали их всех хорошо. Дежурная фрейлина должна была в обеденное время быть у Мама, чтобы принять приказания на день. Между ними была маленькая пожилая мадемуазель Плюскова, отпугивавшая нас своими ледяными руками, тем более что, захватив руку в свою, она долго ее не отпускала. Она была крайне бдительна, часто наблюдала за нами в дверную щель и была к тому же еще дружна с графиней Виельгорской. Она была неравнодушна к баталисту Ладюрьеру и часто навещала его в его ателье в Эрмитаже. Как только о ней докладывали, чтобы ее спугнуть, он начинал бить в барабан. Своим успехом он хвастался у Папа, который очень над этим смеялся»[920].

Многие из фрейлин, десятилетиями живущие во Фрейлинском коридоре, превращались в кладезь дворцовых легенд и преданий. Эти предания фиксировались в дневниках и мемуарах в виде «дворцовых анекдотов», не позволяя им уйти из жизни вместе с их носительницами. Например, фрейлина 1830-х гг., «прекрасная Россети», записала в своей записной книжке следующую историю: «Старуха Загряжская говорила Великому Князю Михаилу Павловичу: „Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо, как угорелая и впопыхах; а мне нужно сделать Господу богу три вопроса: кто были Лжедмитрий, кто Железная Маска и Шевалье д'Еон – мужчина или женщина? Говорят также, что Людовик XVII увезен из Тампля и остался жив; мне и об этом надо спросить“. – „Так вы уверены, что будете на небе?“ – заметил Великий Князь, старуха обиделась и с резкостью отвечала: „А вы думаете, и родилась на то, чтобы торчать в прихожей Чистилища (pour faire rantichambre au Purgatoire)?“. Она еще старой закваски: большая волтерьянка, хотя и бывает в церкви»[921].

Е. И. Нелидова. 1790-е гг.

Одной из часто повторяющихся историй в стенах Фрейлинского коридора становились романы великих князей и императоров с фрейлинами, его населявшими. Платонические романы юных великих князей с фрейлинами рассматривались как возрастная данность, как ступенька в их взрослении. Но как только эти романы переходили известную грань, то начиналась суета, связанная с поисками для фрейлины (неважно, забеременевшей или нет) подходящей партии и удалением ее из Зимнего дворца.

То, что фрейлины высочайшего двора периодически использовались государями и великими князьями «для особых услуг», было давней дворцовой обыденностью, о которой и говорить не стоит. Эта дворцовая традиция плавно переходила в Зимнем дворце из века в век. На рубеже XVIII–XIX вв. ее живым олицетворением в стенах Зимнего дворца служила фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова, занимавшая особое положение

при императоре Павле I.

После восшествия на престол Павла I, когда «особые отношения» фрейлины и императора остались в прошлом, 18 февраля 1797 г. состоялось решение о выплате Е. И. Нелидовой жалованья по должности камер-фрейлины в размере в 1200 руб. [922] Александр I повелением от 1 августа 1801 г. добавил к штатному жалованью ежегодную выплату в 3600 руб. в год. Кроме этого, императрица Мария Федоровна «из своих» ежегодно доплачивала бывшей сопернице по 1800 руб. В апреле 1829 г. уже Николай I после наведения справок о предыдущих выплатах распорядился: «камер-фрейлине Катерине Ивановне Нелидовой производить из Государственного казначейства в пенсион по 10 000 р. в год по смерть ея, а за сим все получаемые ею оклады прекратить. Продолжать ей по прежнему отпуск экипажа… сверх пожалованного ей пенсиона»[923].

Забегая вперед, упомянем, что в октябре 1897 г. в Зимнем дворце закончила свой жизненный путь племянница Е. И. Нелидовой – Варвара Аркадьевна Нелидова, фрейлина императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I). Эта фрейлина, как и ее тетушка для Павла I, скрашивала последние годы жизни императора Николая I.

Фрейлина М. П. Фредерикс снисходительно и по-доброму писала об этих людях: «Известно, что он (Николай I. – *И. З.)* имел любовные связи на стороне – какой мужчина их не имеет… хотя предмет его посторонней связи и жил во дворце, но никому не приходило в голову обращать на это внимание; все это делалось так скрытно, так благородно, так порядочно. Например, я, будучи уже не очень юной девушкой, живя во дворце под одним кровом, видясь почти каждый день с этой особой, долго не подозревала, что есть что-нибудь неправильное в жизни ее и государя… Что же касается той особы, то она и не помышляла обнаруживать свое исключительное положение между своих сотоварищей фрейлин; она держала себя всегда очень спокойно, холодно и просто… после кончины Николая Павловича она хотела сразу удалиться от двора, но воцарившийся Александр II, по соглашению со своей августейшей матерью, лично просил ее не оставлять дворца. Но с этого дня она больше не дежурила, а только приходила читать вслух императрице Александре Федоровне»[924].

То, что некоторым фрейлинам, в память «особых заслуг», в Зимнем дворце приплачивали или оставляли их жить в главной резиденции, до самой смерти было делом обыденным. Но рожали фрейлины от правящих государей прямо в Зимнем дворце только два раза: первой в 1818 г. родила ребенка фрейлина Варвара Туркестанова, второй, согласно одной из легенд, фрейлина

Екатерина Долгорукая.

Об истории любви фрейлины В. И. Туркестановой и Александра I известно из множества мемуарных упоминаний, включая короткий дворцовый «анекдот», записанный в дневнике А. С. Пушкина (8 марта 1834 г.): «Княжна Туркестанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей Евангелие, в то время как она без памяти лежала в постели. Ее перевели в другие комнаты – и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал все по городу»[925].

Фрейлина В. И. Туркестанова

Неизвестный художник. Александр I. До 1825 г.

История любви Варвары Ильиничны Туркестановой удивительна и противоречива. Она родилась в 1775 г. и только в 1808 г. получила место штатной фрейлины императрицы Марии Федоровны, переехав в квартиру на третьем этаже Зимнего дворца, где прожила 11 лет. О том, как Туркестанова в свои 33 года оказалась в Зимнем дворце, упоминает граф Ф. П. Толстой: «Очень часто бывала на вечерах и обедах у моего дяди княжна Туркестанова, самая короткая приятельница обеих сестер Голицыных, любимица Марии Алексеевны и ее мужа, девушка уже не первой молодости, очень умная, хитрая, ловкая, веселая и весьма занимательная в салонных беседах. Почтеннейший дядюшка, как мне казалось, очень за ней ухаживал, и она скоро, по его просьбе, была сделана фрейлиной большого двора».

В своих записках фрейлина периодически упоминает о реалиях императорской резиденции и чаще всего о 113 ступенях лестницы, ведущей во Фрейлинский коридор: «Я надеюсь иметь возможность гулять, так как вот уже 8 месяцев, как я забыла о существовании своих ног; я совершенно не хожу даже по саду.

Сойти со своих 113 ступеней, для того чтобы прогуляться, даже не приходит мне в голову»[926]. Когда после очередного отпуска в июле 1813 г. В. Туркестнова вернулась в Зимний дворец, в котором полным ходом шли очередные летние ремонты, она писала: «Мое помещение произвело на меня впечатление тюрьмы: при входе в него я не встретила ни одной собаки. Я с трудом взобралась на мои 113 ступенек и, войдя к себе в комнату, не испытала и половины удовольствия, как прежде, когда сюда приезжала…»[927]. Летом пустой Зимний дворец разительно отличался от пышной и многолюдной резиденции зимнего сезона. Туркестанова не без оснований писала (17 мая 1815 г.): «Не могу без содрогания подумать о том, что придется лето прожить во дворце; в жару там задыхаешься, становится просто невыносимо. И к тому еще ни малейшего развлечения; все в деревне…»[928].

К. А. Ухтомский. Лестница на Комендантском подъезде Зимнего дворца. 1866 г.

Вскоре и она выехала на дачу, а в комнатах фрейлины начался ремонт. Осенью, накануне возвращения в Зимний дворец, Туркестанова писала, что скоро она вновь водворится «на своем чердаке». Когда фрейлина вернулась на «свой чердак», то ее ожидал приятный сюрприз: «Мое помещение, состоящее из трех комнат, приняло вид свежести, ласкающей глаза, благодаря новому паркету, исправленному камину, вновь окрашенной обивке и вывернутому зеленому кашемиру на мебели; мои сотоварки смотрят на него особенно, с настоящей завистью. Господствующая в нем чрезвычайная чистота, известный порядок в моих вещах – все это прелестно. Я себе устроила маленький уголок, где поставила очень удобное вольтеровское кресло, напротив маленький столик и сбоку этажерку, на которой стоят мои книги; это очень комфортабельно, как говорят англичане. Тут провожу я каждое утро.

Я отказалась от прогулок: конечно, невозможно несколько раз на день взбираться на эти ужасные лестницы; надо ограничиться галереями Эрмитажа…»[929].

Повторим, что, когда Варвара Туркестанова оказалась в 1808 г. в Зимнем дворце, ей было уже 33 года. И она совсем не походила на молоденьких девочек-аристократок, получающих престижное место службы в Зимнем дворце благодаря протекции влиятельной родни. Соответственно, в 1813 г. Туркестановой исполнилось уже 38 лет. Но императора Александра I она, даже проживая в Фрейлинском коридоре и выполняя обязанности штатной фрейлины при вдовствующей императрице Марии Федоровны, видела считанные разы.

Роман Туркестановой, которая была старше императора Александра I на 2 года, начался в 1816 г., когда фрейлину включили в свиту великой княгини Анны Павловны, супруги принца Оранского, приехавшей с визитом на родину. Сама Туркестанова так писала об этом эпизоде (15 мая 1816 г.): «За восемь лет, что я при дворе, мне впервые пришлось обедать с императором, то есть в частном семейном кругу. В прошедшую субботу он пригласил Оранский двор и, стало быть, мадемуазель Самарину и меня. Раньше он никогда со мной не говорил; на этот раз он соблаговолил нам сказать несколько слов мимоходом, когда императрица проходила круг. Но за столом, когда заговорили о Карлсбаде и других немецких водах, император упомянул о Лангедоке и, повернувшись в мою сторону, сказал мне, что видел моих сестер, и спросил, какие у них новости…

После обеда он опять подошел ко мне и говорил со мной о том, о сем. Я ничуть не была смущена, так что говорила непринужденно и очень весело. Я нашла, что он вполне любезен, и если бы я часто видела его так, как сегодня, я думаю, я полюбила бы его до безумия»[930]. Так началась эта любовная история… и в письмах Туркестановой Александр I получил имя – «Le Grand».

После того как 39-летний Александр I проявил интерес к 41-летней фрейлине, отношение к Туркестановой со стороны придворных моментально изменилось. Всем пришла на ум история романа маркизы де Ментенон и Людовика XIV, которая была старше короля на 3 года. Отмечали и интеллектуальную подоплеку этого сближения, и восточный шарм неординарной фрейлины.

Сама Туркестанова писала (4 июня 1816 г.): «Говоря с ним, я радовалась тому удовольствию, с которым он меня слушал, и когда я взглянула на толпу, которая меня окружала после того, как он от меня отошел, поверите ли, в тот же миг я мгновенно оценила выражение всех лиц: казалось, что все эти люди видят меня в первый раз! Такое выражение было у тех, кто со мной говорил, кто ко мне подходил, уверяю Вас, я до сих пор смеюсь, когда думаю об этом; однако так было от начала времен и с тех пор, как существуют монархи и придворные. Это обычный ход вещей при дворе. Не станем с этим спорить, и пусть оно будет как есть»[931].

Затем император счел возможным посетить квартиру Туркестановой в Зимнем дворце. Умная фрейлина, понимая, что о таких визитах моментально становится известно всему двору, сочла необходимым доложить о приватном визите императора вдовствующей императрице Марии Федоровне. И тогда фрейлина с удивлением узнала, что Александр I не впервые побывал в квартирах Фрейлинского коридора.

«Лицо, которое было со мной столь любезно в Петергофе, спросило меня, не пожелаю ли я принять его у себя, потому что оно намеревалось приехать, чтобы выполнить поручение, которое ему дала графиня Строганова, но страх оказаться нескромным удержал его. Я ответила, что имела бы большое удовольствие, но что, не упуская из виду того, что это не практикуется у других, я хотела бы быть на одной доске со всеми; меня заверили, что посещали такую-то и такую-то. Тогда я сказала, что никогда ничего об этом не знала. Это лицо, которое, вероятно, хотело немного меня помучить, утверждало, что, по-видимому, оно не внушает мне никакого доверия, и когда я приготовилась снова отвечать, кто-то нас прервал, и так все и осталось»[932].

В день именин Варвары Туркестановой Александр I подарил

ей свой портрет в виде камеи, сопровождая дар словами: «Тот, которого Вы предпочитаете. От того, кто Вас предпочитает»[933].

В конце августа 1818 г. Мария Федоровна отправилась в европейский вояж, в качестве спутницы она взяла свою фрейлину Варвару Туркестанову. Судя по всему фрейлина отправилась в поездку уже беременной. Все путешествие Туркестанову мучил жуткий токсикоз. Уже 11 сентября она писала: «Весь день я чувствовала себя совершенно больной: горечь во рту внутреннее беспокойство, натянутые нервы, одним словом, мне было плохо, и, тем не менее, мне пришлось ехать на парад…»[934]. Удивительно, но взрослая женщина довольно долго считала, что причина недомогания – расстроенный желудок, и лечилась от беременности слабительными.

22 октября 1818 г. Туркестанова на короткое время пересеклась в Германии с императором Александром I. Она все еще активно принимала слабительное, рвотное и хлористую ртуть. Наконец 30 декабря 1818 г. мучительное для фрейлины путешествие закончилось: «Когда я увидела Зимний дворец, я чуть не выскочила из кареты. Наконец я подошла к своему подъезду, поднялась по 113 ступеням, открыла дверь, и меня охватило чувство полнейшей радости и благодарности Провидению, приведшего меня к родному очагу. Первым делом я пошла в домашнюю часовню и воздала Ему должное за оказанное мне благодеяние»[935].

Но факт беременности фрейлины был уже, что называется, налицо. С отцовством ребенка все оказалось очень сложным. В 1818 г. Туркестанова одновременно встречалась с двумя мужчинами – 41-летним Александром I и 24-летним светским повесой князем Владимиром Голицыным. И в том, и другом случае отношения эти были далеко не платонические. Большинство исследователей склоняется к тому, что Александр I считал ребенка своим. По крайней мере, он продолжал навещать беременную Туркестанову в ее квартире во Фрейлинском коридоре, подтверждая ее статус официальной фаворитки.

Об этом писала и сама Туркестанова (17 апреля 1819 г.): «Император оставался у меня два с половиной часа. Он, как обычно, выказал по отношению ко мне бесконечную доброту; мы болтали о вещах очень интересных… Снова вернулись к вопросу о том, чтобы мне сменить квартиру; он говорил мне о дворце Шепелева, но так как придется, может быть, брать дворец Салтыкова, который мне не очень подойдет, то я думаю, что остановлюсь на том, чтобы не двигаться с места или, быть может, просто обменять мои комнаты на соседние, где только немного больше солнца; впрочем, все это должно устроиться этим летом.

Если Господь даст мне жизни и здоровья, я надеюсь устроить мои дела, как мне удобно…»[936]. Совершенно очевиден тон письма, в нем просматриваются и обширные планы на будущее, и уверенность в дальнейшей благосклонности Александра I. Отметим и то, что вдовствующая императрица Мария Федоровна была категорически против таких визитов императора, но Александр I пренебрег запретом Марии Федоровны и продолжил визиты во Фрейлинский коридор.

Надгробие В. И. Туркестановой

Однако, как часто бывает, жизнь распорядилась по-своему. На момент первых родов Варваре Туркестановой исполнилось 44 года. Вполне возможно, что беременность осложнялась почечной недостаточностью, гипертонией и болезнью желудка. В результате тяжелых родов в мае 1819 г. фрейлина Туркестанова родила девочку в своей квартире на третьем этаже Зимнего дворца. Через несколько дней Туркестанова умерла от послеродового заражения крови.

Официально объявили, что причина смерти – холера. Хотя «больную» активно посещали не только врачи, но и друзья. Никто и не думал изолировать «больную холерой». Более того, после 18 мая 1819 г., когда Туркестанова, почувствовав приближение конца, причастилась, на следующий день, 19 мая, в Зимний дворец из Павловска прибыла императрица Мария Федоровна и оставалась с умирающей фрейлиной до самого конца.

По поводу этой смерти было много разговоров. Факт родов в Зимнем дворце скрыть невозможно. Так и осталось неизвестным, кто отец родившейся девочки. Очень многое свидетельствовало, что им был Александр I, который распорядился, чтобы тело усопшей оставалось в Зимнем дворце, что являлось знаком «беспримерного отличия; и он пожелал, чтобы похороны были устроены за его счет»[937]. 22 мая 1819 г. тело Варвары Туркестановой перевезли в Александро-Невскую лавру где утром 23 мая предали земле. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Вчера скончалась княжна Туркестанова. Что ни говори, но она была и добрая, и любезная, и необыкновенно умная женщина. Благодетельствовала многим, несмотря на недостаточное состояние, и оставила приятные о себе воспоминания в многочисленном знакомстве».

А. В. Жуковская

Еще одна грустная история произошла во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца при Александре II. Тогда, в 1869 г., Алексей Александрович, 19-летний великий князь, влюбился во фрейлину Александру Васильевну Жуковскую, ей на то время было 27 лет.

Об отношении великого князя к фрейлине А. В. Жуковской красноречиво свидетельствует запись в дневнике великого князя, которую он предполагал показать своей любимой (12 июля 1869 г.): «После обеда учебному батальону и маневров я возвратился в Царское Село. Перовский мне передал Твое чудное письмо, где Ты выразила желание, чтобы я писал мой журнал, и что Тебе это доставит удовольствие, я с радостью принялся за него, хотя последнее время совсем перестал писать, но мне приятно знать, что я каждый день могу делать что-нибудь приятное для my dear little wife. Ночью с 12-го на 13-е я писал Тебе письмо, прости мне, если оно было слишком безумное, но я

не мог иначе писать, со мною Бог знает что делалось, после того как я прочел твое письмо, все чувство, которое когда-либо было в моей душе к Тебе, все оно поднялось и заговорило так сильно, что я думал, что сойду с ума. Я написал Тебе всю правду, потому что я фраз писать не умею, я написал Тебе все задушевные мысли, которые я думал прежде никому не говорить. Мне было больно, мне было ужасно думать, что я должен уехать от Тебя, и я не знаю, увижусь ли с Тобой еще раз в жизни. Я еще раз Тебе повторяю, что Ты – моя гордость, Ты – моя святыня»[938].

Великий князь Алексей Александрович

Александра Жуковская не была чужой в Зимнем дворце, поскольку ее отец – поэт Василий Андреевич Жуковский – сначала состоял чтецом императрицы Марии Федоровны, затем учил русскому языку будущую императрицу Александру Федоровну (супругу Николая I), а после являлся главным воспитателем наследника-цесаревича Александра Николаевича, будущего Александра II. Александра Жуковская стала фрейлиной императрицы Марии Александровны в 16 лет, в 1858 г.

Надо заметить, что очень часто третий этаж Зимнего дворца

походил на серпентарий, и молодой великий князь отчетливо представлял себе, что кроется за милыми улыбками и словами придворных. Поэтому в своем дневнике летом 1869 г. он отметил: «Я спрашивал их, довольны ли они своим житьем в Ильинском, на что они отвечали, что очень, что жизнь чрезвычайно спокойная, что все общество живет, как ангелы, так дружно и мирно. По словам Александры Андреевны, она сделалась большим другом Нины, что Нина тоже ангел, одним словом, по их словам можно подумать, что они все живут в раю. Я бы предпочел ад, чем этот рай… Спрашивала она о Тебе, говорила, что вообще все тихо и о нас совсем не говорят. Слава Богу. Я у всех узнал все, что мне нужно было знать, и в душе хохотал над ними. Жалкий, пустой народ».

Официально роман великого князя с фрейлиной был «высочайше закончен». Конечно, императрица Мария Александровна не могла согласиться с тем, что ее сын видит в своей связи с фрейлиной нечто большее, чем стандартное увлечение юности. У императрицы Марии Александровны уже имелся опыт отлучения своих сыновей от фрейлин. В 1866 г. она сумела уговорить старшего сына Александра Александровича (будущего Александра III) расстаться с фрейлиной княжной Марией Элимовной Мещерской. Императрица убедила фрейлину в необходимости покинуть Зимний дворец и отправиться за границу. В июне 1867 г. М. Э. Мещерская вышла замуж за П. П. Демидова.

Оторванный от своей любимой, великий князь Алексей Александрович, как и всякий искренне влюбленный, продолжал думать о ней (15 июля 1869 г.): «Я лег в постель, закурил папироску и стал думать. Вспомнил я наши последние свидания, вспомнил все, что Ты мне говорила и писала, и стало мне грустно, и казалось мне, что я совсем один и некому мне сказать свои задушевные думы и чувства, как, бывало, мы с Тобой разговаривали в чудную прошедшую зиму и весну, и вспомнил я наши прогулки в Павловском, и стало мне больно, и хотел всей душой Тебя видеть, Тебя обнять, моя душка, мой ангел».

В это время Алексей Александрович сопровождал своего старшего брата, будущего Александра III, в его путешествии по Волге. Во время пребывания в Казани великий князь записал: «После чтения я ходил по своим темным комнатам и долго думал. Думал я, что делается в Лигове, что делаешь и думаешь Ты, вспоминаешь ли Ты обо мне так же часто, как я о Тебе. Думал я о сегодняшнем бале, и сравнивал я его с теми чудными балами в Петербурге, где я танцевал с Тобой мазурку и потом ужинал. Вспомнил я о вечерах у гр[афини] Тизенгаузен и возвращение

домой. Вспомнил я Твою маленькую комнату, где мы, бывало, так часто сидели, и стало мне опять тяжело одному и захотелось во что бы то ни стало написать Тебе, но потом я вспомнил, что это невозможно, и я, скучный и печальный, пошел спать, но долго не мог заснуть, и хотел я Тебя видеть, с Тобой забыть весь мир, Тебя одну хочу я, и отняли Тебя у меня, и проклинал я всех людей и всех, всех на свете». Отметим, что «маленькая комнатка» – это квартира фрейлины Жуковской в Зимнем дворце, где влюбленные «так часто сидели». Можно только предполагать, кого из близких проклинал великий князь, разлученный с любимой женщиной.

К осени 1869 г. влюбленные продолжали встречаться, поскольку в дневнике («журнале») великого князя Алексея Александровича появляются строки, написанные рукой фрейлины А. В. Жуковской (23 ноября 1869 г.): «Ты сказал сегодня: „И не забывай, что я тебя люблю“. Спасибо, мой ангел, да возлюби тебя Господь за это. Это было еще твоим прощением, которое я услышала, как слыхала уже дважды; эти два раза ты стал моим спасением, говоря, ты снова спасал меня от отчаяния. Не забывай, что мы любим друг друга, и Бог это знает, и Он милостив и не судит, как люди. Думай об этом, когда тебе придет мысль, что ты не таков, каким должен быть, и когда ты будешь страдать за меня. Говорю тебе снова и снова и буду говорить всегда, что ты сделал мне только добро, ничего кроме добра, и без тебя мое несчастье было бы слишком трудно вынести, и каждый день я благодарю Бога, давшего мне тебя, и трепещу от боли, которую тебе причиняю, ибо я не могу дать тебе ничего другого. О, прости мне это еще раз и не покидай меня больше. Я боюсь без тебя».

Каких-либо документов, подтверждающих факт брака фрейлины и великого князя нет. Есть предположение, что тайный брак заключен 9 сентября 1868 г. в русской православной церкви в Женеве. Есть версия о тайном браке, совершенном в Италии в 1870 г.

Сохранились их письма, в которых они называют друг друга мужем и женой. Есть фотография Алексея с автографом: «To my dear little wife from her faithful husband» (Моей милой женушке от ее преданного мужа)[939].

После того как фрейлина А. В. Жуковская забеременела от великого князя Алексея Александровича и такое «событие» стало уже невозможно скрывать, великого князя срочно отправили в кругосветное плавание. О душевном состоянии великого князя накануне отплытия (20 августа 1871 г.) свидетельствует фраза из записной книжки его воспитателя Посьета (22 мая 1870 г.): «АА ничего не делает, ко всему равнодушен, только бы пить „неразб.“»[940].

Однако долг оказался выше чувств влюбленных, хотя сам Александр II фактически жил на два дома, имея детей от другой фрейлины – Е. М. Долгоруковой. Только весной 1873 г. великий князь Алексей Александрович прибыл во Владивосток.

Для Алексея Александровича, оставившего беременную любимую женщину, произошедшее стало настоящей трагедией. 31 августа 1871 г. он писал из Копенгагена императрице: «Мама, ради Бога, не губи меня, не жертвуй своим сыном, прости меня, люби меня, не бросай в ту пропасть, откуда мне не выйти…»[941]. 12 сентября 1871 г., уже во время плавания, великий князь продолжал молить мать: «Ты понимаешь, что такое чувства? Иметь жену, иметь дитя и бросить их. Любить больше всего на свете эту женщину и знать, что она одна, забыта, брошенная всеми, она страдает и ждет с минуты на минуту родов. А я должен оставаться какой-то тварью, которого называют великим князем и который поэтому должен и может быть по своему положению подлым и гадким человеком. И никто не смеет ему этого сказать. Дай мне лучше надежду. Я не могу так жить, клянусь тебе Богом. Помогите мне, возвратите мне честь и жизнь, она в ваших руках»[942].

Как только великого князя отправили в плавание, фрейлину А. В. Жуковскую выслали за границу, где она в Зальцбурге 14 ноября 1871 г. родила сына, назвав его по имени отца – Алексеем Алексеевичем. У императрицы Марии Александровны в Зальцбурге имелись «свои люди», они «присматривали» за фрейлиной, донося получаемую информацию в Зимний дворец. Судя по всему, это были «люди» из ближайшего окружения А. В. Жуковской. Присматривало за фрейлиной и III Отделение, имевшее в Германии своих агентов.

Летом 1872 г. императрица по своим каналам получила из Зальцбурга сведения о том, что Жуковская может отправиться «в путешествие», целью которого было «перехватить» великого князя Алексея Александровича на одной из стоянок его судна. Получив эту информацию, Мария Александровна немедленно подключила к решению «проблемы» официальные структуры. В июне 1872 г. министр Императорского двора А. В. Адлерберг направил шефу жандармов и начальнику III Отделения графу П. А. Шувалову шифрованную телеграмму: «Ливадия 14 июня 1872 г. Императрице частным образом известно, будто Жуковская выехала из Зальцбурга, как говорят, в Англию. Ея Величеству угодно знать, имеете ли вы сведения об этом и приняты ли меры к тому, чтобы агент ваш следовал за нею, куда бы она ни поехала. Главное опасение состоит в намерении ея отправиться в Индию»[943].

Ответ от П. А. Шувалова получили в Ливадии 16 июня 1872 г.: «Жуковская выехала действительно из Зальцбурга, и находится в Венеции… Указанные в вашей депеше меры будут приняты; но предваряю, что будет трудно проследить, когда она оставит Европу»[944].

В силу неизвестных нам причин Жуковская и Алексей Александрович не встретились в 1872 г. Однако сам факт таких намерений свидетельствует, что они поддерживали между собой связь и во время путешествия великого князя. Время и расстояния развели влюбленных, но Алексей Александрович считал своим долгом позаботиться о ребенке. Поэтому, для того чтобы обеспечить сыну достойное будущее, великий князь Алексей Александрович в марте 1875 г. купил маленькое имение в республике Сан-Марино, дававшее мальчику право на титул барона Серджиано. А еще, с позволения Александра II, Алексей Александрович образовал из собственных средств особый неприкосновенный капитал в 100 000 руб. серебром для сына.

Что касается самой Александры Васильевны Жуковской, то она в декабре 1875 г. вышла замуж за саксонского полковника, барона Кристиана Генриха фон Вёрмана, российского подданного и владельца имения Вендишбора. После этого великий князь Алексей Александрович перевел на имя Жуковской вексель на крупную сумму. Позднее Александр III назначил А. В. Жуковской пожизненную пенсию, распорядителем которой стал великий князь Алексей Александрович.

Сын великого князя, названный матерью Алексеем Алексеевичем, носил титул барона Серджиано до 13 лет. Уже Александр III в 1884 г. дал бастарду титул графа и фамилию Бёлевского[945], дав возможность ему жить в России. Граф Алексей Алексеевич Бёлевский служил вольноопределяющимся в Сумском драгунском полку. После производства в офицеры в 1904 г. его взял к себе ординарцем дядя – великий князь Сергей Александрович. Николай II в 1913 г. позволил графу присоединить к своей фамилии фамилию матери.

О реалиях жизни Фрейлинского коридора Зимнего дворца и жизни на императорских половинах много пишет в воспоминаниях фрейлина М. П. Фредерикс, отработавшая на этой должности с 1851 по 1868 г., при двух императрицах. Все эти 17 лет она прожила в Зимнем дворце.

В 1851 г., после смерти матери, ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны, М. П. Фредерикс приступила к фрейлинским дежурствам. Ее поселили «наверху, во фрейлинском коридоре». Как ближайшая фрейлина, М. П. Фредерике имела право ходить к императрице в любое

время, но не могла выезжать ни в свет, ни в театр без ее позволения[946].

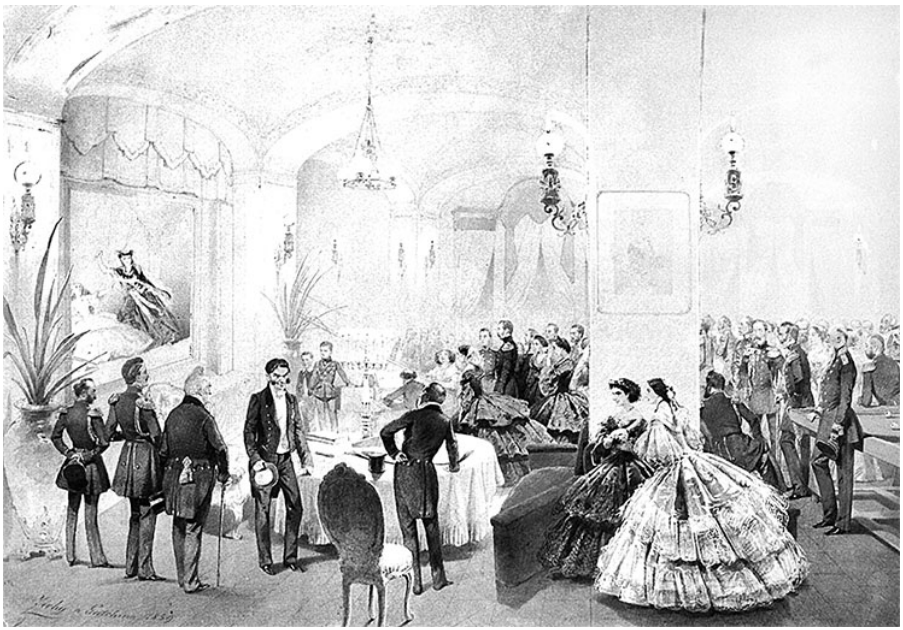
После смерти в 1860 г. императрицы Александры Федоровны М. П. Фредерике перешла «по наследству» к императрице Марии Александровне. Приступив к работе, фрейлина сразу же ощутила иной стиль взаимоотношений между императрицей и ее фрейлинами: «Покойная императрица Александра Федоровна употребляла всех фрейлин по очереди. Императрица Мария Александровна выбирала доверенную фрейлину, на которую все и взваливала»[947]. Подобных «любимых фрейлин» мемуаристка иронично именовала «поплавок на вершине горы Фавора».

Фрейлина А. С. Долгорукова (1836–1913)

Сначала такой фрейлиной была Анна Федоровна Тютчева. Фредерикс упоминает, что «Тютчева обладала большим умом» и «при императрице была в большой силе… Она не стеснялась чернить перед Ее Величеством каждого, кто ей мешал и даже, равно как и Мальцова, старалась отдалить императрицу от Государя, которого она ненавидела и даже часто была груба против него»[948].

Затем «поплавком на горе Фавора» стала фрейлина (с 1853 г.) Александра Сергеевна Долгорукова[949], она, как считалось в

большом свете, выполняла обязанности дамы «для особых услуг» при императоре Александре II. Фредерикс упоминает, что до своего замужества фрейлина «была в большой милости у Государя», но «она выставляла себя тем, чем, в сущности, она никогда не была».



М. Зичи. Александр II в Арсенальном зале Гатчинского дворца. 1859 г.

По свидетельству А. Ф. Тютчевой, юная фрейлина Долгорукова «была изумительно одарена, совершенно бегло, с редким совершенством говорила на пяти или шести языках, много читала, была очень образованна и умела пользоваться тонкостью своего ума без малейшей тени педантизма или надуманности, жонглируя мыслями и особенно парадоксами с легкой грацией фокусника».

После замужества и ухода из Зимнего двора А. С. Долгорукой, «на горе Фавора» оказалась, наконец, и сама М. П. Фредерикс. Тогда у нее состоялся примечательный разговор с императрицей, которая потребовала от фрейлины: «Красней сколько угодно, но говори правду»[950]. По словам фрейлины, «привыкнув к постоянной деятельности и оживлению жизни вокруг покойной императрицы, мне казалось, что я попала к какому-то мертвому Двору»[951]. Поскольку церемонии и празднества уже давно не удивляли мемуаристку, она замечает, что, «когда Двор находился в Петербурге, почти всегда жизнь текла довольно монотонно; все те же приемы, балы, обеды,

представления и пр… Мне было почти невозможно отлучаться из Дворца, я была, так сказать, на постоянном дежурстве… Мне страшно завидовали, против меня интриговали всеми силами, но я не обращала внимания на всю эту присущую этому Двору грязь…»[952].

Баронесса А. К. Пиллар фон Пильхау

После ухода в 1868 г. М. П. Фредерикс с должности штатной фрейлины ближайшей фрейлиной Марии Александровны становится баронесса А. К. Пиллар фон Пильхау[953] («Нина»), остававшаяся «на горе Фавора» вплоть до смерти императрицы в мае 1880 г.

В начале 1860-х гг. большая семья Александра II вечерами собиралась на половине императрицы: «Государь в той же комнате имел свой карточный стол». Тогда в Зимнем дворце еще поддерживались традиции, сложившиеся в период правления Николая I, и балы, даже большие, носили семейный характер. М. П. Фредерикс вспоминала, что ей «не раз пришлось вальсировать с графом Бисмарком, прусским посланником – будущим князем – железным канцлером». В середине 1860-х гг. императрица Мария Александровна уже не танцевала: «Она обыкновенно сидела в той части залы, которая примыкает к зимнему саду, и занимала своих гостей разговорами. Государь еще танцевал, и довольно много… он особенно любил

вальс…»[954]. Танцами тогда управлял младший брат императора – великий князь Николай Николаевич (Старший), который сменил на этой «должности» графа Г. А. Строганова.

Фрейлина Ю. Гауке

В своих неопубликованных записках М. П. Фредерикс давала подчас нелицеприятные оценки ближайшему окружению императорской семьи. Так, по мнению мемуаристки, принцесса Терезия Ольденбургская играла «роль святоши».

В мемуарах М. П. Фредерикс приводится скандальная история, произошедшая в стенах Фрейлинского коридора еще в первой половине 1850-х гг., при императоре Николае Павловиче. Она связана с историей любви фрейлины Юлии Маврикиевны Гауке и принца Александра Гессенского, старшего брата императрицы Марии Александровны. Фредерике пишет, что Гауке была старше принца и «не отличалась особенной красотой». Кроме этого, роковая полячка Гауке, по мнению Фредерике, была «отчаянной кокеткой, хитрой и ловкой до мозга костей»[955]. В результате старой как мир «истории», развивавшейся на третьем этаже Зимнего дворца, фрейлина забеременела от принца. Когда

это стало известно Николаю I[956], фрейлину немедленно уволили от службы и отправили в Варшаву к сестре, а принца Александра уволили с русской службы, запретив обоим въезд в Петербург.

Тогда цесаревна Мария Александровна восприняла эту историю как страшный удар, поскольку любила брата и видела его будущее совершенно иным. Но, так или иначе, принц и фрейлина поженились за границей и прожили в браке 37 лет. Когда императором стал Александр II, он разрешил гессенскому принцу Александру посещать Петербург, но только без жены.

Ю. Гауке и принц Александр

Можно упомянуть еще об одной фрейлине, породившей скандальную историю уже при Александре II. Речь идет о дочери поручика Марии Сергеевне Анненковой (1837–1924).

История с этой фрейлиной началась в Мраморном дворце, поскольку М. С. Анненкова была фрейлиной великой княгини Александры Иосифовны, однако в скандальную историю оказались втянуты и жильцы Зимнего дворца. Взбалмошная девушка, принятая ко двору великой княгини Александры Иосифовны весной 1855 г., активно участвовала в столь модных

тогда спиритических сеансах. Во время одного из таких сеансов М. С. Анненкова впала в транс, ей явилась не больше не меньше как супруга Людовика XVI – Мария Антуанетта и якобы открыла ей, что она является внучатой племянницей Людовика XVI. Девица охотно впадала в спиритический транс и вещала, вещала… Отметим, что к ее вещаниям с доверием отнеслась не только Александра Иосифовна, но и императрица Мария Александровна, которая также устраивала спиритические сеансы в Зимнем дворце.

Так или иначе, но в 1856 г. императрица Мария Александровна отправила Анненкову для поправления здоровья (то есть головы) в Швейцарию в сопровождении камер-фрау В. А. Берг. Великая княгиня Александра Иосифовна материально поддерживала ссыльную фрейлину, она перевела ей в Швейцарию 5000 руб.[957]

Оказавшись за границей, разворотливая фрейлина вывела свои видения на международный уровень. В своих письмах к Александру II она настаивала, чтобы ее официально признали принцессой Бурбонской. Более того, ей удалось переговорить с Наполеоном III, тот пришел в замешательство от убедительных рассказов М. С. Анненковой о ее родстве с Людовиком XVI.

Стол для занятий спиритизмом. Рекламное объявление

Великая княгиня Александра Иосифовна. Конец 1850-х гг.

Скандализированную девицу попытались вернуть в Россию, но это не удалось. В результате министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг в письме к матери фрейлины (декабрь 1857 г.) указывал, что «Государь император, видя тщетность всех употребленных мер и стараний к возвращению дочери вашей… высочайше положил прекратить всякое действие и не принимать более никакого участия в судьбе Марии Сергеевны, которой, однако ж, в неограниченной своей милости назначил пожизненное годовое содержание в 6 тыс. руб. серебром… доколе она неукоризненным своим поведением достойна будет и не подаст повода к справедливому неудовольствию Его Величества»[958].

Похоже, что девица «не вняла», поэтому в мае 1858 г. матери М. С. Аненнковой вновь напомнили, что ее дочь получает содержание негласным образом и по закону никакого права на него не имеет. Поэтому если М. С. Анненкова не оставит «сумасбродных своих мечтаний о небывалом ей высоком происхождении, подаст повод к справедливому неудовольствию

Его Величества, то это содержание немедленно прекратится».

Девица в Россию так и не вернулась, и негласное жалованье ей выплачивать прекратили. Но М. С. Анненкова «в Европах» не пропала и в 1873 г. вышла замуж за маркиза (позже герцога) Гаэтано де Феррари, родив ему в 1874 г. дочь. В 1885 г. М. С. Анненкова приехала в Россию и попыталась добиться приема у Александра III. Император авантюристку не принял, она уехала за границу и больше на родину не возвращалась. Удивительно, но бывшая фрейлина М. С. Анненкова пережила большинство своих современников, умерев в Ницце в 1924 г.

Еще одной женской должностью в Зимнем дворце была должность камер-юнгфер, которые являлись ближайшими слугами императриц. Именно они выполняли всю текущую работу по обслуживанию своей императрицы. От «подай-принеси» до вечерних посиделок в узком кругу.

Камер-юнгфер как ближайших слуг императриц те подбирали сами. Это могли быть служанки, приехавшие в Россию из Германии, вместе со своими хозяйками-невестами. Это могли быть фрейлины, поменявшие свой статус. Это могли быть просто дворянки, в силу тех или иных причин оказавшиеся при Дворе и попавшие на престижное место. Они получали хорошее жалованье и традиционные подарки к Пасхе и Рождеству. Как правило, свою службу они начинали еще при великой княгине-цесаревне, которая со временем превращалась в императрицу. Изменение статуса «хозяйки» немедленно отражалось на уровне жалованья ее камер-юнгфер.

Если молодые императрицы, как правило, «наследовали» всех фрейлин ушедшего царствования, то камер-юнгферы «уходили» всей «командой» на покой из дворца вслед за своей скончавшейся хозяйкой.

Например, «команду» камер-юнгфер императрицы Елизаветы Алексеевны (супруги Александра I) возглавляла камер-фрау Прасковья Ивановна Геслер (жалованье 10 100 руб. в год), она начинала свою карьеру в Зимнем дворце как няня-англичанка при будущем Александре I. Под ее началом работали камер-юнгферы Гердет (7260 руб. в год), Александра Севринова (2550 руб. в год), Никонова, Медведева, Владыкина, Крылова, Малышевская (по 4010 руб. в год). Младшими «чинами» при личных покоях императрицы служили камер-медхен: Россинская, Эттер, Бруннер, Мухина, Тисон и Расихина (по 3560 руб. в год).

У императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I) командовала женским штатом камер-фрау Ф. Клюгель (3045 руб. в год). Ее жалованье в 1826 г. складывалось из: жалованья от Придворной конторы – 500 руб., столовых от Придворной

конторы – 2000 руб., подарок от Кабинета к Пасхе – 300 руб., жалованье от императрицы – 1000 руб., пенсион от императрицы – 800 руб., к Рождеству и Пасхе от императрицы – 445 руб.[959] Кроме камер-фрау Клюгель, в штате императрицы Александры Федоровны упоминаются камер-юнгферы Регенсбург, Брызгалова, Андреева, Барк и белошвейка Цобель. Годовой бюджет всех выплат из разных источников этих дам составлял 17 855 руб.[960]

Дж. Доу. И. Ф. Паскевич

Большинство слуг, обслуживавших императорскую семью, жили на третьем этаже западного крыла Зимнего дворца. Их квартиры традиционно располагались по обе стороны Обер-юнгферского коридора.

Подчеркнем, что все квартиры в Зимнем дворце распределялись только высочайшим решением через министра Императорского двора. Слишком дорого стоила, во всех отношениях, «жилплощадь» Зимнего дворца. В качестве примера

укажем, что коллежский секретарь Белов получил квартиру в 1859 г. «при комнатах Государственного Совета в Старом Эрмитаже». В 1865 г. камер-фрейлина Е. Ф. Тизенгаузен и ее родственница фрейлина А. К. Пиллар фон Пильхау просили увеличить им квартиру за счет присоединения смежной комнаты санкт-петербургского коменданта[961]. В этом же году лейб-медик Карелль просил переселить его из одной казенной квартиры, в другую – в Прачешный дом, в квартиру умершего камердинера Николая I, Гримма.

Жили в Зимнем дворце и те, кто имел право на квартиру по своим обязанностям или чину. Например, 3 июня 1819 г. Александр I назначил генерал-лейтенанта И. Ф. Паскевича состоять при великом князе Николае Павловиче (будущем Николае I), и ему не только выделили отдельную квартиру в Зимнем дворце, «убранную приличным образом», но и распорядились отпускать «столовые припасы». По распоряжению Александра I для И. Ф. Паскевича с супругою освободили «бывшие комнаты генерала Ламсдорфа, полковницы Тауберт и дежурного флигель-адъютанта»[962].

Список столовых припасов, выделяемых генералу с 5 ноября 1819 г., поражает какой-то архаичностью. Наверное, таким же перечнем «яств» московские цари жаловали своих ближних служилых бояр еще в XVII в. Например, ежедневно из Мундшенкской кладовой генералу выдавали 68 бутылок разных вин и питий[963]. Из Тафельдекерской кладовой – различные продукты, включая ежедневных «огурцов соленых 70 шт.»[964]. Из Кофишенской кладовой «на приборы провизиею в месяц» выдавался сахар, кофе, чай и сливки[965]. Из Гоффурьерской кладовой для освещения квартиры ежедневно поступали различные свечи[966]. Из Кондитерской кладовой ежедневно выдавались фрукты (груш бланковых – 5 шт., баргамотов – 5 шт.). Этим не ограничивались и выдавали «сверх сего припасов для приготовления кушанья в каждый день на 40 р.».

За своих слуг царственные хозяева заступались, если те попадали в сложные жизненные ситуации, но всегда старались объективно оценивать ситуацию. Например, когда доверенная камер-юнгфера императрицы Марии Александровны Е. П. Макушина задолжала крупную сумму частному лицу, то немедленно по распоряжению министра Императорского двора провели служебное расследование. Министр Императорского двора направил Главноуправляющему III Отделением СЕИВ Канцелярии графу П. А. Шувалову записку «по делу к-ю Макушиной, которая была приготовлена для доклада Государю. Графу Шувалову поручено сделать секретное дознание по сему

делу… Макушина мне сегодня словесно объявила, что… дело покончила, как я не совершенно уверен в справедливость сего заявления»[967]. Тем не менее в тот же день Макушина принесла собственноручное письмо от кредитора, подтверждающее, что все финансовые проблемы улажены.

К. К. Мердер

Были в Зимнем дворце и те, кто становился для царской семьи буквально родными людьми. К их числу, безусловно, относился и К. К. Мердер, долгие годы воспитывавший наследника-цесаревича Александра Николаевича, будущего Александра II. Об отношении к этому человеку свидетельствует письмо Николая I к И. Ф. Паскевичу (23 апреля 1834 г.): «За два дня до того получил я прискорбное для нас известие о кончине почтенного генерала Мердера, я скрывал ее от сына, ибо не знаю, как бы он вынес; эта потеря для него невозвратная, ибо он был ему всем обязан и 11 лет был у него на руках».

Особое место в придворной иерархии занимали придворные арапы[968]. Набирали их отовсюду, лишь бы они были лояльны и кожа черна. Набирали эту дворцовую экзотику в том числе и из

военнопленных. Например, во время Русско-турецкой войны 1829 г. в плен попал некий турок Магомед-умера, которого «по высочайшему повелению Его Императорского Величества препроводили в Санкт-Петербург, к Высочайшему двору», сообщив, что «Государю Императору угодно, чтобы сей Магомед… был одет по образцам одеяния придворных арабов»[969]. Отметим, что у придворных арапов были очень дорогая «восточная» форма и довольно высокое жалованье. Например, некий придворный арап Абрам в 1829 г. получал «в год жалованья 300 р., квартирных 300 р., на стол 730 р., на платье 870 р. Всего 2200 р.».

Костюм придворного арапа. Кон. XIX в.

Костюм придворного арапа. Кон. XIX в.

Почему-то Николай I проявлял личный интерес к судьбе этого арапа. 3 августа 1829 г. император приказал «вместо назначенного ему арабского платья построить Арнаутское – простое и богатое» и «производить содержание наравне с придворными лакеями». Что такое «арнаутское платье», дворцовые хозяйственники представляли плохо. Поэтому они запросили от театрального костюмера рисунки загадочного «арнаутского платья, как богатого, так и простого». В результате этой хозяйственно-этнографической суеты Николай I распорядился «одеть турка по образцу сих рисунков, кроме шапочки, вокруг которой обертывать белою кисеею в виде чалмы». Обошелся наряд довольно дорого. Так называемое «простое платье» стоило 536 руб., а «богатое платье» – 1249 руб.

Однако карьера турка, должного играть роль природного арапа, так и не состоялась. После заключения двумя сторонами в сентябре 1829 г. Адрианопольского мира турок запросился домой. В октябре 1829 г. последовало новое высочайшее повеление: «Спросить у военнопленного турка, желает ли он возвратиться в Отечество?». Турок ответил, что, «имея жену, детей, мать и сестру, свой дом и собственность, он почел бы счастливым себя, если бы» император счел возможным «возвратить его в семейство»[970]. В конце октября 1829 г. Николай I распорядился выдать пленному турку из Кабинета Е. И. В. на дорогу 50 червонных, а «сделанное для него платье сохранять по ведомству Придворной конторы».

Бывали в истории Зимнего дворца и совсем скандальные истории, когда различные смуглые авантюристы пытались выдать себя за придворных арапов. Так, в мае 1843 г. в Зимний дворец на имя обер-гофмаршала Н. Долгорукого поступил рапорт от наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта Аласова «о негре Белело». В рапорте докладывалось, что в конце марта 1843 г. в Новочеркасск прибыл «негр под именем состоящего в службе при Императорском Зимнем Дворце подпоручика Петра Перлова, в поданном коим прошении объяснил, что он уволен в отпуск на 7 мес. в Тифлис и следовал по открытому листу, выданном г. Министром Императорского Двора на взимание обывательских лошадей без прогонов, но что в Правлении Казанской станции Войска Донского лист тот затерян и потому просил выдать ему новый открытый лист до Тифлиса. По непредставлению негром Перловым при таковой просьбе никаких документов, я собрал о нем сведения», из которых выяснилось, что «негр Перлов прибыл в означенную станицу по этапам при открытом листе Богучарской инвалидной команды… в роде арестанта, под именем негра Белела»[971].

Генерал отдал приказ об аресте негра, но тот сумел тайно бежать из Новочеркасска в Ставрополь. Чем закончилась эта авантюрная история, из документов неясно, но из Зимнего дворца ответили, что «означенный негр при Высочайшем дворе никогда не существовал».

Самой массовой стратой, проживавшей в Зимнем дворце, были так называемые придворнослужители. На 1855 г. насчитывалось «456 придворных служителей по Зимнему дворцу»[972]. Все они имели определенные специализации и носили соответствующую форму. К совершенствованию этой формы Романовы относились столь же трепетно, что и к галунам и выпушкам формы военной. Как правило, массовое переодевание чиновников, офицеров и сановников в новую форму происходило

с началом очередного царствования. Затрагивал процесс и слуг, живших в Зимнем дворце. Инициатива шла как снизу, так и сверху. Так, буквально через два месяца после начала царствования Александра II к нему обратились дворцовые хозяйственники с предложением «оснастить» камер-лакеев, лакеев, истопников, работников и должностных помощников белыми галстуками, «как они носят их при траурном платье, что было бы чище и опрятнее». Император с предложением согласился.

Форма камер-фурьера парадная. 1912–1913 гг.

Форма придворного камер-лакея. Кон. XIX в.

Форма скорохода парадная. 1912–1913 гг.

Форма скорохода парадная. 1912–1913 гг.

Слуги Зимнего дворца еще при Екатерине II превратились в закрытую касту, куда было очень тяжело попасть новому человеку. Подчас и должности передавались по наследству, а выучка под эти должности шла с самых юных лет. Со временем таких потомственных слуг стали называть «дворцовыми мальчиками». Царственные хозяева называли их обезличенно – «люди», но во многом способствовали их карьере. Довольно часто даже штаб– и обер-офицерский составы армии пополнялись выходцами из «дворцовых мальчиков».

В сохранении касты придворнослужителей имелись свои резоны. Дети вырастали при дворце, с раннего возраста впитывая как гласные, так и негласные традиции и правила поведения. Когда во второй половине XIX в. возникла угроза политического терроризма, кастовый состав придворнослужителей препятствовал проникновению в императорские резиденции неблагонадежных лиц.

Для возобновления «кадрового резерва» еще в 1827 г. при Мастеровом дворе Гоф-интендантского ведомства открыли школу мастеровых, куда набирали почти исключительно детей дворцовых слуг. Согласно Положению, «в школу сию должны поступать все дети мужского пола Мастеровых Гоф-интендантского ведомства, в С.-Петербурге находящиеся, и по окончании учения обращаемы быть для комплектования и содержания потребного числа людей по мастерствам по сему». Особо отмечалось, что «увольнение или перевод детей мастеровых в другое ведомство вовсе воспрещается». В положение также закладывались нормы, значительно облегчавшие слугам воспитание детей: «До 6-летнего возраста оставлять сих детей при родителях, и в пособие для пропитания выдавать из Конторы по 30 руб. в год на каждого». После 6 лет детей отдавали в школу мастеровых. Как вариант, имелась возможность «посылать несколько человек в Академию художеств для обучения архитектуры, скульптуры и другим художествам, по усмотрению». Затраченные на обучение средства необходимо было «отработать по распределению» на протяжении 5 лет, а затем дворцовые мальчики получали «полную свободу избирать службу и занятия по своему желанию»[973]. Отметим, что все указанные нормы действовали, поскольку в архивных делах хранятся документы, из которых следует, что однажды, при Николае I, одного из придворных истопников командировали на полгода в Императорскую Академию художеств, в ученики к маринисту И. К. Айвазовскому.

Придворные художники

Одной из обязанностей правящего императора и членов его семьи было периодическое позирование перед ведущими художниками своего времени, которые создавали историю царствования в портретах. Поэтому в Зимний дворец периодически приглашались ведущие художники-портретисты, чтобы запечатлеть «для вечности» как самого императора, так и членов его семьи. Так со временем сформировалась богатейшая иконография российских монархов, ставшая основой для «Романовской галереи», размещенной в Малом Эрмитаже. В этой галерее были собраны портреты всех правящих Романовых, начиная с первого из них – царя Михаила Федоровича.

Формирование иконографии Романовых шло параллельно с формированием художественной коллекции Императорского Эрмитажа. Основу бесценной коллекции положили личные собрания очень разных «диковинных» вещей, концентрировавшихся на так называемых Китайских антресолях жилых покоев императрицы Екатерины II в Зимнем дворце. Свое название антресоли получили в результате увлечения императрицы собиранием различных китайских декоративно-прикладных предметов.

Императрица, будучи сама творческим человеком, охотно контактировала с представителями нарождавшейся творческой интеллигенции. Эти по большей части деловые контакты выливались в «денежные повеления», в них так или иначе проявлялись вкусовые пристрастия Екатерины II.

Став императрицей, Екатерина II, пожаловав архитектору Ф. Растрелли 5000 руб.[974], отправила его «на пенсию». Затем в Зимний дворец она пригласила архитекторов, работавших в стиле нарождавшегося классицизма, и распорядилась заново отделать для нее и цесаревича жилые покои в угодном для нее классицистическом стиле[975].

Э. Вигилиус. Портрет Екатерины II перед зеркалом. 1762–1764 гг.

Э. Вигилиус. Портрет Екатерины II верхом. 1762 г.

12 ноября 1764 г. по распоряжению императрицы «живописцу Эриксену» выплатили 5025 руб. за огромный конный портрет Екатерины II в мундире лейб-гвардии Преображенского полка, изображавший императрицу в день переворота 28 июня 1762 г. [976] Позже Эриксен Вигилиус не единожды писал парадные портреты императрицы. Весной 1766 г. он получил 6300 руб. «за написание им Ея Императорского Величества портрета»[977]. В 1771 г. «живописцу Эриксену за живописные работы» уплатили внушительные 10 000 руб., а в 1772 г. выплатили «живописцу Эриксену за написанные им картины 2100 р.».

Среди счетов по «комнатной сумме» многократно встречается имя живописца Д. Г. Левицкого: «Живописцу Левицкому за два портрета Ея Императорского Величества 1000 р.» (1773 г.); «Живописцу Левицкому за портрет короля Прусского 800 р.»

(1778 г.); «Живописцу Левицкому за большой Наш портрет 1000 р.» (1778 г.). Упоминается в счетах имя скульптора Ф. И. Шубина, которому в 1778 г. уплатили «за бюст графа Румянцева-Задунайского 700 р.»[978].

Д. Г. Левицкий. Портрет Екатерины II

Д. Г. Левицкий. Екатерина II законодательница. 1780 г.

В Европе, зная о художественных увлечениях императрицы, немедленно нашлись комиссионеры, скупавшие целые коллекции у обнищавших аристократов. Для оплаты покупок требовалось быстро переводить в европейские банки крупные суммы. Эту задачу успешно решал придворный банкир Фредерикс. Например, в феврале 1771 г. императрица распорядилась «о заплате банкиру Фридриксу за картины 14 000 р.».[979] В 1773 г. последовало новое распоряжение «о заплате за картины 8000 р.» и «о заплате за картины барону Фридриксу 6000 р.».

Возвращаясь к иконографии Романовых, отметим, что она была очень разной: от больших парадных портретов до миниатюр, размещавшихся на так называемых портретных медальонах, усыпанных бриллиантами и носившихся на груди, наряду с самыми значимыми орденами. Когда Николай I наградил таким портретным медальоном И. Ф. Паскевича, то в сопроводительном письме с большой долей иронии писал (19 сентября 1833 г.):

«Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего, прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари. Прими сие знаком моей искренней сердечной благодарности и дружбы, которая останется во мне неизменною». На портрете работы Ф. Крюгера, написанном в 1834 г., мы можем видеть царскую «харю» на груди заслуженного генерала.

Ф. Крюгер. И. Ф. Паскевич. 1834 г.

Двойной портретный медальон с изображениями Александра II и Александра III

Заметное место в собрании «Романовской галереи» занимают картины времен царствования Николая I, выполненные шотландской художницей Кристиной Робертсон (1796–1854). Попутно отметим, что и до нее в Зимнем дворце работали скульптор Мари-Анн Колло (1748–1821) и Элизабет-Луиза Виже-Лебрён (1755–1842).

Впервые в Зимнем дворце художница К. Робертсон, специализировавшаяся на женском портрете, оказалась в 1840 г. К этому времени она имела европейскую известность и мастерскую в престижном района Лондона.

В 1839 г. К. Робертсон приехала в Петербург, и вскоре ее пригласили в Зимний дворец. Художница работала довольно быстро, и в декабре 1840 г. хозяйственники выплатили «англичанке Робертсон 2000 руб. за написанный ею портрет Государя Императора»[980]. «Большой портрет Государя Императора в казачьем мундире» предполагалось отправить «в штаб казачьего войска».

К. Робертсон. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1840 г.

Э. П. Гау. Вид Ротонды в Зимнем дворце

Тогда же, в декабре 1840 г., «за написанный ею портрет Государыни Императрицы» художнице уплатили 2285 руб. 71 коп. серебром[981]. В 1841 г. ростовой портрет императрицы художница выставила, с позволения царственных заказчиков, на выставке в Императорской Академии художеств вместе с портретами в полный рост великих княжон: Марии, Ольги и Александры, также выполненными К. Робертсон. За эти работы она получила звание почетного члена Императорской Академии художеств, став второй женщиной, удостоенной этого звания, после М. Виже-Лебрён. Это один из самых известных портретов императрицы Александры Федоровны. После окончания работы выставки его поместили в Ротонде Зимнего дворца, то есть на «жилой территории» императорской семьи. Портрет императрицы украшал Ротонду вплоть до Октября 1917 г., когда во время штурма Зимнего дворца его повредили штыками.

К середине февраля 1840 г. был готов «написанный ею портрет Ея Императорского Высочества великой княжны Александры Николаевны», обошедшийся в 1572 руб. серебром. Тогда же художница написала не дошедший до нас портрет цесаревича Александра Николаевича, получив за работу 1572 руб. сер.

К. Робертсон. Великая княжна Александра Николаевна. 1843 г.

Позже, в 1843 г., К. Робертсон написала еще один портрет великой княжны Александры Николаевны – тот самый портрет влюбленной 18-летней девушки, глядя на который, и представить нельзя, что через год она умрет от скоротечной чахотки. Ее старшая сестра, великая княгиня Ольга Николаевна, упоминает (1843 г.), что «в октябре приехала мистрис Робертсон, известная английская художница, чтобы написать с Адини большой портрет в натуральную величину. В розовом платье, с волосами, заплетенными в косы по обе стороны лица, – такой она изображена на нем».

Этот портрет до 1844 г. находился на половине императорской четы, а в августе 1844 г., после трагической смерти Александры Николаевны, его было «высочайше повелено, вынув из рамы, свернуть и хранить в кладовой Эрмитажа»[982]. Родителям было тяжело видеть портрет, на котором художница так талантливо изобразила их юную дочь. Но на рабочем столе Николая I продолжала стоять акварель «живописца Гау… копия с портрета в Бозе почивающей великой княгини Александры Николаевны», купленная императором в августе 1845 г. за

100 руб.

Граф М. Д. Бутурлин вспоминал в своих «Записках»: «Модная Британская артистка написала поочередно всю царскую семью во весь рост и получила за то около ста тысяч рублей серебром. Из императрицы Александры Федоровны, которая тогда, конечно, считала себе все 40 лет сполна, льстивая кисть Британки сделала двадцатилетнюю красавицу; но ей трудно было польстить великим княжнам: тут сама натура могла спорить с идеалом искусства. Но по коловратности всего житейского не прошло и шести лет, как все эти знаменитые произведения перешли из дворцовых зал в полутемные коридоры, и о г-же Робертсон едва ли кто ныне помнит»[983].

К. Робертсон. Портрет великой княжны Марии Николаевны.

1841 г.

К. Робертсон. Портрет великой княжны Ольги Николаевны. 1841 г.

Отметим, что граф несколько ошибался и по деньгам, и по оценке творческого наследия художницы. При жизни Александра II акварельные портреты матери и жены работы К. Робертсон всегда находились на его письменном столе в Зимнем дворце и в Царском Селе. И сегодня эти семь парадных и камерных портретов Романовых занимают почетные места в постоянных экспозициях Государственного Эрмитажа.

К лету 1841 г. К. Робертсон написала портреты великой княгини Марии Николаевны и великой княжны Ольги Николаевны. Над этими портретами художница работала в Петергофе. В августе 1841 г. их по распоряжению Николая I доставили в Зимний дворец и временно поместили в столовой «Их Величества». 16 августа 1841 г. Николай Павлович распорядился «за написанные портреты Их Императорских Высочеств, Любезнейших Дочерей Моих, Великой Княгини Марии Николаевны и Великой Княжны Ольги Николаевны… повелеваю заплатить из Кабинета Англичанке Робертсон 3285 руб. 71 $^{3}/_{4}$ коп. сер.»[984]. Отметим, что цены на свои работы, как следует из документа, К. Робертсон назначала сама[985].

К. Робертсон. Портрет великой княгини Марии Александровны. 1849 г.

К. Робертсон. Портрет великой княгини Марии Александровны. 1849 г.

В следующий раз К. Робертсон приезжает в Петербург в 1847 г. Она много работает, оставив нам галерею портретов русской аристократии. В январе 1849 г. ее вновь приглашают в Зимний дворец для написания ростовых портретов цесаревны, будущей императрицы Марии Александровны и великой княгини Александры Иосифовны. По условиям контракта, цена на эти портреты устанавливалась в 3000 руб. серебром, которые предполагалось выплатить художнице «по высочайшему их одобрению». Для работы К. Робертсон выделялась отдельная комната в Малом Эрмитаже.

Император позаботился и о таких бытовых пустяках, как питание художницы. Сначала предполагалось кормить ее обедом, но К. Робертсон попросила отпускать ей «завтрак, а не обед… прибавляя к оному один бульон». В результате Николай I повелел «отпускать в 12 часов завтрак г-же Робертсон в Эрмитаж, когда будет там писать портреты». Холодный фрыштик, то есть завтрак, для художницы обходился в 86 коп. ежедневно, со всякими добавками – в 2 руб. 30 коп. серебром.

Отметим, что придворная портретистка работала по

отработанной и привычной для Зимнего дворца схеме: несколько сеансов с царственными заказчиками «вживую», а затем доводка портрета с использованием фарфоровых манекенов (доставленных в резиденцию с Императорского фарфорового завода) в костюмах и платьях. Это была старая, как мир, методика, применявшаяся художниками с незапамятных времен. Например, при создании знаменитого портрета Екатерины II, гуляющей по аллеям Царскосельского парка, В. Л. Боровиковскому позировала М. С. Перекусихина, одетая в платье императрицы.

В апреле 1849 г., когда согласовали все организационные вопросы, Николай I несколько расширил заказ: «Государь Император изъявил Высочайшее соизволение на заказ ей, для Галереи Дома Романовых, двух копий с портретов Их Императорских Высочеств Государыни Цесаревны и великой княгини Александры Иосифовны за 1500 руб. сер. и трех копий с портретов великих княгинь Марии, Ольги и Александры Николаевен, находящихся ныне в означенной галереи таковых портретов за 1800 руб. сер.»[986].

С копиями у К. Робертсон вышло не так удачно, как с предыдущими портретами. В феврале 1850 г. К. Робертсон сообщили, что «Государь Император, не найдя в написанном ею портрете Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны никакого сходства, повелел возвратить ей оный, и что портретом Государыни Цесаревны Его Величество также не совершенно доволен и предлагает ей исправить». Видимо, художница не согласилась с такой оценкой своей работы, и в результате ей сообщили, что «Его Величеству не угодно, чтобы она написала копии с сих двух портретов».

Творческий конфликт получил развитие в августе 1851 г., когда художница закончила копии с пяти портретов для галереи Дома Романовых. Именно тогда ей сообщили, что при высочайшей «приемке» ее работ «Государь Император изволил остаться недовольным написанными г-жею Робертсон копиями с портретов» и «повелел сии копии возвратить г-же Робертсон без платы за оные». Немедленно прошло распоряжение «назначенное ей от Придворной конторы продовольствие прекратить»[987].

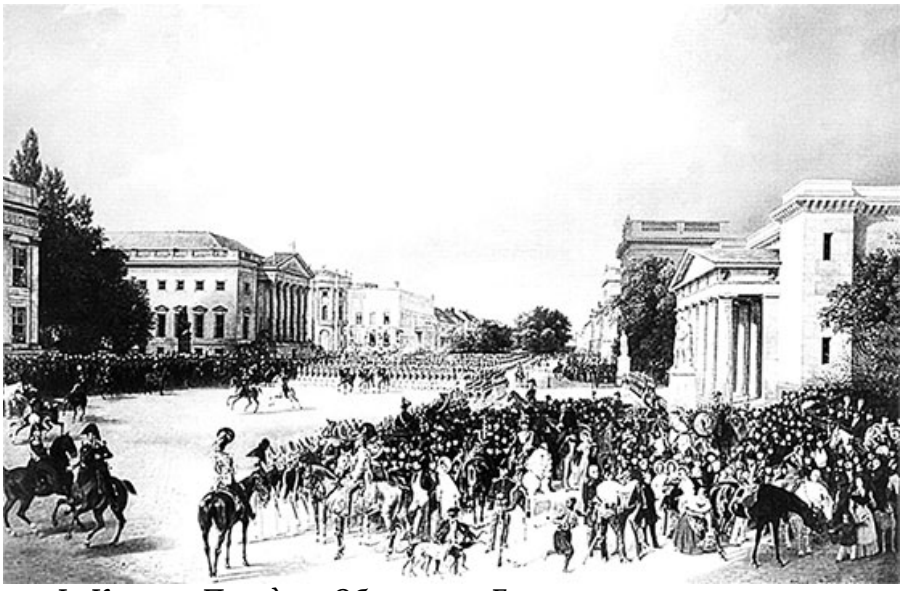
К. Робертсон. Портрет великой княгини Марии Николаевны с детьми

К. Робертсон. Портрет великой княгини Марии Николаевны

Художница сразу же обратилась к влиятельным

покровительницам. Таковой стала старшая дочь императора, великая княгиня Мария Николаевна. Еще в первый своей приезд в Россию К. Робертсон написала несколько великолепных портретов великой княгини Марии Николаевны, очень нравившихся заказчице. Среди них была не дошедшая до нас картина, изображавшая «великую княгиню Марию Николаевну, герцога и младенца в небольшом размере для Ее Величества императрицы»[988]. В другой приезд К. Робертсон написала новый семейный портрет – «Великая княгиня Мария Александровна с детьми» (1849 г.). В результате Мария Николаевна направила отцу для доклада через министра Императорского двора письмо «англичанки Робертсон», в котором та вновь просила выплатить ей 4800 руб. сер. «за написанные ею по сделанному в 1849 г. заказу для галереи дома Романовых». Однако на это обращение вновь «Высочайшего соизволения не последовало». Английская художница так и не вернулась на родину, умерев в Петербурге в 1854 г., в год вступления Англии в войну против России. Похоронена она на Волковом кладбище. Три неоплаченных портрета работы К. Робертсон в настоящее время хранятся в Петергофе.

Э. П. Гау. Большой кабинет Николая I. 1860-е гг. Справа на стене картина Ф. Крюгера „Парад на Оберплац в Берлине“



Ф. Крюгер. Парад на Оберплац в Берлине

Живопись в самых различных ее жанрах в обязательном порядке являлась частью интерьеров во всех парадных и жилых комнатах Зимнего дворца. Безусловно, при подборе картин в жилые половины дворцовые хозяйственники учитывали вкусы членов императорской семьи. Но чаще всего в «собственных комнатах» коллекция картин подбиралась самими «жильцами». Так, в угловом кабинете (Диванной, зал № 184) императрицы Елизаветы Алексеевны вплоть до ее смерти находилась картина Рафаэля «Мадонна с младенцем». А в кабинете императора Николая I доминировали картины военного характера, на которых изображались парады и смотры.

Картины покупались в качестве подарка близким, и такой подарок был желанным. Свидетельством тому эпизод, зафиксированный очевидцем пожара Зимнего дворца в декабре 1837 г. Мемуарист рассказывает: «Несколько минут спустя после падения телеграфа, я заметил Государя, осторожно пробиравшегося, с приподнятыми полами шинели, между раскиданными на снегу перед дворцом мелочами. „Не знаешь ли, – спросил он у меня, – где Императрицыны картины?“. Я указал на три разные места, где они были положены. „Пойдем же со мною, дружок, поискать любимую картинку жены (Доменикина)“. И вот в свете пожара мы отправились вдвоем приподнимать одну картину за другою: искомая нашлась во второй куче. „Прошу же тебя, – сказал Государь, – велеть отнести эту картинку в Адмиралтейство и там сдать на особое попечение Блоку“[989]. Эта высокая черта супружеской заботливости в такую

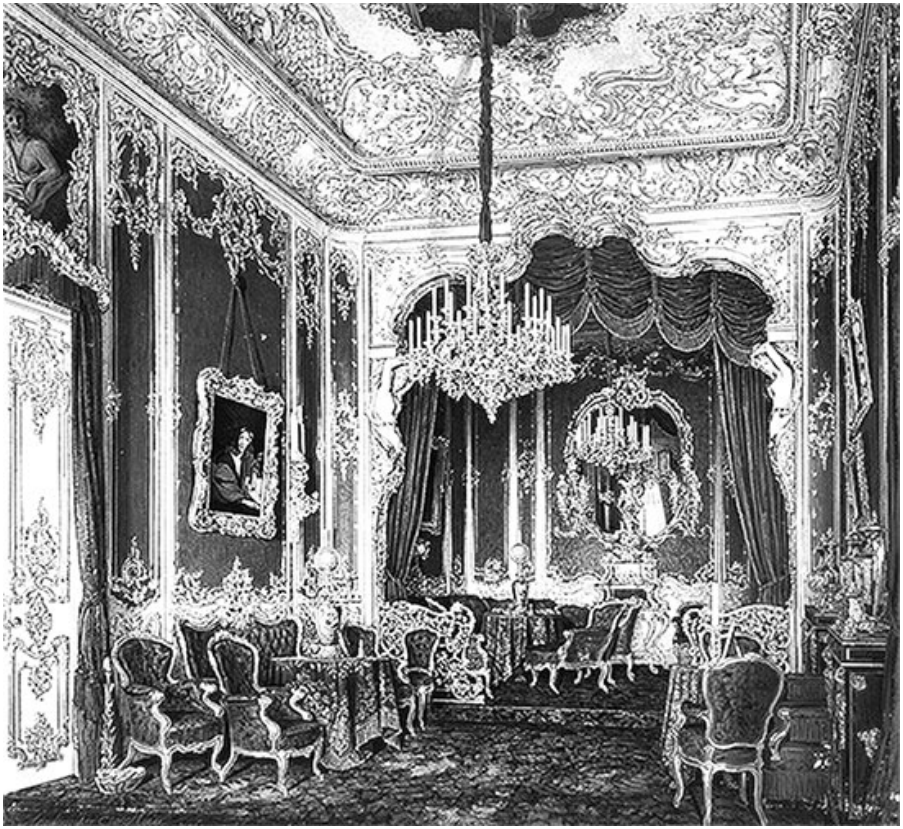
грозную минуту глубоко меня тронула. С помощью двух из моих кирасиров я сам отнес картину в Адмиралтейство и лично сдал ее на руки Блоку»[990].

Э. П. Гау. Большая гостиная Александры Федоровны. 1858 г.

История этой картины имеет некий личный подтекст. Незадолго до пожара Николай I купил у обер-егермейстера Д. А. Нарышкина картину Доменико Цампьери «Евангелист Иоанн» для Александры Федоровны за 60 000 руб. ассигнациями. Подарок произвел на нее огромное впечатление. Именно этим объясняются тревога императора и настойчивость, с которой он во время пожара разыскивал на Разводной площадке любимую картину своей супруги. После восстановления Зимнего дворца картина Цампьери украсила Малиновую гостиную императрицы, а затем Будуар императрицы Марии Александровны[991].

Хозяева Зимнего дворца внимательно следили за европейскими аукционами. Как только на рынке появлялась интересная картина, российские дипломаты немедленно информировали об этом членов императорской семьи. Например, весной 1842 г. библиотекарь Зимнего дворца Жоли получил информацию о продаже картины Рафаэля «под именем La Vierge aux Lauriers». Министр Императорского двора князь П. М. Волконский немедленно связался с Императорской

Академией художеств, затребовав квалифицированную экспертизу. В ответ он получил следующий документ: «… совершенно сходны с манером Леонарда да Винчи, заставляет меня полагать, что сия картина должна скорее быть сего последнего или его школы, чем Рафаэла, хотя голова св. Осыпа имеет отпечаток стиля Перужина, т. е. первого манера Рафаэла… Что касается до имени, писанного золотыми буквами, оне не могут служить доказательством, потому что многие подобные средства употреблялись и употребляются доныне продавцами… Не увидев ее, весьма трудно определить, до какой степени распространились повреждения, требовавшие реставрации…»[992].



Э. П. Гау. Будуар Марии Александровны. 1861 г.

Денис Раффет. Великая княгиня Мария Николаевна. 1858 г.

В 1859 г. великая княгиня Мария Николаевна, жившая тогда в Париже, сообщила министру Императорского двора В. Ф. Адлербергу о том, что «в тамошней галерее Коржа» продается «оригинальная картина Леонардо да Винчи, изображающая Герцога Сфорца в виде св. Севастиана в натуральную величину» за 27 000 руб. сер.[993] По сложившейся практике, последовали запросы в разные структуры: «По Всеподданнейшему о сем докладу Государь Император Высочайше повелеть соизволил: просить Ваше Сиятельство, не имеет ли сведений о помянутой картине и достойна ли оная приобретения для Эрмитажа за вышеозначенную цену». В ответе из Императорской Академии художеств значилось: «Мне вовсе неизвестна картинная галерея Крожа, и потому я ничего не могу определенного сказать о картине Леонардо да Винчи, изображающей… Подобной картины и в каталоге произведений Леонардо да Винчи вовсе не обозначено, а потому легко может быть, что она исполнена учеником Леонардо да Винчи, Соларио, работы коего очень часто принимаются за произведения его учителя»[994].

Начальник 2-го отделения Императорского Эрмитажа писал, что «Вазари упоминает о портретах Леонардо да Винчи, изображающих Герцога Людовика Сфорца и сыновей его герцогов Максимилиана и Франческо… в Милане находится портрет герцога Людовика иль Моро в черной одежде и красной шапке и

портрет герцога Максимилиана Сфорца, писанный в 1512 г.». Далее искусствовед просил «спросить, какой из герцогов Сфорца изображен в портрете, находящемся в Париже… доставить мне фотографическую копию, по которой я могу дать точные сведения». Когда из Парижа доставили выполненную в очень хорошем качестве фотографию картины, то специалисты Эрмитажа (Ф. Бруни и Б. Кене) констатировали: «Картина Леонардо да Винчи, изображающая портрет герцога Людовика Сфорца в виде Себастиана, фотографический снимок которой я получил… от 25 ноября мне вовсе неизвестен и в совершенных описаниях жизни и сочинений Леонардо да Винчи сей портрет не упоминается. Вследствие сего без верных доказательств, что означенная картина действительно писана Леонардо да Винчи, я полагаю, что приобретение оной для Эрмитажа не будет полезным»[995].

Иное мнение после просмотра фотографии сложилось у специалистов из Академии художеств (князь Гагарин), которые наводили справки об этой картине по своим каналам у европейских специалистов: «…обращался к известному знатоку графу Кандъяни, который меня уверил, что все портреты Сфорца имеют черты лица более резкие, без бороды и с носом острым… Не отнимая достоинства картины, можно сбавить цену 80 т. франков, назначенную за картину». Очень авторитетным выглядело мнение хранителя Лувра – Рейзе, тот считал, что «предлагаемая к покупке картина писана учеником Да Винчи, Люини… что старания его приобрести это произведение для Лувра остались безуспешными только потому, что этот музей, относительно денежных средств, самый бедный в Европе. Что касается до цены картины, то, по мнению г-на Рейзе, она стоила бы в пять или шесть раз более испрашиваемой ныне суммы, если бы она была написана да Винчи».

Результатом столь противоречивой переписки стало распоряжение Александра II о покупке картины не более чем за 15 000 руб. серебром. Во время переговоров о приобретении картины, которыми занимались со стороны России князь Гагарин и хранитель Лувра Рейзе, речь шла не о картине Леонардо да Винчи, а о картине «работы Луини». В марте 1860 г. деньги из Государственного казначейства перевели в Париж и 29 июля 1860 г. картину на пароходе «Тверь» доставили в Санкт-Петербург. 2 августа 1860 г. ящики (картина и рама к ней были упакованы в два ящика) вскрыли в Зимнем дворце «в присутствии таможенного чиновника». 28 августа 1860 г. вставленную в раму картину поместили в Белый зал и «представили» в час пополудни Александру II[996]. Картина находилась в Белом зале вплоть до

февраля 1861 г., после чего ее передали в Императорский Эрмитаж[997]. И подобные истории случались довольно часто, продолжая традиции, заложенные Екатериной II, когда российские императоры последовательно пополняли художественные коллекции Императорского Эрмитажа.

Значительные суммы тратились на пополнение коллекций императорского Эрмитажа и при последующих царствованиях. Последние крупные приобретения профинансированы при Николае II. Например, за период с 1906 по 1915 гг. на средства Министерства Двора, среди прочего, приобрели полотно Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа» за 150 000 руб. Всего же за 1906–1913 гг. для Императорского Эрмитажа приобретено художественных ценностей на 460 000 руб., а для Музея им. Александра III куплено экспонатов на 555 000 руб.

После восшествия Николая II на трон возникла настоятельная необходимость создания официальных портретов императора. Эти портреты продолжили официальную иконографию Романовых. Заметим, что Николай II, понимая политическую необходимость создания таких портретов, относился к позированию без всякой радости. 30 января 1895 г. Николай II записал в дневнике: «Было первое сидение, пока меня рисовали и лепили со всех сторон одновременно: Репин, Антокольский и Васютинский[998]. Это длилось больше часа – скука!». Подобные записи появились в дневнике и в последующие дни. 9 февраля 1895 г. у молодого императора буквально прорвалось: «Опять сидел козлом отпущения у художников». Всего им было дано 7 часовых сеансов[999].

Бернардино Луини. Св. Себастьян. Ок. 1526 г.

Отметим, что сеансы позирования проходили в Царском Селе, где тогда протекал медовый месяц императорской четы. Отсюда понятно и раздражение императора, вынужденного отрываться от своей «душки». Хотя эскизы картин писались в Царском Селе, фоном для императора старались сделать интерьеры Зимнего дворца как главной резиденции монархов.

И. Б. Репин. Портрет Николая II. 1896 г.

И. Б. Репин. Портрет Николая II. 1895 г.

И. Б. Репин. Портрет Николая II. 1896 г.

В марте 1895 г., как отмечено в дневнике Николая II, «Аликс сидела для Антокольского». В мае 1895 г. Николай II дал два часовых сеанса для датского художника Туксена: «После завтрака сидел час, пока Туксен рисовал меня для картины нашей свадьбы. В то же время Васютинский делал медальон Аликс».

Скульптор Л. А. Бернштам работает над бюстом императрицы Александры Федоровны

Э. К. Липгарт. Портрет императора Николая II в Николаевском зале Зимнего дворца. 1900 г.

В сентябре 1895 г. Николай II: «После завтрака сидел более часа, пока с меня лепил Бернштам[1000], за кот. просил Боголюбов». Скульптору было дано три сеанса, во время последнего из них император «боролся со сном, пока… с меня лепил Бернштам». Затем для Бернштама «сидела» Александра Федоровна, император «сначала присутствовал, а потом пошел погулять». Мог ли представить тогда император, что его бюст работы Л. А. Бернштама будет сегодня украшать Готическую библиотеку Зимнего дворца?

В последующие годы были написаны еще несколько портретов императора Николая II на фоне интерьеров Зимнего дворца. Пожалуй, самыми яркими из них оказались парадные портреты императора работы Э. К. Липгарта.

Однако самым значимым портретом Николая II, украшавшим Угловой кабинет императрицы Александры Федоровны с 1900 по 1917 г., стал портрет кисти В. Серова – знаменитый портрет императора Николая II в тужурке.

Поскольку история создания этого портрета многократно описана, приведем только основную канву. К 1900 г. выдающийся портретист В. Серов уже написал несколько работ, посвященных императорам Александру III и Николаю II. В 1900 г. его пригласили в Царскосельский дворец для работы над парадным портретом Николая II в форме стрелка шотландского королевского Второго драгунского полка, портрет предполагалось подарить подшефному полку. Об этих сеансах Николай II оставил записи в дневнике: «Сидел наверху у Серова», «Сидел наверху у Серова и почти заснул…». Сеансы проходили в Екатерининском дворце в Царском Селе. 21 марта 1900 г. сеансы, связанные с написанием «шотландского портрета», кончились, поскольку формат был стандартный: несколько часовых сеансов и доводка портрета в мастерской.

Э. К. Липгарт. Портрет императора Николая II. 1914 г.

В. Серов. Портрет Николая II. 1900 г.

Одновременно император попросил художника написать его камерный портрет, который он намеревался подарить императрице Александре Федоровне. Поэтому «домашний» портрет писали втайне и в совершенно ином формате – целых 16 сеансов с натуры. Что было беспрецедентно! Создавался необычный портрет – не императора, но любящего отца и мужа.

Во время работы над камерным портретом Александра Федоровна их «застукала». Художник вспоминал: «Приходила царица, поймала на месте преступления, так сказать, но объяснение было, что этот маленький портрет делается в помощь тому, – между прочим, царица по-русски заметила мне, что хорош шотландский портрет, а по-моему плох. Вчера подвинул много маленький портрет». Этот портрет В. Серов закончил в конце мая – начале июня 1900 г., работая над ним в павильоне Аничкова дворца, выходящем на Невский проспект.

Заметим, что дилетантские оценки портретов императрицей немало раздражали художника. Возможно, опасаясь правок портрета, В. Серов и сделал авторскую копию, которая сегодня выставлена в корпусе Бенуа Русского музея. Судя по всему, для подобных опасений у художника имелись все основания,

поскольку у него все-таки произошло столкновение с самой императрицей при написании очередного портрета императора.

Конфликт возник при написании В. Серовым парадного поколенного изображения Николая II, предназначавшегося в подарок 80-му Кабардинскому генерал-фельдмаршала князя Барятинского полку. Отметим, что над этим портретом художник работал в Зимнем дворце в августе 1900 г. по стандартному формату: мундир – с фотографии, фигура и голова – с натуры. Во время одного из сеансов временную мастерскую и посетила Александра Федоровна.

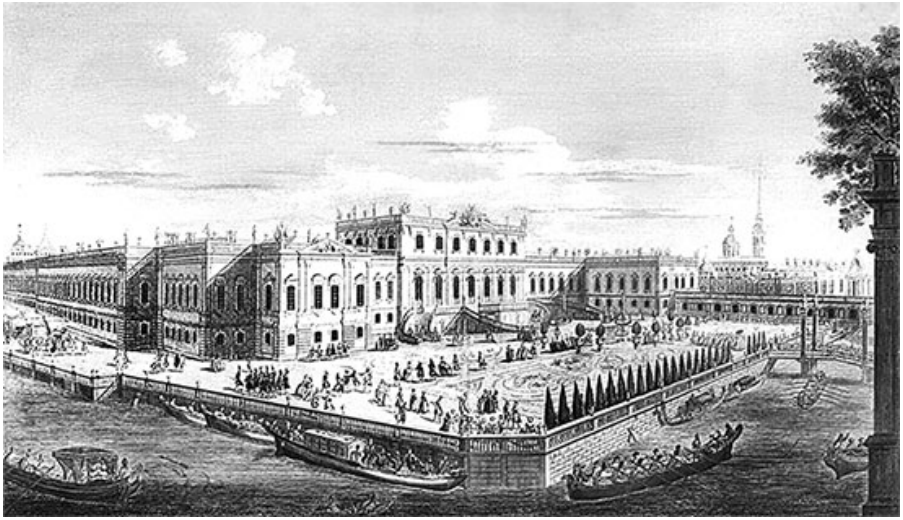
Судя по дневниковым записям директора Императорских театров В. А. Теляковского, это случилось около 20 декабря 1901 г.: «Мосолов мне рассказывал, что Серов отказался писать портрет государя императора, отказ свой он мотивировал тем, что прошлый раз, когда он писал портрет, то государыня императрица сделала ему несколько замечаний». Через несколько дней мемуарист уточнил ситуацию: «Императрица, когда показывали портреты, сделанные Серовым, просила его некоторые детали рисунка дописать. Серов согласился и когда пришел к барону[1001], то сказал – „Я уже согласился, хотя напрасно дописывать портреты, но, видя, что работа моя не нравится императрице, я отказываюсь писать следующие портреты“. Государь в разговоре с Мосоловым сказал: „Вы слышали, какой, однако, нахал Серов“». И действительно, больше портретов ни императора, ни императрицы В. Серов не писал. Что касается портрета Николая II в тужурке, то он погиб в знаменитую ночь штурма Зимнего дворца с 25 на 26 октября 1917 г.

Дворцовый криминал [1002]

Зимний дворец населяли тысячи очень разных людей. Императорская резиденция была буквально набита различными ценностями, которые десятилетиями собирали российские монархи. Конечно, все эти ценности были самым тщательным образом внесены в описные книги различных дворцовых кладовых. Сами же залы и покои, в которых хранились бесчисленные ценности, подлежали надзору дежурных дворцовых служителей и дворцовых гренадер, которые персонально отвечали за сохранность каждой вещи, чистоту и порядок в их «зоне ответственности».

Казалось бы, что при таком тотальном учете и надзоре возможность каких-либо хищений в Зимнем дворце исключалась. Однако это не так. Пресловутый «человеческий фактор» присутствовал всегда, и время от времени в Зимнем дворце совершались кражи того или иного уровня. О факте краж любого уровня немедленно докладывали министру Императорского двора, который назначал чиновников, ответственных за расследование кражи. Сор из избы старались не выносить, но довольно часто приходилось обращаться к городской полиции, и та активно использовала оперативные методы для раскрытия преступлений в императорской резиденции.

Кражи случались и ранее в императорских резиденциях. Подчас воровали прямо из рабочих кабинетов первых лиц или из их личных комнат. Например, когда в 1745 г. императрица Елизавета Петровна переехала из Зимнего дворца в свой «Летний дом» на Фонтанке и «тамо изволила со онаго времени начать жительство иметь», то 12 июня во дворце начался переполох, поскольку «в кабинете Ея Императорского Величества» случилась кража «на часах, из сундука». Поясним, что термин «на часах» означает, что сундук, наполненный не только секретными документами и «делами», но и «ящиком с казенными деньгами», охранялся гвардейским караулом. Поскольку доступ в кабинет императрицы имел ограниченный круг лиц, довольно быстро установили, что кражу из сундука совершил «стоявший на карауле часовой Лаврентий Кузнецов. Украл он 42 р., из которых издержал 8 р. 20 к.»[1003]. Когда читаешь подобные дела, возникают образы либо умалишенных, либо самоубийц.



Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны

Когда Екатерина II переехала в Зимний дворец, кражи начались и там. Судя по рассказам мемуаристов, императрица смотрела на эти кражи как на неизбежное зло, с некоторой иронией. Как свидетельствует современник, «однажды увидела она рано поутру, что старуха ловит на площади пред дворцом курицу и, бегая за нею, измучилась от неудачи. „Велите пособить той бедной, и узнайте, что это значит“, – говорила она камердинеру. Тотчас разыскали и донесли, что внук той старухи находится поваренком при дворе и что курица есть казенная кража. „Учредите же навсегда, – сказала Екатерина, – чтоб та старуха получала всякой день по курице; но только не живой, а битой. Сим мы отвратим порок молодого человека, избавим от мученья его бабушку и поможем ей в нищете“. Таким образом, старуха являлась и получала уже по праву себе битую курицу»[1004].

Были и более серьезные кражи на личной половине императрицы: «Пропала со стола любимая ея табакерка, и все подозрение клонилось на дежурного пажа. Приступили к розысканию без огласки, с осторожностию, нашли пропажу в закладе, уличили пажа, и он признался. Не гнев, не наказание тогда предстали к первой ея мысли, а сострадание о молодом преступнике. Екатерина повелела содержать то произшествие также в тайне, узнать от виновного, имеет ли он родителей, где они жительствуют, и открылось, что отец его небогатый, нечиновный дворянин, был помещиком Смоленской губернии. Она, отправляя к нему сына, уведомляет его своеручно о случившемся, с таким благоволением, как бы была сама нежнейшею матерью виновному. Милость Екатерины тяготила

душу отрока, открыла ему яснее, ужаснее порок, и он, страдая вместе с отцом, убегал присутствия других, не осушая слез. Протекло несколько месяцев в сем положении, и помещик наш решился писать к Императрице. Вы, говорил он, став ангелом-хранителем моего семейства, простив, как Бог, преступного моего сына, дали притом мне, ничтожному своему подданному, право обременять вас, повелевающую вселенной, моим злополучием. Сын мой не только что раскаялся, но, терзавшись непрестанно, сокращает свои дни и меня влечет с собою ко гробу. Сжальтесь, всемилостивейшая Государыня, воскресите погибающих. Екатерина, получа сие письмо, посылает ответ и требует к себе пажа. Он явился, отсутствие его признано отпуском, отправлял несколько времени должность и в новый год выпущен был офицером в армию. Она призывает к себе отрока, упрекает прошедшим, подает наставление, как впредь себя вести, жалует 500 рублей на дорогу и просит полковника иметь надзор за его поведением»[1005].

Подобное отношение Екатерины II к проворовавшимся подданным не было комплиментарным вымыслом мемуаристов. О подобных поступках императрицы свидетельствует ее известный указ о запрещении бить придворных служителей: «Хотя мы с начала нашего царствования уже запретили, чтоб никто при дворе нашем из ливрейных наших служителей, какого б звания ни был, никем и ничем бит не был; но ныне уведомились мы, к немалому удивлению нашему, что, не смотря на сие наше повеление, воля наша не исполняется, и паки при дворе нашем возобновилась злая привычка ливрейных служителей бить. Мы имеем в омерзении все суровости, от невежества рожденныя и выдуманныя, чрез сие накрепко запрещаем, под опасением нашего гнева, всем до кого надлежит, ливрейных наших служителей, какого б звания при дворе нашем ни находились, отнюдь никогда и ничем не бить. Есть ли же кто из них впадет в большое преступление, как то: воровство и протчее, тех, сняв ливрею, отослать к гражданскому суду; пьяниц же, нерадивых иди непослушливых стараться должно исправить: 1-е кротостию; есть ли то не помогает, 2-е держанием под арестом; 3-е наказание будет двусуточное сажание на хлеб и воду. Потеряв же надежду к исправлению такого человека, должно, сняв с него ливрею, при товарищах его и прочтя ему, за что оное чинится и почему он не достоин ее носить, отпустить его от двора или отослать в военныя команды, смотря по вине и состоянию его…»[1006].

Отметим, что текст этого указа, внесенный в Полное собрание законов Российской империи (т. XIX), доставил много проблем преемникам Екатерины II, те считали, что только

телесные наказания эффективно вбивают в головы придворных служителей определенные нормы поведения.

Пожалуй, самым жестким и последовательным в деле наведения порядка в Зимнем дворце был Николай I. Столь широко распространенное в его царствование наказание шпицрутенами применялось и к придворным служителям. Но, подчеркнем, что наказывал своих слуг император только тогда, когда выхода просто не было. Гораздо чаще он их просто пугал, как иногда в школе строгий учитель пугает учеников…

При всей внешней несгибаемой твердости Николая I, он был живым человеком, но по должности еще и прекрасным актером. Часть царского «актерского дарования» обрушивалась и на слуг Зимнего дворца. Запугав проштрафившегося слугу до полусмерти, Николай Павлович мог его простить, вырвав царской волей «из ничтожества». Так, 30 января 1827 г. Николай I распорядился «придворного истопника Александра Виноградова, назначенного к написанию в рядовые, в полки Финляндского корпуса, возвратить в истопники по прежнему, но не на половину Его Величества»[1007].

В документе не расшифровывается, за что истопника, работавшего на половине Николая I, отдали в солдаты, но, вне всякого сомнения, такое наказание имело все основания. Подобным же образом среди высочайших повелений за 1847 г. кратко упоминается, что «араба Павла Диармедова за кражу» отдали «барабанщиком в Морское ведомство»[1008].

Несмотря на многолетнее «закручивание гаек» и последовательное формирование имиджа «грозного императора», в Зимнем дворце при Николае I продолжали случаться кражи, удивительные по своему нахальству, размаху и даже какой-то удали… Например, когда в октябре 1843 г. злоумышленники обворовали Сервизную кладовую Зимнего дворца, в которой хранилась серебряная посуда.

Удивительно нахальство воров, поскольку окна Сервизной кладовой, располагавшейся на антресолях Кухонного коридора (ныне Растреллиевский коридор), выходили на Большой двор, прямо напротив гауптвахты, у которой находился постоянный пост. Добавим, что тогда Большой двор представлял собой вымощенный плац, без всяких деревьев и фонтана.

Утром 14 октября 1843 г. главный смотритель Сервизной кладовой, открыв опечатанную окованную железом дверь, у которой стоял часовой, и зайдя в кладовую, увидел, что «во втором от двери окне через двор против главной гауптвахты, выбитыми два стекла из летнего и зимнего переплетов посредством наложенной на стекло бумаги обмазанной патакою,

и по освидетельствовании не оказалось стоявших на тумбе у окна серебряных вещей, а именно: из чайного дежене[1009] 4 досок, 1 чайника, 2 сахарниц и из ординарии 3 чайников и 3 кофейников весом во всех весах до 28 фунтов 80 золотников»[1010]. То есть воры умудрились вынести из Сервизной кладовой почти 15 кг серебра.

Учитывая масштаб кражи, немедленно началось следствие. В рапорте майора от ворот на имя императора указывалось, что в ночь кражи в кладовой «в окнах внутренние железные ставни оставались незапертыми, серебряные вещи расставлены были на подоконниках у самого окна, поста для часового близ сего места не имеется, а часовой, находившийся в передней комнате, мог не слышать», поскольку преступник «продавил стекло без шуму». Окно, через которое вор проник в кладовую, находилось на антресолях, то есть выше человеческого роста, преступники использовали лестницу. И все это происходило напротив дворцовой гауптвахты.

Реакция со стороны министра Императорского двора последовала немедленно: главного смотрителя кладовой посадили под арест за нарушение должностной инструкции (освободили 27 октября), поскольку железные ставни на окнах не были закрыты на ночь. О факте кражи известили администрацию Монетного двора и хозяев всех ломбардов. Провели обыски в казармах нижних чинов инвалидных рот, расквартированных на территории резиденции. Начались допросы караула на гауптвахте. Обыскали все укромные места в подвалах Зимнего дворца, в пневматических печах, в шкафах, ларях и даже в кучах песка и мусора… Но ничего найдено не было.

В ту ночь в Зимнем дворце караул несли 110 человек нижних чинов Гвардейского экипажа, и ни один из них не видел ни лестницы, которую прислонили к стене, ни злоумышленников, выносящих серебро. В ходе допроса «стоявшие на часах на платформе гауптвахты единогласно объявили, что они никакого стука разбитого стекла от окон не слыхали, а по случаю пасмурной ночи на 14 число и шедшего тогда дождя с платформы через весь двор Зимнего дворца расстоянием до 90 шагов подходящего человека для выдавливания стекла у кладовой видеть не могли. Те же часовые, которые стояли у ворот и подъездов, показали, что в ночное время проходили в оные из дворца разные лица, но без узлов, которых не останавливают, а с узлами мимо них в ту ночь никто не проходил».

Тем не менее к середине ноября воров нашли. Ими оказались двое рядовых Третьей инвалидной роты, «состоящие при амосовских печах». Лихие ветераны сумели не только украсть, но

и вынести серебро из дворца, продав его унтер-офицеру и двум рядовым подвижной инвалидной роты № 14, состоящей при Монетном дворе.

Раскрыла преступление городская полиция, она частым гребнем прошлась по всем известным скупщикам краденого. Через них вышли на «торгового крестьянина Игнатьева», которого плотно допрашивали 9 дней. Только «доведенный до сознания», крестьянин признался, что ему предлагали купить украденное серебро, но он отказался. При этом Игнатьев указал на унтер-офицера Васильева, рядовых Павлова и Разоренного, приносивших серебро.

Аресты начались 14 ноября 1843 г. Унтер-офицер, эффективно «доведенный до откровенного сознания» чинами полиции, признался, что дворцовое серебро украли рядовые Аким Попов и Максим Васильев. Им помогали «солдаты из евреев» Алексей Хрусин и Арий Пикус. Далее серебро передали нижним чинам Монетного двора для продажи. Тогда и выяснилось, что украденное серебро воры зарыли в кучу песка на Дворцовой набережной. Через 6 дней они достали серебро и перевезли его на лодке на Петербургскую сторону, и затопили в мешке во рву крепостного Кронверка, рядом с мостом, а большие серебряные подносы подсунули под сваи моста. Затем украденное серебро распилили, переплавили и распродали по мелочи[1011].

В ходе следственных действий удалось найти и вернуть в дворцовую кладовую некоторые из вещей: два чайника, три кофейника, две сахарницы и обломок подноса, весом 14 фунтов 75 золотников серебра.

Любопытно, что в ходе следствия и допросов попутно раскрыли еще одну кражу, когда «рабочий инвалидной № 3 роты рядовой Александр Степанов… объявил, что он уже несколько раз делал похищения с половины Его Высочества Наследника Цесаревича и большей частью крал медную посуду, сбывая ее в железные лавки», а по возвращении императорской семьи из путешествия продал два ящика шампанского «на сторону»[1012].

Ровно через год, в октябре 1844 г., из комнат Зимнего дворца, в которых квартировал брат великой княгини Марии Александровны, принц Гессен Дармштадский, украли нумизматическую коллекцию, состоявшую из золотых монет[1013]. Следствие установило, что коллекция хранилась в запертом столе в особом ящике, тоже запертом на ключ. Сам ключ от ящика «находился у Его Высочества, а от стола был спрятан в той же комнате в шкафу»[1014]. 12 октября 1844 г. принц приехал в Зимний дворец и обнаружил, что «замок в столе испорчен, а ящик, в оном находящийся, отперт, и из числа монет 16 штук, по

представляемой у сего ведомости, вовсе не оказалось. Кроме сего, оказался также попорчен замок в комоде, там же находящемся, но учинено из оного какое похищение, еще не известно». Наличие монет не проверялось с мая 1844 г., а ключ «от квартиры Его Высочества во все сие время находился у ливрейных служителей половины Государя Наследника Цесаревича».

В ходе следствия допросили ливрейных служителей и установили, что летом в комнатах герцога нижними чинами мастеровой роты проводился косметический ремонт. На следствии лакей Деревягин сознался в краже «6 серебряных иностранных монет, которые он, Деревягин, хотя сознался, что похитил из стола в опочивальной комнате принца, но в похищении золотых монет сознания не учинил». Лакея арестовали, исключили из дворцового штата и направили для суда военному генерал-губернатору Петербурга.

Городская полиция по списку редких золотых монет сумела разыскать и изъять три монеты «в меняльной лавке под № 22 здешнего мещанина Волобуева», тот «около двух недель назад купил эти монеты от неизвестного ему человека». Этим все и закончилось.

Очень редко под подозрение попадала ближняя прислуга императорской семьи. Например, в 1851 г. очень жестко обошлись с камер-медхен великой княгини Марии Александровны Опочининой, ее не только уволили со службы «по повелению Их Императорских Высочеств», но и заточили в монастырь. 4 июня 1851 г. состоялось высочайшее повеление: «Камер-медхен Агриппину Опочинину сослать на покаяние в один из женских монастырей, по назначению святейшего Синода, на всю жизнь ея»[1015]. В результате камер-медхен поместили в Спасо-Бородинский женский монастырь Московской епархии. Однако это не устроило Николая I, и 15 июня 1851 г. по высочайшему повелению камер-медхен поместили «в другой монастырь, который по-далее и построже…». Еще раз упомянем – это было пожизненное… В итоге камер-медхен оказалась в Пустынном Белбажском Троицком женском монастыре в Костромской епархии[1016]. Причиной столь жесткого решения стало хищение «из ожерелья Государыни Цесаревны 8 жемчужин»[1017].

Видимо, к этой краже каким-то образом оказался причастным гоф-медик Зимнего дворца, поскольку тогда же «Цесаревич приказал без всяких церемоний уволить доктора Виткова от звания придворного доктора (дежурного гоф-медика)»[1018]. По распоряжению Николая I лекаря Виткова выслали «из Петербурга, для определения куда-либо в уезд Оренбургской губернии для

производства там вольной практики». Однако за лекаря вступилась его жена – Мария Виткова. В прошении она пишет, что осталась без средств с малолетним сыном и новорожденной дочерью, добавляя, что «муж мой бывший… не способен ни к какому безнравственному поступку». Николай Павлович был отходчив, и не успел лекарь Витков доехать до Оренбурга, как последовало новое распоряжение императора: «возвратить его в Петербург, но не к Высочайшему двору, но для производства вольной практики», поскольку «по произведенному исследованию о пропаже из ожерелья государыни цесаревны 8 жемчужин не оказалось, чтобы Витков принимал участие в похищении оных»[1019]. В 1854 г. Николай I разрешил лекарю Виткову вернуться на государственную службу.

Кражи случались не только в Зимнем дворце, но и в Императорском Эрмитаже. Количество краж мало зависело от того, общедоступен был музей или он функционировал в режиме «только для избранных». По большей части воровали «по мелочам», хотя в отношении Императорского Эрмитажа говорить о «мелочах» как-то неудобно.

Кражи в Зимнем дворце чаще всего раскрывались, а вещи возвращались в резиденцию. Но следует сказать и о высочайших решениях, наносивших серьезный урон художественным коллекциям Императорского Эрмитажа. Причем речь не идет о личных или дипломатических подарках, когда по высочайшей воле вещи или картины просто вычеркивались из каталога Императорского Эрмитажа, а о жестких решениях российских монархов. Конечно, с нашей, современной точки зрения.

Например, после подавления Польского восстания 1831 г. в Императорский Эрмитаж в 1834 г. привезли из Варшавы «транспорт картин» и прочих вещей в 37 ящиках. По распоряжению Николая I 65 картин, среди которых преимущественно были портреты польских государственных деятелей, сожгли во дворике у Малого Эрмитажа. Тот же самый Николай I распорядился переплавить подносные «именные» серебряные сервизы времен Екатерины II, оставив лишь несколько вещей в качестве эталонных экземпляров.

В начале 1850-х гг. Николай I принимал активное участие в работе комиссии во главе с академиком живописи Ф. Бруни, «отбраковавшей» «малоценные картины» из коллекции Императорского Эрмитажа. Несмотря на свою занятость, Николай I «ежедневно приходил в Эрмитаж и от 1 до 2 дня вместе с Бруни и другими лазал в подвалы, вытаскивал оттуда картины, разбирал, рассматривал, определял и развешивал их» и, «если раз он определял, что картина такой-то школы, его уже мудрено было

переубедить»[1020].

Все осмотренные авторитетной комиссией картины разделили на три категории. К первой категории отнесли 1600 картин, отобранных для Императорского Эрмитажа. Во вторую категорию вошли картины «второстепенные», предназначенные для украшения многочисленных императорских резиденций. В третью категории попали полотна, предназначенные для продажи, таких оказалось 1219. Их продали в начале правления Александра II за 16 447 руб., то есть в среднем по 14 руб. за картину. В числе прочего продали на аукционе за 30 руб. две створки триптиха Луки Лейденского. Буквально через полтора десятка лет, при том же Александре II, эти створки купили для Эрмитажа за 8000 руб.[1021]

Подобную методику разделения коронных бриллиантов на три категории использовали большевики на рубеже 1920-1930-х гг. при подготовке распродаж ювелирных раритетов Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца.

Произведения искусства похищали и с жилых половин Зимнего дворца, несмотря на то что за каждой комнатой был закреплен лакей, несший суточное дежурство, персонально отвечая за любую мелочь, находящуюся в этой комнате. Но жизнь есть жизнь, да и человеческий фактор никто не отменял. Бывало и так, что «глаз замыливался» на привычном интерьере и пропажу вещи обнаруживали спустя довольно много времени.

Например, одна из таких историй произошла в феврале 1872 г., когда обер-гофмаршал донес министру Императорского двора, что во дворце похищены: «1. В комнатах бывшей половины великого князя Павла Александровича в Зимнем дворце картина, изображающая девочку и мальчика, подающих со стены сада кисть винограда проходящей мимо девушке, работы Мейера, из Бремена, писанная на холсте в 1853 г. и 2. В Романовской галерее, копия с поясного портрета покойной великой княгини Елены Павловны в бархатном платье с короткими рукавами и с орденской лентою Св. Екатерины, на голове небольшая диадема – писанная академиком Тютрюмовым на холсте в 1860 г.»[1022].

Министр Двора одобрил решение обер-гофмаршала обратиться к обер-полицмейстеру для начала профессионального расследования, но одновременно распорядился провести и внутреннее расследование силами чиновников Придворной конторы. Министр требовал провести следствие «строжайшим образом».

В результате месячного следствия установили, что портрет великой княгини Елены Павловны украл «истопник Клавдиан Гаврилов, дежуривший в этой галерее и сознавшийся, что он

вынул портрет из рамы и передал его бывшему в то же время дежурным в Помпейской галерее лакею Александру Евстафьеву, обещавшему ему за это 2 рубля, а сей последний в том, что взял от Гаврилова портрет, отделив от пялки, и затем, унеся его из дворца, неизвестно кому продал».

Спустя ровно год полиция все же нашла украденный портрет. Полиция «оперативными средствами» установила, что «какая-то иностранка… приобрела женский портрет замечательной работы». Выйдя на след, выяснили, что «иностранкой» была рижская гражданка Анжелика Дагау, у нее и нашли «портрет Елены Павловны, висящий в гостиной». Как оказалось, она приобрела портрет от прусского подданного, дядя которого служил «кофишенком при Высочайшем дворе», и торговец краденым был лично «знаком со всею придворною прислугою». Когда прусского подданного вычислили, то оказалось, что он уже сидит в Харьковской каторжной тюрьме за кражу креста в Троицком подворье[1023].

В этом деле примечателен не только странный поступок дежурного истопника, заработавшего два рубля на самоубийственной краже, но и то, что торговцы краденым пытались протоптать дорожку в комнаты Зимнего дворца, буквально набитые ценностями.

Что касается пропавшей картины Иоганна Георга Мейера (1813–1866), то ее так и не нашли. Видимо, это была спонтанная кража: «Комната эта смежна с двумя коридорами: одним, ведущим к лестнице Государыни Императрицы и к комнатам фрейлины графини Толстой, и другим – на выход в большой коридор дворца и к собственному Ея Величества подъезду. Под похищенной картиной стоят детские сани с тройкой лошадей, став на которые, похитителю очень легко было вынуть картину, видеть же ее весьма удобно было из первого коридора».

Как наказали виновников? Истопника и лакея, укравших портрет великой княгини Елены Павловны, уволили от службы «с исключением из придворнослужительского сословия, для избрания другого рода жизни». Лакея, отвечавшего за сохранность вещей на половине великого князя Павла Александровича, за халатность разжаловали в работники.

Любопытно и то, что, пока искали две украденные картины, в 1872 г. из Эрмитажа похитили «небольшую картину голландской школы, работы фон-Гейль». Видимо, в качестве «утешения» добавлялось, что картина «не имеет особой цены». Ее тоже не нашли[1024].

В Зимнем дворце случались криминальные истории и во Фрейлинском коридоре, приводившие к аресту фрейлин. Такой

конфуз случился с фрейлиной Елизаветой Николаевной Петрищевой.

Эта история началась в январе 1868 г., когда министр Императорского двора граф В. Ф. Адлерберг получил от управляющего III Отделением графа П. А. Шувалова конфиденциальное письмо, в котором сообщалось: «Проживающий в Петербурге надворный советник Иосиф Кузинский… в прошении жалуется на фрейлину Двора Его Императорского Величества Елизавету Петрищеву, которая, дав просителю обещание содействовать в предоставлении ему должности управляющего собственным подмосковным имением Государя Императора – селом Ильинским и взяв у него за это 28 июля истекшего года 2700 руб. под расписку, с обязательством уплатить эти деньги по востребовании, – никакого содействия… не оказала, а между тем уклоняется от возврата занятых ею денег…». Это удивительно напоминает сегодняшние криминальные схемы!

Далее в письме указывалось, что, по сведениям III Отделения, «в Петербурге образовалось общество, занимающееся тем, что лица оного, обещая свое содействие желающим получить какое-либо место по придворному ведомству, берут с них за это деньги… не исполняя такого обещания», и сердцем этого общества является фрейлина Петрищева, живущая в Таврическом дворце. Большинство из давших фрейлине деньги не решаются взыскивать их с Петрищевой, так как «она живет во дворце и состоит фрейлиною Ее Величества»[1025].

Здесь необходимы пояснения. Судя по всему, фрейлина Петрищева была «осколком» царствования николаевской эпохи. Таких старушек тактично переселяли из квартир Фрейлинского коридора Зимнего дворца на покой в Таврический дворец. Видимо, старушка, нуждавшаяся в деньгах, пустилась во все тяжкие, представляясь крайне влиятельной особой.

Дело доложили Александру II, и он предписал графу П. А. Шувалову провести все необходимые следственные действия. В результате выяснилось, что Петрищева получает содержание 818 руб. 13 коп. сер. в год, из которых вычитается за взятые ранее ссуды[1026] по 327 руб. 12 коп. в год. Также у Петрищевой имелись долги от частных лиц на 4840 руб. Решив поправить свое материальное положение, она стала распускать слухи о своем влиянии при Дворе. Еще в 1876 г. состоялось решение «о личном задержании сроком на шесть месяцев фрейлины Двора Ея Императорского Величества Елизаветы Петрищевой за долг ея в сумме 1041 руб.»[1027]. В августе 1878 г. Петрищеву вновь подвергли личному задержанию за неуплату

частного долга.

В ходе следственных действий возникли подозрения о психической адекватности мошенницы. 64-летнюю фрейлину обследовали в Придворной медицинской части. В результате врачи констатировали, что Петрищева «в продолжение многих лет страдает расстройством нервной системы, от которой была пользована лейб-хирургом Гиршем».

Видимо, именно это дело подтолкнуло к принятию закона, по которому «личное задержание как способ взыскания с неисправных должников отменяется по всей Империи, за исключением губерний Прибалтийских и царства Польского». В конечном итоге, Петрищеву от задержания освободили и дело посчитали законченным[1028].

Легенды и мифы зимнего

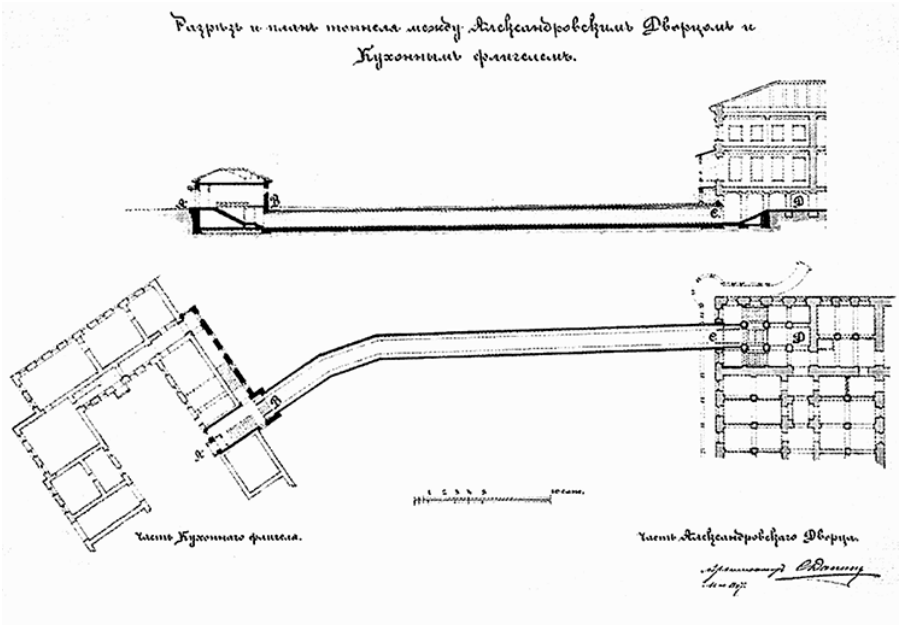
Любой старый дом со временем обрастает легендами и мифами. Зимний дворец был просто обречен на такие мифы. Мифы возникали очень разные. Большая их часть связана с бытованием дворца в качестве главной императорской резиденции, меньшая – с политическими событиями, происходившими в его стенах.

Самая известная легенда связана с историями о подземных ходах, связывавших Зимний дворец с дворцами, расположенными не только вдоль Дворцовой набережной, но и с другими резиденциями. Для возникновения такой легенды имелись все основания. Во-первых, подземный или иной скрытно расположенный ход – это стандарт любой резиденции первого лица с незапамятных времен. Во-вторых, подземные ходы соединяли Гатчинский дворец с Серебряным озером или здание Кухни и Александровский дворец в Царском Селе.

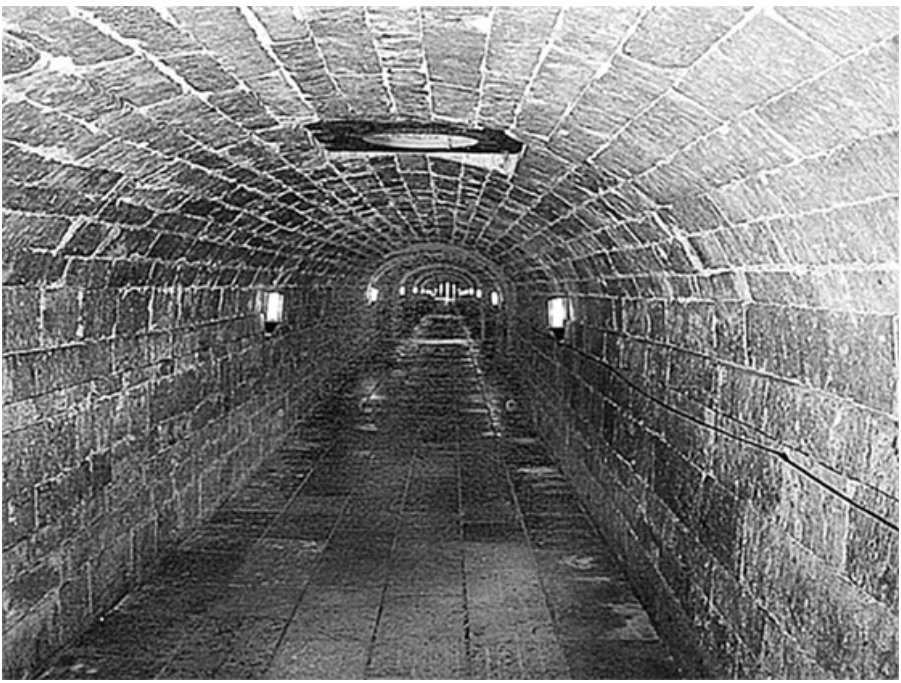
В Петербурге всегда ходило много слухов о подземных ходах. Например, многие утверждали, что своими глазами видели рельсы, проложенные в подземном ходе, соединявшим Зимний и Мариинский дворцы. Много говорили о подземном ходе, якобы проложенном вдоль Дворцовой набережной, от Зимнего до Мраморного дворца. Были слухи о подземном ходе, якобы прорытом по распоряжению Николая II под Невой от Зимнего дворца до особняка Матильды Кшесинской на Петроградской стороне. Аргументы о том, что в начале XX в. прорыть подземный ход под Невой было технически невозможно, как и невозможно утаить работы такого масштаба от императрицы Александры Федоровны, во внимание категорически не принимаются.

Еще одна из устойчивых, «стандартных» легенд Зимнего дворца повествует о привидениях, гуляющих по его залам. Иногда по залам «прогуливаются» лица из ближайшего окружения монархов. Иногда – сами монархи. По одной из легенд, буквально за несколько дней до своей смерти Екатерина II увидела собственный призрак. Ночью фрейлины, дежурившие у дверей спальни императрицы заметили, как она со свечой в руках направляется в тронный зал. Вслед за тем они услышали звонок из спальни, которым вызывалась дежурная прислуга. Фрейлины отворили дверь в спальню и увидели императрицу, лежавшую в постели. Оказалось, что она слышала чьи-то шаги, мешающие ей спать. Узнав от фрейлин, что она только что прошла в тронный зал, Екатерина II оделась и отправилась туда, вслед за своим фантомом. Войдя в тронный зал, Екатерина II якобы увидела саму

себя, молча сидящую на троне. От этого зрелища она упала в обморок.



Подземный ход от Александровского дворца к Кухонному флигелю



Подземный ход от Гатчинского дворца к Серебряному озеру

В XIX в. в залах Зимнего дворца чаще всего «встречали» призраки Николая I и Александра II. В Советский период «завсегдатаем» Зимнего дворца стал Николай II, его не единожды видели сотрудники музея на «служебной» территории бывшей императорской резиденции. Особенно убедительно слухи воспринимались после несанкционированного срабатывания высокотехнологичной сигнализации.

Как каждый старый дом, Зимний дворец накапливал некий дворцовый фольклор, постепенно он превращался в устойчивые дворцовые легенды, передававшиеся из поколения в поколение. Эти легенды и слухи, как правило, по причине их скандальности оседали в дневниках или изредка оставляли свой след в мемуарах. Некие отголоски этой ныне прочно утраченной устной «дворцовой» традиции дошли до нас в намеках, обмолвках, в публикациях сначала «революционной», а затем и «желтой прессы», падкой на такую «информацию».

Одной из таких сплетен-слухов является устойчивая легенда о том, что младшие сыновья Павла I рождены от гоф-фурьера Зимнего дворца Даниила Григорьевича Бабкина, который был моложе императрицы Марии Федоровны на 12 лет. Уж очень многим бросалась в глаза разница во внешнем облике Николая I и его отца. Греческий профиль рослого Николая Павловича никоим образом не совмещался с маленьким, курносым Павлом I.

Отметим и то, что подобные мезальянсы случались в жизненной практике европейских дворов. Например, аналогичные легенды имелись в истории Букингемского дворца времен вдовствующей королевы Виктории (1819–1901). Все с пониманием относились к ситуации, когда молодые женщины оказывались вдовами, запертыми в стенах дворцов. Если все обставлялось прилично, то на подобные альковные истории просто закрывали глаза.

Возвращаясь к императрице Марии Федоровне (супруге Павла I), вспомним о том, что Павел I по совету врачей прекратил с ней супружеские отношения в 1788 г., с чем 29-летняя молодая женщина была категорически не согласна. В результате у императрицы, что называется, могли иметься «связи».

С. С. Щукин. Парадный портрет императора Павла I. 1798 г.

Виже-Лебрён. Парадный портрет императрицы Марии Федоровны. 1799 г.

Можно полагать, что гвардейские стати российских императоров «обеспечила» кровь Марии Федоровны, женщины с античным профилем, внушительных пропорций и довольно высокого роста. Можно утверждать, что Мария Федоровна, закованная в броню дворцового церемониала, не могла опуститься до дворцового камер-фурьера.

Однако известно письмо Павла I к Ф. В. Растопчину от 15 апреля 1800 г.: «Дражайший Федор Васильевич… Вам, как одному из немногих, с горечью признаюсь, что холодное, официальное отношение ко мне цесаревича Александра меня угнетает. Не

внушили ли ему пошлую басню о происхождении его отца мои многочисленные враги. Тем более это грустно, что Александр, Константин и Александра – мои кровные дети. Прочие же?.. Бог весть!.. Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь от нее детей. В горячности моей я начертал манифест: „О признании сына моего Николая незаконным“, но Безбородко умолил меня не оглашать его. Но все же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг, к „дядям“[1029] с глаз моих: гоф-фурьерский ублюдок не должен быть в роли российского великого князя – завидная судьба!.. Дражайший граф, письмо это должно остаться между нами. Натура требует исповеди, и от этого становится легче жить и царствовать. Пребываю к Вам благосклонный Павел»[1030].

Если же отвлечься от дворцовых легенд, то гоф-фурьер Д. Г. Бабкин (17 декабря 1771 – 19 декабря 1858) – это реальный персонаж, всю жизнь проживший в Зимнем дворце. К 1828 г. он прослужил в Зимнем дворце 38 лет. Службу при Императорском дворе Бабкин начал конюхом. Затем, 24 июля 1790 г., перешел в истопники. 8 июня 1793 г. Бабкина сделали лакеем «по соизволению покойного императора Александра Павловича»[1031]. 31 мая 1799 г. Бабкина повысили до тафельдекеря; 3 марта 1800 г. он стал гоф-фурьером. 6 декабря 1815 г. «по высочайшему повелению за усердную службу» Бабкина произвели в IX класс «с оставлением при прежней должности».

Следует иметь в виду и то, что карьерный взлет Бабкина начался на половине великого князя Александра Павловича и дошел до пика именно в период его царствования. Трудно предположить, что гипотетическую связь Марии Федоровны могли пропустить ее недоброжелатели и не доложить о ней Павлу I. А с учетом холерического темперамента Павла I при малейшем подозрении Марии Федоровне, а уж тем более Бабкину, мало бы не показалось…

Карьера Бабкина оказалась стремительной. За 10 лет он прошел путь от дворцового конюха до гоф-фурьера, а конкуренция среди слуг в Зимнем дворце была очень плотной. Но заметим, что для Зимнего дворца подобная феерическая карьера не являлась чем-то из ряда вон. Как известно, мальчишка-турок, попавший в плен к русским, со временем превратился сначала в брадобрея и камердинера наследника престола великого князя Павла Петровича, а затем в графа Ивана Павловича Кутайсова (1759–1834).

Даниил Бабкин сопровождал Александра I во всех его многочисленных поездках по Европе во время наполеоновских войн. Поэтому 2 ноября 1816 г. «по Именному указу за отличную

службу во время трех походов за границею» его произвели в камер-фурьеры VI класса. Получал Бабкин и подарки. Александр I поощрил своего камер-фурьера (28 января 1825 г.) 300 руб., выданными из Кабинета. Николай I «за понесенные им труды во время печального шествия из Таганрога с телом в Бозе… всемилостивейше» 2 мая 1826 г. пожаловал Бабкину бриллиантовый перстень.

Судя по всему, Бабкин действительно был незаурядной личностью. У него имелась семья, и всех своих трех сыновей он воспитал и дал образование на «царские деньги», получая по 1000 руб. на каждого ежегодно, «до окончания наук». Обучение старшего сына Бабкина оплатил Александр I, а на двух младших[1032] деньги дал (12 апреля 1828 г.) Николай I.

Видимо, сам Николай Павлович был прекрасно осведомлен о циркулировавших по дворцу слухах. Свидетельством тому служит эпизод конца 1830-х гг., связанный с намечавшейся женитьбой будущего Александра II на гессен-дармштадтской принцессе Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии. Тогда о молодой принцессе говорили, что она является внебрачной дочерью Вильгельмины Баденской, великой герцогини Гессенской, и ее камергера барона фон Сенарклен де Гранси. Когда князь А. Ф. Орлов доложил об этом Николаю I, император обронил: «А мыто с тобой кто? Пусть кто-нибудь в Европе попробует сказать, что у Наследника Русского престола невеста незаконнорожденная!»[1033]. Это царское «А мы-то с тобой кто?» – очень характерно в контексте рассматриваемой легенды[1034].

Глава Временного правительства А. Ф. Керенский

Бегство А. Ф. Керенского из Зимнего дворца

Если обратиться к «политическим легендам» Зимнего дворца, то самый заметный след среди них оставили события ночи «штурма Зимнего» (с 25 на 26 октября 1917 г.). Мифотворчество об этом дне шло как со стороны «красных», так и «белых». Спектр легенд довольно широк, поэтому остановимся только на некоторых из них. Например, о бегстве в ночь штурма из Зимнего дворца главы Временного правительства А. Ф. Керенского в костюме сестры милосердия. В учебнике по «Истории СССР» для 10-го класса имелась репродукция картины Кукрыниксов, на которой Керенский натягивает на себя платье с красным крестом сестры милосердия. Но сегодня хорошо известно, что А. Ф. Керенский покинул Зимний дворец за сутки до его штурма в открытом автомобиле, одолженном в американском посольстве.

Женский ударный батальон на защите Зимнего дворца

Женский ударный батальон М. Бочкаревой (на заднем плане)

Этот миф, столь удачно запущенный в общественное сознание монархистами и подхваченный большевиками, буквально «жег» эмигранта Керенского. Встретившись с видным советским журналистом в 1966 г. А. Ф. Керенский прежде всего заявил: «…Ну скажите там, в Москве, – есть же у вас умные люди! Ну не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!

– Александр Федорович, но это же не большевики придумали, – ответил я. – Об этом впервые написал младший

брат начальника юнкерской школы, которая должна была оборонять Зимний…

– Да они ж меня все ненавидели и ненавидят! – взорвался Керенский. – Они ж монархисты… Вы знаете, как они меня называли? „Александра Федоровна“! Они намекали на то, что я якобы спал на кровати императрицы Александры Федоровны. А я, клянусь Богом, там не спал!». В последней фразе – еще один отголосок одной из легенд Зимнего дворца.

Из «белых» легенд известны истории о том, что в ночь штурма Зимнего дворца императорскую резиденцию полностью разбила артиллерия большевиков. Много говорили о том, что большевики разграбили Зимний дворец и Императорский Эрмитаж. Не обошли слухами и «бочкаревских дур» – «Женский ударный батальон смерти». Якобы весь личный состав батальона изнасиловали революционные матросы. Это не так, поскольку еще до начала «штурма», около 22 часов, ударницы выслали парламентеров с просьбой выпустить их из дворца. Комиссар ВРК В. Антонов-Овсеенко потребовал их полного разоружения, так как они уже приняли участие в боевых действиях. После этого вереница ударниц, сдав оружие, потянулась из Комендантского подъезда в сторону Миллионной улицы. Сначала их временно разместили в казармах Павловского резервного полка, затем перевели на Петроградскую сторону в казармы Гренадерского полка. Как писал В. Маяковский:

Первыми,
боязнью одолен,
снялся
бабий батальон.

Тогда, конечно, не обошлось без эксцессов, поскольку ударниц подвергали всяческим оскорблениям. Но вскоре Петроградский совет принял решение о возвращении арестованных ударниц на место их дислокации в Левашово. В середине ноября 1917 г. Женский батальон расформировали.

Кстати, командира Женского батальона поручика М. Л. Бочкаревой в Зимнем дворце на момент штурма не было. Поэтому в качестве примера отчаянного исторического мифотворчества приведем отрывок из мемуаров одного из «защитников» Зимнего дворца, в котором описывается «геройская смерть» Марии Бочкаревой, командовавшей «батальоном смерти»: «Наше положение становилось критическим: водопровод был кем-то и где-то закрыт, электричество выключено[1035], и, по сообщению „разведчиков“, красногвардейцы, матросы и солдаты

Преображенского запасного батальона пробрались в чердачное помещение дворца. Вскоре мы ясно расслышали, что над нашей штабной комнатой сверху разбирается потолок. Я приказал во всех проходах и лестницах устроить баррикады из имеющейся в покоях мебели.

М. Л. Бочкарева

В начале 4-го часа[1036] за баррикадами появились большевики. Начался форменный комнатный бой, длившийся более часу, пока окончательно не стемнело. Нападавшие, которые оказались пьяной толпой, покинули дворец, и мы несколько вздохнули. Где-то нашелся ящик со свечами, и я стал обходить наши баррикады. Что представилось нашим глазам при тусклом свете мерцающих свечей, трудно описать. Пьяная ватага, почуяв женщин за баррикадами, старалась вытащить их на свою сторону. Юнкера их защищали. Груды убитых большевиков удвоили высоту и ширину баррикад, получился словно бруствер из трупов[1037]. Тем не менее большинство ударниц все же попали в

лапы разъярившихся бандитов. Всего, что они с ними сотворили, я описать не могу – бумага не выдержит. Большинство были раздеты, изнасилованы и при посредстве воткнутых в них штыков посажены вертикально на баррикады. Обходя весь наш внутренний фронт, мы наткнулись в коридоре, у входа в Георгиевский зал, на жуткую кучу: при свете огарков мы увидали человеческую ногу, привязанную к стеклянному канделябру, груда внутренностей, вывалившихся из живота, из-под которого вытягивалась другая нога, прижатая мертвым телом солдата; по другую сторону вытянулся красногвардеец, держа в зубах мертвой хваткой левую руку жертвы, а в руках оборванную юбку. Голову жертвы покрывала нога матроса, который лежал поверх. Чтобы разглядеть лицо женщины, нам пришлось оттянуть труп матроса, но это было нелегко, так как она в борьбе зубами вцепилась в ногу матроса, а правой рукой вогнала кинжал ему в сердце. Все четверо уже окоченели. Оттащив матроса, мы узнали командиршу ударниц»[1038]. Заметим мимоходом, что якобы столь эффектно погибшая «командирша ударниц», героически «вцепившаяся в ногу матроса» и «вогнавшая кинжал ему в сердце», – это Мария Леонтьевна Бочкарева, расстрелянная в Красноярске чекистами в мае 1920 г.

Так создавались легенды, многие из них живут и по сей день…

Туристы в Зимнем

Поскольку Зимний дворец с марта 1881 г. перестал являться местом проживания императорской семьи, то с 1884 г., с разрешения министра Императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова и обер-гофмаршала Высочайшего двора Е. Нарышкина, к осмотру личных комнат покойных императора Александра II и императрицы Марии Александровны начали допускать иностранных и отечественных «туристов»[1039]. Особенно много туристов приезжало из Англии и США[1040].

В экскурсиях по дворцу «туристов» в обязательном порядке сопровождали сотрудники дворцовой охраны. Судя по документам, особых проблем с посещением резиденции для туристов не возникало. Как правило, письменное обращение о возможности посещения мемориальных комнат рассматривалось в течение недели. Единственное ограничение – «В случае пребывания Высочайших особ во дворце в указанные дни осмотр должен быть отложен». Собственно, и сегодня допуск туристов в Большой Кремлевский дворец и Грановитую палату происходит только в том случае, когда на их территории не проводится какое-либо мероприятие.

Когда в 1895 г. в Зимнем дворце поселилась семья Николая II, поток «экскурсантов» несколько обмелел, но не прервался. После отъезда императорской семьи на жительство в Александровский дворец Царского Села в 1904 г. экскурсионный поток вновь усилился. О его интенсивности говорят данные за юбилейный для Романовых 1913 г.

В октябре 1913 г. мемориальные комнаты в Зимнем дворце осмотрели ученики (23 чел.) и преподаватели (3 чел.) Перновской гимназии Рижского учебного округа; 15 чел. учащихся Колпинского реального училища; 30 чел. воспитанников приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского[1041].

Дворцовая площадь в день объявления войны 20 июля 1914 г.

Карета императорской фамилии у подъезда Зимнего дворца. 1914 г.

Мемориальный кабинет Александра II в Зимнем дворце

В ноябре 1913 г. – 40 чел. учащихся Пензенского реального училища; 18 чел. учениц французского языка Ведомства учреждений имп. Марии Федоровны; 30 чел. учащихся Пражской (Варшава) мужской гимназии[1042].

В декабре 1913 г. – 12 чел. учащихся Кунгурского реального училища (Оренбургский учебный округ, Пермская губерния); ученицы женской гимназии А. Гессау (Рижский учебный округ) [1043].

Как видим, тогда, как и ныне, в Петербург ехали туристы и школьные экскурсии из разных уголков России. И главной достопримечательностью столицы в то время и сегодня остается – Зимний дворец.

В начале XX в. посетителям, по особому разрешению, позволяли фотографировать отдельные экспонаты, хранившиеся в Зимнем дворце. Так, в январе 1908 г. начальник Санкт-Петербургского Дворцового управления сообщил «о разрешении великобританскому подданному произвести фотографические снимки с серебряного трона, находящегося в Георгиевском зале Зимнего дворца»[1044]. В марте 1908 г. разрешили лейтенанту флота П. Белавенец «фотографировать марины», хранившиеся в резиденции. По официальному разрешению снимал интерьеры Зимнего дворца фотограф музея Александра III К. К. Кубиш. В мае 1908 г. разрешили «владельцу художественно-кузнечного завода в Санкт-Петебурге, рижскому гражданину Ф. А. Энгельсону… воспроизвести фотографические снимки с ворот и ограды Императорского Зимнего дворца»[1045].

Мохнатая и пернатая живность в Зимнем [1046]

Разного зверья и птиц в Зимнем дворце всегда хватало, поскольку монархи, как и обычные люди, тоже нуждались в бескорыстной любви, которую столь щедро дарят «братья наши меньшие». Для российских монархов очень актуально звучали строки Г. Гейне: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки». Или кошки. Или попугаи…

Звери и птицы в Зимнем дворце, как и люди, жестко делились на «собственных», то есть имевших право находиться на половине монархов, и всех остальных. Главное место среди зверей Зимнего дворца, конечно, занимали кошки и собаки. С них и начнем…

Конечно, кошки всегда «гуляли сами по себе», но в Зимнем дворце их жизнь довольно строго регламентировали. Регламентирована она и сегодня, когда «эрмитажных кошек» включили в череду ежегодных мероприятий Государственного Эрмитажа. Так, с 1998 г. в Государственном Эрмитаже проводится «День эрмитажного кота», устраивается «День мартовского кота», имеется «Фонд друзей котов Эрмитажа», периодически проводятся акции «Кошек Эрмитажа – в добрые руки», а начиналось все очень давно…

Собаки и кошки, снегири и попугаи обитали в Зимнем дворце со времен его основания. Конечно, животные «принадлежали» прежде всего детям. Но и взрослые не забывали свои детские привязанности. В Зимнем дворце всегда хватало своих «птичников», «собачников» и «кошатников».

«Собственные» кошки со времен Петра I, когда он привез себе кошку из Голландии, жили в деревянных Зимних дворцах. «Служебные» коты появились в деревянном Зимнем дворце во времена императрицы Елизаветы Петровны. В нескольких указах Елизаветы Петровны предписывалось привезти в Петербург кошек и котов для того, чтобы они регулярно «зачищали» подвалы деревянного Зимнего дворца. В 1745 г. первыми в дворцовых подвалах дебютировали казанские коты. Позже поголовье котов и кошек регулярно пополняли.

До нас дошли тексты трех изустных «кошачьих» указов Елизаветы Петровны. Сам факт существования таких документов весьма характерен, поскольку в тексте этих указов слышится голос самой императрицы.

Эрмитажные коты

Кошка на фресках лоджии Рафаэля

12 марта 1750 г.: «…в Новом Зимнем дворце в камер-юнгферских и прочих покоях отобрать до тридцати кошек, а ежели набрать будет невозможно, то хотя купить, которыя, посадя в коробы, отвезть в новой же Летний дворец и, покормя неделю или более времени, для переводу мышей впускать в покой Ея Императорского Величества и для того от Придворной конторы приставить особливых людей, по лучшему усмотрению»;

27 октября 1853 г.: «Ея Императорское Величество именным своего Императорского Величества указом изволила указать для посажения в новосделанные при Головинском Ея Императорского Величества доме зимние покои набрать Дворцовой канцелярии кошек до трех сот и, посадя оных в новосделанные покои, в немедленном времени прикармливать и как прикормлены будут, то в те покои распустить, чтоб оныя по прокормлении разбежаться не могли, которых набрать и покупкою исправить от той канцелярии, и то число кошек содержать всегда при дворе Ея Императорского Величества непременно, которым для прикормки и содержания сделать от Гоф-интендантской конторы поблизости Головинского дворца особливый покой»;

Фрески лоджий Рафаэля

16 октября 1754 г.: «…для находящихся в апартаментах Ея императорского величества котов – говядину и баранину не отпускать, а отпускать дичь. Того ради Придворная контора во исполнение оного Ея императорского Величества именного указа приказали: обретающихся на кормовом погребу офицерам дать ордер и велеть для помянутых котов до ныне отпускаемую говядину и баранину в отпуск не производить, а вместо оного отпускать в каждый день рябчиков и тетеревей по одному».

Таким образом, к апрелю 1762 г., когда в «каменный Зимний дворец» переехал Петр III, традиция уже сложилась и коты из деревянного Зимнего дворца, что был на Мойке, переехали в подвалы и комнаты нового каменного Зимнего дворца.

Немаловажным было и то, что Екатерина II кошек жаловала так же, как и собак. Это домашнее зверье сопровождало императрицу в ее сезонных переездах по пригородным резиденциям. Графиня В. Н. Головина упоминает, что у Екатерины II имелась редкая «американская кошка», которую «все окружающие боялись».

Об одной «кошачьей истории» она подробно рассказывает: «Представьте себе, какую вчера совершили несправедливость, – сказала она (Екатерина II. – *И. З.)*… когда сидели в колоннаде, бедная кошка вскочила на плечо великой княгини Елисаветы[1047] и хотела к ней приласкаться; та оттолкнула ее веером. Это движение вызвало у окружающих неосмотрительное рвение, и бедное животное было с позором изгнано. С тех пор я ее не видела.

Памятник казанскому коту

Едва ее величество сказала эти слова, кошка появилась возле нас на спинке скамьи. К несчастью, на мне была надета шляпа, похожая на ту, что великая княгиня носила накануне. Кошка приняла меня за нее. Обнюхав мое лицо и заметив неудовольствие, она вонзила когти в мою верхнюю губу и укусила меня за щеку. Императрица вскрикнула, называя меня по-русски самыми нежными именами. Ее ужас увеличился при виде крови, текущей из моей губы. Я умоляла ее не беспокоиться, схватила

одной рукой морду моего врага, а другою взяла его за хвост и быстро передала камер-пажу, призванному императрицей мне на помощь. Она была очень довольна моим бесстрашием, наговорила множество добрых слов, вытерла мне кровь своим платком и повторяла, что любит меня именно за отсутствие истерики и жеманства. Бедную кошку посадили в железную клетку и отправили в город, в Эрмитаж. Больше я ее не видела»[1048].

Судя по всему, эта редкая «американская кошка» с непростым характером относилась к разряду «комнатных» и «квартировали» она и ей подобные в Малом Эрмитаже. Но значительно больше в Зимнем дворце имелось «надворных» кошек и котов, они «работали», очищая служебные помещения Зимнего дворца от мышей.

У Екатерины II были не только кошки, но и собаки. Один из современников вспоминал: «Все животныя вообще ее любили. Чужия собаки, никогда прежде ее не видавшия, тотчас к ней бросались, ласкались, прыгали и часто, оставляя хозяев, повсюду за нею следовали. Были примеры, что некоторыя из них отыскивали, при обширном дворце, верные ходы и, миновав большой ряд комнат, прибегали улечься у ея ног»[1049].

Как и очень многие, Екатерина II очеловечивала своих любимцев. В ее опочивальне в Зимнем дворце стояла маленькая кровать для ее любимых собачек со «стеганными из атласа тюфячками, одеялом и с подобранными кистями»[1050]. Судя по всему, эта кровать предназначалась для семейства английских левреток, пару которых подарил императрице английский врач Томас Димсдейл, прививший оспу великому князю Павлу Петровичу в 1768 г. Кобель этого семейства был назван императрицей «сэром Томасом». Щенки этой пары левреток широко разошлись по аристократическому Петербургу, положив начало устойчивой моде на эту породу.

Императрица не жалела денег для своих любимцев, заказывая ремесленникам дорогие аксессуары. В декабре 1765 г. она уплатила мастеру Бальтазару Гасу «за ошейник золотой 270 р.». В записке уточняется, что ошейник «на зеленом бархате с разными фигурами за золото и за фасон 270 р.»[1051].

Имелись у Екатерины II и собаки других пород, об их именах можно узнать из шуточных эпитафий, сочиненных самой императрицей:

* * *

Здесь покоится прах пруссака Линдора,
Который был очень красивой собакой;
Заброшенный своим жребием,
В довольно плохом виде, из Берлина,
Он постепенно здесь разжирел
И потом обратился в тлен.
Не станем распространяться о свойствах его:
Он легко прыгал и кушал много.

* * *

Здесь покоится прах Мими, терзателъницы манжеток,
Всю свою жизнь она была не более как чумичкою.

* * *

Здесь покоится красавица лэди Азор,
Остроносая, с золотистою шерстью.
Ум, веселость и подвижность
Успокоились здесь в тишине.

Упоминает о собаках на половине Екатерины II и учитель Павла I С. А. Порошин (15 декабря 1764 г.): «После учения изволил в желтой комнате кругом попрыгивать. Бегали за ним собачки и ужасной лай и шум подняли…».

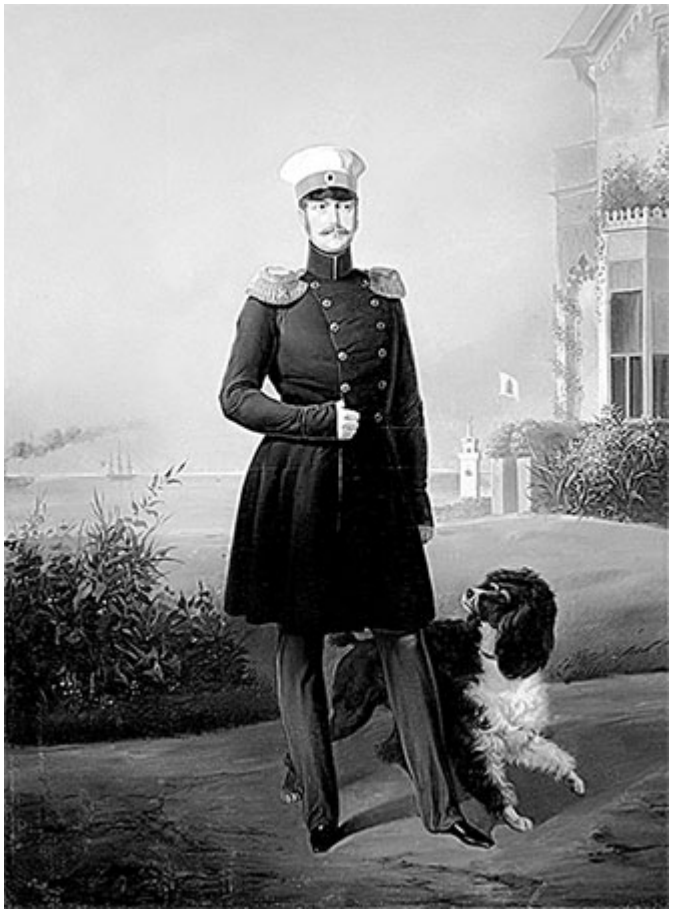
Собственные собаки, жившие в Зимнем дворце, как правило, связаны с увлечением охотой их царственных хозяев, но так было далеко не всегда. Например, Александр I охоту не любил, но собаки у него имелись. В 1817 г., «следуя Высочайшей Его Императорского Величества препорученности», российский чрезвычайный посланник в Османской империи прислал в Петербург «трех борзых собак, одну суку и двух кобелей лучшей породы». Все путешествие из Стамбула в Петербург заняло 50 дней и обошлось казне в 1270 руб.[1052]

По свидетельству других мемуаристов, к собакам Александр I относился довольно лояльно. Например, в одном из номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» имеется объявление, в котором упоминается, что у Александра Павловича, при посещении дома камер-фрау Прасковьи Ивановны Геслер[1053]:

«Прошедшего октября 24 дня пропал из дому его высочества Александра Павловича черной мопс кобель… Нашедшего просят доставить оного в означенной дом, состоящий на Литейной улице под № 44».

Николай I, в отличие от старшего брата, охотился довольно часто. Но фанатом охоты, как его сын, внук и правнук, не был. Хотя собак любил и всегда держал их в своих комнатах в Зимнем дворце.

Одну из первых собак Николая I звали Гарсоном. Она прожила в Аничковом дворце 9 лет и умерла в 1823 г., когда Николай I был еще великим князем. Поскольку он тогда с семьей жил в Аничковом дворце, пса и захоронили в саду, близ дворца. На могиле пса установили скромный мраморный памятник с эпитафией, выложенной литыми медными буквами, из которой мы можем узнать основные вехи «биографии» приблудной собаки: «Здесь лежит верный Гарсон. Пристал к Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу в Голландии в городе Утрехт 1814 года. Ездил с Николаем Павловичем и Михаилом Павловичем в 1815 г. в Париж. В 1817 г. с Николаем Павловичем по России и в 1820 году с Николаем Павловичем в Берлин. В 1821 году с Михаилом Павловичем в Богемию и Штутгарт. В 1822 году был с Николаем Павловичем и Михаилом Павловичем в Вильне и Варшаве. Кончил жизнь 16 июля 1823 года от воспаления в животе и чахотки»[1054].



Е. Ботман. Портрет императора Николая!. 1849 г. (с Гусаром)

После Гарсона у императора было много других собак, он давал им «военные» клички, называя псов то Драгуном, то Гусаром. За собаками ухаживали, их мыли и стригли, объявляли наградные за их возвращение, когда псы сбегали из дворца в поисках подружек.

Свидетельством любви императора к своим собакам стал портрет Николая I, написанный Е. Ботманом, на котором он изображен около любимой загородной резиденции Коттедж в парке Александрия вместе со своей собакой. Пожалуй, только на портрете Екатерины II кисти В. Л. Боровиковского левретка Земира играет такую же «ключевую» роль.

Александр II страстно любил охоту, и рядом с ним всегда были собаки. Со временем рядом с Зубовским флигелем Большого Екатерининского дворца в Царском Селе возникло «кладбище домашних животных», где под настоящими могильными плитами лежали собаки императора.

Н. Е. Сверчков. Портрет Александра II

Император Александр II

Фрейлина М. П. Фредерикс мимолетно упоминает об этих увлечениях императора Александра II: «После одной из своих охот Государь прислал мне громадного медведя в виде ковра под ноги, убитого собственноручно»[1055]. И таких ковров в Зимнем дворце в виде медвежьих шкур было множество. Имелась своя собачка и у самой баронессы. Это был грифон по кличке «Пичун», вывезенный из Ниццы. Эта крошечная собачка имела право разгуливать по всему дворцу: «Он был известен всему дворцу, когда ему вздумается, он отправлялся к первому завтраку императрицы, садился перед ея открытыми дверями в сад и ожидал свою порцию вкусных печений, получаемых из рук Ея Величества, и потом очень важно возвращался домой»[1056].

Случались с грифончиком и обычные собачьи стычки. Необычным было то, что собак растаскивали лично Александр II и баронесса Фредерикс: «Однажды гуляем мы поутру с Марфой Сабининой и Пичуном – это было в Царском Селе – встречается с нами государь со своей стаей больших собак, которые неизвестно

почему вдруг взъелись на моего маленького Пичуна и стали его рвать; государь сам бегом бросился с палкой отбивать Пичуна и принес мне его на руках сильно помятого. Прислал охотника Сухопарова лечить собаку. Пришел посмотреть сам на нее, собачка его облаяла»[1057]. Видимо, у маленькой собачки и характер был соответствующий…

Увлечения императоров охотно разделяли их подданные. И если с кошками больших неприятностей, кроме запаха в служебных подъездах Зимнего дворца, не было, то с собаками проблемы имелись. До поры до времени на содержание собак в служебных квартирах хозяйственники Зимнего дворца закрывали глаза. В результате к концу правления Александра II накопилась некая «критическая масса» собак, которые жили в служебных помещениях Зимнего дворца, и хозяйственники периодически «взрывались» грозными циркулярами.

Весной 1880 г. обер-гофмаршал Грот направил министру Императорского двора А. В. Адлербергу рапорт, в котором сообщал: «По собранным сведениям оказалось, что у проживающих в зданиях Придворной Его Величества Конторы лиц имеется большое количество собак и кошек, которые, будучи содержимы… без должного присмотра, причиняют соседям беспокойство, производят по дворам, лестницам и коридорам зданий нечистоту и неопрятность… заражая воздух миазмами…»[1058]. Далее, с учетом возможности заболевания собак бешенством и имевшимися фактами «укушения бешеными собаками, как и был случай в 1879 г.», а также возможностью «появления эпидемических болезней», предлагалось запретить служащим Министерства Двора «держать в занимаемых ими казенных квартирах» собак и кошек, вплоть до «лишения казенных помещений».

Министр «дал добро» на карательные санкции, и распоряжение начали реализовывать. Однако любовь к своим питомцам у людей иррациональна. Эта любовь заставляла их идти даже наперекор распоряжениям непосредственного начальства. В результате «кастелянша Прачечной должности Коржукова, несмотря на данную подписку полицмейстеру означенного дома, не удалила из своей квартиры… двух больших собак», поэтому предлагалось «Коржукову за явное ослушание распоряжения начальства лишить казенной квартиры…»[1059]. Однако у А. В. Адлерберга «не поднялась рука» наказать «собачницу», и он написал на рапорте обер-гофмарашала: «Оставить без последствий».

На зиму царская семья возвращалась в Зимний дворец, с 1896 г. он вновь стал жилой императорской резиденцией. Собаки

по традиции сопровождали во всех переездах своих хозяев. Но в Зимнем дворце возможности для выгула собак были очень ограниченны. Основную массу собак, видимо, держали в подвале. Только после создания у жилого, северо-западного ризалита Зимнего дворца «Собственного садика», обнесенного гранитной двухметровой стеной с решеткой, Николай II начал сам ежедневно выгуливать своих собак. 11 ноября 1896 г. он записал: «Гуляли вдвоем со всеми собаками». «Вдвоем» – это с женой, императрицей Александрой Федоровной.

Любопытно, что даже эти прогулки царя с собаками становились темой для слухов и «глобальных» выводов. Одна из мемуаристок в феврале 1898 г. упомянула в дневнике: «Романченко говорил, что проходивший возле сада Зимнего дворца мальчик рассказал ему, что, посмотрев в щелку забора, он увидел в саду царя с двумя собаками; царь бросал палку, которую собаки ловили, при этом царь тоже бегал с собаками. По всему видно, что царь еще молод, что подобные развлечения ему интереснее, чем все доклады министров, которые ему приходится выслушивать»[1060].

Кроме «обычных» зверей, в Зимнем дворце периодически квартировали и довольно странные для императорской резиденции животные. Например, коровы и ослы… Но странными они были только на первый взгляд…

Самую известную «коровью» легенду, связанную с Зимним дворцом, поведал в своих мемуарах А. Бенуа. По одной из «городских легенд», после взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г. в ходе его глобальной «чистки» на чердаке дворца обнаружили корову. Изумленным жандармам пояснили, что это «дворцовая корова», «снабжающая» молоком придворнослужительских детей. Корову с чердака немедленно убрали.

Однако в Зимнем дворце действительно содержались коровы. В октябре 1829 г. министр Императорского двора кн. П. М. Волконский в записке к генерал-лейтенанту Захаржевскому потребовал прислать в Зимний дворец «дойную корову для Государыни Императрицы». Понятно, что свежее молоко требовалось не только для императрицы, но и для ее маленьких детей, поэтому министр требовал «хорошую, здоровую дойную корову с коровницею и потребною посудою». В результате корова оказалась столь «важной персоной», что ее «принимал и устраивал на дежурной конюшне в Зимнем дворце»[1061] шталмейстер князь Долгоруков.

В мае 1847 г. Николай I осматривал купленного быка «у подъезда Его Величества» в Зимнем дворце[1062]. Скорее всего,

этого быка привезли на корабле из Европы, и император пожелал взглянуть на него до отправки животного на одну из пригородных дворцовых ферм.

Кроме коров, в хозяйственных помещениях Зимнего дворца держали и ослиц. Молоко ослиц считалось очень действенным средством для борьбы с чахоткой. Чахоткой (от слова «чахнуть») тогда называли туберкулез легких. Этой болезнью страдали не только простолюдины, но и аристократы. Умирали от чахотки и члены императорской семьи. Например, в 1844 г. от чахотки умерла младшая дочь Николая I – великая княгиня Александра Николаевна, а в 1880 г. – императрица Мария Александровна.

В качестве лекарственного препарата для борьбы с чахоткой издревле использовалось ослиное молоко. Еще Авиценна в знаменитом «Каноне врачебной науки» упоминал, что «молоко ослицы и козы хорошо [помогает] от кашля, чахотки и кровохарканья». Поэтому средняя дочь Николая I великая княгиня Ольга Николаевна совершенно не случайно упоминает, что в 1840 г. «в Эмсе Мама пила воду, а я – ослиное молоко»[1063].

Но в Петербурге дойную ослицу раздобыть было очень сложно. Однако в дворцовом хозяйстве, как «в Греции», имелось «всё». Например, в 1831 г. в Зимний дворец по распоряжению министра Императорского двора князя П. М. Волконского доставили двух дойных ослиц. Прислали их в императорскую резиденцию с Гатчинского скотного двора для лечения жен служащего Петербургского почтамта статского советника Цирлейна и ротмистра Кавалергардского полка Толстого[1064]. Очень характерный факт заботы Николая I о здоровье не только близких ему людей, но и о близких не самых значительных чиновников и офицеров.

Подчас ослы становились героями дворцовых анекдотов. Однажды в Эрмитажном театре решили поставить пьесу Августа Коцебу (1761–1819) «Рогус Пумперникель», и возник вопрос о том, как доставить во дворец осла для этой постановки. Решение сразу же подсказал гофмаршал Нарышкин: «Э, пустое дело! Самым натуральным путем – на Комендантское крыльцо».

Имелись в Зимнем дворце и козы. В марте 1881 г. Александр III, еще до отъезда в Гатчину на постоянное жительство, распорядился устроить в зимнем саду Малого Эрмитажа «место с балюстрадами из точеных баляс для двух коз американских»[1065].

Давней традицией царского двора было содержание экзотических животных, привезенных «из дальних стран». В императорских резиденциях многое должно было удивлять и поражать, а подчас и ставить в неловкое положение «разовых

гостей».

О давности этой традиции свидетельствует указ Елизаветы Петровны о высылке ко двору мартышки: «…здесь уведомленось чрез одного шкипера голландскаго, Клас Кемптес именуемаго, что есть в Амстердаме у некоего купца в доме (котораго имяни не знаем) мартышка, сиречь обезьяна, цветом зеленая, и толь малая, что совсем входитъ в индейский орех; и тако желательно есть, чтоб оную для куриозности ее бы ко Двору Нашему достать; тако имеете вы, по получении сего беззамедления в Амстердам к Секретарю Ольдекопу отписать, и ему коммисию поручить сию мартышку, осведомлясь там у кого находится, и с тем орехом индейским, в котором (sic) она входит, купить и сюда отправить каким образом удобнее будет, чтоб она сбережена и в целости сюда привезена была…»[1066].

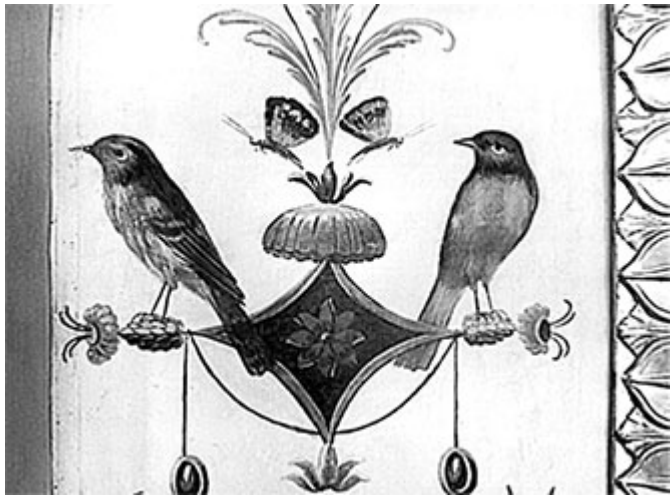
В тексте указа императрица предстает как очень любопытная женщина, которой кто-то рассказал о виденной диковине, и она пожелала получить эту диковину немедленно. В результате по повелению императрицы мартышку купили, и специальный курьер сержант Валуев доставил ее из Голландии в Петербург.

С 1840 г. в фонтанах зимних садов Зимнего дворца (на половине императрицы Александры Федоровны и над Посольским подъездом) плавали «золотые» рыбки. Кормили их пшеничным хлебом с царского стола. Содержать их было сложно, рыбки периодически гибли, поэтому их популяцию по возможности пополняли. Обходилось это недешево. В августе 1843 г. майор от ворот Баранович сообщал в рапорте министру Императорского двора князю П. М. Волконскому: «В настоящее время имеется для двух садиков Зимнего дворца 42 рыбки», поэтому число рыбок, «почитаемое недостаточным для непременной в следствии в них убыли», предлагалось увеличить на два десятка. Для чего предлагалось купить рыбок у «француза Меро» с парохода, «ожидаемого на днях». Десяток «золотых рыбок» продавался по 14 руб. 28 коп. сер.[1067]

Э. П. Гау. Зимний сад Малого Эрмитажа. 1865 г.

Первые «домашние» птицы появились в Зимнем дворце буквально с момента начала его «жизни». Постоянным местом их обитания стала оранжерея Малого Эрмитажа, где их держали в клетках. Позже, по распоряжению Екатерины II, над висячим садом Малого Эрмитажа натянули железную сетку и птицам позволили свободно летать. Тогда же в штате дворцовых служителей появились специалисты-птичники.

При жизни Екатерины II в висячем саду и оранжерее Малого Эрмитажа, кроме самых обычных соловьев, снегирей, пеночек держали и экзотических птиц[1068]. В 1786 г. Екатерина II приказала устроить клетку «в садике подле оранжереи» так, чтобы птицы свободно могли перелетать из клетки в оранжерею и обратно.



Фрески лоджий Рафаэля в Зимнем дворце

Современники упомянули и об этом увлечении императрицы Екатерины II: «Американские вороны, попугаи, параклитки сердились на всех подходящих и даже бросались для укушения хожатых за ними; одна Екатерина была ими любима: они издалека узнавали ея голос, распускали пред нею крылья, преклоняли для чесанья головы и кротость пред кротостью изъявляли. Обезьяны ползали по ея шее, лизали, огрызаясь на всех других. Одна злобная из таковых бросилась с плеча Екатерины на Великую Княжну и больно оцарапала. Голуби после сильного в Петербурге пожара тысячами слетелись прямо к ея окнам и нашли при великолепных чертогах спокойное, верное себе пристанище. Им определена была пшеница; колокольчик созывал их к корму, и она, питая их, утешалась»[1069].

Когда императрица уезжала из Петербурга, в письмах она интересовалась и состоянием «своих птиц». Во время путешествия в Крым в 1787 г. Екатерина II писала: «Опасаюсь, не перемерли ли от стужи в Эрмитаже мои заморские птицы, прикажите, пожалуй, наведываться»; «За добрые вести из Эрмитажа благодарствую; как потеплее будет, попросите Александра Павловича, чтобы когда-нибудь зашел посмотреть, все ли там так, как при мне»; «Пожалуй, прикажите спросить в Эрмитаже, перед оранжерею поставлена ли для птиц оранжерейных большая клетка или проволошная сетка; боюсь как Сава умер, чтобы не запоздали ее поставить, а есть ли ее не поставить вовремя, то редкие птицы, кои зимою в оранжерее, свалятся, не имея весеннего и летнего воздуха. Апрель 1787 г.»[1070]. В этих записках отчетливо видна искренняя забота «о тех, кого мы приручили». Кроме этого, упоминается и некий Савва, видимо, отвечавший за содержание

птиц в императорской резиденции.

В птичню Малого Эрмитажа часто водили маленького наследника – великого князя Павла Петровича, он, как и всякий ребенок, с удовольствием смотрел на «птичек». Его воспитатель писал: «Пошли мы к птичне и фонтан[1071] пустили. Как птички еще не осмотрелись и прижавшись все вверху сидели, а вода скакала, то Его Высочество, попрыгиваючи, изволил сказать: „Что же вы теперь, чижики, не купаетесь?“. Спустя несколько времени зачали птички попархивать и купаться. Великий князь забавлялся тем, что изволил говорить, что в республике их снегири представляют стариков, овсянки старух, чижики буянов, щеголята петиметров, а зяблики кокеток». В другом месте воспитатель упоминает: «Пришло тут нам известие, что снегирек в птичне расшибся. Его Высочество ходил смотреть и весьма сожалел. Подъехал на ту пору г. Фуадье, и Государь весьма прилежно просил его, что ежели можно снегиречку подать помощь».

Наряду с птицами, содержащимися в клетках Малого Эрмитажа, в Зимнем дворце держали и «домашних» птиц. В том смысле, что они жили в клетках прямо в комнатах Зимнего дворца. Эти птицы были обязательной частью «детства» подрастающих великих князей. Например, в апреле 1801 г. кофишенку Малого Эрмитажа Матвею Добрынину выдали целых 50 руб. за «поднесение им снегиря» пятилетнему великому князю Николаю Павловичу, будущему Николаю I. Несколько позже «за снегиря ученого» уплатили 25 руб. комнатному лакею. В июле 1801 г. Шарлотта Карловна Ливен за 100 руб. купила попугая для пятилетнего Николая. В декабре 1801 г. для этого попугая приобрели клетку[1072]. В 1803 г. у английского купца для будущего Николая I купили за 100 руб. еще одного попугая[1073]. Можно с уверенностью утверждать, что появление рядом с будущим императором двух попугаев и двух снегирей было частью педагогического процесса.

Привычка держать домашних птиц у Николая I сохранилась и во взрослые годы. Об этом известно из платежей по императорской «Гардеробной сумме». При Дворе сохранялась должность «птичника», которому в марте 1833 г. из гардеробной суммы императора выплатили 15 руб. «на корм для попугая за три месяца». С 1834 г. деньги на корм попугаям стали выплачиваться камердинерам царя, братьям Сафоновым. Последний раз за корм попугаев из царских гардеробных сумм выплатили в 1838 г.

Буквально перед самым пожаром Зимнего дворца (декабрь 1837 г.) «коллекция» попугаев Малого Эрмитажа пополнилась новыми редкими экземплярами. В мае 1837 г. «по Высочайшему

соизволению Государя Императора, объявленному изустно г. обер-гофмаршалу Нарышкину, куплено вследствие приказания Его на бирже 9 разных птиц, означенных в регистре, за которые заплачено с клетками 1180 руб. Из них один серый попугай отправлен к Гофмейстрине Их Императорских Высочеств великих княжон Ю. Ф. Барановой… для великой княжны Марии Николаевны»[1074].

Как следует из текста документа, редких попугаев министр народного просвещения С. С. Уваров желал передать ботаникам в Императорскую Академию наук, но Николай I распорядился отправить птиц в птичню Малого Эрмитажа. Но при этом оговаривалось: «Поелику Государю Императору угодно, чтобы птицы сии содержались в Эрмитаже, а в Академию посылаемы были, когда околеют… для сделания чучел… и постановления в Кунсткамеру»[1075].

В реестре купленных птиц их видовая принадлежность, как и положено, указывалась на латыни, например: «Cacatois f huppe roude», его купили за 250 руб. Во время пожара обитатели птични Малого Эрмитажа выжили, и позже их «эвакуировали» в Ботанический сад.

Когда в начале 1840-х гг. в Зимнем дворце появились два зимних сада, императрица Александра Федоровна попыталась «заселить» их своими диковинными птицами, которых она ранее вынужденно держала в Ботаническом саду. В октябре 1843 г. императрица распорядилась забрать «американских птиц» из Ботанического сада и «поместить в Большом саду Зимнего дворца, и поручить надзору находящегося при саде птичника»[1076]. К 1841 г. для «проживания» птиц в зимнем саду над Посольским подъездом и в висячем саду Малого Эрмитажа имелось «птичных клеток больших 5 и малых 40». Клетки были стационарными, с медными и бронзовыми каркасами[1077].

М. И. Антонов. Зимний сад Зимнего дворца

Под «Большим садом» подразумевался новый зимний сад над Посольским подъездом. Упомянутый «птичник» квартировал в подвале Зимнего дворца, и в его обязанности входило не только следить за «домашними» птицами, но и выхаживать их в случае болезни.

Профессионалы Ботанического сада озаботились составлением подробной инструкции, из которой можно узнать, какие «американские птицы» принадлежали императрице. Впрочем, даже ученым были известны названия только некоторых из этих птиц. Например, они указывали: «Колибри нужно кормить апельсинами, бананами, самыми сочными и сладкими грушами и давать ежедневно три или четыре живые мухи. Фрукты ему давать разрезаны пополам, но нельзя его оставить хоть один час без нового корма, когда он окончит прежний. Он употребляет ежедневно две груши средней величины и один с половиною апельсин. Температура менее 14 градусов ему вредна»[1078]. Судя по тексту, это был один «мальчик» колибри.

В документе упоминается еще о трех птицах, содержавшихся в одной клетке: большая птица называлась «папа», и привезли ее из Мексики. Далее: «Средняя, совсем зеленая, привезена из Флориды, и название ее неизвестно. Меньшая, с желтым на голове, привезена с острова Кубы, название ее неизвестно». Еще в Зимний дворец доставили «Перепелов хохлатых мексиканских».

За птицами в Ботанический сад отрядили специального

офицера, он в теплой карете доставил нежных птиц в Зимний дворец. Но «американских птиц» птичий смотритель Александр Шамов так и не выпустил «на волю», под стеклянный купол огромного зимнего сада. Он писал в рапорте: «…поставить птиц в сад не осмеливаюсь», и причина тому «переменный и сырой воздух», который птицы «не могут переносить» и «замирают во время топки печей»[1079].

По сложившейся традиции, птицы спокойно прожили в зимних садах и птичне Малого Эрмитажа вплоть до 1881 г. К этому времени «поголовье» птиц значительно сократилось, да и особей экзотических видов практически не осталось.

После гибели 1 марта 1881 г. Александра II предполагалось, что Александр III с семьей переедет из Аничкова дворца в Зимний. Этим планам не суждено было осуществиться, поскольку 27 марта 1881 г. молодой император уехал на жительство в Гатчинский дворец. Но еще до этого Александр III нашел время, чтобы распорядиться – в висячем саду Малого Эрмитажа устроить «ящик со столбом и нашесточками из магони для двух ворон»[1080].

Когда в 1881–1882 гг. по распоряжению Александра III в Зимнем дворце проводилась всесторонняя ревизия, среди различных должностей слуг была указана и традиционная со времен Екатерины II «штатная единица» – «птичная должность», предполагавшая «хранение и кормление разных пород птиц, которые содержатся в клетках». Тогда эту должность занимал камер-лакей Ферапонтьев, получавший 440 руб. в год. К этому времени предметом его забот оставались всего 19 канареек, один щегол и два чижа, содержавшиеся в большой бронзовой клетке «о 9 отделениях в Садике в Новом павильоне». Видимо, о птицах к этому времени так забыли, что новый министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков с недоумением пометил карандашом на полях документа: «Какие птицы?»[1081].

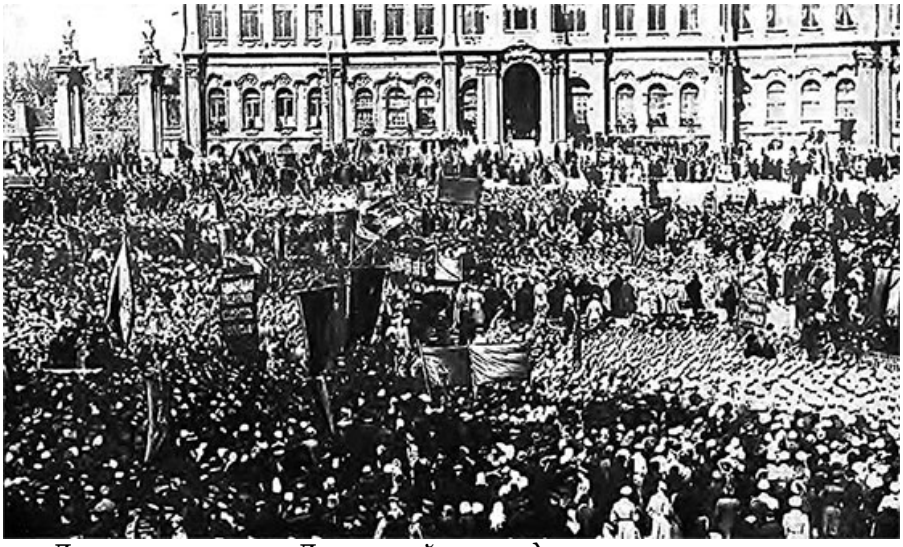
Глава 8. Зимний дворец в 1917 году

В 1917 г. закончилась история Зимнего дворца как главной императорской резиденции. После тяжелого периода Гражданской войны в России (1917–1922 гг.), Зимний дворец из резиденции превратился в музей. Это был тяжелый и даже мучительный процесс, поскольку вплоть до второй половины 1940-х гг. в Зимнем дворце сосуществовали две независимые структуры: Музей революции и Государственный Эрмитаж.

Мы остановимся только на драматических событиях 1917 г. Когда в конце февраля 1917 г. Петербург охватили волнения, коллекции Зимнего дворца и Императорского Эрмитажа не подверглись реальной угрозе полного разграбления, однако служители музея и резиденции пережили несколько острых моментов в бурные февральские дни. Последний директор Императорского Эрмитажа граф Д. И. Толстой вспоминал, что к 1 марта 1917 г. музей закрыли, поскольку на улицах Петербурга шла стрельба. Охраной Зимнего дворца и Императорского Эрмитажа тогда ведал дворцовый полицмейстер полковник князь Ратиев, в его подчинении находились дворцовые гренадеры и дворцовая полиция[1082]. К 10 часам утра 1 марта в музей явился представитель Государственной думы, потребовавший передать под его контроль охрану Зимнего дворца и Эрмитажа. Дворцовый полицмейстер отказался это сделать, но попросил представителя Государственной думы пройти в лазарет Зимнего дворца, чтобы успокоить волновавшихся раненых.

В ночь на 2 марта 1917 г. в подъезд Нового Эрмитажа со стороны Миллионной улицы ворвались пьяные солдаты с требованием убрать пулеметы с крыши Эрмитажа, которые якобы там находились. Надо сказать, что тогда по Петербургу ходили упорные слухи о пулеметах на многих крышах города для расстрелов восставшего народа.

Демонстрация на Дворцовой площади. 1917 г. (На балконе перед Фонариком в белых халатах – сестры милосердия дворцового госпиталя)



Демонстрация на Дворцовой площади

Во избежание повторения подобных эксцессов 2 марта Зимний дворец и Императорский Эрмитаж взял под охрану караул от 2-го запасного Саперного батальона. 4 марта 1917 г. директор Эрмитажа направил новым властям официальное письмо с признанием Временного правительства.

Парад на Дворцовой площади. Март 1917 г.

А. Ф. Керенский приветствует войска на Дворцовой площади. 1917 г. (Пациенты дворцового лазарета видны в открытых окнах Белого зала Зимнего дворца)

О темпах, какими новые демократические власти прибирали к рукам собственность прежних хозяев жизни, наглядно свидетельствует хронология событий: 2 марта 1917 г. Николай II

подписал отречение, превратившись в гражданина Романова; 4 марта 1917 г. Временное правительство впервые обратилось к вопросу об имуществе Романовых. На заседании принимается решение о переподчинении «Кабинета Его Величества» Министерству финансов; 5 марта 1917 г. распоряжением Временного правительства образован Комиссариат для охраны художественных ценностей во главе с членом Государственной думы П. А. Неклюдовым и авторитетными деятелями культуры: Ф. И. Шаляпиным, А. М. Горьким, А. Н. Бенуа, К. С. Петровым-Водкиным, М. В. Добужинским, Н. К. Рерихом и И. А. Фоминым[1083].

В тот же день, 5 марта 1917 г., министр юстиции А. Ф. Керенский посетил Зимний дворец и объявил всем служащим «о переходе последнего в национальную собственность»[1084]. Предполагалось также, что и все остальные резиденции Николая II разделят судьбу Зимнего дворца. 26 апреля 1917 г. Комиссариат для охраны художественных ценностей принял решение «О передаче правительственными учреждениями на хранение в Зимний дворец всех имеющих художественное значение портретов особ царствовавшего дома»[1085]. Это решение положило начало правительственной конфискационной практике произведений искусства, принадлежавших как царской семье, так и семьям великих князей.

Подобная конфискационная практика в полной мере войдет в повседневную жизнь революционной России уже при большевиках, а тогда, весной 1917 г., Временное правительство пыталось решить сложный вопрос, определяя, где проходят границы личного имущества Романовых, а где начинается государственная собственность[1086].

К концу мая 1917 г. юристы Временного правительства решили сложнейший вопрос «по разграничению личного имущества Николая II и членов его семьи от имущества Государственного»[1087]. Согласно тексту этого документа, признавалось, что личные драгоценности семьи Николая II остаются их безусловной собственностью. Реализовалось это решение в том, что личные комнаты Николая II и Александры Федоровны тщательно «почистили», изъяв из них все мало-мальски ценное. Все ценности отправлялись на хранение в кладовые Камерального отделения, чтобы при стабилизации политической ситуации вернуть все изъятое царской семье. Часть ценностей хранили в комнатах на третьем этаже Зимнего дворца.

В числе прочего из Углового кабинета императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце, из угловой витрины,

стоявшей между дверью, ведущей в спальню, и окном, изъяли коллекцию уникальных ювелирных изделий. Ныне самыми известными из них стали знаменитые пасхальные яйца «императорской серии», изготовленные мастерами фирмы К. Фаберже.

Непосредственным поводом к перемещению царских драгоценностей стало нарастание политической нестабильности в Петрограде. Инициатором этой акции выступил начальник Петроградского Дворцового управления генерал-лейтенант В. А. Комаров. Именно он 10 мая 1917 г. направил комиссару Временного правительства «над бывшим Министерством Императорского Двора» Ф. А. Головину записку, в которой испрашивал разрешение «передать на хранение в Камеральную часть б. Кабинета Е. В. находящиеся в помещениях Зимнего Дворца большой ценности вещи, составляющие собственность б. Императора и Императрицы, согласно прилагаемому списку»[1088]. Ф. А. Головин после соответствующих консультаций разрешил передать императорские ценности на хранение в Камеральное отделение Кабинета.

Процесс перемещения ценностей, хранившихся на половине Александры Федоровны в Зимнем дворце, начался 17 мая 1917 г. Изымала драгоценности Комиссия, в состав которой входил сам Карл Густавович Фаберже. Он же составлял описания изымавшихся драгоценностей, в том числе и ныне столь известных пасхальных яиц. Ювелир подписал составленную опись как «бывший придворный поставщик г. Фаберже». Всего с полок угловой витрины изъяли порядка 300 ювелирных изделий, из них 10 знаменитых яиц мастеров фирмы К. Фаберже[1089]. Изъятые драгоценности упаковали в один ящик и опечатали сургучными печатями. В сейфах Камерального отделения этот ящик хранился вплоть до середины сентября 1917 г., пока Временное правительство не приняло решение об эвакуации ценностей из Петербурга в Москву[1090].

Решение о начале эвакуации ценностей из Зимнего дворца связано как с резким ухудшением ситуации на русско-германском фронте (немцы взяли Ригу), так и с очередным политическим кризисом в России, который принято называть «корниловщиной». После подавления в конце августа 1917 г. попытки государственного переворота, совершенной генералами во главе с Верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым, и начала «большевизации» Советов, руководство Кабинета поставило перед Временным правительством вопрос о необходимости срочной эвакуации всех ценностей, хранимых в Камеральном отделении, из Петрограда в Москву. Временное правительство согласилось с

аргументами руководства Камерального отделения, после чего началась практическая подготовка к эвакуации ценностей императорской резиденции и Эрмитажа.

Поскольку в Зимнем дворце и Эрмитаже хранились колоссальные ценности, которые полностью вывезти было невозможно, для отбора наиболее ценных произведений искусства в июне 1917 г. образовали Художественно-историческую комиссию[1091].

По свидетельству директора Эрмитажа Д. И. Толстого, «после долгого и всестороннего обсуждения всех вопросов, связанных с эвакуацией, было решено распределить все собрания Эрмитажа на очереди с тем, чтоб поторопиться с вывозкой наиболее драгоценных и пустить их в первую голову»[1092].

15 сентября 1917 г. спецпоезд «для нагрузки эвакуируемого из Петрограда в Москву ценного имущества б. Дворцового ведомства» подали к 8 часам утра на товарную станцию Николаевской железной дороги. Эвакуируемые ценности погрузили, и в ночь с 15 на 16 сентября 1917 г. из Петрограда в Москву отправился железнодорожный состав с вагонами, наполненными императорскими сокровищами[1093]. В ночь с 16 на 17 сентября 1917 г. «золотой поезд» прибыл в Москву, и драгоценности сдали на хранение в кладовые Оружейной палаты Московского Кремля[1094].

Второй эшелон с дворцовыми ценностями отправили из Петрограда в Москву в ночь с 6 на 7 октября 1917 года. Отправленный груз включал: разные часы, канделябры, вазы (17 ящиков), каминные украшения, ковры (9 тюков), 20 гобеленов (10 пакетов), скульптуры и изделия из бронзы и драгоценных металлов до 200 предметов (61 ящик), драгоценности с икон часовни Спасителя на Петроградской стороне (1 ящик); в особом ящике венчик и риза, украшенные драгоценными камнями, к образу Спасителя при первоначальном дворце Петра I и вещи, пожертвованные к образу Спасителя; альбомы с рисунками и семейными фотографиями (5 ящиков), по отделу музея Эрмитажа (26 ящиков), по библиотеке Эрмитажа (10 ящиков); по архиву Эрмитажа (10 ящиков); по отделу гравюры и рисунка (10 ящиков); несколько десятков предметов художественной мебели.

В итоге 134 ящика направлялись в Оружейную палату Московского Кремля, 56 – в Исторический музей. Вагон с эвакуированным имуществом распоряжением начальника Петроградского Дворцового управления генерал-лейтенанта В. А. Комарова от 2 октября 1917 г. сопровождали служащий Зимнего дворца К. Александров и служитель-носильщик Н. Варганов, а также 7 сторожей – В. Абрамов, А. Куликов,

И. Седых, К. Алябьев, И. Коротеев, П. Румянцев, Н. Иванов[1095].

И. И. Бродский. Портрет А. Ф. Керенского. 1917 г.

16 октября 1917 г. последовало распоряжение бывшего Министерства Двора о срочной эвакуации в Москву еще двух вагонов с предметами убранства Зимнего дворца. Груз был подготовлен, упакован в ящики и складирован в помещениях близ Комендантского подъезда Зимнего дворца. Эвакуация груза намечалась на 26 октября 1917 г. Однако из-за «штурма Зимнего» этот груз так и не вывезли в Москву. Именно на эти ящики наткнулся американский корреспондент Джон Рид, когда с отрядом красногвардейцев оказался в Зимнем дворце.

Начало эвакуации драгоценностей из Зимнего дворца было связано и с тем, что летом 1917 г. Зимний дворец превратился в главную резиденцию новой власти. 11 июля 1917 г. глава Временного правительства А. Ф. Керенский, переехав в Зимний дворец со всем своим аппаратом и охраной, превратил его в главный «офис» новой «демократической» власти.

Еще до переезда А. Ф. Керенского в Зимний дворец для него начали готовить помещения. Со второго этажа северо-западного ризалита, где находились половины Николая II и Александры Федоровны, вынесли всю стильную дворцовую мебель. Взамен нее в комнаты поставили обычные канцелярские столы и стулья, взятые со складов бывшего Дворцового ведомства. Стены, обитые шелком, вместе с развешенными на них картинами затянули

холстом. Лишь кабинет Николая II сохранили в качестве «мемориального».

Парадные гостиные Александры Федоровны и Николая II «временные» использовали для разных целей. Например, в Малахитовой гостиной проводились заседания Временного правительства, в бывшем Угловом кабинете императрицы разместился заместитель Керенского. В Готической библиотеке Николая II Керенский обычно проводил совещания с военными. На третьем этаже северо-западного ризалита, в бывших покоях Александра III, разместились квартира Керенского и часть его аппарата.

Тогда очень многих, вне зависимости от политических убеждений, крайне раздражало вселение Керенского в Зимний дворец. По Петербургу начали ходить многочисленные анекдоты об амбициозном «отце русской демократии», спящем на кровати то ли Александры Федоровны, то ли Александра III. Бывшего присяжного поверенного тут же стали именовать «Александром IV» или «Александрой Федоровной».

В. В. Маяковский спустя годы в поэме «Хорошо» высмеял этот эпизод, так врезавшийся в память современникам:

Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертлявом постреле, —
не гадал,
что в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный.

В этой же поэме есть упоминание, что Керенского летом 1917 г. писали «и Бродский, и Репин». И. Е. Репин писал А. Ф. Керенского с натуры именно на втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца, в кабинете Николая II.

После переезда в императорскую резиденцию главы Временного правительства Зимний дворец начал стремительно утрачивать свой помпезный облик. Об этом свидетельствует обер-

гофмаршал П. К. Бенкендорф, посетивший Зимний дворец в первой половине августа 1917 г.

К этому времени новая власть уже «разобрала» помещения дворца под свои «офисы». Например, курировавший бывшее Министерство Императорского двора Головин занимал комнаты, находившиеся на первом этаже северо-западного ризалита, выходившие окнами на Неву. На третьем этаже Зимнего дворца, в одной из квартир Фрейлинского коридора, «временные» поселили «бабушку русской революции» Е. К. Брешко-Брешковскую с секретаршей.

А. Ф. Керенский со своими адъютантами в Зимнем дворце

А. Ф. Керенский в Готической библиотеке Николая II. 1917 г.

А. Ф. Керенский за работой в Готической библиотеке Николая II. 1917 г.

Заседание военного кабинета министра-председателя в Готической библиотеке Николая II. Слева направо: В. Л. Барановский, ГА. Якубович, Б. В. Савинков, А. Ф. Керенский, князь Т. Н. Туманов. 1917 г.

И. Е. Репин. Портрет А. Ф. Керенского. 1917 г.

Бывшего гоф-маршала П. К. Бенкендорфа потрясли изменения, произошедшие с торжественно-парадным обликом Зимнего дворца. Прежде всего, ему бросились в глаза грязь и множество людей, которых ранее увидеть в императорской резиденции было абсолютно невозможно. Наряду с «офисными барышнями», в Зимний дворец ввели охрану Керенского, и она очень «свободно» себя чувствовала в исторических залах.

Это были не отборные части, охранявшие Николая II, а революционная вольница, которая считала, что царские резиденции просто обязаны понести «материальные потери». На большинство из «потерь» просто закрывались глаза. Поначалу это были мелочи, им по инерции еще придавался характер «событий»[1096]. Но расследование, как правило, велось формально, и дела заканчивались безрезультатно. Летом 1917 г. несколько раз фиксировались попытки революционной вольницы проникнуть в Бриллиантовую комнату Зимнего дворца. Это было

уже «по-крупному». А «по мелочам» – статуи в Белом зале Зимнего дворца украшали влажные полотенца, кепки, жакеты, портупеи и пальто.

7 августа 1917 г. члены Художественной комиссии заявили властям о том, что «пребывание воинских частей в исторических покоях Зимнего дворца может иметь самые губительные последствия». Однако политические реалии того времени были таковы, что Временное правительство приняло решение усилить гарнизон Зимнего дворца.

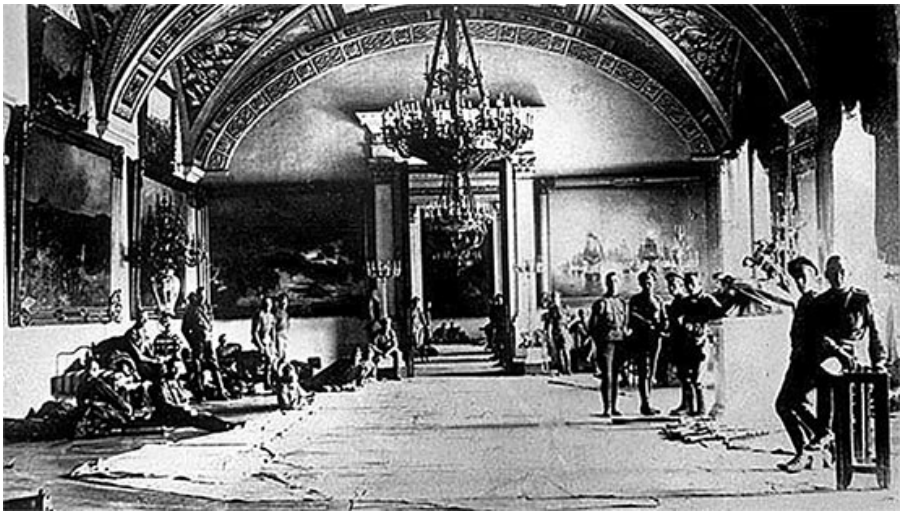
Белый зал Зимнего дворца. 1917 г.

Помещение ударниц Женского батальона в Зимнем дворце. 1917 г.

Ударницы Женского батальона на Дворцовой площади. Октябрь 1917 г.

Броневик и юнкера на Дворцовой площади. 1917 г.

Золотая гостиная императрицы Марии Александровны. Октябрь 1917 г.



Юнкера в Зимнем дворце. Октябрь 1917 г.

Баррикады из дров перед Зимним дворцом. Октябрь 1917 г.

Упомянем и об историческом курьезе – Зимний дворец в августовские дни «корниловщины» охраняли балтийские матросы с крейсера «Аврора». Все это, конечно, было чревато материальными утратами для резиденции.

Одним из знаковых эпизодов в жизни главной императорской резиденции стала историческая ночь с 25 на 26 октября, она вошла в историю как «штурм Зимнего дворца и арест Временного правительства». Ночной эпизод с конца 1920-х гг. превратился в одно из ключевых событий Великой Октябрьской социалистической революции.

В октябре 1917 г. ЦК РСДРП (б) принял решение о подготовке вооруженного переворота в Петрограде. В ответ Временное правительство усилило гарнизон Зимнего дворца. В результате на 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Зимнем дворце удалось сосредоточить: 400 штыков 3-й Петергофской школы прапорщиков, 500 штыков 2-й Ораниенбаумской школы, 200 штыков «Женского ударного батальона смерти», до 200 донских казаков, отдельные юнкерские и офицерские группы из Николаевского инженерного, артиллерийского и других училищ, отряд комитета увечных воинов и георгиевских кавалеров, отряд студентов, батарею (6 орудий) Михайловского артиллерийского училища и 4 броневика.

Всего в обороне Зимнего дворца и Эрмитажа на 25 октября принимали участие порядка 1800 штыков, усиленных пулеметами. Роту самокатчиков (велосипедистов) по постановлению Батальонного комитета отвели с позиций, но к этому времени гарнизон Зимнего дворца усилился еще примерно на 300 штыков за счет батальона юнкеров из инженерной школы прапорщиков. Впрочем, численность защитников Зимнего дворца

носила текучий характер, поскольку на момент штурма многие из их рядов, включая броневики и артиллерию, покинули резиденцию.

В ночь штурма Зимнего дворца юнкера и ударницы Женского батальона занимали все залы фасада второго этажа Зимнего дворца, от Александровского до Белого зала и Золотой гостиной. Хотя драгоценные паркеты и закрывала холстина, тем не менее парадные залы резиденции приобрели вид казармы. На полу были набросаны матрацы, на которых спали юнкера, в залах установили пирамиды для винтовок, на столах стояли пулеметы, приспособленные для стрельбы из окон дворца[1097]. Естественно, пребывание в Зимнем дворце огромного количества очень разных людей не могло не привести к материальным потерям и актам вандализма.

Джон Рид. 1917 г.

Красная Россия. 1917 г.

Об этом свидетельствует американский журналист Джон Рид. Он буквально накануне штурма сумел проникнуть в Зимний дворец: «Мы открыли дверь. Как раз за дверью пара юнкеров стояла на часах. Они ничего не сказали. В конце коридора находилась большая, богато украшенная комната, с огромной хрустальной люстрой, а за ней – много небольших комнат, обложенных темным деревом. По обеим сторонам паркетного пола лежали ряды грязных матрацев и одеял, на которых помещалось несколько человек солдат. По всему полу была грязь от окурков папирос, кусков хлеба, от одежды, пустых бутылок с названиями дорогих французских вин. Много солдат с погонами юнкерской школы двигалось в застоявшейся атмосфере, наполненной запахом табачного дыма и немытого человеческого тела. У одного в руках имелась бутылка белого бургундского вина, очевидно, вытащенная из подвалов дворца. Они смотрели на нас с изумлением, когда мы проходили мимо из комнаты в комнату, до тех пор, пока мы наконец не вошли в ряд огромных салонов, выходящих своими длинными и грязными окнами на площадь. Стены были покрыты большими масляными картинами

в массивных позолоченных рамах, изображавшими исторические военные эпизоды. На одной картине была прорезана дыра через весь верхний правый угол. Все это место представляло собою одну огромную казарму. На подоконниках были поставлены пулеметы. Между матрацами стояли колонки ружей. Мы остановились у окна, выходящего на площадь перед дворцом, где под ружьем выстроились три роты длиннополых юнкеров, к которым обращался с речью высокий офицер. После нескольких минут две роты трижды четко прокричали и отправились беглым шагом через площадь, исчезнув под Красной аркой»[1098].

Особенно колоритно на фоне интерьеров Зимнего дворца выглядели «ударницы» женского батальона под командованием М. Л. Бочкаревой. Непосредственно в Зимнем дворце находилась 2-я рота Женского батальона (137 чел.). Дамам поручили охранять юго-восточное крыло Зимнего дворца со стороны Дворцовой площади.

Один из участников обороны Зимнего дворца вспоминал: «Не без волнения подошел я к фронту выстроившихся женщин. Было что-то непривычное в этом зрелище, и надоедливые мысли буравили мозг: „Провокаторши“. Скомандовав „Смирно!“, одна из женщин отделилась от правого фланга и подошла ко мне с рапортом. Это была „командирша“. Высокого роста, пропорционально сложенная, с выправкой лихого гвардейского унтер-офицера, с громким отчетливым голосом, она мгновенно рассеяла мои подозрения, и я поздоровался с батальоном. Одеты они были солдатами. Высокие сапоги, шаровары, поверх которых была накинута еще юбка, тоже защитного цвета, волосы подобраны под фуражку»[1099].

Один из членов Временного правительства описывал Зимний дворец в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. следующим образом. Войдя во дворец через Салтыковский подъезд, он оказался в «огромной прихожей, через смежную с ней комнату слева – лестница, вся клетка которой по стенам была убрана гобеленами, вводит во втором этаже в очень широкую внутреннюю залу – коридор, с верхним тусклым освещением и галереями наверху. Направо от входа в этот зал и коридор была поставлена временная очень высокая перегородка, отделявшая от левой части зала лазарет для раненых воинов. Налево от входа с лестницы, в конце зала, лежал путь в Малахитовый зал, где происходили заседания Временного правительства, через три зала, Малахитовый зал всеми своими огромными окнами выходил на Неву.

Остальные помещения: канцелярия Временного правительства и кабинеты министра-Председателя и его

заместителя доходили до угла дворца, выходящего к Николаевскому мосту, и занимали часть стены по саду, против Адмиралтейства…

В огромной мышеловке бродили, изредка сходясь все вместе или отдельными группами на короткие беседы, обреченные люди, одинокие, всеми оставленные… „Что грозит дворцу, если „Аврора“ откроет огонь?“ – „Он будет обращен в кучу развалин“, – ответил адмирал Вердеревский, как всегда, спокойно. Только щеку в углу правого глаза задергал тик. Передернул плечами, поправил правой рукой воротник, опять заложил руки в карманы брюк и повернулся, чтобы продолжать прогулку. На минутку остановился: „У нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец, не повредив ни одного здания. Зимний дворец расположен для этого удобно. Прицел хороший…“

На наше предложение прислать представителей, нам ответили, что юнкера уже собрались и настаивают, чтобы члены правительства вышли к ним в полном составе и сказали им, чего от них хотят. Отказать было абсолютно невозможно. Мы вышли. Юнкера в числе, может быть, ста, может быть, больше, человек, собирались в том зале-коридоре, о котором я уже упоминал… К этому времени мы уже покинули помещения, выходившие на Неву, и перешли в один из внутренних покоев Зимнего Дворца. Кто-то сказал, что это – бывший кабинет Николая II. Не знаю, так ли это[1100]. Кто-то сказал, что занимал это помещение после революции генерал Левицкий. Тоже не знаю – верно ли…

Вход в это помещение был из залы-коридора через комнату, значительно меньшую. Рядом с кабинетом была другая комната без выхода. В ней был телефон. И кабинет, и смежная комната были больших размеров. В очень больших частных квартирах, в особняках, таких размеров бывают только залы. Окнами кабинет выходил в один из дворов…

„Раз мы решили здесь оставаться, – сказал адмирал Вердеревский, когда начало темнеть, – надо перейти в какое-нибудь внутреннее помещение. Здесь мы под обстрелом“. Мы и перешли сюда. Посредине комнаты стоял большой круглый стол. Мы расположились вокруг него…

Стрелка часов перешла за 8 часов… Мы загасили верхний свет. Только на письменном столе у окна светила электрическая настольная лампа, загороженная газетным листом от окна. В комнате был полусвет… Тишина… Короткие, негромкие фразы коротких бесед… Нам докладывали, что наша стража, охранявшая дворец, только отвечала на выстрелы или стреляла, когда на дворец надвигались большевики… Стреляли в воздух. И этого пока оказывалось достаточно: толпа отступала… Кто сидел, кто

лежал, некоторые ходили, беззвучно ступая по мягкому ковру во всю комнату… Раздался звук, хотя и заглушенный, но ясно отличавшийся от всех других. „Это что?“ – спросил кто-то. „Это с „Авроры““, – ответил Вердеревский. Лицо у него осталось таким же спокойным. Минут 20 спустя вошел Пальчинский и принес стакан от разорвавшегося снаряда, снаряда, который залетел, пробив стену, в Зимний Дворец. Вердеревский осмотрел его и, поставив на стол, сказал: „С „Авроры““. Стакан быль поврежден в такой форме, что мог служить пепельницей. „Пепельница на стол нашим преемникам“, – сказал кто-то…

И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитых в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те, прежние шумы – что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец… Кто лежал или сидел, вскочили и все схватились за пальто… А шум все крепнул, все нарастал и быстро, широкой волной подкатывался к нам… И к нам от него вкатилась и охватила нас нестерпимая тревога, как волна отравленного воздуха… Все это в несколько минут… Уже у входной двери в комнату нашего караула – резкие взволнованные крики массы голосов, несколько отдельных редких выстрелов, топот ног, какие-то стуки, передвижения, слитый нарастающий единый хаос звуков и все растущая тревога… Ясно: это уже приступ, нас берут приступом… Защита бесполезна – бесцельны жертвы… Дверь распахнулась… Вскочил юнкер. Вытянулся во фронт, руки под козырек, лицо взволнованное, но решительное: „Как прикажет Временное правительство! Защищаться до последнего человека? Мы готовы, если прикажет Временное правительство“. – „Этого не надо! Это бесцельно! Это же ясно! Не надо крови! Надо сдаваться“, – закричали мы все, не сговариваясь, а только переглядываясь и встречая друг у друга одно и то же чувство и решение в глазах. Вперед вышел – Кишкин. „Если они уже здесь, то, значить, дворец уже занят…“ – „Занят. Заняты все входы. Все сдались. Охраняется только это помещение. Как прикажет Временное правительство?“ – „Скажите, что мы не хотим кровопролития, что мы уступаем силе, что мы сдаемся“, – сказал Кишкин. А там, у двери, тревога все нарастала, и стало страшно, что кровь польется, что мы можем не успеть предупредить это… И мы все тревожно кричали: „Идите скорей! Идите и скажите это! Мы не хотим крови! Мы сдаемся!..“. Юнкер вышел… Вся сцена длилась, я думаю, не больше минуты… Комната была полным-полна народа. Солдаты, матросы, красногвардейцы. Все вооруженные, некоторые вооружены в высшей степени: винтовка, два револьвера, шашка, две

пулеметные ленты… Чудновский назначается комендантом Зимнего Дворца. Комната, в которой мы арестованы, будет опечатана, чтобы сейчас не производить в ней обыска»[1101].

Штурм Зимнего (кадр художественного фильма «Октябрь». Реж. С. Эйзенштейн)

Залп «Авроры»

Мемориальная табличка в Белой столовой Зимнего дворца

Посетители…

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Зимний дворец «взяли штурмом» большевики и арестовали в Белой столовой на императорской половине членов Временного правительства. О

чем сегодня напоминают мраморная табличка, стоящая на камине в Белой столовой Зимнего дворца и огромная иконография советских картин, посвященных этому событию. Так, Зимний дворец, став «главным действующим лицом» в исторических событиях Октября 1917 г., вошел в историю России новой гранью.

Любопытно, что историческую ночь директор Императорского Эрмитажа граф Д. И. Толстой проспал в «гоф-фурьерской» музея «под теканье пулеметов и редкий гул пушек со стрелявшей по Дворцу „Авроры“. Проснувшись в четвертом часу ночи, я заметил, что везде воцарилась как бы полная тишина»[1102].

Следует подчеркнуть, что «штурма» Зимнего дворца, как это представлено на многочисленных «революционных картинах» и фильмах советского периода, фактически не происходило. Был затяжной ружейно-артиллерийский обстрел дворца с последующим его занятием и арестом членов последнего состава Временного правительства. А легенду о «штурме» породили сами большевики, когда на рубеже 1920-1930-х гг. «Октябрьский переворот» начал превращаться в каноническую «Великую Октябрьскую социалистическую революцию». И на таком «политическом фоне» говорить о шести погибших в ходе «штурма» было как-то и неудобно. Поэтому певец революции В. Маяковский вдохновенно писал к 10-летней годовщине Октября:

Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.
Как будто
водою
комнаты полня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня
за каждым диваном,
у каждой портьеры.

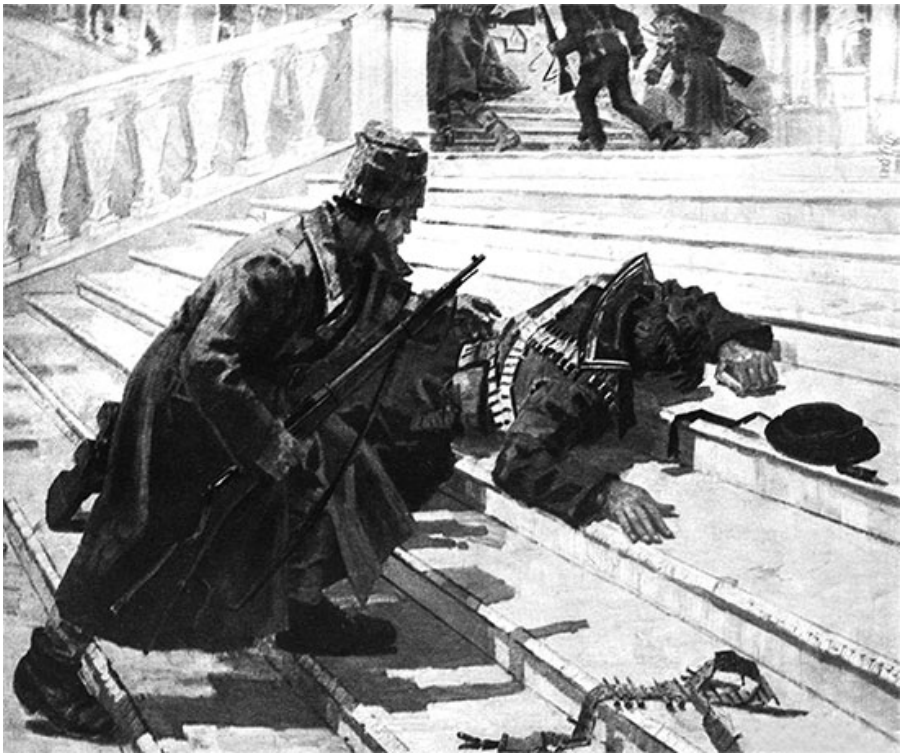
Мягко говоря, эти поэтические строки преувеличивали

ожесточенность борьбы.

Так же «неудобно» было и «защитникам» Зимнего дворца, которые вдохновенно врали о «грудах трупов», «криках мертвецов» и «зверствах большевиков». Отчасти откровенное вранье белогвардейцев подтверждали и советские художники, они, следуя политическому заказу, изображали какой-то вселенский катаклизм у стен Зимнего дворца: с прожекторами, пулеметными очередями, ожесточенными штыковыми атаками из-под арки Главного штаба, взрывами гранат и многочисленными телами убитых. Образ «яростной атаки» канонизировал Сергей Эйзенштейн в своем насквозь мифологизированном фильме «Октябрь», вышедшем на экраны в 1928 г. Матросы, перелезающие через распахивающиеся главные ворота Зимнего дворца под взрывы гранат, врезались в память целым поколениям советских людей, превратив миф в безусловный исторический факт. Следует упомянуть, что консультантами фильма выступали непосредственные участники событий Октября 1917 г. Например, член Военно-революционного комитета Н. И. Подвойский сыграл в этом фильме сам себя. Сами съемки проходили непосредственно на Дворцовой площади и в интерьерах Зимнего дворца. Следовательно, история «яростного штурма Зимнего дворца» формировалась совместными усилиями, как «белых», так и «красных».

Штурм Зимнего дворца

Как Зимний дворец «пережил» этот «штурм»? Прежде всего отметим, что Зимний дворец обстреливался артиллерией. Стреляли по Зимнему дворцу из артиллерийских орудий с нескольких точек: во-первых, с пляжа Петропавловской крепости, куда на руках выкатили три 3-дюймовых полевых орудия образца 1867 г. (76 мм); во-вторых, с Нарышкинского бастиона, где находилось четыре 6-дюймовых орудия (152 мм); в-третьих, со стороны Дворцовой площади огонь вели два 3-дюймовых орудия. Следовательно, в обстреле участвовало 9 орудий.



Штурм Зимнего дворца

Арест Временного правительства

Всего по Зимнему дворцу сделали около 40 выстрелов боевыми снарядами. Большая часть снарядов была начинена шрапнелью. Артиллеристы прекрасно знали, что в парадных залах Зимнего дворца находится госпиталь, где лежит около 1000 раненых. Поэтому стреляли преимущественно по «царскому» северо-западному ризалиту дворца. В результате обстрела серьезно пострадали комнаты Александра III на третьем этаже. В приемную императора (угловую комнату) попало два снаряда. Пострадали мебель, обивка стен и стекла. При обстреле шрапнелью с площади повредили штукатурку на крыльце левого подъезда, разорвали картину в зале, расположенном над главными воротами, и разбили несколько окон[1103]. Этим и исчерпывались разрушения, причиненные Зимнему дворцу артиллерийским обстрелом. Крейсер «Аврора» боевыми снарядами по дворцу не стрелял.

Рассматривая вопрос об утратах, которые понес Зимний дворец в ночь с 25 на 26 октября 1917 г., обратимся к многочисленным свидетельствам очевидцев событий. В контексте «белогвардейских» мифов о полном разграблении Зимнего дворца особенно значимы воспоминания непосредственного участника штурма Зимнего дворца, американского журналиста Джона Рида. Немаловажным для нас является его свидетельство о том, что одна из колонн восставших, ворвавшись в вестибюль Комендантского подъезда Зимнего дворца, обнаружила там

деревянные ящики с ценностями, готовившимися к отправке в Оружейную палату Московского Кремля: «Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходивший в огромную и пустую сводчатую комнату – подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но как только начался грабеж, кто-то закричал: „Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!“. Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: „Стой! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!“. Десятки рук потянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливали обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: „Революционная дисциплина! Народное достояние!“»[1104]. Заметим, что ящики с ценностями должны были вывезти в Москву 26 октября 1917 г.

А. Плотное. Зимний взят

Джон Рид констатирует, что, после того как большевики вошли в Зимний дворец, все выходы блокировали караулы, которые не только не пускали никого во дворец, но и начали

вытеснять из Зимнего дворца матросов, красногвардейцев, солдат и прочую случайную публику, желавшую одного – спокойно заняться мародерством. Дж. Рид пишет: «Из дворца выгоняли всех, предварительно обыскивая… были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла»[1105]. Как видно из перечня, грабеж, что называется, имел место, но торопливый, случайный, когда хватали как шпагу с золотой рукояткой, так и кусок мыла. Грабеж Зимнего дворца продолжался несколько часов, и разграблению подверглись в основном комнаты на втором этаже резиденции, расположенные по западному, «императорскому» фасаду.

Когда суета улеглась, американский журналист как профессионал не мог не пройтись по дворцу. В парадных залах, выходивших окнами на Неву, он увидел: «Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь… В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги. Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: „Сюда, барин, нельзя… воспрещается…“»[1106].

С. Лукин. Свершилось

В. А. Поляков. После штурма Зимнего

Журналист вбежал во дворец с первыми штурмующими колоннами во втором часу ночи, а покинул его в четвертом часу утра. На «душевный» грабеж у штурмующих просто не было времени. Да, конечно, в октябре 1917 г. Зимний дворец понес утраты, но шедевры Императорского Эрмитажа, включая вещи Галереи драгоценностей, остались нетронутыми. Напомним, что ценности Бриллиантовой комнаты эвакуировали из Зимнего дворца в Москву еще в середине сентября 1917 г.

Представляется, что пассажи некоторых современных авторов о том, что «захваченный в ночь с 25 на 26 октября красногвардейцами, солдатами и матросами дворец трое суток

находился во власти толпы хулиганствующих люмпенов, расхитивших и обезобразивших значительную часть его внутреннего убранства», являются, мягко говоря, преувеличением. Таким же преувеличением являются и некоторые «иллюстрации» грабежа резиденции люмпенами.

Грабеж

Кроме журналистских записок Джона Рида, имеются и документальные свидетельства, зафиксировавшие утраты, нанесенные имуществу Зимнего дворца в результате его «штурма». Уже 26 октября 1917 г. члены Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце, Верещагин и Пиотровский, попытались проникнуть во дворец, но не были допущены туда воинскими караулами. Но 27 октября 1917 г. членов Комиссии, Надеждина и Пиотровского, вызвал комендант дворца для выяснения ущерба, нанесенного Зимнему дворцу.

Вместе с председателем комиссии Верещагиным и библиотекарем В. В. Гельмерсеном в присутствии комиссаров Совета рабочих и солдатских депутатов Г. С. Ятманова и Б. Д. Мандельбаума и особо приглашенного известного русского художника А. Н. Бенуа они произвели осмотр помещений Зимнего дворца и результаты изложили в «Журнале Художественно-исторической комиссии при Зимнем Дворце».

Разгромленная приемная Александра II

Кабинет А. Ф. Керенского

Отметим открытость большевиков. К осмотру резиденции привлекли не только мало симпатизировавших большевикам деятелей культуры, но и позволили им опубликовать собранные материалы. Совершенно очевидно, что большевики были заинтересованы в этом, поскольку все противники новой власти уже несколько дней проливали слезы над разграбленными

руинами Зимнего дворца.

Обследование продолжалось и в последующие дни. Вот извлечения из материалов, опубликованных в «Журнале Художественно-исторической комиссии при Зимнем Дворце»: «Картина разгрома представляется в следующем виде:

1) В приемной Александра II, занятой под личную канцелярию А. Ф. Керенского, разбросаны канцелярские бумаги, выдвинуты ящики из письменных столов, разбиты канцелярские шкафы; в учебной – взломаны столы, комоды и шкафы и вскрыты три ящика, приготовленные для эвакуации, причем содержимое из них вынуто и разграблено, частью же в обломках разбросано на полу; весь пол усеян оберточной бумагой, среди которой виднеются рисунки В. А. Жуковского, куски шелковой материи от мебели Марии-Антуанеты, миниатюры, фотографические карточки и всевозможные изломанные мелочи; на спинке одного из стульев повешен кусок разорванного мундира императора Николая I, хранившегося в особой витрине; портрет Елизаветы Алексеевны Виже-Лебрён опрокинут и валяется у письменного стола.

В кабинете Александра II разгром носит еще более ужасающий характер: все столы взломаны, верхняя часть исторического бюро Александра I превращена в щепы, на столе брошен исковерканный серебряный оклад Евангелия, причем само Евангелие вырвано из оклада; один головной убор Николая I похищен, другой изорван; взломан киот, из которого похищены мелкие золотые и серебряные образки и тельные кресты; венчики, украшенные бриллиантами и драгоценными каменьями, сорваны и похищены; на полу валяются изодранные исторические заметки, записные книжки, письма и бесчисленные осколки разбитого стекла.

Кабинет Николая II. 1917 г.

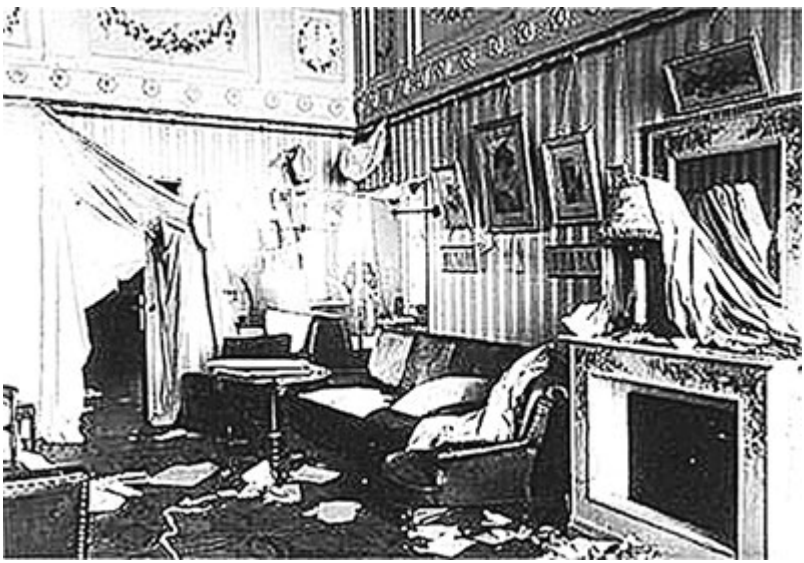
В уборной Александра II открыты, а частью взломаны гардеробные шкафы и комоды, разбросаны на полу десятки пустых футляров от ювелирных вещей, туалетных и дорожных принадлежностей; серия картин, приготовленных художественной комиссией для эвакуации, – работы Греза, Мурильо, Франческо Франчиа и др. – опрокинуты (картины в целости с незначительными лишь повреждениями на некоторых из них).

Следы такого же беспощадного разгрома были обнаружены в малой библиотеке и покоях императрицы Марии Александровны: битое стекло, пустые футляры, вынутые из рам и частью порванные акварели, разбитые на мелкие куски ящики, между прочим и ящик, заключавший собрание исторических медалей, из которых все медали похищены, сорваны драпри, занавеси и обивки, опрокинута мебель и т. д.

Так называемые собственные покои императора Николая II и Александры Федоровны, а равно Малахитовый, Концертный, Арабский залы и Ротонда были в начале июля заняты Временным правительством. Более ценная в художественном отношении обстановка этих комнат была своевременно изъята, за исключением некоторых картин, закрытых покрывалами, и обстановки кабинета императора Николая II. Погром этих помещений носил характер такого же ожесточения, которое проявилось с особенной наглядностью в беспощадном истреблении всех изображений царской семьи: картин, портретов, фотографий.

Так, в приемной изодрана картина, изображающая коронацию

Александра III, исколоты штыками портреты родителей императрицы, похищен и оказался впоследствии разорванным в клочья портрет Государя работы Серова, такая же участь постигла все фотографии Александра III и т. д. В биллиардной похищены биллиардные шары; в библиотеке, служившей кабинетом А. Ф. Керенского, взломан книжный шкаф; в уборной разбиты дверные филенки; в кабинете разбросаны изорванные гравюры и фотографии, письменный стол вскрыт и сдвинут с основных тумб, кожаная обивка с мебели снята, похищен овальный портрет Александра II в шинели и кавалергардской фуражке. Взломаны равным образом столы и шкафы всех остальных комнат, бумаги и книги вынуты и полы покрыты разорванными и смятыми делами Временного правительства.



Будуар императрицы Александры Федоровны. 1917 г.

Комната на 3-м этаже северо-западного ризалита

1) Подобному разгрому подверглись флигель-адъютантская комната и кабинет императора Николая I. Некоторые картины сняты со стен, овальный портрет вел. кн. Михаила Павловича изорван, все опрокинуто, изломано, кощунственно осквернено и в общей свалке валяется на полу.

2) Помещения большой библиотеки Александра II и запасной библиотеки Николая II, в которых было приготовлено 10 ящиков для эвакуации с историческими альбомами, оказались случайно в полной неприкосновенности»[1107].

Упоминавшийся участник деятельности комиссии А. Н. Бенуа (его в симпатиях к большевикам заподозрить никак нельзя) оставил свои воспоминания об этом дне. Еще раз отметим, что события ночи с 25 на 26 октября 1917 г. сразу же породили множество мифов, как со стороны «красных», так и со стороны «белых». Одним из самых устойчивых «белых» мифов станет миф о тотальном разграблении матросами и красногвардейцами Зимнего дворца. Озабоченность состоянием Зимнего дворца и привела А. Н. Бенуа, входившего в состав Комиссариата для охраны художественных ценностей, или, как тогда говорили, «Горьковской» комиссии, к Зимнему дворцу 27 октября: «Однако дальше Александровского сада мы не решились пройти, а оттуда знакомый пейзаж казался не изменившимся вовсе, следов битвы не было вовсе видно, да и весь низ дворца был заслонен целыми стенами сложенных и лишь местами разметанных дров. Лишь когда, осмелев, мы (через арку Штаба) проникли дальше на

площадь и ближе к дворцу, оказалось, что весь фасад дворца испещрен следами пуль, и что несколько окон выбиты и они зияют чернотой, и что стекла многих других, казавшихся издали целыми, были изрешечены правильными круглыми дырками. Я готовился увидать картину полного развала, дымящиеся руины, – вместо того, слава Богу, вся громада дворца, а также то, что в перспективе виделось от фасада на Миллионную Эрмитажа, – все представляло собой прежний мощный, крепкий, незыблемый вид. Поразила нас и совершенная пустота, как площади, так и прилегающих улиц. Все под унылым серым небом казалось завороженным, точно каким-то видением прошлого… Надлежало в точности узнать, как обстоит дело и внутри. С этой целью я, возвратившись домой, вошел в телефонный контакт с разными лицами, и среди них с Луначарским».

Нижний кабинет Николая I. 1917 г.

На следующий день, 28 октября, А. Н. Бенуа с коллегами по «Горьковской» комиссии А. А. Половцевым, П. П. Вейнером, графом В. П. Зубовым и князем В. Н. Аргутинским оказались в Зимнем дворце: «…мы совершили наш первый обзор дворца, обойдя весь бельэтаж (le premier, по французскому счету, „Piano Nobile“, по итальянскому выражению), но в третий за недостатком времени и [из-за] наступившей темноты мы не поднялись. Там же Мандельбаум занялся уборкой бумаг,

брошенных Керенским на произвол судьбы. Это отделение, носившее наименование Комнат Александра III, оказалось в наиболее хаотическом состоянии: шкафы и ящики в столах были взломаны… При этом обходе дворца мы могли убедиться в том, что, хотя и было заявлено, будто все воинские части из внутренних покоев дворца удалены, многие солдаты с ружьями в руках все же бродили по дворцу и, возможно, что еще и грабили. Впрочем, половина Александра II, особенно пострадавшая в первые дни и находившаяся под охраной Верещагина и его помощников, была теперь заперта на ключ со всех сторон, и там хищения, во всяком случае, прекратились. Вообще, мы нашли, что последствия того страшного испытания, которому подвергся дворец, оказались не столь значительными, как можно было ожидать. И эти раны могли быть без особого труда залечены (вставление новых стекол, исправления в поломанных дверях, замках и в мебели – часть ее была эвакуирована в августе). Но все же я испытал глубокое огорчение при виде того, во что были превращены как раз два наиболее значительных „бытовых ансамбля“ дворца. За те полтора или два дня, что доступ к ним не был еще закрыт, в них именно особенно дико хозяйничали „победители“. Я говорю о комнатах Николая Павловича и Александра II. Особенно печальное зрелище представляла собой первая – та сводчатая комната в нижнем этаже, что выходит окнами на Адмиралтейство и что когда-то служила строгому Государю одновременно и кабинетом, и спальней. Тут стоял его письменный стол, на котором сохранялась масса письменных принадлежностей, а также всякие безделушки и портреты любимых людей; а стены этой комнаты были сплошь (и даже в амбразурах окон) завешены картинами и миниатюрами, большей частью сувенирного порядка; тут же стояла простая солдатская кровать императора. Теперь стены оказались голыми, стол разломан, пол усеян бумагами, а вся постель разворочана. Всего несколько месяцев назад, побывав здесь дважды за короткий период – в первый раз с генералом Е. Н. Волковым, а второй – с П. М. Макаровым, я каждый раз испытывал особое „историческое умиление“, любуясь этим единственным в своем роде целым, в котором точно была заворожена жизнь иной эпохи, а теперь та же комната являла картину дикого хаоса…

Такую же мерзость запустения являл и кабинет Александра II, когда-то служивший кабинетом Александру I (он был отделан для него еще его бабкой, Екатериной II, в бытность его Великим Князем; архитектура этой комнаты была восстановлена после пожара 1837 года). Эта очень просторная комната с альковом за колоннами была из всех внутренностей дворца самой изящной и

хранила отпечаток благородного вкуса XVIII в. И здесь письменный стол был уставлен всевозможными бронзовыми безделушками и портретами в изящных рамах. По стенам висели, кроме нескольких более крупных портретов (работы Винтергальтера и других первоклассных мастеров XIX в.), большие рисунки Карла Берне с военными сюжетами. Но и в этом покое пол был теперь сплошь покрыт письмами, всевозможными бумагами и поломанными вещицами. Картины и рисунки не были вынуты из рам, но стекла их разбиты, а рамы поломаны. Поломаны были и те низкие шкафы, которые тянулись à hauteur d'affaire[1108] вдоль стен. Очевидно, солдаты искали здесь золото, воображая, в своей наивности, что царь не иначе как именно в своей комнате должен был прятать свои баснословные драгоценности. Каким-то парадоксом среди всего этого развала являлась группа разнородных декоративных предметов – монументальных ламп, канделябров, каминных гарнитур и т. п., что были расставлены прямо на полу у окон. Среди них особенно поражала статуэтка золоченой бронзы, изображающая знаменитую танцовщицу Фанни Эльслер. И вот, как прикрывавший ее стеклянный колпак, так и масса всякого другого стекла, – все в этой группе было в совершенной целости и без малейшего полома. Оставалось удивляться, как солдаты, которые тут же взламывали шкафы и рамы, расшвыривали всякую всячину, вот этих вещей не коснулись и даже, вероятно, бережно обходили их в своих тяжелых сапожищах! Как это объяснить? Какое тут действовало табу? Сравнительно мало пострадали личные комнаты Николая II и Александры Федоровны. Лишь на больших портретах родителей Государыни были проткнуты штыками глаза и исчез высоко над шкафом в углу висевший портрет Государя, писанный Серовым. Чтоб достать до него, пришлось тому, кто задался целью его получить, проделать сложную гимнастику. Портрет в те же дни нашли затем на площади, но уже в неузнаваемом виде: он был весь в дырах, от живописи остался один тонкий слой, и черты лица едва можно было различить, – и видно, над ним всячески издевались – топтали ногами, скребли и царапали чем-то острым! – Удивило нас еще то, что гардеробные шкафы, которые были полны платьев Александры Федоровны, не были тронуты и платья висели в полном порядке»[1109].

Приемная Александра III в Зимнем дворце, куда попал один из двух снарядов. 1917 г.

Вечернее платье императрицы Александры Федоровны. Нач. XX в.

Отметим попутно, что платья императрицы Александры Федоровны по сей день хранятся в Государственном Эрмитаже.

Кстати, о судьбе одного из двух серовских портретов Николая II упоминает императрица Мария Федоровна. 4 ноября 1917 г. она записала в дневнике: «Зимний дворец наполовину разрушен и разграблен, последнее в особенности касается покоев моего любимого Ники и Алики – какая подлость! Великолепный портрет Ники кисти Серова эти скоты вытащили из рамы и вышвырнули в окно, а когда какой-то мальчик поднял его, желая спасти, негодяи вырвали холст у него из рук и разорвали на куски»[1110]. Как мы видим, слухи смешали правду и ложь. Один из двух портретов действительно погиб, но дворец уцелел, понеся в общем-то незначительные потери. Некоторые из царских портретов, как пишет выше мемуарист, действительно пострадали, поскольку их проткнули штыками. Эти разрывы сохранялись очень долго. Теперь они заштукованы и отреставрированы, и портреты выставлены в галереях Зимнего дворца.

Кроме грабежей на втором этаже Зимнего дворца, революционеры прошлись и по третьему этажу резиденции. Так, на третьем этаже Зимнего дворца были разгромлены квартиры Фрейлинского коридора: расхищены вещи камеристки императрицы; полы комнат покойного В. В. Щеглова покрыты изорванной бумагой; разграблено помещение фрейлины Озеровой; в беспорядке разбросаны по полу бальные и придворные платья, вынутые из взломанных сундуков графини Гендриковой; на столах оставлены патроны и социалистические брошюры[1111].

Апартаменты, в которых проживали адъютанты военного министра, министра-председателя А. Ф. Керенского, а также «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской с ее секретаршей, тоже подверглись разгрому: сорваны драпри, занавеси, обивки и похищены мелочи; в Лобановской библиотеке вскрыты некоторые книжные шкафы.

В квартире № 23, где были сложены личные вещи императора Николая II, грабители украли только отдельные вещи: серебряные солонки, вазочки и т. п. В квартире № 8, в которой также хранились личные вещи Николая II, грабители, по-видимому, не были, хотя некоторые вещи, по мнению участников Комиссии, сдвинуты со своих мест.

От души прошлись революционеры по комнатам Александра III (бывшие комнаты Николая I на третьем этаже северо-западного ризалита), где жил А. Ф. Керенский. Разрушение

и грабеж производились, по-видимому, в этих комнатах с еще большим ожесточением, чем в царских покоях. Все, что можно было опрокинуть, опрокинуто. Кабинет Александра III, превращенный А. Ф. Керенским в спальню, усеян изорванными бумагами; тут же валялись книги, обломки мебели, осколки стекла, фотографические снимки Керенского за приемным столом императора. Окна почти во всех комнатах пробиты пулями; в кабинете Марии Федоровны пробиты орудийным снарядом не только окно, но и противоположная ему стена с зияющим в ней громадным отверстием; снаряд разорвался в коридоре за стеной, превратив находившиеся там вещи в бесформенную груду мусора и щеп. В гардеробной императрицы вскрыты все хранилища; платье и белье беспорядочно разбросаны на полу и на столе[1112].

Члены комиссии отметили следы разрушений и утрат в комнатах 1-й запасной половины (южный фасад и юго-западный ризалит Зимнего дворца), в которых располагались юнкера. В документах отмечается, что «окна изрешетены пулями, на полах разбросаны десятки тюфяков, на которых спал караул, часть их разорвана, солома рассеяна, мебель беспорядочно свалена в кучи, служившие, по-видимому, баррикадами, развинчены части фарфоровых ваз, похищены отдельные бронзовые украшения канделябр и часов, картины пробиты пулями, одна из них уничтожена орудийным снарядом.

Комиссией затем осмотрены квартиры князей Долгорукова и Ратиева, в которых разгромлено и разграблено все, что представляло какую бы то ни было материальную ценность.

В таком же виде представились Комиссии и внутренние комнаты той же запасной половины – покои императора Александра I и Елизаветы Алексеевны… С 7 ноября Художественная комиссия приступила к фотографированию всех подвергшихся разгрому помещений, а с 9 ноября – к разбору и восстановлению покоев императора Александра II»[1113].

Члены Комиссии осмотрели две кладовые серебра и фарфора, находившихся в ведении Гофмаршальской части. В кладовых «обнаружено полное расхищение 20 ящиков обиходного столового серебра и мелких предметов из золота, а также 10 ящиков фарфора и изделий из бронзы».

В констатирующей части документа члены Комиссии приходят к выводу о том, что, «по приблизительному подсчету, основанному на стоимости 25 ящиков серебра и всех без исключения золотых вещей, драгоценных камней и бриллиантов покоев Николая I, Александра II и Марии Александровны, – стоимость всего похищенного не превышает миллионов двух или трех.

Несравненно, в этом отношении, ощутительнее утрата целого ряда исторических реликвий… Все эти незаменимые мелочи придворной и общественной жизни девятнадцатого века, отмеченные таким своеобразным бытовым отпечатком, такими яркими следами наклонностей и вкусов целого поколения исторических личностей, безвозвратно для истории утрачены.

По свидетельству дворцовых служителей, толпа вооруженных грабителей состояла из матросов, из солдат, военная форма которых изобличала их принадлежность к Павловскому, Финляндскому и Преображенскому полкам, и из разных лиц неопределенного звания. Грабеж был произведен основательно. Все грабители выходили из ограбленных ими помещений перегруженные вещами»[1114].

Конечно, большевики, не отрицая утрат понесенных резиденцией в ночь «штурма», постарались «разделить ответственность» за утраты, «списав» часть материального ущерба, нанесенного дворцу, на казаков и юнкеров, которые поначалу охраняли Зимний дворец, но накануне штурма сочли за благо его покинуть. Отчасти это так и было, поскольку штурмовавшим дворец большевикам не требовалось сооружать баррикады из мебели у окон или неторопливо разбирать электрические лампы. Следует подчеркнуть, что в большинстве помещений Зимнего дворца в ночь его штурма не побывало ни одного солдата, матроса или красногвардейца. Не говоря уже о залах Императорского Эрмитажа, которые совершенно не затронули колонны штурмующих дворец.

Вскоре после штурма и вывода госпиталя из дворцовых залов комиссия объективно зафиксировала утраты, понесенные Зимним дворцом в ходе исторической ночи. 9 ноября 1917 г. начался разбор вещей и восстановление покоев Александра II. Собранные сведения об ущербе обобщили к концу декабря 1917 г. Тогда же сделали 66 фотоснимков разрушений в комнатах, особо пострадавших во время штурма в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

К документам приобщили рапорт смотрителя комнатного имущества Зимнего дворца Н. Дементьева, который он составил на имя начальника Петроградского Дворцового управления буквально через несколько дней после штурма. Поскольку это документ, в котором тщательно зафиксированы утраты, понесенные Зимним дворцом, приведем его полностью:

«Представляя при сем в шести фотографических снимках, изображающих ряд комнат на разных половинах Зимнего дворца, а также помещений кладовых (на хорах собора Зимнего дворца и в ливрейной кладовой), особенно пострадавших при погроме и вооруженном ограблении Зимнего дворца в ночь с 25 на 26

октября, в продолжение целого дня 26 октября и до полудня 27 октября сего 1917 года.

Один из залов Зимнего дворца после штурма резиденции. 1917 г.

Доношу Вашему Превосходительству, что почти во всех комнатах Зимнего дворца (за весьма редким исключением) произведен грабеж разного рода имущества комнатной обстановки, а также много поломок из мебели, и причем как из простого озорства, так и от орудийных снарядов, пулеметных и винтовочных выстрелов. Немалое количество предметов обстановки окончательно приведены в негодность и не могут быть реставрированы, ибо потеряли свой первоначальный вид, так, например, отыскивались на полах, окнах, мебели части бронзовых канделябр, часов, ваз и иных украшений, а самих предметов совершенно не находилось; были налицо механизмы от часов, но не было их корпусов, или были корпуса, но не находились механизмы. Мелкие кусочки разбитых ваз, части бронзовых канделябр валялись в куче мусора и разного хлама в разных комнатах дворца, на лестницах и в коридорах. Имелись в разных местах спинки от диванов, ножки от стульев или кресел, но самые предметы не находились или были превращены в мелкие куски или щепки. Среди обломков дерева и другого мусора в помещениях дворца имелось порядочное количество морской травы, мочалы, пуху и перьев; все упомянутое было от мебели, с которой была спорота материя или кожа, от матрацев и кроватных подушек, с которых были срезаны их оболочки, состоящие из тика, доместика, сафьяна и замши. В некоторых

помещениях, в целом ряде комнат была составлена мебель у окон и балконов для устройства баррикад, дабы таковые могли служить защитой от обстрела снаружи; и само собой разумеется, что мебель, служившая для баррикад, в конце концов оказалась частью совершенно уничтоженной, частью сильно поломана и потребует капитального ремонта.

Во всех помещениях дворца, за редким исключением, похищены с окон и дверец шторы, полузанавески, занавеси, драпировки, все эти вещи были сделаны из бумажных, шелковых, пеньковых, тюля, шерстяных и суконных материй; некоторые из упомянутых предметов украдены даже с карнизами, шнурами, грузиками и медными подвесами. Штучные ковры и салфетки для столов бархатные, суконные и плюшевые, находившиеся в разных помещениях Дворца, похищены, а некоторые салфетки изрезаны ножами и превращены в мелкие куски или полоски, никуда не пригодные, и найдены брошенными в залах и коридорах Дворца в кучах мусора.

В некоторых помещениях срезаны целыми полотнищами шелковые материи, которыми были обиты стены или оборваны тюль, кружева и разные ленты, служившие украшениями упомянутых стен. В большом количестве похищены чехлы с мебели, покрышки со столов и полов, все эти предметы были сделаны из доместика и полотна. Из биллиардной комнаты Императора Николая II украдены биллиардные шары и много попорчено мебели, материй и других предметов.

В большом количестве с различных предметов комнатной обстановки срезаны и спороты их обивки, сделанные из разных материалов, но преимущественно из тех, которые представляли большую ценность, как, например, шелк, трип и кожа.

Подверглось хищению и разгрому помещение на хорах Собора Зимнего (кладовая № 42), где хранились письменные приборы, умывальные фарфоровые и другие приборы, каменные украшения, изделия из бронзы, как то: часы, канделябры, фигуры из бронзы и фарфора и прочее. Пасхальные яйца, фарфоровые и каменные, разные сорта тех и других украдены в весьма большом количестве. Яйца-брелоки, сделанные из уральских камней, украдены…

В № 8 Камер-юнгферского коридора, где хранятся вещи, лично принадлежавшие Их Императорским Величествам и которые были мною по имеющимся описям сданы на прием Художественной комиссии, также подверглись хищению. В № 23 Большого фрейлинского коридора, где также находятся на хранении вещи, лично принадлежащие Их Императорским Величествам и которые были мною сданы по имеющимся описям

в прием той же Комиссии, также подверглись ограблению, а некоторые из них намеренной порче. По коридору у комнат Императора Александра III находилось большое количество вещей, которые Его Величеством были привезены из путешествия на Восток в бытность его Наследником Цесаревичем, а также некоторые предметы, поднесенные Их Величествам в разное время и разными лицами. Эти вещи имеют свои описи и были мною также сданы в прием Художественной комиссии. В настоящее время некоторые из упомянутых предметов окончательно уничтожены, некоторые попорчены поломками настолько, что едва могут быть исправлены, так как все пострадали от попавшего орудийного снаряда, который разорвался внутри Секретарских комнат.

Полному же разгрому и хищению подвергли квартиры графини Гендриковой, фрейлины Буксгевден, быв. квартира фрейлины княжны Оболенской, князя Долгорукова, князя Раткова и др., а также помещения сестер милосердия в номерах Большого фрейлинского коридора, номера комендантского коридора, и вообще едва ли найдутся в Зимнем дворце такие помещения, где не был бы произведен разгром (который понимаю в смысле намеренной поломки и порчи вещей до неузнаваемости и кражи).

Затем докладываю Вашему Превосходительству, что всякого рода частичные хищения в Зимнем дворце начались с того момента, когда в Зимний дворец были допущены различные общественные организации. О таких частичных кражах доносил Вашему Превосходительству своевременно. Такие частичные кражи особенно усилились, когда значительное количество помещений Зимнего дворца обслуживало потребности членов Временного правительства, и когда во Дворец на жительство переехал бывший Председатель Совета Министров А. Ф. Керенский, и когда с его переездом во внутренние помещения дворца были допущены войска. Затем сообщаю, что во многих номерах Большого фрейлинского коридора, Камер-юнгферского коридора, на III запасной половине, в номерах IV запасной половины, в номерах комендантского коридора переехали на жительство разные лица, имевшие отношение к Временному правительству и к А. Ф. Керенскому…

В заключение считаю своим долгом доложить, что с 25 октября 1917 года и по сей день сложился такой порядок в Зимнем дворце, что имущество зачастую вывозится без моих пропусков и, следовательно, без моего ведома, а потому нести какую-либо ответственность за целость имущества фактически не могу. Смотритель комнатного имущества Зимнего дворца Н. Дементьев»[1115].

Попутно упомянем, что разграбили и квартиру директора Эрмитажа графа Д. И. Толстого, выходившую окнами на Дворцовую набережную. Он вспоминал: «В некоторых местах на полу было нагажено; в других валялись грязные лохмотья скинутой грабителями собственной одежды и обуви, замененной тут же добытыми из наших шкафов. Первое впечатление было, что все если не разворовано, то изгажено, поломано»[1116]. Впрочем, уже 26 октября граф застал в своей квартире матроса с «Авроры», «распоряжавшегося толково и энергично охраною разгромленных комнат», при этом «матрос глубоко возмущался произведенным грабежом, обвинял в нем Морской Гвардейский экипаж (сам он принадлежал Балтийскому); он говорил, что, если бы его товарищи или он сам были на месте, они не допустили бы такого безобразия и стали бы в случае нужды стрелять в разбойников»[1117].

Говоря о потерях, понесенных Зимним дворцом в октябре 1917 г., следует упомянуть и о том, что во время переговоров с Германией в Брест-Литовске, которые начались в январе 1918 г., с германской стороны были предъявлены материальные требования, напрямую затрагивавшие уникальные коллекции Зимнего дворца и Эрмитажа.

Тогда германское правительство обратилось к советскому правительству с требованием о передаче Германии ряда картин, вывезенных в 1806 г. Наполеоном из г. Касселя в Париж и подаренных им своей супруге Жозефине. После ее смерти их приобрел в 1814 г. Александр I за 940 тыс. франков, и они входили в собрание картинной галереи Эрмитажа.

Для решения этого вопроса летом 1918 г. создали русско-германскую согласительную комиссию, которая постановила передать упомянутую коллекцию картин Германии. По настоянию Художественно-исторической комиссии Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Комитете по народному просвещению 7 сентября 1918 г. обратилась с просьбой возбудить перед Советом народных комиссаров ходатайство, чтобы приобретенные Александром I картины галереи Мальмезона как «законная собственность русского народа были оставлены в Эрмитаже».

Реэвакуация художественных ценностей, вывезенных из Зимнего дворца в Москву, началась в ноябре 1921 г. Тогда вернули большую часть коллекций и отдельных произведений, принадлежавших Эрмитажу, а также некоторые художественные произведения других дворцов Петрограда и его окрестностей. О возврате же похищенных 25–26 октября ценностей достоверных сведений практически нет, за исключением одного: в мае 1918 г.

в Зимний дворец Петроградским уголовным розыском были переданы 42 медали, похищенные из дворца 25–26 октября 1917 г.

К 1922 г. интерьеры комнат Александра II и Николая II восстановили. Туда охотно шла публика, для того чтобы посмотреть, «как жили цари». Многие уходили разочарованными, поскольку предполагали, что покои Зимнего дворца должны были быть гораздо более роскошными. В результате пропадал тот «воспитательный момент», на который рассчитывали устроители экспозиции. Поэтому 1 августа 1926 г. экспозицию личных половин Александра II и Николая II закрыли. Но, с другой стороны, в 1925 г. восстановили комнаты Николая I на первом этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца. В эти скромные комнаты, в которых 18 февраля 1855 г. умер Николай I, публику продолжали пускать вплоть до 1929 г.

Возвращаясь в день сегодняшний, мы прекрасно помним, как грабились правительственные учреждения в ходе различных «тюльпановых», «оранжевых» и прочих цветных революций. Все это бестрепетно списывалось «демократическими кукловодами» на издержки «революционного энтузиазма масс». Конечно, шедевры Эрмитажа и сокровища Зимнего дворца – это не украденные ксероксы-принтеры, но тем не менее, большевики в ходе переворота в октябре 1917 г. проявили недюжинные организаторские способности, введя пресловутый «революционный энтузиазм» в управляемое русло и сохранив, в конечном счете, Зимний дворец для последующих поколений.

Заключение

В 2014 г. Государственный Эрмитаж, выросший из китайских антресолей Екатерины II, отмечает свое 250-летие. Если бы императрица совершила в своей жизни только это, мы все равно были бы ей бесконечно благодарны, считая ее Великой. Она положила начало мощной культурной традиции российских монархов, которые из поколения в поколение обустраивали свою резиденцию, сосредоточивая в ней бесчисленные художественные ценности.

Государственный Эрмитаж как хранилище этих ценностей, обслуживаемое трудами множества его сотрудников, мы достаточно хорошо представляем. Но в 250-летней истории Зимнего дворца и Императорского Эрмитажа имеются страницы, очень важные для оте чественной истории. Это – жизнь в его стенах хозяев, российских императоров и императриц.

Автор, заканчивая книгу, отчетливо понимает, что о многих сюжетах сказал только вскользь, что возможны ошибки и неточности, что есть еще о чем поговорить в контексте заявленной темы. уверен, что нас ожидают новые исследования, в которых ошибки и неточности поправят и напишут о других известных и малоизвестных людях столь дорогого для всех петербуржцев Зимнего дворца…

notes

Примечания

1

Зимин И. В. 1) Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010; 2) Детский мир императорских резиденций. М., 2011; 3) Царские деньги. М., 2012; 4) Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917 гг. М.; СПБ., 2013.

2

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. История моей Петербургской службы. Письма 91–99. Электронная версия. URL: http://modernlib.ru/books/bolotov_andrey/zapiski_a_t_bolotova_napisannih_samim_im_dlya_svoih_potomkov.

З

Болотов А. Т. Указ. соч. Кампия – род карточной игры.

Болотов А. Т. Указ. соч. Кампия – род карточной игры.

Болотов А. Т. Указ. соч.

Болотов А. Т. Указ. соч.

Болотов А. Т. Указ. соч.

Болотов А. Т. Указ. соч.

9

Карадыкин Николай Матвеевич (1750–1804) – тайный советник, управляющий Кабинета Е. И. В.

10

Собственноручные записочки императрицы Екатерины II к С.-Петербургскому обер-полицмейстеру Н. И. Рылееву // Исторический вестник. 1881. № 2.

11

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2084.

12

Избранные письма. Императрица Екатерина II // О величии России. М., 2003.

13

Императрица имела в виду Г. Орлова.

14

Из жизни императрицы Екатерины II // Гражданин. 1873. № 48.

15

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2085.

16

Записки графа Рожера Дама // Старина и новизна: Ист. сб. СПб., 1914. Кн. XVIII. Электронная версия.

17

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2087.

18

Из жизни императрицы Екатерины II.

19

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2080.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2092.

21

Попов Алексей Семенович (1728–1780) – камер-фурьер и камердинер императрицы Екатерины II. Надгробие в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры (скульптурная композиция с портретом, мрамор. 1781 г. Скульптор Я. Земмельгак). Памятник перенесен из Некрополя XVIII в. в собор в 1954 г.

Избранные письма. Императрица Екатерина II // О величии России. М., 2003. Электронная версия.

23

Козицкий Григорий Васильевич (1724–1775) – секретарь Екатерины II. Окончил Киевскую духовную академию, затем продолжил образование за границей. В 1756 г. определен в Санкт-Петербургскую Академию наук лектором философских и словесных наук, затем назначен адъюнктом и «почетным советником». Пользовался покровительством братьев Орловых. В 1768 г. назначен секретарем при принятии прошений на высочайшее имя. Отличался трудолюбием и хорошим знанием иностранных языков (переводил Овидия, Свифта, Мармонтеля и др.).

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2088.

25

Голицын Ф. Н. Записки / Предисл. П. И. Бартенева // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 5. Стб. 1317.

26

Письма Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1775–1777 гг.) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. Электронная версия.

27

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2091.

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911. Электронная версия.

29

Полонез (от польск. – *polonez,* от фр. *polonaise* – польский) – торжественный танец-шествие в умеренном темпе, имеющий польское происхождение. Исполнялся, как правило, в начале балов, подчеркивая торжественный, возвышенный характер праздника. В полонезе танцующие пары двигаются по установленным правилами геометрическим фигурам.

30

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3880. Л. 264. Реестр именным Ея императорского Величества указам 1767 г.

31

«Любимец должен повсюду сопровождать государыню» (Неизвестная рукопись из семейного архива князей Оболенских-Нелединских-Мелецких // Источник. Документы русской истории. № 6. 2001. Электронная версия).

32

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I-го // Архив князя Воронцова. Кн. 8. М., 1876. С. 158–174. Электронная версия.

33

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2097.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2115.

35

М. С. Перекусихина похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Надгробие сохранилось.

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной…

39

Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

Вот некоторые из них: ангел, ангел мой; батинька, батинька-голубчик-милый, батинька-душа, батинька-сударынька, батюшка-голубчик, батя; владыко и cher epoux (дорогой супруг); голубчик, голубчик милой, Гришенок мой, Гришенок бездонный, безпримерный и милейший в свете, Гришинька, Гришинька друг мой, Гришатка мой собственный, голубушка, голубчик-друг-сердечный, голубчик-батинька; душа милая, друг милый, друг собственный, душа милая-голубчик, душенька, душечка, душа моя милая, душенок мой дурак, дорогия сладкия губки, душатка милая, душечка милая, душечка, душа; жизнь, индейский петух, казак, кот заморской, лев в тростнике, милой, милушка, милуша, миленькой, милая душа, милой и бездонной мой, милой мой и прелюбезной друг, милой друг, милая милюша, милая милюшечка Гришинька, мамурка, милая Гришифишечка, милюша милая, милюха милушенька, моя жизнь, мой дорогой, моя душа бездонная, Москов; нежный муж; павлин, радость, сударушка, сударка, славной и сладкой, сударка миленькой, собственной мой милой, сокол мой дорогой; татарин, тигр, шалун, яицкой, Пугачев, Яур (?). Cher époux (милый супруг), mon cher ami, та perruche (мой попугайчик), m'amour (любовь моя), morbleu (чорт возьми, тьфу пропасть!), mon bijou (моя драгоценность; сокровище), mon ami, топ beau faisan dor (мой прекрасный золотой фазан), mon mari (мой муж), топ cher et bien aimé époux (дорогой и возлюбленный супруг), mon toutou (амка, гамка, вавка). См.: Язык любви сто лет назад / Сообщ. И.А. // Русская старина. 1878 г. Т. 23. № 11. С. 543–544.

41

Письма императрицы Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1755–1777 гг.).

42

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 13. Л. 2 // Об открытии комода, поступившего в Кабинет Его Величества после кончины блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины II, и об отправлении некоторых из вещей к разным лицам по назначению г. министра Императорского двора. 1831.

Именно благодаря Николаю I сохранились «военные вещи» Екатерины II: «Мундир генеральский зеленого сукна шитый по мужскому с красным воротником и обшлагами; Мундир Преображенского полка зеленого гарнитура; Мундир Семеновского полка; Мундир Измайловского полка; Мундир Конно-гвардейского полка синего гарнитура; Мундир Кирасирского полка синий; Мундир морской Белого гарнитура; Сюртук Преображенский; Мундир армейский зеленого гарнитура». См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. 182. О достопамятных вещах, принадлежавших Императорской фамилии со времен Императора Петра I, хранящихся в разных казенных зданиях. 1826–1830; *Зимин И.* Мода в стиле «милитари» // Взрослый мир императорских резиденций. М.; СПб., 2011.

43

Порошин С. А. Записки служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. СПб., 1844.

44

Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С. А. Порошина). 1765 г. / Сообщ. С. Н. Абразанцевым // Русский архив. 1869. Вып. 1.

45

Чернышев Захарий Григорьевич (1722–1784) – граф, генерал-фельдмаршал. Прославился успешными действиями в годы Семилетней войны. В 1763–1774 гг. возглавлял Военное ведомство. Генерал-губернатор Москвы (1782 г.).

46

Серинет – маленький органчик высокого строя, с рукояткой. Служит для приучения птиц к пению мелодий, в особенности чижиков (от *фр.* serin) и канареек.

Семенов В. А. Читательские интересы императора Павла I. Электронная версия.

48

Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича.

49

Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича.

50

Начало поиска немецкой невесты для Павла Петровича относят к 1768 г.

51

Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 // Русский архив. 1864.

52

Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 // Русский архив. 1864.

Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1278.

54

Слухи обвиняли Екатерину II чуть ли не в завуалированном убийстве невестки.

55

В детстве принцесса упала, сильно ударив спину. Врачи лечили ее притираниями, рекомендовав впоследствии больше гулять и танцевать. Впрочем, в других источниках упоминается об операции по удалению «хвостика» – «лишнего» позвонка на копчике. Так или иначе, проблемы у принцессы в области тазовых костей действительно имелись. И эти проблемы придворные врачи просмотрели.

Цесаревича в этой поездке сопровождали фельдмаршал Румянцев, Н. И. Салтыков, камергер Нарышкин, камер-юнкер А. Куракин, секретарь Николаи и хирург Бек.

57

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891. Л. 82. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

58

Мария Феодоровна. Письма к великому князю Павлу Петровичу [5 и 8 сентября 1796 г.] // Русская старина 1874. Т. 9, № 3. С. 485.

61

На записке приписка: «Имя праздновать с Константином».

62

На записке приписка: «Праздновать память 22 февраля».

63

Великая княжна Ольга Павловна умерла в 1795 г. Похоронена в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры.

64

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 447. Записки с именами, которые она желала дать своим внукам при крещении: Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Ольга. 1777–1795 гг.

Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Заря. 1871. С. 196.

Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1307.

То есть пикеты. Пикет-застава – полевой караул в европейских и русской армиях до XIX в. включительно, а также небольшая группа людей, охраняющих что-либо.

Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1306.

Кроме этого, Павел I пожаловал А. А. Аракчеева петербургским комендантом (7 ноября 1796 г.), майором лейб-гвардии Преображенского полка (9 ноября 1796 г.), кавалером ордена Св. Анны I ст. (13 ноября 1796 г.).

Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1311.

Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

Массон К. Указ. соч.

75

Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском, собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым. М.: Университетская типография, 1807. Электронная версия.

Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева // Голос минувшего. 1918. № 7–9.

Стулья, столы, шкафы, мраморные статуэтки.

Образ, обои зеленые бархатные, разная мебель.

Подушки пуховые, валики у диванов.

80

Икона, занавес суконный, кресла, часы столовые, купидоны мраморные на белой тумбе, вазы мраморные в бронзовой оправе, скамеечка подножная стальная, пол, обит ковром, судно ночное, обитое малиновым штофом и золотым галуном, ящик для дров красного дерева.

81

Стул простого дерева, стол ломберный.

82

Обои бархатные оранжевые.

83

Ящик для дров красного дерева, люстра серебряная небольшая.

84

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 438. Л. 2–7. О разных вещах и статуях бывших в комнатах покойного императора Павла I. 1828–1829 гг.

85

Три шкафа красного дерева с мраморными белыми досками за печатью; Дубовый ларец с оковкою с печатью; Дубовый ларец с медною оковкою под печатью; Бронзовые накладки в виде собак; Две накладки с бронзовыми орлами на мраморных досках; Ящик маленький красного дерева с компасом из Кабинета; Две шляпы образцовых.

86

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 438. Л. 10. О разных вещах и статуях бывших в комнатах покойного императора Павла I. 1828–1829 гг.

87

Родная бабушка А. Х. Бенкендорфа.

88

Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову.

89

Фицгерберт Аллейн (Fitzherbert, барон Св. Елены, 1753–1839) – английский дипломат. В 1782 г. послан в Париж для заключения мира с Францией, Испанией и Северо-Американскими Соединенными Штатами. В 1783 г. назначен чрезвычайным посланником при дворе Екатерины II, которую сопровождал в Крым в 1787 г. В 1793 г. заключил союз между Великобританией и Испанией; в 1801 г. послан в Россию приветствовать Александра I со вступлением на престол; заключил договор между Англией и Россией и конвенции с Данией и Швецией.

90

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 225 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

91

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 225 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

92

Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича / Сообщ. М. П. Погодин // Русский архив. 1866. Вып. 1. Стб. 94-111.

93

Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 170.

98

Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1806 г. СПб., 1905 г.

99

Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1806 г. СПб., 1905 г. С. 461.

100

РГИА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 42. Л. 2–3. О поправках в Собственных комнатах Их Императорских Величеств. 1821 г.

101

РГИА. Ф. 519. Оп. 6. Д. 348а. Л. 11. О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г.

102

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 75.

103

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 10–35.

104

Так Николай Павлович именовал своего старшего брата-императора.

105

Сидорова М. «Я пишу не для света…». Записные книжки и воспоминания Николая I // Родина. 2013. № 3. С. 19.

Записки Николая I.

107

Воспоминания императрицы Александры Федоровны. 1817–1820. Электронная версия.

108

Четвертая дочь Павла I и императрицы Марии Федоровны, великая княгиня Екатерина Павловна (род. 1788), скончалась 9 января 1819 г.

109

Страницы дневников императрицы Марии Федоровны. 1825–1826. Электронная версия.

110

Страницы дневников императрицы Марии Федоровны. 1825–1826. Электронная версия.

111

Восшествие на престол императора Николая 1-го. Составлено, по Высочайшему повелению, статс-секретарем бароном Корфом. Изд. третье (первое для публики). СПб., 1857.

112

Восшествие на престол императора Николая 1-го. Составлено, по Высочайшему повелению, статс-секретарем бароном Корфом. Изд. третье (первое для публики). СПб., 1857.

113

Поручику В. Х. Граве 15 декабря 1825 г. была объявлена высочайшая признательность «за примерный порядок, усердие и точность в исполнении своих обязанностей».

114

Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 – 13 (25) июля 1826). Электронная версия.

115

Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

116

Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

117

Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

118

Из дневника императрицы Александры Федоровны (27 ноября 1825 -13 (25) июля 1826). Электронная версия.

119

«Посылаю тебе благословение старшего брата, от глубины сердца, всеми ощущениями тебе принадлежащего, и удостоверяю тебя, как подданный, в преданности и беспредельной привязанности, с которыми не перестану быть твоим преданнейшим братом и другом». Цит. по: Восшествие на престол императора Николая 1-го…

120

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

121

Императрица Мария Федоровна. Записка о событиях 14 декабря 1825 г. Электронная версия.

Записки Николая I.

123

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

124

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 гг. Электронная версия.

125

Цитаты на французском – тоже из воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны.

126

В камер-фурьерском журнале ошибочно указано, что караул был от лейб-гвардии Егерского полка.

127

Записки Николая I.

128

Полковник Павел Кесаревич Хвощинский (1792–1852) в 1823 г. был переведен в лейб-гвардии Московский полк. Он состоял членом Союза благоденствия, но 14 декабря оказал активное противодействие восставшим и был ранен. 15 декабря Хвощинский пожалован флигель-адъютантом к Николаю I.

129

Записки Николая I.

Императрица Мария Федоровна. Записка…

Записки Николая I.

Императрица Мария Федоровна. Записка…

133

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

Записки Николая I.

Записки Николая I.

Записки Николая I.

137

Императрица Мария Федоровна. Записка…

Записки Николая I.

139

Впоследствии – Первая запасная половина.

140

Герцог Александр Фридрих Вюртембергский (1771–1833) – брат императрицы Марии Федоровны и первого короля Вюртембергского Фридриха-Карла I. В 1800 г. переселился в Россию. Первое время проживал в Курляндии. В 1811 г. – белорусский губернатор, принимал участие в войне 1812 г., член Государственного совета, с 1822 г. – главноуправляющий Ведомства путей сообщения и публичных зданий.

141

Александр Фридрих Вильгельм Вюртембергский (1804–1881).

142

Евгений, герцог Вюртембергский (1788–1857) – генерал от инфантерии, племянник императрицы Марии Феодоровны. Участник войны 1812 г., командовал дивизией, корпусом. В 1813 г. участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом и Дрезденом, Кульмом. В 1814 г. был в сражениях при Барсюр-Об и Арси и при взятии Парижа. В 1828 г. командовал корпусом в войне с Турцией, был ранен.

143

Этот кабинет в ходе последующих перестроек вошел в объем Золотой гостиной императрицы Марии Александровны.

Императрица Мария Федоровна. Записка…

145

Будущий Александр II.

146

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

147

Каратыгин П. Воспоминания // Русская старина. 1875. Кн. 12, т. 4. С. 375.

Императрица Мария Федоровна. Записка…

149

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

150

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

151

Николай I. Записка <о ходе следствия 14–15 декабря 1825 г.>. (1848 г.). Электронная версия.

152

Великая княгиня Елена Павловна, супруга великого князя Михаила Павловича, младшего брата Николая I.

153

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

154

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 гг. Электронная версия.

155

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

156

Николай I. Записка…

Записки Николая I.

Записки Николая I.

Записки Николая I.

160

Николай I. Записка…

161

Из дневника императрицы Александры Федоровны…

162

Из «Записок» барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1899. № 7. С. 3–30.

163

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1072. Гардеробные суммы.

164

Сон юности.

165

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 381. Л. 1. О назначении Их Высочествам Великим Княжнам Марии, Елизавете и Екатерине Михайловнам комнат в Зимнем дворце. 1828 г.

166

Сон юности.

167

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 186 об. // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903 г. Ч. 1.

168

РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 159. Л. 1 // О переделке паркетов в комнатах Зимнего дворца, где были Кабинет и Спальня великой княгини Елены Павловны для постановления катальной горы и бильярда. 1829 г.

169

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 447. Л. 2 // О сделании детской катальной горы. 1828–1829 гг.

170

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 297. Л. 84 // Высочайшие повеления по Зимнему дворцу. 1831 г.

171

Гринвальд Михаил Николаевич (1803–1875) – русский кораблестроитель XIX в., генерал-лейтенант. Неоднократно бывал в Англии и Голландии, где знакомился с кораблестроением этих стран и наблюдал за постройкой заказанных для России пароходов. С 1830 г. Гринвальд преподавал курс механики и теорию кораблестроения в офицерских классах морского корпуса. В 1835–1836 гг. построил по собственному проекту на Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге первый в России колесный пароходо-фрегат «Богатырь». 3 мая 1839 г. подполковнику Гринвальду было поручено строение учебной гребной яхты для 12-летнего великого князя Константина. 3 декабря 1839 г. «за скорое и правильное сооружение учебной яхты… Всемилостивейше был награжден бриллиантовым перстнем».

172

РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 203. Л. 4 // Об устройстве в Зимнем дворце учебной яхты для Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича. 1839 г.

173

РГИА. Ф. 482. Оп. 9. Д. 84. Л. 1 // По рапортам Обергофмаршала графа Шувалова, об ассигновании денег за устроение ледяных гор и катков на Большом дворе Зимнего дворца и в Таврическом саду. 1866 г.

174

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Высочайшие указы. 1827 г. Л. 89.

175

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Высочайшие указы. 1827 г. Л. 138.

Император имел в виду декабристов.

177

Броневский С. Б. Записки из моей жизни // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 510.

178

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1066. Л. 1. О пятне, оказавшемся на своде по нижнему этажу Зимнего Дворца, в комнате перед Кабинетом на половине Государя Императора. 1850 г.

179

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1066. Л. 1. О пятне, оказавшемся на своде по нижнему этажу Зимнего Дворца, в комнате перед Кабинетом на половине Государя Императора. 1850 г.

180

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 961. Л. 1. Об очистке от снега одной дорожки кругом Летнего сада. 1849 г.

181

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 75.

182

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 75.

183

Сегодня этот золотой туалет можно увидеть в Галерее драгоценностей Государственного Эрмитажа в зале № 5.

184

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1309. Л. 1. О золотых и серебряных туалетах и о их назначении. 1839 г.

185

РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 25. Л. 8. О приеме золотого коронного туалета Императрицы Александры Федоровны, назначенного Государыне Цесаревне. 1867–1868 гг.

186

РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 12.

187

РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 12 об.

188

РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 28 об.

189

РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. О помещении из загородных дворцов и кладовых Зимнего дворца в Императорский Эрмитаж картин, вазы, приобретенной императором Александром II, туалета императрицы Анны Иоанновны и других ценных вещей. 1881–1882 гг. Л. 30.

Отметим, что в библиотеке императрицы Александры Федоровны хранились двенадцать уникальных рукописных молитвенников XV–XVI вв., выполненных на пергаменте и украшенных миниатюрами в декоративных рамках.

191

Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892) – крупнейший русский специалист по художественной археологии (художник, архитектор и историк), руководитель знаменитого издания «Древности Российского государства». Руководил художественным оформлением Большого Кремлевского дворца.

192

Ипполит Антонович Монигетти (1819–1878) – русский архитектор и акварелист, представитель архитектурной эклектики, много работавший по заказам царской фамилии и высшей аристократии.

193

Себестоимость молитвенника художник оценивал в 1000 руб. сер. и делал его два года. См.: РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (59/122). Д. 149. О заказе для Ея Величества молитвенника. 1849–1850 гг. Л. 1.

194

Себестоимость молитвенника художник оценивал в 1000 руб. сер. и делал его два года. См.: РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (59/122). Д. 149. О заказе для Ея Величества молитвенника. 1849–1850 гг. Л. 3.

195

О Бриллиантовой комнате Зимнего дворца см.: *Зимин И.* 1) Царские деньги. М.; СПб., 2011; 2) Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917. М.; СПб., 2012; *Зимин И., Соколов А.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М.; СПб., 2013.

196

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Оп. 249. О возобновлении витрин в коих хранятся коронные и принадлежащие Государыне Императрице бриллианты. 1854 г. Л. 1.

197

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Оп. 249. О возобновлении витрин в коих хранятся коронные и принадлежащие Государыне Императрице бриллианты. 1854 г. Л. 3.

198

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Оп. 249. О возобновлении витрин в коих хранятся коронные и принадлежащие Государыне Императрице бриллианты. 1854 г. Л. 4.

Эвальд А. В. Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 274.

200

Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 71.

201

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 31. О выписке из Парижа для Его Величества 12 дюжин бутылок Альпийской воды. 1847–1855 гг. Л. 85.

202

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 31. О выписке из Парижа для Его Величества 12 дюжин бутылок Альпийской воды. 1847–1855 гг. Л. 122.

203

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 659. Л. 1. Об уплате денег за морскую соль для ванн Государыни Императрицы и об апельсиновых деревьях. 1849–1850 гг.

Зимин И. В. Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917. М., 2012.

205

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 138. Л. 15. Журнал камерфурьерский. Декабрь 1837 г.

206

В придворном фольклоре имелись легенды, связанные с «пожарными» шутками. Так, по одному из таких преданий, в день 1 апреля император Александр I решил подшутить над комендантом П. Я. Башуцким и заявил тому, что прошлой ночью с Сенатской площади украли монумент Петру Великому. Перепуганный комендант отправился к памятнику, но вскоре вернулся и начал радостно докладывать императору: «Успокойтесь, Ваше Величество! Монумент целехонек, на месте стоит! А чтобы чего на самом деле не случилось, я приказал к нему поставить часового». Все расхохотались, а император поздравил Башуцкого с 1-м апреля. Через год в ночь на 1 апреля Башуцкий разбудил императора и доложил, что во дворце начался пожар. Император быстро оделся и поинтересовался, где и что горит. Башуцкий был очень доволен своим розыгрышем и поздравил императора с 1-м апреля. Александр Павлович не оценил шутку и сурово сказал: «Дурак, любезнейший, и это уже не первое апреля, а сущая правда».

207

Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году // Русский архив. 1865. Кн. 2. С. 1197.

208

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 138. Л. 16. Журнал камерфурьерский. Декабрь 1837 г.

209

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1198.

210

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1193.

211

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 66.

212

Сон юности.

213

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1185.

214

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1194.

215

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1183.

216

Имеется в виду башенка оптического телеграфа, расположенная на крыше северо-западного ризалита.

217

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1199.

218

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1201.

219

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1184.

220

Рассказы очевидцев о пожаре… С. 1202.

221

Сон юности.

222

РГИА. Ф. 516. Он. 1 (120/2322). Д. 138. Журнал камер-фурьерский. Декабрь 1837 г. Л. 19.

223

РГИА. Ф. 516. Он. 1 (120/2322). Д. 138. Журнал камер-фурьерский. Декабрь 1837 г. Л. 20.

224

Сон юности.

225

Сон юности.

226

Опочинин Федор Петрович (1779–1852) – действительный статский советник, обер-гофмейстер. С детства записан в лейб-гвардии Измайловский полк, поручик (1800 г.), адъютант вел. кн. Константина Павловича. Участник сражения при Аустерлице (1805 г.) и сражений 1807 г. С 1808 г. – полковник в отставке. Петербургский вице-губернатор (1810 г.). С 1826 г. на придворной службе, президент гоф-интендатской Конторы, член Госсовета, член Санкт-Петербургской театральной дирекции. Кавалер многих орденов, в том числе Св. Андрея Первозванного (1850 г.) и Св. Георгия IV ст.

227

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 145. О перемене полузанавесок у окон комнат Зимнего дворца. 1841. Л. 1.

228

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 145. О перемене полузанавесок у окон комнат Зимнего дворца. 1841. Л. 2.

229

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/382). Д. 1. Л. 2. Камер-фурьерский журнал. Январь 1855 г.

230

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/382). Д. 2. Л. 8. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1855 г. Кончина в Бозе Почившего Государя Императора Николая Павловича.

231

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Л. 32. Фредерикс М. П., баронесса. «Воспоминания старушки».

См.: *Девятое С. В., Жиляев В. И., Зимин И. В., Кайкова О. К.* и др. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. М., 2006.

Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001. С. 230.

234

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 136. Л. 12 // Камер-фурьерский журнал. Месяц апрель 1866 г.

235

Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М., 1928. С. 13.

236

Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М., 1928. С. 14.

237

27-летний О. И. Комиссаров-Костромской, получив дворянство из рук царя, был определен в учебный эскадрон Павлоградского полка, где сдал экзамен на офицерский чин. На собранные по всей России деньги ему купили имение. В армии Комиссаров дослужился до чина штабс-ротмистра и вышел в отставку, уехав в свое имение, где благополучно спился и в 1892 г. повесился в приступе белой горячки. См.: *Персианов И. А.* «Спаситель» императора: О. И. Комиссаров-Костромской // Из глубины времен. 1997. Вып. 8. С. 83.

238

Сохранилось письмо Е. М. Долгоруковой: «В тот день я была в Летнем саду, император говорил со мной как обычно, спросил, когда я собираюсь навестить сестру в Смольном, и когда я сказала, что отправлюсь туда сегодня же вечером, что она меня ждет, он заметил, что приедет туда, только чтобы меня увидеть. Он сделал ко мне несколько шагов, дразня меня моим детским видом, что меня рассердило, я же считала себя взрослой. „До свидания, до вечера“, – сказал он мне и направился к решетчатым воротам, а я вышла через маленькую калитку возле канала… Несмотря на волнения и дела, которыми он был занят днем, он вскоре после меня приехал в институт. Эта встреча стала лучшим доказательством, что мы любим друг друга».

239

Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 438.

Князь Мещерский. Воспоминания. С. 422.

241

М. Палеолог также упоминал о четырех выстрелах. См.: *Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская. Пг.; М., 1924. С. 75.

242

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2040. Л. 2. О доставлении в Придворный Конюшенный госпиталь Франца Милошевича с огнестрельною раною, нанесенною из револьвера злоумышленником, покушавшимся на царя. 1879.

243

Князь Мещерский. Воспоминания. С. 423.

Напомним, что Д. Каракозов стрелял в императора тоже в понедельник, 4 апреля 1866 г.

245

РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г. Л. 65.

246

РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г. Л. 66.

247

Как это ни странно, решение о том, каким оружием совершать покушение, решался голосованием. Большинство отвергло кинжал и динамит, проголосовав за револьвер.

248

РГИА. Ф. 472. Оп. 42 (502/2739). Д. 73. Л. 11 об. // О назначении единовременного пособия из Кабинета Его Императорского величества вдове отставного генерал-майора Кох. 1909–1916 гг.

249

РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г.

250

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 9.

251

Молин Ю. А. Романовы… Забвение отменяется! Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005. С. 207.

252

Никса – великий князь Николай Александрович, старший сын Александра II, умерший в апреле 1865 г. в Ницце.

253

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Фредерикс М. П., баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 92.

254

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Фредерикс М. П., баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 92 об.

255

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 743. Опись вещам, находящимся на половине покойной Императрицы Марии Александровны. 1894 г.

256

РГИА. Ф. 479. Оп. 1 (375/1694). Д. 383. Л. 50.

257

РГИА. Ф. 479. Оп. 1 (375/1694). Д. 383. Л. 50.

Милютин Д. А. Дневник. 1878–1880 гг. Т. III. М., 1950. С. 65.

259

Яковлева АМ. Воспоминания бывшей камер-юнгферы Императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1888. № 3. С. 604.

Милютин Д. А. Дневник. Т. III. С. 205.

261

На французском языке.

Милютин Д. А. Дневник. Т. III. С. 207.

263

РГИА. Ф. 479. Он. 1 (375/1694). Д. 383. Л. 52.

264

Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 82.

265

Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 85.

266

Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. С. 86.

267

РГИА. Ф. 1614. Он. 1. Д. 97. Л. 2.

Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при Дворе. Записки фрейлины // Октябрь. 1993. № 5. С. 107.

269

На вскрытии присутствовали министр Императорского двора А. В. Адлерберг, лейб-медик С. П. Боткин, почетный лейб-медик Г. А. Головин, почетный лейб-медик В. Алышевский, проф. В. Л. Грубер, прозекторы Н. П. Ивановский, П. Ф. Лесгафт и А. И. Таренецкий.

270

РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 91. Л. 4–5.

271

РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 54. Л. 1. О передаче в Императорский Эрмитаж завещанною оному в Бозе почившею Императрицею Мариею Александровною картину, изображающую Св. Иоанна. Современное именование картины на сайте Государственного Эрмитажа – «Иоанн Богослов».

272

РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 54. Л. 1. О передаче в Императорский Эрмитаж завещанною оному в Бозе почившею Императрицею Мариею Александровною картину, изображающую Св. Иоанна. Современное именование картины на сайте Государственного Эрмитажа – «Иоанн Богослов».

См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М.; СПб., 2011.

Пиллар-фон-Пильхау Анна Карловна (1832–1885) – баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны.

275

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 2. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1881 г.

276

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 2. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1881 г.

На службе присутствовали среди прочих – наследник великий князь Александр Александрович, цесаревна Мария Федоровна и их старшие сыновья, Николай и Георгий.

278

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 2. Л. 37 об. Камер-фурьерский журнал. Февраль 1881 г.

279

«К» – это Катя, т. е. Е. М. Юрьевская, которая была на службе с тремя детьми.

280

Наследник, великий князь Александр Александрович.

«2» – видимо, с двумя сыновьями – Николаем и Георгием.

282

Второй сын Александра II – великий князь Владимир Александрович.

283

Бернгард Франц Вильгельм фон Вердер (1823–1907) – прусский генерал. Военный атташе в Петербурге с 1869 по 1886 г.

284

Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820–1893) – князь, русский генерал и государственный деятель, участник Кавказских походов и Крымской войны. В 1880 г. командовал войсками Харьковского военного округа и был временным харьковским генерал-губернатором, в 1881 г. занимал такой же пост в Одессе.

285

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – граф, генерал-фельдмаршал, почетный член Академии наук, военный министр (1861–1881 гг.), член Государственного совета.

286

Гирс Николай Карлович (1820–1895) – дипломат, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг., статс-секретарь (1879 г.)

287

Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1825–1888) – российский военачальник и государственный деятель; генерал от кавалерии (17 апреля 1875 г.), генерал-адъютант, граф (16 апреля 1878 г.). Член Государственного совета (11 февраля 1880 г.).

288

Андрей Иванович Желябов (1851–1881) – революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», один из организаторов убийства императора Александра II.

289

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 58. Л. 38. О светлейшей княгини Юрьевской и ее дочери княгине Барятинской. 1904–1910 гг.

290

Разодранный взрывом мундир Александра II с пятнами крови до 1917 г. хранился в Малой церкви Зимнего дворца. В настоящее время – в Государственном Эрмитаже.

291

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 3. Камер-фурьерский журнал. Кончина императора Александра II. Март 1881 г.

292

Комаров В. В. Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 г. СПб., 1882. С. 17.

293

Эта «железная односпальная бронзированная кровать», на которой скончался Александр II, хранилась в его кабинете вплоть до конца 1920-х гг.

Великие княгини Александра Иосифовна и Терезия Петровна Романовская в выходе не участвовали «по несовершенному здоровью и молебен слушали из молельной комнаты».

295

РГИА. Ф. 516. Он. 1 (206/2703). Д. 3. Л. 25. Камер-фурьерский журнал. Кончина императора Александра II. Март 1881 г.

296

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 3. Л. 50 об. Камер-фурьерский журнал. Кончина императора Александра II. Март 1881 г.

297

Погребение императора Александра II состоялось в воскресенье 15 марта 1881 г.

298

Половина Александра II на втором этаже западного фасада Зимнего дворца включала: Биллиардную комнату, Приемную, Учебную, Кабинет, Камердинерскую, Библиотеку, Антресоль над камердинерской комнатой и Буфет. См.: РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 742 Опись казенным вещам, находящимся на половине покойного Императора Александра II. 1894.

Император имел в виду, конечно, Е. М. Долгорукову.

Княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). Александр II. М., 2004. С. 90.

301

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Л. 95 об. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки».

302

Архив Государственного Эрмитажа. Описи комнатного имущества бывших исторических комнат Государственного Эрмитажа и оценочные акты.

303

См. подробнее: *Зимин И. В.* Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2011.

304

Великая княгиня Ольга Федоровна.

305

См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М.; СПб., 2011.

306

РГИА. Ф. 472. Он. 40 (194/2682). Д. 58. Л. 99 // О Светлейшей Княгине Юрьевской и ее дочери княгине Барятинской. 1904–1910 гг.

307

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Л. 89. Фредерике М. П., баронесса. «Воспоминания старушки».

См. подробнее: *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. М.; СПб., 2010 г.

309

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Фредерикс М. П., баронесса «Воспоминания старушки». Л. 90 об.

310

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Фредерикс М. П., баронесса «Воспоминания старушки». Л. 130.

311

Архив Государственного Эрмитажа. Опись вещам, находящимся в Собственных Его императорского Величества комнатах. 1889 г.

Тогда «Дамская половина» 1-й запасной половины включала: Желтое зало (сделаны новые тюлевые занавески на 1 окно); Малиновая Гостиная (новые тюлевые занавески на 4 окна, стены обиты новою шелковою материей, обита вся мебель); Ванная комната (обиты ситцем русским стены, затянут потолок в виде сияния, затянуты дверцы у шкафа, обит 1 большой диван, 1 диван маленький и 3 табурета); Камердинерская; Спальня; Уборная и Кабинет.

313

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. Л. 6. О расходах по приготовлению в Императорском Зимнем дворце комнат и других расходах, вызываемых бракосочетанием Наследника Цесаревича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксению Александровною. 1894–1896 гг.

314

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. Л. 10 О расходах по приготовлению в Императорском Зимнем дворце комнат и других расходах, вызываемых бракосочетанием Наследника Цесаревича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксению Александровною. 1894–1896.

315

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 612. О вещах, помещаемых по Высочайшему повелению в комнатах Их Императорских Величеств в Зимнем дворце. 1896 г. Л. 1.

316

Николай II приобрел акварели: А. К. Гефтлер «У Ревельского порта»; А. П. Шнейдер «Лилии»; А. А. Писемский «Море». Александра Федоровна: А. Н. Бенуа «Гостиница в Абас-Тумане»; Д. А. Бенкендорф «Чтение письма»; А. К. Гефтлер «Калинкин мост». См.: Там же. Л. 2.

317

Тогда император купил картины: О. Фрейвит-Лютцов «Алхимик»; В. Овсянников «Собор Василия Блаженного в XVI в.». См.: Там же. Л. 11.

318

Это решение вызвано тем, что в Александровском дворце Царского Села продолжались строительные работы, связанные с оборудованием дворца под жилую загородную резиденцию Николая II. В ходе этих работ мемориальный кабинет Николая I уничтожили, а вещи из него передали на хранение в Зимний дворец.

319

Гобелен (*фр.* gobelin), или шпалера – один из видов декоративно-прикладного искусства, стенной односторонний безворсовый ковер с сюжетной или орнаментальной композицией, вытканный вручную перекрестным переплетением нитей.

320

Темный коридор Зимнего дворца идеально подходил для размещения шпалер работы XVI в., поскольку в этом коридоре не было окон и они не выцветали от солнечного света.

321

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 612. Л. 44.

322

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (197/2685). Д. 208. О библиотеке Ея Императорского Величества. 1896 г. Л. 1.

323

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (197/2685). Д. 208. О библиотеке Ея Императорского Величества. 1896 г. Л. 12.

Среди этих книг: Михельсон. «Меткие и ходячие слова» (СПб., 1894); «Веда славян. Обрядные песни языческого времени, собранные Верховичем» (Т. 2. СПб., 1881); Хмелевский. «Гоголь на родине» (Киев, 1902); Истомин и Дютиль. «Песни русского народа» (СПб., 1894); Авенариус. «Книга былин» (СПб., 1880); Ровинский. «Подробный словарь русских граверов»; Ахшарумов и Лапицкий. «Описание путешествия Их Императорских Величеств по России» (СПб., 1897); Барсуков. «Жизнь и труды Барского ВТ.» (СПб., 1885); Яблочков. «История дворянских сословий в России» (СПб., 1876).

325

Ванная императора находилась на антресолях первого этажа, под Кабинетом Николая II, в помещении, где ранее, при императрице Александре Федоровне, находился фонтан ее Зимнего сада.

326

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205/2693). Д. 57. Л. 1. По ходатайству жены художника Надежны Врубель (Забелы). 1904 г.

327

Теляковский Владимир Аркадьевич (1860–1924) – русский театральный деятель, администратор, мемуарист. С июня 1901 по 6 мая 1917 г. – глава Дирекции Императорских театров.

328

Ирина – это племянница Николая II, дочь великой княгини Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича. Четырехлетняя девочка приехала в Зимний дворец вместе с бабушкой – императрицей Марией Федоровной.

329

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 366. Л. 1. О капитальном ремонте на 5-й запасной половине Зимнего Дворца помещения для гофмейстерины княгини Голицыной. 1897 г.

Например, окно кухни с плитой и ванной находилась левее пандуса у подъезда императрицы.

331

РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 99. О Международной научно-промышленной выставке «Детский Мир». 1903. Л. 1.

332

РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 99. О Международной научно-промышленной выставке «Детский Мир». 1903. Л. 9.

333

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 231. Л. 1. О коллекции г-жи Нелидовой. 1914 г.

«Читал» – это работал с документами; «провел время свободно» – то есть у императора не было министров с докладами.

335

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 50. Л. 2. Об отводе особам и лицам помещений в Императорском Зимнем дворце. 1897 г.

336

Картира № 8: Гостиная – 2 окна, Кабинет – 2 окна, Спальня – 2 окна, Квартира № 11: Гостиная – 2 окна, Кабинет – 2 окна, Столовая – 1 окно, Приемная – 1 окно; Квартира № 13: Столовая – 1 окно, Кабинет – 2 окна, Спальня – 1 окно; Квартира № 14: Столовая – 2 окна; Кабинет – 4 окна, Спальня – 1 окно. См.: РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 718. Л. 1. По должности движимого имущества VI Запасная половина. 1893 г.

337

Безобразов Александр Михайлович (1855–1931) – полковник, статс-секретарь, сторонник активной политики России на Дальнем Востоке.

338

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 18. Л. 1. О статс-секретаре Безобразове. 1903 г.

339

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 18. Л. 9.

340

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 757. Л. 24. Должность комнатного имущества Императорского Зимнего дворца. Убранство квартиры генерал-майора Д. Ф. Трепова. 1905.

341

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 100. Л. 34. О представлении отчета по Гофмаршальской части за 1895 г.

342

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 100. Л. 54.

343

Кладовая золотых и серебряных вещей, в том числе «Особая мастерская» (с 1884 г.), при которой работало 11 серебряников, занимавшихся чисткой, полировкой и исправлением золотых и серебряных вещей. Кладовая фарфоровых и хрустальных сервизов. Бельевая кладовая. Статсливрейная кладовая. Винная кладовая (подвальный этаж Малого Эрмитажа). Ламповая кладовая (обслуживала 1552 масляных и 1673 карсельских ламп). Медная кладовая. См.: РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 100. О представлении отчета по Гофмаршальской части за 1895 г. Л. 18.

344

Кладовая золотых и серебряных вещей, в том числе «Особая мастерская» (с 1884 г.), при которой работало 11 серебряников, занимавшихся чисткой, полировкой и исправлением золотых и серебряных вещей. Кладовая фарфоровых и хрустальных сервизов. Бельевая кладовая. Статсливрейная кладовая. Винная кладовая (подвальный этаж Малого Эрмитажа). Ламповая кладовая (обслуживала 1552 масляных и 1673 карсельских ламп). Медная кладовая. См.: РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 100. О представлении отчета по Гофмаршальской части за 1895 г. Л. 48.

345

См. подробнее: *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М.; СПб., 2011.

346

Архив Государственного Эрмитажа. Опись Большого Фрейлинского коридора, квартира камер-фрау Герингер. 1900 г.

347

В ее квартиру входили: Прихожая, Столовая, Гостиная, Спальня, Комната прислуги. См.: Архив Государственного Эрмитажа. Опись Большого Фрейлинского коридора, квартира г-жи Шнейдер. 1900 г.

348

Согласно «Справке о пособиях, выданных камер-юнгферам Ея Величества из Собственных сумм»: в 1897 г. Занотти выехала в Дармштадт (210 руб.); в 1899 г. Орчард выехала из Дармштадта в Лондон и Занотти из Копенгагена в Дармштадт (600 руб.); в 1900 г. – Тутельберг в Ревель (50 руб.); в 1901 г. – Занотти за границу (300 руб.); в 1902 г. Орчард выехала из Копенгагена в Киль (50 марок, или 23 руб. 24 коп.); в 1903 г. – Тутельберг выехала в отпуск (75 руб.); в 1904 г. Орчард выехала за границу (1000 руб.); в 1905 г. Тутельберг выехала за границу (75 руб.); в 1907 г. Тутельберг (100 руб.); в 1908 г. Тутельберг (100 руб.); в 1916 г. Тутельберг на поездку в отпуск в Финляндию (200 руб.). См.: РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (201/2689). Д. 109. Л. 13. Тутельберг Мария камер-медхен при комнатах Ея Императорского Величества. 1900 г.

349

Там же. Д. 61. Л. 23. Демидова Анна, комнатная женщина при комнатах Ея Величества. 1900 г.

350

В 1899 г. «из сумм Ея Величества получил пособие по случаю смерти отца 150 рублей». См.: Там же. Оп. 1 (200/2688). Д. 78. Л. 4. Трупп Алоизий, лакей при комнатах Ея Величества. О пожаловании ему пособия. 1899 г.

351

В 1899 г. «из сумм Ея Величества получил пособие по случаю смерти отца 150 рублей». См.: Там же. Оп. 1 (202/2690). Д. 132. О комнатной женщине при комнатах Августейших детей Их Императорских Величеств Александре Тегелевой.

1901 г. Л. 1.

352

В 1899 г. «из сумм Ея Величества получил пособие по случаю смерти отца 150 рублей». Оп. 1 (202/2690). Д. 132. О комнатной женщине при комнатах Августейших детей Их Императорских Величеств Александре Тегелевой.

1901 г. Л. 25.

353

В 1899 г. «из сумм Ея Величества получил пособие по случаю смерти отца 150 рублей». Оп. 1 (203/2691). Д. 84. О комнатной женщине при комнатах Августейших Детей Их Императорских Величеств Надежде Тегелевой. 1902 г. Л. 1.

354

В 1899 г. «из сумм Ея Величества получил пособие по случаю смерти отца 150 рублей». Оп. 1 (203/2691). Д. 84. О комнатной женщине при комнатах Августейших Детей Их Императорских Величеств Надежде Тегелевой.

1902 г. Л. 4.

355

Элла – старшая сестра императрицы, великая княгиня Елизавета Федоровна; Ольга – младшая сестра Николая II.

Русский двор в 1792–1793 годах. Заметки графа Штернбергера // Русский архив. 1880. Кн. 3, вып. 11–12. С. 263.

357

Русский двор в 1792–1793 годах. Заметки графа Штернбергера // Русский архив. 1880. Кн. 3, вып. 11–12. С. 264.

358

Русский двор в 1792–1793 годах. Заметки графа Штернбергера // Русский архив. 1880. Кн. 3, вып. 11–12. С. 266.

Волков Н. Е. Двор русских императоров в прошлом и настоящем. М., 2001. С. 130.

360

РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 718. Краткий очерк деятельности Министерства Императорского Двора в первое 25-летие благополучного царствования Государя Императора Александра II. 1855-19 февраля 1880 гг.

Зимин И. В. Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917. М.; СПб., 2012.

362

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 437. Л. 2–5. О возобновлении Большой церкви в Зимнем дворце. 1828.

363

Сумароков П. Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой: в 3 ч. СПб., 1852. Стб. 2104.

364

Екатерина II. О дамских уборах. Распоряжение от 24 октября 1782 г.: «Ея императорское величество указать соизволила объявить госпожам обер-гофмейстерине, статс-дамам, фрейлинам и прочим двора ея императорскаго величества, чтоб на платьях их никаких накладок, из разных лоскутков сделанных, или шире двух вершков не носили; ея величеству угодно, впрочем, будет, когда они, так как и другия дамы, коим приезд ко двору ея величества дозволен, наблюдая более простоту и умеренность в образе одежды их, не станут употреблять таких вещей, коим только одна новость дает всю цену, равным образом и на голове уборы носить не выше двух вершков, разумея ото лба. Каммер-фурьер Герасим Журавлев» // Русская старина. 1888. Т. 59. № 7. С. 177.

365

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 гг. Электронная версия.

366

Екатерина Великая по рассказу современника-немца // Русский архив. 1911. Кн. 2, вып. 7. С. 325.

367

Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Россия в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II, 1778–1783) // Русский архив. 1874. Кн. 1, № 6. Стб. 1469.

368

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // Русская старина. 1875. Т. 12. № 4. С. 782.

369

Сон юности.

370

Бриллиант индийского происхождения весом в 88,7 карата, который ныне хранится в Алмазном фонде в Москве. Безукоризненно прозрачный, легкого желтовато-бурого оттенка камень. Глубокая бороздка на нем свидетельствует, что его носили как талисман. *О нем (если интересно) есть статья: Владимиров М. Географические метаморфозы «Шаха» II Глобус: Географический научно-художественный сборник. 1983. Л., 1983. С. 291–299.*

371

РГИА. Ф. 472. Оп. 42 (496/2723). Д. 38. Л. 5. О распоряжениях по случаю открытия Государственной думы 27 апреля 1906 г. в Императорском Зимнем дворце. 1906 г.

372

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 99. Л. 10. О представлении Их Императорским Величествам разных лиц. 1826–1827 гг.

373

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.

Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 463.

375

Сон юности.

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911.

377

Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича / Сообщ. М. П. Погодин // Русский архив. 1866. Вып. 1. Стб. 94-111.

378

Пред полуднем, в 12-м часу, Е. И. В. с И. И. вв. Г-м Ц-м, Г-ней в. к-ней, с новобрачными и с Г-м в. к. Константином Павловичем изволила шествие иметь чрез столовую комнату в придворную большую церковь к слушанию божественной лигургии, которую совершал очередной священник; после литургии из церкви Е. В. с И. вв-ми возвратилась чрез столовую-ж и проходила в фонарики, что из кавалерской комнаты, в которое время, по данному от дежурнаго ген. – адъютанта сигналу, выпалено из 5-ти пушек с адмиралтейской крепости и даны народу жареные быки и виноградное вино на площади против дворца на нарочно устроенных пирамидах и сделанных фонтанов. Стол сервирован в две перемены большим французским серебряным сорвизом, посуда хрустальная была шлифованная, а фарфор цветной – саксонский. Стол сервирован в две перемены серебреным большим французским сервизом; фарфор цветной – саксонский и посуда употреблена хрустальная шлифованная. Вечеровыя-ж времена в те дни октября 4, 5 и 6-го чисел Е. И. В. соизволила препроводить обще с И. И. вв. с новобрачными, с Г-м в. к. Константином Павловичем, с некоторыми знатными особами и с дежурными придворными кавалерами в комнате, где вещи бриллиантовыя, забавляясь в карты и шахматы. В обыкновенное время Е. И. В. обеденный стол изволила иметь в комнате, где вещи бриллиантовыя. В вечеру, в 6 часов, в аппартаменты к Е. И. В. прибыть изволили И. И. вв. в. к. Александр Павлович и в. к-ня Елисавета Алексеевна, с которыми Е. В. и с прочими знатными некоторыми особами соизволила вечор препроводить в комнате, где вещи бриллиантовыя. Обеденное кушанье Е. И. В. имела в комнате, где вещи бриллиантовыя, на 10-ти кувертах. Вечер препроводить изволила Е. И. В. обще с И. И. вв. нововобрачными и с Г-м в. к. Константином Павловичем в той же брилллиантовой комнате, забавляясь в шахматы, приглася собравшихся пред тем некоторых знатных особ, также и чужестранных министров. Обеденный стол Е. И. В. имела в комнате вещей бриллиантовых. См.: Журнал высочайшего торжества бракосочетания Их Императорских высочеств благоверного государя великого князя Александра Павловича и благоверной государыни великой княжны Елисаветы Алексеевны, сентября с 28-го – октября по 12-е число 1793 года, при дворе Ее Императорского Величества. 1793 г. // Русская старина. 1874. Т. 9. №. 4. С. 685–696.

380

2 февраля 1796 г. Юлиана-Генриетта приняла православие и стала зваться великой княжной Анной Федоровной, свадьба состоялась 26 февраля 1796 г.

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной…

Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

383

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 136. Л. 34. Камер-фурьерский журнал. Месяц апрель 1866 г.

384

Сон юности.

385

Великая княгиня имеет в виду комнаты первого этажа северозападного ризалита, выходящие на Неву, то есть на север.

386

Сон юности.

387

Сон юности.

388

Сын Подтягина служил камердинером у Александра II.

389

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 70. Л. 5. О наградах, по случаю исполнившегося 30-летия супружеской жизни Их Императорских Величеств. Ч. 1. 1871 г.

390

Так император именовал мимолетные приключения с различными дамами.

391

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 70. Л. 3. О наградах… Ч. 1.

392

РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 63. Л. 1.

Среди прочего см.: *Зимин И. В.* Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М., 2011.

См. подробнее: *Девятое С. В., Жиляев В. И., Зимин И. В., Онищенко Г. Г.* и др. Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX веков / Под ред. Г. Г. Онищенко. М., 2008.

395

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. О расходах по приготовлению в Императорском Зимнем дворце комнат и других расходах, вызываемых бракосочетанием Наследника Цесаревича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксению Александровною. 1894–1896 гг. Л. 56.

396

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. О расходах по приготовлению в Императорском Зимнем дворце комнат и других расходах, вызываемых бракосочетанием Наследника Цесаревича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксению Александровною. 1894–1896 гг. Л. 50.

397

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1302. Л. 12. О Бракосочетании Его Императорского Величества Государя Императора с Ея Императорским Высочеством великою княжною Александрою Федоровною 14 ноября 1894 г.

398

Архив Государственного Эрмитажа. Фонд I. Дело 10. Опись 6. Лит. 3. Лист 83 б.

399

Список преподавателей Николая II, бывших 14 ноября 1894 г. в Зимнем дворце: протопресвитер Янышев – Закон Божий; действительный статский советник Бунге – политическая экономия и финансовое право; действительный тайный советник Победоносцев – законоведение; генерал-адъютант Обручев – военная статистика; генерал-адъютант Драгомиров – высшая тактика; генерал-адъютант Леер – стратегия и военная история; генерал-адъютант Демьяненков – артиллерия; генерал-адъютант Штубендорф – военная топография; генерал-адъютант Лобко 2-й – военная администрация; генерал-адъютант Пузыревский – история военного искусства и уставы кавалерийской службы; тайный советник Капустин – международное право; тайный советник Бекетов – химия; генерал-майор Гудим-Левкович – тактика; генерал-майор Гольмблат – военные законы; генерал-майор Кюи – фортификация; генерал-майор Гессе – фронт и уставы пехотной службы; действительный статский советник Хис – английский язык; действительный статский советник Рашевский – русский язык; профессор Петербургского университета Жданов – история русской литературы; действительный статский советник Замысловский – политическая история; профессор Петербургского университета Боргман – физика; статский советник Лапченко – география; статский советник Прейс – немецкий язык; коллежский советник Тормейер – французский язык; академик Лемох – рисование; Кюндингер – музыка; Руссель – чистописание; коллежский регистратор Смерчинский – фехтование; отставной старший берейтор Придворной конюшенной части Шеффер – верховая езда; камер-фрау императрицы Марии Федоровны фон Флотов и начальница Василеостровской женской гимназии, вдова капитана Оллонгрен – начальные классы. См.: РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1302. Л. 25. О Бракосочетании Его Императорского Величества Государя Императора с Ея Императорским Высочеством великою княжною Александрою Федоровною 14 ноября 1894 г.

400

Великий князь Михаил Александрович, муж сестры Николая II – Ксении.

401

Принц Греческий и Датский (1869–1957) – член греческой королевской семьи. Спас наследника Николая Александровича в Японии во время покушения в 1891 г.

402

Великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат Николая II.

403

Великий князь Сергей Александрович – дядя Николая II, женатый на старшей сестре императрицы Александры Федоровны, – великой княгине Елизавете Федоровне.

Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Заря. 1871. С. 198.

Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Заря. 1871. С. 198.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // Русская старина. 1875. Т. 12, № 4. С. 783.

Башилов А. А. Молодость Башилова.

409

Башилов А. А. Молодость Башилова.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа…

411

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2097.

Воспоминания императрицы Александры Федоровны. Воспоминания 1817–1820. Электронная версия.

413

Воспоминания императрицы Александры Федоровны. Воспоминания 1817–1820. Электронная версия.

См. подробнее об императорской кухне: *Зимин И. В.* Царская работа. М.; СПб., 2011.

415

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Л. 135 // Высочайшие указы. 1827.

Боганов И. Лекарство от скуки, или История мороженого. М., 2007. С. 28.

417

Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года. Кн. 1. Верховная власть и Императорский дом. М., 1880. С. 45.

418

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 388. О незрелых фруктах, помятых ягодах и затхлом чае, подаваемом для Высочайшего употребления. 1833. Л. 1.

419

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 388. О незрелых фруктах, помятых ягодах и затхлом чае, подаваемом для Высочайшего употребления. 1833. Л. 3.

420

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 388. О незрелых фруктах, помятых ягодах и затхлом чае, подаваемом для Высочайшего употребления. 1833. Л. 5.

421

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 82. Л. 8 об. // Ведомость золотых и серебряных вещей, находящихся в музее Зимнего дворца. 1898 г.

422

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 714. Л. 1 // Об устройстве Сервизной. 1835–1836 гг.

423

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 567. Л. 1 // О дозволении производить в коридорах Зимнего дворца торг разными харчевыми припасами. 1834.

424

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 567. Л. 1 // О дозволении производить в коридорах Зимнего дворца торг разными харчевыми припасами. 1834.

425

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 582. Л. 1 // О разрешении привоза картофеля выписываемого из Англии исключительно для Высочайшего двора. 1876 г.

426

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 24. Л. 1. Об устройстве Иордани на Неве. 1840 г.

427

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 24. Л. 2.

428

Этот порядок стал причиной появления очередного дворцового анекдота. При императоре Николае I в Петербурге было принято назначать развод солдатам в шинелях, если мороз был больше десяти градусов. Днем мороз был минус пять градусов, о чем плац-майор и доложил коменданту Мартынову. Мартынов, не задумываясь, велел производить развод без шинелей. К вечеру, однако, мороз усилился, и температура воздуха опустилась значительно ниже десяти градусов. Император Николай Павлович рассердился на коменданта за такое упущение (развод без шинелей) и устроил ему головомойку. Взбешенный Мартынов вернулся к себе и стал ругать плац-майора: «Что вы это, милостивый государь, шутить со мною вздумали? Я с вами знаете, что сделаю?! Я не позволю себя дурачить. Так пять градусов мороза было, а?». Плац-майор начал оправдываться: «Когда я докладывал Вашему превосходительству, тогда термометр показывал…». Мартынов прервал его: «Термометр-то показывал, да вы-то соврали. Так чтоб больше этого не было. Извольте, милостивый государь, вперед являться ко мне с термометром. Я сам смотреть буду у себя в кабинете, а не то опять выйдет катавасия». Мартынов Павел Петрович (1784–1838) – генерал-адъютант, петербургский комендант с 1833 г.

429

РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (252/1268). Д. 2. Л. 4. О распоряжениях по случаю Крещенского выхода в Зимнем Дворце. 1868 г.

Там же. Л. 18.

Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1936. С. 117.

432

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 834. Л. 2. О расследовании по поводу выстрела картечью во время церемонии водоосвящения. 1905 г.

Дневник Николая II. М., 1991. С. 67.

Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 332.

435

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 426. Л. 25. О происшествиях и секретных распоряжениях за 1904–1907 гг.

436

РГИА. Ф. 472. Оп. 42. Д. 1. Л. 7. С донесениями о происшествиях по Министерству Императорского двора. 1905 г.

437

РГИА. Ф. 472. Оп. 45. (Доп. оп. 1). Д. 21. Л. 2. О происшествии 6 января 1905 г.

438

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 302. Л. 3 // О доставлении описаний о парадах в Зимнем дворце. 1833 г.

439

СЕИВК – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия.

Записки графа А. Х. Бенкендорфа // Русская старина. 1896. № 10. Электронная версия.

441

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2105.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2106.

443

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 гг. // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 242.

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 гг. // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 242.

Письма Николая I детям // Там же. С. 330.

Сон юности. С. 298.

Тютчева А. Ф. Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 119.

448

Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 506.

Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Там же. С. 390.

450

Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877 гг. М., 2006. С. 119.

451

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. Л. 41. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 41.

Великий князь Сергей Александрович. Кн. 1. С. 234.

453

Из переписки с Цесаревичем великим князем Александром Александровичем // Там же. Кн. 2: 1877–1880 гг. М., 2007. С. 167.

Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Там же. Кн. 2. С. 166.

455

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 663. Л. 2 // О приготовлении для императорской фамилии елок. Декабрь 1880 – январь 1881 гг.

Великий князь Сергей Александрович. Кн. 1. С. 253.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855 гг. М., 1990. С. 130.

458

Из дневника Н. П. Литвинова. С. 508.

459

Великий князь Сергей Александрович. Кн. 1. С. 225.

Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича. С. 390.

Мещерский В. П. Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 67.

Великий князь Сергей Александрович. Кн. 1. С. 235.

463

Великий князь Сергей Александрович. Кн. 1. С. 334.

Из дневника Н. П. Литвинова. С. 509.

465

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855 гг. М., 1990. С. 131.

Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877 гг. М., 2006. С. 335.

467

Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Россия в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при Дворе Екатерины II, 1778–1783) // Русский архив. 1874. Кн. 1, № 6. Стб. 1483.

468

Лев Александрович Нарышкин (1733–1799) – обер-шталмейстер, распорядитель танцев, маскарадов и других забав при дворе Екатерины II.

469

Княгиня Наталья Петровна Голицына (урожд. Чернышева; 1741 или 1744–1837) – фрейлина «при дворе пяти императоров»; статс-дама и кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (в 1801 г. – II ст., в 1826 г. – I ст.), прототип главной героини повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». Была известна в обществе как «Princesse Moustache» («Усатая княгиня»).

Екатерина Великая по рассказу современника-немца // Русский архив. 1911. Кн. 2, вып. 7. С. 329.

471

Русский двор в 1792–1793 годах. Заметки графа Штернбергера // Русский архив. 1880. Кн. 3, вып. 11–12. С. 263.

472

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 426. О расходах, произведенных по бывшим в Зимнем дворце балам в 1885 г. 1884–1885 гг. Л. 1, 3, 9.

473

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 426. О расходах, произведенных по бывшим в Зимнем дворце балам в 1885 г. 1884–1885 гг. Л. 13.

Савинков Б. Воспоминания террориста. Л., 1990. С. 89.

475

Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 151.

Ивановская П. С. В Боевой организации // Женщины-террористки в России / Сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. С. 129.

Ивановская П. С. В Боевой организации // Женщины-террористки в России / Сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. С. 172.

Ивановская П. С. В Боевой организации // Женщины-террористки в России / Сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. С. 173.

479

РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. О достопамятных вещах, принадлежавших императорской фамилии со времен Императора Петра I, хранящиеся в разных казенных зданиях. 1826–1830 гг.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа… С. 784.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой. Стб. 2108.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой. Стб. 2108.

483

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 179. Л. 1. О постройке Хрустальной палатки в Эрмитаже по случаю маскарада. 1816.

484

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1122. Л. 149. О пожаре в Зимнем Дворце, исследовании причин оного и размещении разных лиц и должностей. 1837–1840 гг.

485

Цит. по: *Огаркова Н. А.* Церемонии, празднества, музыка Русского двора. XVIII – начало XIX века. СПб., 2004. С. 100.

Цит. по: *Огаркова Н. А.* Церемонии, празднества, музыка Русского двора. XVIII – начало XIX века. СПб., 2004. С. 100.

487

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 8 об. Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 г.

488

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 34. Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

489

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 43 об.

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 460.

491

Огаркова Н. А. Церемонии, празднества, музыка Русского двора. С. 99.

492

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1966. Л. 2. Пригласительные повестки 1903 г.

493

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1484. Л. 85. Л. 148. О спектаклях в Императорском Эрмитаже. 1903.

494

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1484. Л. 85. Л. 150. О спектаклях в Императорском Эрмитаже. 1903.

495

Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С. А. Порошина). 1765 г. / Сообщ. С. Н. Абразанцевым // Русский архив. 1869. Вып. 1.

496

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3885. Л. 184. Реестр именным Ея Императорского Величества указам за 1770 г.

497

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3893. Л. 12. Именные Ея Императорского Величества указы за 1778 г.

Директор Императорских театров В. А. Теляковский упоминает, что Эрмитажный театр вмещал до 300 зрителей.

Русский двор в 1792–1793 годах. С. 261–266.

500

См. официальный сайт Государственного Эрмитажа.

501

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой. Стб. 2105.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой. Стб. 2078.

503

Огаркова Н. А. Церемонии, празднества, музыка Русского двора. С. 244–245.

504

Русский двор в 1792–1793 годах.

Спектакли «Средних Эрмитажей» шли без балета.

506

В дни «Малых Эрмитажей» часто представлялись «пословицы» – нравоучительные пьесы, написанные самой Екатериной II, иногда в соавторстве с придворными, например с графом А. С. Строгановым или с французским послом графом Ф. де Сегюром.

507

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2106.

508

Рибопьер А. М. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера / Предисл. и примеч. А. А. Васильчикова // Русский архив. 1877. Кн. 1, вып. 4. С. 460–506.

509

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа… С. 784.

Исмаил-Заде Д. И. Княжна Туркестанова. Фрейлина высочайшего двора. СПб., 2012. С. 150.

511

Александрийский театр – русская драма, Мариинский театр – опера и балет, Михайловский театр – французская комедия.

Теляковский В. А. Воспоминания. Л., 1965. Электронная версия.

В их числе упоминается гр. Комаровская, автор известных мемуаров.

Среди них упоминается некая девица Лекайль, о которой часто упоминала в дневниках императрица Мария Федоровна. Николай II в дневнике за 1895 г. также упомянул, что в Аничковом дворце «Завтракала одна мамзель де Лекайль. В 3 часа отправились в милое Царское Село».

515

Упомянут К. П. Победоносцев с супругою.

Среди них лейб-хирург императора Александра III и Николая II – Густав Иванович Гирш.

517

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1484. Л. 15. О спектаклях в Императорском Эрмитаже. 1903 г.

518

До 1904 г. наследником являлся младший брат Николая II – великий князь Михаил Александрович.

519

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1484. Л. 29. О спектаклях в Императорском Эрмитаже. 1903 г.

Теляковский В. А. Воспоминания.

521

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1484. Л. 85. О спектаклях в Императорском Эрмитаже. 1903 г.

Теляковский В. А. Воспоминания.

523

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 196. Л. 1. О разрешении фотографировать помещения Зимнего дворца. 1908 г.

524

К. Р. – творческий псевдоним великого князя Константина Константиновича.

525

Полковник Петр Васильевич Данильченко – многолетний секретарь «Измайловского досуга», бессменный администратор и организатор устраивавшихся «Досугом» спектаклей. Он упоминает в мемуарах, что идея создания «Измайловского досуга» родилась в караульном помещении Зимнего дворца. В 1884 г. великого князя Константина Константиновича назначили командиром роты Его Величества. В октябре того же года, когда Государева рота лейб-гвардии Измайловского полка занимала караул в Зимнем дворце, офицеры, разговаривая за чаем в караульном помещении Зимнего дворца, пришли к заключению о желательности, чтобы офицеры свое свободное от службы время проводили с пользой, для чего периодически следует собирать офицеров на товарищеские встречи, на которых знакомить друг друга как с своими литературными и музыкальными произведениями, так и с произведениями известных, но только русских, поэтов, писателей, композиторов.

526

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 871. Л. 2. О постановке драмы «Царь Иудейский» в Императорском Эрмитажном театре и репертуар. 1913–1914 гг.

527

Господ артистов, в том числе и любителей, кормили бесплатно из придворного буфета. Артистам придворного оркестра отпускалось «по 2 бутерброда, бутылка пива, полбутылки сельтерской воды или чай с булкою».

528

РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 871. Л. 7. О постановке драмы «Царь Иудейский» в Императорском Эрмитажном театре и репертуар. 1913–1914 гг.

529

Г. Др. «Измайловский досуг». Военная быль. Электронная версия.

530

Великий князь имеет в виду связь наследника Николая Александровича и юной Матильды Феликсовны.

531

К 300-летнему юбилею Дома Романовых Павлова получила звание заслуженной артистки. Почетное звание для драматических артистов, артистов оперы и балета, работавших в Императорских театрах было установлено в 1896 году. Первыми обладателями звания стали актеры Александринского театра: К. А. Варламов, В. Н. Давыдов, Е. Н. Жулева, П. М. Медведев и М. Е. Савина. Лауреату вручалась грамота о присвоении звания и специально установленный знак Заслуженного артиста.

532

РГИА. Ф. 472. Оп. 39 (224/2746). Д. 1. Л. 3–4. Совершенно доверительное письмо великого князя Сергея Александровича по театральным делам к г-ну Министру. 1913.

533

Графиня Елизавета Романовна Воронцова (1739–1792) – официальная фаворитка Петра III, фрейлина, дочь генерал-аншефа графа Р. И. Воронцова, сестра княгини Е. Р. Дашковой, канцлера А. Р. Воронцова и дипломата С. Р. Воронцова.

534

Джузеппе Сарти (1729–1802) – итальянский композитор. С 1784 г. работал в должности капельмейстера при Дворе Екатерины II.

535

Цит. по: *Огаркова Н. А.* Церемонии, празднества, музыка Русского двора. С. 217.

536

Людвиг фон Кобенцль (1753–1809) – граф, австрийский дипломат и государственный деятель. В 1779–1784 гг. – посланник, а в 1784–1800 гг. – посол в России.

537

Цит. по: *Огаркова Н. А.* Церемонии, празднества, музыка Русского двора. С. 217.

538

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 309. О доставлении Ея Императорскому Высочеству великой княгини Марии Павловне духовных сочинений Бартнянского. 1832 г.

539

Сон юности.

540

Сон юности.

541

РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1086. Л. 2. О пожаловании артисту Рубинштейну за игру на фортепиано бриллиантового перстня. 1854 г.

542

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 4. Д. 43. Л. 2 О пожаловании бриллиантового перстня капельмейстеру Штраусу за игру во время танцевального вечера 19 июня 1860 г. и выдаче оркестру 200 руб. сер.

543

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. С. 15. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки».

А. Ф. Тютчева сначала планировала пригласить в Зимний дворец в качестве учительницы музыки француженку, однако та по семейным обстоятельствам отказалась.

545

Гейнрих Герман Лихтенталь – бельгийский фортепианный мастер. Фортепианная фабрика в Петербурге с 1840 по 1854 г. Об инструментах Лихтенталя заговорили уже в середине 1840-х гг.: «Знаменитый Лист первый указал здешней публике на достоинство фортепьян Лихтенталя. Не только в С.-Петербурге Лист не хотел играть на других инструментах, кроме Лихтенталевых, но даже возил их с собой из Парижа в Мадрид, не надеясь найти там фортепьян Лихтенталя, которые находятся во всех столицах Европы».

Записки М. С. Сабининой // Русский архив. 1901. № 5. С. 438.

Записки М. С. Сабининой // Русский архив. 1901. № 5. С. 438.

548

ОР РНБ. Ф. 432 (Лесман). Д. 16. Ч. 3. С. 23. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки».

549

РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (17/1369). Д. 87. О вызове из Веймара девицы Марфы Сабининой, принявшей на себя звание учительницы музыки великой княжне Марии Александровны, и о французской подданной г-же Гюэ, приглашение которой для этих занятий не состоялось. 1860–1868 гг. Л. 7.

550

РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (17/1369). Д. 87. О вызове из Веймара девицы Марфы Сабининой, принявшей на себя звание учительницы музыки великой княжне Марии Александровны, и о французской подданной г-же Гюэ, приглашение которой для этих занятий не состоялось. 1860–1868 гг. Л. 20.

551

РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г.

См. подробнее: *Зимин И. В.* Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011.

553

РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 270. Камер-фурьерский журнал. Март-апрель 1879 г.

554

Ляпунов Сергей Михайлович (1859–1924) – русский композитор и пианист.

555

Кюндингер (Kündinger) Рудольф Васильевич (1832–1913) – пианист, композитор и педагог. В 1855 г. у него начал обучаться П. И. Чайковский, с 1860 г. Кюндингер состоял учителем музыки при Императорском дворе. В 1879–1880 гг. – профессор Петербургской консерватории. В 1890 г. входил в состав жюри первого Рубинштейновского конкурса.

Трошина Л., Трубкина Б. Жилые покои императорской резиденции. СПб., 2009. С. 11.

557

Константин Карлович Штакельберг (1848–1925) – барон, русский генерал, начальник Придворного оркестра, композитор.

558

Ирецкая Наталия Александровна (1845–1922) – российская певица (сопрано) и музыкальный педагог. Окончила Санкт-Петербургскую Консерваторию (1868 г.), ученица Генриетты Ниссен-Саломан, затем совершенствовалась в Париже под руководством Полины Виардо, выступала во Франции и Германии. В 1874 г. вернулась в Россию и, наряду с концертной деятельностью, сразу начала преподавательскую, с 1881 г. – профессор Петербургской консерватории.

559

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (204/2692). Д. 23. Л. 2. Ирецкая Н. А. профессор Санкт-Петербургской консерватории. 1903 г.

Лейб-медикам за вызов в Зимний дворец платили по 25 руб.

561

РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (204/2692). Д. 23. Л. 6. Ирецкая Н. А. – профессор Санкт-Петербургской Консерватории. 1903 г.

562

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3874. Л. 18. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1763 г. о расходе денег.

563

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3875. Л. 23. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1764 г.

564

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3882. Л. 160. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1768 г.

565

Именно А. Фрейберг установил классические параметры ширины устья лузы в 76 мм при изготовлении игровых шаров размером 70 мм.

566

Цит. по: Судьба высокая бильярдов Фрейберга // Бильярд Спорт. 21 апр. 2010 г. Электронная версия.

567

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 742. Опись казенным вещам, находящимся на половине покойного Императора Александра II. 1894 г.

568

Собственноручные записочки императрицы Екатерины II к С.-Петербургскому обер-полицмейстеру Н. И. Рылееву // Исторический вестник. 1881. № 2. Электронная версия.

569

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2084.

Екатерина II. Распоряжение Екатерины II [о воспитании великих князей] // Русский архив. 1865. 2-е изд. М., 1866. Стб. 626.

Екатерина Великая по рассказу современника-немца // Русский архив. 1911. Кн. 2, вып. 7. С. 320–331.

Екатерина Великая по рассказу современника-немца // Русский архив. 1911. Кн. 2, вып. 7. С. 320–331.

573

П. И. Сумароков (1767–1846) – с 1781 г. служил в Преображенском полку унтер-офицером, с 1790 г. – прапорщиком, с 1792 г. – подпоручик, вышел в отставку в 1796 г. в чине штабс-капитана.

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой. Стб. 2105.

575

Императрица Мария Федоровна. Записка о событиях 14 декабря 1825 г. Электронная версия.

576

Императрица Мария Федоровна. Записка о событиях 14 декабря 1825 г. Электронная версия.

Гринев Л. История Роты дворцовых гренадер. СПб., 1912. С. 15.

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 459.

579

ПСЗРИ. 2 изд. Т. 2. № 1436. 2 октября 1827 г. Об учреждении Роты Дворцовых Гренадер.

Капитан – 1 чел., поручиков – 3 чел., фельдфебель – 1 чел., унтер-офицеров – 10 чел., гренадер 1-й статьи – 50 чел., гренадер 2-й статьи – 50 чел., барабанщиков – 2 чел. Всего в роте 117 чел.

581

В 1848 г. Роту перевооружили 126 драгунскими ружьями ударной системы. Старые кремневые ружья были сданы в Арсенал. В 1865 г. Рота получила 6-линейные нарезные ружья системы Минье. В 1872 г. перевооружена винтовками системы Кринка, получив по 48 боевых патронов на винтовку.

К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 180.

583

Штаты Роты дворцовых гренадер 27 ноября 1857 г.: 1 штаб-офицер, 7 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 6 музыкантов, 142 гренадера, 2 писаря и 1 письмоводитель. Всего 175 чел. Из их числа выделялась часть, несшая службу в Московском Кремле: 1 обер-офицер, 3 унтер-офицера, 1 музыкант, 30 гренадер. Всего 35 чел.

584

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

585

Рота дворцовых гренадер по штату 13 марта 1883 г.: 1 штаб-офицер, 3 обер-офицера, 11 унтер-офицеров, 3 музыканта, 122 гренадера, 2 писаря и 1 письмоводитель. Всего 143 чел.

586

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. С. 26. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки».

587

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

588

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

Например, с прачкой Зимнего дворца Анной Григорьевой жило 6 ее детей в возрасте от 5 до 29 лет.

590

РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 841. Л. 2. О проверке паспортов всех посторонних лиц, проживающих в Зимнем дворце и принадлежащих к нему зданиях, подведомственных придворной конторе, и о непозволении проживать в казенных зданиях посторонним лицам без разрешения начальства. 1866 г.

591

Тихомиров Л. А. Пребывание Халтурина в Зимнем Дворце // «Народная воля» и «Черный передел». Л., 1989. С. 34.

592

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 128. О принятии мер предосторожности по Зимнему дворцу и о командировании воинских чинов для охраны Императорских Особ в местах их пребывания. 1861–1881 гг.

593

Девятое С. В., Демкин А. В., Жиляев В. И., Зимин И. В., Кайкова О. К., Степанов В. А. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. М., 2006.

594

История, связанная с подготовкой и осуществлением взрыва фугаса в подвале Зимнего дворца, описана в книге, посвященной Зимнему дворцу. – *И. З.*

595

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2093. Л. 4.

596

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2093. Л. 31.

597

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 201 // О назначении Корпуса жандармов полковника Федорова заведующим охраною Императорского Зимнего дворца и загородных дворцов и о дальнейшей переписке по охране подполковника Струкова. 1880 г.

598

ПСЗРИ. 2 изд. Т. LV. Отд. 1. № 60815 // О штате чинов охраны императорских дворцов с Канцеляриею. Начальник, обер-офицер, гражданский чиновник, 10 унтер-офицеров, 2 писаря. Всего 14 человек.

599

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 201 // О назначении Корпуса жандармов полковника Федорова заведующим охраною Императорского Зимнего дворца и загородных дворцов и о дальнейшей переписке по охране подполковника Струкова. 1880 г.

600

Фотограф Абрамсон на ул. Гороховой, 15, по 1 руб. за три фотокарточки.

601

РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1662. Л. 2 // Копия с инструкции заведующему охраной Императорского Зимнего и загородных дворцов.

602

РГИА. Ф. 479. Оп. 7. Д. 1308. Л. 2 // Об исключении по неблагонадежности работников Высочайшего Двора Николая Горового и Сергея Яковлева из Придворного ведомства для избрания рода жизни. 1880 г.

603

РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 // Отношения, рапорты и записки заведующего охраной Зимнего и загородных дворцов генерал-майора Федорова и петербургского градоначальника к министру Императорского двора А. В. Адлербергу о мероприятиях по охране Зимнего, Царскосельского и других дворцов. 1880 г.

604

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 // Об упразднении должности заведующего охраною Императорских Дворцов, с учреждением вместо оной должности полицмейстера Зимнего дворца и с назначением на таковую подполковника Струкова. 1880 г.

605

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 3. Дворцовая полиция. Материалы к сведению и руководству. Штаты. 1881–1916 гг.

606

На момент занятия должности подполковнику Константину Михайловичу Струкову исполнилось 33 года. Происходил он из семьи музыканта Императорских театров. Образование получил в Константиновском межевом институте, окончив его со званием межевого инженера. В 1866 г. в 19 лет он перешел на военную службу, выйдя в 3-й пехотный Нарвский полк. Там он командовал ротой, а с декабря 1877 г. – батальоном. У него было пятеро детей. Струков принимал участие в Русско-турецкой войне, участвовал в штурме крепости Карс. Ему везло: как следует из послужного списка, «ранен и контужен не был». О его храбрости говорят награды, полученные в этой кампании: орден Св. Анны II ст. с мечами; орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом; орден Св. Станислава II ст. с мечами. В феврале 1879 г. К. М. Струкова произвели в майоры, в сентябре 1879 г. он стал подполковником. См.: РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 205. Л. 2 // Об упразднении должности Заведующего охраной Зимнего дворца и об учреждении должности полицмейстера Зимнего дворца и об определении на оную подполковника Струкова. 1880 г.

607

РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 98. Л. 5 // Отношения, рапорты и записки заведующего охраной Зимнего и загородных дворцов генерал-майора Федорова и петербургского градоначальника к министру Императорского двора А. В. Адлербергу о мероприятиях по охране Зимнего, Царскосельского и других дворцов. 1880 г.

608

РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 98.. Л. 8.

609

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 64 // Касающиеся охраны Его Императорского Величества.

610

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 880 // Опись комнатному имуществу, находящемуся в комнатах Государя императора Александра Александровича. 1888 г.

611

За один день работы команде из 20 преображенцев было уплачено 12 руб. (РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 298. Л. 2 // О расходах по случаю балов при Высочайшем дворе. 1894 г.).

К. Р. Великий князь Константин Романов. С. 207.

613

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 50. Л. 1. Об отводе особам и лицам помещений в Императорском Зимнем дворце. 1897 г.

614

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

615

Цит. по: *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 30.

РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 10 // Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 гг.

Из расчета по три смены на каждый подъезд и 6 чел. в запасе.

618

Петр Васильевич Зиновьев (1835-?) – полковник. Происходил из дворян Костромской губ. Начал служить в офицерских чинах с мая 1855 г., участвовал в обороне Севастополя. Свою карьеру строил по полицейской части. В августе 1878 г. Зиновьев стал приставом 1-й Адмиралтейской части, на территории которой располагался императорский Зимний дворец. Собственно придворная его карьера началась в апреле 1879 г. В его формулярном списке упоминается о «Всемилостивейшей награде за самопожертвование, выказанное 2 апреля 1879 г. при угрожавшей опасности жизни Священной особы Государя императора». Видимо, он находился на Дворцовой площади, когда революционер-террорист Соловьев успел четыре раза выстрелить в Александра II, и принял участие в спасении императора. 17 апреля 1879 г. он был произведен в подполковники, через несколько дней, 23 апреля 1879 г., его наградили медалью с надписью «За спасение погибавших», для ношения на груди на Владимирской ленте, в июле 1879 г. ему было выдано денежное пособие на воспитание трех сыновей в размере 300 руб. ежегодно на восемь лет. Кроме этого, германский император Вильгельм I пожаловал ему орден Прусской короны 4-го класса в июле 1880 г. В октябре 1880 г. он был назначен начальником Полицейского резерва. См.: РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 294. Л. 6. Наградные листы охранной стражи. 1881 г.

619

Дворцовые городовые несли службу на 10 постах у Зимнего дворца, 22 постах у Аничкова дворца. Дворцовым городовым (98 чел.) было увеличено жалованье до 660 руб., околоточным надзирателям (2 чел.) – старшему до 960 руб. и младшему до 720 руб.

620

См. подробнее: *Зимин И. В.* Петр Александрович Черевин // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 165–178.

621

Стол был накрыт на 1600 чел.

622

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 308. Л. 45 // О выдаче денег камер-фурьеру Ингано на купленные предметы продовольствия и употребленные к столам Высочайшему и нижних чинов. 26 ноября по случаю Георгиевского праздника. 1884 г.

623

Кюммель – тминная водка.

624

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 316. Л. 83. О расходе вин, водок и питий при Высочайшем дворе и других столах за январь 1886 г.

625

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 81. Л. 2. Об увеличении состава охранной команды при Императорском Зимнем дворце. 1901 г.

626

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 20. Переписка об охране дворцов. Справки и сведения о политической благонадежности служащих и по другим секретным вопросам. 1892–1916 гг.

627

РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 139. Л. 2–4. О краже, совершенной крестьянином Архиповым в квартире светлейшей княгини Голицыной, в Зимнем дворце, а также по вопросу об охране Зимнего дворца. 1904 г.

Дневник Николая II.

Савицкая А. В. Александровский дворец и парк в Пушкине. Л., 1937. С. 25.

630

РГИА. Ф. 472. Он. 40 (104/2682). Д. 69. Л. 18. О беспорядках 1905–1906 гг.

631

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 88. Переписка об охране дворцов. Справки и сведения о политической благонадежности служащих и по другим секретным вопросам. 1892–1916 гг.

632

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 92.

Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 243–244.

634

Во время допроса бывшего директора Департамента полиции в 1917 г. С. П. Белецкого подтвердилось, что террористы предполагали сбросить с самолета бомбу. Поэтому вновь была послана телеграмма, следить за «авиационными аппаратами, которые привозятся в Россию, и вообще иметь наблюдение за теми, кто вносится в списки авиаторов». См.: Допрос СП. Белецкого 12 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т. III. Л., 1926. С. 300.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 135.

ПСЗ РИ. 1-е изд. Т. XI. 24 января 1722. № 385.

637

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 43 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 1.

638

Бенуа А. Художественные сокровища России. 1902. № 5.

639

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. Л. 5. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1773 г.

640

Согласно дворцовым легендам, как-то зимой Екатерина II заболела. При этом она отказалась принять лекарство от своего врача Роджерсона: «„Лекарство помешает моим занятиям, довольно и того, что посмотрю на тебя“. Рожерсон, зная ея упорство, предложил прокатиться в санях. Государыня согласилась, почувствовала облегчение и провела покойную ночь, но на другой день к вечеру головная боль снова возобновилась. Марья Савишна Перекусихина предложила санную прогулку. „Хорошо, один раз, – отвечала Екатерина, – скажут: какая дура, по ночам катается, и подумают, когда ей заниматься делами“». См.: Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым. Электронная версия.

641

Брикнер А. Г. Екатерина Вторая и доктор М. А. Вейкард в 1784–1789 гг. // Русская старина. 1891. Т. 72. № 12.

642

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2087.

643

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2087.

644

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3872. Л. 21. Перечень именным указам Ея Императорского Величества. 1762 г.

645

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3874. Л. 2. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1763 г. о расходе денег.

646

В мемуарах Екатерины II упоминается, как лейб-хирург Гион вырывал ей коренной зуб в конце 1750-х гг.

647

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3874. Л. 38. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1763 г. о расходе денег.

648

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3887. Л. 26. Реестр именных Ея императорского Величества указов 1772 г.

649

Письма императрицы Екатерины II к И. Г. Циммерману // Русская старина. 1887. № 8.

650

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. Л. 25. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1773 г.

651

«Я Константину, конечно, потакать никак не намерена» (Письмо императрицы Екатерины II // Источник. Документы русской истории. 2002. № 2).

652

Мария Феодоровна. Письма к великому князю Павлу Петровичу [5 и 8 сентября 1796 г.] // Русская старина. 1874. Т. 9, № 3. С. 476.

653

Качиони Ламбро Дмитриевич – один из борцов за освобождение Греции во 2-й пол. XVIII в. Брал на абордаж турецкие корабли. Жестокость Качиони, его неуловимость заставили турок выслать против него значительную часть своего флота. Во время первой Русско-турецкой войны перешел на сторону России. Во время второй Русско-турецкой войны получил крест Св. Георгия IV ст. В 1796 г. – капитан 1-го ранга.

654

Эти очки в очечнике Екатерина II пожаловала «из собственного употребления» вице-губернатору С.-Петербурга Новосильцеву в 1786 г. Очки были редкостью по тем временам. Очешник сделан из золота, серебра, акульей кожи и бархата, а сами очки – из серебра и стеклянных линз (последняя четверть XVIII в.). Согласно дворцовой легенде, Новосильцев рано утром пришел с докладом к императрице. Екатерина утро начинала с деловых бумаг и писем, сидя за столом в кабинете. Здесь-то она и держала свои очки, так что в таком виде ее могли видеть только приближенные, имевшие право входа в ее личные апартаменты. В ходе доклада Новосильцев не смог воспользоваться приготовленными документами, сославшись на то, что стал «слаб глазами». Тогда Екатерина II и подарила ему свои очки.

655

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3893. Л. 163. Именные Ея императорского Величества указы за 1778 г.

656

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. С. 290. Далее Ю. Молин пишет: «Косвенным подтверждением версии о каком-либо вмешательстве на половых органах может служить упоминание в Камер-фурьерских журналах о визитах в Зимний дворец профессора Н. М. Максимовича-Амбодика, крупнейшего петербургского акушера-гинеколога 1780–1790 гг. Поскольку антисептический метод еще не был введен в практику, операция не могла быть полостной в современном понимании этого вмешательства. Скорее всего, была выполнена пункция кисты яичника (или введение в ее полость спиртового раствора йода)».

657

Собственноручная заметка Екатерины II // Русский архив. 1871. № 1. С. 150. Электронная версия.

658

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 158–174. Электронная версия.

659

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911. Электронная версия.

660

Чуланом тогда называлась туалетная комната.

661

Цит. по: *Молин Ю. А.* Романовы. Путь на Голгофу. С. 296. Отметим подробное описание в камер-фурьерском журнале порядка приобщения императрицы Святых Тайн, подтверждающих факт того, что императрица ушла из жизни, «как положено».

662

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 158–174. Электронная версия.

663

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 158–174. Электронная версия.

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной…

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной…

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной…

669

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II…

Цит. по: *Молин Ю. А.* Романовы. Путь на Голгофу. С. 296.

671

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II…

По мнению доктора медицинских наук профессора Ю. Молина, это является посмертным артефактом, связанным с повреждением желчного пузыря вследствие технических погрешностей при вскрытии.

Цит. по: *Молин Ю. А.* Романовы. Путь на Голгофу. С. 297.

675

Крузе Карл Фридрих (Карл Федорович, 1727–1799) – лейб-медик, учился в Лейдене, в 1749 г. защитил диссертацию. Приехав в Россию, он был назначен старшим доктором в адмиралтейский генеральный госпиталь, по контракту на три года, и профессором в училище при госпитале. Крузе женился на дочери лейб-медика Бургава и приобрел большую практику. В 1753 г. назначен главным доктором войск гвардии, 18 июля 1761 г. – лейб-медиком, с чином действительного статского советника и с жалованьем в 4000 руб. в год. Он лечил императрицу Елизавету Петровну во время последней ее болезни. Император Петр III Федорович уволил его от службы 19 апреля 1762 г., но вслед за воцарением Екатерины II Крузе снова был принят на службу, на прежнюю должность.

По мнению Ю. Молина, сердечный приступ во время акта дефекации пожилых больных, страдающих тяжелым поражением сердечно-сосудистой системы, не является редкостью. Все это могло спровоцировать гипертонический криз, острую сердечную недостаточность.

677

Голицын Ф. Н. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 5. Стб. 1306.

679

Мы Прагой ей одолжены – имеется в виду раздел Польши в 1795 г. Следствием этого раздела явилось и то, что в 1815 г. Варшава с ее крепостью Прага отошла к России.

И посрамлением луны – т. е. Турции, на знаменах которой был знак полумесяца – эмблема магометанства. Имеются в виду победы России над Турцией (1774, 1791 гг.), объявление Крыма независимым от Турции (1774 г.) и присоединение его к России (1783–1792 гг.).

681

Делинь – принц Шарль-Жозеф (1735–1814), австрийский дипломат и военный деятель, родом бельгиец; служил в России в 1782–1788 гг. и сопровождал Екатерину II в ее путешествиях.

682

Барков Иван Семенович (1732–1768) – поэт и переводчик. Автор эротических стихов, распространявшихся в списках.

683

Наказ писала – имеется в виду «Наказ» Екатерины II, составленный ею проект нового уложения законов.

Флоты жгла – имеется в виду сожжение Турецкого флота (в Чесменском сражении 26 июня 1770 г., во время первой Русско-турецкой войны при Екатерине II) и Шведского флота (в 1790 г., во время Русско-шведской войны).

685

Фузадье Виллим Виллимович – лейб-хирург при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины II.

686

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3886. Л. 21. Реестр именным Ея Императорского Величества указам за 1771 г.

687

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891. Л. 15. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

689

Из записок Марьи Сергеевны Мухановой, фрейлины Высочайшего двора. М., 1878. С. 21.

690

Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759–1834) – граф (1799 г.), камердинер Павла I, турок, взятый в плен в Бендерах и подаренный Павлу в его бытность престолонаследником.

691

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной….

692

Традиционная англичанка при детях императора – миссис Мэри Кеннеди.

693

Смирнова А. О. Из записной книжки Александры Осиповны Смирновой // Русский архив. 1890. Кн. 2, вып. 6. С. 284.

694

Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 гг. // Русский архив. 1864.

695

По приказу бабушки под окнами великого князя периодически проводились артиллерийские стрельбы для того, чтобы приучить его к громким и резким звукам.

Кроме этого, в штате состояли акушер, зубной лекарь и его помощник, 3 придворных доктора, 6 гоф-хирургов,3 штаб-лекаря, 8 лекарских помощников, повивальная бабка и ее помощница.

В ее штате состояли: главный аптекарь, младший аптекарь, 2 аптекарских помощника, 2 ученика и 2 служителя (см.: РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2072. Л. 69). На содержание этих медицинских структур ежегодно отпускалось 40 тыс. руб. В 1809 г. на их содержание было прибавлено еще 10,5 тыс. руб.

698

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 192. Л. 13. О высылке устриц для составления лекарства. 1817 г.

699

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 401. Л. 1. О врачебном присмотре при Высочайшем дворе. 21 января 1818 г.

700

Пробанг – зонд для смазывания носоглотки. Хирургический инструмент от 30 до 40 см длиной, состоящий из гибкой трубки с губкой в конце. Используется для удаления инородных тел или препятствий в пищеводе. Изобретен в XVII в.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. С. 342.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. С. 342.

703

Великая княгиня Елена Павловна (1806–1873) // Русская старина. 1882. № 3. С. 787.

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной…

705

Из записок Марьи Сергеевны Мухановой фрейлины Высочайшего двора. М., 1878. С. 23.

Воспоминания императрицы Александры Федоровны. Воспоминания 1817–1820. Электронная версия.

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846. Электронная версия.

708

Иван Федорович (Иоганн Георг) Рюль (1768–1847) начал службу при Императорском дворе еще при Павле I в 1798 г., в качестве младшего гоф-хирурга. К этому времени у него имелся богатый врачебный опыт, в том числе и благодаря службе в лейб-гвардии Преображенском полку.

709

РГИА. Ф. 519. Оп. 9. Д. 77. Л. 1 // О доставлении списка живущих в Зимнем дворце и Боурском доме. 1826 г.

710

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 804. Л. 11. О разных перестройках по Зимнему дворцу. 1835–1836 гг.

Романов М. П. Царствование императора Николая I. СПб., 1883. С. 83.

712

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. О сведениях, доставляемых к Военному Генерал-губернатору о состоянии болезни Государя Императора. 1829 г. Л. 2.

713

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. О сведениях, доставляемых к Военному Генерал-губернатору о состоянии болезни Государя Императора. 1829 г. Л. 32.

714

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 565. О награждении Лейб-медиков за пользование Их Величеств. 1829 г. Л. 4.

715

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 565. О награждении Лейб-медиков за пользование Их Величеств. 1829 г. Л. 1.

716

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 565. О награждении Лейб-медиков за пользование Их Величеств. 1829 г. Л. 3.

717

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 32. О приготовлении разных вещей для подарков Ея Величеству Государыне Императрице в день рождения Ея Величества и о пожаловании подарков разным придворным особам, по случаю крестин Его Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. 1832 г. Л. 1.

718

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 32. О приготовлении разных вещей для подарков Ея Величеству Государыне Императрице в день рождения Ея Величества и о пожаловании подарков разным придворным особам, по случаю крестин Его Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. 1832 г. Л. 55.

719

О драгоценностях Императорского двора см. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М.-СПб., 2011; *Зимин И. В., Соколов А. Р.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М.-СПб., 2013.

720

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 32. О приготовлении разных вещей для подарков Ея Величеству Государыне Императрице в день рождения Ея Величества и о пожаловании подарков разным придворным особам, по случаю крестин Его Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. 1832 г. Л. 66.

721

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 гг. // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 464.

722

Николай I распорядился после смерти А. С. Пушкина: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсион и дочери замужество. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинение издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т.» (Записка императора Николая Павловича о милостях семье Пушкина // Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 649–650).

723

Из «Записок» барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. Электронная версия.

Корф М. Записки. М., 2003. С. 442.

725

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 102, № 4. С. 28.

Корф М. Записки. С. 377.

Соколов И. Воспоминания о Государе Николае Павловиче // Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 211.

728

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 704. Л. 1. Относительно предоставления гардеробскому помощнику Перансо звания Придворного мозольного оператора. 1834 г.

729

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 704. Л. 1. Относительно предоставления гардеробскому помощнику Перансо звания Придворного мозольного оператора. 1834 г.

730

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

731

РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 588. Л. 55.

732

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 гг. // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 250.

733

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 24. О принятии прусского тайного обер-медицинальрата Мандта в Российскую службу Действительным статским советником со званием почетного лейб-медика и производством ему содержания. 1840 г. Л. 5 об.

734

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 24. О принятии прусского тайного обер-медицинальрата Мандта в Российскую службу Действительным статским советником со званием почетного лейб-медика и производством ему содержания. 1840 г. Л. 5 об.

735

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 24. О принятии прусского тайного обер-медицинальрата Мандта в Российскую службу Действительным статским советником со званием почетного лейб-медика и производством ему содержания. 1840 г. Л. 1.

При Александре II лейб-медик Н. Ф. Здекауер также носил звание *консультанта.*

Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии. 1798–1998 гг. СПб., 1998. С. 126.

738

РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 4338. Л.3 // О взыскании с действительно статского советника Мандта за орден Св. Станислава I ст. 90 руб.

739

РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 371. Л. 2 // Об отводе лейб-медику Мандту комнат в Зимнем дворце, тех самых, кои он занимал в 1849 г.

740

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 1518. Л. 2 // Об отпуске лейб-медику Мандту дорожного экипажа в Варшаве для обратного его возвращения из заграницы в Санкт-Петербург. 1851 г.

Пеликан. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 118–119.

Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 478.

743

Шмигельский М. Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники Императорской Военно-Медицинской академии (1840–1897 гг.). Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1897. С. 86.

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 481.

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 481.

Корф М. Записки. С. 54.

Цит. по: *Пахомова-Грейс В.* Адини и ее приданое // Наше наследие. 2000. № 5. С. 46.

Ein deutscher Arzt am Hofe Kaiser Nikolaus I. Von Rubland. Lebenserinnerungen von Professor Martin Mandt. München und Leipzig, 1917.

749

Цит. по: *Пахомова-Грейс В.* Адини и ее приданое. С. 48.

750

Сон юности // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 288.

Корф М. Записки. С. 287.

Корф М. Записки. С. 287.

Корф М. Записки. С. 347.

Корф М. Записки. С. 377.

Корф М. Записки. С. 405.

Корф М. Записки. С. 442.

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике. С. 481.

758

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 1. Л. 2 // Камер-фурьерский журнал. Январь 1855 г.

759

Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 24 февр. № 42.

760

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 2 // Камер-фурьерский журнал. Февраль месяц 1855 года. Кончина в Бозе Почившего Государя Императора Николая Павловича.

761

Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича // Северная пчела. 1855. 26 февр. № 44.

Татищев С. Император Александр II. Т. 1. СПб., 1903. С. 133.

763

Описание хода болезни… // Северная пчела. 1855. 26 февр. № 44.

Шидловский А. Ф. Болезнь и кончина императора Николая Павловича // Русская старина. Т. 86, № 4–6. С. 617.

765

Шидловский А. Ф. Болезнь и кончина императора Николая Павловича // Русская старина. Т. 86, № 4–6. С. 617.

766

РГИА. Ф. 516. Он. 1 (125.2382). Д. 2.

767

На дату 16 февраля указывает биограф императора Александра II С. Татищев (см.: *Татищев С.* Император Александр II. Т. 1. С. 135), но надо заметить, что в Отчете «Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича» указывается, что он передал ведение текущих дел цесаревичу еще 12 февраля 1855 г. (См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 4 февр. № 42). Е. В. Тарле сообщает о том, что цесаревич пишет письма в Крым 15 февраля (см.: *Тарле Е. В.* Крымская война // Собр. соч. Ч. II, т. IX. М., 1959. С. 310).

Татищев С. Император Александр II. Т. 1. С. 135.

769

Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – генерал от кавалерии (1856 г.); начальник штаба Корпуса жандармов (1835–1856 гг.) и управляющий III отделением СЕИВК (1839–1856 гг.).

Дубельт Л. В. Заметки и дневники // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 238.

771

1-й бюллетень: «Вчера была сильная лихорадка с страданием правого легкого. Всю ночь лихорадка продолжалась и мешала спать Его Величеству, извержение мокроты свободно, заметно, что и подагра участвует в болезни»; 2-й бюллетень: «Болезнь Его Императорского Величества началась легким гриппом, с 10 же февраля при слабых подагрических припадках обнаружилась лихорадка. Вчера с появлением страдания в правом легком лихорадка была довольно сильна. Ночь Его Величество провел без сна. Сего дня лихорадка несколько слабее и извержение легочной мокроты свободнее. На последнем подписали М. Мандт, И. Енохин, Ф. Карелль»; 3-й бюллетень: «В 11 часов вечера. Лихорадка Его Величества к вечеру усилилась. Отделение мокроты из нижней доли пораженного правого легкого сделалось труднее. На последнем подписали М. Мандт, И. Енохин, Ф. Карелль»; 4-й бюллетень: «В 4 часа пополуночи. Затруднительное отделение мокрот, коим страдал вчера Государь Император, усилилось, что доказывает ослабевающую деятельность легких и делает состояние Его Величества весьма опасным. На последнем подписали М. Мандт, И. Енохин, Ф. Карелль»; 5-й бюллетень: «В 9 часов пополуночи. Угрожающее Его Величеству параличное состояние легких продолжается и вместе с тем происходящая от того опасность. На подлинном подписали М. Мандт, И. Енохин, Ф. Карелль». См.: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 2. Л. 24.

Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров. М., 1990. С. 81.

Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров. М., 1990. С. 82.

774

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 2.

775

Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича // Северная пчела 1855. 26 февр. № 44.

Дубельт Л. В. Заметки и дневники. С. 269.

777

РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 762. Л. 1–2.

Дубельт Л. В. Заметки и дневники. С. 272–274.

779

РГИА. Ф. 516. Он. 1 (125.2382). Д. 2.

780

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 2.

781

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 86.

Татищев С. Император Александр II. Т. 1. С. 135.

783

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125.2382). Д. 2.

Великого князя Николая Александровича (Никсу), умершего в апреле 1865 г.

Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 400.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. С. 308.

Вероятно, одно из ядер, которыми обстреливалась с неприятельских судов 10 апреля 1854 г. Одесса, и которое упало посреди крестного хода.

Дубельт Л. В. Заметки и дневники // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 140.

789

Яковлева А. М. Воспоминания бывшей камер-юнгферы Императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1888. № 2. С. 413.

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 481.

791

Дубельт Л. В. Заметки и дневники. С. 269.

792

Шидловский А. Ф. Болезнь и кончина императора Николая Павловича. С. 624.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. С. 94.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. С. 97.

795

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. III. СПб., 1885. С. 424.

Австрийский посол.

798

Доктор Мандт о последних неделях императора Николая Павловича // Русский архив. 1905. Кн. 2. С. 479–480.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. С. 381.

800

РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1423. Л. 1, 2 // О выдаче заграничного паспорта лейб-медику Мандту. 1855.

801

РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1645. Л. 1 // О выдаче заграничного паспорта лейб-медику Мандту. 1856 г.

802

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 401.

803

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 411.

804

РГИА. Ф. 479. Он. 1 (375/1694). Д. 285. Л. 1–4.

805

Бороздин К. Воспоминания о Н.Н. (Николае Николаевиче) Муравьеве // Исторический вестник. 1890. Янв. Т. XXXIX. С. 97.

806

Трип (от *фр.* tripe) – шерстяная ворсистая ткань, шерстяной бархат.

807

РГИА. Ф. 472. Оп. 5. Д. 146. Л. 1 // Об уплате Столярному мастеру Дирингу, за сделанные им для Государя Императора гимнастические аппараты, 120 руб. сер. из Комнатной суммы. 1863 г.

808

В 2012 г. в парке Александрия был воссоздан комплекс гимнастических снарядов и игр, на которых занималось несколько поколений юных Романовых. В состав комплекса входят: брусья, турник, качели, кольца, столб с вертлюгом для бегания вокруг, бревно, карусель, вышка со смотровой площадкой, винтовая лестница и кегельбан, беговая дорожка. Любопытно, что источником для реконструкции послужил масштабный чертеж, предположительно выполненный учителем гимнастики великих князей Л. И. Линденом, чертеж кегельбана, а также аналоги, выявленные как в самом музее, так и в архивах других усадеб.

809

РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 345. О подарке, пожалованном учителю гимнастики Дерону. 1857 г.

810

Дело в том, что мальчик, сын великой княгини Марии Николаевны, родился с деформированной ножкой. После нескольких неудачных операций для него настали мучительные дни, когда немецкие профессора пытались «вытянуть» больную ногу специальной «машиной». В конце концов на одном из консилиумов хирург Н. И. Пирогов настоял на том, чтобы в качестве главного средства в лечении мальчика применили шведскую гимнастику под руководством де Рона. В результате Николай Лейхтенбергский, что называется, выправился.

811

Под пассивной гимнастикой имеется в виду общеукрепляющий массаж.

812

РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1767. Л. 8. О пожаловании шведскому подданному Андрею Берлину звания придворного гимнаста. 1873 г.

813

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 540. Л. 1. О выписке из Тавриды кальянного табаку для Государя Императора. 1857 г.

814

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 540. Л. 4.

815

Сегодня рекомендуется расход в 25 г кальянного табака на одну чашку.

816

Министр Императорского двора и уделов граф А. В. Адлерберг.

817

Валуев П. А. Дневник. Т. 2. 1865–1876 гг. М., 1961. С. 343.

818

Милютин Д. А. Дневник. Т. II. 1876–1877. М., 1949. С. 51.

819

РГИА. Ф. 472. Оп. 24. Д. 21. О распоряжениях по духовному завещанию в Бозе почившего Государя Императора Александра II Николаевича. 1881–1882 гг. Л. 1.

820

РГИА. Ф. 472. Оп. 24. Д. 21. О распоряжениях по духовному завещанию в Бозе почившего Государя Императора Александра II Николаевича. 1881–1882 гг. Л. 2.

821

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 225. По устройству в Зимнем Дворце пневматического аппарата (колокола) для лечения сгущенным воздухом. 1876–1881 гг. Л. 1.

822

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 225. По устройству в Зимнем Дворце пневматического аппарата (колокола) для лечения сгущенным воздухом. 1876–1881 гг. Л. 67.

823

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 225. По устройству в Зимнем Дворце пневматического аппарата (колокола) для лечения сгущенным воздухом. 1876–1881 гг. Л. 10.

824

РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 225. Л. 14.

825

Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 465.

826

См., напр.: *Степанов В. А., Девятое С. В., Демкин А. В., Жиляев В. И., Зимин И. В., Кайкова О. В., Сигачев Ю. В.* История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917 / Под общ. ред. Е. А. Мурова. М., 2006. 464 с.

827

Дворжицкий К. А. Первое марта 1881 года // Исторический вестник. 1913. № 1.С. 128.

828

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206.2703). Д. 3. Камер-фурьерский журнал. Март 1881 г.

829

Кудрина Ю. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000. С. 25.

Милютин Д. А. Дневник. 1881–1882 гг. Т. IV. М., 1950. С. 25.

831

Милютин Д. А. Дневник. 1881–1882 гг. Т. IV. М., 1950. С. 29.

832

Толстая А. А. Записки фрейлины // Октябрь. 1993. № 6. С. 143.

Перетц Е. А. Дневник Государственного Секретаря. 1880–1883. М., 1927.

Богданович А. В. Дневник. Три последних самодержца. М., 1924. С. 46.

835

Богданович А. В. Дневник. Три последних самодержца. М., 1924. С. 49.

836

РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–2.

837

Цит.: по: Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1998. С. 351–352.

Коган. Кончина Императора Александра II. Рассказ фельдшера // Исторический вестник. 1913. № 1. С. 134.

839

Татищев С. Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. С. 656.

Коган. Кончина Императора Александра II. С. 134.

841

Комаров В. В. Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 г. СПб., 1882. С. 17.

Коган. Кончина Императора Александра II. С. 135.

843

РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 112. Л. 1–3.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. С. 405.

Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. С. 406.

846

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 3. Камер-фурьерский журнал. Март 1881 г. Л. 25.

847

РГИА. Ф. 516. Оп.1 (206/2703). Д. 3. Камер-фурьерский журнал. Март 1881 г. Л. 50 об.

848

Акушер Дмитрий Оскарович Отт был крупнейшим специалистом-гинекологом своего времени. Еще при Александре III, в 1893 г., был назначен директором Императорского клинического повивального института.

849

Дневник Николая II. М., 1991. С. 67.

Дневник Николая II. М., 1991. С. 104.

851

Окулист посетил императора 29, 30, 31 января, 1, 2, 4, 6, 8, 14, 21, 25, 28 февраля и 4, 13 марта 1900 г. См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 578. О выдаче лейб-окулисту Тихомирову 350 р. в вознаграждение за пользование Государя Императора. 1901 г. Л. 1.

852

Окулист посетил императора 29, 30, 31 января, 1, 2, 4, 6, 8, 14, 21, 25, 28 февраля и 4, 13 марта 1900 г. См.: РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 578. О выдаче лейб-окулисту Тихомирову 350 р. в вознаграждение за пользование Государя Императора. 1901 г. Л. 3.

853

Дневник Николая II. С. 48.

854

Дневник Николая II. С. 74.

855

РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 578. Л. 3. О выдаче лейб-окулисту Тихомирову 350 р. в вознаграждение за пользование Государя Императора. 1901 г.

856

Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 351.

857

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг. Л. 9 об.

858

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг. Л. 26 об.

859

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 31. Л. 97. О выписке из Парижа для Его Величества 12 дюжин бутылок Альпийской воды. 1847–1855 гг.

860

Астафьев В. Придворный тараканщик // Тропинки в прошлое. Волхов, 1998. С. 71.

861

Яковлева АМ. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 90.

862

Яковлева АМ. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 90.

863

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1048. Л. 1. О клопах, оказавшихся в Зимнем Дворце в квартире, отведенной для камергера нидерландской службы г. Гюса, и об арестовании смотрителя камерцалмейстерской должности за сию неисправность. 1850.

Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы… С. 97.

865

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 880. Опись комнатному имуществу, находящемуся в комнатах Государя императора Александра Александровича. 1888 г.

866

РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538. Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917 гг.

867

РГИА. Ф. 519. Оп. 3. Д. 5. Л. 2. О увольнении от Двора кухеншрейберов и определении на место их кухенных контролеров и о учреждении счетной экспедиции при Придворной конторе. 1820 г.

868

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 367. Л. 25. Опись высочайшим повелениям, в 1847 г. Придворную конторою полученным.

869

РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 65. Л. 56. Бухгалтерская книга Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. 1895–1899 гг.

См. подробнее: *Зимин И., Орехова Л., Мусаева Р.* Из истории зубоврачевания, или Кто лечил зубы российским монархам. М.; СПб., 2013.

871

См. подробнее: *Зимин И. В.* Мария Петровна Фредерике // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 140–145.

Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 52.

Штатные фрейлины получали жалованье за свою работу и жили в Зимнем дворце. Их число было ограничено. Просто фрейлин было более сотни. Это было почетное звание девиц, которое предполагало периодическое участие в дворцовых церемониях и, конечно, не предполагало получение жалованья.

Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 4. С. 56.

875

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. *Фредерикс М. П.* «Воспоминания старушки». Л. 14.

876

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. *Фредерике М. П.* «Воспоминания старушки». Л. 101.

877

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. *Фредерике М. П.* «Воспоминания старушки». Л. 101.

878

Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг. Систематический сборник материалов. Т. 1. СПб., 1881. С. 4.

879

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892. С. 3.

Среди приглашенных был сын П. А. Нарановича, А. П. Наранович, сопровождавший отца в 1864 г. в Шлезвиг-Гольштейн, очевидец сражения при Киссингене и деятельности там санитарного общества.

881

Алмазова Н. К двадцати пятилетию Российского общества Красного Креста. С. 3.

882

Алмазова Н. К двадцати пятилетию Российского общества Красного Креста. С. 3.

883

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 5.

884

Той самой Голициной, которая была осведомлена о работе М. П. Фредерикс в Крестовоздвиженской общине с начала 1860-х гг.

885

Устав, написанный карандашом, был подписан «Marthe et Marie».

886

В 1865 г. К. П. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. – сенатором, в 1872 г. – членом Государственного совета, в 1880 г. – обер-прокурором Святейшего синода.

887

В Москве в учредители вошли 84 чел. В Петербурге к 53 членам-учредителям прибавилось в марте еще 50 чел., в апреле – 31 чел. Ко времени утверждения устава «Общества» число учредителей в двух столицах достигло 218 чел. См.: Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг. Систематический сборник материалов. Т. 1. СПб., 1881. С. 3–4.

Например, под № 1 в списке значился лейб-медик Ф. Я. Карелль. Под № 2 и № 3 значились баронесса М. П. Фредерикс и М. С. Сабинина. Генерал-губернатор С.-Петербурга Ф. Ф. Трепов шел в списке Общества под № 17 (записался 28 декабря 1866 г.). Влиятельнейший П. А. Шувалов, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и руководитель III Отделения СЕИВК, которого называли «Петром Четвертым», значился под № 37 (записался 14 февраля 1867 г.). Классик отечественной медицины Н. И. Пирогов записался в Общество 16 февраля под № 47. Были в списке учредителей и другие врачи, преимущественно имевшие «выход» на придворные сферы. Среди них были лечащий врач наследника-цесаревича Г. И. Гирш (№ 58, записался 9 марта) и набирающий влияние в столичном медицинском сообществе СП. Боткин (№ 66, записался 31 марта). Лейб-медик и профессор Медико-хирургической академии Н. Ф. Здекауер значился под № 81. Будущий министр Императорского двора и председатель Красного Креста в 1904–1905 гг. кн. И. И. Воронцов-Дашков стал 73-м членом-учредителем Общества. Министр иностранных дел, канцлер князь А. И. Горчаков записался под № 75. Ближайшая наперсница императрицы Марии Александровны фрейлина А. Н. Мальцова значилась под № 90. См.: Там же. Приложения. С. 10.

889

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 6.

890

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 6.

891

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 11.

892

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 11.

893

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 11.

894

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 15.

895

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 17.

896

В письме М. П. Фредерике к князю Трубецкому в Москву упоминается, что «Ея Величество… остановила свое внимание на министре государственных имуществ А. А. Зеленом, избранию которого сочувствует большинство Общества». См.: *Алмазова Н.* К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. С. 15.

897

Зеленой Александр Алексеевич (1819–1880) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, министр государственных имуществ, член Государственного совета, член Комитета министров и Кавказского, Сибирского и Остзейского комитетов.

898

Алмазова Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892. С. 17.

Надо отметить, что М. П. Фредерике считала днем основания Российского общества Красного Креста день 14 декабря, то есть тот день, когда на ее квартире во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца состоялось первое заседание учредителей будущего Общества.

Об их дальнейшей судьбе см.: *Зимин И. В.* Мария Петровна Фредерике // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 140–145.

901

В 1829 г. фрейлине Обрезковой было назначено из Государственного казначейства по 2000 руб. ассигнациями в год с выдачей единовременно 12 000 руб. асс. из средств Кабинета Е. И. В.; в 1829 г. фрейлине Квашниной-Самариной установлена пенсия по 1000 руб. асе. в год из средств Государственного казначейства и единовременно 6000 руб. из средств Кабинета Е. И. В.; в 1829 г. фрейлине Кочетовой – пенсия в 8000 руб. в год из средств Государственного казначейства; в 1832 г. установлена пенсия дочери генерала от инфантерии фрейлине графине Сухтелен в 2000 руб. ассигнациями из Государственного казначейства и единовременно 12 000 руб. из средств Кабинета Е. И. В. См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 71. Л. 10. Об увольнении от службы фрейлин Ея Величества Государыни Императрицы баронесс Софии и Марии Фредерике и о назначении им пенсии из Государственного казначейства. 1868 г.

902

Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915. С. 12.

903

Из воспоминаний медсестры Нины Валериановны Галаниной. Радиопрограммы / Документы прошлого. Госпиталь в Зимнем дворце 25 октября 1917 года. Владимир Тольц. Электронная версия.

904

Из воспоминаний медсестры Нины Валериановны Галаниной. Радиопрограммы / Документы прошлого. Госпиталь в Зимнем дворце 25 октября 1917 года. Владимир Тольц. Электронная версия.

905

Из воспоминаний медсестры Нины Валериановны Галаниной. Радиопрограммы / Документы прошлого. Госпиталь в Зимнем дворце 25 октября 1917 года. Владимир Тольц. Электронная версия.

906

Из воспоминаний доктора Зиновьева. Радиопрограммы / Документы прошлого. Госпиталь в Зимнем дворце 25 октября 1917-го года. Владимир Тольц. Интернетверсия.

907

См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М.; СПб., 2011; *Зимин И., Соколов А.* Ювелирные сокровища Императорского двора. М.; СПб., 2013.

Известна ее родственница, также служившая при Дворе, Скороходова (урожд. Шаргородская) Матрена Константиновна (1709–1772) – камер-юнгфера императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, няня Павла I.

909

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2096.

910

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 46. Л. 4. О производстве камер-юнгферы Пильниковой сверх получаемых ею окладов по 1000 р. в год за возложенную на нее должность в хранении Государственных бриллиантов и коронных вещей. 1831–1832 гг.

911

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 гг. // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 188.

912

Юферов А. В. История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 2. М., 1925. С. 21.

913

Буранов Ю. Бриллиантовая комната // Родина. 2003. № 4. С. 98.

914

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц на 1863–1864 год. Ч. 1. СПб., 1864. С. 38.

915

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 367. Опись высочайшим повелениям, в 1847 г. Придворную конторою полученным. О увольнении камер-юнгферы Пильниковой и о поручении камер-фрау Эллис хранить государственные бриллианты.

916

Винклер К., фон. К «Воспоминаниям» г-жи Яковлевой // Исторический вестник. 1888. № 32, кн. 5. С. 512.

917

РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 539. Л. 4. О смерти камер-фрау Эллис и о поручении камер-фрау фон Винклер заведования Государственными бриллиантами. 1864 г.

918

Той самой Чоглоковой, в которую был так влюблен 10-летний Павел I.

919

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3880. Л. 275. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1767 г.

920

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 гг. Электронная версия.

921

Смирнова А. О. Из записной книжки Александры Осиповны Смирновой // Русский архив. 1890. Кн. 2. Вып. 6. С. 283–284. Интернет-версия.

922

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 574. Л. 1. О производстве пенсиона камер-фрейлине Нелидовой и отпуске придворного экипажа. 1829 г.

923

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 574. Л. 4. О производстве пенсиона камер-фрейлине Нелидовой и отпуске придворного экипажа. 1829 г.

924

Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерике // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 73.

925

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 11.

926

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 113.

927

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 50.

928

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 176.

929

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 67.

930

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 201.

931

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 205.

932

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 211.

933

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 28.

934

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 351.

935

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 453.

936

Цит. по: *Исмаил-Заде Д. И.* Княжна Туркестанова. Фрейлина Высочайшего двора. СПб., 2012. С. 223.

937

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 928. О погребении тела покойной фрейлины княжны Туркестановой на счет Придворной конторы. 1819 г.

938

Цит. по: *Белякова З.* Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2004. С. 95.

939

Цит. по: *Белякова З.* Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2004. С. 94.

940

Цит. по: *Белякова З.* Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2004. С. 83.

941

Цит. по: *Белякова З.* Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2004. С. 97.

942

Цит. по: *Белякова З.* Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2004. С. 98.

943

РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 34. Об установлении, согласно желанию Императрицы, слежки за фрейлиной Жуковской, находившейся в Зальцбурге, и намеревавшейся выехать оттуда в Англию, и далее в Индию. 1872 г. Л. 1.

944

РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 34. Об установлении, согласно желанию Императрицы, слежки за фрейлиной Жуковской, находившейся в Зальцбурге, и намеревавшейся выехать оттуда в Англию, и далее в Индию. 1872 г. Л. 3.

945

Белёвский уезд Тульской губернии был родиной его деда – В. А. Жуковского.

946

Фредерике М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 464.

947

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 49.

948

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 11.

949

Княжна Александра Сергеевна Долгорукова (1836–1913) – фрейлина императриц Александры Федоровны и Марии Александровны. Пользовалась вниманием Александра II (с нач. 1850-х до 1862 гг.). Статс-дама (1896 г.), Кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. В 1862 г. вышла замуж за П. П. Альбединского, который в мае 1862 г. был назначен командиром лейб-гвардии Гусарского полка, в январе 1865 г. – начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в марте 1866 г. – генерал-адъютантом, в октябре 1866 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен Лифляндским, Эстляндским и Курляндским генерал-губернатором и командующим войсками Рижского военного округа.

950

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 70.

951

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 5.

952

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерикс, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 69.

953

Анна Карловна Пиллар фон Пильхау (1832–1885) – правнучка М. И. Голенищева-Кутузова по материнской линии. Фрейлина императриц Александры Федоровны и Марии Александровны. А. К. Пиллар жила в Зимнем дворце при своей тетушке – Е. Ф. Тизенгаузен (1803–1883), внучке М. И. Голенищева-Кутузова, воспитательнице при детях Александра II. С 1884 г. А. К. Пиллар – гофмейстрина при великой княгине Елизавете Федоровне. В 1885 г. скоропостижно скончалась (рак?).

954

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 7.

955

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». С. 84.

956

Судя по воспоминаниям М. П. Фредерике, Николай I был категорическим противником морганатических браков: «Когда начали замышлять о браке великой княгини Марии Николаевны с графом Строгановым, то поручено было князю Алексею Федоровичу Орлову узнать, как бы Николай Павлович отнесся к этому браку. Император, не задумываясь, ответил Орлову, что для дочери довольно найдется монастырей в России, а Строганов пойдет в солдаты». См.: Там же. С. 84.

957

РГИА. Ф. 472. Оп. 39 (223/2732). Д. 78. Л. 51. О дочери поручика Марии Сергеевне Анненковой. Секретное дело. 1858–1859 гг.

958

РГИА. Ф. 472. Оп. 39 (223/2732). Д. 78. Л. 40. О дочери поручика Марии Сергеевне Анненковой. Секретное дело. 1858–1859 гг.

959

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 37. Л. 1. О сравнении комнатных девиц Государыни Императрицы Александры Федоровны в содержании с таковыми же покойной Императрицы Елизаветы Алексеевны. 1826 г.

960

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 37. Л. 7. О сравнении комнатных девиц Государыни Императрицы Александры Федоровны в содержании с таковыми же покойной Императрицы Елизаветы Алексеевны. 1826 г.

961

РГИА. Ф. 472. Оп. 15 (92/930). Д. 2. Л. 15. Об отводе разным лицам квартир в Зимнем дворце и в домах ведомства Придворной Конторы, а также в Таврическом дворце. 1865 г.

962

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1097. Л. 2. Об отпуске столовых припасов генерал-лейтенанту Паскевичу от Придворной Конторы, и об отпуске для него квартиры во дворце. 1819 г.

963

Мадеры – 2 бутылки, сенжульену – 7 бутылок, барзаку – 7 бутылок, малаги старой – 3 полубутылки, водки 1-го сорта – 1 бутылка, пива 1-го сорта – 7 бутылок, пива 2-го сорта – 7 бутылок, меду клюквенного – 7 бутылок, меду белого – 7 бутылок, кислых щтей приборных – 14 бутылок.

964

Другие продукты (ежедневно): сахару кенарского – $^1/_4$ фунта, перцу черного – 6 золотников, сыру швейцарского – 1 фунт, горчицы сухой – $^1/_2$ фунта, масла прованского – $^1/_4$ бутылки, спирту – 3 кружки, хлебов кислосладких – 10, хлебов ситных – 10, булок круглых – 10, уксусу ренского – 2 кружки, сливок густых – 1 кружка, молока – 7 кружек, масла сливочного – 2 фунта.

965

Сахару кенарского – 10 фунтов, кофе синяго – 6 фунтов, чаю цветочного – 1 фунт, сливок густых – 28 бутылок.

966

Свечей восковых одинарных – 9 шт., свечей восковых ночных желтых – 1 шт., свечей сальных – 12 шт.

967

РГИА. Ф. 472. Оп. 15. Д. 60. Л. 1. По вексельной претензии Действительного Статского Советника Жданова на камер-юнгферу Государыни Императрицы Макушину. Секретно. 1867 г.

См. подробнее: *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. М., 2011.

969

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 530. О военно-пленном турке Магомед-умер, предназначенном к определению к Высочайшему двору. 1829 г. Л. 1.

970

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 530. О военно-пленном турке Магомед-умер, предназначенном к определению к Высочайшему двору. 1829 г. Л. 1.

971

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 342. Л. 2. О негре Балела, наименовавшим себя подпоручиком Перловым служащим при Зимнем Дворце. 1843 г.

972

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 329. Л. 10. О форме галстуков придворных служителей. 1855 г.

973

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 22. О детях мастеровых Мастеровой роты Зимнего дворца, долженствующих поступать для воспитания в школу мастеровых и потом комплектовать роту. 1840 г.

974

10 августа 1762 г. О выдаче обер-архитектору графу Растрелли в награждение пожалованных ему 5000 руб.

Зимин И. В. Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917 гг. М.; СПб., 2012. С. 25.

976

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3875. Л. 5. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1764 г. В настоящее время этот портрет экспонируется в одном из залов ГМЗ Петергоф.

977

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3878. Л. 5. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1766 г.

978

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3893. Л. 16. Именные Ея Императорского Величества указы за 1778 г.

979

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3886. Л. 12. Реестр именным Ея императорского величества указам за 1771 г.

980

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 10. О заплате денег Аангличанке Робертсон, за написанные ею портреты с Их Императорских Величеств. 1840–1852 гг. Л. 5.

981

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 10. О заплате денег Аангличанке Робертсон, за написанные ею портреты с Их Императорских Величеств. 1840–1852 гг. Л. 6.

982

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 10. Л. 27. О заплате денег англичанке Робертсон, за написанные ею портреты с Их Императорских Величеств. 1840–1852 гг.

983

Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1901. Кн. III. С. 451.

984

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 10. Л. 23. О заплате денег англичанке Робертсон, за написанные ею портреты с Их Императорских Величеств. 1840–1852 гг.

985

«.. Предлагаю Кабинету выдать г-же Робертсон ту сумму, как назначила она в своем счете».

986

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 10. О заплате денег англичанке Робертсон, за написанные ею портреты с Их Императорских Величеств. 1840–1852 гг. Л. 40.

987

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (2/934). Д. 10. О заплате денег англичанке Робертсон, за написанные ею портреты с Их Императорских Величеств. 1840–1852 гг. Л. 46.

988

Цит. по: *Ренне Б.* Придворный художник Кристина Робертсон // Наше наследие. 2000. № 55.

989

Управляющий Аничковым дворцом.

990

Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году // Русский архив. 1865. Кн. 2. С. 1201.

991

Янченко С. Ф. Большая церковь Зимнего дворца. СПб., 2009. С. 40.

992

РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (3/935). Д. 392. Л. 2. О картине Рафаэля, под именем La Vierge aux Lauriers. 1842 г.

993

РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (112/949). Д. 117. Относительно приобретения в Париже из Галереи Крожа оригинальной картины Леонарда да Винчи, изображающей Герцога Сфорца в виде св. Севастиана. 1859–1861 гг. Л. 2.

994

РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (112/949). Д. 117. Относительно приобретения в Париже из Галереи Крожа оригинальной картины Леонарда да Винчи, изображающей Герцога Сфорца в виде св. Севастиана. 1859–1861 гг. Л. 3.

995

РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (112/949). Д. 117. Относительно приобретения в Париже из Галереи Крожа оригинальной картины Леонарда да Винчи, изображающей Герцога Сфорца в виде св. Севастиана. 1859–1861 гг. Л. 10.

996

РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (112/949). Д. 117. Относительно приобретения в Париже из Галереи Крожа оригинальной картины Леонарда да Винчи, изображающей Герцога Сфорца в виде св. Севастиана. 1859–1861 гг. Л. 58.

997

В настоящее время картина Бернардино Луини «Св. Себастьян» (холст, переведена с дерева, масло, 196 х 106 см), приобретенная у антиквара Вольсея Моро в Париже в 1860 г., хранится в Государственном Эрмитаже.

998

Васютинский Антон Федорович (1858–1935) – художник, скульптор-медальер, резчик. С 1893 г. – старший медальер Санкт-Петербургского монетного двора. Эти эскизы впоследствии были использованы для чеканки монет, в том числе золотых, с профилем Николая II.

999

31 января 1895 г.: «Опять сидел час, пока те же трое меня рисовали и лепили»; 2 февраля: «Опять посидел у художников до $3^1/_4$»; 6 февраля: «Сидел у Репина и Антокольского»; 13 февраля: «Сидел почти час у художников»; 23 февраля: «В последний раз сидел у художников».

1000

Бернштам Леопольд Адольфович (1859–1939) – российский скульптор-портретист.

1001

Министру Императорского двора В. Б. Фредериксу.

1002

Сюжеты, связанные с дворцовыми кражами упоминаются: *Зимин И.* Детский мир императорских резиденций. М.; СПб., 2011; *Зимин И., Соколов А.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М.; СПб., 2013.

1003

Сапожников Д. Кража в кабинете императрицы Елисаветы Петровны // Русский архив. 1886. Кн. 2, вып. 6. С. 335.

1004

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2099.

1005

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2121.

1006

ПСЗРИ. 1-е изд. Т. 19. 1771. № 13. 603. О запрещении бить придворных ливрейных служителей.

1007

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279. Л. 82. Высочайшие указы. 1827.

1008

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 367. Опись высочайшим повелениям, в 1847 г. Придворную конторою полученным.

1009

Дежене (от *фр.* dejeuner) – завтракать, сервиз для завтрака.

1010

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 259. Л. 1. О похищении из Сервизной Высочайшего двора серебряной посуды. 1843–1844 гг.

1011

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 259. О похищении из Сервизной Высочайшего двора серебряной посуды. 1843–1844 гг. Л. 16.

1012

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 259. О похищении из Сервизной Высочайшего двора серебряной посуды. 1843–1844 гг. Л. 31.

1013

В списке коллекции значились золотые монеты: прусский двойной фридрихсдор 1801 г.; прусский фридрихсдор 1750 г.; пармская 40-франковая монета 1815 г.; французская 40-франковая монета 1834 г.; червонец княжества Ценбург 1811 г.; русский полуимпериал 1839 г.; французская 20-франковая монета 1812 г.; гессенская монета в 10 гульденов 1821 г.; то же 1840 г.; то же 1842 г.; гессенская охотничья монета с оленем без года; графства Стомбергского таковая же 1784 г.; голландский червонец 1840 г.; венгерский червонец 1838 г.; австрийский червонец 1787 г.; голландская монета в 10 гульденов 1840 г.

1014

РГИА. Ф. 472. Оп. 3. Д. 411. Л. 1. О похищении золотых монет из комнат, занимаемых принцем Гессен Дармштадтским в Зимнем дворце. 1844 г.

1015

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 22. Л. 7. О ссылке камер-медхен Опочининой в монастырь. 1854 г.

1016

Свято-Троицкий Белбажский монастырь – действующий православный скит Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря. Расположен в селе Белбаж Ковернинского района Нижегородской области, в 350 км от Дивеева.

1017

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 22. О ссылке камер-медхен Опочининой в монастырь. 1854 г. Л. 23 об.

1018

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 22. О ссылке камер-медхен Опочининой в монастырь. 1854 г. Л. 1.

1019

РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 22. О ссылке камер-медхен Опочининой в монастырь. 1854 г. Л. 23 об.

1020

Цит. по: *Суслов А. В.* Эрмитаж. Краткий исторический очерк. Л., 1927. С. 49.

1021

Цит. по: *Суслов А. В.* Эрмитаж. Краткий исторический очерк. Л., 1927. С. 42.

1022

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 129. О пропаже в Зимнем дворце портрета покойной великой княгини Екатерины Павловны и картины работы Мейера. 1872–1873 гг. Л. 1.

1023

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 129. О пропаже в Зимнем дворце портрета покойной великой княгини Екатерины Павловны и картины работы Мейера. 1872–1873 гг. Л. 26 об.

1024

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 129. О пропаже в Зимнем дворце портрета покойной великой княгини Екатерины Павловны и картины работы Мейера. 1872–1873 гг. Л. 32.

1025

РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 67. Л. 1. С секретной перепиской о фрейлине Елизавете Николаевне Петрищевой. 1868–1872 гг.

1026

В 1862 г. Петрищева получила безвозвратное пособие из Кабинета в 3000 руб.; в 1866 г. Петрищевой выдали беспроцентную ссуду из Кабинета в 5000 руб.

1027

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 793. Л. 1. О личном задержании бывшей фрейлины Елизаветы Петрищевой. 1879 г.

1028

ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 54. 1879. № 59374. Об отмене личного задержания, как способа взыскания с неисправных должников.

1029

То есть братьям императрицы Марии Федоровны.

1030

Цит. по: *Чижова И. Б.* Пять императриц. Петербургская культура XVIII века. СПб., 2002. С. 346–347. По поводу этого письма Павла Петровича идут дискуссии о его подлинности. Вполне возможно, что это такой же «подлинник», как и «Дневник Вырубовой», сочиненный в конце 1920-х гг.

1031

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 376. Л. 3. Об отпуске из Кабинета на воспитание 2-х сыновей камер-фурьера Бабкина по 1500 руб. в год на каждого. 1828 г.

1032

Бабкин Григорий Данилович (1804–1888) – генерал от инфантерии. В июне 1821 г. поступил юнкером в л. – гв. Семеновский полк, где через два года был произведен в прапорщики. Выступив с полком в турецкий поход 1828 г., он переправился через Дунай и участвовал в осаде Варны, а затем, в сентябре того же года, находился в рядах войск, атаковавших турецкий укрепленный лагерь и овладевших им. В 1831 г. принял участие в польской войне, и здесь за отличие в сражении при переправе через р. Нарев награжден орденом Св. Анны III ст. с бантом, а за штурм Варшавы – орденом Св. Владимира IV ст. с бантом же. В 1840 г. Бабкин прикомандирован к л. – гв. Преображенскому полку и произведен в полковники. В 1848 г. назначен командиром пехотного принца Прусского полка (позднее 5-й Калужский полк) и в 1849 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 4-й пехотной дивизии. В Крымскую войну 1853–1856 гг. Бабкин находился в Крыму, где, командуя 4-й пехотной дивизией, участвовал в сражении 4 августа на р. Черной; на другой день перешел с дивизий на южную сторону Севастополя и остался там до выступления гарнизона. В 1856 г. Бабкин командовал запасной дивизией гренадерского корпуса, затем резервной дивизией 9-го армейского корпуса, а в 1858 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником резервной дивизии 2-го армейского корпуса. В 1867 г. Бабкин командовал 25-й пехотной дивизией, в 1864 г. зачислен в запас, в июле 1869 г. назначен бобруйским комендантом, а четыре года спустя зачислен членом Александровского комитета о раненых; в этом звании Бабкин оставался до смерти.

Бабкин Александр Данилович (1809–1858) – полковник л. – гв. Семеновского полка, был награжден орденом Св. Станислава IV степени, похоронен на Гатчинском кладбище.

Бабкин Николай Данилович (1819–1887) – генерал-лейтенант.

1033

Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева // Голос минувшего. 1918. № 7–9.

1034

Следует иметь в виду, что цитируемое письмо Павла I является копией с копии, оно якобы было найдено сыном графа Ростопчина. Он передал найденную копию через графа А. Х. Бенкендорфа императору Николаю I. Об этом эпизоде упоминает естественный недоброжелатель Николая I, декабрист Бригген (см.: Отрывок из мемуаров декабриста Александра Федоровича фон дер Бриггена). Крупнейший специалист Н. Я. Эйдельман (см.: Герцен против самодержавия) считал, что это письмо – подделка, изготовленная уже в советский период.

1035

Электричество и водопровод работали исправно, большевики сумели отключить только телефоны во дворце.

1036

Мемуарист, видимо, имеет в виду 4 часа пополудни 25 октября 1917 г. В это время большевики только блокировали по периметру Зимний дворец и никаких боевых действий не вели. Временное правительство было арестовано в Белой столовой в 2 часа 10 мин. ночи 26 октября 1917 г.

1037

Как известно, при штурме Зимнего дворца погибли 6 человек.

1038

Прюссинг О., фон. Защита Зимнего дворца // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. М., 2001.

1039

В официальных документах упоминается именно этот термин.

1040

РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 45. Л. 9. О допущении разных лиц к осмотру Императорского Зимнего дворца. 1884 г.

1041

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 16. Л. 2, 4, 5. Переписка о разрешении экскурсий учащихся в Зимний дворец, о выдаче картин для выставок и о сборе денег в пользу «Общества защиты детей от жестокого обращения». 1913 г.

1042

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 16. Л. 8,13.

1043

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 16. Л. 17, 18.

1044

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 196. Л. 2. О разрешении фотографировать помещения Зимнего дворца. 1908 г.

1045

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 196. Л. 10.

1046

О разных животных, живших как в императорских резиденциях, так и рядом с ними, можно посмотреть: *Зимин И.* Взрослый мир императорских резиденций. М.; СПб., 2010; *Девятое С., Жиляев В., Зимин И., Кайкова О., Сухарникова* Т. Охота и политика. Десять веков русской охоты. М., 2009.

1047

Великая княгиня Елизавета Алексеевна, с марта 1801 г. – императрица, супруга Александра I.

1048

Головина В. Н. Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911.

1049

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870 г. М., 1871. Стб. 2079.

1050

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870 г. М., 1871. Стб. 2084.

1051

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3876. Л. 265. Реестр Именным Ея Императорского Величества указам. 1765 г.

1052

РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 275. Л. 1. О собаках, привезенных из Турции для Государя Императора и о подарке, присланном с оными, Губернскому регистратору Степановичу. 1817 г.

1053

Няня-англичанка императора Александра I, ставшая впоследствии камер-фрау императрицы Елизаветы Алексеевны.

1054

РГИА. Ф. 1338. Оп. 3. Д. 68. Л. 3. Об исправлении памятника Собаки Гарсона, находящегося в Саду Собственного Дворца. 1847 г.

1055

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 71.

1056

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 71.

1057

ОР РНБ. Ф. 432. Д. 16. Ч. 3. М. П. Фредерике, баронесса. «Воспоминания старушки». Л. 72.

1058

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 828. Л. 1. Об удалении собак и кошек из придворных зданий. 1880 г.

1059

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 828. Л. 6.

1060

Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 224.

1061

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 793. Л. 2. О присылке из Царскосельской фермы дойной коровы для Государыни Императрицы. 1829 г.

1062

РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 367. Опись высочайшим повелениям в 1847 г. Придворную конторою полученным.

1063

Сон юности. Электронная версия.

1064

РГИА. Ф. 272. Оп. 2. Д. 197. Л. 2. О присылке дойной ослицы из Гатчины. 1831 г.

1065

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 135. Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 1.

1066

Указ императрицы Елизаветы о высылке ко двору мартышки // Русская старина. 1871. Т. 4. № 11. С. 587–588.

1067

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 380. Л. 1. О покупке золотых рыбок. 1843 г.

1068

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 191. Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

1069

Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой. Стб. 2079.

1070

Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 гг. // Русский архив. 1864 г. Электронная версия.

1071

Фонтан висячего сада Малого Эрмитажа создан итальянским скульптором Феличе де Фово.

1072

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 8, 12–12 об., 21. Книга прихода и расхода денежной суммы в. к. Николая Павловича 1801 г.

1073

ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1052. Л. 15. Книга расхода и прихода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1803 г.

1074

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1034. Л. 1. О попугаях, купленных для Эрмитажа. 1837 г.

1075

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1034. Л. 2.

1076

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 385. Л. 1. О помещении американских птиц в садиках Зимнего дворца. 1843 г.

1077

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 144. Л. 1. Об исправлении клеток в садиках Зимнего дворца. 1841 г.

1078

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 385. Л. 5. О помещении американских птиц в садиках Зимнего дворца. 1843 г.

1079

РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 385. Л. 7.

1080

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 135. Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903 г. Ч. 1.

1081

РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 951. Л. 8. О ревизии находящихся в Зимнем Дворце кладовых Придворной Его Величества Конторы. 1881–1882 гг.

1082

Толстой Д. И. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже // Российский архив. СПб.; М., 1992. Т. II–III. С. 335.

1083

Журналы заседаний Временного правительства. Март-апрель 1917 года. Т. 1. М., 2001. С. 27.

1084

Журналы заседаний Временного правительства. Март-апрель 1917 года. Т. 1. М., 2001. С. 34.

1085

Журналы заседаний Временного правительства. Март-апрель 1917 года. Т. 1. М., 2001. С. 355.

1086

См. подробнее: *Зимин И. В.* Царские деньги. М.; СПб., 2011.

1087

РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1574. Л. 1. Постановление Юридической комиссии по разграничению личного имущества Николая II и членов его семьи от имущества Государственного, о правах владения Павловским имением и Мраморным дворцом. 30 мая 1917 г.

1088

РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1410. Л. 1, 5. О принятии из бывших учреждений Министерства Двора на хранение в Камеральную часть разных ценных вещей, составляющих собственность бывшего Императора и Императрицы. 1917 г.

1089

Пасхальное яйцо «Бутон розы» 1895 г.; Пасхальное яйцо «с крутящимися миниатюрами» из белого горного хрусталя 1896 г.; Пасхальное яйцо «Коронационное» 1897 г.; Пасхальное яйцо «Ландыш» 1898 г.; Пасхальное яйцо-часы 1899 г.; Пасхальное яйцо «Великий Сибирский железный путь к 1900 году»; Пасхальное яйцо «Корзина полевых цветов» 1901 г.; Пасхальное яйцо «Клевер» 1902 г.; Пасхальное яйцо «Император Петр Великий» 1903 г.; Пасхальное яйцо «с решеткой и розами» 1907 г.

1090

Зимин И. В. Сокровища Фаберже: «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1917 г. // Антиквариат. 2011. № 3. С. 106–115.

В ее состав входили: В. А. Верещагин (председатель), Н. Г. Пиотровский, Б. А. Надеждин, С. Р. Эрнст, делопроизводитель А. А. Труханов, переписчица М. К. Ясинская. Помощь Комиссии оказывал смотритель комнатного имущества Зимнего дворца Н. Н. Дементьев. По решению Российской Академии наук от 9 августа 1917 г., в работе Комиссии по приемке имущества Петроградского Дворцового управления приняли участие академики А. С. Лаппо-Данилевский и М. И. Ростовцев.

1092

Толстой Д. И. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже. С. 346.

1093

В числе прочего имущества из Петрограда вывозились 34 ящика с серебряными блюдами (из Бриллиантовой кладовой) и 2 ящика с тронами. Сопровождали вагон служащий Зимнего дворца К. Александров и служитель-носильщик О. Павловский, а также 7 сторожей – А. Акимов, В. Дороднев, И. Терентьев, Р. Новиков, Ф. Кириченко, В. Стрельцов и Я. Золотов.

1094

РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1408. Л. 21. Переписка с Петроградским Дворцовым управлением об эвакуации имущества из бриллиантовой кладовой Зимнего дворца в Москву. 1917 г.

1095

Сушко В. Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года. Электронная версия.

1096

17 мая 1917 г. в коридоре «Четвертой» запасной половины была срезана ткань с 5 секций ширм и с дивана. Следует напомнить, что именно в этих помещениях находилась Бриллиантовая комната. При расследовании справедливо предположили, что это было сделано караульными солдатами. В августе 1917 г. пропало белье (простыни, наволочки, полотенца) у офицеров, квартировавших в Зимнем дворце. Тогда же срезали кожу с кресел и дивана в квартире статс-дамы Нарышкиной. В дни «корниловщины» (24 августа 1917 г.) в помещении, отведенном для гвардейского Петроградского полка, были сбиты замки и похищены наволочки для матрацев и одеяла (34 шт.). Выявить виновных, естественно, не удалось. 29 сентября 1917 г. из квартиры № 15 Фрейлинского коридора пропали две пары оконных занавесей, но личные вещи фрейлины похитители не тронули. 2 октября 1917 г. унесли две полузанавески из проходных комнат бывшей половины императрицы Александры Федоровны. См.: РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 67. Л. 15. Рапорта смотрителей Зимнего дворца и комнатного имущества и переписка о краже имущества. Сведения о повреждении имущества во время Октябрьского штурма Зимнего дворца. 1917–1918 гг.

1097

Старцев В. И. Штурм Зимнего: документальный очерк. Л., 1987. С. 25–26.

1098

Рид Дж. Перед наступлением во дворце Красный Октябрь в воспоминаниях и рассказах для детей старшего возраста и юношества. Пг., 1917. Электронная версия.

1099

Прюссинг О., фон. Защита Зимнего дворца // Сопротивление большевизму 1917–1918 гг. М., 2001. Электронная версия.

1100

Это была Белая столовая, три окна которой выходят на маленький внутренний двор.

1101

Малянтович П. Н. В Зимнем Дворце 25–26 октября 1917 года. Воспоминания министра Временного правительства // Былое. 1917. № 12.

1102

Толстой Д. И. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже. С. 350.

1103

Старцев В. И. Штурм Зимнего. С. 105.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 98–99.

1105

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 98–99.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 100.

1107

Цит. по: *Сушко В. Т.* Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года. Электронная версия.

1108

На доступной высоте *(фр.)*.

1109

Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1918 гг. М., 2003.

1110

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2006. С. 221.

1111

Сушко В. Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года. Электронная версия.

1112

Сушко В. Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года. Электронная версия.

1113

Сушко В. Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года. Электронная версия.

1114

Сушко В. Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года. Электронная версия.

1115

РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 67. Л. 45–48. Рапорта смотрителей Зимнего дворца о кражах имущества, о повреждении во время Октябрьского штурма Зимнего дворца. 1917–1918 гг.

1116

Толстой Д. И. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже. С. 351.

1117

Толстой Д. И. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже. С. 351.